

Д.Б. Павлов

Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море

ПОРТ-АРТУР
Броненосцев — 7
Крейсеров — 7
Эсминцев — 25

2А ОКУ
40ТЧ

4А ПОДЗУ

Гензан

КОРЕЯ

1А КУРОКИ
40ТЧ

Сеул

Чемульпо
крейс. ВАРЯГ
ан. л. КОРЕЕЦ

Мизампо

Фузан

Броненосцев — 6
Крейсеров — 20
Эсминцев — 47

ЦУСИМА
ЦУСИМСКИЙ ПРОЛ.

Сасебо

МАСШТАБ

Павлов И.
Русско-японская война 1904–1905 гг.
Секретные операции на суше и на море

Памяти Кита Нейлсона – ученого и друга

Предисловие ко второму изданию

С момента выхода в свет первого издания моей книги в декабре 2004 г. минуло свыше десяти лет. За прошедшие годы пишущий эти строки получил много читательских писем с выражением благодарности, разного рода комментариями по содержанию работы, замечаниями и пожеланиями, которые в этом, втором, издании постарался максимально учесть; исправлены также мелкие неточности и погрешности первого издания. Историки Р.В. Кондратенко, И.В. Лукоянов и И.С. Рыбачёнок выступили в профессиональной печати с рецензиями на мою работу¹. Им и всем другим своим рецензентам из числа заинтересованных читателей приношу свою искреннюю благодарность.

За прошедший период опубликован ряд новых исследований по истории русско-японской войны 1904—1905 гг., которые нельзя было не учесть при подготовке к печати обновленного текста. Значительно большее внимание, чем прежде, во втором издании уделено проблемам информационных войн, а также складыванию международного имиджа России – вопросам, которые приобрели необычайную остроту в свете абхазских и особенно украинских событий последних лет. Наконец, автору этих строк хотелось поделиться результатами своих архивных разысканий по интересующей его теме, которые продолжались все это время. Надеюсь, что настоящее сочинение будет встречено читателями столь же тепло и заинтересованно, как его отдельные главы, не так давно опубликованные издательством «Вече» в виде самостоятельных книг².

К сожалению, мой призыв к соотечественникам организовать подводную экспедицию в Северное море для поиска и изучения остатков японских миноносцев, затонувших в октябре 1904 г. на Доггер-банке и, вероятно, покоящихся там до сих пор, пока не нашел читательского отклика. Остается надеяться, что со временем все-таки он будет услышан, и одной тайной в «секретных операциях на суше и на море» в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. станет меньше.

Для появления этой книги много сделали мои давние добрые знакомые – японский профессор-историк Инаба Чихару и канадский

исследователь Кит Нейлсон, ушедший из жизни в апреле 2015 г. Его памяти я и посвящаю эту книгу. Отдельные слова благодарности – коллегам-историкам, ученым Института российской истории РАН, а также сотрудникам японского Центра славяноевразийских исследований университета Хоккайдо (Саппоро), при любезном содействии которых пишуций эти строки, будучи в Японии, получил возможность внимательно изучить документальные и печатные материалы, отсутствующие в российских библиотеках и архивах. Историк Т.А. Филиппова щедро поделилась со мной материалами своей коллекции карикатур. Чувствую себя в долгу и перед подлинными подвижниками и незаменимыми помощниками – сотрудниками московских и петербургских архивов и библиотек, в которых в общей сложности проработал годы.

Д. Павлов

Москва, декабрь 2015 г.

Введение

Русско-японский вооруженный конфликт 1904—1905 гг. был давно предсказан, но его начало для многих современников все равно явилось неожиданностью. Война привлекла к себе пристальное внимание обозревателей и аналитиков и вызвала поток публикаций, авторов которых занимали как проблемы ее долгосрочных геополитических последствий, так и ближайших социально-политических результатов. Ожидалось, что итогом этого первого крупного военного конфликта наступившего XX в. и эпохи империализма, первого масштабного столкновения европейской великой державы с азиатским государством, как минимум, станет падение Российской империи и свержение самодержавия, появление на Дальнем Востоке новой великой державы и, как следствие, – коренная перегруппировка сил на мировой политической арене. Предчувствия, что русско-японский конфликт «обратится в страшную драму» общеевропейского масштаба, если не в мировой катаклизм, посещали, например, Пьера Леруа-Болье (P. Leroy-Beaulieu), издателя почтенного академического ежемесячника «L'Économiste Français». Однако самые смелые предсказания исходили от представителей крайних – «левого» и «правого» – общественно-политических лагерей. Анархист и географ Элизе Реклю (J.É. Reclus) назвал русско-японскую войну «одним из величайших конфликтов в мировой истории», политические, социальные и экономические последствия которого сравнимы с нашествием гуннов в IV в. н.э. или с великим переселением народов. Этот француз считал японцев «передовым отрядом панмонголизма», а сам русско-японский конфликт – столкновением рас, «коллизией двух антагонистических миров, белого и желтого», с неясным и труднопредсказуемым результатом³. А.Л. Парвус-Гельфанд в социал-демократической «Искре», выражая чаяния всего российского революционного лагеря, полагал неизбежным перерастание этой войны в мировую с последующим падением российского самодержавия⁴.

Тему «желтой опасности», угрожающей европейской цивилизации, на страницах «Нового времени», «России», «С.-Петербургских

ведомостей» и других российских газет развивали консервативные и крайне правые публицисты – Г.С. Веселитский-Божидарович (псевдоним «Аргус»), с 1892 г. живший в Лондоне и в дальнейшем служивший в британском Форин офис, С.Н. Сыромятников («Сигма»), бывший помощник военного атташе в Китае капитан (впоследствии генерал-майор) А.Е. Едрихин («Вандам»), близкий ко двору публицист князь Э.Э. Ухтомский («Asiaticus»), писатель-востоковед Д.Г. Янчевецкий и др. К этой же теме периодически обращались и западноевропейские аналитики, особенно в Германии, реже – во Франции, Великобритании и США. Советская историография, верная традициям своих предшественников-революционеров начала века, и через 20 лет после окончания этой войны продолжала горячо приветствовать «пробуждение Востока», совершенно игнорируя его националистические черты и усматривая в нем исключительно классовый смысл. «Недаром же вся буржуазная пресса изо дня в день вопит о “московитской опасности”, “о поднимающейся волне организованного варварства низших рас”, “о новом падении западной Римской империи” и о “надвигающейся тьме нового средневековья”, – писал в 1926 г. советский журналист-востоковед К.А. Харнский. – Мы не боимся слов и умеем переводить жупелы на трезвый язык. Азия не “просыпается”. Она уже давно “проснулась”, и уже не фантастична картина ожидаемого единого фронта от Индии до Японского моря. Он уже строится»⁵. Все эти апокалиптические видения и политически небескорыстные пророчества так, впрочем, и остались тогда фигурами речи.

Вместе с тем, во многих отношениях русско-японская война 1904—1905 гг. действительно открыла новую эпоху. Империалистическая и захватническая с обеих сторон, по ряду своих параметров она по праву может считаться первой. «В этой большой войне европейской великой державы с поднимающейся азиатской, – отмечает американский историк Ц. Хасегава, – стороны в совокупности мобилизовали 2,5 млн солдат и использовали современную технику, порождение индустриальной революции, – железные дороги, средства связи, стальные и движимые паром суда, оснащенные крупнокалиберной артиллерией, торпедами и минами, современное вооружение»⁶. В сфере военного искусства эта война знаменовала собой переход к новой стратегии и дала мощный импульс совершенствованию

сухопутного и военно-морского оперативно-тактического мастерства⁷. Не удивительно, что военные и морские штабы не только самих участников конфликта, но и многих других государств – Англии, США, Германии, Франции, Италии, Испании – вскоре после его окончания подготовили и опубликовали многотомные исследования этой войны⁸. В этом же ряду находится невиданный доселе масштаб, характер и разнообразие секретных разведывательных, контрразведывательных, подрывных, пропагандистских и контрпропагандистских операций конфликтующих сторон, которым и посвящена настоящая книга. Речь в ней пойдет как о принципах и способах организации наблюдения за деятельностью японских разведчиков, технике этой работы, так и о наиболее крупных акциях России и Японии главным образом в сфере стратегической, дальней, или внешней разведки, контрразведки, пропаганды и контрпропаганды. Специальный раздел посвящен их идейно-пропагандистскому соперничеству на мировой арене, на тот момент по своим масштабам также не имевшему прецедентов в мировой истории.

Русско-японская война отнюдь не обойдена вниманием исследователей⁹. В обширной литературе, посвященной ее истории, давно утвердилось мнение о выдающейся роли в ней японской разведки. Секретные операции японцев отличались таким масштабом и эффективностью, что дали повод одному из авторитетных зарубежных специалистов по истории этой войны включить их в число трех основных факторов, обеспечивших победу Японии над ее могучим соседом¹⁰. «Тщательное сохранение тайны и умелая организация шпионажа, – писал о японцах профессор Академии Генштаба РККА, – в огромной степени способствовали их успеху в русско-японской войне»¹¹. Что же касается российской разведки и контрразведки, особенно тайной (агентурной) политической и военно-политической, то она до последнего времени незаслуженно находилась вне поля зрения историков или же рассматривалась ими поверхностно и оценивалась пристрастно¹². Пропагандистские и контрпропагандистские операции конфликтующих сторон, включая как публичную, так и секретную их часть, также изучены недостаточно и в большинстве остаются не известны.

Отечественная историография интересующих нас проблем в полном смысле слова начала складываться только в 1990-е годы. Но если

отбросить околонуучную литературу, которая в последнее время расплодилась у нас в невероятном количестве, на сегодняшний день можно назвать всего несколько произведений, в основном обзорного характера, вышедших из-под пера сотрудников отечественных спецслужб¹³, и немногочисленные документальные публикации¹⁴. Одним из отрицательных последствий сложившегося «ведомственного» подхода к изучению интересующих нас сюжетов является то, что авторы этих трудов обычно лучше ориентируются в истории «своих» учреждений, нередко не зная, недооценивая или прямо унижительно отзываясь о деятельности других. Отсюда проистекают многочисленные недомолвки, недоговоренности, а порой и грубые ошибки в изложении работы российских разведывательных органов в 1904—1905 гг. Общей картины их деятельности до сих пор нет.

Профессиональные историки к этой теме обращаются редко¹⁵. Возможно, в силу того, что она не только требует от исследователя специальных знаний, но и весьма трудоемка. Разведывательные и контрразведывательные операции всегда осуществляются в связи с другими, более крупными событиями внутригосударственной и международной жизни, вызваны ими или сопутствуют им, и интересующий нас период в этом смысле не исключение. События, о которых пойдет речь, охватили десятки стран мира, в них оказались вовлечены или к ним непосредственно причастны тысячи людей, сотни разнообразных учреждений и организаций – временных и постоянно действовавших, государственных и общественных, как официальных и, конечно, легальных, так и глубоко законспирированных, тайных и подпольных. Не менее важен и «субъективный фактор». История разведки – это столкновение и часто весьма прихотливое переплетение человеческих темпераментов, психологий, карьер и судеб. Примем также во внимание сугубо секретный характер контрразведывательных операций, практически отсутствие полной и безусловно достоверной информации о них, а, значит, и необходимость многократных многосторонних перепроверок и сопоставлений имеющихся свидетельств и фактов. Прибавим, наконец, разбросанность информации по многочисленным библиотекам и фондам архивов многих стран мира и ее фрагментарность. В общем, изначально любой из сюжетов,

исследованных в этой книге, это уравнение со многими неизвестными, головоломка, в которой недостает сразу нескольких частей. Таковы источниковедческие будни историка секретных служб. Одновременно, в силу только что перечисленных причин, историю «секретных операций» невозможно представить целостно, игнорируя междисциплинарный подход к историческому материалу, о котором в последние годы так много говорится в мировой историографии, без опоры на методы как традиционной политической или дипломатической истории, так и социальной и культурологической.

Что касается отечественных исследований русско-японской войны обобщающего характера, то последняя серьезная работа такого рода – коллективная монография под редакцией покойного профессора И.И. Ростунова – была опубликована около сорока лет назад, в 1977 г. С тех пор развитие этой историографии, увы, идет по нисходящей, и некоторые новейшие публикации иначе как курьезом не назовешь. Вновь изданные обобщающие работы, за редким исключением, представляют собой либо перепечатки исследований, опубликованных десятки лет назад, либо сильно беллетризованные биографии героев войны, либо переводные сочинения зарубежных авторов¹⁶. В мировой историографии появилась заявка на новизну и общеконцептуального плана: усилиями большой группы историков, авторов одноименного двухтомного коллективного труда, русско-японская война без достаточных, как нам кажется, оснований, «возведена» в «Нулевую мировую» (*World War Zero*)¹⁷.

В итоге одни события этой войны остаются по сию пору неизвестными, другие за прошедшие сто с лишним лет, напротив, столько раз подвергались перетолкованию, что изменились почти до неузнаваемости. Неверно трактована, неполно описана и потому должным образом не осмыслена и не оценена самая масштабная в годы войны операция русской контрразведки – охрана и обеспечение безопасного плавания 2-й Тихоокеанской эскадры из Европы на Дальний Восток (этот сюжет рассмотрен в главе II настоящей книги). В течение большей части минувшего столетия отечественная историография находилась в полном неведении относительно контактов российских революционеров с японским правительством (см. главу III), ничего не было известно о деятельности наиболее успешной разведывательной организации России на Дальнем

Востоке – «шанхайской агентуры» дипломата А.И. Павлова (глава IV); русско-японское идейно-пропагандистское соперничество на международной арене в годы этой войны также еще специально не изучалось – идет ли речь об организации либо об идеологическом «наполнении» этой работы (см. главу V). Что касается более частных сюжетов, то наиболее яркими примерами неверного толкования являются знаменитый «гульский инцидент», его международное расследование и связанные с ними обстоятельства.

Свою задачу автор видел в том, чтобы, с одной стороны, заполнить все еще остающиеся «белые пятна» русско-японской войны, а, с другой, – очистить историческое полотно от позднейшей «патины» и восстановить подлинный ход, смысл и значение интересующих его событий, разумеется – в очерченных тематических рамках.

* * *

Для начала поговорим о том, как в начале XX в. были организованы разведывательная и контрразведывательная службы Российской империи. Единого учреждения с такими функциями в России не существовало, и руководство ею было сосредоточено в руках сразу нескольких центральных ведомств: управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба, Главного морского штаба, Министерства финансов, МИД и, конечно, Департамента полиции Министерства внутренних дел. К начальнику военно-статистического отдела иностранных государств управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-майору В.П. Целебровскому стекалась информация от 20-ти российских военных атташе («агентов») в 21-й зарубежной стране; начальник Главного морского штаба контр-адмирал З.П. Рожественский, а затем его помощник контр-адмирал А.А. Вирениус таким же образом контролировали и направляли деятельность военно-морских атташе; в Министерстве финансов, МИД и Департаменте полиции МВД переписка по этим вопросам также велась через первых лиц – соответственно, министров (В.Н. Коковцова и графа В.Н. Ламздорфа) и директоров (в годы войны пост руководителя Департамента полиции последовательно занимали А.А. Лопухин, С.Г. Коваленский, Н.П. Гарин и П.И. Рачковский,

причем последний именовался «заведующим политической частью Департамента на правах его вице-директора»). Самое существенное из добытой информации докладывалось непосредственно Николаю II, который по оперативным вопросам разведки и контрразведки давать какие-либо указания, однако, избегал и, как правило, ограничивался ролью простого наблюдателя. Зато наиболее важные организационные, кадровые и финансовые решения в этой области требовали утверждения императора и оформлялись в качестве его «повелений» или «соизволений».

Четкого разграничения «сфер влияния» между этими ведомствами не существовало, однако главное внимание российских военных, сухопутных и морских, в первую очередь привлекал сбор японцами военной информации о России, закупка ими и отправка на Дальний Восток оружия и военных материалов, размещение их военных заказов в западноевропейских странах, сведения о потерях, передвижениях, численности и мобилизационных возможностях японских военно-морских и сухопутных сил и другие специальные военные вопросы. Интересы же Департамента полиции, МИД и Министерства финансов лежали главным образом в области военно-политической и финансово-экономической, что, конечно, не мешало их представителям за рубежом собирать информацию и чисто военного свойства с тем, чтобы передавать ее своим коллегам из соответствующих ведомств.

Отечественные исследователи единодушны в том, что вся разведывательная деятельность России накануне войны с Японией была организована и финансировалась неудовлетворительно, причем наименее эффективной была именно военная разведка¹⁸. «По ряду объективных и субъективных причин и, прежде всего, недостаточности финансового обеспечения, – считает И.С. Макаров, – процесс развития ведущего звена организационной структуры военной разведки – центрального разведывательного органа не соответствовал задачам, решаемым им в условиях нарастания сложности военно-политической обстановки и отставал от аналогичных процессов в ведущих западно-европейских государствах, что впоследствии негативно сказалось на организации разведывательной деятельности накануне русско-японской войны 1904—1905 гг.»¹⁹. Еще больше ситуацию осложняли тяжелые отношения, которые нередко складывались у зарубежных представителей военного ведомства с

гражданскими дипломатами. По мнению Ю.Я. Соловьева, «это было проявлением на местах столь зловредной отчужденности между военной и гражданской бюрократией в царской России»²⁰. Военная разведка и МИД, отмечает А.Ю. Шелухин, нередко выступали соперниками в предоставлении информации руководству страны и самому императору²¹. А.И. Колпакиди констатирует, что «деятельность военных и политических спецслужб России была тесно переплетена между собой, однако вследствие слабости самих служб (особенно военных) в целом их действия были низкоэффективными»²².

Робкая попытка российского военного ведомства создать накануне войны собственную нелегальную резидентуру, непосредственно подчиненную Главному штабу, окончилась неудачей – секретные агенты (два были направлены в Японию и один – в Китай) ничего ценного дать не смогли, несмотря на то, что в их распоряжение в общей сложности было выделено 52 тыс. рублей. Впрочем, в России это мало кого удивило. В Петербурге, с легкой руки военных атташе, сложилось твердое убеждение, что в силу сугубой подозрительности и осторожности местных военных властей и полиции, а также особенностей туземного языка организация и эффективное использование секретной агентуры в Японии были якобы вообще невозможны. «Для военного агента остается лишь один исход, – доносил из Токио полковник Генерального штаба Н.И. Янжул, – совершенно и категорически отказаться от приобретения всяких ... секретных письменных данных, тем более, что в большинстве случаев предложения подобных сведений со стороны японцев будут лишь ловушкой»²³. Заняться изучением японской «тарабарской грамоты» этот полковник считал ниже своего достоинства и, по собственному признанию, чувствовал себя в Токио «трагикомически». Сведения, которые он представлял в Петербург, основывались, главным образом, на его личных наблюдениях во время маневров японской армии, на которых ему доводилось присутствовать. Еще более трагикомическим положение русских военных агентов в Токио делало то, что еще с середины 1890-х годов японцы наладили перехват их зашифрованной переписки с Петербургом²⁴, о чем, понятно, ни Янжул, ни его преемники не догадывались.

Надо признать, что жалобы Янжула имели под собой некоторые основания. «Работа русских официальных агентов в Японии (особенно военных и морских), – утверждал чиновник российского Министерства финансов Л.В. фон Гойер, несколько предвоенных лет проработавший в Японии, – крайне затруднена тем обстоятельством, что японцы слишком близко и тщательно за ними следят. Мне достоверно известно, что к каждому русскому агенту японское правительство приставляет пять или шесть агентов, которые днем и ночью за ними следят. Каждый шаг, каждое движение их было известно. За всеми лицами, с которыми они имели сношение, также бдительно наблюдали». «Никогда русскому агенту, – заключал фон Гойер, – не удастся нанять в Токио, Иокогаме или где-нибудь в стране действительно порядочного шпиона, а если случайно удастся, то десятки японских сыщиков, окружающих его, быстро поймут это и теми или иными средствами удалят его. Были примеры, когда русские агенты получали интересные сведения, но, увы, в большинстве случаев они шли прямо из [японского] Генерального штаба»²⁵. Основываясь на этих наблюдениях, фон Гойер приходил к выводу, что «русские, да и все иностранные военные и морские агенты в Японии играют лишь роль представительскую, – серьезных, секретных сведений они никогда не соберут». В качестве обратного примера он указывал на «шанхайскую агентуру» дипломата А.И. Павлова, которая успешно добывала такие сведения, но действовала независимо от русских военных атташе.

Явно неудовлетворительно в России обстояли дела как с общим финансированием агентурно-разведывательной работы военного ведомства, так и с распределением этих средств. До войны на эти цели Главному штабу и Главному интендантству в совокупности было выделено немногим более 260 тыс. рублей (113 650 и 149 420 рублей соответственно), но и эти ассигнования не были рачительно использованы. В середине 1890-х годов на свои «негласные расходы» военные агенты в Корее, Китае и Японии ежегодно получали от 1,2 до 3 тыс. рублей каждый. С 1896 г. эти суммы были серьезно увеличены (в общей сложности – до 30,6 тыс. рублей)²⁶, но и этих средств было очевидно недостаточно. В то же время официальные представители военного ведомства в западноевропейских странах и США финансировались с избытком, не будучи в состоянии «освоить»

выделенные деньги в полном объеме. «Военным агентам в европейских странах, – сообщает чекист К.К. Звонарев, – были отпущены следующие суммы на разведку против Японии: в Берлине – 10 тыс. рублей, в Лондоне – 15 тыс. рублей, в Париже, Брюсселе, Вашингтоне – 10 тыс. рублей, в Вене и Риме – по 5 тыс. рублей. Таким образом, всего было отпущено 65 тыс. рублей, израсходовано же всего 32 тыс. рублей»²⁷. Зато в Маньчжурии разведывательные органы действующей армии задыхались от нехватки средств – за все время войны их совокупный бюджет составил менее полутора миллионов (1 406 055) рублей²⁸.

Серьезной проблемой русской военной разведки этих лет был ее кадровый состав. Слабым местом многих российских военных атташе являлось неумение или нежелание организовать сбор достоверных сведений о вооруженных силах страны пребывания. На соответствующие должности, как правило, по протекции попадали офицеры, нередко не обладавшие необходимой подготовкой, а также соответствующими деловыми и личными качествами. Более или менее удовлетворительно российские военные агенты работали в эти годы в европейских странах и в Китае. Японии же и Корее в этом смысле явно «не повезло». Здесь на рубеже XIX—XX вв. военными атташе состояли питомец Пажеского корпуса и делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба полковник Г.М. Ванновский (1862—1943), родственник недавнего военного министра П.С. Ванновского, и бывший штаб-офицер 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады полковник И.И. Стрельбицкий. Оба настолько не «баловали» донесениями свое петербургское начальство, что были отозваны – Ванновский в 1902 г., а Стрельбицкий – в 1900-м²⁹.

«Существующее резкое отличие в готовности наших и японских сил, как мне кажется, наши военные агенты не берут в расчет и не придают этому обстоятельству должное значение», – сетовал в апреле 1901 г. главный начальник и командующий войсками Квантунской области адмирал Е.И. Алексеев в доверительном письме посланнику в Токио А.П. Извольскому³⁰. И действительно, Ванновский на основании изучения вооруженных сил потенциального противника пришел к выводу, что «пройдут десятки, может быть, сотни лет», пока японской армии «станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав»³¹, за что удостоился

сочувственного отзыва военного министра³². Спустя каких-то 3-4 года русская армия, далеко не «самая слабая из европейских», на собственном опыте и сполна убедилась в несостоятельности этого прогноза, однако накануне войны именно сведения и оценки Ванновского воспринимались в Петербурге как новейшие и наиболее достоверные³³. Полковник М.А. Адабаш, посетивший Японию в 1903 г., попытался их опровергнуть и привел данные о дополнительных («территориальных») войсках Японии, но в Главном штабе его сведениям не придали значения. Точно таким же образом в Петербурге отнеслись к высокоценной и достоверной информации о японских резервах, добытой военно-морским атташе в Токио капитаном 2-го ранга (впоследствии адмиралом) А.И. Русиныным³⁴. «Когда французский военный агент, полковник Генерального штаба барон Корвизар (генералом в 1916 году командовал корпусом) предложил дать мне имеющиеся у него сведения о японской армии с тем, чтобы я эти сведения сообщил прямо в Петербург, но не передавал их полковнику Ванновскому, – вспоминал много лет спустя Русин, – то генерал Куропаткин, наш тогдашний военный министр, получив мое донесение, не поверил ему, как сильно расхордившемуся с имеющимися в министерстве сведениями, и положил под сукно»³⁵.

Легкомысленное отношение к вопросу о численности войск будущего противника и грубая недооценка его военного потенциала в целом сохранялась в русских штабах и в первые месяцы войны с Японией. В марте 1904 г. бывший руководитель Главного штаба генерал В.В. Сахаров, только что поставленный во главе Военного министерства, в интервью газете «Figaro» сообщил, что 200 тыс. штыков – максимум, который Япония способна выставить на театр войны³⁶. Адьютант генерала Куропаткина, в те же дни отправлявшегося в Маньчжурию, сообщил корреспонденту «L'Écho de Paris», что, по убеждению его шефа, вся дальневосточная кампания завершится не позднее конца 1904 г., причем мирный договор русский главнокомандующий намерен подписать «в Токио, и нигде более»³⁷. «Корея будет русской», – заявил сам Куропаткин французскому журналисту в личной беседе³⁸. Штаб наместника на Дальнем Востоке, лишь получив с полдюжины агентурных донесений о мобилизации различных категорий японских резервистов (речь шла о сотнях тысяч

человек) – их сборных пунктах, дислокации, обучении, экипировке, вооружении и времени отправки на театр войны, удосужился поинтересоваться («для ясности номенклатуры»), что из себя представляют эти резервы и как называются по-японски. На следующий день руководитель «шанхайской агентуры» телеграфом направил в Харбин все требуемые сведения. Характерно, что этот обмен телеграммами между Шанхаем и Харбином произошел в конце сентября 1904 г., на исходе восьмого месяца военных действий³⁹. Только после Ляоянского боя петербургские штабные специалисты согласились признать максимальную численность японской армии в 450—500 тыс. штыков⁴⁰. Но и эта оценка сильно занижала потенциал японских сухопутных вооруженных сил.

Ненамного исправил положение преемник Ванновского, 36-летний полковник Генерального штаба В.К. Самойлов, с 1896 г. работавший в Токио помощником военного атташе. За годы пребывания в Японии Самойлов выучил японский язык⁴¹ и, по свидетельству генерала А.С. Лукомского, в своих донесениях стремился развеять недооценку японской армии, укоренившуюся в руководящих военных кругах России, но мало преуспел в этом⁴². При этом Самойлов, как и его предшественники, затруднился с приобретением собственной секретной агентуры и потому питался вторичной информацией – главным его «источником» был французский военный атташе в Токио. В результате накануне войны русское командование не имело достоверных сведений ни о стратегических и тактических планах будущего противника, ни даже о численности японских вооруженных сил. В Петербурге были убеждены, что больше 350—400-тысячной армии (по общему счету) Япония с ее 45-миллионным населением выставить не в состоянии, и именно эти цифры легли в основу всего российского военного планирования. Кроме того, в Главном штабе полагали, что «при исчислении сил нужно исходить из отношения, что один русский солдат соответствует четырем японским»⁴³. В действительности в годы войны Япония в совокупности поставила под ружье значительно более миллиона человек, т.е. втрое больше, чем полагали петербургские стратеги. «У нас имеется и имелось изрядное количество военных агентов, тем не менее, тот факт, что японцы за войну выставили свыше миллиона человек на театре военных действий, оказался для нас неожиданностью ... Очевидно, что в

способах собирания секретных сведений нашими [военными] агентами были коренные недостатки», – подытожил довоенную деятельность в Японии Ванновского и Самойлова российский консул в Нагасаки З.М. Поляновский в мае 1906 г.⁴⁴ Несостоятельность военной разведки и, как следствие, слабое знание противника в конечном итоге привели Россию к поражению в этой войне. «Недооценка Японии оказалась одним из самых значительных провалов разведки русского Генерального штаба», – справедливо констатирует современный британский историк⁴⁵.

В Петербурге совершенно не учли и того обстоятельства, что свой предыдущий военный конфликт с Китаем, как и последующую войну с Россией, Япония фактически начала за неделю до формального объявления войны 20 июля 1894 г. «Период, непосредственно предшествовавший японо-китайской войне, – замечает в этой связи военный историк генерал П.Н. Симанский, – интересен тем, что он заключает в себе, по крайней мере с японской стороны, все особенности, с удивительным подобием повторившиеся через 10 лет во дни столкновения с Россией. Только тщательно подготовив надлежащие средства для борьбы, т.е. армию и флот, подготовив их в течение долгих годов ... японское правительство приступает к осуществлению давно лелеянных им планов. Выйдя на прямую дорогу к своей цели и решив достичь ее хотя бы ценою войны, Япония не может отказаться однако от навязанных ей переговоров и ведет их до тех пор, пока под их прикрытием она не оказывается готовою к борьбе не только вообще, но даже и в частности, т.е. на данном театре войны. Тогда она заканчивает эти переговоры, “как ни к чему не ведущие”, и еще до формального объявления войны, установленного старыми обычаями международного права, уже открывает военные операции как на море, так и на суше»⁴⁶.

После отъезда из Кореи Стрельбицкого здешними военными агентами последовательно числились питомец лейб-гвардии Семеновского полка подполковник Л.Р. фон Раабен и подполковник Генерального штаба А.Д. Нечволодов⁴⁷. В выполнении своих служебных обязанностей они преуспели не слишком, и в Петербурге так и не узнали о масштабных секретных подготовительных операциях, развернутых на полуострове Японией почти за год до начала войны с Россией⁴⁸. Зато оба военных дипломата, как

сговорившись, отличились по «амурной» части, каждый по-своему. 28-летний Раабен попытался «приударить» за женой российского посланника в Сеуле – дело кончилось дуэлью, отзывом в 1903 г. в Россию, переводом в негвардейский полк, а затем и в действующую армию. Преемник Раабена Нечволодов по случаю внезапно начавшейся войны до Сеула добраться не успел и осел во Владивостоке. Здесь он открыто содержал «воспитанницу» публичного дома, который, по данным начальника местного военно-разведывательного отдела, был не только «излюбленным местом всех родов оружия владивостокского гарнизона», но и «рассадником японского шпионства»⁴⁹.

Благодаря Нечволодову и прочим военным и гражданским начальникам, в годы войны среди других российских городов Дальнего Востока именно Владивосток стал своего рода «рекордсменом» по части утечки «закрытой» информации – планы фортов этой крепости и ее батарей, а также общую карту города с указанием фортификационных сооружений в разгар войны секретный агент Павлова купил в Японии за 10 тыс. иен⁵⁰. Другие секретные документы (планы крепости, схемы ее ночного освещения, окопов и мест расположения войск) почти открыто продавались в восточных кварталах самого Владивостока. Позднее, в январе 1906 г., перед отъездом из Шанхая на родину британский коммерческий атташе Швабе (Schwabe), «будучи в несколько веселом состоянии», хвастал соотечественникам, как ловко он обогащался в свою бытность во Владивостоке: «Перед началом войны, осенью 1903 г., Швабе вошел в сношение с кем-то из служащих в штабе Владивостокской крепости (фамилии не было сказано) и купил у него план владивостокской обороны за 5000 рублей, но когда он получил план, он заплатил лишь 1200 рублей. Затем этот план Швабе продал японцам за сумму около 15 000 иен и, таким образом, нажил»⁵¹. Борьба с японским шпионажем была поставлена во Владивостоке из рук вон плохо, а гарнизон к 1905 г. разложился.

В общем, утверждение некоторых современных отечественных специалистов по истории военной разведки, что через их ведомство прошел «цвет российской нации»⁵², на дальневосточный регион в интересующие нас годы не распространяется. Как отметил в начале войны один из руководителей российской военной разведки на

Дальнем Востоке генерал-лейтенант В.А. Косаговский, «то, что у наших врагов давным-давно создано, нам еще только предстоит создать с нуля»⁵³. «Этого, впрочем, и надо было ожидать, – продолжает мысль Косаговского офицер управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии Д.П. Парский, – так как трудно предположить, что, не позаботившись об организации тайной разведки ранее, до войны, ее могли бы наладить чуть ли не в минуту необходимости люди, только что прибывшие на театр военных действий, не знавшие страны и населения и не владевшие местным языком»⁵⁴. Зато их японский коллега, генерал Я. Фукусима, хотя выразился с меньшей долей самокритики, имел-таки основания утверждать, что он и его подчиненные «знали царскую Россию в военно-мобилизационном отношении лучше, чем сами русские»⁵⁵. В мае 1904 г. токийская “Japan Times” с удовольствием процитировала русского генерала, посетовавшего на огромное количество японских шпионов, переодетых китайцами, «которые слоняются в расположениях войск», причем «невозможно этому воспрепятствовать»⁵⁶.

Как ни странно, все эти обстоятельства ничуть не отразились на последующей карьере ни российских военных контрразведчиков, ни большинства перечисленных военных дипломатов – в урочный час многие из них, включая Ванновского, Янжула, Самойлова и Нечволодова, благополучно вступили в «превосходительные» чины. Совсем по-иному сложилась судьба тех невоенных разведчиков, которым уже в ходе самой войны выпало ликвидировать провалы, просчеты и недоработки своих военных коллег. При этом нередко они были вынуждены действительно начинать «с нуля» и почти всегда работать в чрезвычайно сложных условиях.

С 1903 г. и на протяжении всей войны главные силы российской военной разведки и контрразведки концентрировались на Дальнем Востоке, в то время как основным полем деятельности прочих учреждений была Европа. Российские военные агенты в Китае Генерального штаба генерал-майор К.Н. Дессино и полковник Ф.Е. Огородников и их помощники капитаны А.Е. Едрихин, С.В. Афанасьев, помощник старшего адъютанта полевого штаба заместника на Дальнем Востоке штабс-капитан барон С.В. фон-дер-Ховен обслуживали в разведывательном и контрразведывательном

отношениях главным образом действующую армию и получали инструкции из штаба царского наместника на Дальнем Востоке, а после его упразднения – в штабе главнокомандующего. Это же в значительной степени характерно и в отношении представителей других российских ведомств, находившихся в годы войны в Китае: МИД (посланник П.М. Лессар, консулы К.В. Клейменов, Х.П. Кристи, Н.В. Лаптев, П.Г. Тидеман, выполнявший специальную миссию в Шанхае бывший посланник в Корее А.И. Павлов и др.) и Министерства финансов (член правления Русско-Китайского банка статский советник Л.Ф. Давыдов и коллежский советник Н.А. Распопов). В целом секретные операции проводились и на территории самой Российской империи, и в областях, примыкавших или близких к театру военных действий (Япония, Китай, Корея, Гонконг, Сингапур, Индокитай, Индонезия, Индия), во многих странах Западной Европы, на Балканах, в Малой Азии и на севере Африки.

Значительная часть работы по контролю за деятельностью японских разведчиков как внутри России, так и за ее пределами была возложена на Департамент полиции МВД и его важнейшую и наиболее секретную часть, его «мозг» и «сердце» – Особый отдел. В рамках последнего в зависимости от обстоятельств, негласно, т.е. без официального учреждения, создавались временные оперативные подразделения, или группы, выполнявшие специальные функции или задания: IV (секретное) отделение, которое в указанные годы возглавляли В.С. Зыбин и А.М. Гартинг, Отделение по розыску о международном шпионстве (И.Ф. Манасевич-Мануйлов), «агентуры» жандармского подполковника В.В. Тржецяка, коллежского советника А.М. Гартинга, капитана 2-го ранга М. Луара, жандармского ротмистра (впоследствии генерал-лейтенанта) М.С. Комиссарова, того же Мануйлова. Каждое из них имело собственный немалый бюджет, свою наблюдательную и «внутреннюю» секретную агентуру и работало под непосредственным руководством директора Департамента и заведующего Особым отделом. За рубежом все эти «агентуры» тесно взаимодействовали с российскими дипломатическими представительствами, а в некоторых случаях – с полицейскими властями и спецслужбами государств пребывания. Высшие полицейские чиновники России активно обменивались секретной

информацией, добытой их подчиненными, с руководителями военных ведомств и министерств иностранных дел и финансов и наоборот.

Несколько особняком среди прочих секретных служб Департамента полиции стояла Заграничная агентура – его центральный орган по наблюдению за деятельностью российских революционеров за рубежом. «В 1881 году, – сообщает исследователь этой Агентуры, – в Париже было положено начало созданию за границей целой самостоятельной организации русской политической полиции с обширным штатом служащих и с еще более значительным количеством находящихся в ее ведении секретных агентов. Постепенно этому парижскому центру была подчинена вся деятельность русской политической полиции вне границ империи царя. В последние перед войной годы ее нити из Парижа тянулись в Германию, Англию, Швейцарию, Австро-Венгрию, Испанию, во все скандинавские и балканские страны, в Соединенные Штаты Америки, в Канаду и т.д. То была мощная организация, которая ставила своей задачей быть предельно полно осведомленной обо всем, что относится к жизни и деятельности русской политической эмиграции»⁵⁷. С момента основания и до упразднения в марте 1917 г. это подразделение базировалось в Париже, в здании российского посольства на улице Гренель, 79. Строго говоря, контршпионаж в компетенцию Агентуры не входил. Однако в силу ее центрального положения среди прочих заграничных полицейских «установлений» России, а также особенностей деятельности японских разведчиков на территории западноевропейских государств, в годы русско-японской войны ее роль как органа контрразведки объективно возрастала. Ее своеобразными филиалами являлись «агентуры» на Балканах, в Галиции и Берлине, созданные, соответственно, в 1889, 1894 и 1900 гг. (балканская под руководством жандармов Будзиловича и Тржецяка работала до 1903 г., а берлинская Гартинга – до 1904-го).

В 1884—1902 гг. Заграничной агентурой заведовал П.И. Рачковский, по отзыву современников, «прирожденный сыщик, комбинатор и авантюрист»⁵⁸. Он быстро стал «своим» во французских полицейских и журналистских кругах, помещал в парижской прессе статьи, направленные против российской революционной эмиграции, тайно устраивал провокации. Это не мешало ему вести светский образ жизни и установить тесное знакомство с руководителями французской

разведки, видными политиками, финансовыми деятелями, министрами, обогатиться биржевой игрой. Тогдашний президент Франции Эмиль Лубэ (E. Loubet) столь высоко ценил «полицейский талант» Рачковского, что даже охрану собственной персоны порой предпочитал доверять ему, а не его французским коллегам. Во многом благодаря его «наследству», в годы русско-японской войны русская контрразведка не только беспрепятственно действовала на территории Французской республики, но и деятельно сотрудничала с французской секретной полицией. Особо доверительные отношения России с Францией, в установление которых свою лепту внес и заведующий Заграничной агентурой, облегчали российским агентам возможность сблизиться и продуктивно взаимодействовать с французами и в других странах, в том числе в Японии, Китае и Корее. Среди них были журналисты и миссионеры, военные и гражданские моряки, путешественники и дипломаты, бизнесмены и чиновники.

За помощь в сборе секретной информации и другие деликатные услуги, оказанные России в годы войны, по ее окончании многие из них были награждены русскими орденами – поверенный в делах в Корее, а с 1905 г. 1-й секретарь французского посольства в Петербурге виконт де Фонтенэ (de Fontenay), посланник в Сеуле Коллен де Планси (Collin de Plancy), секретарь французской миссии в Сеуле, а затем вице-консул в Чемульпо Берто (Berteux), командир крейсера «Pascal» капитан 2-го ранга Виктор Сенэс (V. Senes), посланник в Токио Арман (Harmand), военный атташе в Японии барон де Корвизар (Corvisart), морской – лейтенант Мартини (Martini), консулы в Кобе (Ayme Martin), Нагасаки (Goudareau) и Иокогаме (Steenackers и Laroche), группа французских агентов И.Ф. Манасевича-Мануйлова, работавших в Западной Европе, и др. Трудно поверить, но в 1907 г. «за услуги, оказанные России во время минувшей войны» серебряные медали для ношения на груди на Аннинской ленте получили и японцы, канцелярские служащие французской миссии и консульств в Японии⁵⁹.

В годы войны России с Японией другие европейские и азиатские государства официально заявили о своем нейтралитете, а воюющие стороны, в свою очередь, ревниво следили за его соблюдением. Однако нейтралитет нейтралитету рознь, и продуктивное сотрудничество российских официальных и неофициальных представителей с властями Франции, Дании или Голландии разительно отличалось от

условий, в которых им приходилось работать в Великобритании, Турции либо в Китае. Независимо от этого, выяснение подлинных масштабов и самого факта деятельности российских спецслужб на территории даже дружественных России стран неминуемо грозило международным скандалом. Создавая в годы войны свои зарубежные резидентуры, российские контрразведчики сознательно использовали в качестве сотрудников преимущественно граждан иностранных государств. Это было вызвано как практическими соображениями – в этом случае отпадала необходимость натурализации агентов, снималась проблема языка и т.д., так и стремлением избежать международных осложнений. Отмечая «выгодность» привлечения французских агентов для слежки за японцами в Западной Европе, один из видных российских контрразведчиков, например, прямо писал, что «в случае обнаружения японцами учрежденной в их миссиях агентуры, ответственность будет нести французское правительство»⁶⁰, а не российское.

Японскую разведку, как и мощь ее вооруженных сил в целом, в первое время недооценивали и другие современники. «Японская полиция и военные учреждения, конечно, имеют свою секретную службу, – писала в разгар войны “New York Times”, – но, конечно, она далеко не столь вездесуща, как так называемое Третье отделение русской полиции»⁶¹. Лишь впоследствии обнаружилось, что Токио сумел создать значительно более разветвленную зарубежную разведывательную сеть, чем Петербург. Ее агенты работали в России, Китае, Корее, в Индокитае и Индонезии, в странах Западной Европы, на Балканах и в Малой Азии. Работу японских разведчиков направляли Генеральный штаб, МИД и Морской штаб. Под началом первого действовали японские военные атташе, внешнеполитическое ведомство руководило тайными операциями, которые осуществляли официальные представители Токио в зарубежных странах, отделение военно-морской разведки 3-го управления Морского штаба Японии, действуя в основном через военно-морской атташат, разрабатывало и осуществляло разведывательные и подрывные акции, главным объектом которых были российские военно-морские силы. Важнейшие вопросы докладывались микадо и рассматривались на заседаниях *гэнро* – совета старейших государственных деятелей, ближайших и пожизненных советников императора. Вдобавок, по данным

российской контрразведки, в годы войны в Японии действовали межведомственные органы, в задачу которых входило общее руководство и координация разведывательной и пропагандистской работы – Центральный разведывательный департамент и Бюро прессы. Задолго до войны с Россией во многих странах мира и особенно в дальневосточном регионе Япония создала собственные нелегальные резидентуры, а непосредственно перед ее началом и в ходе ее самой широко практиковала разовые разведывательные и диверсионные операции в соседних с театром войны странах, которые, как правило, поручала офицерам своего Генерального штаба. Специальные представители японского правительства в содружестве с дипломатами осуществляли международные акции в пропагандистской сфере.

Методы работы японских разведывательных органов как на собственной территории, так и в зарубежных странах специалисты позднее назвали «массовым», или тотальным шпионажем. Сотрудник английской разведки Рональд Сет утверждал, что японский опыт в этой сфере в 1930-е годы целенаправленно изучали в нацистской Германии (якобы этой теме свою диссертацию посвятил «сам» Рудольф Гесс), и он был там использован⁶². Своеобразным признанием заслуг японской разведки начала XX в. стала легенда о «природной склонности» к шпионству всех японцев вообще – об этом писали и Р. Сет, и многие другие специалисты, в том числе непосредственные участники событий – русские разведчики и дипломаты, зарубежные журналисты⁶³. Японская система тотального шпионажа, хотя и опиралась на патриотические чувства своих граждан, но в то же время требовала огромных финансовых средств, которые в десятки раз превосходили аналогичные траты других великих держав, включая Россию. Израсходовав на секретную агентуру 12 млн иен⁶⁴ в предвоенные годы, в годы самой войны с Россией Япония ассигновала на эти цели до 10% всего военного бюджета, или 120 млн иен в одном 1904 г.⁶⁵ Насколько эффективной оказалась эта огромная и весьма дорогостоящая система на рубеже XIX—XX вв. и в годы русско-японской войны, читатель узнает из этой книги.

Глава I

В России: охота за «штабс-капитанами Рыбниковыми»

Деятельность японской агентуры в России и соответственно контрмеры с русской стороны начались еще перед войной. Само рождение российской контрразведки как института состоялось 21 января 1903 г., когда Николай II утвердил предложение военного министра генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина о создании Разведочного отделения Главного штаба. «Обнаружение государственных преступлений военного характера, – сообщал в своей записке министр, – до сего времени у нас являлось делом чистой случайности, результатом особой энергии отдельных личностей или стечением счастливых обстоятельств; ввиду сего является возможность предполагать, что большая часть этих преступлений остается нераскрытыми и совокупность их грозит существенной опасностью государству в случае войны»⁶⁶. Как и все появившиеся позднее секретные структуры Департамента полиции, Разведочное отделение военного ведомства создавалось негласно. Это было вызвано как требованиями конспирации (в противном случае, по выражению Куропаткина, «терялся бы главный шанс на успешность его деятельности, именно тайна его существования»), так и стремлением обеспечить его сотрудникам свободу рук в их повседневной работе, которая включала слежку, подкуп, подслушивание, вскрытие частной корреспонденции и другие не вполне законные действия.

Главная задача Разведочного отделения заключалась в «охранении» военной тайны и выявлении лиц, выдающих ее иностранцам, а основным районом деятельности был определен Петербург и его окрестности, поскольку именно здесь, главным образом, функционировали представители зарубежного военного атташата – основной объект его наблюдения. По соглашению с министром внутренних дел и шефом Отдельного корпуса жандармов В.К. фон Плеве, на должность начальника вновь образованной службы был

приглашен выпускник Второго Константиновского военного училища 33-летний ротмистр Владимир Николаевич Лавров, с момента поступления в Отдельный корпус жандармов в 1896 г. непрерывно служивший на Кавказе, в последние годы – начальником Тифлисского охранного отделения. В 1903 г. Отделение взяло в «разработку» военных атташе Австро-Венгрии и Германии и нескольких российских подданных, заподозренных в передаче им секретных данных (сведения о них были получены из «заграничных источников»)⁶⁷. С начала сентября этого года объектом особо пристального внимания Отделения стал японский военный агент в Петербурге подполковник Акаси Мотодзиро⁶⁸.

Познакомимся поближе с одним из наших главных героев, который в годы войны выступил фактическим руководителем японской разведывательно-подрывной работы против России в Западной Европе, а затем стал крупным военным и государственным деятелем Японии, известным на родине поэтом и художником. Кадровый офицер, М. Акаси (1864—1919) в 1880-е годы окончил в Токио Военную Академию и Штабной Колледж. В 1889 г., как один из лучших выпускников, он был причислен к Генеральному штабу, который в свою очередь в 1894 г. командировал его на учебу в Германию. Однако первый визит в Западную Европу продлился недолго. С началом японо-китайской войны 1894—1895 гг. Акаси был отозван на родину, где в качестве штабного офицера принял участие в подавлении антияпонского восстания на Формозе (Тайване), а в 1896—1900 гг. в составе группы японских военных инспекторов посетил французский Индокитай, аннексированные США Филиппины, а затем и Китай, охваченный восстанием *ихэтуаней*⁶⁹.

В январе 1901 г. Акаси был назначен японским военным атташе во Франции, но уже осенью 1902 г. сменил место службы, переехав из Парижа в С.-Петербург. Существуют предположения, что своим назначением в Россию Акаси был обязан протекции незадолго перед тем созданного, но весьма влиятельного, хотя и тайного Общества Черного Дракона (*Кокурюкай*), которое рассматривало великого северного соседа Японии в качестве главного препятствия для распространения влияния островной империи на материковую Азию. Согласно этим данным, свою разведывательную и подрывную работу Акаси выполнял, следуя указаниям не только официального Токио и в

частности японского Генерального штаба, но и этого ультраправого общества, которое также стремилось получать сведения военно-политического характера о России⁷⁰. Связи Акаси с этим обществом носили неофициальный характер и в его опубликованных бумагах никак не отражены.

В начале февраля 1904 г. в связи с началом войны вместе со всем японским дипломатическим представительством Акаси покинул Россию и переехал в Стокгольм, где в течение нескольких месяцев числился военным атташе в Швеции. С назначением на этот пост в июне 1904 г. майора Ц. Нагао он избавился от рутинных обязанностей военного агента и получил свободу рук и передвижения для выполнения разведывательно-подрывной работы против России, которой и посвятил себя всецело, находясь в прямом и непосредственном подчинении своего Генерального штаба. Некоторые изменения претерпел и сам характер его деятельности. Если в первые месяцы своего пребывания в России, по указанию заместителя начальника Генштаба генерала И. Тамура, он в основном собирал информацию о российских вооруженных силах, то с конца 1903 г. и в течение всей войны, находясь уже в Западной Европе, главное внимание стал уделять организации подрывных операций против России, благодаря которым впоследствии и стал знаменит.

На родине результаты этой его миссии были оценены весьма высоко. По окончании войны он был награжден одним из высших японских орденов, а вскоре сделал быструю военную карьеру. Кстати, в той же, что и он, группе награжденных были полковник Утсуномия Таро, в годы войны – военный атташе в Великобритании, и майор (впоследствии генерал) Танака Гиити – до 1902 г. помощник военного атташе в России и будущий военный министр, а затем и премьер-министр Японии. В 1904—1905 гг. оба они активно действовали на разведывательном поприще⁷¹. В ноябре 1905 г. Акаси вернулся на родину, но пробыл там немногим более месяца. Уже в 1906 г. он продолжил военно-дипломатическую службу в Германии. Однако скомпрометированный публикацией своей тайной переписки с российскими революционерами и общественными деятелями, не оставшейся незамеченной немецкой прессой, менее чем через год был отозван домой. С тех пор в западноевропейские страны он не выезжал,

но связей с Западной Европой не оставил, вплоть до 1908 г. продолжая оставаться членом Франко-японского общества в Париже.

В течение семи последующих лет (с 1907 по 1914 г.) Акаси возглавлял полицию и жандармерию Кореи, с конца 1905 г. находившейся под протекторатом Японии. Дипломатический чиновник России в Корее отметил роль генерал-лейтенанта Акаси в розыске и перенесении на родину останков российских солдат, погибших на полуострове в годы русско-японской войны⁷². Церемония прощания, состоявшаяся в 1913 г. в Сеуле, была обставлена очень торжественно и сопровождалась всеми принятыми в таком случае воинскими почестями⁷³. В годы Первой мировой войны Акаси работал заместителем начальника японского Генерального штаба. К этому периоду его жизни относится последнее из известных нам упоминаний о нем в официальных российских бумагах. В августе 1914 г. Акаси стал первым из представителей высшего военного руководства Японии, кто дал официальные заверения России в безопасности и неприкосновенности ее дальневосточных территорий и в готовности своей страны в условиях только что начавшейся мировой войны оказывать ей всестороннюю помощь (спустя год за практическую деятельность в этом направлении несколько высших японских офицеров, включая Акаси и генерала Г. Танака, получили русские ордена)⁷⁴. В 1918—1919 гг. Акаси являлся главнокомандующим японскими войсками на Тайване и одновременно генерал-губернатором острова. Умер он, имея чин полного генерала и баронский титул.

Но вернемся к началу XX в. Несмотря на пристальное внимание русской контрразведки к японскому военному атташе, сведения о первых месяцах его пребывания в России скудны. «Подполковник Акаси, – отмечалось в отчете Разведочного отделения Главного штаба за 1903 г., – работает усердно, собирая сведения, видимо, по мелочам и ничем не пренебрегая: его несколько раз видели забегавшим в английское посольство, расспрашивающим о чем-то на улице шведско-норвежского военного агента ... и наблюдали в сношениях ... с целым рядом различных японцев»⁷⁵. В общем, ничего значительного. Однако в самом конце 1903 г. Разведочное отделение ждала удача – его агенты перехватили письмо на имя японского полковника на русском языке, подписанное неким «И». Наружным наблюдением удалось установить,

что автором послания был ротмистр Н.И. Ивков, штаб-офицер при Главном интенданте, который, как оказалось, регулярно навещался на квартиру помощника Акаси капитана Ю. Тано. Как сообщил на следствии сам Ивков, перешедший Акаси «по наследству» от его предшественника, генерала А. Мурата, он передал японцам информацию о маршрутах движения войск из Европейской России на Дальний Восток, расчет времени, необходимого для переброски туда 300-тысячной армии, и другие секретные сведения. 26 февраля 1904 г., т.е. через месяц после начала войны с Японией, Лавров под благовидным предлогом пригласил Ивкова в Охранное отделение и предъявил ему обвинение в шпионаже в пользу иностранного государства. После некоторых колебаний изменник признал себя виновным и вдобавок сообщил, что кроме Акаси покупателями его информации были также германский и австрийский военные агенты⁷⁶. Всего за декабрь 1903 – январь 1904 г. японский военный атташе выплатил Ивкову свыше 2 тыс. рублей, причем намеревался пользоваться его услугами и с началом военных действий⁷⁷. В середине марта, не дожидаясь окончания предварительного следствия, Ивков, находившийся в тюрьме, покончил жизнь самоубийством (по императорскому указу от 11 февраля 1903 г. за «шпионство в высшей мере» ему все равно грозила смертная казнь). Информация об аресте и «казни» Ивкова попала даже в западноевропейскую печать⁷⁸. Его разоблачение стало первой по-настоящему успешной операцией русской контрразведки.

Вместе с тем, многие японские тайные агенты, направленные в Россию под видом дипломатов или студентов еще до войны, остались контрразведке не известными. Среди них были генерал Фукусима, который еще в 1892—1893 гг. проехал через всю Сибирь⁷⁹, Учида Риохей, в дальнейшем основатель упомянутого Общества Черного Дракона, и будущий японский военный атташе во Франции полковник Мачида, который жил в Петербурге и под предлогом изучения русского языка неоднократно путешествовал по России. Согласно позднейшим сведениям французского Главного штаба, которые передал российский военный агент в Париже полковник М.А. Адабаш, «Мачида чрезвычайно умело и успешно заведывал шпионством в России почти до начала военных действий и его особенно отличили за какую-то выдающуюся заслугу на этом поприще»⁸⁰. Но обо всем этом в

Петербурге узнали лишь в 1908 г. Позднее генерал НКВД И. Никитинский, глухо ссылаясь на данные Департамента полиции, утверждал, что к началу русско-японской войны на территории России действовало до пятисот японских секретных агентов⁸¹.

С февраля 1904 г. Отделение Лаврова взяло в активную «разработку» группу британцев – военного атташе подполковника Напира (H.D. Napier), военно-морского атташе капитана Артура Кальторпа (A. Calthorpe) и его переводчика и одновременно преподавателя английского языка в столичном Политехническом институте Джона Маршала⁸², которые, как выяснилось, занимались сбором секретной информации о русском военно-морском флоте. Наблюдая их связи, 6 мая филеры Отделения неожиданно обнаружили параллельную слежку за одним из их русских информаторов и, поскольку ее явно вели «свои» профессионалы, решили наблюдение на время прекратить. По наведенным справкам выяснилось, что незадолго до этого Департамент полиции без ведома военных контрразведчиков учредил собственную «небольшую организацию для наблюдения за морскими военными агентами в видах оказания помощи адмиралу Рожественскому»⁸³, к тому времени командующему 2-й Тихоокеанской эскадрой, которая готовилась к отправке на Дальний Восток. Эта-то команда филеров и вела наблюдение за графиней Комаровской, на которую в Департаменте были получены «весьма серьезные сведения». Спустя две недели при похожих обстоятельствах лавровское Отделение к явному неудовольствию его начальника было отстранено от «разработки» Джона Маршала. Таким образом, едва начавшись, контрразведывательные операции чуть было не привели к межведомственному конфликту.

Через месяц, 8 июня 1904 г., Лавров встретился с представителем Департамента полиции. Между ними было достигнуто джентльменское соглашение о разграничении сфер деятельности – впредь Отделение Лаврова должно было заниматься наблюдением за военными агентами иностранных государств, а Департамент полиции – за военно-морскими. Созданная таким образом искусственная ситуация не могла продолжаться долго, и это, вероятно, вполне понимали в обоих заинтересованных ведомствах.

Вскоре Департамент полиции пошел еще дальше. В начале июля 1904 г. распоряжением директора А.А. Лопухина в составе Особого

отдела было создано специальное Отделение по розыску о международном шпионстве. Инициатором создания Отделения и его первым руководителем стал чиновник особых поручений при министре внутренних дел титулярный советник И.Ф. Манасевич-Мануйлов, который недавно вернулся из многомесячной командировки в Париж. При содействии французских спецслужб – секретной полиции и «Разведочного бюро» МВД – он наладил получение документов из японской миссии в Париже, включая копии переписки японских дипломатов. «Проживая в Париже, – писал Мануйлов, – я имел возможность получать сведения о шпионских происках в России, и когда вернулся в Петербург, доложил директору Департамента полиции о необходимости организации для борьбы с международным шпионажем, направленным против нашего правительства. Мой проект был одобрен министром внутренних дел, и мне было поручено организовать особое отделение при Департамента»⁸⁴. В соответствии с его названием, мануйловское Отделение интересовали не только японцы, но вообще все иностранцы, проживавшие в Петербурге, чье поведение и связи вызывали подозрения. Одной из его главных задач стало добывание дипломатических шифров, а также перехват и расшифровка переписки представительств иностранных государств в России со своими правительствами.

Кроме самого Мануйлова в состав нового Отделения вошел отряд агентов наружного наблюдения, почерковед и фотограф, чиновник Департамента полиции коллежский советник Н.П. Зверев, видный специалист по криптографии и дешифровке В.И. Кривош-Неманич (его услугами также пользовались Военное министерство и МИД)⁸⁵, переводчики А.А. Вилодаки, профессор Петербургского университета по кафедре китайского языка П.С. Попов (ранее многолетний драгоман российской миссии в Пекине), преподаватель японского языка того же университета Куроно Иосибуми⁸⁶, а также нанятая Мануйловым «внутренняя агентура» – в основном из обслуживающего персонала зарубежных посольств в Петербурге. Заместителем Мануйлова был назначен 34-летний выпускник Третьего Александровского военного училища, бывший артиллерист, а с 1904 г. жандармский ротмистр М.С. Комиссаров, владевший несколькими иностранными языками.

Отделение по розыску о международном шпионстве не имело установленного штатного расписания и каких-либо письменных инструкций и было не только совершенно секретным, но и временным образованием. С середины марта 1905 г. оно стало именоваться IV (секретным) Отделением дипломатической агентуры Особого отдела Департамента полиции с А.М. Гартингом во главе. С отъездом последнего в Париж в связи с назначением на должность заведующего Заграничной агентурой Департамента с сентября 1905 г. руководство Отделением перешло к Комиссарову. Начальник Отделения жил в Петербурге фактически на нелегальном положении, встречаясь со своей секретной агентурой на конспиративной квартире и выдавая себя за иностранца. Потому служащие зарубежных посольств, работавшие на него, не догадывались, что имеют дело с российским чиновником. К нему на квартиру они доставляли посольские бумаги, включая и дипломатические шифры, которые тут же по ночам Зверев копировал от руки или с помощью фотоаппарата. Пользуясь ими, дешифровщики и переводчики Отделения, которые работали на телеграфе, знакомились с содержанием секретной иностранной дипломатической корреспонденции. За все время своего существования Отделением было добыто 12 дипломатических шифров (включая американский, бельгийский и др.), а его расходы выросли с 23 тыс. рублей в 1904 г. до почти 28,5 тыс. рублей в 1906 г.⁸⁷ Когда летом 1906 г. за границу проникли слухи о существовании этого спецподразделения Департамента полиции, оно было срочно упразднено, причем была уничтожена и большая часть его секретного архива.

Мануйловское Отделение быстро развернуло работу, и в июле – августе 1904 г. им было установлено наблюдение и контроль за перепиской шведско-норвежского морского атташе Г.Ф. Краака, шведского военного агента барона К.-Г. Лейонхювуда, его итальянского коллеги графа П.П. Руджери, ряда американцев и англичан⁸⁸. Результаты не заставили себя ждать. Филерское наблюдение за Крааком, например, обнаружило его частые встречи с американцем Х. Бергом, который по заданию российского Морского министерства заведовал постройкой подводной лодки на Балтийском судостроительном заводе. Перлюстрация же донесений в Стокгольм шведского морского агента показала, что ему известны некоторые

секретные сведения, источником которых являлся все тот же Берг. В результате правительство отказалось от услуг американца, которому не помогли и его доверительные отношения с великим князем Александром Михайловичем, начальником Главного управления портов и торгового мореплавания⁸⁹. Позднее Берг был перевербован, и отношения с ним морского ведомства возобновились⁹⁰.

Естественно, что все эти агентурные «разработки» быстро привели мануйловскую службу в соприкосновение с Разведочным отделением ротмистра Лаврова. 12 августа состоялась встреча этих контрразведчиков в здании Департамента полиции на Фонтанке, 16. «Господин Мануйлов, – пересказывал содержание состоявшегося здесь разговора Лавров, – объяснил, что ему поручено преобразовать организацию Департамента полиции по разведке шпионства на широких началах ... что они имеют уже свою местную и заграничную агентуру и что для заведывания этой организацией назначен особый жандармский обер-офицер». Поскольку, по словам Мануйлова, объединение его службы с Отделением Лаврова было лишь делом времени, в заключение он предложил ему «частным образом» «присоединить свое Отделение к их организации»⁹¹. Лавров это предложение отклонил, но уже в течение полутора следующих месяцев оказался вынужден окончательно свернуть «внутреннее» наблюдение за англичанином Маршалом и передать обоих своих агентов по этому делу Мануйлову.

В общем, военным контрразведчикам оказалось не под силу тягаться с коллегами из Департамента полиции, да и сложившееся дублирование их функций отнюдь не способствовало успеху дела. Вероятно, по договоренности Департамента полиции с Главным штабом, с осени 1904 г. деятельность Разведочного отделения замерла и возобновилась лишь летом 1906 г., вслед за упразднением Секретного отделения Департамента полиции. За успехи в борьбе с иностранным шпионажем в декабре 1908 г. Лавров был произведен в полковники. В 1910 г. он передал руководство военной контрразведкой подполковнику Отдельного корпуса жандармов В.А. Ерандакову. В межвоенные годы, проживая как «частное лицо» на юге Франции, он руководил агентурной сетью, занятой разведкой Германии. В отставку Лавров вышел в 1914 г. в чине генерал-майора.

Между тем, контрразведчики Департамента полиции активно занялись добыванием кодов иностранных представительств в Петербурге. Уже во второй половине августа 1904 г. Мануйлов представил своему начальству добытый «агентурным путем» шифр американского посольства, а в начале сентября – китайский, шведский и часть японского дипломатического шифра (последний, вероятно, был получен от французских спецслужб)⁹². В октябре 1904 г. в дополнение к ним было добыто четыре китайских кода, а также фотокопия книги донесений китайского посольства. В результате появилась возможность контролировать всю переписку этой миссии. Если же учесть, что через Петербург шли депеши МИД Китая к его представителям в странах Западной Европы, можно утверждать, что перехватывалась и большая часть корреспонденции китайского внешнеполитического ведомства, отправлявшаяся за рубеж. Еще раньше русское правительство получило в свое распоряжение шифр английского представительства, о чем посол Великобритании в России сэр Чарльз Хардинг (Ch. Hardinge) был приватно извещен неким российским политиком в начале июня 1904 г.⁹³ В результате, к октябрю 1904 г. в российском МИДе было расшифровано свыше 800 секретных депеш британских дипломатов, или вдвое больше, чем в течение всего 1901 г.⁹⁴

Благодаря сохранившимся у Мануйлова особо доверительным отношениям с французскими коллегами, ему продолжала поступать весьма ценная информация из Парижа. «По полученным мною от начальника французского Разведочного бюро сведениям, – докладывал он директору Департамента полиции 19 августа 1904 г., – японское правительство наняло на свою службу бывшего агента означенного Бюро Ляжу с жалованьем в 3000 франков в месяц для учреждения непосредственной агентуры при российских миссиях в Европе, причем, по тем же сведениям, названному Ляжу удалось уже заручиться в некоторых миссиях содействием прислуги. Докладывая об изложенном Вашему превосходительству и имея в виду, что последствием этого явится оглашение конфиденциальных сведений, могущее принести вред российскому правительству, мне казалось бы крайне необходимым поставить об этом в известность Министерство иностранных дел»⁹⁵.

Отставной унтер-офицер французской армии Лажу (Ляжу) был фигурой весьма колоритной и хорошо известной французским спецслужбам. Еще в 1891 г., будучи завербован в Брюсселе германской разведкой, он тут же предложил свои услуги французскому Генеральному штабу, от которого стал получать и передавать в Берлин «секретные» сведения о состоянии вооруженных сил Франции. К середине 1890-х годов, однако, Лажу перестали доверять обе стороны, из французской разведки он был уволен и за казенный счет сослан в Бразилию⁹⁶. С началом русско-японской войны он вернулся в Западную Европу, где и поступил на японскую службу. Получив донесение Мануйлова, директор Департамента полиции Лопухин предписал немедленно передать информацию, полученную от французов, министру иностранных дел графу Ламздорфу, а тот, в свою очередь, предостерег российских дипломатов в западноевропейских столицах. Таким образом, последующие усилия японцев по вербовке агентов в российских миссиях оказались в значительной степени парализованы. Ни японские, ни российские источники, известные нам, не содержат каких-либо сведений о деятельности в годы русско-японской войны японских агентов в официальных российских представительствах за рубежом. В японских же миссиях в Европе российских тайных информаторов работало множество.

Если секретные спецподразделения Департамента полиции и Военного министерства действовали в центре, то на местах контрразведывательные операции проводили местные органы Департамента – Охранные отделения, а также Губернские жандармские управления (ГЖУ), подчиненные Департаменту в оперативном отношении. В первые месяцы войны они работали довольно рутинно и вяло, а их методы не отличались разнообразием. По большей части их деятельность заключалась в отслеживании и выяснении образа жизни и круга знакомств лиц так называемой «монгольской расы» – японцев, китайцев и корейцев. Характерно, что одним из основных источников информации в этом деле являлись сообщения патриотически настроенных граждан, нередко анонимные, или низших полицейских чинов. В феврале 1904 г., основываясь на одном из таких сообщений, директор Департамента полиции распорядился «собрать сведения обо всех японцах, в Петербурге и Петербургской губернии проживающих, и об их занятиях», что и было

исполнено. «Разработка» этих сведений, однако, редко приносила ощутимые плоды и, как правило, заканчивалась безрезультатными обысками подозреваемых в военном шпионаже. Тем не менее, уже в первые месяцы войны в распоряжении властей имелись списки большинства японцев, по тем или иным причинам находившихся на русской территории. За многими из них, а в Петербурге с февраля 1904 г. – за всеми было установлено негласное наблюдение. В начале февраля 1904 г. газеты сообщили о принудительном отъезде в Константинополь труппы японских акробатов, гастролировавшей в Крыму, в апреле – об аресте на железнодорожной станции Грязовец близ Вологды двух японцев, у которых были обнаружены карта Архангельска и непонятно для чего им понадобившийся план Соловецкого монастыря⁹⁷, и т.д.

Куратором розыскной работы по подозрению в «военном шпионстве» на территории Европейской России в первое время являлся помощник начальника столичного Охранного отделения жандармский ротмистр В.Ф. Модль, который действовал под непосредственным руководством директора Департамента полиции. Именно силами «общей» полиции в Петербурге были выслежены и в августе 1904 г. арестованы японцы Сиратори и М. Токаки, бывшие приказчики чайного магазина «Васильев и Дементьев» на Невском проспекте.

«Обхаживать» этот знаменитый своим экзотическим оформлением магазин японцы начали задолго до войны и делали это с разумной постепенностью. Еще в январе 1901 г. в качестве подручного приказчика на работу сюда был принят некто Хори-сан, а в декабре 1901 г. еще один японец – Миура Кензабуро. К осени 1902 г. оба они бросили чайную торговлю (Хори уехал в Москву, а Миура перешел на службу в японское посольство), но их место по их же рекомендации заняли их соотечественники – бывший морской офицер М. Токаки и его коллега Сиратори, философ по образованию. Обосновавшись в Петербурге, новые японские приказчики энергично занялись изучением русского языка, часто посещали японское, китайское, английское и американское посольства и завели знакомства в русских военных и морских кругах. В 1903 г. Сиратори даже женился на русской, для чего перешел в православие. С началом войны оба японца были уволены из магазина и за ними было установлено негласное

наблюдение. Выяснилось, что они состояли в деятельной переписке с Гамбургом и Берлином, причем свои письма туда отправляли дипломатической почтой (через американское консульство), вкладывая внутрь конверты, адресованные в Токио. Обо всем этом пристав Чеважевский доложил ротмистру Модлю, и петербургское Охранное отделение санкционировало обыск в квартире японцев. Обыск был произведен в ночь на 8 августа 1904 г., накануне отъезда Токаки в Германию, в присутствии Модля, Мануйлова и его помощника Комиссарова. Результаты обыска вполне подтвердили подозрения в отношении занятий обоих японцев шпионской деятельностью – у них были найдены чертежи и рисунки мин, минных заграждений и разного рода кораблей, морская карта с нанесенными на нее маршрутами следования судов, а также заметки о состоянии русской армии; была обнаружена и значительная переписка на японском языке, причем неизвестный корреспондент бывших приказчиков настойчиво требовал от них соблюдения особой осторожности. Оба японца были арестованы, а 9 августа за решетку была отправлена и жена Сиратори – Елена Павловна (урожденная Никулова), дочь полковника⁹⁸. Всем арестованным было предъявлено обвинение по статье 1035 Устава уголовного судопроизводства – военный шпионаж.

На Дальнем Востоке аресты японских агентов начались еще раньше – в конце 1890-х годов. Не прошло и полугодия после вступления России на Квантунский полуостров, как в августе того же 1898 г. в Порт-Артуре был арестован японский «коммерсант» Хара Фуну, застигнутый за черчением крок крепости с нанесением батарей и расположения орудий⁹⁹. В дальнейшем японский шпионаж принял на Дальнем Востоке особенно широкие размеры. До начала войны, свидетельствовал здешний российский военный следователь, японцы имели своих тайных агентов «во всех более или менее важных пунктах намеченного ими театра войны ... благодаря чему они были прекрасно осведомлены о действительном положении дел». В Уссурийском крае и Маньчжурии такими агентами являлись «по преимуществу японцы в виде торговцев, парикмахеров, содержателей гостиниц, меблированных комнат, публичных домов и т.п. учреждений». По сведениям “New York Times”, накануне войны в Порт-Артуре на японскую разведку работали и французские танцовщицы, которые «пленили сердца всех тамошних русских офицеров»¹⁰⁰. «Противник, –

заклучал русский военный следователь, – прекрасно был осведомлен как о состоянии наших войск, так и о внутреннем положении России»¹⁰¹. Другой очевидец, жандармский ротмистр Михайлов, служивший во Владивостоке, писал о «чрезвычайно искусно функционирующей сети японского шпионажа, очень правильно поставленной, охватывающей весь Дальний Восток и правильно организованной с большими затратами еще в мирное время. Тут было все – и тщательная подготовка еще задолго до войны переодетыми офицерами Генерального штаба, не брезговавшими содержать публичные дома, заниматься ремеслами и исполнять лакейские и поварские обязанности у высшего русского начальства ... кого тут только не было – и фельдшера, и китайские фокусники, и знахари, и купцы, и бродячие музыканты»¹⁰².

Но все это русские контрразведчики вполне осознали уже после подписания мира с Японией, а то, что им удалось обнаружить и обезвредить на Дальнем Востоке накануне или в ходе самой войны, было каплей в море. В начале июля 1902 г. на станции Черкасская Южно-Уссурийского округа были арестованы японцы К. Сивоко, З. Сузуки и М. Сивоя, которые выдавали себя за бродячих торговцев лекарствами. При обыске у них были найдены карты, зашифрованные записные книжки, счета японского пароходного общества «Ниппон Юсен Кайся» и переписка с Генеральным штабом в Токио. Выяснилось, что эти «торговцы», путешествуя по Приморской области и Маньчжурии, собирали сведения о составе и количестве русских войск, их дислокации и вооружении, заносили в записные книжки подробные описания дорог, фиксировали расстояния между населенными пунктами, номера телеграфных столбов, отмечали на карте военные посты, глубину и ширину речек и ручьев, встречавшихся по пути, броды, мосты, перевалы и горы, записывали число жителей в пройденных селениях, количество в них лошадей, рогатого скота, запасов топлива и даже сена. В октябре 1902 г. после нескольких месяцев тюремного заключения эти «негоцианты» были высланы из России в административном порядке¹⁰³. В сентябре следующего, 1903 г. другая, но примерно таким же образом экипированная троица японских «торговцев» была задержана на станции Хайчон близ Порт-Артура¹⁰⁴. Судя по сохранившимся письмам героя обороны Порт-Артура генерала Р.И. Кондратенко, в

самой крепости успешно действовали японские тайные агенты, которых крепостная полиция оказалась не в силах нейтрализовать. «Мне удалось организовать разведку через китайцев, – писал Кондратенко в середине марта 1904 г., – и сегодня арестовали в самом порту корейцев по паспортам, но, в действительности, по всем признакам – японцев. Неудивительно, что японцы так хорошо осведомлены, где мы ставим минные заграждения, какие принимаем меры обороны и проч.»¹⁰⁵.

На протяжении войны и русская, и зарубежная печать неоднократно сообщали об арестах и казнях японских лазутчиков и диверсантов, уличенных в сборе в Маньчжурии разведывательных сведений о русской армии или в попытках совершить диверсию или террористический акт. В ответ японская печать отговаривалась либо полным неведением, либо указаниями на то, что казненные были невинными «путешественниками», «негоциантами» или «студентами», изучающими русский язык. В конце февраля 1904 г. по приговору военно-полевого суда были повешены офицеры японского Генштаба полковник Ассаи, морской лейтенант Зуки Ашча и лейтенант Каурата – прямо у кульверта моста через реку Сунгари, который они, переодетые китайскими грузчиками-кули, готовились подорвать¹⁰⁶. Тогда же, благодаря анонимному доносу, властям удалось предотвратить уничтожение доков владивостокского порта – по сообщению берлинской газеты «Post», этот взрыв готовили судовые рабочие-японцы, остававшиеся в городе¹⁰⁷, несмотря на военное положение, объявленное в восточных районах страны.

В конце января 1904 г. военный губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант И.П. Надаров приказал учредить за всеми японцами, проживавшими здесь, «строгий надзор». Необходимость этой меры, которая получила одобрение императорского наместника на Дальнем Востоке, лицемерно мотивировалась «ограждением остающихся на жительстве в Забайкальской области японских подданных от всяких случайностей» под «покровительством властей»¹⁰⁸. 20 февраля пришло сообщение из Благовещенска: «Здесь японцы спешно распродают свои пожитки. Им велено всем выезжать к Иркутску; крайним сроком для выезда назначено 25 февраля»¹⁰⁹. Еще в начале февраля 1904 г. в Иркутске в доме японца-фотографа Саку было найдено несколько сот негативов снимков мостов, переправ рек,

вокзалов и других построек Сибирской железной дороги, а также городов Мариинска, Красноярска, Томска и Иркутска с указанием на обороте численности населения в каждом из них, характеристикой промышленности и т.д. Вслед за тем, по распоряжению Иркутского военного генерал-губернатора, все японцы были высланы из города¹¹⁰, а по настоянию директора Департамента полиции, японским подданным было запрещено жить по всей линии Сибирской железной дороги.

Однако надзор, установленный за этой железной дорогой, далеко не всегда был эффективен. В сентябре 1904 г. Департаменту полиции стало известно, что «японским правительством был командирован в Россию для осмотра железных дорог агент, которому удалось подробно осмотреть Сибирскую железную дорогу вплоть до Байкала»¹¹¹. Имя этого агента так и осталось нераскрытым, и, по свидетельству очевидца, японцы продолжали более или менее свободно наблюдать за переброской войск «на многих станциях Сибирской железной дороги»¹¹². В марте 1904 г., по просьбе японского посланника в США, американский госсекретарь Джон Хэй (J. Hay) поручил послу в Петербурге Маккормику (R. McCormick) хлопотать перед российскими властями об облегчении возвращения на родину 40 тысячам японцам, проживавшим в Сибири¹¹³.

На юге России контрразведчикам удалось выйти на след бывшего японского консула в Одессе Ижима Каметаро. Если верить газете «Одесские новости», которая в свою очередь ссылалась на лицо, «близко стоявшее к японскому консульству в Одессе», еще до начала русско-японской войны Ижима имел тайных информаторов в Турции, Персии, Сербии, Болгарии и на Кавказе и вообще демонстрировал повышенный интерес к политике России на Балканах¹¹⁴. С началом войны по распоряжению министра Дз. Комура вместе с другими сотрудниками консульства он покинул Россию и переехал в Вену, где, по данным Департамента полиции, возглавил один из центров японской «разведочной службы» с агентурой в Харькове, Львове и Одессе¹¹⁵. Несмотря на предпринятые усилия, поиски агентов бывшего консула в Харькове и Львове успехом не увенчались, зато одного из его одесских информаторов, японца То-гаси Киичи, обезвредить удалось, что также следует занести в актив российской контрразведки. На след Тогаси, слуги Ижима, который официально

оставался в Одессе для присмотра за имуществом консульства, Департамент полиции вывело одно из его донесений в Вену, перехваченное почтовой цензурой в мае 1904 г. В результате последующего «особого бдительного» наблюдения за Тогаси и его корреспонденцией в июне – июле было задержано еще четыре его донесения со сведениями о мобилизации и передвижениях русских войск, а также о подготовке японцами «злоумышлений» на Балтийском и Черноморском морях¹¹⁶. 31 июля 1904 г. Тогаси был арестован и, несмотря на попытку заступничества со стороны американского консула, выдворен из России.

Другие агенты Ижима на юге России – британский журналист Маккена (McKenna) и некий французский профессор, постоянно живший в Одессе, завербованные им незадолго до начала войны, – до 1905 г. оставались русской контрразведке не известны. По свидетельству историка Ч. Инаба, в эти годы они передали японцам много ценной информации о русском Черноморском флоте, а также о кораблях Добровольного флота, включенных в состав 2-й Тихоокеанской эскадры¹¹⁷. На протяжении всей войны Департамент полиции оставался в полном неведении и относительно других, действовавших в России секретных сотрудников японских дипломатов, которые работали в Западной Европе (на сведения одного из таких тайных информаторов летом 1904 г. в своей переписке ссылался посол Японии в Париже Мотоно¹¹⁸).

Интересны обстоятельства, при которых в Донской области был обезврежен австрийский авантюрист Т.В. фон-Подоски, еще в 1890-е годы предлагавший себя в «сотрудники» русским, австрийским, а позднее – германским и японским разведывательным органам. 27 сентября 1904 г. Главный штаб сообщил в Департамент полиции о том, что в Вене появился некто из Таганрога, передавший японскому посланнику Макино сведения о мобилизации 4-й Донской казачьей дивизии, которые в копии и прилагались¹¹⁹. Но не прошло и недели, как на Фонтанке было получено донесение начальника Донского областного жандармского управления по Таганрогскому округу, в котором было указано имя и подробности «разработки» этого незадачливого шпиона, слежка за которым, как оказалось, велась уже с июля этого года. В результате через подставных лиц Подоски получил от российских контрразведчиков и отвез в Вену документы, которые

действительно касались казачьей мобилизации, но были подготовлены окружным воинским начальником и никаких настоящих секретов, понятно, не содержали¹²⁰. За тем же, что и Подоски, занятием в Екатеринославе были задержаны два других австрийца, которые и действовали по похожей схеме – от подкупленных писарей здешнего воинского начальника они получали сведения о ходе мобилизации, которые через Австрию пересылали в Японию.

В целом, несмотря на ряд частных успехов, борьбу с японской секретной агентурой на своей территории российская контрразведка очевидно проиграла – главным образом, в силу далеко неравных «стартовых» условий. Разведывательная сеть, которая была создана Японией в России в предвоенные годы, раскрыта и обезврежена ею не была. «Уже после объявления войны между Россией и Японией, – признавала близкая к правительственным кругам и весьма осведомленная газета “Новое время”, – обнаружилось, что эта последняя организовала целую систему шпионства, чрезвычайно тонко задуманного и искусно выполненного. Японские шпионы по единогласным отзывам являются образцовыми»¹²¹. Своеобразным отражением этих страхов явился образ японского шпиона, всепроникающего и внушающего ужас своей железной волей, дерзостью и целеустремленностью, который сложился в общественном сознании и психологически точно выведен А.И. Куприным в его тогда же написанном знаменитом рассказе «Штабс-капитан Рыбников»: у этого, внешне почти карикатурного «маленького, черномазого, странно болтливого, растрепанного и не особенно трезвого» человечка в русском общеармейском офицерском мундире, бродящего по петербургским военным канцеляриям, герой Куприна умеет рассмотреть «злое, насмешливое, умное, пожалуй, даже высокомерное» выражение лица, «принадлежащее существу с другой планеты»¹²².

Лишь к середине лета 1904 г. российская контрразведка освоилась с новыми условиями, вызванными войной, и, пытаясь перехватить инициативу у японцев, начала работать с упреждением. В результате приостановки деятельности Разведочного отделения Главного штаба был положен конец в дублировании его функций с контрразведкой политической полиции. Наметилась тенденция к превращению Департамента полиции в орган, координирующий всю

контрразведывательную работу в империи и за границей. С середины 1904 г. центр тяжести контрразведывательных операций переместился за пределы России, началась эпоха крупномасштабных акций и длительных командировок контрразведчиков за рубеж. С этого времени направление и ход этих операций становятся во все большую зависимость от военных событий на Дальнем Востоке.

Глава II

В Западной Европе, Малой Азии, Африке и Индокитае: охрана 2-й Тихоокеанской эскадры

На рубеже XIX—XX вв. Россия оставалась одной из великих военно-морских держав и по общему числу своих боевых кораблей уступала лишь «владычице морей» Англии и Франции. Накануне войны с Японией примерно треть из них находилась на Дальнем Востоке и составляла Тихоокеанскую эскадру. Под началом ее командующего вице-адмирала О.В. Старка состояло 7 броненосцев водоизмещением 12 674—13 000 т, 10 крейсеров 1-го и 2-го рангов, 2 минных крейсера, 7 мореходных канонерских лодок и 25 миноносцев. Основные силы эскадры базировались в Порт-Артуре, но некоторые (крейсер «Варяг» и несколько канонерских лодок, в том числе «Манджур» и «Кореец») стояли в иностранных портах. Помимо этого во Владивостоке базировался отдельный отряд контр-адмирала К.П. Иессена в составе 5 крейсеров (один вспомогательный) и 10 миноносцев¹²³. 20-ти крупнотоннажным русским боевым судам на Дальнем Востоке противостояло 21 японское при соотношении в водоизмещении как 190 тысяч т у России к 260 тысячам у Японии. Последняя имела здесь 6 броненосцев водоизмещением 12 500—15 200 т, 15 броненосных и бронепалубных крейсеров¹²⁴ и 46 миноносцев.

В первые же месяцы войны многие из русских кораблей были потоплены или серьезно повреждены. Не желая сдаваться врагу, после боя с японцами экипажи крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» уничтожили свои суда. Первая торпедная атака японских миноносцев на корабли Тихоокеанской эскадры на рейде Порт-Артура в ночь на 27 января 1904 г. на полгода вывела из строя два лучших броненосца эскадры и повредила один крейсер. 29 января взорвался и затонул минный транспорт «Енисей» (погибло 95 матросов и офицеров, включая командира), через два дня на собственную

подводную мину наскочил крейсер «Боярин» (погибла машинная команда), 31 марта на минной банке подорвался флагманский броненосец «Петропавловск» на котором вместе с 630 членами экипажа погиб и новый командующий Тихоокеанской эскадрой, один из самых талантливых российских флотоводцев того времени вице-адмирал С.О. Макаров. Несмотря на то, что тяжелые потери нес и японский военный флот¹²⁵, к весне 1904 г. господство на море перешло к Японии, а остатки русской Тихоокеанской эскадры были вынуждены ограничиться почти исключительно оборонительными действиями.

Пользуясь превосходством своего военного флота, в апреле – июне 1904 г. Япония десантировала на материке крупные сухопутные соединения и начала наступление сразу в двух направлениях – против основной русской группировки и на Порт-Артур, который в апреле был блокирован, а в июле и осажден. Из-за низкой пропускной способности Сибирской железной дороги (в лучшее время на отдельных участках – не более 8—10 пар поездов в сутки, по японским оценкам – по 10—15 тыс. солдат в месяц¹²⁶) Россия так же быстро перебрасывать подкрепления в Маньчжурию не могла, а это, в свою очередь, связывало руки российскому командованию и в целом предопределяло не в ее пользу исход борьбы и на сухопутном театре военных действий. Сказались и стратегические просчеты высшего российского военного руководства. Всего за год до начала войны, в феврале 1903 г., военный министр А.Н. Куропаткин убеждал Николая II, что Россия «отстоится» и с одними сухопутными силами, и чем дальше на материк заберется Япония, «тем поражение ее будет решительнее». Кроме того, министр был уверен, что в течение того же 1903 г. Порт-Артур «будет приведен в такое оборонительное состояние, что будет в силах выдержать осаду в полтора года»¹²⁷. На практике все эти расчеты не подтвердились. «Сухопутная армия, выставленная Россией на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг. в срок, который был ей предоставлен для борьбы с Японией, – признавал позднее и сам Куропаткин, – не могла победить японцев»¹²⁸. Действительно, из-за допущенных просчетов Россия с ее многомиллионной армией вступила в войну, имея на ее основном театре менее 100 тыс. солдат, или около 8% ее состава мирного времени. На протяжении всего первого этапа войны (до Ляоянской

операции августа 1904 г.) превосходство Японии в живой силе на суше было подавляющим – кратным.

В общем, к весне 1904 г. стало очевидно, что переломить течение неудачно начавшегося конфликта можно, лишь обеспечив господство на море, для чего требовалось отобилизовать и отправить на Дальний Восток силы Балтийского и Черноморского флотов. Вопрос заключался лишь в том, когда и какие именно суда посылать и какую задачу перед ними ставить.

Оправившись от шапкозакидательских настроений первых недель войны, Россия с тревогой взирала на катастрофическое ослабление на Дальнем Востоке своих военно-морских сил. «Спала тогда пелена с глаз у многих, – вспоминал очевидец, – и вместо прежних равнодушных речей, сомневавшихся в надобности для России иметь сильный флот в Тихом океане, стали раздаваться страстные призывы, доказывавшие, что государственный интерес России властно требует немедленного усиления нашей морской силы в Желтом море»¹²⁹. В консервативной и проправительственной печати стали появляться все более настойчивые требования о скорейшей отправке туда подкреплений из Балтики и Черного моря. Необычайно широкий общественный резонанс получили статьи во влиятельной петербургской газете «Новое время» профессора Николаевской морской академии капитана 2-го ранга Н.Л. Кладо, в которых тот резко критиковал Морское министерство и зажигательно призывал возможно скорее направить на Дальний Восток все военные суда, вплоть до транспортов и кораблей береговой обороны, которые дальше Финского залива в море не выходили (при этом, как признавал впоследствии один из сотрудников «Нового времени», редакция газеты «была осведомлена об истинном положении и полной неподготовленности посылаемых судов и их снаряжения»¹³⁰).

Публика приняла предложения Кладо с восторгом, однако многие специалисты отнеслись к ним настороженно. В военно-морских кругах Кладо вообще недолго любили и считали человеком небескорыстным, действовавшим в интересах вице-адмирала А.А. Бирилева, который мечтал о кресле морского министра и в конце июня 1905 г. действительно его получил – нечастый и в российской, и в мировой практике случай, когда в условиях еще продолжавшейся войны руководителем военно-морского ведомства назначался адмирал, не

имевший боевого опыта¹³¹. Позднее личный секретарь адмирала З.П. Рожественского лейтенант Е.В. Свенторжецкий явно со слов своего шефа так комментировал публицистические выступления Кладо:

«Знаете ли Вы, что г. Кладо все свое гражданское мужество проявляет в надежде на воздаяние? Весь его литературный вопль – перепев бирилевского доклада от октября (или ноября) месяца 1904 года! Доклада, в котором наш “боевой” адмирал (где только он воевал?) доказывает полную возможность и даже необходимость посылки нам в подкрепление всякой рухляди ... Свалят [морского министра] Авелана, посадят на его место Бирилева – тут-то Кладо и расцветет!»¹³².

В общем, вокруг флотских дел закипели нешуточные страсти. На волне этих настроений 1 (14) февраля 1904 г. Николай II принял группу адмиралов – Рожественского, Абазу и великого князя Александра Михайловича, а спустя еще три недели заслушал «длинный морской доклад»¹³³. Вскоре о подготовке похода части Балтийского флота во главе с Рожественским к японским берегам открыто заговорили и в Западной Европе¹³⁴. Однако зарубежные комментаторы – британский авторитет в военно-морских вопросах У. Уилсон (W.H. Wilson), а за ним и другие западноевропейские эксперты – усомнились в способности будущей русской эскадры не только выполнить возложенную на нее боевую задачу, но даже добраться до цели, настолько труден и долог быть ее предполагаемый путь¹³⁵.

Российскому императору понадобилось более двух месяцев, чтобы окончательно осознать, что в лице Японии Россия столкнулась вовсе не с таким заведомо слабым противником, как ему представлялось накануне войны. К практическому решению проблем своих военно-морских сил на Дальнем Востоке Николай II обратился в начале апреля 1904 г., едва, по собственному выражению, «опомнившись от ужасного несчастья» – гибели адмирала Макарова на броненосце «Петропавловск». 2 (15) апреля он принял бывшего командующего Тихоокеанской эскадрой адмирала Старка, 5 (18)-го выслушал очередной пространный «морской доклад», а 12 (25)-го долго беседовал с начальником Главного морского штаба контр-адмиралом свиты Рожественским, которому тогда особенно благоволил¹³⁶. В ходе

этих совещаний был принципиально решен как вопрос о формировании новой эскадры и посылке ее на Дальний Восток, так и проблема ее командующего. Еще 31 марта (12 апреля) в интервью французской газете «Petit Parisien» Рожественский признал, что вопрос о нем как командующем эскадрой, фактически, уже решен, причем на самом высоком уровне¹³⁷. 17 (30) апреля дядя царя, генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович приказом по морскому ведомству распорядился именовать бывшую Тихоокеанскую эскадру 1-й, а суда, строящиеся на Балтике, – 2-й эскадрой флота Тихого океана. 19-го числа командующим новой эскадрой был утвержден Рожественский с оставлением в должности начальника Главного морского штаба. Инициатива этого назначения исходила от Николая II и его дяди, генерал-адмирала. Сам же Рожественский, судя по воспоминаниям его соратников и его собственным позднейшим документам, не хотел брать на себя эту тяжелую обузу, будучи вообще против посылки эскадры в планировавшемся составе. Однако, как человек чести и долга, он счел себя не вправе официально заявлять об этом и принял новое назначение.

В августе 1904 г. на секретном совещании в Петергофе 2-й эскадре была поставлена задача соединиться в Порт-Артуре с кораблями 1-й и, нанеся поражение главным силам японского флота, завоевать господство на море. Однако вскоре 1-я русская Тихоокеанская эскадра была окончательно обессилена, а 20 декабря 1904 г. после многомесячной осады пал и Порт-Артур. Вместо того, чтобы немедленно вернуть 2-ю эскадру из Индийского океана домой, смириться с тем, что война проиграна, и начать переговоры о заключении «мира не унижительного» (первый мирный зондаж через своего посланника в Лондоне Япония предприняла уже в июле 1904 г.¹³⁸, а в рассуждения относительно будущих мирных переговоров японская печать пустилась еще в марте того же года), Николай лично настоял на продолжении похода. Тогда же «Новое время» опубликовало большое письмо адмирала Бирилева, в котором тот доказывал, что «2-я эскадра есть огромная, хорошо сформированная и укомплектованная сила, равная силам японского флота и имеющая все шансы на полный успех в открытом бою»¹³⁹. «Падение Порт-Артурса ничего не изменило в неблагоприятную сторону в положении адмирала Рожественского ... Нет, жребий уже брошен, и надо испытать

чашу до дна ... Идти назад – нельзя», – вторил Бирилеву со страниц той же газеты его последователь «Прибой» (Кладо)¹⁴⁰.

Между тем, здравомыслящие российские военные и военно-морские деятели понимали, что после падения Порт-Артура эскадра Рожественского теряет шансы на успех – именно об этом в конце декабря 1904 г. в интервью парижской «L'Écho de Paris» говорил вице-адмирал Ф.В. Дубасов¹⁴¹. По словам нововременского обозревателя, эта откровенность председателя Морского технического комитета России произвела на европейскую публику «огромное впечатление»¹⁴² даже несмотря на то, что адмирал поспешил заявить, что журналисты его «неправильно поняли». Герой обороны самой крепости генерал Р.И. Кондратенко еще в середине сентября 1904 г. в частном письме начальнику Квантунского укрепрайона генерал-лейтенанту А.М. Стесселю отмечал, что «потеря Артура и находящегося здесь флота» приведет к «безвозвратному проигрышу» всей кампании; «единственный почетный выход из такого положения» Кондратенко видел в скорейшем «заключении теперь, до падения П[орт-]Артура мирных условий, которые несомненно можно (до падения Артура) установить не унижительные для народного самолюбия»¹⁴³.

Русский император доводам Дубасова и его единомышленников не внял, и Петербург предписал Рожественскому добиваться намеченной в Петергофе цели самостоятельно. Фактически это означало, что его эскадре предстояло разгромить весь японский флот вблизи его берегов – с ходу, после многомесячного изнурительного почти кругосветного плавания, за тысячи миль от своих баз и во враждебном окружении, т.е. совершить почти невозможное. Невыполнимость этой задачи хорошо понимал и сам командующий 2-й эскадрой, который, получая телеграммы Морского министерства, приходил в бешенство и сдавленным голосом костил петербургских «предателей»¹⁴⁴.

Но все это было много позже – уже в походе. Теперь же, весной 1904 г., положение Рожественского как командующего, по свидетельству его штабного офицера подполковника (впоследствии генерал-лейтенанта) по адмиралтейству В.А. Штенгера, «было совершенно отличное от обычного положения флагмана. Ему были даны обширные полномочия для изготовления и снабжения эскадры. С этого времени по всем делам эскадры адмирал со всеми учреждениями сносился непосредственно ... Морской министр,

Главный морской штаб и все подведомственные учреждения почти прекращают связь с адмиралом, мало что зная о его планах»¹⁴⁵. Тем не менее, командующий не мог игнорировать общественное настроение, созданное статьями Кладо, которое принесло его эскадре большой вред. Пользуясь им, заинтересованные лица из числа высших флотских чинов навязали Рожественскому включение в ее состав старых военных либо плохо приспособленных под военные коммерческих пароходов, а также покупку у частных компаний тихоходных транспортных судов, некоторые из которых по негодности были им отправлены домой в первые же дни похода. Считалось, что чем больше кораблей и моряков будет послано на Дальний Восток, тем лучше. «Наши мудрецы утверждают, что, перемножив между собою пушки, арбузы, мужиков, фиктивные скорости и т.д. ... – комментировал сложившуюся ситуацию старший штурман флагманского броненосца эскадры “Князь Суворов”, – они получают боевой коэффициент эскадры, не многим уступающий таковому же эскадры адмирала Того. Но это – не более, как обман несведущей, сухопутной публики. Обман злостный»¹⁴⁶.

Николай II не сделал ровным счетом ничего, чтобы оградить командующего от посторонних влияний, хотя был единственным, кто не только мог, но был прямо обязан позаботиться об этом. Мало того, он сам до последнего момента колебался в правильности избранного курса и несколько раз то принимал «неизменное решение эскадры на Дальний Восток не посылать», то возвращался к плану, выработанному еще в апреле. Главными его советчиками и экспертами при решении этого вопроса выступали великий князь Александр Михайлович и руководители Морского министерства – адмирал Ф.К. Авелан и великий князь генерал-адмирал Алексей Александрович. Если верить троюродному брату Николая II, этот царский дядюшка управлял флотом «согласно традициям XVIII века», а относительно посылки флота на Дальний Восток сказать ничего не мог, «но имел гражданское мужество в этом признаться»¹⁴⁷. Последний российский император не был наделен от природы большими дарованиями, но один «талант» имел несомненно – приближать к себе бездарностей либо проходимцев.

В итоге, к моменту выхода в море 2-я Тихоокеанская эскадра представляла собой не слаженный боевой организм, а скорее плохо

управляемую армаду из 37 разномастных судов с многочисленным (около 12 тыс.), но недостаточно обученным и неопытным либо возрастным экипажем – судовые команды на две трети состояли из новобранцев и мобилизованных запасных. В военном отношении и те, и другие были подготовлены плохо. К тому же «молодые», как правило, боялись предстоящего похода, а многие «старики» и того хуже – были настроены пораженчески. В общем, моральный дух моряков оставлял желать много лучшего. Вести такую эскадру в бой было огромным риском, но чтобы заявить об этом открыто, требовалось большое гражданское мужество, на недостаток которого у Рожественского задним числом нашлось много желающих ему попенять. «Все знают, – с горькой иронией писал адмирал уже после заключения мира с Японией, – что до начала войны я был 10 месяцев начальником штаба, имел время пересоздать флот, перевоспитать офицера, обучить матроса, заготовить обилие средств и запасов, знают, что я ничего этого не сделал, а изменнически повел на убой неученых людей на нестройной эскадре. Будь у меня хоть искра гражданского мужества, я должен был кричать на весь мир: “Берегите эти последние ресурсы флота! Не посылайте их на истребление!...”»¹⁴⁸. Однако и не посылать подмогу на Дальний Восток было нельзя – отказаться от этого фактически означало признать свое поражение. Между тем, пока держался Порт-Артур, шанс переломить ход войны у эскадры все-таки оставался.

Сразу после своего нового назначения Зиновий Петрович с головой погрузился в работу. Вот как тот же Штенгер описывал обычный рабочий день командующего: «Вставал он в 7 часов утра и в 8 часов уже сидел за бумагами в кабинете; при этом резолюции его ... почти никогда не ограничивались краткой подписью: “справку”, “к распоряжению” и т.п., а почти всегда составляли подробное и определенное решение, так редактированное, что можно было его целиком переписывать как ответные бумаги; нередко эти резолюции были очень резки, иногда в них проглядывала ирония, но всегда были определены. Почерк у адмирала был редко хороший, и все свои заметки и резолюции он всегда писал чернилами и всегда без поправок. Бесчисленное количество ... просителей он принимал обычно утром до 10 час.; с 10 же часов начинались доклады по делам Штаба и шли без перерыва до 1 часа дня. При этом телефон из других

министерств действовал непрерывно, телеграммы в то тревожное время сыпались как из рога изобилия и решения по ним следовали немедленно. Тут же на ряду бывали сношения по вопросам, касающимся формирующейся эскадры и разных предложений изобретателей, самых разнообразных и подчас несуразных. Далее наступало время завтрака, но уже в 2 часа адмирала не было дома – он делал многочисленные визиты, участвовал в заседаниях и пр. В 4 часа он снова был дома, где его уже ждала полная приемная народу. Тут были и заводчики, и всякие иностранцы, и чины флота и Штаба, и опять это колесо вертелось до 7 часов вечера, когда адмирал обедал. В 8 часов обычно я снова бывал у него с последними бумагами и телеграммами и уходил не раньше 11 часов, притом нагруженный бесконечными приказаниями, экстренными поручениями и пр. и пр. – адмирал продолжал один работать и ежедневно около 2 часов ночи предупреждал меня по телефону, что посылает мне еще партию бумаг, давая по некоторым указаниям. Тут кончался его рабочий день»¹⁴⁹.

Одной из важнейших задач, требовавшей скорейшего решения, была безопасность плавания 2-й Тихоокеанской эскадры на большей части ее долгого, в 18 тыс. миль, пути на Дальний Восток. Охрана эскадры явилась самой масштабной и продолжительной операцией российской контрразведки в годы русско-японской войны. Несмотря на это, современные военные историки, а также специалисты по истории отечественной военной, военно-политической и внешней разведки редко о ней вспоминают, видимо полагая, что поскольку беспримерный поход эскадры закончился цусимской катастрофой, об ее охране говорить неудобно. Военно-морские историки эту операцию тоже не жалуют. Вместе с зарубежными авторами они сходятся на том, что предостережения контрразведчиков – в первую очередь, А.М. Гартинга и И.Ф. Мануйлова – накалили обстановку на судах эскадры и взвинтили ее командующего до такой степени, что фактически спровоцировали обстрел российскими военными моряками английских рыбаков в ночь на 9 (22) октября 1904 г. на Доггер-банке в Северном (или «Немецком») море. Этот, крайне неприятный для России, инцидент, вошедший в историю под названием «гулльского» (от названия йоркширского города-порта *Hull*, места приписки английской рыбацкой флотилии), породил собственную значительную историографию. Уже более столетия

продолжается спор о том, кто спровоцировал его, каким образом и с какой целью, и конца этой дискуссии не видно. Попробуем разобраться в этой истории и мы.

К началу лета 1904 г. под личным руководством Рожественского особо доверенные офицеры из его ближайшего окружения разработали три варианта маршрута эскадры¹⁵⁰. Однако в августе император утвердил смешанный вариант, согласно которому часть кораблей должна была идти через Средиземное море, Суэцкий канал и Красное море, а новые боевые суда с глубокой осадкой – двигаться вокруг западного побережья и южной оконечности Африки. Соединение эскадры предполагалось на Мадагаскаре. Все варианты разрабатывались в глубокой тайне, но даже беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы определить наиболее уязвимые с точки зрения безопасности места. Для балтийской части эскадры ими были балтийские проливы (Большой и Малый Бельты, Эресунн (Зунд) и Каттегат), а для черноморской – Босфор и Дарданеллы, а также Суэцкий канал и Красное море. Естественно, что в дальнейшем именно в эти районы были направлены российские контрразведчики. Поскольку главную ударную силу 2-й эскадры составляли новые эскадренные броненосцы, базировавшиеся на Балтике¹⁵¹, с самого начала особое внимание было обращено на скандинавские страны, мимо которых им предстояло пройти.

Впервые сведения о том, что купленные в Англии миноносцы Япония направляет в Швецию для действий против русского Балтийского флота, поступили в Департамент полиции в апреле 1904 г.¹⁵² Кроме того, Петербург тревожило необычайное многолюдие японской дипломатической миссии в Стокгольме и особенно – частые визиты здешнего японского военно-морского атташе в шведские и датские порты. Выяснение обстоятельств дела директор Департамента полиции А.А. Лопухин поручил Мануйлову, однако что-либо конкретное тому разузнать не удалось. Тогда же, в апреле 1904 г., Главный морской штаб заинтересовался слухами о том, что на шведских верфях по заказу Японии строятся миноносцы. Для проверки слуха в Стокгольм был направлен военно-морской атташе в Германии капитан 2-го ранга князь А.А. Долгоруков, близко знакомый с дальневосточными делами по прежней службе – до своего назначения в Западную Европу он был старшим флаг-офицером

начальника штаба эскадры Тихого океана и в этом качестве в 1900—1901 гг. участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае. Поскольку источником этой информации выступил российский посланник в Стокгольме тайный советник (ТС) Е.К. Бюцов, за «подробными указаниями» Долгорукову было предписано обратиться именно к нему¹⁵³. Однако на месте эти слухи не подтвердились, и уже через неделю Долгоруков вернулся в Берлин. Когда в конце 1904 г. было установлено, что на шведских предприятиях японские военные заказы все-таки были размещены (например, на заводе «Бофорс» для Японии производились бронебойные 12-дюймовые артиллерийские снаряды), выяснением подробностей первоначально занялись военный агент в Скандинавии полковник А.М. Алексеев и Генеральный консул в Стокгольме В.А. Березников, но уже в январе 1905 г. вся их агентура по «бофорскому делу» была передана чиновнику Департамента полиции А.М. Гартингу¹⁵⁴.

С конца мая – начала июня 1904 г. тревожные сообщения из-за рубежа относительно намерений японцев хлынули в Главный морской штаб уже потоком. Многочисленные, разные, никак не связанные между собой и порой весьма неожиданные источники были единодушны в том, что Япония готовит серию акций, призванных затруднить формирование и оснащение 2-й Тихоокеанской эскадры и ее предстоящий поход на Дальний Восток. Об этом в полевой штаб наместника на Дальнем Востоке и в Петербург доносили военные и военно-морские агенты из Китая (генерал-майор К.Н. Дессино¹⁵⁵), Франции (полковник В.П. Лазарев), Дании и Швеции (полковник А.М. Алексеев), Великобритании (капитан 1-го ранга И.Ф. Бострем), телеграфировали из Шанхая бывший посланник в Корею А.И. Павлов и чиновник Министерства финансов Л.Ф. Давыдов, консулы в Кардиффе, Ньюкастле, Гонконге, Сингапуре, Джедде, чиновники МИД и дипломатические агенты в Турции, Египте и в других странах. Косвенно угрозу, нависшую над эскадрой, подкрепляли сообщения о тайной переброске японцами отрядов своих военных моряков через английские колонии в районы Средиземного, Черного и Балтийского морей, о закупках ими военных судов, радиостанций и другого специального оборудования для действий на севере Европы, а также в Красном море и Индийском океане. В донесениях приводились воинские звания, специальности и даже имена японских моряков,

едущих в Европу, Малую Азию и на север Африки, маршруты их движения, говорилось о вероятном построении и методах действия японских кораблей на пути следования эскадры Рождественского. «Японские офицеры: командир миноносца Миоши, лейтенант Ватанабэ, минный офицер Уесуги и два водолазных офицера¹⁵⁶, – телеграфировал из Гонконга консул Бологовский, – выехали [в] пятницу [21 мая 1904 г.] отсюда [на] английском пароходе “Роза Исса” в Аден, имея с собою 11 ящиков ... В каждом ящике по две мины, каждая весом 25 фунтов¹⁵⁷ ... На прошлой неделе [на] английском пароходе здесь проехали семь японских офицеров: четыре минных, три водолазных, направляясь [в] Лондон, затем [в] Христианию, а оттуда [в] Финский залив»¹⁵⁸.

24 мая камергер Павлов сообщал из Шанхая: «По секретным сведениям генерала Дессино, японцы, независимо известных уже отправок в различные порты своих минных и водолазных офицеров, уже начали скупать и фрахтовать быстроходные иностранные коммерческие пароходы, которые они намерены снабдить беспроволочным телеграфом и ко времени выступления Балтийской эскадры держать под нейтральным флагом в море в тех местах, где, по предположениям японцев, эскадра будет проходить в сравнительно близком от берега расстоянии. В каждом таком месте предположено держать в крейсерстве несколько пароходов ... для осведомления японского правительства о точном времени прохода эскадры через данный пункт. Весьма вероятно, что на этих же пароходах будут иметься бросательные мины»¹⁵⁹. Такие действия японцев в западноевропейских водах казались тем вероятнее, что тогда же, в мае 1904 г., их быстроходные коммерческие паровые суда, оборудованные радиосвязью («беспроволочным телеграфом») и под английским флагом, курсировали вокруг российских дальневосточных портов, производя разведку местности и собирая сведения о русском флоте¹⁶⁰.

Полковник Лазарев, ссылаясь на сведения некоего датского офицера, сообщал из Парижа, что из Лондона в Копенгаген выехали два японца с намерением «совершить покушение» на Балтийскую эскадру. Независимо от него полковник Алексеев, работавший в Скандинавии, писал, что, по его агентурным данным, такое «покушение» должно состояться в море, «между Норвегией и Англией» с применением минного аппарата, недавно изобретенного японским капитаном Ода – с

его помощью можно было как «бросать» мины с борта судна, так и пускать торпеды с берега¹⁶¹. Суть изобретения Ода, пояснил консул Бологовский, состояла в том, что торпеды могли управляться «с береговой станции принципом воздушного телеграфа» и «безошибочно» попадать в движущуюся цель (он сам наблюдал секретные испытания прибора Ода в Гонконге)¹⁶². Речь, таким образом, шла о торпедной дистанционной атаке на суда 2-й эскадры Главного морского штаба информированной из Китая и лейтенант флота Головизнин.

В том же мае 1904 г. российский вице-консул в британском Кардиффе со слов капитана парохода “Kalfond” донес о попытке некоего японца, «говорящего на нескольких европейских языках, по-видимому, офицера», под видом простого матроса попасть в Кронштадт, куда отплывал этот норвежский угольщик (капитан отказался брать японца на борт)¹⁶³. Попытки японцев проникнуть в российские военные порты для проведения диверсий чуть раньше получили подтверждение и на другом конце Европы – в Мадриде. Изабелла II, 74-летняя испанская вдовствующая королева-мать, в присутствии сына, Альфонсо XIII, просила российского посла ТС Д.Е. Шевича передать Николаю II, что, по сведениям ее источника, «в достоверности коего ее величеству не раз приходилось убеждаться», «в Кронштадтском порте есть подкупленные японцами изменники, коим поручено разрушить пожаром и взрывами находящиеся в порте военные сооружения и боевые суда»¹⁶⁴. В начале июля 1904 г. Дессино и Головизнин порознь телеграфировали о планах японцев послать в Красное море для «перехвата наших добровольцев» (т.е. транспортных судов Добровольного флота) крейсера в сопровождении двух пароходов с углем, а несколько недель спустя консул в Джедде и дипломатический агент в Александрии почти одновременно и также независимо друг от друга сообщили, что в Красное море действительно «пришел японский бронированный крейсер с двумя другими судами»¹⁶⁵.

Все эти и множество других аналогичных сообщений поступали в Главный морской штаб непосредственно либо через МИД и военное ведомство, но так или иначе ложились на стол адмирала Рожественского. Летом 1904 г. офицеры Главного морского штаба собрали эти депеши в особую сверхсекретную папку, которую назвали

«Собранием копий донесений относительно намерений японцев». В деталях полученные предостережения могли не совпадать, а некоторые при последующей проверке вообще оказались ложными. Еще больше ситуацию запутывало то, что в конце 1903 – начале 1904 г. Япония направила в Западную Европу несколько групп своих морских офицеров для комплектования экипажей купленных там ею военных судов для их последующей переправки на Дальний Восток. Однако в целом угроза, нависшая над 2-й эскадрой, выглядела вполне реальной, и в этом отношении вырисовывалась убедительная и тревожная картина, игнорировать которую было бы преступлением.

Позднее эти данные получили подтверждение и из японских источников. От канцеляриста японского посольства в Гааге российский Департамент полиции получил черновики и копии несколько секретных депеш, которые тамошний посол Митцухаси во второй половине сентября 1904 г., т.е. накануне выхода эскадры Рождественского в море, направил своему министру иностранных дел Комура, японскому военно-морскому атташе во Франции Хисаматцу и посланнику в Бельгии Сенжитцу. «Прошу употребить все способы, – писал Митцухаси в Париж, – которые могли бы воспрепятствовать ходу эскадры. Всевозможные препятствия должны быть поставлены на пути, несмотря на риск жизнью наших служащих. Не обращая внимания ни на какую цену, средство может и должно быть доставлено и ничто я не считаю слишком дорогим ... С эскадрой идут несколько меньших судов с необходимыми припасами, которые также должны быть уничтожены, но главное внимание должно сосредоточить на эскадре. Там, я уверен, 6 броненосцев, коим и должны быть поставлены главные препятствия. Обдумайте способ постановки мин на пути, причем это нужно сделать с возможной конспиративностью»¹⁶⁶.

«Мы имеем людей, – неделей раньше извещал Митцухаси свое руководство, – расположенных в разных местах, которые должны нам сообщать о всех движениях и по возможности препятствовать им. В официальных кругах говорят, что эскадра, которая должна идти на выручку, выйдет в море в этом месяце; поэтому мы приняли все меры, чтобы помешать этому. Конечно, Ваше превосходительство понимаете, что мы должны быть очень осторожны, чтобы не возбудить подозрений неприятеля и других наций»¹⁶⁷. «Есть слух, – писал

Митцухаси в тот же день коллеге в Брюссель, – что 29 судов будут сопровождать флот, чтобы снабжать его углем и продовольствием; конечно, мы будем следить за ними ... Есть большое сомнение, что плавание пройдет гладко, и мы надеемся, что недостатка в препятствиях не будет»¹⁶⁸.

В том же духе о перспективах плавания эскадры Рождественского отзывались и в японском Генеральном консульстве в Шанхае. В середине ноября 1904 г. Павлов со ссылкой на своего секретного осведомителя в этом консульстве телеграфировал в МИД: «Японское правительство особенно опасается, что наша 2-я Тихоокеанская эскадра могла бы атаковать Формозу и Пескадорские острова, воспользоваться этими пунктами как базой для дальнейших операций. Японское правительство будто бы еще не теряет надежду, что благодаря принятым секретным мерам нашему флоту вовсе не удастся дойти до Формозы»¹⁶⁹. Чуть раньше, в конце октября, Павлов получил такого же рода сведения и непосредственно из Японии. Самый осведомленный из всех работавших там российских тайных агентов, ссылаясь на секретные японские источники, «положительно подтверждал факт отправки за последние месяцы в Европу, в Красное море и на мыс Доброй Надежды весьма большого числа морских офицеров и нижних чинов с расчетом предпринять ряд тайных нападений на нашу эскадру»¹⁷⁰. Этим тайным агентом был француз Жан Бале (Jean C. Balet), корреспондент парижских газет «L'Illustration» и «Figaro».

За день до выхода эскадры Рождественского в море, 13 октября 1904 г. по новому стилю, германский посол в Великобритании П. Меттерних телеграфировал в Берлин: «Из достоверных источников мне было сообщено, что в случае выхода русского Балтийского флота в Зунде или Каттегате будут поставлены японскими агентами мины»¹⁷¹.

Как водится, не обошлось и без слухов, которые постепенно обрастали фантастичными подробностями. Летом 1904 г. в морских кругах Западной Европы упорно ходили разговоры о каком-то враждебном России «акте, задуманном англичанами». Офицеры австрийской канонерской лодки «Таурус», которая прибыла в Севастополь из Стамбула в конце июня, рассказывали, что англичане-де «готовят в Ламанше личный состав подводных лодок, обучая японцев управлению этими лодками. К моменту выхода русской

эскадры из Кронштадта весь личный состав лодок, действующих в Ламанше, должен состоять уже из одних японцев, а самые лодки должны быть уступлены японскому правительству»¹⁷². На поверку все это оказалось вымыслом.

Призрак таинственных подводных лодок, невидимых с борта корабля и тем особенно опасных (бороться с ними тогда еще не умели), преследовал военных моряков обеих сторон на протяжении всей войны. Как японские, так и многие русские военно-морские специалисты были убеждены, что, например, броненосцы «Петропавловск» и «Хацуза» не подорвались на минах, как было в действительности, а стали жертвами нападения субмарин противника. Весной 1904 г. в печати появились сообщения о «блестящих результатах», которые дали опыты в Порт-Артуре с русскими подводными лодками, якобы совершенно «готовыми для активных целей»¹⁷³. Напуганная этими сообщениями, японская печать вспомнила, что в 1899 г. на мирной международной конференции в Гааге «царь Николай II и русское правительство» заявили о «несовместимости использования субмарин с принципами, принятыми среди цивилизованных наций» и «предложили запретить не только их использование, но и постройку» (материалы на этот счет публиковались под рубрикой «Коварство московитов»)¹⁷⁴. Поскольку японцы, к слову, также подписавшие Гаагские международные конвенции, после Гааги сами активно, хотя и тайно, строили свой подводный флот, возможно, в большей степени это была упреждающая пропагандистская акция.

От русской разведки не укрылись факты покупок японцами подводных лодок в Америке; ей также удалось проследить пути доставки этих судов на Дальний Восток, установить места сборки в самой Японии (они перевозились в разобранном виде), выяснить их вооружение и технические характеристики, ход испытаний и многие другие подробности – заводы-изготовители, фирмы-перевозчики, обслуживающий персонал и т.д.¹⁷⁵ Опасения относительно японского подводного флота несколько утихли только в марте 1905 г., когда тот же француз Бале, который имел надежные источники информации в японских военно-морских кругах, сообщил, что опыты японцев с подводными лодками «не привели к удовлетворительным результатам и ни одна из этих лодок не готова к действию»¹⁷⁶. В общем, ни у

России, ни у Японии тогдашние тихоходные, маленькие, слабо вооруженные и вообще весьма несовершенные субмарины боевого применения в годы русско-японской войны не нашли.

Во второй половине 1904 г. в Петербург стали приходить сообщения, из которых следовало, что Япония готовит какие-то крупномасштабные акции и в других местах, мимо которых могла проследовать русская эскадра – в частности, на африканском побережье. В конце июля 1904 г. японский посол в Гааге писал: «Нам сообщают, что в Трансваале заметно брожение. Если таковое не будет успокоено, то мы не можем рассчитывать на помощь буров»¹⁷⁷. В августе 1904 г. Бологовский сумел добыть и представить фотографию одного из японских минных офицеров (поручика Стурамотца), тайно переброшенного в Южную Африку через Гонконг¹⁷⁸. В январе 1905 г., ссылаясь на сведения французского Министерства колоний, директор Департамента полиции Лопухин сообщил адмиралу Вирениусу, что «в водах Мозамбика замечены японские миноноски, а также замечено присутствие многих японских агентов, стремящихся поднять восстание на Мадагаскаре против Франции»¹⁷⁹. Этим сообщениям, однако, в Петербурге не придали серьезного значения, да и стратегия контрразведывательных операций к тому времени в значительной степени была уже выработана. Их главными направлениями стали охрана эскадры в местах основного базирования, а также в наиболее уязвимых пунктах на пути следования – в балтийских и черноморских проливах, в Суэцком канале, Красном море, а затем и в Батавии, как тогда именовали голландскую Индонезию.

Еще в феврале – марте 1904 г. Морское министерство разработало программу мероприятий по охране российских военных и коммерческих портов в Черном и Балтийском морях. В конце апреля – начале мая 1904 г. Департамент полиции учредил в Петербурге небольшой филерский отряд для наблюдения за иностранными военно-морскими атташе «в помощь адмиралу Рожественскому», который в июле вошел в состав Отделения по розыску о международном шпионстве, созданного тем же Департаментом. 25 мая Рожественский писал своему помощнику по Главному морскому штабу контр-адмиралу А.А. Вирениусу: «По поводу сообщений Павлова и Десино следует, мне кажется, принять серьезные меры. 1). Прежде

всего предупредить наши суда в Средиземном море, чтоб не зевали и держали себя везде ... на военном положении, не упуская сторожевой службы, заряжения орудий на ночь и должной бдительности как ночью, так и днем. 2). Сообщить Чухнину и Бирилеву, что настало время принимать соответствующие меры во всех портах Черного и Балтийского морей и повышать постепенно настороженность по мере приближения отхода эскадры». Далее адмирал предлагал «разбудить» российские консульства и посольства, а главное – обратиться в Департамент полиции, чтобы за счет Морского министерства командировал тайных агентов «для исследования шведских и норвежских шхер и мелких портов, а также местности по Бельтам и Зунду»¹⁸⁰.

Эта программа Рождественского в Морском министерстве была принята, и именно оно выступило инициатором всех перечисленных мероприятий, взяв на себя и их финансирование. В начале июня 1904 г. соответствующие указания из Петербурга получили главный командир Балтийского флота вице-адмирал А.А. Бирилев и его коллега на Черном море вице-адмирал Г.П. Чухнин. В результате порты были надежно защищены и каких-либо серьезных инцидентов в годы войны там не произошло. Это подтвердила и негласная проверка охраны главной базы Черноморского флота, предпринятая в июле 1904 г. жандармским подполковником В.В. Тржецяком. «В Севастополе моряки приняли достаточные меры предосторожности, – докладывал он в Департамент полиции, – подсланные мною люди в район порта проникнуть не могли, причем их чуть не побили»¹⁸¹. О том, что военные корабли в Николаеве и Севастополе тщательно охраняются днем и ночью, сообщала и зарубежная печать¹⁸².

В первых числах июля Рождественский обратился со специальным совершенно секретным письмом к капитану 1-го ранга О.Л. Радлову, командиру отряда транспортных судов 2-й эскадры, которые базировались в Черном море. «Все поступающие известия, – предостерегал адмирал, – дают возможность предположить, что со стороны Японии будут использованы самые разнообразные средства для нанесения вреда судам нашей эскадры и особенно транспортам, на которые напасть можно сравнительно безнаказанно при следовании чрез Проливы в Средиземное море. Надо полагать, что транспорты могут подвергнуться нападению со стороны коммерческих пароходов

под нейтральным флагом, вооруженных главным образом минами». Далее адмирал формулировал конкретные рекомендации, которые следовало неуклонно выполнять: «1). По выходе из русских портов, при встрече даже в Черном море с коммерческими судами хотя бы и под нейтральным флагом, усиливать бдительность и тщательно следить за маневрированием их, дабы избежать преднамеренного столкновения¹⁸³; 2). При встрече в море с судами, имеющими вид яхт или кажущиеся более быстроходными, чем обычно встречающиеся суда, посылать вперед конвоирующий миноносец и требовать, чтобы встречное судно отклонялось для расхождения с отрядом вне сферы минного выстрела; 3). Следуя Босфором и Дарданеллами и в особенности Суэцким каналом, помимо напряженного внимания к действиям встречных и попутно идущих судов, хотя бы и под нейтральным флагом ... иметь всегда на постах малые партии нижних чинов ... вооруженных ружьями с боевыми патронами в сумках. Посты эти, однако, должны быть скрыты извне»¹⁸⁴ и т.д.

Понимая недостаток сил своей армады в сравнении с японским флотом, Рожественский добивался включения в состав своей эскадры хотя бы двух-трех боевых судов Черноморского флота, но натолкнулся на упорное сопротивление дипломатов. В неизбежном в этой связи изменении режима черноморских проливов в ведомстве у Певческого моста (МИД) усматривали серьезнейшую опасность для международного положения России не только на Ближнем Востоке, но и в Европе в целом. «Можно быть уверенным в том, что выход части нашего Черноморского флота чрез проливы поведет к самым опасным для России осложнениям, вызвав со стороны некоторых держав, например, Англии, такие действия, которые неминуемо привели бы к новой войне, – предостерегал императора граф Ламздорф. – <...> Мера эта, открыв доступ иностранным судам в Черное море, в корне подорвала бы преимущественное политическое положение, которое ныне занимает Россия на Ближнем Востоке, и заставила бы ее навсегда отказаться от осуществления своей исторической задачи на берегах Босфора». Николай согласился с доводами руководителя своего внешнеполитического ведомства, собственноручно начертав на его записке: «Этот вопрос не предполагается подымать»¹⁸⁵.

По просьбе Морского ведомства, Ламздорф предписал российскому послу в Берлине информировать правительство Германии «о

возможном прибытии в один из германских портов партии японцев для приготовления покушения на суда ... 2-й эскадры», выразив при этом уверенность, что Германия не допустит подобного на своей территории¹⁸⁶. Одновременно, по указаниям МИД, российскими миссиями в Египте и Турции было организовано секретное наблюдение за появлением японских судов в Адене и Порт-Саиде. Послам в Копенгагене и Стокгольме, Генеральному консулу в Лондоне и консулам на Востоке Ламздорф приказал бдительно следить за передвижениями японских офицеров¹⁸⁷.

В начале июля 1904 г. российский Генеральный консул в Стокгольме В.А. Березников по поручению посла совершил объезд основных портов западного побережья Швеции и заручился обещанием здешних российских вице-консулов (все они были шведскими подданными) немедленно сообщать о прибытии в их район любого японца. Как показали последующие события, эта поездка Березникова явилась хорошим подспорьем для заведующего Берлинской агентурой Департамента полиции А.М. Гартинга, который вскоре был направлен в Скандинавию со специальной миссией. Однако и посол Бюцов, и сам Березников, и другие российские дипломаты, выполнявшие в это время аналогичные поручения своего министерства, не скрывали, что сведения, полученные от вице-консулов, не могут претендовать на абсолютную точность и полноту и имеют лишь вспомогательное значение. Для вербовки за рубежом секретной агентуры Бюцов советовал использовать чиновников российского МВД, а посол во Франции А.И. Нелидов через военно-морского атташе лейтенанта флота Г.А. Епанчина прямо рекомендовал «поручить все дело бывшему начальнику русской политической полиции в Париже Рачковскому», который «имеет большой опыт и способен дать делу серьезную организацию»¹⁸⁸. К такой схеме организации закордонной агентурной работы подталкивало и почти полное отсутствие в распоряжении Главного морского штаба офицеров, способных обеспечить охрану эскадры в западноевропейских странах. «Своих немногочисленных агентов из бывших офицеров, – свидетельствует Штенгер, – [штабу] с трудом удалось подыскать и их послали в более отдаленные пункты – как например, в Красное море»¹⁸⁹. Вероятно, именно это обстоятельство и навело Рожественского на мысль обратиться за содействием в Департамент полиции, по договоренности

с которым с августа 1904 г. морское ведомство взяло на себя финансирование не только зарубежных российских резидентур, созданных по его прямому требованию, но и деятельность других тайных информаторов, завербованных чиновниками Департамента в западноевропейских японских дипломатических миссиях.

Миссия коллежского советника А.М. Гартинга

Советы дипломатов и пожелания военных моряков были встречены с пониманием, и дальнейшие шаги по линии МИД, Военного и Морского министерств стали мероприятиями, так сказать, второго плана. Основная же нагрузка по организации охраны 2-й Тихоокеанской эскадры в Западной и Южной Европе в итоге оказалась возложена на тайную политическую полицию. На эти цели полицейский Департамент в разное время получил от Морского ведомства 384 тыс. рублей из общего полумиллионного кредита, выделенного казной на охрану эскадры. В июне – июле 1904 г. за рубеж Департамент полиции командировал коллежского советника А.М. Гартинга и подполковника Отдельного корпуса жандармов В.В. Тржецяка, каждому из которых предстояло создать агентурную сеть для предотвращения ожидавшихся диверсий японцев, соответственно, на севере Европы и в районе черноморских проливов. Позднее, в середине октября 1904 г. секретное задание получил и другой полицейский чиновник – титулярный советник И.Ф. Манасевич-Мануйлов. На средства военно-морского ведомства он был направлен в Париж.

В отличие от большинства своих коллег во внешнеполитическом и военном министерствах, имевших официальный статус и пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью, чиновники Департамента полиции находились за рубежом на полулегальном или нелегальном положении, были снабжены подложными документами и свои донесения подписывали псевдонимами: Гартинг именовался англичанином «Арнольд», а Тржецяк – служащим российского Добровольного флота «А.К. Цитовским». В своей переписке они пользовались либо русским «губернаторским» ключом, либо французским цифровым шифром. Мануйлов также свои донесения шифровал, но подписывал настоящим именем («Ivan»). Степень их «легальности» во многом зависела от характера взаимоотношений правительства данной страны и России, однако и в случае, когда эти взаимоотношения были вполне дружественными, они не могли действовать открыто во избежание международного скандала. Во всяком случае, продуктивная деятельность российских

контрразведчиков часто была бы невозможна без неофициальной помощи со стороны высших должностных лиц ряда государств (в первую очередь, Франции и Дании) и без содействия российских штатских и военных дипломатов, с которыми у них, как правило, с самого начала складывались тесные деловые контакты.

Методы добывания информации, использовавшиеся ими, также могли быть не в ладах с законом. Помимо традиционного и неизбежного наружного наблюдения, если того требовали обстоятельства, практиковался подкуп должностных лиц и прислуги, подслушивание, перлюстрация частной и служебной корреспонденции, тайное копирование, а иногда и кража наиболее важных документов. В этом смысле российские контрразведчики были вполне солидарны со своими японскими коллегами – и те, и другие полагали, что в условиях войны «все средства допустимы», как заметил в одном из своих донесений Тржецяк¹⁹⁰. Выбор именно этих чиновников для столь ответственной и деликатной миссии объяснялся не только их профессиональными качествами, но и опытом работы в подведомственном регионе: Гартинг к тому времени уже несколько лет заведовал агентурой Департамента полиции в Германии, а Тржецяк до 1903 г. в том же качестве работал на Балканах. Очевидно, что перед назначением кандидатуры всех троих были согласованы с адмиралом Рожественским и им одобрены.

А.М. Гартинг родился в 1861 г. в г. Пинске Минской губернии и до 33-х лет именовался потомственным почетным гражданином Авраамом-Ароном Мойшевичем Геккельманом. Как и некоторые другие крупные деятели российского тайного политического сыска, свою полицейскую карьеру он начал в качестве секретного сотрудника Петербургского охранного отделения и Департамента полиции; им он «освещал» деятельность столичных и эмигрантских студенческих и народовольческих кружков, в которых был известен под именем Ландезен. Затем Геккельман перешел в ведение заведующего Заграничной агентурой П.И. Рачковского, по указанию и на средства которого в 1890 г. с провокационной целью создал в Париже бомбовую мастерскую (за что французским судом был заочно приговорен к пяти годам тюрьмы). С тех пор он считался учеником Рачковского, который всецело ему доверял и неизменно покровительствовал. В 1894 г. император разрешил Геккельману, принявшему православие

(крестным отцом был все тот же Рачковский), впредь именоваться Аркадием Михайловичем Гартингом, которого в 1895 г. Франция наградила орденом Почетного легиона. Во второй половине 1890-х годов «Аркаше», как его по-свойски называли в Департаменте полиции, доверяли уже настолько, что поручали охрану членов царствующего дома, включая самого Николая II и императрицу Александру Федоровну, во время их пребывания за границей. В 1901 г. по протекции Рачковского 40-летний Гартинг получает, наконец, самостоятельный пост – возглавляет созданную по инициативе того же Рачковского Берлинскую агентуру Департамента полиции. Вершиной его полицейской карьеры стало заведование Заграничной агентурой Департамента, которое продолжалось с 1905 по 1909 г. и прекратилось при скандальных обстоятельствах. Известный разоблачитель провокаторов, революционер-эмигрант В.Л. Бурцев установил, что Гартинг и создатель той самой, 1890-го г., парижской бомбовой лаборатории – одно лицо, и «Аркаше», к тому времени уже достигшему генеральских чинов (что для еврея было большой редкостью), пришлось бросить все и срочно «эвакуироваться» в Петербург. Через год он вышел в отставку, жила попеременно то в Петербурге, то за границей, где и осел окончательно после прихода к власти большевиков.

Район, в 1904 г. порученный наблюдению Гартинга, обнимал Балтийское и часть Северного моря и включал территориальные воды и прибрежную полосу четырех нейтральных государств: Дании, Швеции, Норвегии и Германии, причем обеспечивать безопасность эскадры ему предстояло как с суши, так и с моря. Категорическое предписание министра иностранных дел оказывать Гартингу «полное содействие» на всякий случай получили и российские консулы в Лондоне, Гулле, Ливерпуле и Кардиффе¹⁹¹. В июне 1904 г. Гартинг явился в Главный морской штаб с проектом организации охраны эскадры, но встретил там довольно прохладный прием. «При первом знакомстве с Гартингом, – вспоминал Штенгер, – он произвел на меня крайне отрицательное впечатление. Я определенно заявил сослуживцам, что этот чиновник в вицмундире не внушает доверия... Апломб у Гартинга был очень большой, говорил он очень много и развивал всякие планы, как он поведет охрану»¹⁹². Несмотря на это, проект Гартинга был принят. «При обсуждении в Главном морском

штабе вопроса расходов, необходимых для организации вверенной мне охраны, – докладывал он, – полагалось, что охранная служба потребует около 30-ти человек и понадобится 2-3 парохода для крейсирования в Бельте, причем имелось в виду, что организация должна будет функционировать не более 3-х месяцев и расход был высчитан в 150 000 руб., каковая сумма была ассигнована Морским министерством»¹⁹³. Более подробных инструкций Гартинг не получил («мне были преподаны указания лишь в общих чертах», – напишет он впоследствии) – все детали ему предстояло выяснить на месте и действовать в соответствии с обстановкой.

В начале июля Гартинг приехал в Копенгаген, устроил свой штаб в отеле «Феникс», развил кипучую деятельность и вскоре намного превзошел ранее намеченные масштабы своей организации. С помощью российских вице-консулов в приморских городах он создал свыше 80 «сторожевых», или «наблюдательных» пунктов, в которых на него негласно работало до 100 человек местных жителей (вместо 30-ти запланированных); установил тесные связи с рядом шведских и датских пароходных и страховых обществ, 9 судов которых (вместо «2-3-х») были им зафрахтованы, чтобы с середины августа до середины октября 1904 г. крейсировать в датских и шведско-норвежских водах. Прежде, чем фрахтовать то или иное судно, Гартинг посылал его подробное описание и фотографию в Главный морской штаб, который и принимал окончательное решение о возможности его использования. Вообще по всем специальным морским вопросам Гартинг консультировался с Главным морским штабом, фактический глава которого, адмирал Вирениус, направлял ему свои ответные депеши от имени директора Департамента полиции Лопухина – конечно, с ведома последнего и по договоренности с ним¹⁹⁴.

В момент прохождения основных сил 2-й эскадры число пароходов было увеличено до 12-ти, и Гартинг получил возможность непрерывно наблюдать в «своем» районе движение ее судов. Существенно облегчала его задачу поддержка, которой ему с помощью сотрудников русского посольства удалось заручиться в ряде датских министерств. В результате чиновники морского ведомства этой страны информировали Гартинга о подозрительных судах, замеченных в море с датских маяков, полицейские власти получили указание

Министерства юстиции содействовать российскому агенту, а МИД и Министерство финансов, по его просьбе, потребовали от таможни особо бдительно досматривать прибывающие из-за рубежа грузы и изымать взрывчатые вещества – напомним, что возможность минирования японцами балтийских проливов рассматривалась тогда как наиболее вероятная.

Одновременно с Гартингом и его агентурой в интересах охраны эскадры работали и сотрудники российских дипломатических миссий в Скандинавии. «Считаю долгом довести до сведения Вашего сиятельства, – писал в середине августа 1904 г. графу Ламздорфу российский посланник в Дании А.П. Извольский, – о разговоре, который я имел со здешним морским министром касательно предупреждения попыток со стороны японцев нанести вред нашей эскадре при предстоящем проходе ее из Балтийского в Немецкое море. Вице-адмирал Иёнке сказал мне, что, со своей стороны, им принят целый ряд мер для самого тщательного наблюдения за всем, что происходит в датских портах и водах: инструкции в этом смысле даны командирам всех датских военных судов, коронным лоцманам, чинам правительственной рыбной инспекции и служащим на маяках. О каждом подозрительном судне или другом явлении предписано доносить в Морское министерство, откуда сведения эти будут тотчас же сообщаться негласным образом вверенной мне миссии»¹⁹⁵. Таким образом, датские военно-морские силы были негласно привлечены к обеспечению безопасности русской эскадры. По уверению датского корреспондента “Times”, в Копенгагене «никто не верил в реальную опасность» японских мин, благодаря чрезвычайным мерам предосторожности, принятым местными властями: «Даже в самых маленьких провинциальных городках ... каждый путешественник и иностранец наблюдался с бдительностью почти смехотворной»¹⁹⁶.

Гартингу, однако, было не до шуток. Он регулярно, иногда по несколько раз в день докладывал Извольскому о ходе дела, сообщал ему имена датчан, характер и степень их участия в своей «сторожевой службе». В момент прохождения эскадры у берегов Дании такие доклады он делал российскому посланнику почти ежечасно, а тот, в свою очередь, информировал своего министра, а также императрицу-мать Марию Федоровну, датчанку по происхождению, которая в тот момент гостила в Дании. Личная заинтересованность в этом деле

вдовствующей императрицы лишала Гартинга возможности избавиться от такого назойливого и, по его мнению, чрезмерного внимания к своей персоне руководителя российской миссии в Копенгагене.

В Швеции под непосредственным руководством Гартинга действовал консул Березников, который по позднему отзыву Департамента полиции, «способствовал принятию мер к благополучному проследованию эскадры, причем для получения ближайших указаний неоднократно ездил в Копенгаген к командированному по этому делу чиновнику Департамента полиции»¹⁹⁷. На это время в ведение консула был передан информатор из японской миссии в Стокгольме, который по заданию российского Департамента полиции был завербован агентом французского Разведочного бюро в августе 1904 г. («гонорары» этого информатора также оплачивались из секретных сумм Морского министерства). Содействие Гартингу оказывали военный атташе в странах Скандинавии полковник А.М. Алексеев и Генеральный консул России в Норвегии. «Шведское правительство, подобно датскому, – докладывал в Главный штаб полковник Алексеев, – с официальной стороны имеет наблюдение за деятельностью прибывающих в Скандинавию неурочных японцев»¹⁹⁸.

Вскоре из Скандинавии в Петербург стали приходить тревожные известия. «Из поступивших за последние три недели донесений консулов и собранных сведений о появлении на берегах Балтийского моря японцев видно, что они продолжают прибывать поодиночке, по два ... и продолжают направляться в Швецию и Норвегию, – докладывал Алексеев. – <...> В чем заключается деятельность приезжих в Швецию, еще не констатировано, но можно думать, что она носит разведочный шпионский характер». «Организованное г-ном Гартингом фактическое наблюдение за побережьем скандинавских и датских вод ... уже вполне функционирует и получаемые им сведения направляются в Главный морской штаб», – заключал свой рапорт русский военный атташе¹⁹⁹. Худшие опасения подтвердило появление в балтийских проливах миноносцев без опознавательных знаков, неоднократно зафиксированное наблюдателями Гартинга с моря и с суши. В начале сентября под видом туриста туда неожиданно явился японский военно-морской атташе в Германии капитан Такикава в

компании с двумя немцами. Один из них, отставной лейтенант прусского флота Цигер (Zieger), ночью с мыса Скаген тайно подавал кому-то фонарем сигналы в море, а сам Такикава сносился с секретарем японской миссии в Берлине шифрованными телеграммами. Японский офицер и его сообщники были сразу взяты под наблюдение, вскоре арестованы датскими властями и выдворены из страны. «Газеты пишут, что офицер японского флота арестован в Копенгагене по подозрению в шпионаже. Пожалуйста, ответьте, есть ли он наш военно-морской атташе», – шифром запросил Митцухаси своих коллег в Берлине 8 (21) сентября²⁰⁰.

В Главном морском штабе на сообщения Гартинга реагировали двояко. Не имея возможности проконтролировать полицейского чиновника, штабные офицеры терзались сомнениями, не морочат ли им голову и не напрасно ли тратятся в Скандинавии казенные средства. По словам Штенгера, Гартинг «не упускал случая нам представлять все более и более страшные агентурные сведения, якобы им полученные. Денег он изводил уйму, уезжая в Швецию и организуя там охрану ... было ли это, однако, так в действительности, – сказать затрудняюсь. ... И хотя закрадывалось большое сомнение в справедливости его сведений, но надо отдать ему справедливость – он умел хорошо придать всему оттенок правдоподобия, а так как проверить его не было никаких средств, то и приходилось, поневоле, все же с его сообщениями считаться»²⁰¹. Оснований для подобных подозрений не было никаких, зато в полной мере сказывалась обычная «ревность» штабных к штатскому «чужаку». Судя по всему, несмотря на выдающуюся энергию и работоспособность самого Рожественского, в его штабе и тогда, и позднее царил рутинно-канцелярская обстановка, увы, типичная для такого рода учреждений. «Насколько адмирал, не пропускавший мимо ушей ни одного замечания, все помнивший, обо всем думавший, всецело отдававшийся мысли и заботе об успешном ходе военных действий, возбуждал симпатию... – свидетельствует очевидец, – настолько же его штаб производил впечатление типичного штаба мирного времени ... со всей его важностью и замкнутостью, мелкими интригами и той особой, ревнивой охраной своей части делопроизводства от всякого постороннего вторжения, которая служит главной основой канцелярской тайны. Не только сделать самостоятельный доклад, но

даже просто в присутствии адмирала высказать свое мнение, подать совет по поводу какого-либо мероприятия, – значило возбудить против себя глубокое негодование соответственного специалиста»²⁰². Формирование 2-й эскадры и подготовка ее к выходу в море сопровождались появлением огромного количества распоряжений, директив, приказов, схем, инструкций и прочих бумаг. С мая по сентябрь 1904 г. включительно штаб командующего издал свыше 400 циркуляров по самым разным вопросам, не считая тетради секретных схем²⁰³, которыми, казалось, была предусмотрена любая неожиданность и регламентирован каждый шаг моряков в походе. Однако, недоверчиво отнесясь к информации Гартинга, морские штабисты «забыли» сообщить ему систему сигналов для переговоров эскадры с кораблями его агентуры во время движения через балтийские проливы. Это упущение чуть было не обернулось серьезной аварией нескольких кораблей эскадры, включая флагманский броненосец.

Сам Рожественский, за плечами которого была хорошая школа военно-разведывательной работы (в 1891—1894 гг. он служил военно-морским атташе в Великобритании), другие старшие офицеры 2-й эскадры, а также руководитель Главного морского штаба адмирал Вирениус сведениям Гартинга доверяли, к его информации прислушивались и его усилия ценили. На прямой вопрос, что сделано для обеспечения безопасности эскадры, начальник штаба Рожественского заверил, что «все меры приняты»: «Помимо наблюдения со стороны датских военных судов, оберегающих нейтралитет своих территориальных вод, – сообщил капитан 1-го ранга К.К. Клапье-де-Колонг, – у нас организована и своя собственная охрана как с берега, так и на воде при посредстве специально зафрахтованных пароходов, которые крейсируют в проливе и будут смотреть, чтобы какие-нибудь подозрительные суда не набросали мин на пути эскадры перед самым ее проходом»²⁰⁴. Думается, что вполне разделял опасения Рожественского и император, которому МИД и МВД регулярно направляли переписку со своими чиновниками по этому вопросу, как и расшифрованные тексты секретных телеграмм японских дипломатов. За свою титаническую работу по формированию и оснащению 2-й эскадры и подготовке ее выхода в море ее командующий заслуживал поощрения еще до начала

экспедиции («Если Балтийский флот оказался способен выйти в поход, то только благодаря Рождественскому и никому другому», – признавала даже “Times”²⁰⁵), но с этой наградой Николай предпочел несколько повременить. С присвоением звания вице-адмирала и «своим генерал-адъютантом» он поздравил его только, когда балтийские проливы были уже позади. Свой новый, вице-адмиральский флаг Рождественский поднял на «Князе Суворове» в полночь с 5 (18) на 6 (19) октября 1904 г.

Выход армады Рождественского в море неоднократно откладывался (согласно первоначальному плану, она должна была начать свой поход еще в июне), но 2 (15) октября 1904 г., наконец, состоялся. Из Либавы эскадра под водительством двух десятков датских лоцманов направилась к балтийским проливам, соблюдая меры предосторожности: впереди основных сил шли тральщики и отряды миноносцев, отгонявшие встречные суда, которые броненосцы провожали дулами своих орудий. Иностранные государства были официально извещены, что их коммерческие пароходы при встрече с русскими военными кораблями должны немедленно поднимать свои национальные флаги. Сторожевым катерам был отдан приказ стрелять в любое подозрительное судно, а основным силам – находиться в полной боевой готовности. Зарубежная печать привела случай, когда некая норвежская шхуна, которая немного промедлила с предъявлением эскадре своей национальности, тут же была «приведена в чувство» холостыми выстрелами²⁰⁶. Впрочем, от крутого адмиральского нрава не меньше доставалось и «своим» – стоило ледоколу «Ермак», который занимался тралением мин, замешкаться с выполнением какой-то команды флагмана, как Рождественский приказал стрелять ему под корму, но уже не холостыми, а боевыми снарядами.

Как ни странно, для иностранных наблюдателей выход эскадры Рождественского в море оказался неожиданностью. Так, японская печать (со ссылкой на британскую) экстренно сообщила о нем только 4 (17) октября, одновременно перепечатав информацию из Берлина, согласно которой русские корабли, едва выйдя из Либавы, тут же вернулись назад. Слухи об отзыве эскадры продолжали циркулировать в прессе и на следующий день; состав армады газеты и иностранные наблюдатели сообщали гадательно.

Еще до выхода в открытое море офицеры были предупреждены о грозящей эскадре опасности, и с первых дней похода на кораблях царила нервная обстановка: вглядывались в каждый встречный корабль, следили за горизонтом, тщательно исследовали «малейшее пятнышко на воде»²⁰⁷. На почтительном расстоянии от эскадры, но в пределах ее видимости, следовали пароходы и яхты «флотилии» Гартинга, непрерывно наблюдавшие за прохождением армады военных кораблей. Тут же находился датский крейсер, канонерские лодки и миноносцы. «Опасаемся мин, – записал в своем дневнике 3 (16) октября офицер крейсера “Алмаз” князь А. Чегодаев. – Японские мины могут ставиться на несколько часов, после чего они тонут; такие мины, брошенные впереди идущим кораблем ... могут взорвать нас»²⁰⁸. Все эти опасения оказались напрасными, и к 7 (20) октября суда эскадры благополучно миновали Большой Бельт и встали на якорь у мыса Скаген. 8 (21) октября из Гааги в Токио полетело зашифрованное донесение Митцухаси: «4 броненосца, 8 крейсеров и 7 миноносцев прошли датские проливы»²⁰⁹. На следующее утро Митцухаси от имени своего правительства заявил датским властям официальный протест по поводу «обстоятельств», которыми сопровождался проход через датские воды русских военных кораблей (этот дипломат был одновременно аккредитован и в Гааге, и в Копенгагене).

Попутно с выполнением своей основной задачи сторожевые корабли Гартинга оказали эскадре Рождественского ряд других ценных услуг. Так, им удалось предотвратить аварию флагманского броненосца «Князь Суворов», едва не наскочившего на мель. «Это произошло следующим образом, – рассказывал Гартинг, – сторожевой пароход “Исбиорн” нес свою службу вблизи Ревснес, недалеко от мелководной местности, называемой Хатербар, и заметил, что броненосец “Дмитрий Донской”²¹⁰ и транспорт “Корея” держали курс на эту мель, но, не имея достаточной быстроходности, “Исбиорн” не успел предупредить о сем указанные суда, но зато датский миноносец “Зебиорнен” пошел навстречу и сообщил о грозящей опасности. Сперва русские суда отнеслись недоверчиво к этому предупреждению, но затем, заметив свою ошибку, должны были повернуть обратно и обойти это место. Через несколько времени наш сторожевой пароход “Исбиорн”, видя, что и последующая часть броненосцев следует по тому же опасному направлению и не имея сигналов для переговоров с

русской эскадрой, нашел единственный исход лечь поперек пути перед мелью Хатербар и этим маневром спас шедший во главе эскадры броненосец “Князь Суворов” от значительной аварии, заставив таковой после переговоров при посредстве одного из миноносцев совершенно изменить направление пути».

Миссия Гартинга закончилась в середине ноября 1904 г., вскоре после того, как подведомственный ему район благополучно миновал отряд капитана 1-го ранга Л.Ф. Добротворского, составленный из кораблей эскадры, по тем или иным причинам задержавшихся в Либаве. В общем, свою задачу Гартинг успешно выполнил, что он с законной гордостью и констатировал в своем итоговом докладе в Департамент полиции, одновременно заметив, что не только уложился в смету, утвержденную Морским министерством, но и сэкономил казенные средства, в общей сложности потратив на свою «агентуру» менее 125 тыс. рублей. Свой итоговый финансовый отчет он позднее представил в Главный морской штаб, который его и утвердил²¹¹. Уезжая из Копенгагена, Гартинг передал часть своей агентуры здешнему российскому военному атташе полковнику Алексееву, а сам вернулся к месту основной службы – в Берлин.

Как безусловно успешную его скандинавскую миссию оценили и в Петербурге. По ее итогам Гартинг получил щедрое денежное вознаграждение, вскоре был повышен в чине и в начале 1905 г. назначен начальником IV секретного отделения Особого отдела Департамента полиции. В том же 1905 г. он стал заведующим Заграничной агентурой Департамента, возглавив, таким образом, одно из ключевых подразделений российской тайной политической полиции. «Считаю приятным для себя долгом поставить Вас в известность, – писал ему в Берлин 20 декабря 1904 г. директор Департамента полиции Лопухин, – что по всеподданнейшем докладе Морским министерством 13 сего декабря его императорское величество соизволили разрешить выдать Вам денежное вознаграждение в размере 10 000 рублей за успешное и вместе с тем экономное исполнение столь тяжелой и сложной задачи по организации охраны пути следования 2-й эскадры флота Тихого океана ... Вместе с сим и.д. начальника Главного морского штаба контр-адмирал Вирениус просил передать Вам искреннюю его признательность за успешное ведение порученного Вам дела и то

предупредительное отношение, с которым Вы шли всегда навстречу желаниям Морского министерства»²¹².

По представлению Гартинга, 25 его агентов шведов, немцев и норвежцев были награждены российскими орденами или получили ценные подарки «из кабинета его величества». Награждение его агентов-датчан прошло по ведомству Ламздорфа – на этом специально настоял Извольский. Не был забыт и консул Березников. Когда в апреле 1907 г. уже в чине статского советника он назначался вице-директором одного из департаментов МИД, особое внимание было обращено на его заслуги тех лет.

В позднейших исторических сочинениях нередко утверждалось, что своими сообщениями Гартинг по старой провокаторской привычке намеренно вводил в заблуждение петербургское начальство и этим фактически спровоцировал обстрел эскадрой Рождественского английских рыбаков. «Эскадра, – писал Н.В. Новиков, – попала во власть провокации». Согласно этой же точке зрения, скандинавские агенты Гартинга, его сторожевые корабли, «а с ними и суммы, издержанные на их содержание», имели «реальное значение» лишь в его отчетах²¹³. В статье, опубликованной в 1935 г. в эмигрантских «Последних новостях», публицист А. Лукин вполне соглашался с выводами своего советского коллеги: «вокруг эскадры сплошной туман провокации», все сообщения Гартинга «являлись сплошной и наглейшей фальсификацией агентов охранки» и т.п.²¹⁴ Предоставляем читателю судить, мог ли Гартинг в описанных условиях желать и имел ли возможность поступать таким образом, и чем для него могли закончиться подобные «шалости». Нелишне обратить внимание и на то, что «гулльский инцидент» произошел далеко за пределами зоны ответственности его «охранной» службы и спустя несколько дней после выхода эскадры из нее. Если и обвинять кого-либо в «приведении адмирала Рождественского в нервное состояние», то одним этим полицейским чиновником ограничиться никак невозможно.

Происшествия в Северном море

Утром в четверг 7 (20) октября 1904 г. к датскому мысу Скаген, где эскадра остановилась, чтобы пополнить запасы угля, подошел транспорт «Бакан», возвращавшийся из похода по охране промыслов в Ледовитом океане. Его командир рассказал Рожественскому, что накануне ночью видел в море четыре миноносца, шедших под одними топовыми огнями, «чтобы их издали принимали за суда рыбаков». Адмирал передал это известие командирам кораблей эскадры и приказал еще больше усилить бдительность. За последний месяц это был уже четвертый известный ему случай, когда в районе балтийских проливов капитаны судов разных стран, смотрители маяков или рыбаки замечали какие-то миноносцы. Все они выглядели необычно и вели себя подозрительно: не имели флагов, а часто (в темное время суток) – и огней, стремились действовать скрытно, на запросы не отвечали, а при попытке приблизиться к ним поспешно удалялись. При этом по наводившимся справкам оказывалось, что военные суда сопредельных стран (Дании, Швеции, Норвегии и Германии) в эти дни либо находились в других местах, либо в море вообще не выходили.

Обеспокоенный адмирал тут же решил изменить расписание движения эскадры. Днем 7 (20) октября с флагманского броненосца было отдано распоряжение немедленно прекратить погрузку топлива и приготовиться в дальнейший путь. Восемью орудийными выстрелами «Князя Суворова» командующий сигнализировал: «Усилить бдительность». «Среди офицеров и матросов, – вспоминал унтер-офицер А.С. Новиков с броненосца «Орел», – начались таинственные разговоры, передаваемые шепотом, с испугом в глазах. Оказалось, такая спешка была вызвана тревожными слухами о приближении к нам подозрительных миноносцев»²¹⁵. Во второй половине того же дня, на сутки раньше запланированного срока и не закончив погрузку угля, армада Рожественского спешно снялась с якоря и вошла в Северное море, двигаясь шестью эшелонами. «Мы находились в душевном смятении, – пишет Новиков. – Сотни глаз пристально смотрели по сторонам, подозрительно провожали каждый встречный пароход, стараясь определить, не враг ли это приближается ... Офицеры и

команда с минуты на минуту ждали нападения»²¹⁶. С наступлением темноты огней на кораблях зажигать не стали, спать улеглась только часть команды – остальные дежурили у заряженных орудий. Однако ночью ничего подозрительного в море замечено не было.

День пятницы 8 (21) октября прошел без всяких происшествий, хотя русские корабли встретили множество иностранных рыболовных и коммерческих судов. Стремясь миновать оживленные торговые пути, адмирал повел эскадру не прямо на Ламанш, а взял на 50—60 миль севернее, в направлении Доггер-банки, на которой постоянно, круглый год шел лов трески, палтуса и сельди, и в этом, вероятно, заключался его главный промах²¹⁷. Вечером отставший из-за поломки машины транспорт «Камчатка» по радио сообщил флагману, что его атакуют «около восьми» миноносцев, один из которых подошел «ближе кабельтова и более», т.е. почти вплотную, на расстояние менее 180 метров. На «Суворове» предположили, что противник, сбитый с толку более ранним, чем намечалось, уходом эскадры от Скагена, пустился вдогонку и в темноте ошибочно принял эту плавучую мастерскую за боевой корабль. Вместе с тем, полученное известие было до такой степени невероятно, вспоминал летописец эскадры, «что в первый момент вызвало только недоумение. В самом деле: если даже на нашем пути действительно были японцы, то разве только обладая даром ясновидения они могли признать в одиноко идущей “Камчатке” корабль, принадлежащий к русской эскадре. Поручкой тому служила ее внешность коммерческого парохода (и к тому же пребезобразного!) ... Какой смысл было нападать на нее? Разве ее потопление могло бы остановить движение эскадры?»²¹⁸.

Несмотря на эти сомнения, по отряду был дан сигнал командующего «Ожидать атаки миноносцев с кормы», на судах пробили боевую тревогу. Затем «Камчатка» телеграфировала, что уходит от вражеских миноносцев 12-узловым ходом. Это выглядело еще более невероятно: на флагмане знали, что в действительности она и на двух-то машинах едва тянула 10 узлов (12 узлов составляли «паспортную» скорость этого 7200-тонного транспорта), почему и отстала; во-вторых, оторваться от миноносцев даже со скоростью 12 узлов было невозможно – любой из них был способен двигаться по крайней мере вдвое быстрее. На «Суворове» заподозрили, что в его радиопереговорах участвует противник. Эти подозрения переросли в

уверенность, когда «Камчатка», получив курсоуказание, тем не менее, стала настойчиво интересоваться координатами отряда броненосцев Рождественского. Запрашивать подобные сведения в открытом эфире вблизи противника было по меньшей мере легкомысленно. В ответ флагман запросил у «Камчатки» полные фамилию, имя и отчество одного из ее офицеров. Переговоры тотчас прекратились, и в 23:20 плавучая мастерская уже шифром телеграфировала, что нападавшие скрылись. Зато корабли одного из передовых отрядов вскоре передали, что «заметили четыре подозрительных миноносца без огней»²¹⁹.

Прошло еще полтора часа, и уже глубокой ночью вахтенные «Князя Суворова», который возглавлял последний (шестой) отряд эскадры, разглядели «быстро надвигающиеся расходящимися курсами силуэты малых судов без всяких огней». Очевидно, это были те самые миноносцы, которых незадолго перед тем видели впереди, а еще раньше на «Камчатке». Рассмотрев их в ночные бинокли и осветив прожекторами, «Суворов», а за ним и остальные три броненосца отряда открыли огонь. Миноносцы шли на предельной скорости – это было заметно по тому, как низко стлался дым их коротких труб. В тот момент броненосцы Рождественского находились в нейтральных водах – на Доггер-банке, вблизи флотилии английских рыбацких баркасов. Эти маленькие парусно-паровые однотрубные пароходики неспешно (со скоростью 2—2,5 узла) маневрировали, рыбацкий «адмирал» с траулера “Ruff” зеленой ракетой дал сигнал к заброске сетей. Неподалеку, примерно в двух тысячах метров слева от колонны броненосцев, но невидимые в темноте и тумане попутным броненосцам курсом шли крейсера «Дмитрий Донской» и «Аврора» отряда младшего флагмана контр-адмирала О.А. Энквиста. Об их присутствии на «Суворова» не подозревали – по плану этот отряд должен был находиться в 50-ти милях впереди (он замедлил ход, поджидая «Камчатку»), да и бортовых огней по-прежнему не зажигал.

Предоставим слово адмиралу Рождественскому для рассказа о том, что произошло потом: «Тотчас же уклонившись от курса, на котором могли быть брошены плавучие мины, “Суворов”, а за ним и весь отряд начал светить боевыми фонарями. Как только в луч прожектора попал паровой рыбацкий барказ, поднимавший топочные огни в то самое время, как был освещен. Несмотря на подозрительность действий

этого барказа, луч правого прожектора был поднят на 45°, что означало “не стрелять по этой цели”. Соответствующую команду “не стрелять по паровому барказу” был остановлен на “Суворове” огонь правого борта, который уже не имел никакой другой цели, и отдано было приказание сделать общий сигнал “не стрелять по паровым барказам”.

В это время на левом траверзе зажглись два светивших на отряд прожектора крейсеров “Дмитрий Донской” и “Аврора”, и “Дмитрий Донской” показал свои позывные. Тогда из опасения, что перелетающие и рикошетирующие снаряды задних кораблей отряда могут попадать в свои, на броненосце “Суворов” поднят был вверх также и луч боевого фонаря с левой стороны и сделан был общий сигнал “прекратить стрельбу”, что и было исполнено немедленно. ... Вся стрельба продолжалась менее десяти минут.

Результаты стрельбы неизвестны. По некоторым из собранных показаний, миноносец, бежавший по правому борту, должен был сильно пострадать, а левый скрылся удачно²²⁰. Могли пострадать и находившиеся на месте происшествия паровые бота рыбаков, но нельзя было не отгонять всеми средствами атакующих миноносцев из опасения причинить вред неосторожно вовлеченным в покушение судам мирных граждан, из которых некоторые, бросаясь поперек курса отряда, забывали на время зажигать свои отличительные огни рыболовных судов. Ввиду подозрительных движений рыбацких паровых барказов и не имея уверенности в том, что все участвовавшие в покушении миноносцы устранены, я предоставил участь пострадавших заботам их товарищей»²²¹.

Таинственные суда скрылись в темноте, а броненосцы продолжили путь, опасаясь повторения атаки. Суматоха на кораблях улеглась, и русские военные моряки начали гадать, что же с ними произошло. «Среди офицеров, собравшихся в кают-компани и горячо обсуждавших происшествие, – продолжает рассказ Рождественского другой очевидец с “Суворова”, – господствовало три разноречивых мнения. Одни утверждали, что своими глазами видели миноносцы, прикрывавшиеся рыбацкими пароходами и атаковавшие эскадру, что один из них был сильно поврежден, а другому попало. Среди них был и лейтенант В.²²², человек достоверный, изрядно понюхавший пороху в прошлую, китайскую, кампанию, но особенно горячился старший доктор Н., главным образом напиравший на то, что он был зрителем,

не командовал, не распоряжался, а только смотрел в бинокль; он утверждал, что нельзя же допустить, чтобы он, много плававший, хорошо знающий флот, не мог отличить рыбачий пароход от такого характерного типа, как миноносец!.. Вторые высказывали мнение, что миноносцы, может быть, и были, но, будучи своевременно открыты, удрали и вместо них в горячке попало рыбачьим судам. Наконец, третьи опасались, как бы вся история не оказалась прискорбным недоразумением ... Должен сознаться, что в то время я склонялся на сторону последних... Впоследствии на основании вновь обнаружившихся фактов взгляды мои резко изменились»²²³.

Но злоключения эскадры в европейских водах этим не кончились. «9 октября около 3-х часов дня на меридиане Амстердама приблизительно, – писал 12 (25) октября офицер с крейсера “Алмаз”, – мы перехватили своим беспроволочным телеграфом депешу на голландском языке, латинскими буквами: “Завтра с рассветом Английским каналом проходит русский отряд из трех разведчиков – воспрепятствуйте проходу”. Телеграмма касалась, очевидно, нас. Сообщили на [крейсера] “Светлану” и “Жемчуг” и приготовились к отражению минной атаки. Зарядили орудия, потушили все огни, чтобы не быть заметными, придержались ближе к французским берегам – нейтральной зоне, и так ночью прошли благополучно – нас не заметили»²²⁴. В ночь на 13 (26) октября, когда броненосцы Рожественского подходили уже к испанскому порту Виго, рассказывал по горячим следам корреспонденту газеты «Русь» офицер «Вл.» (лейтенант П.Е. Владимирский?), «мы опять ясно видели (ночь была ясная, лунная) три миноносца. Они появились сзади эскадры и догоняли ее, но как только на концевом корабле открыли прожекторы, так миноносцы поспешно повернули и скрылись. Маневр вполне понятный, так как атаковать вдогонку – предприятие безумное»²²⁵. Отряд Добротворского, проходивший Северное море 11 (24) ноября, также столкнулся с некоторыми странностями. «Не раз в Немецком море, – докладывал командир отряда Рожественскому, – по беспроволочному телеграфу вызывались то [крейсер] Олег, то [миноносец] Грозный, то [крейсер] Рион с просьбой указать место нахождения, но так как мною было приказано делать позывные ... то ясно, что вызывали не наши суда, а кто-то другие, что впоследствии

при встрече и подтвердилось»²²⁶. К счастью, у Добротворского этим дело и ограничилось.

Вскоре стало известно, что жертвами «гулльского инцидента» стали английские рыбаки. Двое из них (40-летний шкипер Джордж Смит (G.H. Smith) и матрос Уильям Легготт (W.R. Leggott) 28 лет) были убиты, шестеро англичан тяжело ранены; один рыболовный траулер (“Crane”) был потоплен, а пять других повреждены. Не избежали ущерба и русские военные корабли. Пять снарядов малого калибра, выпущенных броненосцами, перелетели цель и попали в крейсер «Аврора». Судовому батюшке иеромонаху о. Анастасию оторвало левую руку (через несколько дней от начавшейся гангрены он скончался и был похоронен в Танжере) и оказался легко ранен комендор Шатило. Таковы были первые потери 2-й эскадры на ее многотрудном, поистине крестном пути, который закончился в мае 1905 г. в Цусимском проливе гибелью половины ее личного состава и большинства кораблей.

Происшествие на Доггер-банке случилось в ночь на субботу 9 (22) октября, и хотя агентство Рейтер передало известие о «нападении русских военных кораблей на английских рыбаков» воскресным вечером 10 (23) октября (впопыхах вдвое преувеличив количество пострадавших англичан), мир узнал о нем из газет только в понедельник утром. В тот же понедельник 11 (24) октября Рейтер сообщил о возвращении домой рыбаков геймкокской и «великой северной» флотилии (*Game Cock and Great Northern Fleet*) и передал содержание взятого у них тут же интервью. «Пришедшие вчера вечером в док Св. Андрея рыболовные суда “Moulmein” и “Mino”²²⁷, – говорилось в телеграмме агентства, – представляли беспримерное зрелище. Суда были пробиты пулями ... Капитан “Moulmein” сообщил, что рыболовная флотилия стояла в час ночи на 22 октября в 220 милях к востоку от Спурхеда²²⁸. Несмотря на темноту и туман, были замечены очертания нескольких больших судов, идущих в кильватерной колонне. В то время, как рыбаки смотрели на эскадру²²⁹, внезапно засветили электрические прожектора. Рыбаки увидели, как приблизились суда, показавшиеся им миноносками, как они подошли к “Moulmein” как будто для того, чтобы пристать к нему. Затем миноноски соединились с эскадрой, которая вслед за этим открыла огонь. Канонада длилась 20 минут. Эскадра прошла дальше на юг».

Тут же рыбаки сделали еще одно важное заявление, переданное тем же агентством: «Когда русская эскадра удалась, то один из ее кораблей остался на месте происшествия и наблюдал за рыболовными судами до 6 часов утра 22 октября»²³⁰. 22—23 октября из Гулля в Форин офис были направлены: телеграфом – официальное извещение о происшествии от владельца Геймкокской рыбачьей флотилии и почтой – письмо с описанием инцидента ее «адмирала», 36-летнего Томаса Карра (Th. Carr). В три часа ночи 24 октября в Лондон прибыла депутация гулльских рыбаков, чтобы представить правительству факты о произошедшей трагедии. Несмотря на ранний час, на платформе *King Cross* их уже поджидала толпа журналистов²³¹.

В течение всей следующей недели, с понедельника 11 (24) до пятницы 15 (28) октября включительно, Европа жила в ожидании войны между Россией и Великобританией, которая казалась неизбежной, а сам «гулльский инцидент» обсуждался как «гвоздевая» новость планеты. Газеты всего мира живо комментировали произошедшее, строили догадки, делали прогнозы, корреспонденты открыли настоящую охоту за сенсациями. Особенно неистовствовала британская печать, которая сразу назвала инцидент *outrage*, т.е. возмутительным случаем, грубейшим нарушением закона, надругательством. «Нападение на рыбаков, – отмечает современный английский историк, – было воспринято как покушение на статус и достоинство Великобритании одновременно как владычицы морей и великой державы»²³².

«Непостижимо, чтобы любой военный моряк, считающий себя таковым, как бы напуган он ни был, мог в течение 20 минут обстреливать флотилию рыбацких судов, не пытаясь выяснить, кого он атакует, – негодовала “Times”. – Еще сложнее поверить, чтобы люди, которые носят форму офицеров цивилизованной державы и которые догадывались, что огнем орудий своей огромной флотилии они разделались с бедными рыбаками, покинули место происшествия, не попытавшись спасти жертв своей непростительной ошибки»²³³. «Известие о русском *outrage* в Немецком море вызвало изумление и негодование, – писала та же газета 12 (25) октября. – По всему видно, что реакция Великобритании будет быстрой и адекватной»²³⁴. «Ужас подобной постыдной демонстрации бездумной трусости и зверства потряс весь цивилизованный мир, – утверждал в номере от 16 (29)

октября еженедельник “Homeward Mail”, владельцем которого был банкир и депутат британского парламента от Гулля сэр Генри Сеймур Кинг (H.S. King). – <...> Если на долгом пути в царство теней (которое и есть конечная цель Балтийского флота) любое нейтральное судно будет иметь несчастье обратить на себя внимание его сумасшедших офицеров и матросов, они заявляют о своем праве сметать их с пути без всяких церемоний ... Русские превратились в угрозу международному сообществу. Они так мало проникнуты идеями гуманности и цивилизации, не говоря уже о чувстве справедливости, что открыто попирают элементарные законы цивилизованного ведения войны». В заключение автор статьи предложил британскому правительству немедленно потребовать от России извинений и материальных компенсаций, а в случае отказа Петербурга требовал «потопить Балтийский флот»²³⁵.

«Подобного единодушия, – констатировала “Daily Telegraph”, – не бывало в Соединенном Королевстве со времен наполеоновских войн. Газеты всех направлений сошлись теперь во мнении, единогласно требуя, чтобы Англия не медлила долее, но приняла меры, дабы в интересах цивилизованного мира устранить опасность, грозящую всем неминуемо»²³⁶. К реальности российской угрозы английское общественное мнение к тому времени было уже основательно подготовлено. Еще с середины 1890-х годов британский книжный рынок заполнили триллеры, которые на разные лады расписывали ужасы вторжения в Англию «свирепых орд русских варваров»²³⁷.

Особое негодование Альбиона вызвало то, что русский миноносец, оставленный на месте происшествия до утра 9 (22) октября, не пришел на помощь пострадавшим рыбакам. В своей телеграмме Николаю II Эдуард VII специально подчеркнул это «отягчающее обстоятельство», премьер-министр Артур Бальфур (A.J. Balfour) говорил о «бесчеловечности» русского судна, которое отказалось спасти раненых рыбаков, а министр иностранных дел лорд Лансдоун (Lansdowne) в беседе с русским послом графом А.К. Бенкендорфом, как и посол Великобритании в Петербурге баронет сэр Чарльз Хардинг (Ch. Hardinge) на встрече с графом Ламздорфом, в этой связи выражали свою «особую озабоченность»²³⁸. Эту же тему охотно развивали и газеты. «Рождественский выказал грубое равнодушие, продолжив свой путь без заботы о последствиях обстрела судов», –

писала “Standard”. «Самой верной и осторожной мерой, – настаивала “Daily Mail”, – было бы отозвать немедленно эту эскадру обратно, так как при настроении, выказанном ее офицерами и экипажем, вряд ли она в состоянии встретиться с опасностями в водах Дальнего Востока, а между тем она слишком опасна для нейтральных и торговых судов»²³⁹.

Японская пресса на события в Северном море отреагировала вяло, отговариваясь полным неведением, но зато подробно освещала как реакцию западных средств массовой информации на инцидент, так и ход его последующего международного расследования. Одна из влиятельных японских газет, токийская “Ji-Ji” в номере от 12 (25) октября 1904 г. заявила: «Мы в Японии ничего не знаем об отправке наших судов в те воды, но весьма вероятно, что русские суда, опасаясь рыбачьих судов, ошибочно приняли таковые за японские, расставляющие мины, и произвели на них нападение»²⁴⁰. Обозреватель “Asahi” предположил, что за «гулльским инцидентом» скрывается тайное намерение России вызвать «международные затруднения, под предлогом которых она могла бы выйти из войны с Японией»²⁴¹. Умеренная “Nichi-Nichi” прокомментировала происшествие следующим образом: «Позволять себе подобное насилие над международно признанными нормами может только тот, кто не имеет ничего общего с цивилизованными народами. Этот вопиющий инцидент не мог быть следствием простой ошибки. Нет сомнения, что правительство пострадавшей стороны примет против России адекватные меры ... Всем уже хорошо известно, что русские негуманны. Им совершенно не свойственно человеколюбие – атрибут просвещенного ума»²⁴². Близкая правительству газета “Kokumin” посчитала «неверным рассматривать инцидент относящимся только к русско-британским отношениям», поскольку он ставит на повестку дня «тройной вопрос – о цивилизации, гуманности и мире на всей планете»²⁴³. Устами своего посланника в Лондоне правительство Японии отрицало присутствие своих кораблей в европейских водах в момент инцидента, а мэр Токио Озаки Юкио и его коллега из Иокогамы Итихара по телеграфу выразили соболезнование пострадавшим английским рыбакам.

Примерно в том же духе высказывалась немецкая, бельгийская, итальянская и особенно американская печать. По словам автора

еженедельного обзора мировой прессы “Times”, немецкие повременные издания квалифицировали действия русских моряков как «вызванные тремя обстоятельствами: 1. Паника, 2. Некомпетентность, 3. Водка»²⁴⁴. В статье под характерным заглавием «Сумасшедший, выпущенный на свободу» “New York Times” писала: «Невозможно допустить, чтобы по морям плавал флот под командованием адмирала, истребляющего торговые и каботажные суда Европы, Азии и Африки (? – Д.П.)»²⁴⁵. Швеция ограничилась тем, что поспешила решительно опровергнуть информацию газет о том, что в ее территориальных водах находились японские миноносцы. О своем полном неведении на этот счет шведское внешнеполитическое ведомство заявило и британскому послу в Стокгольме, который сделал соответствующий запрос по требованию своего правительства.

Агрессивный и откровенно антироссийский тон, первоначально усвоенный зарубежными обозревателями, в какой-то степени был объясним. В первые дни происшествие в Северном море повсеместно трактовалось в изначальной редакции агентства Рейтер, именно – как «нападение» русских военных на мирных английских рыбаков. Официальный Петербург сделал ряд успокоительных и миролюбивых заявлений, 12 (25) октября император Николай II направил свои сожаления и соболезнования (но не извинения) по поводу случившегося королю Эдуарду VII; то же в специальной ноте сделал российский МИД и, в устной и письменной форме, посол в Лондоне Бенкендорф. Но по существу вопроса Петербург несколько дней отмалчивался, резонно ссылаясь на отсутствие сведений от командующего своей эскадрой. Наконец, 14 (27) октября военноморской атташе в Лондоне И.Ф. Бострем от имени Рожественского опубликовал в английских газетах две телеграммы русского адмирала (свой, цитированный выше, «строевой рапорт» Рожественский направил в Петербург из Виго с оказией днем позже – 15 (28) октября). «Сегодня, наконец, получены телеграммы от генерал-адъютанта Рожественского об инциденте в Северном море ... которые пролили совершенно новый на свет на столкновение наших военных судов с рыбацкой флотилией и сняли с эскадры Рожественского все те обвинения, которые с легкомысленной поспешностью были возведены на нее не только английской печатью, но, к нашему глубокому

сожалению, и некоторыми из видных политических деятелей Англии», – успокаивали своих читателей русские газеты²⁴⁶.

Адмирал писал: «Случай в Немецком море был вызван двумя миноносцами, шедшими в атаку без огней под прикрытием темноты на головной корабль отряда ... Английская пресса возмущена тем, что эскадренный миноносец, оставленный до утра на месте происшествия, не подавал помощи потерпевшим. При отряде не было ни одного миноносца и никто на месте происшествия не был оставлен; следовательно, оставался до утра при мелких паровых судах тот из двух миноносцев, который не был утоплен, а лишь поврежден. Отряд не подавал помощи мелким паровым судам, подозревая их в соучастии ввиду упорного стремления прорезать строй судов; некоторые совсем не открывали огней, другие очень поздно». «Если на месте происшествия оказались также и рыбаки, неосторожно вовлеченные в предприятие, – заключал адмирал, – то прошу от лица всей эскадры выразить искреннее сожаление несчастным жертвам обстановки, в которой ни один военный корабль, даже среди глубокого мира, не мог поступить иначе»²⁴⁷.

Японский посланник в Лондоне Хаяси нашел эти объяснения «настолько смехотворными, что они не стоят даже того, чтобы пытаться опровергать их»²⁴⁸. Так же недоверчиво на заявления Рождественского отреагировали и на Даунинг-стрит. Маркиз Лансдоун заявил российскому послу, что Британия «совершенно не может принять объяснения адмирала»²⁴⁹, а премьер-министр Бальфур прокомментировал их следующим образом: «История, рассказанная русским адмиралом, представляет собою чистую фантазию ... Надо было бы преследовать и уничтожить (! – Д.П.) всякий флот, который понимает свои права так, как понял их русский адмирал»²⁵⁰. Эту оценку подхватила английская печать, но, хотя брань в адрес 2-й эскадры заявления Рождественского не прекратили, сюжет о русском миноносце, оставленном на Доггер-банке до утра 9 (22) октября, мгновенно исчез и с газетных полос, и из британской дипломатической переписки. Между тем, английские журналисты, узнав, где находится русская эскадра, бросились в Виго, но на борт «Князя Суворова» попасть удалось только двоим из них – корреспондентам агентства *Central News* и газеты “Daily Chronicle”²⁵¹. В интервью им Рождественский подтвердил свою версию инцидента в Северном море и

снова заявил, что вместе со всеми офицерами эскадры «глубоко сожалеет о невинно пострадавших». Но на вопрос, как бы он поступил, если бы английский флот преградил ему путь, адмирал заверил, что «он немедленно направил бы против флота огонь всех своих орудий»²⁵².

Британские торгово-промышленные и финансовые круги дальнейшего обострения отношений с Россией пытались избежать – если верить французскому «Journal des Debats», в лондонском Сити войны «не хотели ни одной минуты»; о том же сообщал в Петербург российский военный атташе²⁵³. Начальник Генштаба лорд Робертс (Roberts) секретно доносил членам кабинета, что «в настоящее время мы, конечно, не в состоянии выставить большую сухопутную армию»²⁵⁴. Но в парламенте и на Даунинг-стрит, похоже, до поры до времени были настроены более решительно. «Британская пресса и многие члены парламента, – сообщает историк Дж. Вествуд, – делали все, чтобы вынудить свое правительство объявить России войну. Газеты на протяжении нескольких дней писали о варварстве русских и о “русском флоте бешеной собаки” ... “Настоящее объяснение возмутительного случая в Немецком море, – утверждала “Outlook”, – следует искать в природном варварстве и высокомерии русского правящего класса ... Уважительное отношение к окружающим народам им можно внушить только силой»²⁵⁵. 14 (27) октября лидер парламентской оппозиции сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман (H. Campbell-Bannerman), выступая в Норвиче, подчеркнул, что «жестокое нападение» русских на английских рыбаков не могло быть «ни несчастной случайностью, ни недоразумением»²⁵⁶. «Война может быть вопросом только нескольких часов ... – пророчествовала “Times”, — Англии остается лишь один путь, а именно: потребовать немедленного отозвания Рождественского и настоять на примерном его наказании»²⁵⁷. Устами этой газеты, бесспорно, говорила сама английская дипломатия – по свидетельству современного исследователя, сэр Валентин Чирол (V. Chirol), тогдашний глава международного отдела “Times”, не только состоял в личных друзьях сэра Хардинга, но был чрезвычайно влиятелен и во внешнеполитическом ведомстве Великобритании

В общем, непреднамеренное убийство двух английских рыбаков на Доггер-банке и ранение еще шестерых сознательно раздувалось до

масштабов общенационального унижения Великобритании и катастрофы европейского уровня. Королева Александра, а по ее примеру и многие британские аристократы стали демонстративно жертвовать в пользу семей погибших и раненых гульских рыбаков. 12 (25) октября Адмиралтейство приказало командующему Средиземноморской эскадрой немедленно направить шесть своих броненосцев, все броненосные крейсера и миноносцы в Гибралтар²⁵⁸. На следующий день, 13 (26) октября, броненосцы “Victorious”, “Illustrious”, “Majestic” и крейсера “Lancaster”, “Theseus” и “Endymion” флота Канала (Channel Fleet) под командой вице-адмирала лорда Чарльза Бересфорда (Ch. Beresford) вышли в море, чтобы сопровождать (на английском морском жаргоне – «нянчить», “*to nurse*”) русскую эскадру²⁵⁹; миноносцы также были приведены в боевую готовность. В тот же день началась мобилизация морских резервистов в количестве 25 тыс. человек. «28 современных судов королевского военно-морского флота, – пишет историк Коннотон, – с командами из самых, бесспорно, профессиональных в мире моряков, стали собираться из разных портов в ожидании приказа Лондона уничтожить русский флот»²⁶⁰. 14 (27) октября Адмиралтейство шифром предупредило адмирала Бересфорда: «Возможно, Вам придется остановить Балтийский флот методами убеждения (*by persuasion*), но если это не удастся – то силой», для чего в его распоряжение передавалась армада, только что передислоцированная из Средиземного моря; пяти крейсерам отряда контр-адмирала Уокера (Walker) было предписано отслеживать передвижения русской эскадры, но так, чтобы русские могли видеть только один крейсер (остальным следовало держаться в отдалении)²⁶¹. 15 (28) октября британские консулы в прибрежных испанских и португальских городах получили указание Лондона «продолжать информировать старшего морского офицера в Гибралтаре по телеграфу обо всех передвижениях русских военных кораблей»²⁶². Таким образом, в эти дни Европа балансировала на грани войны.

Но в субботу 16 (29) октября страсти заметно утихли – английские политики, в течение всей предыдущей недели неустанно нагнетавшие обстановку, неожиданно взяли более спокойный тон. Речь, произнесенная в этот день Бальфуром в Саутгемптоне, была окрашена миролюбием. «Прискорбное событие прошлой пятницы, – заявил

премьер-министр, – не приведет к одной из тех великих ... войн, которые, хотя, будучи время от времени необходимы (? – Д.П.), оставляют после себя прискорбные следы и неизбежно задерживают прогресс гуманности и цивилизации ... Период затруднений миновал»²⁶³. В ту же субботу Адмиралтейство предписало Бересфорду впредь «избегать каких-либо демонстраций, которые могли бы осложнить международные отношения», поскольку «Россия согласилась на наше требование учредить международное расследование и задержать движение судов, замешанных в трагедии»²⁶⁴. 18 (31) октября адмирал сэра Джон Фишер (J. Fisher) написал жене: «Чуть было снова не началась война. Действительно, мы были на пороге ее, но русские отступили»²⁶⁵.

Между тем, из-за близкого присутствия английских военных судов обстановка вокруг самой русской эскадры еще несколько дней была накалена до предела. Когда утром 19 октября (1 ноября) корабли Рождественского салютовали, выходя из бухты Виго, дружественно настроенные к России испанцы приняли орудийный салют за перестрелку с находившимся поблизости английским крейсером “Lancaster” (вне рейда стояли еще шесть британских военных кораблей). Но на русской эскадре, свидетельствует лейтенант флота Б.Б. Жерве, «боялись не сражения с несравненно сильнейшим английским флотом, а позорного возвращения домой»²⁶⁶. Петербург же по-прежнему делал все, чтобы любой ценой избежать дальнейшего обострения русско-английских отношений. Стоило сэру Хардингу опротестовать вполне правдивые сообщения «Нового времени» о том, что английский флот следует по пятам эскадры Рождественского, и деланно возмутиться ими²⁶⁷, как окрик из «сфер» тут же заткнул газете рот. Позднее русской прессе было категорически запрещено сообщать вообще какие-либо сведения о движении эскадры, включая информацию на этот счет зарубежных информационных агентств.

Известие об уходе русских кораблей из Виго вызвало очередную бурю в английской печати. Своих вновь взволновавшихся было сограждан Форин офис успокоил заверением, что русская эскадра продолжила поход по соглашению между Россией и Англией. Как бы там ни было, к середине следующей недели угроза англо-русской войны, а вслед за ней и общеевропейского военного конфликта миновала.

По мере того, как в прессе появлялись все новые и новые подробности происшествия на Доггер-банке, европейское общественное мнение разделилось. Если большая часть западных журналистов, государственных деятелей и политиков продолжала стоять на прежних позициях, то симпатии военных обозревателей, юристов и особенно военных моряков стали склоняться на сторону Рождественского. Британский специалист по международному праву Фредерик Пуллок отметил на страницах "Daily Chronicle": «Вероломное нападение японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре, до объявления войны, дало вице-адмиралу Рождественскому полное право заподозрить повторение такого же поступка в Северном море. Командующий русской эскадрой тем более был прав ... что на русских судах не заметили никаких огненных сигналов с рыболовных судов». Отставной вице-адмирал германского флота Кюне в докладе, прочитанном в Любеке в конце октября, призывал с большим доверием отнестись к свидетельствам русского флотоводца; немецкий военный обозреватель граф Пфейль со страниц газеты «Münchener Neueste Nachrichten» констатировал, что «русский флот, защищаясь от коварного нападения врага, нанес, конечно, не желая этого, вред английским рыбакам» («когда Япония без объявления войны предательски напала на русский флот, – напомнил публицист, – то молчали все те, кто кричит теперь»). Итальянский капитан Ронкальи, разбирая на страницах газеты «Popolo Romano» обвинения, выдвинутые в печати против Рождественского, писал: «Существует полное вероятие, что русский огонь был вызван именно японскими миноносцами ... Варварскую жестокость проявили не русские, поставленные в положение законной обороны, а те два судна, которые предательски навлекли на рыбаков выстрелы, направленные против злоумышленников»²⁶⁸. Германская газета «Vessische Zeitung» на шумиху британской прессы, поднятую вокруг инцидента, ответила статьей «Много шума из ничего»; в ноябре 1904 г. влиятельный британский публицист и историк Фрэнсис Скрайн (F. Skrine) направил несколько открытых писем в адрес гулььского банкира Сеймура Кинга. Назвав инцидент в Северном море «недоразумением», он выступил против агрессивного антирусского тона публикаций принадлежавших тому изданий (в конце 1904 г. свои послания Кингу Скрайн опубликовал отдельной брошюрой).

Наиболее уважаемые и опытные британские военно-морские деятели, утверждал со страниц «Нового времени» ее лондонский корреспондент, «составили себе мнение о совершенной правоте Рождественского. Мне достоверно известно, что адмирал Ламбтон высказал это на аудиенции у короля и что то же говорил адмирал Фишер, прибавив, что никакой начальник британского флота не мог бы в подобном случае действовать иначе. А морской адъютант короля принц Баттенбергский (Prince Louis of Battenberg), исследовавший дело в Гулле, в рапорте королю выразил то же самое»²⁶⁹. «Если бы я увидел, – заявил Фишер, – что к вверенной мне эскадре приближается какой-то миноносец, то я сначала выстрелами потопил бы его, а уже затем спросил, какой он был националь ности»²⁷⁰. Аналогичным образом высказывались и другие авторитетные западноевропейские военно-морские деятели.

В общем, действия Рождественского на Доггер-банке стали постепенно выходить из-под огня критики, но вопрос о том, что спровоцировало стрельбу в Северном море, оставался по-прежнему открытым. Именно этот вопрос впоследствии стал предметом разбирательства особой следственной комиссии.

Международное расследование

В Петербурге об инциденте в Северном море стало известно из агентских телеграмм и газет во вторник 12 (25) октября. Первым из российских официальных лиц о нем узнал посол в Великобритании граф А.К. Бенкендорф, который вечером 11 (24) октября вернулся в Лондон из поездки на континент и был крайне удивлен, увидев на площади вокзала Виктория множество полицейских и толпу, которая, окружив его, начала свистеть, потрясать кулаками и даже пытаться разбить окна его экипажа. Толпа провожала его карету до ворот посольства, где, спев «Правь, Британия!», рассеялась. «Полиция охраняла российское посольство, как если бы это была английская крепость», – сообщали газеты²⁷¹.

Несмотря на столь недружелюбный прием, утром следующего дня Бенкендорф, не мешкая, направил телеграфный запрос в Петербург, а сам отправился в Форин офис, где ему была вручена нота, в которой кроме описания самого происшествия содержались требования немедленных извинений перед Британией, «полного удовлетворения», а также «достаточных гарантий против повторения такого инцидента». Российский посол ответил, что «не предвидит никаких затруднений ни в вопросе об извинении за прискорбное происшествие, ни в деле о вознаграждении пострадавших»²⁷². Аналогичные требования глава Форин офис еще накануне телеграфировал в Петербург Хардингу. Передавая Ламздорфу это послание своего правительства, восходящая звезда британской дипломатии и будущий вице-король Индии позволил себе «частным образом», «как друг, а не посол его величества», дать российскому министру совет: «ради сохранения дружественных отношений между двумя странами была бы желательна со стороны русского правительства декларация о том, что потерпевшим будет дано полное вознаграждение», а виновные «будут подвергнуты соответствующему наказанию». В ответ Ламздорф заверил Хардинга, что как только в Петербурге будут получены известия от Рождественского, инцидент будет «тщательно исследован», виновные наказаны, а пострадавшие вознаграждены²⁷³. Действительно, на следующий день король и МИД Великобритании

получили из Петербурга официальные сожаления и соболезнования, но не извинения, которых, вопреки бытующему в историографии мнению²⁷⁴, не последовало, да и быть не могло (по причинам, которые скоро будут ясны).

Между тем, англичане настаивали на немедленном выполнении своих условий в полном объеме²⁷⁵, напряжение росло с каждым часом, и уже утром 13 (26) октября Лансдоун на очередной встрече с Бенкендорфом потребовал, чтобы движение русской эскадры было остановлено, а «если ей будет позволено продолжить путь», «то между нами до истечения недели может начаться война». В тот же день британский министр в собственноручном послании Бенкендорфу вновь потребовал от России не только провести тщательное расследование «прискорбной атаки русским флотом британских траулеров» и «примерного наказания» виновных, но и принятия мер к тому, чтобы подобное не могло случиться впредь. «Офицеры, охваченные паникой, отдав приказ об атаке, считали и, вероятно, считают до сих пор, – писал Лансдоун, – что имеют право обращаться с любым невинным судном, встреченным на пути на Дальний Восток, как с вражеским только потому, что оно показалось им замаскированным японским. Нет нужды особо указывать, к каким последствиям может привести подобное состояние умов»²⁷⁶.

Объяснения Рожественского, опубликованные 14 (27) октября, не разрядили обстановку, зато его решимость без колебаний вступить в бой с английским флотом, выраженная в уже известном нам интервью английским журналистам 15 (28) числа, очевидно, подействовала на лондонских «ястребов» отрезвляюще. Утром 14 (27) октября Ламздорф пригласил к себе Хардинга. «Этот самый вежливый на свете человек, – вспоминал ту встречу много лет спустя британский дипломат, – был почти груб со мной». Министр зачитал послу телеграммы Рожественского и затем «в течение часа бранил Англию, Японию и коварство японцев». Хардинг счел за благо отмолчаться, понимая, что Ламздорф «не в себе». Но уже на следующий день министр, бросившись послу на шею, «со слезами на глазах» горячо благодарил Хардинга за его сдержанность, проявленную накануне. Всю предыдущую ночь, объяснил Ламздорф, он провел на заседании Совета министров, «сражаясь» с господствовавшей там «воинственной атмосферой», но все равно получил указание в ответ на «одно слово

угрозы» от Лансдоуна или Хардинга решительно заявить британской стороне:

«Вы хотели войны, вы ее получите!». Теперь собеседники сошлись во мнении, что «недостойно ставить риск перспективы долгой и ужасной войны между двумя великими державами в зависимость от того, что сделает или скажет один правительственный чиновник»²⁷⁷.

Между тем, в Лондоне 14 (27) октября Бенкендорф направил Лансдоуну предложение российского императора передать дело на «всестороннее рассмотрение международной следственной комиссии» и британский кабинет немедленно согласился²⁷⁸ – такой способ разрешения межгосударственных споров был предусмотрен международной Гаагской конвенцией, подписанной в 1899 г. «Вчера посланное нами в Англию предложение передать рассмотрение дела о стрельбе в Немецком море [в ведение] Гаагского суда – возымело действие. Паршивые враги наши сразу сбавили спеси и согласились», – записал в своем дневнике 16 (29) октября обычно немногословный и сдержанный российский император, а вечером следующего дня прибавил: «От 2 до 3 час. принимал англ. посла Hardinge по поводу последнего недоразумения. Поговорил с ним крепко»²⁷⁹. Смысл состоявшегося разговора со ссылкой на петербургского корреспондента «L'Écho de Paris» передала “Times”: «В ходе состоявшейся вчера беседы сэра Чарльза Хардинга с императором его величество выразил удовлетворение разрешением кризиса, отметив, что он твердо уверен, что русский флот был атакован японцами»²⁸⁰. Сам Хардинг в донесении в Лондон сообщил, что был принят в Царском Селе «весьма любезно», и своей часовой беседой с Николаем II оказался удовлетворен настолько, что отчет о ней закончил словами: «К сожалению, беседы, подобные той, которой я удостоился, – явление редкое и исключительное, и в вопросах внешней политики его величество вынужден полагаться на информацию и мнения своих зарубежных представителей и министра иностранных дел, а из некоторых замечаний его величества, сделанных мне, видно, что эти мнения не всегда находятся в согласии с фактами»²⁸¹. «Когда я рассказал ему (императору. – Д.П.) обо всем, что произошло между Ламздорфом и мной и как близко мы находились от самого серьезного кризиса, – вспоминал впоследствии Хардинг, – его глаза наполнились слезами и он заявил, что никогда бы не допустил войны между

Англией и Россией»²⁸². В качестве ответного жеста доброй воли российский посол 19 октября (1 ноября) был приглашен на 20-минутную аудиенцию в Букингемский дворец.

Напряжение в отношениях между Россией и Великобританией сразу заметно спало; вечером 20 октября (2 ноября) в Лондоне было объявлено о прекращении мобилизации морских и сухопутных резервистов, следующим утром командующий флотом Канала получил приказ Адмиралтейства прекратить преследование русской эскадры – теперь задача следить за ней была возложена на британских консулов в Африке, а также на старшего морского начальника отряда у мыса Доброй Надежды²⁸³. 3 ноября лондонский корреспондент «Нового времени» вместе с президентом Ассоциации зарубежной прессы (*Foreign Press Association, London*) направили издателю “Times” благодарственное письмо за дружелюбный к России тон последних публикаций его газеты в связи с решением об образовании международной комиссии для расследования «гулььского инцидента»²⁸⁴. Возвращаясь к этим драматическим событиям в начале 1905 г., та же “Times” приписала «улажение столь опасного для мира происшествия прямоте и искренности обоих правительств, а также драгоценному созданию Гаагской конференцией аппарата для мирного решения международных разногласий. Без этого столкновение неминуемо привело бы к войне»²⁸⁵. Напоминать читателям о том, что инициатором созыва самой этой мирной конференции 1899 г. и всех ее «драгоценных созданий» была именно Россия²⁸⁶, лондонский официоз не стал.

17 (30) октября 1904 г. для дачи показаний в будущей комиссии с судов эскадры были списаны и отправлены в Петербург свидетели:

капитан 2-го ранга Н.Л. Кладо (флагманский броненосец «Суворов»), лейтенанты вахтенный начальник И.Н. Эллис (броненосец «Александр III») и минный офицер В.Н. Шрамченко (броненосец «Бородино») и мичман Н. Отт (транспорт «Анадырь»). Позднее к ним присоединился лейтенант В.К. Вальронд с транспорта «Камчатка». Вслед за тем российские дипломаты заявили английским коллегам, что оснований задерживать эскадру в Виго более нет, те согласились²⁸⁷, но стали настаивать на предоставлении международной комиссии права «возложить на кого следует ответственность и порицание» (*responsibility and blame*) за инцидент. Российская сторона такую

редакцию ее полномочий опротестовала, но понимая, что самое страшное уже позади, а дискуссии о составе и компетенции будущей комиссии могут длиться неопределенный долго, разрешила Рождественскому продолжить поход («высочайшая» санкция на это последовала 18 (31) октября). В 7 часов утра 19 октября (1 ноября) эскадра покинула Виго и двинулась в Танжер под аккомпанемент проклятий и улюлюканье британской печати.

Обсуждение полномочий международной комиссии действительно заняло без малого месяц, и совместная декларация о ее образовании была подписана в Петербурге Ламздорфом и Хардингом только 12 (25) ноября. Ключевой в этом 8-статейном документе стала статья вторая: «Комиссия должна произвести расследование и составить доклад обо всех обстоятельствах, относящихся к трагедии в Северном море, и в частности, по вопросу об ответственности, а также о степени порицания того, на ком, согласно расследованию, лежит ответственность»²⁸⁸. Как видим, в итоговый документ не вошла фраза о «нападении на рыбачью флотилию», на которой первоначально настаивали англичане, вопрос об ответственности виновных получил значительно более мягкую формулировку, а общий обвинительный (в отношении России) уклон совершенно испарился – теоретически «ответственность и порицание» могли теперь распространяться как на российских, так и британских подданных и даже на граждан других государств.

Вопреки первоначально предположенной Гааги местом заседания комиссии был определен дружественный России Париж (свои посреднические услуги Франция предложила еще в середине октября), а вскоре были обговорены еще два важных вопроса – о странах, которые должны были быть представлены в комиссии, и список самих «комиссаров». Кроме России (вице-адмирал Н.И. Казнаков) и Великобритании (57-летний вице-адмирал сэр Льюис Энтони Бомон (L.A. Beaumont), его личный секретарь Колвилл Барклей (C. Barclay) и сэр Эдвард Фрай (E. Fry) в качестве юрисконсульта)²⁸⁹, в ее состав вошли представители США (вице-адмирал Чарльз Генри Дэвис (Ch.H. Davis)), Франции (вице-адмирал Фурнье (Fournier)) и Австрии (вице-адмирал барон фон Шпаун (Spraun)). Какие-либо судебные функции на «комиссаров» не возлагались. Проведя расследование, им надлежало лишь сформулировать рекомендации относительно наказания (или

порицания) виновных. Вопросы о мере и порядке применения этого наказания в их компетенцию не входили и должны были решаться заинтересованными правительствами самостоятельно на основе собственного законодательства. Все это, вместе с публичным характером большинства заседаний, придавало работе комиссии главным образом пропагандистскую окраску, превращая ее в своего рода общеевропейское «ток-шоу» с острым политическим подтекстом. «Инцидент на *Dogger-Bank*'е в сущности уже исчерпан, – резонно заключал высокопоставленный российский дипломат, – и цель Комиссии, с нашей точки зрения, должна заключаться лишь в том, чтобы, рассмотрев спокойно и беспристрастно факты происшествия, дать торжественную международную санкцию достигнутому уже *de facto* успокоению умов и молчаливому соглашению обеих тяжущихся сторон»²⁹⁰. В таких условиях о новых попытках остановить русскую эскадру или «примерно наказать» ее командующего, как недавно советовала “Таймс”, уже не могло быть речи.

Едва подписав петербургскую декларацию, «высокие договаривающиеся стороны» открыли охоту за новыми свидетелями. «Сюда, – сообщал из Копенгагена Извольский 14 (27) ноября, – прибыл датский уроженец, ныне русский подданный Лунд, находившийся в качестве вольнонаемного капельмейстера на крейсере “Аврора” и высадившийся с судна в Танжере. Английский поверенный в делах настойчиво предлагает ему ехать в Лондон, дабы затем явиться свидетелем международной комиссии, предлагая ему, по словам Лунда, не только средства на поездку, но и дальнейшее обеспечение». Сделка состоялась, и в тот же день бывший капельмейстер отправился в Лондон с большими конспирациями и в сопровождении секретаря английской миссии²⁹¹.

В Париже, однако, выступить ему так и не довелось. Вероятно, этому в последний момент воспротивился сам Лунд – хотя при расставании в Танжере командир «Авроры» капитан 1-го ранга Егорьев разрешил ему свободно говорить о происшествии в Северном море где угодно, тот все равно маниакально опасался мести со стороны русских властей²⁹².

Впрочем, главной проблемой англичан был не поиск новых свидетелей, а подготовка к процессу уже имевшихся – для этого в их распоряжении имелась вся геймкокская рыбацья флотилия. В Гулле

была образована особая внутренняя следственная комиссия (*Inquiry of the Board of Trade*), на которой, как впоследствии выразился один русский дипломат, свидетелям «заранее втолковывались произвольные объяснения того, что было ими действительно видено»²⁹³. Непосредственными результатами работы этой *Inquiry* стало, во-первых, появление 276-страничного альбома с отображением положения рыбачьих судов во время инцидента и, во-вторых, – отказ рыбаков от заявлений, которые они сделали 10 (23) октября сразу по возвращении в док Св. Андрея. В этом сказалось как давление судовладельцев, так и, вероятно, другие обстоятельства, на которые намекнула британская “Universe”: «Смело можно утверждать, – писала газета, – что если бы команда “Moulmein” не поспешила со своим правдивым заявлением о виденных ею в ночь на 9 (22) октября миноносцах, то ей бы наверное хорошо заплатили за молчание. Пожалуй, и теперь еще попытаются прибегнуть к этому могучему средству»²⁹⁴. «Очень важно, что гульская следственная комиссия беспристрастно доказала отсутствие реальных или импровизированных миноносцев между рыболовными судами ночью 21 октября, и это – важнейший пункт против доводов русских, – читаем в подготовительных документах английской делегации в Париже. – ...в ходе, так сказать, воссоздания условий и обстоятельств [инцидента] в их последовательности в показаниях каждого следующего свидетеля их сведениям было придано известное направление, к которому они подсознательно склонялись»²⁹⁵.

В итоге, попытки русских представителей найти в Гулле подходящих свидетелей (т.е. тех, кто был бы готов под присягой подтвердить свои собственные заявления от 10 (23) октября) оказались блокированы. Одного-единственного, которого по горячим следам удалось тайно уговорить дать такие показания, гульская печать тут же обнаружила и объявила подкупленным русскими пьяницей. Вслед за ней и вся английская пресса заговорила о «попытках русских тайных агентов подкупить гульских рыбаков с тем, чтобы те поклялись, что миноносцы среди их траулеров появлялись»²⁹⁶. Негласно посланный в Гуль из Брюсселя капитан Арфетен также вернулся ни с чем, объяснив, что «большинство лиц, могущих представить доказательства, благоприятные для России, воздержатся в настоящее время от подачи такого рода показаний во избежание ссор и нападок в

местных трактирах и харчевнях, где собираются рыбаки и всякий праздный люд»²⁹⁷. Впоследствии нужных людей удалось-таки разыскать, но ни одного из них российская сторона выставить в качестве официального свидетеля в Париже не решилась – как заметил в приватном разговоре с бароном М.А. Таубе Рачковский, «все “свидетели”, выловленные моим бывшим подчиненным Мануйловым из разных английских, голландских и скандинавских трущоб, не стоят, как говорится, ни гроша»²⁹⁸.

Готовясь к международному расследованию и в ходе его самого английская сторона потратила немало усилий на изучение отчетной документации своих таможенных, портовых служб и маяков восточного побережья и конфиденциальный опрос их служащих. На вопрос, не наблюдали ли они в середине – второй половине октября 1904 г. какие-либо подозрительные миноносцы или подобные им суда в море или в британских портах, те (в отличие от своих французских и датских коллег) неизменно отвечали отрицательно. Эти материалы английская сторона сочла необходимым включить в документальное приложение в своему докладу²⁹⁹. Так же тщательно был изучен вопрос о присутствии в районе Доггер-банки в дни инцидента своих или зарубежных военных кораблей, и с тем же отрицательным результатом. В итоге ключевой вопрос относительно возможности тайной покупки японцами миноносцев или их постройки на частных английских верфях прямо либо через подставных лиц так и остался не разрешенным. Луи Баттенбергский поспешил поставить точку: «Нам уже известно, что ничего подобного не происходило и не могло произойти без нашего ведома, коль скоро речь идет об этой стране»³⁰⁰. В случае, если свидетельские показания ставили под сомнение только что процитированное утверждение принца Луи, реакция британской делегации в Париже всегда была одной и той же – англичане стремились не столько опровергнуть такие показания, сколько скомпрометировать их источник (т.е. свидетеля), благо, при умелом подходе, это не составляло большого труда.

В Петербурге проблемой свидетелей также озаботились еще в октябре. 17 (30) октября Ламздорф телеграфом потребовал от посла Бенкендорфа «тотчас же поручить подведомственным консулам и агентам немедленно собрать точные сведения о числе японцев, находящихся в восточных портах Англии, особенно в Гулле и

Ньюкастле»³⁰¹. В конце этого же месяца Вирениус запросил Лопухина о возможности предъявить международной комиссии показания капитанов судов «флотилии» Гартинга, а Лопухин, в свою очередь, обратился с этим же вопросом к нему самому. Гартинг категорически рекомендовал отказаться от этой затеи. Во-первых, потому, что «невозможно быть уверенным», что эти свидетели «сумеют умолчать о своей службе в нашей сторожевой организации», а, во-вторых, в связи с тем, что и без того несколько десятков датчан (экипажи кораблей его агентуры и датских военных судов, чиновники датского Морского министерства, жители приморских поселков) могли догадываться или даже определенно знать, чем в действительности занимался Гартинг на территории этой нейтральной страны³⁰². Все это, по его мнению, могло иметь крайне неблагоприятные последствия как для России, так и для самой Дании. Департамент полиции, а затем и Главный морской штаб с доводами Гартинга согласились.

Исключение было сделано только для шхуны «Эллен» из «флотилии» Гартинга – ранее ее капитану пришлось по постороннему поводу объясняться с полицией, это попало в печать, и его работа на русскую контрразведку уже не составляла секрета – к большому неудовольствию контрразведчиков. С капитана «Эллен» и членов ее экипажа были сняты и нотариально заверены показания о неизвестных миноносцах, встреченных ими в море во время крейсирования. 6 (19) ноября. Извольский переправил эти показания Ламздорфу, а тот передал чиновнику МИД, намеченному в состав российской делегации в Париже³⁰³. Позднее туда же попали показания капитана норвежского парохода «Adela» и его штурмана Эндре-Кристиана Христиансена, которые 6 (19) и 7 (20) октября у берегов Норвегии одно за другим видели два неизвестных судна, причем были уверены, что встретили миноносцы, и подробно описали их внешний вид. Свои услуги России предложил и У. Лукас (W. Lucas), штурман английского коммерческого парохода “Titania”, который рано утром 2 (15) октября на пути из Антверпена в Великобританию, в 25-ти милях от плавучего маяка *Newarp* встретил два миноносца без флагов и огней. Лукас выразил готовность дать соответствующие показания и даже изобразил один из замеченных кораблей на бумаге. Правда, на этом, сохранившемся в АВПРИ, рисунке, выполненном корявой рукой моряка, оказалось изображено нечто, на миноносец вовсе не похожее.

В поисках новых и притом «легальных» (т.е. не связанных с секретной агентурой) свидетелей Петербург решил прибегнуть к не совсем обычному способу. 26—27 октября российские послы в Париже и Лондоне получили указание своего министра поместить в газетах сообщение о том, что русское правительство «щедро вознаградит» всех, кто способен доказать, что в ночь на 9 (22) октября на Доггер-банке находились японские миноносцы, а те, в свою очередь, проинформировали об этом своих консулов³⁰⁴. Однако в ответ посол во Франции Нелидов, с подачи Мануйлова, сообщил в Петербург, что подобная публикация опасна тем, что русское правительство рискует стать объектом шантажа или нежелательных спекуляций в западноевропейской печати³⁰⁵. Взамен нужные сведения Нелидов предложил собрать агентурным путем — с помощью все того же Мануйлова, но Лопухин категорически запретил последнему приниматься за это дело³⁰⁶. Вместо него в Париж был направлен Рачковский, который явился во французскую столицу в первых числах декабря 1904 г. и пробыл там вплоть до 20 января 1905 г. Кстати, с негласного участия в разборе «гулььского инцидента» началось его «второе пришествие» в Департамент полиции — по возвращении в Петербург Рачковский был сначала назначен чиновником особых поручений товарища министра внутренних дел, а с лета 1905 г. фактически возглавил весь политический розыск в империи. По-прежнему не особо доверяя друг другу, в Париже Рачковский и Мануйлов выполняли функции «разведки» русской делегации.

В начале ноября 1904 г. для выяснения обстоятельств произошедшего на Доггер-банке в Париж направился сам директор Департамента полиции. В ходе неофициальных консультаций с президентом Республики, министром иностранных дел и руководителями французских секретных служб Лопухин выяснил готовность Франции в рамках франко-русского союза и впредь оказывать услуги российской контрразведке. Усилиями французов была пополнена и без того изрядная «коллекция» иностранных свидетелей, наблюдавших в Северном море таинственные корабли без флагов и огней. На этот раз миноносец был замечен «лежащим на воде совершенно неподвижно» близ маяка Гросс-Занд — в 17:30 8 (21) октября его видел капитан французского судна «Св. Андрей» Жан-Батист Эсноль (J.-B. Esnol), который выразил готовность подтвердить

это под присягой. Вместе с ранее зафиксированными, теперь таких случаев по общему счету стало уже семь.

Не сидели сложа руки и японцы. 6 ноября (по новому стилю) во французской газете «L'Écho de Paris» появилась статья, в которой указывалось, что в Северном море против русской эскадры действовали японские миноносцы. Мануйлов утверждал, что эта публикация, перепечатанный другими европейскими газетами, вызвала в японской миссии в Гааге «большой переполох», и «посланник Митцухаши приказал служащему в канцелярии (русскому агенту. – Д.П.) перенести все документы в свою спальню, где он запер их в железный шкаф»³⁰⁷. На следующий день Митцухаши собрал у себя своих коллег-дипломатов в Бельгии и Голландии³⁰⁸. Нетрудно догадаться, что помимо общеполитической ситуации, созданной «гульским инцидентом», предметом их обсуждения стало то, как сохранить в тайне свои козни против русской эскадры. Подробности этой встречи не известны, однако 8 ноября сразу в двух голландских газетах (местной «Dagblad» и влиятельной роттердамской «Nieuwe Rotterdamsche Courant») появились официальные опровержения упомянутого сообщения «L'Écho de Paris». В тот же день Митцухаши получил из Великобритании от некоего Кокаиме (Kokaimé) депешу следующего содержания: «Несколько слов, чтобы уведомить Вас, что я прибыл в Гуль и тотчас же принялся за работу. В “L'Écho de Paris” было напечатано, что, без сомнения, миноноски принадлежали нам, те, которые были замечены в Немецком море, но думаю, что это им доказать не удастся ... Буду немедленно телеграфировать о результате, как только все нужные меры будут приняты»³⁰⁹.

14 ноября 1904 г. микадо призвал к себе высших военных и морских чинов. Весьма осведомленный корреспондент “Times” утверждал, что речь на этом секретном совещании шла о том, «как перехватить Балтийский флот, когда тот появится в дальневосточных водах»³¹⁰.

* * *

Слякотным и промозглым субботним вечером 4 (17) декабря 1904 г. на Варшавском вокзале Петербурга под парами стоял *Nord Express*. На

перроне собрались две толпы провожающих. В одной сгрудились восторженные поклонники знаменитой актрисы и певицы Аделины Патти. Она возвращалась домой после благотворительных концертов в российской столице в пользу раненых воинов. В другой шумели многочисленные почитатели, сослуживцы и друзья капитана Кладо, который отправлялся в Париж свидетелем по делу «гулььского инцидента». Накануне его чествовали в Военном и Морском клубах, вечером коллеги-нововременцы созвали прощальный ужин, говорили прочувствованные речи, стихотворные экспромты, на память поднесли художественно исполненный серебряный ковш. После вчерашних бесчисленных тостов у капитана побаливала голова, но он был весел и приветлив. Как переменчива судьба! Еще месяц назад, сразу по приезде из Виго в Петербург, его пригласили в Царское Село, где он подробно рассказал обо всем случившемся в Северном море самому императору, а потом Морское министерство осмелилось закатать его, старшего офицера и «высочайше» обласканного всенародного любимца, на двухнедельную гауптвахту за «распространение ложных сведений в печати». Теперь же, освобожденный из тюрьмы по повелению императора, в ореоле мученика-правдолюбца и в окружении поклонников и поклонниц он едет в Париж главным свидетелем на сенсационном процессе. Впереди – блестящее, как всегда, выступление и уже европейская известность!

Ожидая отхода поезда, по перрону прогуливался высокий старик с черными адмиральскими двуглавыми орлами на погонах. Это был генерал-адъютант Н.И. Казнаков – глава российской делегации. Позади почтительно следовали его адъютанты, лейтенант гвардейского экипажа Волков и Казнаков-младший, тоже морской офицер, и секретарь – 43-летний Василий Штенгер из Ученого отдела Главного морского штаба. В руках подполковник сжимал пухлый портфель, в котором лежала та самая сверхсекретная папка с документами «относительно намерений японцев» – в пути Штенгер не собирался расставаться с ней даже ночью. Поодаль, не решаясь приблизиться к величественному адмиралу, курили остальные свидетели – лейтенанты Эллис и Шрамченко и мичман Отт. Два других российских делегата – делопроизводитель II департамента МИД, 35-летний экстраординарный профессор Петербургского университета, коллежский советник барон М.А. Таубе и его сверстник, драгоман

российского посольства в Константинополе надворный советник А.Н. Мандельштам, оба – доктора международного права, сидели уже в купе (на улице было слишком ветрено) и обсуждали последние мидовские слухи. Барон слушал невнимательно и был рассеян: накануне его коллега и учитель профессор Ф.Ф. Мартенс сообщил по секрету, что его «старые испытанные» английские друзья утверждают «под честным словом, что никаких японцев в районе Доггер-Банки при переходе эскадры адмирала Рожественского не было, что с ней случилось крупное недоразумение» и потому российскую делегацию в Париже ждет «огромный конфуз на весь мир». Ничего другого не остается, заключил для себя барон, как «*faire bonne mine à mauvais jeu*» (делать хорошую мину при плохой игре)³¹¹. Впрочем, ставить в известность «милейшего Андрея Николаевича» (Мандельштама) о своих тревогах и дурных предчувствиях почтенный Михаил Александрович счел излишним.

Утром 6 (19) декабря *Nord Express* сделал 10-минутную остановку во французском Льеже, где русских делегатов уже ждали репортеры, которые примчались из Парижа. Но Кознаков от интервью отказался наотрез (европейские газеты потом отмечали «умелую скрытность» адмирала), а Штенгер, сжимая заветный портфель, даже прятался от назойливых журналистов в туалете. Один Кладо охотно делился с подсевшим к нему в купе корреспондентом «L'Écho de Paris» своими впечатлениями о войне, попутно разбирая пачку приветственных телеграмм, адресов и писем почитателей. Беседовали, конечно, по-французски. Подоспевшему корреспонденту “Times” Кладо самонадеянно заявил, что «гулльский инцидент», по его мнению, не должен мешать грядущему англо-русскому сближению³¹².

В Париж экспресс прибыл ровно в четыре часа дня. С *Gare du Nord* делегаты в сопровождении советника российского посольства А.В. Неклюдова, военно-морского атташе Г.А. Епанчина и приехавшего накануне Рачковского отправились на *Rue de la Paix* в гостиницу «Мирабо», а вечером вся компания ужинала у Епанчина дома. Праздновали приезд и поздравляли Кознакова, который оказался именинником вдвойне: во-первых, поскольку звался Николаем (на дворе был Николин день), а во-вторых, потому, что в этот именно день в свое время он получил бриллиантовые знаки к ордену Св. Александра Невского. Отметим и недавнее производство Гавриила

Епанчина в капитаны 2-го ранга. После третьего бокала адмирал заснул, но этого никто не заметил: всех очаровала юная жена военноморского атташе.

Утром адмирал с адъютантами отправился в Елисейский дворец представляться президенту Лубэ, а затем на набережную *d'Orsay* в Министерство иностранных дел, в бело-золотом (в стиле Людовика XV) зале которого в тот же день под его, как старшего по чину, председательством должно было состояться первое распорядительное заседание международной следственной комиссии. Штенгер и Таубе засели в гостиничном номере составлять описание инцидента – *L'Exposé des faits*. Писали с русского черновика сразу по-французски, которым барон владел в совершенстве. Свидетели-офицеры, коротая время и согреваясь вином (третьеразрядная гостиница плохо отапливалась), разбрелись по комнатам и глазели на парижскую жизнь. Окна их номеров выходили прямо на ярко освещенный четырехэтажный дом – салон модного портного, дамского «идола» Ворта, в подъезд которого из подкатывавших один за другим богатых экипажей и роскошных автомобилей впархивали изящные парижанки. Устоять перед парижскими соблазнами оказалось под силу не всем.

Казнаков получил назначение в Париж не случайно. Он имел репутацию не только многоопытного моряка и специалиста в вопросах морского права, но и знатока англо-саксонского флотского мира – в 1903 г. именно ему было доверено командование русской эскадрой, направленной с дружеским визитом в США; к тому же он свободно говорил по-английски. Беда была в том, что 70-летний адмирал был стар и дряхл. Он плохо слышал, много путал и говорил невпопад, быстро утомлялся и внезапно засыпал. Если верить Таубе, Казнаков, например, усиленно расспрашивал коллег-адмиралов, «кто собственно был этот загадочный Мирабо, по имени которого был назван старый отель на рю де ла Пэ, в котором все мы остановились»; адмирал Фурнье превратился у него в «Мурнье» и т.д.³¹³ В общем, скоро стало ясно, что ему требуется замена. Чтобы не обижать заслуженного человека, по совету Нелидова под благовидным предлогом (для «доклада») император отозвал его в Петербург, и 18 (31) декабря адмирал уехал в полной уверенности, что своим внезапным отзывом обязан «проделкам императора Вильгельма», с которым морская судьба столкнула его в каком-то иностранном порту чуть не 20 лет

назад. После отъезда Казнакова председательство в комиссии перешло к французцу Фурнье.

24 декабря (6 января) на смену престарелому адмиралу в Париж тем же Северным экспрессом прибыл 59-летний вице-адмирал Ф.В. Дубасов. На работах международной комиссии эти перемещения никак не отразились – после двух заседаний 7 (20) и 9 (22) декабря «комиссары» решили сделать перерыв и разъехались до конца рождественских праздников по домам. Дубасов поспел как раз к первому после этих каникул заседанию комиссии 27 декабря (9 января), когда был окончательно утвержден ее *Règlement de procédure*. Какие указания русский адмирал получил перед отъездом из Петербурга, не известно, но с его появлением дело пошло ходко – было очевидно, что Россия стремится завершить расследование как можно скорее и ради этого готова пойти на дальнейшие уступки, всячески при этом избегая «вносить новое раздражение в общественное мнение России и Англии»³¹⁴, как выразился Неклюдов. В новой комбинации роль негласного дирижера российской делегации была возложена на посла в Париже Нелидова. О ходе работы следственной комиссии этот сановник, ни разу не почтивший ее заседания личным присутствием, узнавал из конфиденциальных донесений советника своего посольства Неклюдова, который выступал на ней в качестве официального представителя российского МИД. Всего таких донесений сохранилось семь, и все они – весьма ценный и не известный до сих пор источник для изучения тайных пружин деятельности российской делегации на интересующем нас международном форуме.

Нелидов же утвердил и общую инструкцию делегатам. В ней говорилось: «Не желая вводить в работы Комиссии нового повода к распре и к возбуждению общественного мнения Англии, мы не должны непременно доказывать, что миноносцы, произведшие нападение на нашу эскадру, были куплены или снаряжены в Англии, или что английские моряки вербовались на эти суда; мы можем ограничиться лишь настойчивым утверждением того факта, что нападение действительно было, а для подобного утверждения вполне достаточными являются подробные, ясные и твердые показания наших трех морских офицеров; в дополнение же к этим показаниям весьма ценно свидетельство лоцмана Христиансена, видевшего накануне происшествия вблизи от Доггер-Банка два неизвестной

национальности миноносца, совершенно соответствующих по внешнему виду тем, которые произвели нападение на нашу эскадру; само собой разумеется, что, выказывая столь умеренный образ действий, мы вправе ожидать и с английской стороны умеренного и беспристрастного отношения к делу; в противном же случае, то есть если бы англичане стали стремиться во что бы то ни стало доказать, что никаких неприятельских судов вблизи места происшествия быть не могло и что наша эскадра ошиблась самым грубым образом, приняв именно рыбацьи пароходы за японские миноносцы, – то мы можем выдвинуть новый ряд свидетелей, показания коих указывают, хотя и несколько голословно, но весьма правдоподобно, на тайное снаряжение в Англии судов с неприязненною против русской эскадры целью и на вербовку английских матросов для этого предприятия»³¹⁵.

Рассмотрение скандального происшествия внесло в этот план некоторые коррективы, но главное – подчеркнуто примирительный тон русской делегации и ее стремление ограничить расследование рамками самого инцидента – остались магистральной линией ее поведения в течение всего времени работы парижской комиссии. В известной мере это миролюбие, очевидно, отвечало намерениям и потерпевшей стороны – профессор Мартенс, ссылаясь на тех же своих «хорошо осведомленных в политических вопросах» английских доверителей, утверждал, что «*Foreign Office* совершенно не намерен серьезно ссориться с нами из-за этого глупого дела»³¹⁶. Русские делегаты в беседах с британскими коллегами неоднократно подчеркивали свое нежелание «обострять вопрос, особенно публично, новыми и относящимися лишь косвенно к делу препирательствами касательно каких бы то ни было происков, неблагоприятных вербовок и т.д.»³¹⁷. Все эти заверения имели одну цель – убедить представителей потерпевшей стороны, что, как бы ни складывалось расследование, российская делегация сделает все от нее зависящее, чтобы не нанести ущерба престижу Великобритании и не поставить под удар английских подданных.

Действия британской делегации в Париже направлял будущий советник посольства Великобритании в Петербурге, а тогда – 1-й секретарь британской миссии в Париже 38-летний сэр Хью О'Берн (Н. О'Veirne). Свои подробные донесения он слал в Лондон почти ежедневно – сначала на имя постоянного госсекретаря по

иностранным делам Томаса Сандерсона (Т.Н. Sanderson), а затем и самого министра Лансдоуна; от них же получал и указания по всем вопросам. Эта переписка, сохранившаяся в бумагах Форин офис, в совокупности с упомянутыми конфиденциальными докладами Неклюдова и сообщениями повременной печати дает возможность подробно и достоверно изучить ход работы парижской следственной комиссии и оценить ее результаты.

Пока адмиралы-«комиссары» отмечали дома Рождество, гульские рыбаки определялись с финансовыми претензиями к русскому правительству. К концу декабря потерпевшими объявили себя 399 человек (при, напомним, восьми непосредственно пострадавших), общая сумма иска которых составила без малого 104 тыс. фунтов стерлингов, или 960 тыс. рублей. Сами собой установились и «тарифы»: за легкую рану, полученную на Доггер-банке, – по 5 тыс. рублей, за испытанные здесь «нервное потрясение и испуг» – по 450 рублей, за то же членам семей на берегу – 28 тыс. рублей в общей сложности, за «спасение получивших повреждения баркасов» – по 4500 рублей за каждый и т.д.³¹⁸ Те рыбаки, которые в ночь на 9 (22) октября находились в море, но далеко от места происшествия, в обоснование своих финансовых претензий в один голос стали утверждать, будто были обстреляны неким русским судном ранним утром следующего дня. Сумма их иска показалась чрезмерной даже комиссии, специально назначенной британским кабинетом, которая уменьшила ее до 60 тыс. 23 фунтов. Русский император и после этого нашел выставленный англичанами счет «чудовищным»³¹⁹, но Петербург его оспаривать не стал, и 23 февраля (8 марта) 1905 г. граф Бенкендорф от имени своего правительства переправил лорду Лансдоуну чек на 65 тыс. фунтов стерлингов. Таким образом, вопрос о возмещении убытков гульским рыбакам, принципиально оговоренный задолго до созыва международной комиссии, был окончательно разрешен в результате непосредственных переговоров Лондона и Петербурга без участия парижских «комиссаров», хотя и с учетом их окончательного вердикта. В собственноручной расписке, выданной Бенкендорфу, Лансдоун подтвердил получение «компенсации пострадавшим в ходе инцидента 21—22 прошедшего октября» и, от лица своего кабинета, гарантировал русскому правительству, что «каких-либо последующих претензий в связи с

упомянутым инцидентом» не будет³²⁰. 60 тыс. фунтов были выплачены из сумм российского Морского министерства, а оставшиеся пять тысяч царь внес из личных средств.

В 15:30 6 (19) января 1905 г. международная комиссия впервые собралась в полном составе на свое первое публичное заседание в здании французского МИД. «В зале присутствовала многочисленная публика, в том числе много элегантно одетых дам и дипломатов, а также секретарь японского посольства и журналисты», – описывал увиденное нововременский корреспондент³²¹. Британский, а затем и российский представители зачитали свои «Заключения», предварительно напечатанные и розданные «комиссарам». Сэр Хью О’Берн никаких нарушений международных правил и даже просто странностей в действиях своих рыболовов не заметил и присутствие на Доггер-банке миноносцев категорически отрицал. Действительный статский советник (ДСС) Анатолий Неклюдов исходил из обратного и утверждал, что вице-адмирал Рожественский «не только имел право, но находился в абсолютной необходимости действовать именно так, как он действовал ... чтобы истребить миноносцы, атаковавшие его эскадру». «Замечательно, – отметил корреспондент “Нового времени”, – что русское изложение ограничивается подтверждением лишь факта нападения, основательно не вдаваясь в вопрос, откуда явились миноносцы. Таким образом, защита русской точки зрения отнюдь не переходит в обвинение подданных какого-либо нейтрального государства в соучастии в нападении на русскую эскадру»³²². «Изложение великобританского агента, прочитанное первым, – делился Неклюдов со своим шефом впечатлениями от первого дня публичных слушаний, – составлено, в сущности, в очень умеренных выражениях ... Изложение это страдает некоторою запутанностью ... Напротив того, наше изложение представляет собою вполне ясный и связный рассказ о происшествии, причем отнюдь не затрагивается щекотливый вопрос о возможном подготовке нападения в великобританских портах или об участии в этом нападении со стороны пароходов английской рыбацкой флотилии»³²³. Несмотря на это, в Форин офис документальные материалы, представленные русской стороной, вызвали раздражение: «они, – комментировали их из Лондона О’Берну, – в основном состоят из

докладов, призванных показать, что японская атака в Северном море была подготовлена»³²⁴ (по смыслу – в Великобритании. – Д.П.).

На заседаниях 12 (25)—14 (27) января перед «комиссарами» выступали свидетели потерпевшей стороны. Заслушивать показания 27 рыбаков оказалось делом утомительным и «снотворным», и не только для убеленных сединами «комиссаров». «Все это до такой степени надоело, – вспоминал барон Таубе, – что к концу показаний свидетелей с английской стороны зал заседания представлял из себя “аравийскую пустыню”, и только в первом ряду кресел мужественно выдерживала эту тоску почтенная супруга моего юридического оппонента леди Фрей, которая в своем платье, близко походившем на кринолины первых лет правления блаженной памяти королевы Виктории и в зеленой вуали на шляпке того же времени, живо напоминала юмористические фигурки из незабвенного “Punch” а»³²⁵. Если говорить о существовании данных показаний, то единодушны свидетели-рыбаки оказались в одном: инструкций они не нарушали, их баркасы передвигались обычным для рыбной ловли порядком, все положенные огни были зажжены, и вовремя. В остальном их показания были сбивчивы и противоречивы: одни говорили, что наблюдали на Доггер-банке какие-то «черные предметы» или даже «иностранные малые суда», другие их не видели, третьи не могли воспроизвести на макете положения своих и соседних баркасов в момент инцидента и т.д. В этой мутной воде окончательно потерялись их утверждения трехмесячной давности о миноносцах, замеченных на Доггер-банке, и том из них, который оставался на месте происшествия до утра 9 (22) октября. И хотя оставалось непонятным, кто в таком случае стрелял в них в то утро (английские эксперты выдвинули заведомо фантастическое предположение, что это была многострадальная «Камчатка», даже отдаленно не походившая на миноносец), русские делегаты в подробности вдаваться не стали и на уточнениях не настаивали, по-прежнему опасаясь «затронуть английское общественное мнение». «Показания английских рыбаков по гульскому делу, по общему впечатлению дипломатов, – читаем в нововременском отчете, – отличаются отсутствием определенности»³²⁶.

На следующий день, 15 (28) января, Неклюдов, в соответствии с вышеупомянутой инструкцией своего шефа, попытался закулисно

договориться с англичанами. В ходе неофициальной (и даже «не полуофициальной», как он подчеркнул) беседы с О'Берном, от своего и Нелидова имени, он предложил заключить следующее джентльменское соглашение: русская делегация не будет оглашать имеющиеся в ее распоряжении сведения о тайных приготовлениях японцев к нападению на русскую эскадру «при потворстве частных лиц из числа британских судовладельцев» в обмен на признание англичанами, что русские моряки оказались вынуждены открыть огонь на Доггер-банке «под влиянием обстоятельств». Но О'Берн, убежденный, что материалы, на которые ссылался Неклюдов, «совершенно ничего не стоят», предложенный компромисс отклонил³²⁷.

18 (31) января и в течение двух следующих дней комиссия заслушивала русских свидетелей. Корреспондент “Times” зафиксировал оживление в зале, в котором вновь собралось много дам, «предвкушавших услышать русских военных моряков»³²⁸. На перекрестном допросе Кладо, Эллис и Шрамченко описали инцидент тождественно и в деталях, хотя, как мы помним, все находились на разных судах. Благоприятное впечатление на слушателей произвело и то, что в момент инцидента первые двое стояли на вахте, все происходившее наблюдали с начала и до конца и приняли непосредственное участие в отражении атаки. Минный офицер Шрамченко на вахте не был, но поднялся на палубу «Бородина» еще до начала стрельбы и также смог подробно рассказать о двух увиденных им миноносцах: двухтрубные, низкобортные, черного цвета, эскадренного типа. Это описание, как и всей обстановки инцидента, полностью совпало с тем, что ранее «комиссары» слышали от Кладо и Эллиса. «Наши офицеры, подтверждая свои свидетельства честным словом, дали свои показания в связном изложении один за другим на русском языке³²⁹, – доносил Неклюдов Нелидову. – <...> Ясные, отчетливые, подробные и дышавшие безусловной правдивостью изложения наших моряков не могли не произвести глубокого и вполне благоприятного впечатления на всех беспристрастных слушателей и в особенности на самих адмиралов-комиссаров, не выключая и почтенного сэра Льюиса Бомонта ... Наши молодые офицеры отвечали сдержанно, умно, не уклоняясь в сторону от сущности задаваемых им вопросов, и всем своим поведением перед комиссией сделали,

безусловно, честь носимому им высокому званию русских морских офицеров». Публике же и журналистам особенно понравились корректные, но в то же время остроумные ответы капитана 2-го ранга Кладо, который, как и предвкушал, наутро проснулся знаменитым, получив, по словам Неклюдова, «*une très bonne presse*» (очень хорошую прессу)³³⁰. В своем очередном докладе в Лондон О'Берн с удовлетворением отметил, что в своих показаниях русские свидетели очень мало говорили о «подозрительном поведении траулеров», при этом «ясно различая предполагаемые миноносцы и паровые баркасы» рыбаков; «не могу утверждать, чтобы его (Кладо. – Д.П.) взглядам полностью доверилось большинство адмиралов, но он, несомненно, произвел благоприятное впечатление на многолюдную аудиторию, которая присутствовала на сегодняшнем заседании»³³¹.

Дружественная России печать («*Matin*») расценила состоявшийся словесный поединок как полную победу русских, и даже английская пресса («*Daily Chronicle*») была вынуждена констатировать: «Доводы русских можно резюмировать одной фразой: то, что они видели – они видели. Они видели миноносцы, следовательно, миноносцы были там», правда, лукаво прибавив при этом: «никто, кроме русских офицеров, их не видел»³³². Петербургские газеты трубили победу. «Присутствие миноносцев доказано неоспоримо, – ликовало «Новое время». – Ошибка при данных условиях была немыслима. Если рыбаки пострадали, то это было делом неотвратимого случая»³³³. В действительности до победы было еще далеко, но чаша весов зримо качнулась на российскую сторону. «Слушания приняли направление, определенно благоприятное для русской стороны», – признал в своем очередном докладе в Лондон О'Берн³³⁴.

Насколько убедительно свидетельствовали эти трое офицеров, настолько же маловразумительно выступил 27-летний лейтенант В.К. Вальронд с транспорта «Камчатка», которого опрашивали 18 (31) января (мичман Отт с «Анадыря» в качестве свидетеля российской делегацией выставлен так и не был, его отозвали в Петербург³³⁵). Выбор Вальронда, по общему (включая англичан) мнению, оказался не вполне удачным. Выяснилось, что, сдав вахту в 8 часов вечера 8 (21) октября, он спустился в свою каюту, более на палубу не выходил и, таким образом, своими глазами никаких миноносцев не наблюдал; после начала атаки он перешел в радиорубку

и, по распоряжению своего командира, отправлял и принимал радиogramмы с «Князя Суворова»³³⁶. Накануне английская сторона обвинила «Камчатку» в обстреле немецкого рыболовного судна «Sonntag» и шведского коммерческого парохода «Aldebaran», которые находились поблизости русского транспорта, но серьезных повреждений не получили, хотя «Камчатка» выпустила из своей единственной пушки около 300 снарядов, отбиваясь от миноносцев на протяжении более двух часов (иначе говоря, в эти пароходы никто прицельно не стрелял). Так, по показаниям капитана шведского угольщика Магнуса Йонсона и механика Нильса Штромберга, после 15-минутного обстрела, но «не получив никакой аварии, “Aldebaran” продолжил путь»³³⁷. Вместе с тем, внятно прокомментировать эти похождения «Камчатки» Вальронд не смог, и русским делегатам, говоря словами Неклюдова, пришлось из уст шведских моряков выслушать «не совсем приятное ... освещение мероприятий нашего отставшего от эскадры транспорта». Впрочем, успокаивал он Нелидова, «эти подробности, уловимые только для опытных моряков, прошли в публике и печати совершенно бесследно»³³⁸.

Однако на самом деле обвинения команды «Камчатки», мягко говоря, в непрофессионализме охотно смаковались русофобской прессой³³⁹, живо обсуждались в кулуарах членами российской делегации³⁴⁰, а затем стали обязательным атрибутом многих исторических исследований, своеобразным правилом «хорошего тона» для их авторов. Пользуясь тем, что почти весь экипаж этой плавучей мастерской вместе с судном погиб в цусимском бою, и, таким образом, в деталях восстановить картину событий вечера 8 (21) октября 1904 г. уже невозможно (эти детали не были понятны даже Рождественскому, который специально телеграфировал об этом в Париж из Танжера), некоторые исследователи – отечественные и зарубежные – стремятся выставить российских моряков в весьма неприглядном свете. Фрэнк Найт, например, пишет, что «Камчатка» в течение «нескольких минут» обстреливала «воображаемые» миноносцы, Вествуд и Эдгерсон утверждают, что капитан русского судна, капитан 2-го ранга А.И. Степанов 3-й, был «совершенно пьян»³⁴¹, а петербуржцы В.Ю. Грибовский и В.П. Познахирев со вкусом повторяют вышеприведенные обвинения английской делегации в Париже. Как и их британские коллеги, они считают «достоверно установленным, что

японских миноносцев в октябре 1904 г. в европейских водах не было»³⁴², попросту отмахиваясь от доказательств обратного.

Между тем, наряду с невнятными повествованиями малоинформированного Вальронда существует еще по крайней мере два описания происшествия с «Камчаткой», которые тогда же были опубликованы западной и русской прессой. 22 ноября 1904 г. (по новому стилю) берлинская «Lokal Anzeiger», а 30 ноября и парижская «Figaro» поместили письмо голландца Арнольда Кооя (A. Kooy), одного из иностранных инженеров, которые обслуживали на эскадре станции «беспроволочного телеграфа»³⁴³. Письмо, написанное по горячим следам, было отправлено им из Танжера отцу и опубликовано с согласия последнего русским представителем в Гааге графом Бреверном-де-ла-Гарди³⁴⁴. «Было около 8 часов вечера или немного больше, – писал Коой-младший, – когда последовал приказ изготовиться к бою ввиду того, что поблизости замечены были четыре небольших судна, быстро шедших нам навстречу. Мы дали холостой выстрел, чтобы заставить их переменить курс, но вместо этого они направились прямо на нас, несмотря на то, что мы открыли убийственный огонь ... Мы находились тогда на высоте Блавандсхука³⁴⁵, в 120 милях от датского берега ... То были миноносцы и, конечно, не русские ... Я и теперь еще узнал бы их»³⁴⁶. «К нам с обеих сторон неслись навстречу наперерез огоньки миноносцев, – вспоминал на страницах “Крымского вестника” другой, анонимный, очевидец, – дружные выстрелы не подпускали их близко ... Комендоры божились, что двум нанесли повреждения, что до остальных, то поднявшийся сильный ветер и большие волны сделали преследование для них невозможным; снарядов выпустили мы 294 штуки и лишь этим спаслись»³⁴⁷.

Эти свидетельства российской делегацией предъявлены не были³⁴⁸, и эпизод с «Камчаткой», во многом загадочный до сих пор, был разрешен комиссией в неблагоприятном для России смысле – обвинения в обстреле ею мирных нейтральных судов «комиссары» включили в свое итоговое заключение. В документальное приложение к русскому *Exposé* вошли упомянутые показания экипажа шхуны «Эллен», доклад Департамента полиции и копия протокола датской полиции о задержании японца Такикава и немца Цигера, уже

известные нам свидетельства французского капитана Эсноля, отдельные секретные донесения Павлова из Шанхая за май – июнь 1904 г. и русских военных атташе в странах Западной Европы, другие материалы контрразведки (но, конечно, далеко не все из портфеля Штенгера). Однако предметом обсуждения комиссии эти документы так и не стали, а русская сторона не настаивала. Такое, чересчур «примирительное» поведение русской делегации публицист В.А. Теплов позднее объяснил желанием Петербурга уйти от нового обострения русско-английских отношений³⁴⁹. С этим соображением трудно спорить, поскольку дальнейшее «раскапывание» этой истории действительно имело шансы так или иначе поставить под удар англичан, а именно этого, как мы уже не раз могли убедиться, русская делегация стремилась избежать. Не удивительно, что в феврале 1905 г. министр Ламздорф с санкции императора обратился в Министерство внутренних дел с просьбой не допустить публикации в русских газетах показаний тех свидетелей «гулььского инцидента» с российской стороны, которые в свое время не были представлены делегатами России на парижских слушаниях³⁵⁰.

Однако было еще одно обстоятельство, которому Теплов и прочие комментаторы, как нам представляется, не придали должного значения, именно – реакция комиссии на показания норвежца Христиансена. Помощник капитана парохода «Adela» свидетельствовал 20 января (2 февраля) последним с русской стороны. То, что суда, виденные им в Северном море накануне инцидента, были миноносцами, никто даже не пытался оспаривать, но особого впечатления на «комиссаров» это не произвело. В самом деле – даже если норвежцы и встретили какие-то загадочные миноносцы, это вовсе не означало их присутствия на Доггер-банке в ночь на 9 (22) октября. Да и кто сказал, что это были японские миноносцы? Таким образом, «комиссары» давали понять, что ими будут приняты во внимание только прямые доказательства присутствия именно японских миноносцев на Доггер-банке и именно в день и час инцидента, а таких улик в распоряжении русской делегации заведомо быть не могло. После этого российской стороне уже не имело смысла предъявлять аналогичные по характеру показания других свидетелей и, тем более, – раскрывать все свои секретные «карты».

Реакция на показания Христиансена показала, что расследование зашло в тупик: в такой ситуации ни одна из сторон уже не могла рассчитывать на безоговорочный успех. Это вполне продемонстрировали итоговые «Заключения», зачитанные сторонами 31 января (13 февраля). Аргументы англичан, которым теперь приходилось выпутываться из противоречивых показаний собственных свидетелей, на этот раз выглядели как насмешка. Британская делегация, ранее убеждавшая всех, что мишенью русской эскадры стали исключительно мирные гулльские рыбаки, теперь стала упорно доказывать, что броненосцы Рожественского приняли за японские миноносцы (которых, «как заявило правительство Японии», там не было³⁵¹) собственные крейсер «Аврора» и транспорт «Малайя». В доказательство возможности такой путаницы английские военно-морские специалисты приводили примеры из недавней истории собственного флота – в Средиземноморье во время маневров лета 1901 г. корабль “Devastation” был ошибочно принят «своими» за чужой миноносец и обстрелян; то же, но уже с крейсерами “Pegasus” и “Pandora”, произошло во время таких же учений 1902 г. (крейсера обстреляли друг друга); в обоих случаях дело происходило ночью³⁵². Однако (возвращаясь к событиям на Доггер-банке) очевидно, что любой мало-мальски опытный моряк ни при каких обстоятельствах не мог бы принять высокий трехтрубный, оснащенный восемью 6-дюймовыми башенными орудиями крейсер «Аврора» водоизмещением 6,7 тыс. т за не имеющий артиллерии низкобортный двухтрубный миноносец, не говоря уже о том, что «Аврора» двигалась попутным броненосцам курсом, на значительном отдалении от них и 9—10-узловым ходом; обстрелянные же русскими броненосцами малые суда, по свидетельствам всех очевидцев, перемещались им навстречу и двигались по меньшей мере вдвое быстрее.

Однако русская делегация придираясь к очевидным несообразностям своих оппонентов не стала и ограничилась тем, что вторично зачитала текст своего старого *Exposé*, некоторые вновь сделанные изменения в котором Неклюдов прокомментировал так: «Наше Заключение ... выдержано в самом умеренном тоне; оно не включает в себе ни малейших обвинений против действия потерпевших английских рыбаков, не заподозривает даже их показаний, а лишь строгими доводами, построенными на фактах и

подкрепленными ссылками на свидетельские показания как русские, так и английские, – защищает то, что действительно и ни под каким видом не может быть нами уступлено, то есть честь нашего флота»³⁵³. Неклюдов был уверен, что его бумага выглядит много убедительнее британской (О’Берн, разумеется, был убежден в обратном³⁵⁴), и что вследствие этого благоприятный для России вывод «комиссаров» почти предрешен. На самом деле комиссия «забуксовала», адмиралы начали тяготиться своей ролью, да и само парижское «блюдо» за те два месяца, пока шли заседания, уже изрядно поостыло. На носу были новые, еще более захватывающие события: русская эскадра готовилась покинуть Мадагаскар и двинуться далее на восток, навстречу японскому флоту. Острота обсуждавшегося в Париже конфликта неумолимо пропадала, актуальность уходила на второй план.

Выход нашел Дубасов. Оставляя в стороне неразрешимую, по условиям расследования, проблему миноносцев («В присутствии миноносцев я сам в конце концов потерял всякую веру, а отстаивать эту версию при таких условиях было, разумеется, невозможно», – напишет он впоследствии³⁵⁵), он предложил коллегам-адмиралам решить вопрос, прав ли был в известной им ситуации Рожественский или нет. «Комиссары» единодушно высказались в пользу командующего русской эскадрой, а спустя еще несколько дней, 10 (23) февраля 1905 г., представили свое итоговое заключение. В 17-ти статьях этого, компромиссного по своей сути, документа отразилось их стремление учесть интересы одновременно и России, и Великобритании. Поэтому, с одной стороны, в сложившейся ситуации «комиссары» не увидели «ничего крайнего» в приказе Рожественского открыть огонь по судам, которые показались ему «подозрительными» (статья 8), но, с другой, отметив отсутствие на месте происшествия миноносцев, посчитали эти его действия «ничем не оправданными» и постановили, что «ответственность за этот акт» падает именно на него (статьи 11, 13) (что, понятно, вызвало протест Дубасова). Впрочем, тут же «комиссары» сообщили, что им было «приятно единодушно признать, что адмирал Рожественский лично сделал все возможное», чтобы рыбацьи суда «не являлись целью стрельбы эскадры» (статья 15). В заключение члены комиссии сочли необходимым специально подчеркнуть, что высказанные ими оценки «не могут послужить каким-либо умалением военных качеств или

гуманных чувств адмирала Рожественского или личного состава его эскадры»³⁵⁶. 12 (25) февраля 1905 г. Фурнье объявил работы комиссии законченными.

В общем, получалось, что «оба правы» и даже «порицать»-то особенно некого. Для России это был, пусть небольшой, но успех, особенно если вспомнить обстановку, при которой возникла сама мысль об образовании комиссии. Еще более значимым был психологический эффект. Важнейшим итогом работы комиссии стало бесповоротное разрушение образа российской эскадры как кровожадного, вооруженного до зубов варвара, угрожающего всему цивилизованному человечеству, над созданием которого так долго трудилась антироссийская пропаганда. Комиссия признала «военные качества» и «гуманные чувства» русских моряков, «умалить» которые теперь стало невозможно. По всем этим причинам официальный Петербург итоги работы международной комиссии расценил как свою, хотя и скромную, но победу, о чем управляющий Морским министерством Авелан поспешил уведомить телеграфом Рожественского на Мадагаскаре. Косвенно то же доказывает награждение австрийского адмирала Шпауна Большой орденой лентой, а бессменного председателя международной комиссии, французского адмирала Фурнье, – высшим российским орденом Св. Андрея Первозванного и, в качестве особой «монаршей милости», подарком «из кабинета его величества» – украшенной бриллиантами и рубином табакеркой с изображением самого Николая II³⁵⁷. По настоянию Дубасова, таким же ценным сувениром «по морскому ведомству» был отмечен и юрисконсульт российской делегации барон Таубе в добавление к Владимиру IV степени – не «в очередь» и на этот раз «по ведомству МИД». Самого руководителя российской делегации по итогам работы парижской комиссии император «пожаловал своим генерал-адъютантом»³⁵⁸. В Великобритании дело ограничилось выражением благодарности от лица короля и правительства членам британской делегации в Париже и скромной денежной премией ее техническим сотрудникам³⁵⁹. Все другие адмиралы-«комиссары» также получили благодарности своих правительств; Фурнье от лица британского правительства был награжден Большим Крестом Ордена Св. Михаила и Георга, а американский адмирал Дэвис получил ценный подарок.

В Токио и особенно в Лондоне выводы комиссии были встречены с раздражением, хотя никто официально оспаривать ее заключения не решился. «Японская печать очень недовольна резолюциями комиссии», – сообщало «Новое время»³⁶⁰; «решения комиссии по делу Северного моря осмеяны японской прессой как не имеющие под собой оснований, – фиксировала “Times”, – они лишь дискредитируют международные суды ... вопрос о присутствии миноносцев так и не получил разрешения, русские морские офицеры поощрены к очередным *outrages*»³⁶¹. Английские газеты, писал нововременский корреспондент из Лондона, «выражают неудовольствие по поводу выводов комиссии для расследования гульского инцидента ... По мнению “Daily Graphic”, решение комиссии неудовлетворительно; “Daily Telegraph” констатирует дипломатическую победу России ... “Daily Chronicle” замечает, что “Россия одержала победу; поражение британского правительства полное”»³⁶². «Британские газеты в целом удивлены и разочарованы выводами комиссии», – сообщала “Japan Times”³⁶³, но в Японии надежды на отзыв эскадры еще теплились:

«Во французских официальных кругах считают, – писала та же газета 2 марта, – что в результате итогового доклада Международной Комиссии относительно инцидента в Северном море Рождественский будет отозван»³⁶⁴. Итоговый доклад комиссии «едва ли можно назвать последовательным», – печалилась “Times”. «Англия имеет все основания быть недовольной комиссией, так как последняя, в сущности, дала ей то, что Россия ей предложила тотчас же после самого происшествия», – резонно отмечала венская «Neue Freie Press»³⁶⁵. Действительно, в этом смысле итоги работы комиссии оказались для Лондона равны нулю. Если же принять в расчет отмеченные нами психологические последствия состоявшегося политического шоу, то этот результат придется признать еще менее значительным.

В российском обществе и к решениям комиссии, и к самому инциденту отнеслись очень по-разному. По свидетельству британского посла, «во всех классах Петербурга господствовало убеждение в правдивости телеграмм адмирала [Рождественского] и в потворстве Англии предполагаемой атаке Балтийского флота японскими миноносцами»; итоги работы комиссии «русская печать объявила

полным дипломатическим триумфом России»³⁶⁶. В правительственных и околоправительственных кругах также господствовало убеждение, что нападение японских миноносцев на русскую эскадру в Северном море не было выдумкой Рожественского и его сослуживцев. В статье, опубликованной в середине ноября 1904 г., Кладо горячо призывал читателей сказать «сердечное спасибо» русским морякам, которые «не боясь тяжелой ответственности, без всяких колебаний открыли огонь по неизвестным миноносцам, не стесняясь присутствием якобы нейтральных рыбаков»³⁶⁷. Однако после работы парижской комиссии, под решениями которой стояла подпись и русского представителя, продолжать заявлять об этом официально стало неудобно, и подобные оценки распространялись с газетных и журнальных страниц либо в виде лубочных листовок под заголовками: «Японская облава на Балтийскую эскадру» или «Нападение на эскадру адмирала Рожественского». Позднее «Историческая комиссия по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг.» при морском Генеральном штабе дипломатично, но довольно прозрачно (и в духе решений парижской комиссии) назвала инцидент «столкновением эскадры с подозрительными судами в Северном море». Одновременно некоторые участники этих событий (С.Ю. Витте, Р.Р. Розен, А.П. Извольский, В.А. Штенгер, М.А. Таубе со слов П.И. Рачковского) в мемуарах, написанных много лет спустя, кивали на «нервно-приподнятое настроение» Рожественского и его офицеров, созданное донесениями Гартинга, Мануйлова либо капитана Степанова (командира «Камчатки»), забывая при этом отметить, что в таком случае какая-то доля ответственности падает и на них самих. Очевидно, что многие из этих оценок – не более чем дань позднейшей конъюнктуре³⁶⁸.

Российские революционеры вслед за британской печатью злорадствовали по поводу «победы» русских моряков над английскими рыбаками. То, что в действительности произошло в Северном море, им было глубоко безразлично, зато инцидент давал хороший повод для очередной и, конечно, «разоблачительной» кампании в печати. «Великая армада, такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, – писал В.И. Ленин в статье “Разгром”, – двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы, особенно после блестящей победы над рыбацкими лодками»³⁶⁹.

В подобном ключе «гулльский инцидент» стал рассматриваться в последующих работах советских, а затем и российских историков (включая энциклопедические издания), и лишь очень немногие из них, усомнившись в справедливости ленинских слов, позволили себе попытку разобраться в этом запутанном вопросе по существу. Увы, авторы этих исследований никогда не изучали инцидент в полном объеме и с привлечением всех имеющихся свидетельств.

В своей частной, как и в секретной служебной переписке Ламздорф, министр финансов Коковцов, Рожественский, а за ними и некоторые историки в событиях на Доггер-банке пытались разглядеть козни англичан³⁷⁰. «Недавнее происшествие в Северном море показало, до каких пределов может дойти Великобритания в своем стремлении осложнить без того трудную задачу России», – конфиденциально писал Ламздорф осенью 1904 г. своим коллегам в военном и морском ведомствах и в Министерстве финансов³⁷¹. В отечественной историографии «британское направление» расследования давно признано неперспективным³⁷². Нам представляется, что продолжать изучение этого «следа» нужно, но говорить о нем, как о чем-то едином, не следовало бы. Целесообразнее рассматривать его в трех разновеликих ипостасях. Первая из них – общеполитическая. Мы уже знаем о тех усилиях, которые предпринимали британские политики, государственные деятели и печать, чтобы вернуть русскую эскадру домой, задержать ее продвижение на Дальний Восток или, на худой конец, осложнить ее поход как в чисто техническом смысле (затруднить снабжение ее углем, например³⁷³), так и, главным образом, путем натравливания на нее мирового общественного мнения и создания ее отрицательного имиджа. Эти усилия, до известных пределов успешные, находились всецело в русле интересов Японии; они очевидны и, на наш взгляд, дополнительных доказательств не требуют.

Вторая разновидность английского «следа» покоится на убеждении экипажей судов 2-й эскадры, что во время самого инцидента английские рыбацкие баркасы либо выполняли роль «щита» для японских миноносцев, либо своими маневрами маскировали действия последних – другими словами, находились с ними в сговоре. Эти предположения представляются нам неубедительными: в противном случае придется признать невероятное – что маршрут движения

Рождественского, время прохождения его эскадрой Доггер-банки и само ее построение (напомним, что эскадра двигалась шестью отрядами, но атаке подверглись именно новые броненосцы) были им известны заранее.

Третьим и последним проявлением британского «следа», как нам представляется, следует считать комплекс вопросов, связанных с гипотетическим приобретением японцами английских (или других западноевропейских) военных судов, наймом ими британских моряков, таинственными перемещениями морских офицеров Японии по территории и в территориальных водах самой Великобритании и ее колоний, наконец, с деятельностью их представителей в Гулле как до, так и после инцидента. Понятно, что все перечисленное могло состояться не иначе, как с ведома и при тайном попустительстве британцев – если не властей, то, во всяком случае, частных судостроителей и верфевладельцев. Именно эта, последняя, часть английского «следа» и нуждается, на наш взгляд, в дополнительном изучении. Информацию о нем можно найти в тогдашней печати, включая английскую и американскую, но указания прессы, понятно, требуют тщательной перепроверки с привлечением архивных материалов Великобритании и США. Безусловно, центральным из этого ряда является вопрос, как осенью 1904 г. в западноевропейских водах могли появиться миноносцы или другие суда, полностью или частично укомплектованные японскими экипажами³⁷⁴.

Как мы уже знаем, глава британской военно-морской разведки Луи Баттенбергский в своем секретном сообщении в Форин офис от 14 (27) октября 1904 г. высказал твердое убеждение, что никаких миноносцев японцы в Великобритании не закупили. В том же смысле на запросы британского внешнеполитического ведомства ответили правительства Франции, Голландии, Германии, Дании, Швеции и Испании. В бумагах российского посольства в Лондоне сохранилась собственноручная записка лорда Лансдоуна графу Бенкендорфу от 29 октября 1904 г. с извещением, что проведенное полицией расследование не подтвердило сообщений прессы о том, что в Гулле «недавно высадились 20 японских морских офицеров»³⁷⁵. В то же время, в одном из первых «послегулльских» интервью японский посланник в Лондоне Хаяси откровенно заявил, что «присутствие японцев в Гулле и в других английских городах не составляет никакого секрета»³⁷⁶.

Спрашивается: чем мог привлечь этот рыбацкий городок представителей Страны Восходящего Солнца? Помимо этого, тогдашние газеты, включая английские, регулярно сообщали о приостановке британским кабинетом отправок заказчику миноносцев и других военных судов, уже построенных или строившихся для некоей «иностранной державы» на английских верфях, чаще всего – в Ньюкастле³⁷⁷. Наконец, в Архиве внешней политики Российской империи сохранилось письмо из Брюсселя коллежского советника П.С. Боткина в МИД, в котором как на *«совершенно достоверный факт»* (курсив документа. – Д.П.) указывалось, что антверпенская фирма «Agence Maritime Walford» «занималась отправлением в Японию купленных японцами во время войны в Англии миноносцев». «Вальфорду, – сообщал Боткин, – удалось довести один миноносец до японского порта, за что Вальфорд получил 200 тыс. франков. ... Об остальных купленных в Англии миноносцах я стараюсь разузнать, так как подозреваю, что именно они-то и принимали участие в нападении на нашу эскадру». Интересно, что, если верить данным этого российского дипломата, та же фирма одновременно поставляла товары для нужд Кронштадтского порта и перевозила в Россию грузы Красного Креста³⁷⁸. Мы еще будем касаться некоторых из сходных сюжетов в последующих главах этой книги.

Адмирал в море – царь и Бог, и потому разгадку «гулььского инцидента» (как и причины цусимской катастрофы) многие историки пытались найти и, вероятно, еще будут искать в личности ее командующего – Рожественского. Через призму своего отношения к нему воспринимали злоключения эскадры и очевидцы – его подчиненные. С уверенностью можно сказать, что Рожественского, человека властного, жесткого, а иногда и жестокого, на эскадре побаивались и недолгоблывали (обратное на флоте любой страны – редкость), хотя с уважением относились к его организаторским талантам и требовательности – потому и спасли с риском для жизни, тяжело раненного, в цусимском бою. Но даже его недоброжелатели из числа подчиненных (лейтенанты П.А. Вырубов и П.Е. Владимирский, например) нашли в себе мужество беспристрастно оценить происшествия в Северном море – их свидетельства мы уже приводили. Многие же последующие исследователи искушения «списать» все на личные качества Рожественского избежать не смогли.

Указания на психическое нездоровье этого русского адмирала, его некомпетентность, самодурство и даже трусость кочуют по страницам исторических сочинений и по сей день. Советский историк А.Л. Сидоров, например, без долгих разговоров аттестовал Рожественского «держимордой и трусом» и именно в этом находил объяснение всему перечисленному. Почти все подобные суждения основываются на свидетельствах писателя А.С. Новикова-Прибоя, как участника похода эскадры. Но в этих оценках автор «Цусимы» далеко не оригинален. Известно, что в 1904 г. писала о Рожественском английская и американская пресса; менее известно, что в 1905 г. российский «большевистствующий» публицист М. Павлович (М.Л. Вельтман) отозвался о его действиях в Северном море, как о «бреду фантазии больного человека»³⁷⁹. С тех пор этот «бред фантазии» пошел гулять по свету и в том числе был подхвачен А.С. Новиковым-Прибоем, беллетристом и мемуаристом и, по сути, главным советским историографом 2-й эскадры, попутно с чужим литературным псевдонимом («Прибой»). Между тем, к его свидетельствам следует относиться с большой осмотрительностью, и вот почему: во-первых, этот унтер-офицер не мог быть осведомлен о действительных планах и намерениях Рожественского и его штаба уже потому, что шел не на флагманском корабле и своим единственным информатором о настроениях на «Суворове» имел штабного писаря, с которым изредка общался на стоянках. Во-вторых, А.С. Новиков был настроен пораженчески и в силу одного этого не мог быть объективен в оценках действий командования эскадры. Не следует также забывать, что автор «Цусимы», как нестроевой кладовщик («баталер»), согласно боевому расписанию, в момент военных действий был обязан находиться не на палубе своего броненосца, а в санитарной каюте, и потому в описании всех наиболее острых ситуаций, в которые попадала эскадра, он неизбежно вторичен. На это обращали внимание и русские флотские офицеры, участники и современники войны с Японией, сразу после выхода новиковской «Цусимы» в свет. «Каждый абзац ее старые моряки, досконально знавшие все подробности настоящей, не книжной, Цусимы, обсуждали подолгу, – свидетельствует очевидец. – <...> И они придирчиво сверяли свои оценки с характеристиками бывшего баталера. И отдавали ему должное. Описывал он верно и честно, но видел все, как заключили

оба бывших штаб-офицера, с “нижней палубы”. В их устах это означало “узко”, с предвзятых позиций»³⁸⁰. В общем, советский историограф малоинформирован, пристрастен, и «проблема Рождественского» остается актуальной по сей день, несмотря на уже сделанные попытки ее разрешить³⁸¹.

Адмирал умер в новогоднюю ночь на 1 января 1909 г., ему едва перевалило за 60. В некрологе «Русского слова» было верно отмечено: «Несмотря на громадную литературу о русско-японской войне, мы до сих пор не знаем доподлинно закулисной истории нашего флота накануне войны, и можем в сущности только догадываться о той роли, какую играл Петербург с его канцеляриями и гофкригсратами в подготовке и ведении войны на море. Поэтому нельзя определить сколько-нибудь точно, какая именно доля ответственности падает лично на З.П. и чему виной наша морская бюрократия ... Колоссальная тень Цусимы заслонила совершенно всю прежнюю деятельность Рождественского»³⁸². Будем надеяться, что сбудется, наконец, пожелание П.П. Семенова-Тян-Шанского, который на кончину адмирала откликнулся такими словами: «Луч беспристрастной истории озарит многотрудный путь, самоотверженно пройденный честным флотоводцем, которому не дано было совершить только одного – чуда»³⁸³.

* * *

В полемике со сторонниками «русской» точки зрения на происшествия в Северном море британская печать часто (и вполне основательно) обращала внимание на то, что в европейских водах в интересующее нас время никто никаких «бросательных» или «самодвижущихся» мин не находил (за исключением одной ржавой торпеды, которая была прибита в ноябре 1904 г. к датским берегам, но по рассмотрении оказалась учебной). В самом деле, если были миноносцы, то должны же были быть и мины, а коли их никто не видел, не о чем и говорить! Рискнем предположить, что планы японцев сводились к следующему.

Судя по данным, собранным российской контрразведкой, они действительно намеревались минировать путь движения русской эскадры в балтийских проливах и в Ламанше. В датских «узкостях» осуществлению этих планов помешала «охранная» служба Гартинга и бдительность местных властей, в Английском канале карты спутал случившийся накануне «гулльский инцидент» и, возможно, какие-то неизвестные нам обстоятельства. В итоге в этих пунктах японцам не удалось даже приблизиться к русским военным кораблям. На атаку же в открытом море они не решились, поскольку понимали, какими осложнениями чревата для них такая попытка.

Дело в том, что, не имея собственных ресурсов и развитой промышленности, Япония была вынуждена широко закупать за рубежом не только оружие, боеприпасы, военные суда, но и многие другие товары, без которых продолжать войну было бы невыносимо. В Англии и США японцы строили военные надводные и подводные корабли и покупали уголь и снаряды, в Германии и Бельгии – продовольствие, медикаменты, боеприпасы и военные материалы (главным образом, чугун, сталь, железо, цинк), в Австралии и во Франции – лошадей, широко размещали свои военные заказы в Германии, Франции, Швеции и Норвегии. «Британские купцы и судовладельцы, – цитировал Теплов признания лондонской “Times”, – послали большое количество угля в Японию. Они послали туда пушки, снаряды, боевые припасы, разобранные миноносцы, одеяла, одежду, рельсы, вагоны и множество других военных материалов ... Каждый пароход, отправлявшийся из Европы в Японию в течение последних 9-ти месяцев, увозил с собою военную контрабанду, поставляемую британскими купцами»³⁸⁴. За годы войны только на заводах Круппа в Германии по заказам Японии было изготовлено 220 полевых гаубиц, 400 полевых орудий, полмиллиона шрапнелей и гранат, а на французских заводах Шнейдер-Крезе – свыше 500 пушек, в том числе более 20-ти береговых орудий крупных калибров³⁸⁵. Все это контрабандой переправлялось на Дальний Восток – чаще всего на зафрахтованных западноевропейских же грузовых пароходах или на своих, но под нейтральным флагом.

Благодаря этому, а также огромным кредитам, полученным здесь (ими Токио покрыл от 40% до 70% своих военных затрат), Япония находилась в сильнейшей зависимости от западноевропейских

государств и каким-либо образом портить свои отношения с ними для нее было равносильно самоубийству. К тому же для получения многомиллионных зарубежных заимствований Токио принял на себя торжественное обязательство «не производить военных операций в европейских водах»³⁸⁶. Между тем, вероятность того, что на японских минах подорвутся не российские военные, а мирные суда других стран, была весьма велика. Наконец, в памяти современников еще была жива волна возмущения, которую летом и осенью 1904 г. подняла японская и западная пресса по поводу плавучих мин, расставленных русскими в открытом море близ Порт-Артура (на них подорвалось несколько коммерческих судов)³⁸⁷. Аналогичные действия самой Японии за тысячи миль от театра войны и на оживленных морских торговых путях могли подорвать ее международный престиж и нанести непоправимый ущерб ее отношениям со странами Запада. В общем, атаковать русскую эскадру в западноевропейских морях японцы, скорее всего, даже не пытались, а установить протяженные долговременные минные заграждения в проливах в те годы было и рискованно, и трудновыполнимо технически. Примерно таким же образом, вероятно, обстояло дело и с торпедами – учитывая возможности тогдашних «самодвижущихся мин», использовать их было бы слишком рискованно, да к тому же и не гарантировало повреждения военных судов противника. В результате, ни одна японская мина, похоже, поставлена так и не была³⁸⁸. Что касается торпед, то одну из них, выпущенную атакующим миноносцем вечером 8 (21) октября, с борта «Камчатки» наблюдал голландский инженер А. Коой: «При свете прожектора я отлично разглядел два судна, прорвавшиеся сквозь линию нашего огня: то были миноносцы ... Когда один из них подошел еще ближе, я собственными глазами видел, как пущена была им мина. Если эта мина не причинила нам вреда, то этим мы обязаны искусному маневру командира»³⁸⁹.

Из сказанного следует, что, во-первых, в момент прохождения эскадры Рождественского в западноевропейских водах японские (т.е., повторяю специально для критиков, не прибывшие в Европу из Японии, а купленные ею в Западной Европе или произведенные здесь по ее заказу) миноносцы все-таки были и, как в свое время сообщал командир военно-гидрографического судна «Бакан» командующему эскадрой, числом не менее четырех. В противном случае придется

признать неизвестный доселе науке факт массового единовременного и неспровоцированного помешательства нескольких сотен людей, мужчин и женщин, самых разных профессий, классов, возрастов и состояний в десятках стран половины планеты, которое длилось строго в течение полугода – с мая по ноябрь 1904 г., помешательства, осложненного, к тому же, часто совпадающими галлюцинациями. На присутствие в европейских водах японских миноносцев указывают и *с е* обстоятельства самих происшествий в Северном море.

Во-вторых, что, несмотря на первоначальные замыслы, получившие отражение в сообщениях российской контрразведки и в цитированной выше переписке японских дипломатов, эти миноносцы, скорее всего, не имели цели так или иначе атаковать русские военные корабли в открытом море, но стремились точно выяснить состав эскадры и проследить ее движение. После того, как основные силы русских миновали европейские воды, эти суда были отозваны домой, но береговая наблюдательная служба продолжала функционировать до середины ноября – времени прохода отряда Добротворского (вспомним о попытках затеять с его кораблями радиоигру). Много месяцев спустя, летом 1905 г., В.И. Семенов, находясь в плену в госпитале Сасебо, в котором лечились и японские офицеры, повстречал лейтенанта, командира миноносца, страдавшего острым ревматизмом. «В это время, – пишет Семенов, – в Портсмуте уже начались переговоры ... а потому наш сосед, вероятно, не находил нужным особенно секретничать относительно прошлого. Он открыто заявлял, что нажил свою болезнь за время тяжелого похода из Европы в Японию.

– Ваша европейская осень – это хуже зимы! – говорил он.

– Осень? – спрашивали его. – Какой же месяц?

– Октябрь. Мы, наш отряд, тронулись в поход в конце этого месяца.

В октябре? Одновременно со второй эскадрой? Как же мы ничего о вас не знали? Под каким флагом вы были? Когда прошли Суэцкий канал?

– Слишком много вопросов!.. – смеялся японец. – Под каким флагом? Конечно, не под японским! Почему вы не знали? Об этом надо спросить вас... Когда прошли Суэцкий канал? Следом за отрядом адмирала Фелькерзама³⁹⁰!..

– Но тогда... не вы ли фигурировали в знаменитом “гулльском инциденте”?

– Ха-ха-ха! Это – уж совсем нескромный вопрос!..

Больше от него не могли добиться никаких объяснений, но, мне кажется, что и этого достаточно»³⁹¹. И в самом деле, выглядит убедительно. Условно назовем миноносец лейтенанта-ревматика «первым».

О внешнем облике «второго» и отчасти о сроках и маршруте его движения 4 января 1905 г. по новому стилю сообщила газетка «Diário do Comércio», выходившая в портовом Фуншале на юге португальского острова Мадейра. «Подтверждается подозрение о том, что маленькое судно с двумя трубами, прибывшее в наш порт 1 января и вышедшее отсюда вчера пополудни, по неизвестному направлению, было японским миноносцем. Этот миноносец, который вошел и вышел под английским флагом, плавает с изменяющей его внешний вид деревянной обшивкой, достигающей до высоты капитанского мостика. Вчера утром на нем в первый раз были видимы с помощью направленной на него с берега подзорной трубы некоторые из его матросов, в которых можно было узнать японцев, – в то время, когда они занимались заделыванием отверстия в деревянной обшивке судна»³⁹².

Теперь попробуем реконструировать действительный ход трагических событий в Северном море в октябре 1904 г. Мы уже знаем, что, стремясь запутать противника, эскадра Рождественского покинула мыс Скаген на сутки раньше запланированного срока — 7 (20) октября. Этот маневр удался, и японские миноносцы, не найдя здесь русские военные корабли, бросились вдогонку. Вечером следующего дня, 8 (21) октября, они обнаружили в открытом море плавучую мастерскую «Камчатка», которая находилась примерно в 17 милях позади последнего, броненосного, отряда эскадры Рождественского. Покружив вокруг нее и убедившись, что это русский военно-транспортный корабль («Камчатка», которая шла под Андреевским флагом, открыла по ним, как мы знаем, орудийный огонь), они начали было его атаковать, но, встретив сопротивление, отступили – пытаться топить это судно было слишком рискованно, да и не имело смысла. Зато они вменялись в радиопереговоры «Камчатки» с Рождественским, которые сначала шли в открытом эфире, чтобы выяснить место нахождения основных сил эскадры. Среди текстов радиogramм, которые лейтенант Вальронд предъявил в Париже – а он

представил все отправленные им в тот вечер с «Камчатки» на «Суворов», не было запросов координат русского флагмана, – таким образом, как и предполагали в штабе Рожественского, это было делом рук противника.

Точные координаты русских броненосцев японцы в итоге не узнали, зато по курсу, заданному «Камчатке», уловили общее направление, в котором их следует искать, и пустились в погоню. В течение следующего часа или немногим более миноносцы на полных парах преодолели около 30 миль («Камчатка», как указывалось, отставала от броненосцев на 17 миль, а те, в свою очередь, шли со скоростью 9—10 узлов), очутились, таким образом, несколько впереди броненосцев и, разбившись на пары, стали рыскать по морю, не ведая, где искать русские корабли. Еще через полчаса, в 00:55, одна из этих пар неожиданно для самой себя наскочила на «Князя Суворова», шедшего впереди колонны броненосцев, была замечена и обстреляна. Адмирал Рожественский, конечно, не мог знать истинных намерений противника и потому был не только вправе, но прямо обязан открывать огонь. Даже англичане в своей позднейшей (в ходе парижского разбирательства) внутренней переписке признавали, что «действия русских проистекали из честного убеждения, что их собираются атаковать, и что официальные заявления адмирала в объяснение инцидента в основном правдивы, с его точки зрения»³⁹³. То, что броненосцы в этот момент находились в окружении нескольких десятков рыбачьих баркасов, – трагическая случайность, но ответственность за последующее все равно ложится не на русские корабли.

Через мгновение после начала стрельбы вокруг броненосцев все смешалось. Уклоняясь от возможных мин или ожидавшейся торпедной атаки, русская колонна изменила курс. Английские рыбаки, ошеломленные внезапным появлением громадных военных кораблей, каждый из которых в десятки раз превосходил их собственные по водоизмещению и размерам, ослепленные их прожекторами и оглушенные шквальным орудийным огнем, начали срочно обрезать заброшенные сети и заметались – некоторые бросились наперерез эскадре, другие стали срочно подавать световые сигналы и уходить в сторону, третьи, напротив, затаились в надежде, что их не заметят. Не исключено, что поведение некоторых английских судов было вызвано

простым опасением рыбаков лишиться своих снастей; маловероятно, чтобы при этом у кого-нибудь из них был злой умысел³⁹⁴. Все это было так неожиданно, события развивались столь стремительно (напомню, что весь инцидент длился 9—12 минут), что большинство рыбаков вообще не успело понять, что происходит, и не пыталось что-либо разглядеть в темноте. Многие в ужасе попрятались в трюмы, другие попадали на палубу, закрыв головы руками.

Плохая видимость, начавшаяся суматоха и сильная бортовая качка (которой, заметим в скобках, вероятно, и объясняются огромные – до «Авроры» – перелеты нескольких выпущенных броненосцами снарядов) довершили дело – хотя на русских кораблях ясно отличали парусно-паровые баркасы рыбаков от миноносцев и в них не стреляли (припомним, что парижские «комиссары» единодушно признали, что адмирал Рожественский «сделал все возможное», чтобы рыбацьи суда «не являлись целью стрельбы эскадры»), пароход “Crane” все-таки был пущен ко дну, а пять других получили повреждения. Заметим, что в случае беспорядочной стрельбы, а тем более прицельного огня броненосцев в упор по рыбацкой флотилии от ее 50-ти кораблей вообще мало что осталось бы (на что в свое время вполне основательно было указано в российском *Exposé*). Серьезно пострадал и миноносец, который заходил на колонну броненосцев с ее левого борта – на месте трагедии он, ремонтируясь, простоял до утра следующего дня, после чего, возможно, затонул³⁹⁵. Другой нападавший, вероятно, был уничтожен на месте. О том, когда и каким путем оставшиеся два японских миноносца направились к родным берегам, мы уже имеем некоторое представление.

Все это, конечно, – только предположение, в целом далеко не новое, но основанное на более широком, чем прежде, круге источников. Насколько наша реконструкция убедительна – пусть судит читатель. Автор этих строк прекрасно сознает, что прямые доказательства нападения японских миноносцев на русскую эскадру в октябре 1904 г. следует искать либо в японских архивах, либо на дне Северного моря. Современные японские исследователи, отмечая огромный интерес Токио к продвижению эскадры Рожественского из Европы на Дальний Восток, пока не находят подтверждения участию в «гульском инциденте» японских военных судов³⁹⁶. Будем надеяться, что имена и факты, приведенные в этой книге, помогут им в дальнейших архивных

разысканиях. В видах установления истины нелишне было бы обследовать и неглубокую Доггер-банку с ее песчаным дном³⁹⁷. Сегодня технически это вполне осуществимо, а координаты «гулльского инцидента» хорошо известны. Если бы такая экспедиция состоялась и остатки одного или двух миноносцев, затонувших в ночь на 9 (22) октября 1904 г., удалось обнаружить, их состояние, оснастка и вооружение окончательно расставили бы все точки над «i».

* * *

15 (28) октября 1904 г. в Виго Рожественский получил императорское напутствие: «Мысленно душою с вами и моею дорогой эскадрой. Уверен, что недоразумение скоро кончится. Вся Россия с верою и крепкою надеждою взирает на вас». «Эскадра единою душою у престола Вашего императорского величества», – отвечал адмирал³⁹⁸. 18 (31) октября из Петербурга пришло разрешение продолжить поход, и в 7 утра следующего дня армада Рожественского покинула гостеприимный испанский порт с испанским же крейсером «Эстремадура» в эскорте. 23 октября (5 ноября) 1904 г. в алжирском Танжере эскадра разделилась: Рожественский и Энkvист повели новые броненосцы и крейсера вокруг Африки, а Фелькерзам двинулся на Крит на соединение с черноморскими транспортами Радлова.

Агентура подполковника В.В. Тржецяка

Если балтийская часть 2-й Тихоокеанской эскадры находилась на «попечении» японских дипломатических представителей в Голландии, Германии, Бельгии и Франции и их секретных сотрудников-европейцев, то организацию наблюдения за ее черноморской частью внешнеполитическое ведомство Японии поручило своему послу в Вене Макино Нобуаки, а также бывшему консулу в Одессе Ижима Каметаро, который с началом военных действий (а именно 8 февраля 1904 г.³⁹⁹) также переехал в австрийскую столицу. О том, что Вена превратилась в один из «центров военно-разведочной организации японцев», Мануйлов проинформировал Департамент полиции уже в конце марта 1904 г., и это сообщение полностью соответствовало действительности. Важную роль в наблюдении за русскими судами сыграла японская резидентура, созданная в Турции еще в конце XIX в.

Задолго до начала формирования 2-й Тихоокеанской эскадры, 13 февраля 1904 г., министр иностранных дел Комура предписал Макино организовать получение достоверной информации о русском Черноморском флоте и собирать сведения об общеполитическом положении на Балканах. Несколько ранее Макино получил указание Токио командировать Ижима в Стамбул для организации наблюдения за ожидавшимся проходом русских кораблей через Босфор и Дарданеллы⁴⁰⁰. Таким образом, с самого начала инициатором разведывательных операций на юге России, в Малой Азии и на Балканах выступило японское внешнеполитическое ведомство, которое действовало через своих официальных представителей в регионе. Сохранившиеся документы МИД Японии, а также позднейшие материалы русской контрразведки не оставляют сомнений в том, что в отношении судов Добровольного флота, которые базировались на Черном море, Япония «активных» мероприятий не только не пыталась осуществить, но и не планировала. Однако, чтобы убедиться в этом, России пришлось создать в Турции и соседних государствах целую нелегальную агентурную сеть во главе с подполковником Владимиром Валерьяновичем Тржецяком.

Находясь в Стамбуле, Тржецяк, в отличие от Гартинга, не мог рассчитывать не только на помощь и содействие, но даже на сочувствие турецких властей. Как справедливо отметил в одном из своих донесений в Главный морской штаб тамошний российский военно-морской атташе капитан 2-го ранга А.Л. Шванк, в русско-японской войне симпатии султана и его приближенных находились всецело на стороне Японии⁴⁰¹. Несмотря на это, организация даже простого наблюдения за движением русских судов через черноморские проливы не была для Японии легко выполнимой задачей. Дело в том, что в эти годы дипломатических отношений у нее с Турцией не было и потому ее официальные представители находиться в Стамбуле не могли. Не имея дипломатического прикрытия, японские разведчики были вынуждены действовать в Турции нелегально. Посол Макино прекрасно понимал связанные с этим неудобства и предпринял попытку хотя бы явочным порядком «легализовать» японскую агентуру в турецкой столице. Для этого он сначала обратился к послу Турции в Вене, а затем через своего коллегу в Лондоне попытался заручиться поддержкой и внешнеполитического ведомства Великобритании. Ни Турция, ни Англия не решились на подобную демонстративную акцию в условиях русско-японской войны. Это, однако, ничуть не мешало Лондону инспирировать враждебные России демарши турецких властей, которые, в свою очередь, закрывали глаза на деятельность на своей территории японских разведчиков.

Совсем иным было отношение правительства Порты к российской контрразведке. На протяжении всей своей командировки Тржецяк сталкивался с противодействием тайной полиции султана. Возложенное на него поручение он был вынужден осуществлять под угрозой «провала», а иногда и с риском для жизни даже несмотря на то, что согласно международным договорам, русские подданные в Турции в административном и судебном отношениях находились в ведении своего консула и не могли быть арестованы местной полицией без ведома последнего. «Полиция и общественное мнение враждебно к нам, и обстановка, в которой приходится работать, далеко не благоприятна... – сообщал Тржецяк в первые же дни своей стамбульской жизни. – Город переполнен дворцовыми шпионами и нам приходится очень их побаиваться»⁴⁰². «У нас тут на улице по ночам постоянно режут, – жаловался он месяц спустя, – и нанять

убийцу возможно по очень сходной цене». Такой убийца действительно был кем-то нанят, и в декабре 1904 г. в Тржецяка на улице стреляли из револьвера, но, к счастью, неудачно. Ко всему прочему осенью 1904 г. в Турции разразилась эпидемия черной оспы, которая унесла жизнь одного из русских наблюдательных агентов.

24 февраля 1904 г. (по новому стилю) с документами на имя Мацумото Таро, корреспондента токийской газеты “Nichi-Nichi”, Ижима покинул Вену и кружным путем, через Сербию, Болгарию и Румынию направился в Стамбул, куда прибыл 29-го числа. Вскоре к нему присоединился его бывший сослуживец по одесскому консульству юный Мацумото Микиносукэ, который явился в Турцию под именем японского студента Танака Мики, также корреспондента одной из японских газет. Дотошные западные журналисты тут же зафиксировали их появление. «В Константинополе уже несколько дней пребывают два японца, выдающие себя за представителей самых уважаемых газет Японии, – писало 3 (16) марта 1904 г. “Новое время”, ссылаясь на корреспонденцию германской “Frankfurter Zeitung”. – По их словам, они прибыли для изучения положения дел в Македонии»⁴⁰³. Но отнюдь не Македония в действительности интересовала японцев. Не откладывая, оба лжежурналиста тут же вошли в контакт с Накамура Кендзи, отставным лейтенантом японского флота. Этот Накамура, близкий родственник японского генерала, тяжело раненного под Порт-Артуром, легально жил в Турции с 1891 г., за эти годы вполне натурализовался, завел в Стамбуле торговое дело и, что самое главное, водил дружбу во дворце Абдул-Хамида II. Его торговля «японскими изделиями» шла в Константинополе из рук вон плохо, однако, по данным русской контрразведки, Накамура имел значительный текущий счет в одном из местных банков. Все это говорило о том, что в Турции он находился не по своей воле, а выполнял секретное задание своего правительства.

Ижима-«Мацумото» попытался использовать придворные связи Накамура, чтобы воздействовать на турецкое правительство в двух направлениях: во-первых, убедить султана в необходимости еще больше ужесточить позицию в отношении России и запретить проход через проливы ее не только военных, но и военно-транспортных судов⁴⁰⁴, а, во-вторых, склонить Турцию к скорейшему установлению дипломатических отношений с Японией. Однако правительство Порты

не хотело портить отношений с Россией, и негласные переговоры, которые Накамура вел до середины октября 1904 г., кончились ничем. Таким образом, общеполитическая часть миссии Ижима в Османской империи провалилась, и в течение всей своей командировки в Стамбул он и его агентура также были вынуждены действовать нелегально.

Зато свою первую и главную, чисто разведывательную, задачу Ижима в значительной степени выполнить удалось. Английский поверенный в делах в Стамбуле информировал бывшего японского консула об условиях, на которых Турция согласилась пропустить через свою территорию российские суда, а также об оговоренном времени их прохода. Сведения о самих этих кораблях Ижима получил от своих агентов в Одессе, а наблюдение за их прохождением через Босфор и Дарданеллы организовал с помощью все того же Накамура, а также другого отуреченного японского «торговца», отставного офицера Ямада Торадзиро. Осенью 1904 г. возникла опасность, что Ижима-«Мацумото» будет раскрыт русской контрразведкой, и в октябре Макино отозвал его в Вену. Однако созданная им агентура продолжала функционировать, и Токио, хотя и с некоторым опозданием и не вполне точно, но все-таки был информирован о проходе через проливы российских военных судов.

Параллельно с Макино и Ижима о движении кораблей российского Добровольного флота японское правительство извещал военно-морской атташе в Лондоне Кабураги Макото, которого соответствующей информацией снабжало британское Адмиралтейство. Интересно, что в секретный бюллетень о состоянии российских военно-морских сил, который периодически рассылался командованию японского ВМФ, в основном попадали сведения Кабураги – очевидно, компетентности собственных дипломатов разведывательный отдел японского Морского штаба доверял меньше, чем английским союзникам⁴⁰⁵.

Российской контрразведке удалось установить плотный контроль за деятельностью японской агентуры в Константинополе. Залогом успеха явилась серьезная подготовительная работа, которая предшествовала командировке Тржецяка. Она была изложена в специальной записке Департамента полиции и предусматривала:

«1). Сделать сношение с Морским министерством об оказании этому штаб-офицеру содействия в случае нужды находящимся в

Константинополе стационаром и о предоставлении, в случае нужды, парового катера и людей; об оказании содействия всеми находящимися на Черном море военными судами и судами Добровольного флота; 2). Сделать сношение с тем же Министерством о предоставлении подполковнику Тржецяку свидетельства или вида на жительство на имя Александра Константиновича Цитовского... 3). Сделать сношение с Министерством иностранных дел об оказании содействия подполковнику Тржецяку посланниками в Бухаресте, Софии и Константинополе, а также консулами и вице-консулами в Констанце (Кюстенджи), Сулине, Варне, Бургасе и Салониках; 4). Сделать сношение с Главным штабом об оказании этому штаб-офицеру содействия военными агентами в Бухаресте, Софии и Константинополе... <...> 6). Сообщить русским жандармским властям по побережью Черного моря, главным образом, в Николаеве, Севастополе и Одессе, о цели командирования Александра Константиновича Цитовского и об оказании ему содействия при выполнении возложенного на него поручения»⁴⁰⁶. Все перечисленное было исполнено. 16 июня Департамент полиции предписал жандармским властям губерний черноморского побережья «озаботиться учреждением самого тщательного наблюдения за всеми прибывающими из-за границы на пароходах лицами, обращая особо тщательное внимание за приезжающими японцами». Тржецяку же им надлежало «оказывать полное содействие, а равно исполнять его требования, предъявленные в телеграммах за подписью “Цитовский”»⁴⁰⁷.

25 июня, снабженный на первое время тремя тысячами рублей, шифрами и заграничным паспортом на имя А.К. Цитовского (а также чистыми бланками пятью других – на всякий случай) из Одессы Тржецяк отправился в Стамбул, где его уже ждали его сотрудники. В основном это были филеры, ранее работавшие под его руководством в Бухаресте, украинцы, греки и черногорцы по национальности, причем как мужчины, так и женщины.

С помощью работников российской дипломатической миссии в Стамбуле и в первую очередь военно-морского атташе Шванка «агентура» Тржецяка быстро установила наблюдение как за всеми проживавшими здесь японцами, так и за подозрительными судами, которые следовали из Средиземного моря в Черное. В качестве одного

из сценариев вероятного развития событий предполагалось, что Тржецяку придется следить за передвижениями японцев не только в черноморских проливах, но и в портовых городах соседних государств. Поэтому в портах Румынии и Болгарии на него в качестве наблюдательных агентов работали сотрудники российских консульств, а также специально нанятые местные лодочники и рыбаки, которым в случае необходимости было предписано обращаться за содействием к российским жандармским властям в Николаеве, Одессе или Севастополе. Вдобавок в августе 1904 г. по совету Тржецяка директор Департамента полиции обратился к болгарскому министру-президенту Рачо Петрову с просьбой «об учреждении наблюдения со стороны болгарской полиции за японцами, находящимися на болгарской территории»⁴⁰⁸. По указанию управляющего Морским министерством Ф.К. Авелана, в помощь жандармскому подполковнику в Сулин в устье Дуная под предлогом охраны российских рыболовных промыслов были направлены миноносец (№ 270) и транспорт «Буг», а одному из двух судов, состоявшего в распоряжении русского посольства в Турции (так называемых стационаров), было предписано находиться в Константинополе безотлучно⁴⁰⁹.

Наблюдательная служба Тржецяка в самих черноморских проливах была организована следующим образом. «Ежедневно вечером, – рассказывал он, – я получаю список всех проходящих пароходов (проходящих пароходов бывает ежедневно до 20-ти) и выбрав из них подходящие пароходы, я сообщаю их названия нашим людям, работающим на Босфоре. Наблюдение ведется главным образом в таможах в Пера и Стамбуле и лишь в особо важных случаях люди выезжают в Босфор на яликах (выезды эти воспрещены местною таможеню и приходится действовать подкупом...). ... Независимо нашего наблюдения на Босфоре Шванк имеет и свое, но таковое нам не может передать по конспиративным соображениям. Я лично против этого ничего не имею, так как лучше, если мы будем *взаимно верить друг друга*»⁴¹⁰.

Для Тржецяка не стали секретом ни связи Накамура во дворце султана, ни явное покровительство английских дипломатов «турецким» японцам, ни контакты последних с Веной, где, как писал он, «проживает бывший японский одесский консул – главный распорядитель военно-разведочного дела японцев в Европе»⁴¹¹.

Японским резидентом в Турции Тржецяк считал Накамура, а Ямада – его помощником, или «начальником штаба». О том, что под именем Мацумото скрывается сам Ижима, он, не зная его в лицо, не ведал. Смутные подозрения о его истинной роли у русских контрразведчиков появились только тогда, когда они выяснили, что ежемесячно этот «журналист» получал 2 тыс. франков (750 рублей), а в Оттоманском банке хранил 10 тыс. турецких лир, или 86,5 тыс. рублей. Ямада вместе с Накамурой, сообщал Тржецяк уже через несколько дней после приезда в Стамбул, «законтрактывает для японского правительства суда, сообщает в Токио об общественном мнении турок, о текущих местных событиях, доставляет сведения о планах русского правительства и его намерениях, приобретает уголь, провиант и высылает таковой в Японию. Ямада тщательно конспирирует себя и сравнительно редко показывается в городе»⁴¹².

Скоро Тржецяк убедился, что наиболее деятельные члены местной японской колонии не имели возможности и, вероятно, намерений нападать на русские военно-транспортные суда и в лучшем случае планировали лишь наблюдать за их проходом через проливы. Об этом свидетельствовали их частные разговоры, подслушанные агентами Тржецяка, а также их корреспонденция, полученная через подкупленных почтовых чиновников либо выкраденная его сотрудниками у самих получателей. Так была добыта почтовая открытка из Токио на японском языке на имя Ямада, которую он получил 18 июля. В ней некто Такасака, в частности, писал: «Мнения общества и правительства в Вашем месте прошу нам сообщать ... Мы были бы рады иметь постоянные сведения о планах, происходящих событиях и разных особенностях нашего врага ... Будьте на страже относительно движений наших врагов в ваших водах и предупреждайте нас о новых опасностях, дабы нас не застали врасплох. Будьте осторожны в Ваших действиях. Не забывайте, что Вы представляете правительство»⁴¹³.

Вскоре российскому контрразведчику представилась возможность ознакомиться с содержимым личных вещей «Мацумото» (т.е. Ижима), который перебрался на берег Босфора и поселился в гостинице в Терапии. Агент Тржецяка Г. Мелас, «взяв смежный номер с Матцумото, подставил ему нашу женщину, назначившую Матцумото свидание в саду, а сам, без соблюдения правил Устава уголовного

судопроизводства, произвел в вещах Матцумото формальный обыск»⁴¹⁴. На основании всех полученных данных в августе Тржецяк окончательно пришел к выводу, что диверсии против русских судов в черноморских проливах маловероятны. Несмотря на это, деятельность его группы не была свернута, напротив – сначала Департамент полиции, а затем и Главный морской штаб санкционировали ее расширение на Пирей и Смирну, которые в будущем могли для японцев сыграть роль перевалочных баз на пути из Порт-Саида в Стамбул. В Пирее был завербован местный житель, грек Сократ Арханиотаки, а в Смирне в нужном для контрразведки направлении начал действовать тамошний российский вице-консул Г.Д. Фотиади.

Русской агентуре удавалось оперировать настолько скрытно, что вплоть до октября 1904 г. о ее присутствии в Константинополе японцы даже не подозревали. Об организации Тржецяка они узнали от турок, которые, в свою очередь, были проинформированы Лондоном. Как сообщил Тржецяку посол И.А. Зиновьев, «турецкое правительство получило телеграмму от английского Министерства иностранных дел, что в Константинополе конспиративно проживает русский полковник, имеющий помощником другого офицера и около 30-ти человек служащих. Лица эти командированы русским правительством с военно-разведочными целями». В ответ правительство Турции телеграфировало, что «негодует на подобную бесцеремонность России и примет все меры к предупреждению зла»⁴¹⁵. Как мы уже знаем, в конце октября, опасаясь разоблачения, Ижима покинул турецкую столицу, причем его тайный отъезд для русской контрразведки также не прошел незамеченным.

К середине августа 1904 г. противоборствовавшие стороны «окопались» на своих наблюдательных пунктах и были приведены в боевую готовность. «Весь путь наших добровольцев, – докладывал Тржецяк 13 августа, – уже обставлен японскими соглядатаями: при входе в Босфор в Терапии – Матцумото, за которым и мы, и Шванк зорко смотрим, в Константинополе – Накамура и Ямада, в Смирне – Ито⁴¹⁶ и английская эскадра и, наконец, в Пирее – Хаяши»⁴¹⁷. Непосредственно перед проходом черноморских военно-транспортных судов российский посол потребовал от султана гарантий их безопасности и заявил, что всю ответственность за исход дела несет турецкое правительство. Решительность Зиновьева возымела действие.

Для охраны русских кораблей турки отрядили свои полицейские катера и в виде исключения позволили встречать и провожать их в проливах сотрудникам российского посольства. В итоге русские суда проследовали через Босфор и Дарданеллы без всяких происшествий. Вспомогательные крейсера «Петербург» и «Смоленск» вошли в Средиземное море 21 июня⁴¹⁸, а семь транспортов 2-й эскадры под командой капитана 1-го ранга Радлова – в период с 24 по 29 октября 1904 г. Спустя три дня в критской гавани Суда черноморские транспорты соединились с отрядом контр-адмирала фон Фелькерзама (на Крите за ними наблюдал специально посланный туда Макино англичанин⁴¹⁹).

3 декабря 1904 г. управляющий Морским министерством распорядился отозвать Тржецяка и прекратить «охрану Константинополя и проливов». Его командировка, таким образом, подошла к концу. Как и в случае с Гартинггом, деятельность его агентуры получила в Петербурге высокую оценку. «За отличное исполнение подполковником Отдельного корпуса жандармов Тржецяком возложенного на него поручения по организации охраны Черного и Мраморного морей, Архипелага, Балканских государств и Малой Азии, – писал Лопухину Вирениус в начале марта 1905 г., – всеподданнейшим докладом по Главному морскому штабу от 28 минувшего февраля было испрошено высочайшее разрешение на выдачу наград»⁴²⁰. Многие его агенты, российские и иностранные подданные, получили денежные премии, а двое были удостоены русских орденов. Самому Тржецяку было выплачено 2 тыс. рублей наградных, а еще через несколько месяцев он был назначен начальником Московского охранного отделения.

Японская агентура в Стамбуле была расформирована также далеко не сразу по проходе российских «добровольцев». В Токио ошибочно полагали, что в дальнейшем на соединение с основными силами 2-й эскадры могут пойти и другие военно-транспортные и даже боевые суда Черноморского флота – опасения именно на это счет Макино поделился со своим британским коллегой в Вене Планкеттом (F. Plankett) в середине ноября 1904 г.⁴²¹ Любопытно, что мысль о необходимости непрерывно наблюдать за проходом через черноморские проливы иностранных и, в первую очередь, русских кораблей настолько утвердилась в сознании государственных деятелей

Японии, что когда в 1923 г. ее дипломатические отношения с Турцией были, наконец, установлены, Япония купила для своего представительства здание, из окон которого Босфор хорошо просматривался днем и ночью. Японское посольство размещается там по сей день, хотя, как утверждают местные жители, за вновь построенными небоскребами пролив из этого здания уже не разглядишь.

В Суэцком канале, Красном море и Индийском океане

23 октября 1904 г. из Танжера четыре новых русских броненосца и несколько крейсеров отправились в долгий путь вокруг Африки. В этих, тогда пустынных, безлюдных и почти не тронутых цивилизацией местах нападение противника было маловероятно, но встречались рыбаки, в том числе английские, которые по-прежнему не всегда вели себя подобающим образом. «Покорно прошу известить английское правительство, – телеграфировал Рождественский Ламздорфу 19 ноября с западного побережья Африки, – чтобы предупредило своих африканских рыбаков не прорезать строя эскадры без огней, иначе будут расстреляны без милосердия». Ламздорф переправил эту депешу Бенкендорфу, а тот, «во избежание повторения недоразумений, подобно произошедшему в Северном море», в тот же день передал ее лорду Лансдоуну⁴²². Британский кабинет отреагировал быстро – гульский опыт и для него не прошел даром. Уже 4 (17) декабря Бенкендорф уведомлял Петербург: «Во избежание опасных недоразумений министр колоний (Lyttelton, Colonial Secretary) сообщил циркулярно губернаторам южно- и восточно-африканских колоний об обязательном соблюдении рыбацкими судами правил о вывешивании огней»⁴²³. В итоге никакими серьезными происшествиями поход русских кораблей вокруг Африки не сопровождался.

Прочие суда 2-й Тихоокеанской эскадры под командой младшего флагмана контр-адмирала Д.Г. фон Фелькерзама двинулись из Танжера на восток. На Крите к ним присоединились транспорты Радлова, и весь отряд направился вокруг восточного побережья африканского континента с тем, чтобы в дальнейшем соединиться с основными силами на Мадагаскаре. Но прежде Фелькерзаму предстояло пройти через Суэцкий канал и Красное море, которые рассматривались как особо опасные места. Поэтому с конца октября 1904 г. именно здесь оказались сосредоточены основные силы русской контрразведки.

К подготовке этого этапа «охранной» операции в Петербурге приступили ранней весной 1904 г. – министр Ламздорф поручил послу

в Париже Нелидову обговорить этот вопрос во французском МИД еще 4 (17) марта. Вскоре посол сообщил результаты состоявшейся беседы с министром Делькассэ, который выразил готовность «немедленно войти в сношение с товарищем по Морскому ведомству, чтобы узнать, имеются ли в восточной части Средиземного моря суда, которыми можно было бы располагать, чтобы, согласно выраженному нами желанию, отправить их к входу в Канал для наблюдения со стороны за свободой прохода наших военных судов»⁴²⁴. Одновременно с этими и другими (уже упомянутыми) подготовительными шагами по линии МИД в июне 1904 г. в порты Красного моря российским Морским ведомством был командирован надворный советник М.М. Геденштром, бывший российский консул в японском Хакодате⁴²⁵. Он поехал нелегально, с паспортом на имя француза М.Х. Стюарта. Выводы, которые сделал Геденштром, обследовав Суэцкий канал и прилегающие территории, говорили о необходимости наращивать меры по охране: проход эскадры через Канал, писал он в Главный морской штаб 20 июля 1904 г., «во всяком случае может представляться опасным»⁴²⁶.

Между тем, специалисты Департамента полиции сочли методы Геденштрома по вербовке секретной наблюдательной агентуры и работы с ней неудовлетворительными. К тому же российский консул в Сан-Стефано А.Л. Воеводский сообщил, что инкогнито Геденштрома оказалось раскрыто – характер его миссии и русское подданство стали известны египетскому правительству⁴²⁷. Поэтому в сентябре 1904 г. совместными усилиями МИД, Департамента полиции и Главного морского штаба была разработана новая схема охраны русских судов в Суэцком канале, в которой Геденштрому была отведена уже вспомогательная роль. По этой схеме, дипломатическое прикрытие операции и координация действий всех ее участников были возложены на российского дипломатического агента и генерального консула в Египте ДСС П.В. Максимова, в помощь которому из Турции командировался капитан 2-го ранга А.Ф. Шванк вместе с тремя наиболее опытными филерами Тржецяка. Основная же часть контрразведывательной работы вновь была поручена Департаменту полиции, который на этот раз из соображений конспирации в качестве ее руководителя избрал иностранца – француза, отставного капитана 2-го ранга Мориса Луара (M. Loir), за которого директор Лопухин

лично поручился. Мануйлов получил задание разыскать Луара в Париже и провести с ним предварительные переговоры, что он успешно и сделал. Детали операции обсуждались уже в Петербурге, в Главном морском штабе, куда Луар был доставлен в том же сентябре.

Луару предстояло войти во французскую администрацию Канала в качестве служащего (он имел там знакомых), руководить оттуда действиями лоцманов, а также обеспечивать безопасность русских военных кораблей с суши. Его агенты группами по 2—3 человека были размещены в Каире, Александрии, Порт-Саиде, Измаилии и Суэце, прикрывая, таким образом, весь Суэцкий канал, а также северную оконечность Красного моря. «Охранная служба» в Средиземном и Красном морях была возложена на три специально зафрахтованные быстроходные паровые яхты «Эсмеральда», «Фиорентина» и «Катарина» под командой отставных французских военных моряков Жюльена Леруа, Оливье и М. Бея. Яхты должны были крейсировать под английскими и французским флагами, соответственно, в районах Порт-Саида, Суэца и Адена. В помощь французам Тржецяк также передал нескольких своих наблюдательных агентов. Геденштром же был перебазирован в Джибути с заданием обеспечить безопасность русских судов на южной оконечности Красного моря. Максимову, Шванку и Геденштрому на охранные мероприятия Морское министерство в общей сложности выделило 55 тыс. рублей, а французам – 540 тыс. франков, или 202,5 тыс. рублей, включая фрахт яхт – как всегда, после изучения их характеристик и фотографий экспертами Главного морского штаба.

Император утвердил новый план в день отплытия эскадры Рожественского из Либавы – 2 (15) октября 1904 г. «Высочайшее соизволение» на выделение требуемых средств из «чрезвычайных сверхсметных кредитов на военные надобности» последовало через месяц – 8 (21) ноября.

По приезде в Каир Максимов и Шванк провели запланированные переговоры с фактическим главой египетской колониальной администрации английским консулом лордом Э. Кромером (E. Cromer), а затем и с французским губернатором Суэцкого канала. Благоприятный для России исход этих переговоров был предрешен стремлением англичан и французам, обслуживавших Канал, избежать инцидентов, поскольку остановка движения по нему была чревата для

великих держав многомиллионными убытками. К тому же, международная конвенция 1888 г. прямо запрещала в зоне Канала какие-либо боевые действия. В результате администрация Канала не только согласилась с предложениями русской стороны, но и пошла значительно дальше: Максимова было обещано, что во время прохода русских судов они будут тщательно охраняться как с воды, так и суши полицией Канала, а движение по нему кораблей других стран будет приостановлено на сутки⁴²⁸. Действительно, 3 (16) ноября 1904 г. французский губернатор Канала собрал иностранных консулов и объявил, что во время прохода русской эскадры движение по Каналу прочим судам будет запрещено, причем просил «строго указать» капитанам коммерческих пароходов «воздержаться от того, чтобы бросать что-либо в Канал, а равно от каких бы то ни было демонстраций»⁴²⁹. Хотя за все эти услуги администрация Канала выставила России огромный счет в 14 700 фунтов стерлингов, эти условия были восприняты в Петербурге как неожиданный и щедрый подарок. Состоявшаяся договоренность получила огласку, и японофильская печать Великобритании принялась бранить лорда Кромера, а заодно и свое правительство за «сдачу позиций» России и «предательство» интересов союзной Японии.

Несмотря на сложившуюся благоприятную обстановку, перед вступлением в Суэц на русских военных кораблях были вновь введены повышенные меры безопасности. Учитывая гульский опыт, Фелькерзам распорядился огонь по подозрительным судам в пути ни в каком случае не открывать. «В Красном море отряд вступает в место, где нападения со стороны японцев более вероятны, чем то было в европейских водах, – писал адмирал в приказе по отряду 11 (24) ноября 1904 г. – Этим обстоятельством вызывается необходимость большой бдительности и моментальной готовности в ночное время для отражения нападения неприятеля. Тяжелее всего отличить ночью, а иногда и днем неприятельское судно от нейтрального, так как неприятель, конечно, до последнего момента постарается замаскировать себя, сохраняя невинный вид, и часто даже будет прикрываться нейтральным флагом или идти совсем без него. Ввиду тяжелых политических последствий, считаю предпочтительнее лучше пропустить неприятеля, не дав ему причинить вреда отряду, чем

ошибочно расстрелять нейтральное судно и вызвать повторение случая в Немецком море»⁴³⁰.

К 11 (24) ноября, когда отряд Фелькерзама бросил якорь в Порт-Саиде, все участники операции заняли исходные позиции. По старой морской традиции, русский отряд отсалютовал стоявшему на рейде английскому крейсеру “Furious”, судовые оркестры сыграли британский гимн, адмирал Фелькерзам и командир британского крейсера обменялись визитами. На борт флагманского броненосца «Сисой Великий» поднялись Максимов, Шванк и консул Бронн, в Суэц одна за другой вошли три яхты секретного русского охранения, чтобы оставаться там все время прохождения Канала основными силами отряда. Не успел тот отдать швартовы, как на причал явилась делегация от колонии соотечественников в Каире, чтобы, как писала российская газета, «лично пожелать нашим морякам полного успеха». «Дамы поднесли отряду большой букет в виде якоря. Часть жителей городов Измаилии и Суэца во время прохода отряда собралась на набережной и провожала наши суда сочувственными кликами»⁴³¹. Ничего более серьезного в окрестностях замечено не было. «Весь балтийский флот, – сообщила 12 (25) ноября британская “Daily Telegraph”, – прошел через Канал сегодня в 8 час. 30 мин. утра. Берега сильно охранялись египетскими солдатами и береговой стражей»⁴³². В последующие двое суток отряд Фелькерзама благополучно проследовал в Индийский океан, чтобы в декабре соединиться с броненосцами Рождественского на Мадагаскаре.

Таким образом, все районы Европы и Африки, признанные уязвимыми с точки зрения безопасности и находившиеся под охраной российской контрразведки, к концу 1904 г. были пройдены эскадрой без серьезных осложнений, и «сомнения» японцев на этот счет не подтвердились. Российские агенты оставались в Египте вплоть до того момента, когда Канал прошли корабли капитана 1-го ранга Добротворского, – его отряд ушел из Суэца в Джибути на рассвете 31 декабря 1904 г. (13 января 1905 г.). В течение полутора месяцев до этого яхты «Фиорентина» и «Катарина» курсировали между Мадагаскаром и Средиземным морем, передавая корреспонденцию командующего эскадрой Добротворскому и на телеграф для отправки в Петербург. «Эсмеральду» в районе Канала с середины декабря никто не видел, и только 31 января (13 февраля) 1905 г. «Matin» сообщила,

что в Марсель вернулись все три, нанятые французским офицером, яхты, которые несли «до входа в Красное море разведочную службу при русской эскадре»⁴³³. Их миссия к этому времени уже завершилась и потому перестала быть тайной.

В последующие месяцы армаде Рождественского предстояло пересечь Индийский океан и двигаться далее на восток. В открытом океане эскадра находилась в автономном плавании и обеспечивать собственную безопасность должна была своими силами. В Индокитае к этому делу были подключены русские консулы – штатные представители МИД (каждый из них имел собственную наблюдательную агентуру), которые отслеживали передвижения японских военных судов и просто больших групп военнослужащих. Полученные сведения они докладывали в Шанхай Павлову, а тот, после перепроверки и обработки, через Сайгон, где находился капитан крейсера «Диана»⁴³⁴ князь А.А. Ливен, переправлял их Рождественскому. От Ливена же Павлов получал просьбы и указания самого командующего эскадрой.

Зимой 1904—1905 г. в Манилу, Сингапур и Сайгон в помощь тамошним российским консулам Павлов направил своего сотрудника, коллежского асессора Х.П. Кристи и секретных агентов, голландца Маркса, француза Шаффанжона и швейцарца О. Барбея (Barbey)⁴³⁵. «Охранную службу» на море, главным образом в районе Зондских островов (Малайский архипелаг) с конца 1904 г. несли пароходы, купленные Павловым и Дессино по заданию командующего эскадрой. Все водное пространство между Японией и Сайгоном было разбито на четыре зоны, в каждой из которых постоянно крейсировал один из них, наблюдая за передвижениями японских кораблей. На одном из этих пароходов под видом иностранного корреспондента находился лейтенант флота Мисников, который результаты своих наблюдений также телеграфировал в Шанхай. С начала декабря 1904 г. в Зондском проливе с той же целью крейсировала канонерская лодка, выделенная голландским губернатором Батавии (Индонезии) по ходатайству здешнего российского консула.

С апреля 1905 г. по просьбе морского ведомства и «в видах избежания потери времени» Павлов стал ежедневно телеграфировать князю Ливену сведения о движении кораблей японского военного флота, добытые его наблюдательной службой на море⁴³⁶. Ливен, в

свою очередь, немедленно направлял полученные депеши Рождественскому с нарочным судном. Тогда же из Шанхая в распоряжение Ливена был отправлен пароход «Леди Митчелл». По пути в Сайгон по заданию Павлова «верные» шкиперы француз Тоа и норвежец Гундерсен осмотрели западный берег Формозы и Пескадорские острова, где, по предположениям разведки, могли укрываться японские военные суда. Обо всех этих перемещениях и полученных результатах Павлов телеграфировал Ламздорфу. Министр тут же докладывал их императору, а тот накладывал стандартную резолюцию: «Правильно». Установленный плотный контроль выявил целый ряд пунктов скопления и особой активности японских военных в южном Китае, Индокитае, Индонезии и на Малайском архипелаге (о них читатель узнает в свое время). Здесь же важно подчеркнуть, что созданная наблюдательная секретная служба вскоре пришла к выводу, что индонезийские проливы русская эскадра пройдет без осложнений. Независимо от агентуры Павлова об этом же в декабре 1904 г. из Батавии Рождественскому на борт «Князя Суворова» телеграфировал капитан 2-го ранга А.К. Полис.

Александр Клементьевич Полис был направлен в Индонезию самим Рождественским еще в августе 1904 г. для выполнения особых заданий Главного морского штаба, что было подкреплено секретным «повелением» императора. Его главная задача заключалась в создании запаса угля для эскадры после пересечения ею Индийского океана. Выбор на этого офицера пал не случайно. Тогдашняя Батавия была голландской колонией, а Полис, с 1899 по 1902 г. прослуживший военно-морским атташе в Нидерландах, Германии, Дании, Швеции и Норвегии, свободно говорил на нескольких европейских языках, по внешним данным вполне походил на подданного любой из этих стран и имел опыт агентурной работы. В Индонезии он жил в строжайшем инкогнито (первое время о цели его приезда не подозревал даже тамошний российский внештатный консул) и в своей работе опирался на собственную секретную агентуру, местного русского консула, а также на негласное содействие местных голландских колониальных властей⁴³⁷. В начале декабря 1904 г. Павлов перебазировал коллежского асессора Кристи в Индонезию, и в его лице Полис неожиданно для себя приобрел надежного и опытного помощника. Посылку своих агентов в Индонезию Морское ведомство и МИД не

согласовали, и о существовании друг друга Кристи и Полис узнали только на месте, да и то не сразу. По их обоюдной просьбе («наблюдение за японцами на суше не важно, плавание же по побережьям может дать кое-что», – писали они в Шанхай⁴³⁸), Павлов с помощью консула Бологовского зафрахтовал в Гонконге небольшой пароход «Шахзада», который был передан в их распоряжение. Его крейсерство в индонезийских водах продолжалось до конца апреля 1905 г.

В те же апрельские, самые жгучие дни ожидания эскадры Рожественского, в «шанхайской агентуре» родился план лишить японский флот на Формозе связи со своим командованием, перерезав подводные телеграфные кабели (один из них, японский, шел с Формозы в Нагасаки, второй, китайский, – на континент, в Фучжоу). Расчет был верный – этой линией японские военные пользовались чрезвычайно активно, пропустив через нее за время войны более тысячи телеграмм⁴³⁹, а Формоза в ожидании русской эскадры была превращена в главную базу японского военного флота. В середине апреля этот план получил одобрение главнокомандующего, Павлов купил пароход «Эльдорадо», нанял техников-датчан и приготовил все необходимое оборудование. Операцию было решено произвести в период с 27 апреля до 7 мая⁴⁴⁰. Однако осуществить ее так и не удалось – российские сановники ее классически «заволокнули»⁴⁴¹, время ушло, и надобность в ней отпала. Датчанам пришлось заплатить большую неустойку.

После того, как армада Рожественского благополучно, как и ожидалось, миновала индонезийские «узкости», наблюдательная служба здесь была свернута. Кристи вернулся в Шанхай, а Полис присоединился к эскадре, 10 мая перейдя на борт эскадренного броненосца «Александр III» в Сайгоне, куда он вместе с лейтенантом Н.Ф. Мисниковым, по приказанию Рожественского, прибыл с эскадрой Н.И. Небогатова. С именем «Александра III», пишет Новиков, связаны «наиболее жуткие воспоминания» о цусимском бое 14 (27) мая: «После того, как эскадра лишилась адмирала, он стал во главе боевой колонны и повел ее дальше. На этот броненосец обрушился весь огонь двенадцати японских кораблей. А он, приняв на себя всю тяжесть артиллерийского удара, ценою своей гибели спасал остальные наши суда»⁴⁴². Шквальный четырехчасовой огонь японского флота нанес

броненосцу такие повреждения, что в 6:30 вечера он опрокинулся и быстро затонул. Вместе с ним погиб почти весь его экипаж – 836 человек. Среди четырех спасшихся офицеров «Александра III» капитан 2-го ранга А.К. Полис не значился. В общей сложности в ходе этого сражения Россия, потеряв 22 боевых корабля, включая 8 броненосцев и 5 крейсеров, окончательно лишилась своего Тихоокеанского флота; более 3 тыс. моряков были взяты в плен. Японский адмирал Х. Того потерял в этом бою лишь три миноносца; его людские потери составили всего 537 человек (по другим данным – около 700 человек), 424 из которых были ранены⁴⁴³.

* * *

О цусимской катастрофе Николай II узнал в Гатчине на пикнике по случаю девятой годовщины своей коронации – эту трагическую весть принес курьер Морского министерства. «Если бы я был на месте Ники, – вспоминал впоследствии очевидец, великий князь Александр Михайлович, – то немедленно отрекся от престола. В цусимском поражении он не мог винить никого, кроме самого себя. Он должен был бы признать, что у него не доставало решимости осознать все неизбежные последствия этого самого позорного в истории России поражения. Государь ничего не сказал по своему обыкновению. Только смертельно побледнел и закурил папиросу»⁴⁴⁴. «Вопрос с флотом покончен, – прокомментировал ситуацию в разговоре с С.Ю. Витте управляющий морским министерством А.А. Бирилев. – Япония является хозяином вод Дальнего Востока»⁴⁴⁵. Западная печать оценила цусимскую победу Того Хэйхатиро как «самое знаменательное событие не только в военно-морских анналах, но и в истории всего мира»; «Япония уже выиграла эту войну». Впрочем, та же американская газета (“Sun”) задавалась и тревожным вопросом: «А как насчет нас самих? Морское сражение минувших субботы и воскресенья может изменить весь ход развития цивилизации XX века»⁴⁴⁶.

Когда известие о цусимской победе достигло Японии, жители начали украшать свои дома, по улицам шли нескончаемые потоки

демонстрантов и музыкантов, волна восторга вылилась в выражение верноподданнических чувств у императорского дворца и здания Морского министерства, всю ночь в городах горели праздничные фонарики. Адмирала Того в Токио встречали с необыкновенными почестями. На вокзале была сооружена триумфальная арка, войска столичного гарнизона произвели артиллерийский салют, улицы были запружены народом, приветствовавшим адмирала криками «Банзай!». «Император, – сообщало агентство Рейтер, – принял адмирала Того и прочих адмиралов весьма сердечно ... горячо благодарил за верную службу»⁴⁴⁷. Тут же Того торжественно вручил микадо рапорт о возвращении флота с войны. На следующий день в присутствии микадо состоялся смотр японского военного флота, в котором приняло участие свыше 300 боевых кораблей, включая пять трофейных русских. Триумфатор Цусимы на родине превратился в национального героя, а в Европе приобрел почетное прозвище «азиатского Нельсона», издан с десятков его биографий. В современной, демократической Японии дата цусимского сражения уже полузабыта, но до Второй мировой войны отмечалась как общенациональный праздник – день ВМФ.

Глава III

В Западной Европе и России: японские деньги и русская революция

В июне 1906 г. в Петербурге в издательстве А.С. Суворина вышла в свет брошюра «Изнанка революции: вооруженное восстание в России на японские средства». В ней были воспроизведены фотокопии писем, которыми в первой половине 1905 г. обменивался бывший японский военный атташе в России полковник М. Акаси с К. Циллиакусом и Г.Г. Деканозовым. Первый из корреспондентов японца был организатором и руководителем Финляндской партии активного сопротивления, образованной в ноябре 1904 г., второй – одним из лидеров созданной в апреле того же года Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. Опубликованная переписка касалась главным образом закупки и нелегальной отправки в Россию большой партии оружия для революционных организаций. «И японцы, и русские революционеры в циничном безразличии в выборе средств борьбы, – говорилось в предисловии к брошюре, – оказались достойны друг друга. Одни славу своего оружия запятнали грязью подкупа, другие великое слово свободы осквернили продажей своей родины».

Это была не первая попытка обвинить участников освободительного движения в корыстных связях с противником России в недавно закончившейся русско-японской войне. Еще в начале 1905 г. бывший сербский консул в Москве А. Череп-Спиридович пустил подхваченный правыми газетами и черносотенцами, но при проверке оказавшийся вздорным слух об огромной денежной поддержке, которую японское правительство якобы оказало бастовавшим в России рабочим. Такого же рода обвинения нередко использовались и местными российскими держимордами для организации погромов демократической интеллигенции и «скубентов», как, например, в Курске в феврале 1905 г. «Как только русская армия стала терпеть неудачи в борьбе с Японией, – вспоминал один из видных российских либералов и лидеров партии кадетов И.И. Петрункевич, – прислужниками

правительства тотчас был пущен слух о подкупе японцами русских общественных деятелей и печати в расчете перенести ответственность военной и гражданской власти на общество и его деятелей. Конечно, этому слуху никто не верил, и истинный смысл его был всем понятен»⁴⁴⁸.

Вероятно поэтому опубликованные в 1906 г. документы, о которых шла речь в начале, были также встречены современниками с недоверием. «Когда мы говорили, что деньги для русской революции получались из-за границы, – записал вскоре издатель А.С. Суворин в своем дневнике, – над этим смеялись»⁴⁴⁹. В отклике на выход брошюры «Изнанка революции», помещенном в газете «Наша жизнь», известный публицист В.В. Водовозов охарактеризовал ее как «попытку кого-то из истинно русских людей показать изнанку революции и вместе свой “патриотизм” с той стороны, с какой он только и показывался в последнее время, – как патриотизм клеветнический»⁴⁵⁰. При этом Водовозов, однако, признал, что опубликованные материалы «не оставили бы ни малейшего сомнения» в справедливости вышеприведенного обвинения в адрес русских революционеров, если бы их достоверность была установлена. В ответной публикации суворинское «Новое время», газета почти такая же респектабельная, как лондонская “Times” и столь же консервативная, предложила всем желающим оспорить подлинность обнародованных писем, но на это предложение никто не отозвался. И не мудрено: в брошюру вошли фотокопии, сделанные заграничным агентом Департамента полиции с оригинальных документов, а отчасти и их подлинники. Эти и другие материалы образовали особое полицейское дело, начатое Департаментом полиции еще в ноябре 1904 г.⁴⁵¹

В следующий раз к этой теме «Новое время» обратилось в 1909 г. в статье «Наши друзья финляндцы и японцы». Напоминая читателям о сведениях, опубликованных в брошюре «Изнанка революции», автор статьи недоумевал по поводу отсутствия официального расследования связей Акаси с Циллиакусом и «другими революционерами»⁴⁵². Нововременский журналист не мог знать, что такое расследование уже давно произведено, однако после 1905 г. в новых утечках секретной информации в печать и дальнейшем раздувании связанного с этим скандала уже никто заинтересован не был. Поскорее забыть его постарались не только противники самодержавия, но и его защитники:

дальнейшее раскручивание скандала и знакомство общественности с подробностями этой истории могло скомпрометировать некоторых высших чинов тайной политической полиции и поставить крест на многих блестящих карьерах.

Из общеполитических соображений в этом же оказалось заинтересовано и само русское правительство, пошедшее по пути скорейшего урегулирования отношений со своим недавним противником, а затем и установившее союз с ним. Уже весной 1906 г. русский посол в Японии Ю.П. Бахметев с санкции только что назначенного министром иностранных дел А.П. Извольского предложил токийскому правительству заключить конвенцию о выдаче преступников, включая и некоторых политических, и встретил сочувственный отклик. Секретное приложение к русско-японскому договору об экстрадиции уголовных преступников, заключенному в мае 1911 г., предусматривало не только взаимную выдачу политических преступников, но и пресечение «агитационной и конспиративной деятельности» подданных каждой из сторон против «государственных установлений и органов» другой стороны.

Появление такого документа, не имевшего аналогов в дипломатической практике России, историк В.А. Маринов связывает с деятельностью в Японии группы русских революционеров во главе с Н.К. Судзиловским-Русселем (о котором речь впереди)⁴⁵³. Однако Руссель к тому времени уже русским подданным не являлся, жил в Японии вполне легально и никакими конспирациями против ее «государственных установлений» ни раньше, ни позднее занят не был. Следовательно, подразумевался кто-то другой. Вероятно, на заключение конвенции 1911 г. с Россией Японию подтолкнула деятельность в Шанхае группы чиновников российского МИД и Министерства финансов, с помощью китайской, японской и иной агентуры занимавшихся в годы войны сбором «секретных сведений политического характера» о Японии, а также «руководительством прессой» на Дальнем Востоке «в благоприятном для России направлении»⁴⁵⁴. По отзыву российского посланника в Китае Д.Д. Покотилова, поддержанному и самим министром иностранных дел, эта деятельность имела «несомненный успех и отличные результаты»⁴⁵⁵. «Шанхайской» странице истории российских секретных операций в годы войны посвящена следующая глава этой

книги. Петербург же, подписывая с Японией конвенцию в 1911 г., очевидно, пытался застраховаться на будущее от появления у себя второго Акаси.

В результате имя этого японского разведчика надолго исчезло со страниц русской печати. Не находим мы его и в многочисленных дореволюционных исследованиях по истории русско-японской войны, включая и специально посвященные разведке⁴⁵⁶. Их авторы, как правило, ограничивались общими рассуждениями о беспрецедентно широких размерах японского «шпионства», о «неуловимой и огромной сети» японских тайных агентов, опутавшей Россию накануне и в годы войны. Относительно же связи японцев с освободительным движением в России здесь можно встретить лишь осторожные намеки⁴⁵⁷.

В советской историографии и мемуарной литературе деятельность Акаси в 1904—1905 гг. была затронута при освещении истории конференции революционных и оппозиционных партий, состоявшейся в Париже в 1904 г.⁴⁵⁸, а также при описании перипетий экспедиции по доставке оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон» летом 1905 г.⁴⁵⁹ Интересные сведения о контактах польских революционных и буржуазно-националистических организаций с японским правительством в годы русско-японской войны содержит коллективная монография сотрудников Института славяноведения и балканистики⁴⁶⁰. Однако перечисленные работы далеко не исчерпывают всей картины взаимоотношений японцев и представителей общественного движения России в 1904—1905 гг. Не рассматривала этого вопроса и обширная советская литература, посвященная истории русско-японской войны и различным ее аспектам, отношению к ней большевиков и других революционных партий, деятельности боевых и военных формирований революционеров в годы первой русской революции. Аналогичным образом обстояли дела в советской историографии по истории Японии и ее внешней политики. Лишь А.Л. Гальперин упомянул о «каких-то таинственных махинациях» японских военных атташе в Германии и Дании⁴⁶¹, а А. Вотинков писал об активной шпионско-разведывательной работе, которую вели японцы против России в годы войны на территории Германии, Швеции и других европейских государств⁴⁶². В общем, советской историографии интересующий нас

сюжет остался практически не известен. Одной из «боковых ответвлений» этой темы является история финансирования деятельности российских революционеров из-за границы. Но и она всегда оставалась для советских авторов, мягко говоря, не самой популярной как в силу больших трудностей в ее разработке⁴⁶³, так и во избежание нежелательных ассоциаций у читателя – обвинения большевиков в получении денег «на революцию» от германского Генштаба были памятны всем.

Ситуация стала меняться лишь с 1990-х годов. В 1993 г. вышла в свет коллективная монография «Тайны русско-японской войны»⁴⁶⁴, часть которой, написанная автором этих строк, специально посвящена интересующим нас сюжетам и вошла в настоящую книгу в переработанном и дополненном виде. Этот же текст стал основой для краткого очерка об Акаси и слежке за ним российских спецслужб, который был включен в упомянутое юбилейное издание по истории российской контрразведки⁴⁶⁵, а также главы в вышедшем несколько ранее первом томе многотомных «Очерков истории российской внешней разведки»⁴⁶⁶ – увы, без обязательных в таком случае ссылок. Любопытно, что при этом авторы двух последних изданий, сотрудники, соответственно, ФСБ и СВР, коренным образом разошлись в оценке деятельности главного на интересующий нас момент российского контрразведчика – И.Ф. Манасевича-Мануйлова. Для первых – он, хотя личность и «колоритная», но все же человек, стоявший «у истоков контрразведки тайной полиции»⁴⁶⁷; для вторых – досадное пятно на белых ризах российской внешней разведки, «лицо сомнительного толка» и «авантюрист». В отличие от него, другой крупный деятель российских спецслужб того времени, П.И. Рачковский, представляется современным отечественным специалистам внешней разведки «человеком больших организаторских и творческих дарований», «самым влиятельным профессиональным разведчиком во Франции за всю историю царской России»⁴⁶⁸. Насколько справедливы подобные оценки, мы увидим позднее. Здесь же отметим, что полноценное историческое полотно невозможно написать с помощью только двух – белой и черной – красок. К слову сказать, у профессионалов-современников Рачковский столь высокой репутацией не пользовался. «Я довольно скоро убедился, – писал в своих мемуарах начальник Петербургского охранного отделения

генерал А.В. Герасимов, – что у Рачковского нет ни розыскных способностей, ни политического чутья ... Все сводилось у него к одному – к деньгам: нужно купить того-то или того-то; нужно дать тому-то или тому-то. Иногда пустить деньгами пыль в глаза через агента ... Он, по-видимому, был убежден, что за деньги можно было купить всех и каждого Присмотревшись к нему, я вижу, что в нем ничего нет. Дутая знаменитость»⁴⁶⁹.

Значительно большее внимание связям российских революционеров с японским правительством уделяет зарубежная историография. Авторы уже первых работ по истории русской революции, которые появились в 1918—1919 гг., комментируя бесспорный для них факт получения большевиками германских денег в годы Первой мировой войны, историческую аналогию этому искали в событиях 1904—1905 гг., когда, по словам американского историка Артура Булларда, «большинство российских революционных партий принимало японскую помощь»⁴⁷⁰. Эта поддержка, пишет он, была, в частности, оказана эсерам (социалистам-революционерам) в организации отправки оружия морем в Финляндию (имеется в виду экспедиция «Джона Графтона») и в ведении «интенсивной пропаганды» среди русских военнопленных в Японии. Еще большую результативность японской помощи российской революции приписывает другой американский автор этого периода – Эдвард Диллон (E. Dillon), много лет проживший в России в качестве корреспондента газеты “Daily Telegraph” и близко знавший графа С.Ю. Витте, которому он и посвятил свою работу. Именно благодаря японским деньгам, утверждал он, революционная пропаганда в России в период русско-японской войны получила столь «поразительный размах». В конечном счете, по его мнению, и стачки, и демонстрации, и распространение листовок революционных организаций, и «оживленные нелегальные транспортные связи» между Россией и Финляндией явились следствием «японской пропаганды»⁴⁷¹.

В те же годы разработка интересующей нас темы началась в Финляндии. Первыми публикациями на эту тему явилось издание обширных (в двух томах) мемуаров Конни Циллиакуса (Гельсингфорс, 1919—1920), а также двух работ другого видного финского «активиста» – Германа Гуммеруса. Первая из них вышла в Гельсингфорсе в 1925 г. и была посвящена деятельности партии

активного сопротивления; вторая – биография Циллиакуса – напечатан там же в 1933 г. В 1927 г. К.А. Вегелиусом были опубликованы воспоминания многих финнов, участников событий 1904—1905 гг. Из работ этого ряда особый интерес представляют воспоминания Циллиакуса, в которых он откровенно рассказал о своих контактах с Акаси и признал, что упомянутая Парижская 1904 г. конференция была организована им с одобрения и за счет японского правительства⁴⁷². Попытку ввоза оружия в Россию в 1905 г., к которой Циллиакус имел самое непосредственное отношение, мемуарист еще раньше (в 1912 г.) назвал «глупейшей и фантастичнейшей»⁴⁷³.

Мемуарные свидетельства, касающиеся экспедиции парохода «Джон Графтон», в 1930-е годы собирал финский исследователь Эйно Парманен. Среди участников этого предприятия, воспоминания которых ему удалось записать, был и Джон Нюландер, моряк, член партии активного сопротивления, которому в ходе экспедиции довелось последовательно побывать капитаном всех трех судов (включая и «Джона Графтона») «эскадры» Конни Циллиакуса. Собранные материалы Парманен опубликовал в 1937 и 1939 гг.

Поскольку все перечисленные сочинения вышли в свет на финском или шведском языках, долгое время содержащиеся в них сведения оставались известны очень узкому кругу специалистов. В научный оборот они были введены лишь в 1963 г. благодаря работам английского исследователя Майкла Футрелла, посвященным связям скандинавского подполья с русскими революционными организациями. Опираясь на вышеперечисленные финские, а также иные (в том числе японские) материалы, Футрелл, в частности, сумел подробно проследить всю эпопею «Джона Графтона» начиная с ее предыстории – состоявшегося в феврале 1904 г. знакомства Циллиакуса с Акаси – и вплоть до взрыва судна в начале сентября следующего года в водах Балтики⁴⁷⁴.

В книге американского исследователя Дэвида Даллина, впервые опубликованной в 1949 г., глухо упоминалось о стремлении «агентов Японии» «усилить революционное движение в России путем предложения революционерам через посредника финансовой помощи и оружия». Однако, по мнению Даллина, попытка Конни Циллиакуса «сблизиться» на этой почве с русскими социалистами не увенчалась успехом; единственными, кто принял японскую помощь, были

последователи Пилсудского и «группа грузинских сепаратистов»⁴⁷⁵. В вышедшей в 1964 г. фундаментальной работе профессора Принстонского университета Джона Уайта, посвященной дипломатической истории русско-японской войны, изложена общепринятая в русской и советской, а также и в зарубежной историографии высокая оценка деятельности японской разведки и, в частности, самого М. Акаси⁴⁷⁶. Эти сюжеты впервые освещаются здесь с использованием архивных материалов – документов МИД Японии и в их числе одного из списков доклада Акаси о своей деятельности в Европе, известного под названием «Rakka ryūsui».

Происхождение этого названия – цитаты из древнекитайской поэмы, в буквальном переводе означающей «облетевший цветок и поток воды», неясно до сих пор. М. Футрелл, например, полагал, что оно явилось плодом фантазии кого-то из позднейших почитателей Акаси, переписчиков его доклада⁴⁷⁷. Другие исследователи считают, что таким образом доклад был озаглавлен при его перепечатке в японском МИД в 1938 г. с копии, принадлежавшей старшему сыну Акаси – Мотоёси. Оригинал доклада был сожжен вместе с другими секретными военными документами в конце Второй мировой войны так же, как и финансовые отчеты японского разведчика. Любопытно, что размножение доклада Акаси в МИД в конце 1930-х годов имело целью пропагандировать его опыт среди высших чинов министерства ввиду надвигавшейся новой войны. Наконец, не исключено, что подобным образом свой доклад озаглавил сам его автор, получивший среди соотечественников известность не только как военный деятель, но также как поэт и художник (один из современных исследователей деятельности Акаси констатирует, что в межвоенные годы его имя «фактически стало предметом культа в Японии», причем его «влияние на русскую революцию 1905 г. оказалось преувеличенным»⁴⁷⁸).

Привлечение архивных документов позволило Уайту более обстоятельно, чем его предшественникам, осветить разногласия в токийском кабинете по вопросу о соответствии японским интересам дальнейшего развития освободительного движения в России, а значит, и о характере деятельности Акаси и его коллег. Опираясь на ранее изданные работы польских историков⁴⁷⁹, американский исследователь коснулся также истории взаимоотношений с японцами В. Иодко, Ю. Пилсудского и других представителей польского общественного

движения. В работе Уайта, наконец, заметно стремление отойти от примитивных и, главное, ни на чем, кроме собственных впечатлений, не основанных утверждений американца Диллона о прямой обусловленности революционного движения в России характером и масштабами японской помощи. Позднее эта тенденция получила в историографии дальнейшее развитие.

В самой Японии во второй половине 1960-х годов исследователем М. Инаба был опубликован и прокомментирован один из трех известных вариантов «Rakka gyūsuī». В 1966 г. в Токио вышла в свет монография Тани Тосио «Тайная история русско-японской войны» – записи лекций, прочитанных автором в японской Военной академии еще в середине 1920-х годов. Таким образом, в японской историографии после длительного перерыва продолжилось изучение деятельности Акаси и даже начата серия документальных публикаций, посвященных его деятельности.

В 1970—1980-е годы в Финляндии был опубликован еще ряд работ по истории революционного и оппозиционного движения и связей между их представителями в Финляндии и России, написанных с привлечением документов финских архивов⁴⁸⁰. Английский историк Ричард Дикон в вышедшей в 1982 г. «Истории японской секретной службы» рассмотрел контакты Акаси с тайным японским Обществом Черного Дракона, а также деятельность японских спецслужб в годы войны в России и за ее пределами⁴⁸¹. Наконец, в 1988 г. в серии, издаваемой Финским историческим обществом, были опубликованы выдержки из наиболее полного, третьего списка доклада Акаси вместе с извлеченной из японских архивов его перепиской с руководителями военного ведомства и МИД Японии за 1904—1905 гг. Кроме того, в этот уже упомянутый нами сборник (“Rr”) вошли основанные на широком привлечении документов из архивов Японии, Финляндии и США статьи наиболее видных на сегодняшний день зарубежных специалистов – Ч. Инаба, А. Куяла и О. Фэлта.

Таким образом, в научный оборот введены многие важнейшие материалы, которые дают возможность проследить историю контактов Японии с представителями российского освободительного движения в годы русско-японской войны⁴⁸². Однако поскольку до сих пор документы отечественных архивохранилищ оставались невостребованными, эти исследования имели несколько

односторонний характер и недостаточно полно освещали деятельность российских спецслужб. Восполнить этот пробел и призвана настоящая работа. Кроме документов российских архивов, коллекций библиотеки Slavic-Eurasian Research Centre Университета Хоккайдо и Международного института социальной истории в Амстердаме (International Institute of Social History (IISH)) нами были привлечены материалы Национального архива Финляндии и Библиотеки парламента Японии, любезно нам предоставленные, соответственно, доктором А. Куяла и профессором Ч. Инаба.

Полковник Акаси: первые контакты с российской оппозицией

При разработке планов на будущую военную кампанию японские политики и стратеги учитывали рост внутренней напряженности в России и обращали особое внимание на межнациональные столкновения в империи. Не исключено, что в этом сказалось и влияние западноевропейского общественного мнения, особенно английского. «Любимым конем, на котором выезжала английская пресса, обнадеживая Японию к наступательным действиям, – свидетельствовал тогдашний российский обозреватель, – было внутреннее состояние России, кое-де настолько источено всевозможными язвами, что при первом известии об объявлении войны в ней вспыхнет революция»⁴⁸³. Вспоминая кишиневский погром 1903 г., токийская газета “Nichi-Nichi” в сентябре того же года писала: «Мы разбили Китай с его 400-миллионным населением, разобьем и Россию с ее 150 миллионами жителей, ненавидящих друг друга и подобно бешеным собакам, запертым в одной клетке, вечно грызущимся между собой. Только недавно мы читали о кишиневском погроме, во время которого православное население напало на лиц иудейского вероисповедания и перебило всех их, не щадя жен и детей. Евреев в России 10 миллионов и они занимают южную часть ее». Далее газета указывала на финляндцев, кавказцев и поляков, которые, по ее словам, «еще более ненавидят русских, чем мы ненавидим последних»⁴⁸⁴.

Уже в середине 1903 г. в меморандуме Генштаба Японии указывалось на российское социалистическое движение (имелся в виду главным образом еврейский Бунд) как на возможного союзника при проведении подрывных операций против ее потенциального противника⁴⁸⁵. Вместе с тем, до начала января 1904 г., т.е. непосредственно до кануна войны, в Японии не имели ясного представления о ведении подобных операций, да и вообще были весьма приблизительно осведомлены о том, что представляло собой антиправительственное движение в России. Конкретные очертания план таких действий начал обретать лишь после знакомства Акаси с

финским «активистом» Конни Циллиаксом⁴⁸⁶. Однако, судя по докладу Акаси в Токио, еще в 1903 г. в свою бытность в Петербурге помимо сбора сведений военного характера он был одновременно занят ознакомлением с общественно-политическим положением в стране и попытками наладить связи с российской оппозицией, т.е. тем, что один видный российский дипломат удачно назвал «установлением непрерывного контакта с внешним миром»⁴⁸⁷. Осложняло задачу плохое знание русского языка и полная оторванность Акаси от жизни русского общества, как явной, открытой, так и тем более нелегальной, антиправительственной. В России, объяснял трудности своей задачи Акаси, «все так называемые оппозиционные партии являются тайными обществами, среди членов которых трудно отличить агентов правительства от действительных оппозиционеров. Не менее трудно выяснить имена и адреса лидеров этих обществ. Все они, как и рядовые оппозиционеры, имеют по несколько псевдонимов, которые к тому же часто меняют»⁴⁸⁸.

Дело, в общем, шло туго, и может быть поэтому персоне токийского военного агента не привлекала к себе какого-то особого внимания российской тайной политической полиции. В отличие от лавровского Разведочного отделения, в Департаменте полиции об Акаси заговорили много позднее – уже после его отъезда из России, впервые заподозрив в шпионской деятельности еще в довоенные годы. Однако, поломав голову над тем, какие услуги своей горничной (вышедшей вскоре замуж за военного писаря) оплатил Акаси, оставив ей всю обстановку своей небедной квартиры на Галерной⁴⁸⁹, в Департаменте, вероятно, решили, что услуги эти были сугубо личного свойства. Как бы там ни было, об этой стороне своей петербургской жизни Акаси в своем докладе не говорит ничего. Зато здесь есть прямые указания на сотрудничество со студентами Петербургского университета Уеда Сентаро и Брауном, а также с венгром Николаем (Миклошем) Балогом-де-Галатна. Его контакты с последними двумя остались русской контрразведке неизвестными, в отношении же Уеда дело ограничилось смутными подозрениями: «хотя и отмечен вольнослушателем С.-Петербургского университета, но до сего времени заходящим в университет замечен не был», – говорилось о нем в годовом отчете Разведочного отделения. На деле этот «студент» по просьбе Акаси пытался нащупать связи с оппозиционно

настроенной учащейся молодежью, но тщетно. Иной была роль Брауна и особенно Балоба. Первый, нанятый Акаси как учитель русского языка, в годы войны сообщал японскому Генеральному штабу кое-какие сведения о русском военно-морском флоте⁴⁹⁰. Венгру же было суждено выполнить еще более важную задачу.

«Австрийский подданный инженер Н.К. Балог-де-Галонт» попал в поле зрения Департамента полиции еще в 1901 г. в связи с «левыми» разговорами, которые тот вел с одним из «интеллигентных» сотрудников охраны. Интерес к нему, однако, быстро угас, поскольку утверждения Балоба о том, что он послан в Россию якобы для пропаганды конституционных идей среди интеллигенции, невозможно было принимать всерьез. Тогдашний начальник С.-Петербургского охранного отделения полковник В.М. Пирамидов в донесении директору Департамента полиции прямо назвал речи венгра «пустою болтовней»⁴⁹¹. Незадолго до начала войны с Японией Балог явился с предложением своих услуг прямо к японскому послу в России С. Курино и стал, по сути, первым более или менее серьезным «политическим» сотрудником Акаси. Учитывая авантюристические наклонности венгерского инженера, такое начало деятельности японца по вербовке агентуры нельзя было назвать многообещающим, однако именно благодаря этому агенту Акаси удалось в конце концов выйти из той своеобразной изоляции, в которой он пребывал в Петербурге, и установить контакт с представителями оппозиции. Сотрудничество Акаси с Балобом продолжалось, впрочем, недолго. Уже весной 1904 г. стало ясно, что, взявшись доставлять военно-разведывательные сведения о России, он не годился для такой роли, и с ним пришлось расстаться.

10 февраля 1904 г. (по новому стилю) все японское представительство с посланником во главе покинуло Россию. На перроне петербургского вокзала собралась большая толпа зевак, но каких-либо враждебных по отношению к отъезжающим японцам демонстраций, к счастью, не последовало. Посланник Курино медленно прошел к своему вагону, держа в руках большой букет роз – подарок его супруге жены американского посла Маккормика (R. McCormick), которому во время войны предстояло отстаивать японские интересы в российской столице⁴⁹². На перроне берлинского вокзала, куда поезд прибыл в 6 часов утра 12 февраля, Курино

торжественно встречало здешнее японское представительство в полном составе во главе с послом графом Иноуэ. Во второй половине того же дня в здании посольства был устроен банкет «в честь г-на и г-жи Курино», а вечером японский дипломат дал пресс-конференцию. «Япония не имела намерения выдворять Россию из Маньчжурии», – заявил он; все, чего она желала, было сохранить здесь «режим открытых дверей и *status quo*», а поскольку добиться этого мирным путем не удалось, оказалась «принуждена прибегнуть к силе». По словам Курино, целью Японии в начатой ею войне было «определенное решение маньчжурского вопроса и определенная договоренность относительно интересов конфликтующих сторон в Маньчжурии и Корее»⁴⁹³.

Покинув Россию вместе с коллегами-дипломатами и также посетив по дороге Берлин, 22 февраля 1904 г. Акаси вместе с Курино прибыл в Стокгольм. Здесь-то и произошла его первая встреча с сосланными лидерами финской оппозиции, которые базировались в соседней с Финляндией Швеции. Уже в ходе первой беседы, состоявшейся в доме видного финского конституционалиста И. Кастрена, демонстративно украшенном портретами японского императора и датского принца Фредерика, Циллиакус обещал снабжать Акаси общеполитической информацией о внутреннем положении России. Финн сдержал слово и впоследствии не только писал для японца обзоры о состоянии революционного движения в империи, но, как считают современные исследователи, участвовал и в составлении итогового доклада Акаси⁴⁹⁴. Вместе с тем, Циллиакус с самого начала наотрез отказался от роли поставщика секретной информации, да и вряд ли вообще мог стать таковым – по характеристике финского историка, его «партия», исключая короткий всплеск популярности в 1905 г., «представляла собой тогда маленькую и раздробленную группу людей, которая не оказывала никакого влияния на события в Финляндии»⁴⁹⁵. Взамен Кастрен познакомил японца с несколькими шведскими офицерами, в лице которых тот приобрел квалифицированных и надежных помощников по сбору военных сведений о России (правда, А. Куяла, специально исследовавший их сотрудничество, констатирует, что серьезных разведданных шведы Акаси не предоставили⁴⁹⁶). По агентурным сведениям начальника Финляндского жандармского

управления, в эти же дни Циллиакус посетил в Стокгольме и Курино⁴⁹⁷.

Переезд японского дипломатического представительства в Швецию и тамошняя деятельность Акаси не прошли незамеченными в России. «Серьезного внимания в настоящее время заслуживает то обстоятельство, – вскоре доносил в Петербург начальник Выборгского охранного отделения, – что японская миссия в Петербурге после разрыва дипломатических сношений с Россией избрала себе местожительство именно в Стокгольме. Есть основания полагать, что это сделано с тою целью, чтобы удобнее следить за всем тем, что происходит теперь в России ... Ближайшими помощниками японцев для получения необходимых сведений из России могут быть высланные за границу финляндцы, проживающие ныне в Стокгольме; для последних же добывание этих сведений не может составить большого затруднения». В Департаменте полиции нашло полную поддержку предложение об организации «более тщательного наблюдения за теми их финляндских обывателей, которые известны своей близостью с высланным элементом»⁴⁹⁸.

Все это были, однако, полумеры. Руководители российской тайной политической полиции не сумели вовремя понять и оценить потенциальную опасность контактов японцев с финнами и потому ограничились контрдействиями локального характера. Равнодушно встретил известие о переезде японского представительства в Швецию и глава Заграничной агентуры Департамента Л.А. Ратаев. В феврале 1904 г. он вместе с российским консулом в Стокгольме В.А. Березниковым был занят не выяснением взаимодействия японских дипломатов и ссыльных революционных и общественных деятелей, а более прозаическим делом – организацией подкупа высших полицейских чинов шведской столицы с тем, чтобы те приняли меры для «задержания провозимых через Стокгольм транспортов революционных изданий» (имелась в виду главным образом эсеровская газета «Революционная Россия»)⁴⁹⁹.

Бывший гвардейский кавалерист, заядлый театрал и балетоман, драматург-любитель (писал под псевдонимом «Берников»), известный в петербургских салонах как «корнет Отлетаев», Леонид Александрович Ратаев (1857—1917) был умным, образованным и по своему талантливый человеком, но, по свидетельству современника,

«к полицейскому делу относился без увлечения, несколько свысока»⁵⁰⁰. В свою бытность в 1902—1905 гг. заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции он сослужил российской контрразведке плохую службу. Ратаев не только демонстративно отстранился от дел по «военным разведкам», но и интриговал против своих сослуживцев и коллег, также работавших в Западной Европе, рассматривая их как опасных конкурентов. Он стремился сосредоточить заграничный розыск по политическим делам исключительно в своих руках, и именно благодаря его хлопотам в 1904 г. была закрыта сначала Балканская, а в начале 1905 г. – и Берлинская агентура Департамента с переподчинением ее сотрудников ему самому, как главе центральной агентуры в Париже. Отставленные руководители упраздненных служб не остались в долгу. П.И. Рачковский, заведовавший Заграничной агентурой до 1902 г., и его ученик А.М. Гартинг, пишет современный исследователь, «где только могли ставили ему палки в колеса», а бывший руководитель Берлинской агентуры помимо этого писал на него в Департамент полиции «всевозможные доносы (о халатности и бездействии и т.п.)»⁵⁰¹. В общем, согласия и взаимопонимания между российскими полицейскими начальниками разных рангов в эти годы явно не доставало. Не способствовала делу и «чехарда» в руководстве Департаментом полиции. После отставки А.А. Лопухина в начале марта 1905 г. и в течение 8-ми последующих месяцев, когда первая русская революция развивалась по нарастающей, да и война с Японией была в разгаре, этот ключевой пост был доверен бесцветным судебским чиновникам – С.Г. Коваленскому и Н.П. Гарину.

Встреча Акаси с финскими оппозиционерами оказалась для него чрезвычайно полезной и перспективной. Его новые знакомые имели обширные, давние и прочные связи в русских и польских революционных и либеральных кругах и сразу ввели его в самую гущу событий⁵⁰². Благодаря финнам, Акаси впервые осознал, что ему предстоит иметь дело не с каким-то бесформенным движением русских «нигилистов», как он считал до сих пор, а с целым букетом сформировавшихся партий и групп, находившихся к тому же в весьма непростых взаимоотношениях. Не во всем полученные Акаси сведения, однако, оказались верны. Так, численность партий эсеров, социал-демократов и кадетов он определял, соответственно, в 800 тыс.

и по миллиону членов в каждой из двух последних (преувеличивая, таким образом, реальное количество их участников в 15—20 раз), а основной причиной разногласий между первыми двумя считал партийную «ревность», хотя и осознавал наличие у них серьезных программно-тактических расхождений⁵⁰³.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют с точностью установить, когда и при каких обстоятельствах у Циллиакуса и Акаси сложился план финансирования российских революционеров Японией, чтобы ускорить начало вооруженного восстания в России. Один из современных исследователей считает, что принципиально эта идея возникла еще до появления Акаси в Петербурге, и, предлагая российским оппозиционерам финансовую поддержку, японский разведчик выполнял указание Общества Черного Дракона, которое рассчитывало получить взамен сведения о состоянии русской разведки и вооруженных сил⁵⁰⁴. Как бы там ни было, судя по докладу Акаси, впервые они обсуждали эту проблему с Циллиакусом уже в феврале 1904 г.⁵⁰⁵ Какое-то время такого рода переговоры Акаси вел, не имея на то формальной санкции не только Токио, но даже кого-либо из находившихся в Европе старших по должности и званию японских официальных лиц. В конце концов этот план получил поддержку со стороны посла Японии в Лондоне виконта Хаяси, а затем и японского Генштаба⁵⁰⁶.

Дальнейшие события развивались стремительно. Уже в начале марта 1904 г. с рекомендацией Кастрена на руках Акаси отправился в Краков на встречу с Романом Дмовским, журналистом и членом Тайного совета националистической Лиги народной, с которой финны поддерживали тесные контакты начиная с 1903 г. Обсуждение возможности участия Лиги в вооруженном восстании закончилось вручением Дмовскому рекомендательных писем к заместителю японского Генштаба генерал-лейтенанту барону Г. Кодама и одному из руководителей японской разведки генералу Я. Фукусима. Через считанные дни Дмовский отправился в путь и уже в середине мая прибыл в Токио, формально – в качестве корреспондента центрального органа Лиги журнала «Пшеглэнд вшепольски». Здесь, по просьбе Кодама, он составил две обширные записки о внутреннем положении России и польском вопросе. Исходя из стремления руководства Лиги воспрепятствовать любой попытке образовать в русском тылу

«польский фронт», Дмовский стремился убедить военное руководство Японии в ошибочности расчетов на использование польского национального движения для ослабления империи и предлагал ограничиться ведением пропаганды среди находившихся в Маньчжурии польских солдат с призывом сдаваться в плен.

Иную позицию занимала Польская социалистическая партия (ППС). В феврале 1904 г. ее руководство выпустило воззвание, осуждавшее захватническую политику царской России на Дальнем Востоке и с пожеланием победы Японии. В расчете на то, что ослабление царизма создаст благоприятную ситуацию для выхода Польши из состава Российской империи, Центральный революционный комитет (ЦРК) ППС взял курс на подготовку восстания в союзе с другими революционными национальными партиями. Уже в середине марта 1904 г., независимо от Дмовского и Акаси, член ЦРК В. Иодко представил план такого восстания послу Хаяси. Этот план предусматривал широкое распространение революционных изданий среди польских солдат русской армии, разрушение мостов и железнодорожного полотна по линии транссибирской магистрали, по которой шло снабжение русской армии в Маньчжурии. В апреле ППС пошла еще дальше, предложив регулярно поставлять японцам сведения о передвижениях русских войск и состоянии армии, основанные на сообщениях печати⁵⁰⁷.

Эти предложения поляков посол Хаяси и военный атташе Утсунумия изложили в своей совместной депеше в Токио, но ответа не получили. Тогда в начале июля 1904 г. для продолжения переговоров в Японию отправился Юзеф Пилсудский. В представленном им в японский МИД меморандуме предлагалось создать японо-польский (в лице ППС) союз и была повторена прозвучавшая еще в марте просьба о предоставлении материальной поддержки на вооруженное восстание⁵⁰⁸. Ответным шагом со стороны Дмовского, все еще находившегося в Японии, явилась новая записка с подтверждением своей прежней точки зрения. На этот раз Дмовский адресовал ее министру иностранных дел барону Комура Дзютаро, затем передал в Генштаб, и она была рассмотрена на заседании *гэнро*. Под влиянием аргументов Дмовского Пилсудскому было объявлено о нежелании японского правительства быть втянутым в польские дела, но для проведения разведывательной работы, диверсий в тылу русской армии

и распропагандирования польских солдат ему было выделено 20 тыс. фунтов стерлингов, или 200 тыс. рублей⁵⁰⁹. На первый взгляд, для Японии это было весьма перспективное предприятие – по сведениям газеты «Варшавский курьер», поляки составляли до 40% личного состава некоторых русских дальневосточных полков⁵¹⁰.

Судить о том, как и с какой результативностью эти деньги были потрачены, в полном объеме трудно. В литературе можно встретить указания на отдельные случаи добровольной сдачи в японский плен польских военных формирований⁵¹¹. По другим данным, число перебежчиков в Маньчжурии с русской стороны вообще было очень невелико и насчитывало немногим более 100 человек, из которых большинство, по свидетельству очевидцев, составлял «человеческий хлам»⁵¹². Характерно, что во время переговоров с представителями польского общественного движения летом 1904 г. глава японского внешнеполитического ведомства гарантировал польским перебежчикам «особое» отношение и обещал, что они не будут рассматриваться в Японии как обычные военнопленные⁵¹³. Воспоминания русских пленных подтверждают, что поляки содержались отдельно от них и пользовались некоторыми преимуществами⁵¹⁴. Известно также, что в августе 1904 г. представители ППС вели интенсивные переговоры с эсерами, предлагая объединить усилия для проведения в России террористических актов, в том числе взрывов поездов, шедших на театр военных действий с амуницией, снаряжением и военными припасами⁵¹⁵. Но эсеры, опьяненные своим недавним успехом на террористическом поприще (состоявшимся 15 июля 1904 г. в Петербурге убийством министра Плеве) и грандиозным откликом на него как внутри России, так и за рубежом, от такой «кооперации» отказались. Интересно, что российский дипломат А.И. Павлов, проинформированный своим агентом в Японии, отметил, что известие об этом убийстве вызвало там «нескрываемое ликование». Японские студенты открыто заявляли, «будто все последние политические покушения в России подготовлялись и руководились японскими, английскими агентами, кои поддерживают действующую у нас революционную пропаганду материальными средствами»⁵¹⁶.

Тем временем продолжало развиваться сотрудничество Акаси с Циллиакусом, для которого их встреча оказалась таким же приятным сюрпризом, как и для японца. Еще до начала русско-японской войны Циллиакус проявлял большой интерес к токийским делам, пристально следил за наращиванием японской военной мощи, посещал Японию и даже некоторые свои статьи подписывал псевдонимом «Самурай». С началом военных действий он открыто предсказал победу Японии и не скрывал, что возлагает на поражение царизма особые надежды, видя именно в этом вернейший путь к расширению финляндской автономии. «Исход русско-японской войны, – писал он, – имеет для Финляндии необыкновенное значение»⁵¹⁷. Планы Акаси удивительным образом совпали с давними намерениями самого Циллиакуса, который одним из первых среди финских оппозиционеров осознал пагубность изоляции от русского освободительного движения. Еще в 1902 г. с присущей ему энергией и целеустремленностью сначала в частной переписке, а затем и со страниц редактировавшейся им газеты «Фриа Урд» («Свободное слово») он убеждал соратников в необходимости практического взаимодействия с русскими революционерами и, не теряя времени, самостоятельно приступил к осуществлению своих замыслов. Используя собственный опыт по транспортировке финской запрещенной литературы из Швеции в Финляндию, с осени того же 1902 г. он начал оказывать аналогичные услуги российским социал-демократам и, по отзыву одного из них, «отлично выполнял свои обязательства»⁵¹⁸.

Ко второй половине 1903 г. Циллиакус сумел в какой-то степени переломить скептическое отношение к своим начинаниям членов руководящего органа партии пассивного сопротивления – Кагала. На состоявшейся в Стокгольме конференции «финляндских сепаратистов», докладывая директору Департамента полиции Ратаев, ее участники пришли к выводу, что «изолированная кучка финляндских агитаторов бессильна для борьбы с русским самодержавием», и решили «объединиться с русскими революционерами»⁵¹⁹. В результате, по заданию Кагала, в конце 1903 – начале 1904 г. Циллиакус совершил объезд западноевропейских центров русской эмиграции, в ходе которого встретился с социал-демократом Л.Г. Дейчем, эсерами И.А. Рубановичем, Ф.В. Волховским и Н.В. Чайковским, анархистом князем П.А. Крапоткиным, поляками

Р. Дмовским и Л. Балицким. Помимо установления или возобновления связей с российской революционной эмиграцией цель этой поездки Циллиакуса заключалась в организации «финляндского бюро прессы» для усиления антироссийской агитации.

Сведения обо всех этих шагах Циллиакуса заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции получал непосредственно от главы эсеровской Боевой организации Е.Ф. Азефа, которому удалось настолько близко сойтись с финном, что тот использовал его в своих поездках в качестве своеобразного «гида». Опасаясь «провалить» своего лучшего сотрудника («больше всего на свете я боюсь Вас скомпрометировать и лишиться Ваших услуг», – признавался он сам в переписке с Азефом⁵²⁰), Ратаев специально просил директора Департамента А.А. Лопухина, чтобы в дело были посвящены только он сам да министр В.К. Плеве. Сведения Заграничной агентуры, однако, показались министру настолько любопытными, что он познакомил с ними Николая II, который также нашел их «интересными». Всецело и, как потом выяснилось, опрометчиво полагаясь на осведомленность и преданность Азефа, руководители тайной политической полиции Российской империи ограничились простым наблюдением за развитием событий, не предпринимая ничего, чтобы воспрепятствовать осуществлению широкомасштабных планов финского «активиста».

В деле объединения сил российской революционной эмиграции наибольшие надежды Циллиакус связывал с партией эсеров, о чем недвусмысленно заявил еще на упомянутой стокгольмской конференции, а в марте 1904 г. – и самому Акаси. Тем временем среди соратников финна начали зреть террористические замыслы. В январе 1904 г. отставной офицер Генрих Биодэ (H. Viaudet) обратился по почте к фактическому руководителю эсеровской партии М.Р. Гоцу с просьбой предоставить в распоряжение финнов несколько бомб «новейшей конструкции». «Гоц, – сообщал в Петербург Ратаев, – был чрезвычайно возмущен такой неконспиративностью ... и поспешил ответить, что он ... о бомбах ничего не знает, ни в какие террористические замыслы не посвящен и вообще не понимает, почему именно к нему Биодэ обращается с подобной просьбой»⁵²¹. Несмотря на это, в дальнейшем наиболее тесные связи, в том числе и в области боевой работы, у финнов установились именно с эсерами. Для

Циллиакуса «платой» за это сотрудничество стал окончательный разрыв с «финскими патриотами» (т.е. с руководством партии пассивного сопротивления), который произошел осенью 1904 г.⁵²² «К концу июня [1904 г.], – писал в своем докладе Акаси, – отношения между Циллиакусом и основными оппозиционными партиями созрели. Он и я почти одновременно отправились в Париж, где вместе с представителем партии “Сакартвело” Деканози и партии “Дрошак” графом Лорис-Меликовым совещались по поводу плана организации беспорядков в России. Затем Циллиакус отправился в Лондон на переговоры с Чайковским. После этого с моей рекомендацией на руках он встретился с Утсуномия, чтобы затем повидаться с Хаяси. Поскольку Утсуномия получил (благоприятный) ответ от заместителя начальника Генерального штаба, я обещал Циллиакусу, что выплачу ему 3000 иен на печатание прокламаций»⁵²³.

Таким образом, благодаря Циллиакусу в первой половине 1904 г. сотрудничество японского разведчика с российскими революционерами развивалось успешно и по многим направлениям сразу, и первоначально борьбу с ним русская контрразведка очевидно проигрывала. Прозорливее своих коллег-контрразведчиков оказался российский военный атташе в Париже, который следующим образом прокомментировал назначение бывшего секретаря японского посольства в России С. Акидзуки посланником в Швеции в начале августа 1904 г.: «Указанное назначение последовало с целью развития организации шпионства при содействии недовольных финляндцев и нигилистов, так как ... Стокгольм является одним из центров шпионской деятельности японцев»⁵²⁴.

Парижская и Женевская межпартийные конференции

Вдохновленный обещанием финансовой поддержки со стороны Японии, Циллиакус с утроенной энергией принялся за подготовку первой в истории российского освободительного движения межпартийной конференции. Ее цель, объяснял он Акаси весной 1904 г., должна заключаться в выработке совместного печатного воззвания, а затем и в организации демонстраций⁵²⁵. В конце апреля – начале мая 1904 г. Циллиакус заручился принципиальным согласием на участие в будущей конференции социал-демократов (в лице Г.В. Плеханова) и либералов (П.Б. Струве). В письме Плеханову от 8 мая 1904 г. финский «активист» изложил целый план, реализация которого должна была привести к свержению самодержавия или по крайней мере к созданию такой ситуации, когда «русский Далай-Лама» (Николай II) попытается «перейти к другой системе управления». Основной упор Циллиакус делал на организации массовых вооруженных демонстраций в условиях ожидавшихся новых военных поражений России⁵²⁶. В более позднем письме Плеханову финн сообщил, что направил подготовительные документы к конференции и лидеру большевистского фланга РСДРП⁵²⁷, однако получил ли их В.И. Ленин и как ответил – неизвестно. Во всяком случае, в полном собрании его сочинений имя Циллиакуса вообще не упоминается. Забегая вперед, отметим, что подлинная роль РСДРП (б) во всей этой истории и, в частности, ставшее вскоре очевидным стремление большевистских лидеров так или иначе, прямо или через третьих лиц получить доступ к японской помощи в советское время стало одной из тщательно оберегаемых партийных тайн. Отсюда – крайняя скудость официальных свидетельств на этот счет, а также постоянные недоговоренности и умолчания мемуаристов-большевиков и их удивительная «забывчивость» – слишком нарочитая и частая, чтобы в нее поверить.

Видимая легкость, с которой Циллиакусу удалось добиться согласия таких серьезных политиков, как Плеханов и Струве, на участие в совместной конференции, не должна удивлять. В условиях

разгоравшейся революции объединение усилий крупнейших российских партий соответствовало объективным потребностям освободительного движения, и это вполне осознавали партийные лидеры. Ключевым в этом вопросе являлась фигура организатора будущей конференции, который, с одной стороны, должен был быть личностью широко известной и авторитетной в революционных кругах, но одновременно не принадлежать ни к одной из общероссийских партий. С этой точки зрения кандидатура Циллиакуса выглядела почти идеальной, а его особая активность в этом деле – как естественное стремление реализовать свои ранее высказанные намерения. О связях Циллиакуса с японцами никто из партийных вождей тогда еще не подозревал – к началу лета 1904 г. кроме поляков о них знал лишь эсер Волховский⁵²⁸. Не знал об этом и Департамент полиции, и информация его заграничных агентов только дезориентировала Петербург еще больше.

В конце мая – начале июня 1904 г. планы созыва межпартийной конференции вышли из кабинетов партийных вождей и стали достоянием рядовой эмигрантской массы. Заведующий Берлинской агентурой Департамента полиции А.М. Гартинг сообщил в Петербург о скором созыве «съезда» представителей русских либералов, социал-демократов, эсеров, бундовцев, польских социалистов и социал-демократов и финнов для координации действий ввиду готовящегося «бунта» в разных городах империи. Финляндцы, писал Гартинг, собрали 5 млн рублей, «которые будут предоставлены в распоряжение Центрального комитета социал-демократов для организации волнений»⁵²⁹. 13 июня 1904 г. (по новому стилю) предложение Циллиакуса было впервые рассмотрено на заседании Совета РСДРП. Г.В. Плеханов высказался за участие в конференции, но при условии, чтобы она ограничилась выработкой совместного антивоенного манифеста. Совет с этим единогласно согласился и в специально принятой инструкции своим делегатам подчеркнул допустимость лишь «принципиального заявления солидарности всех революционных и оппозиционных партий в борьбе с царизмом»⁵³⁰. Однако вскоре что-то заставило Плеханова усомниться в целесообразности участия социал-демократов в будущей конференции, и Циллиакусу во время их личной встречи в Амстердаме в августе 1904 г. пришлось употребить

весь свой ораторский талант, чтобы, по выражению Ратаева, «сломить упорство своего собеседника»⁵³¹.

Здесь же, в Амстердаме, финский «активист» встретился с представителями других социалистических партий, делегатами очередного конгресса II Интернационала, на котором сам он фигурировал в качестве гостя (по этому же случаю в Амстердам явился и Ратаев «в сопровождении агентуры» – Азефа). 18 августа на парадном обеде в присутствии эсеров Азефа, Е.К. Брешко-Брешковской, Ф.В. Волховского, И.А. Рубановича и В.М. Чернова, а также делегата от Бунда Ц.М. Копельзона Циллиакус развил свой план действий. В «стенографическом» изложении Ратаева, рукой которого, как всегда, водил Азеф, этот план выглядел следующим образом: «В самом непродолжительном времени необходимо собрать конференцию делегатов от всех российских и иностранных революционных и оппозиционных групп. Делегаты должны обсудить текст общего манифеста против войны и выработать план общих совместных и одновременных действий для понуждения всеми мерами, хотя бы самыми террористическими, прекратить войну. Такими мерами могут быть одновременные в разных местностях вооруженные демонстрации, крестьянские бунты и т.п. Если понадобится оружие, добавил Циллиакус, то финляндцы берутся снабдить оружием в каком угодно количестве. Все согласились на этот план»⁵³². Как видим, планы Циллиакуса относительно характера совместных действий революционных и оппозиционных партий претерпели изменения. Теперь и под очевидным влиянием Акаси центр тяжести из области пропагандистской («манифест против войны») был им перенесен в сферу революционной и, главным образом, боевой деятельности под флагом, правда, все той же антивоенной кампании.

Бросается в глаза и другое – удивительное нелюбопытство собеседников Циллиакуса. В самом деле, откуда у, в общем-то, обычной противоправительственной партии, всегда ограниченной в средствах, появились столь грандиозные финансовые возможности? Позднее очевидец и непосредственный участник этих событий меньшевик Ю.О. Мартов вспоминал, что в августе 1904 г. Циллиакус «сделал прямые предложения как Г.В. Плеханову, так и заграничным представителям Бунда вступить в переговоры с японским правительством о помощи русской революции деньгами и оружием»,

но получил «должный отпор и указание, что социал-демократия намерена сохранить полную независимость по отношению к военным противникам царского правительства»⁵³³. Естественно предположить, что такие же собеседования Циллиакус предварительно провел и с другими участниками того памятного обеда. В общем, к 18 августа слушатели Циллиакуса, вероятно, были им уже подготовлены, и его сообщение ни для кого из них не стало сенсацией. Не удивительно, что тогда же, в августе, в эмигрантских кругах поползли слухи о том, кто в действительности стоял за финским «активистом».

По окончании Амстердамского конгресса в подготовительные работы по созыву конференции включился Акаси. Он действовал в полном согласии с Циллиакусом и лишь однажды усомнился в его правоте, когда речь вновь зашла о приглашении на конференцию либералов. Японец боялся, что их присутствие парализует работу революционеров, однако финн сумел настоять на своем. В конце августа неожиданно заколебались верные поляки – руководство ППС, обеспокоенное все усиливавшимися слухами о контактах Циллиакуса с японцами и, опасаясь быть скомпрометированным, засомневалось в целесообразности своего участия в конференции. Чтобы убедить ППС в обратном, Циллиакусу и Акаси пришлось призвать на помощь полковника Утсуномия. «К середине сентября, – сообщал Акаси, – и другие партии объявили о своей готовности участвовать в работе конференции»⁵³⁴. К этому времени была обеспечена и финансовая сторона дела. «100 000 иен, – телеграфировал 31 августа в ответ на запрос Акаси заместитель начальника японского Генштаба Г. Нагаока, – будет вполне дешево, если цель будет определенно достигнута ... Однако обеспечить взаимодействие между всеми оппозиционными партиями нелегко, и вы должны позаботиться о том, чтобы деньги не попали в руки только нескольким партиям»⁵³⁵.

3 сентября вопрос об участии в конференции был вновь поднят на заседании Совета РСДРП. Приглашенный в качестве докладчика Ф.И. Дан, возвращаясь к целям конференции, повторил сказанное Циллиакусом на обеде 18 августа кроме упоминания о терроре и вообще совместных вооруженных выступлениях. Далее он рассказал, что 22 августа предложения финна обсуждались на конспиративном совещании представителей социал-демократических партий – участниц Амстердамского конгресса. И вот тут-то некий «латышский

товарищ» сообщил о факте «сознательного или бессознательного» «сношения с японским правительством» инициаторов конференции⁵³⁶. Это известие для членов социал-демократического Совета стало громом среди ясного неба – очевидно, Плеханов о своих августовских переговорах с Циллиакусом никого из них в известность не поставил. Совет единогласно отказался от участия в конференции⁵³⁷. По предложению Глебова (В.А. Носкова) с этим постановлением было решено ознакомить местные комитеты РСДРП. 7 сентября копию этого постановления получил и Ленин, не участвовавший в заседании 3 сентября в знак протеста против изменений в составе ЦК, происшедших в июле этого года. Как показали дальнейшие события, запрет высшей партийной инстанции на участие в межпартийной конференции не произвел особого впечатления на большевистского вождя.

Сентябрьское постановление меньшевистского Совета РСДРП проложило резкую грань между российской социал-демократией и другими социалистическими партиями, к тому времени уже осведомленными об источнике финансирования будущей конференции и, тем не менее, согласившимися на участие в ней. Таким образом, благодаря меньшевикам, репутация всей российской социал-демократии, включая и ее большевистскую фракцию, была спасена и в малопочтенную когорту желающих «осквернить великое слово свободы продажей своей родины» российские марксисты не попали. В конечном счете подобная позиция проистекала из общего отношения меньшевиков к войне, выраженного в отказе от «пораженчества», в выдвижении лозунга немедленного мира и как средства его достижения – созыва Учредительного Собрания. Этот лозунг, безусловно, не был тождествен призывам к обороне «своего» отечества, а общая тактическая линия меньшевиков, вопреки распространенному в советской историографии мнению⁵³⁸, принципиально отличалась от тактики либеральной буржуазии.

Меньшевики, говоря словами Ф.И. Дана, считали, что «рабочий класс не может, сложа руки, ждать той свободы, которую принесет ему военный разгром России»⁵³⁹, и строили вполне конкретные планы развертывания революционной борьбы за свержение самодержавия. «Начинаем кампанию по поводу Порт-Артура и Ляояна, – писал в конце августа 1904 г. “примиренец” (т.е. близкий к меньшевикам)

А.И. Любимов “примиренцу” же В.А. Носкову. – План таков. Везде оставляется текущая работа и все сосредоточивается на агитации по этому пункту: Порт-Артур и Л[яоян] к[а]к результат политики[;] прекращение военных действий и учред[и-тельное] собрание. Разработано листков 7—8. В первую голову об Артуре, об учред[ительном] собр[ании], к солдатам. Составляются общие резолюции, короткие и простые; для проведения повсеместно на массов[ых] собр[аниях] резолюции широко распространяются. Связываемся со всеми ком[итета]ми ... В случае взрыва на одном месте дадим знать повсюду с извещением и призывом поддержать»⁵⁴⁰. В октябре 1904 г. Ратаев сообщал о планах меньшевиков «поднять усиленную агитацию для приготовления демонстраций, которые должны разразиться одновременно и немедленно после падения Порт-Артура»⁵⁴¹. В то же время меньшевики, как впоследствии писал Мартов, всячески предостерегали от обнаружившегося в революционной среде известного «японофильства» и идеализации «роли, которую в данной войне играл японский империализм»⁵⁴². Под «японофильством» Мартов, в частности, имел в виду неоднократные противопоставления Лениным «деспотического и отсталого правительства» России «политически свободному и культурно быстро прогрессирующему народу» Японии и, шире, «прогрессивной, передовой Азии» – «отсталой и реакционной Европе», под «идеализацией роли японского империализма» – его рассуждения о «революционной задаче, выполняемой разгромившей самодержавие японской буржуазией»⁵⁴³. Как вскоре сможет убедиться читатель, эти ленинские высказывания являлись всего лишь перепевом тогдашней английской и вообще русофобской прессы.

Иной точки зрения на ход и перспективы русско-японской войны придерживались большевики. В отличие от своих постоянных оппонентов, выступавших под лозунгом немедленного прекращения войны, Ленин видел в ней мощный и едва ли не главный фактор, революционизирующий массы и одновременно ослабляющий самодержавие. В этой связи следует отметить живой интерес, который Ленин проявлял в 1904 г. (особенно во второй его половине) как к ходу русско-японской войны, так и к внутреннему положению Японии⁵⁴⁴. При этом большевистский вождь (сознательно или нет) идеализировал степень политической свободы японского народа, находился в сильном

заблуждении относительно положения дел в общественно-политической жизни этой страны и был готов закрыть глаза даже на гонения на японских социалистов, в том числе – на единственную в островной империи социалистическую газету «Хэймин Сим-бун» (приостановки выпуска, помещение под стражу редактора), которые закончились ее окончательным запретом властями в январе 1905 г. Советские историки, которые, по понятным причинам, не могли позволить себе открытой полемики с Лениным, фиксировали политическое бесправие японцев в начале XX в., писали о господстве в стране «огромного военно-полицейского аппарата» и сохранении в Японии «архиреакционного полицейского режима»⁵⁴⁵.

Но, конечно, не столько Япония сама по себе интересовала большевистского вождя. «В случае поражения [России], – утверждал он в феврале 1904 г., – война приведет прежде всего к падению всей правительственной системы». «Развитие политического кризиса в России, – читаем в его статье, опубликованной в начале января 1905 г., – всего более зависит от хода войны с Японией. Эта война всего более ... толкает на восстание истстрадавшиеся народные массы». Поэтому указания меньшевистской «Искры» на неуместность «спекуляций» на победу японской буржуазии Ленин считал «пошлыми», а фразы о мире – «банальными»⁵⁴⁶. Если Плеханов говорил о поражении России в войне лишь как о «наименьшем» (по сравнению с победой) «зле» с точки зрения перспектив освободительного движения в стране⁵⁴⁷, то Ленин ставил свержение царизма в прямую зависимость от военных неудач России. Он вообще был убежден, что «дело русской свободы и борьба русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»⁵⁴⁸.

То, что не захотел или не смог Ленин, в 1905 г. вполне досказал за него М. Павлович (М.Л. Вельтман) в изданной в Женеве книге «Русско-японская война»⁵⁴⁹. «Политика старой России по отношению к Японии, – фантазировал он, – представляет собой политику крайне агрессивного характера, политику, вся конечная цель которой, с точки зрения японцев, заключалась не только в присоединении Кореи, одно владение которой явилось бы постоянной угрозой независимости Страны Восходящего Солнца, дамокловым мечом, нависшим над японским народом, но и в нападении при первом удобном случае на

территорию самой Японии с целью ее дальнейшего расчленения»⁵⁵⁰. Захват и тем более расчленение Японии никогда не входили в планы Петербурга, да и с Кореей, как вскоре убедится читатель, все было не так просто. Положим, что об этих, истинных намерениях официальной России, Павлович мог и не знать. Зато ему были отлично известны призывы «правой» японской печати к «воинам Ниппона» «бить и гнать дикую орду» и водрузить свое знамя «на вершинах Урала», как и еще более откровенно шовинистические высказывания японца «Нирутака» на этот счет («Я заранее радуюсь смерти каждого русского, – записал этот морской офицер в своем дневнике в 1904 г., – так как ненавижу эту нацию, потому что она одна мешает величию Японии»⁵⁵¹). Но он отмахнулся от них как от «материи низкой», и сладкие струны продолжали звенеть: «Русское правительство своей внешней политикой неожиданно для себя пробудило к новой жизни маленький народ, который спал азиатской жизнью на берегах Тихого океана в стране Вишневого дерева и, пробужденный, не дрогнул перед грозным северным колоссом ... Японский самурай опустил свою маленькую, но тяжелую руку на весы истории и против своей воли перетянул их в сторону грядущего ... Именно далекой азиатской стране, заброшенной среди вод Тихого океана ... и, казалось, совершенно отрезанной от Европы, выпала великая историческая роль мощными ударами вызвать на свет грозные силы, дремавшие в царстве вековой реакции»⁵⁵².

Как и следовало ожидать, вся эта демагогическая конструкция, которая не имела ничего общего ни с русской, ни с японской действительностью, быстро завела ее автора в тупик. Из рассуждений Павловича с неизбежностью следовал вывод о всемирно-исторической и прогрессивной роли... самого русского самодержавия. Итак, не только «банзай!», но и «да здравствует “русский бюрократизм”»! Ведь именно он, если верить Павловичу, «содействовал ослаблению феодализма и реакции и торжеству европейских форм на островах Ниппона», и, благодаря этому, ни много ни мало, «приблизил наступление социальной революции в Японии»!⁵⁵³ Надо ли говорить, что все эти планетарные прогнозы на поверку оказались космическим же вздором: по итогам войны не состоялось ни падения российской «правительственной системы», предсказанного Лениным, ни ожидавшегося Павловичем «приближения японского социализма». Уже в 1910 г., вслед за казнью группы японских социалистов и

анархистов по обвинению в подготовке покушения на микадо, социалистическое движение в Японии вступило в «период зимы» (*фую но дзидай*). По неизвестной нам причине, в середине 1920-х годов, на склоне лет Павлович устыдился перла собственного суесловия и в обширной официальной автобиографии⁵⁵⁴ постарался избежать даже упоминаний о цитированной книге (правда, выпустив ее накануне третьим изданием).

Отношение к войне резко разделило российское общество на патриотов и «японофилов». Патриотически настроенным подданным русского царя военные неудачи в Маньчжурии, по словам митрополита Евлогия, «ударили по нервам» и «перевернули душу». Владыка вспоминал, что в первые месяцы войны «народ жаждал утешения» и валом валил в храмы; в 1904 г. его пасхальную проповедь, построенную на противопоставлении светлого праздника страшным событиям на Дальнем Востоке, прерывали «народные рыдания»⁵⁵⁵. На гибель флагманского броненосца «Петропавловск» со всей командой во главе с командующим Тихоокеанской эскадрой адмиралом С.О. Макаровым 31 марта 1904 г. другой видный иерарх РПЦ, митрополит Антоний, откликнулся специальным «словом на заупокойном служении по православным воинам», которое было произнесено 5 апреля 1904 г. в кафедральном соборе Житомира. «В эти дни общей печали и усердной молитвы, – говорил владыка, – с сугубой силой почувствовали [мы] свое братство во Христе – и царствующий дом, и великие мира сего, и простой черный народ»⁵⁵⁶.

Однако, судя по жандармским источникам, многие российские подданные горечи за военные неудачи не испытывали и единения с властью не ощущали. Напротив – и в среде профессиональных политиков, особенно леворадикального направления, и в околореволюционных кругах, в том числе – в эмиграции, и на национальных окраинах империи весьма широкое распространение получило «японофильство». Подобно Ленину и его единомышленникам, эти люди надеялись, что поражение России в войне напрямую отразится «на полном крахе всего порядка»⁵⁵⁷. В своих донесениях в Департамент полиции руководители жандармских управлений Бессарабской, Витебской, Могилевской губерний фиксировали «радостное возбуждение» населения в связи с известиями о военных неудачах русской армии на Дальнем Востоке.

Гимназисты одной из витебских гимназий кричали «Да здравствует Япония!», а петербургские студенты-путейцы планировали направить микадо сочувственный адрес, несмотря на «безусловно отрицательное» отношение к этой затее большинства столичного студенчества⁵⁵⁸. В апреле 1904 г. японские газеты напечатали письмо из галицийского Лемберга (Львова) от «польской молодежи», полученное студентами Токийского императорского университета, с «горячими пожеланиями славной победы» Японии в войне⁵⁵⁹.

О настроениях в эмигрантских кругах этих лет пишет журналистка и член ЦК кадетской партии Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, которая в почти всеобщем «левом» антиправительственном угаре сумела сохранить трезвое отношение к действительности и, по собственному признанию, «с болью переживала русские поражения». «Чем хуже, тем лучше, было одним из нелепых изречений левой интеллигенции, – вспоминает она. – Порт-Артур сдался. Французы выражали нам соболезнования, а некоторые русские эмигранты поздравляли друг друга с победой японского оружия. Война с правительством заслоняла войну с Японией»⁵⁶⁰. Левый кадет князь В.А. Оболенский, коллега Тырковой по ЦК этой партии, вспоминал, что «переживал свое пораженчество как большую внутреннюю трагедию» – известия о поражениях русской армии в Маньчжурии вызывали в нем не радость, «а жестокую боль оскорбленного национального чувства и ужас от потоков пролитой крови»⁵⁶¹.

«Банзай!» Павловича выглядел более чем двусмысленно, но в практическом отношении был вещью вполне невинной – никакого влияния на политику РСДРП он, как рядовой член партии, оказать не мог. Другое дело Ленин – рассуждения вождя о «революционной задаче, выполняемой разгромившей самодержавие японской буржуазией» и признание возможности сотрудничества с японцами в той или иной форме разделял только шаг. И этот шаг большевистским руководством был сделан.

Одним из направлений их деятельности в годы войны явилась организация распространения революционных изданий среди русских пленных, находившихся в Японии. В мае 1904 г. заведующий экспедицией РСДРП большевик В.Д. Бонч-Бруевич обратился в упомянутый еженедельник японских социалистов («Хэймин Симбун») с просьбой помочь в переправке социал-демократической

литературы русским военнопленным⁵⁶². Редактор «Хэймин Сим-бун» весьма сочувственно отнесся к этому предложению (письмо Бонч-Бруевича было даже опубликовано в одном из июньских номеров газеты) и в начале июля известил Ленина об отправке полученной литературы по назначению⁵⁶³. Такого рода услуги российским революционерам японские социалисты продолжали оказывать и в дальнейшем. В начале 1905 г. их газета опубликовала перечень из 50 наименований полученных ею русских брошюр и прокламаций, включавший как социал-демократическую, так (в небольшом количестве) и эсеровскую литературу⁵⁶⁴.

Еще не был получен ответ от японских социалистов, как в Женеве заговорили о связях экспедиции РСДРП с правительством Японии. Злые языки уличали ее заведующего в том, что позднее (в сентябре) было названо Мартовым «попытками завести сношения с японским агентом в Вене для снабжения его литературой»⁵⁶⁵ (вспомним, кстати, какую роль играли представители Японии в австрийской столице в проведении разведывательных операций против России). Вероятно, не довольствуясь посланием в адрес японских социалистов, Бонч-Бруевич в то же время вошел в контакт с одним из японских дипломатов в Западной Европе и начал с его помощью переправлять революционную литературу на Дальний Восток. В результате уже в июле 1904 г. меньшевистский ЦК специальным постановлением категорически предписал Бончу прекратить «высылку партийной литературы токийскому правительству как компрометирующую партию»⁵⁶⁶, а вскоре и вообще отстранил его от заведования экспедицией. В связи с этим решением ЦК в эмиграции появилось и ходило по рукам шутивное стихотворение, повествовавшее о горестях опального экспедитора, написанное от его собственного лица. Здесь были такие строфы:

Когда я был Бончом Центральным,
Мне всякий трепетно внимал
И пред Советом Генеральным
Я гордой выи не склонял.

Журнал входящих, исходящих
Копир и гроссбух я создал,
И векселей совсем пропащих
Я иностранцам надавал.

Везде, в Токио и в Гренаде,
Литературой торговал,
И даже духобор в Канаде
Моих счетов не избежал⁵⁶⁷.

В начале славы лучезарной,
Во цвете сил, во цвете лет
Меня из зависти коварной
Судил Центральный Комитет.

Никто уже на Божьей ниве
Высоких дум не заронит...
Копир и гроссбухи в архиве,
Токио спит... Гренада спит...⁵⁶⁸

Комический эффект этого стихотворения построен на контрасте. Дело в том, что Бонч-Бруевич совсем не отличался независимостью нрава. Скажем, весной 1904 г., т.е. непосредственно перед своим «грехопадением», демонстрируя полную покорность решениям меньшевистской редакции «Искры» и Совета партии («Совета Генерального»), заведующий экспедицией неоднократно и даже с некоторой назойливостью просил указаний относительно того, куда, когда и сколько изданной литературы посылать. О выполнении каждого, пусть самого незначительного поручения партийных лидеров он «совершенно немедленно» (выражение самого Бонч-Бруевича) докладывал им лично⁵⁶⁹. Еще раньше незадачливому заведующему экспедицией пришлось объясняться с Плехановым, содержание разговора с которым Бонч-Бруевич воспроизвел в своих

воспоминаниях. В ответ на прямо поставленный Плехановым вопрос: «...Вы от нашей партийной экспедиции вошли в сношение с японским правительством?» – Бонч, предварительно выразив свое негодование подозрениями в подобных «политических гнусностях», заявил, что литература распространяется среди военнопленных с помощью доктора Русселя. «Если бы мы имели возможность войти в самые тесные сношения с японской рабочей партией и через нее повести еще более энергично нашу пропаганду среди пленных, то мы обязательно это сделали бы... – сообщил он далее Плеханову. – ...но, к нашему величайшему сожалению, пролетарская организация Японии столь слаба, что и пытаться это сделать не имеет смысла»⁵⁷⁰.

В этом мемуаре многое неверно. Во-первых, контакты с японскими социалистами к тому времени находились еще в зачаточной стадии и об их возможностях никто из русских политэмигрантов знать не мог. Во-вторых, бывший народник доктор Н.К. Судзиловский-Руссель начал действовать в Японии лишь через год после этого разговора – летом 1905 г.⁵⁷¹ Кстати, эта «неточность» Бонч-Бруевича породила серию ошибок в весьма обширной литературе, посвященной дальневосточной одиссее Русселя. Так, утвердилось мнение, будто он был чуть ли не доверенным лицом Заграничного отдела ЦК РСДРП, а социал-демократическая литература – основным видом печатной продукции, распространявшейся среди русских военнопленных в Японии⁵⁷². На самом деле Руссель был направлен на Дальний Восток американским Обществом друзей русской свободы, находившимся под контролем социалистов-революционеров, с которыми, в свою очередь, он поддерживал дружеские и деловые отношения как до, так и во время своего пребывания в Японии; перед ними же и отчитывался в своей деятельности⁵⁷³. Что касается нелегальной литературы, попадавшей через него русским военнопленным, то в их мемуарах можно встретить упоминания об эсеровской газете «Революционная Россия» и даже о кадетском журнале «Освобождение», но никак не о социал-демократических периодических изданиях⁵⁷⁴.

Если указания Бонч-Бруевича на Русселя еще можно отнести на счет действительной забывчивости мемуариста, то отрицание им контактов с японскими социалистами выглядит как преднамеренное стремление скрыть истинное положение вещей. Это тем более бросается в глаза, что уже через полгода после описываемых событий, во втором номере

большевистской газеты «Вперед» М.С. Ольминский, вспоминая июльское 1904 г. постановление ЦК в отношении Бонч-Бруевича, обвинил меньшевиков в неумении «заметить разницу между японскими социал-демократами и токийским правительством»⁵⁷⁵ и, таким образом, не только исказил подлинные обстоятельства этого дела, но (что для нас в данном случае важнее) и подтвердил факт контактов экспедиции РСДРП с японской рабочей партией летом 1904 г. Не прибавляет ясности в эту историю и то немаловажное обстоятельство, что в отчетах экспедиции РСДРП за 1904 г., которые хранятся в бывшем Центральном партийном архиве (ныне РГАСПИ), нет никаких следов отправки литературы ни в японское представительство в Вене, ни на Дальний Восток. На это, кстати, тогда же обратил внимание Носков. Спрашивается, зачем понадобилось Бонч-Бруевичу скрывать правду о своих связях с японцами, если она действительно была столь «прекрасна и хороша», как он пишет в своих воспоминаниях? В этом контексте фраза Бонч-Бруевича, завершающая его рассказ о беседе с Плехановым летом 1904 г.: «Я тотчас же обо всем рассказал Владимиру Ильичу, и он души смеялся над “меньшевистскими дурачками”»⁵⁷⁶ – приобретает совсем не тот смысл, который хотел вложить в нее мемуарист, а именно: с ведома Ленина Бонч Плеханову попросту солгал или попытался это сделать, подтвердив, таким образом, свою репутацию человека, мягко говоря, неискреннего⁵⁷⁷.

Последнюю точку в этой запутанной истории в 1915 г. поставил сам Плеханов. В разговоре, воспроизведенном его собеседником Г.А. Алексинским, со ссылкой на «признания» Бонч-Бруевича (значит, эти признания все-таки состоялись!), он сообщил, что «знает, что уже во время русско-японской войны ленинский центр не брезговал помощью японского правительства, агенты которого в Европе помогали распространению ленинских изданий»⁵⁷⁸.

* * *

Итак, на первой в истории российского освободительного движения конференции революционных и оппозиционных партий, проходившей

в Париже с 30 сентября по 4 октября 1904 г., социал-демократы представлены не были. Кроме РСДРП и по тем же, что и она, мотивам от участия в ней отказались социал-демократическая партия Польши и Литвы, Украинская революционная партия и Бунд. Зато здесь «рядом с террористами, – доносил в Петербург Ратаев, – заседало такое лицо, как бывший председатель Суджанской уездной земской управы князь Петр Дмитриевич Долгоруков»⁵⁷⁹. «На конференции, – писал со слов Циллиакуса в своем докладе Акаси, – было решено, что каждая партия может действовать своими методами: либералы должны атаковать правительство с помощью земства и газетных кампаний; эсерам и другим партиям следует специализироваться на крайних методах борьбы; кавказцам – использовать свой навык в организации покушений; польским социалистам – опыт в проведении демонстраций»⁵⁸⁰.

Ратаев, проинформированный другим участником конференции – Азефом, этот пункт ее решений изложил следующим образом: «Русская либеральная партия (в которую, как он предполагал, скоро будет преобразована группа конституционалистов. – *Д.П.*) будет продолжать свои действия на легальной почве в земских и общественных учреждениях. Тотчас по возобновлении сессий в земских собраниях будут заявлены громкие требования конституции и безусловной амнистии всех политических преступлений. Одновременно все совещающиеся группы будут принимать самое деятельное участие в организации студенческих беспорядков, аграрных волнений и противоправительственных демонстраций среди рабочих на фабриках и заводах. Повсюду во время набора новобранцев и призыва запасных чинов будут устраиваться враждебные манифестации по поводу войны и разбрасываться одинакового содержания прокламации за подписью всех согласившихся групп.

Члены сих организаций обязываются не только в своих подпольных органах, но по возможности и в легальной прессе в пределах условий законов о печати вести упорную агитацию против самодержавного строя, выставляя систематически виновником всех бедствий вообще, а в особенности войны и обнаруженной ею неподготовленности, представителя этого режима – государя императора.

Если партия социалистов-революционеров с ее “Боевой организацией” признают нужным устроить террористический акт, то

все организации обязаны поддержать настроение одновременными сочувственными факту воззваниями и демонстрациями. От этого пункта отказались лишь представители Русской либеральной партии и Польской демократической национальной лиги (Лиги народовой. – Д.П.), но и те обязались согласовать свои действия с прочими организациями, т.е. в случае совершения террористического факта приурочивать подачу своих петиций и заявления домогательств именно к этому моменту.

Финляндцы с своей стороны сильно рассчитывают как на удобный момент для возбуждения усиленной агитации на предстоящий 6/19 будущего декабря созыв Финляндского сейма. Они полагают и постараются, чтобы были выбраны многие лица, коим въезд в Финляндию по распоряжению администрации воспрещен. По всем вероятностям правительство не согласится снять это воспрещение даже на непродолжительный срок заседаний Сейма. Это послужит началом к бурной агитации, причем все согласившиеся организации должны дружно поддержать финляндцев и поднять беспорядки и протесты во всех местностях империи»⁵⁸¹.

Достоверность этого сообщения руководителя Заграничной агентуры Департамента полиции в какой-то степени подтверждает и содержание проекта итогового документа конференции, разосланного Циллиакусом ее участникам еще в конце июля – начале августа 1904 г. В нем речь также шла о координации выступлений земства, интеллигенции, рабочих, крестьян и солдат⁵⁸². Как видим, участникам конференции удалось договориться по весьма широкому кругу вопросов своей ближайшей агитационной деятельности и вообще массовой работы. Однако всем этим далеко идущим планам не суждено было сбыться, и практические результаты достигнутых соглашений оказались значительно скромнее⁵⁸³. Тем не менее, и непосредственные участники конференции, и японцы оказались вполне удовлетворены ею. О ходе работы конференции и содержании ее итоговых документов в Токио узнали из телеграмм Акаси и посла во Франции И. Мотоно. Первый отправил соответствующую депешу в Генштаб, второй – в МИД⁵⁸⁴.

Надежды Акаси на возможность направить активность революционеров на практическую борьбу с русским правительством подкрепила состоявшаяся сразу после Парижской конференции

встреча тех ее участников, которые, по его словам, «использовали чрезвычайные меры», т.е. придерживались революционной тактики. Если верить Акаси, главным итогом этой встречи стало решение «чинить препятствия» русскому правительству в призыве новобранцев в армию. После принятия соответствующей резолюции японец лично пообещал оказать материальную поддержку партиям, которые испытывали финансовые затруднения⁵⁸⁵. Таким образом, уже в октябре 1904 г. видимость приличий, соблюдавшаяся во время Парижской конференции, была отброшена, карты открыты, и Акаси перешел к прямому субсидированию деятельности ряда российских революционных партий. Иначе говоря, из «серого кардинала» русской революции он стал претендовать уже на роль ее более или менее явного дирижера.

Участники октябрьских переговоров получили право предлагать от лица Японии финансовую поддержку третьим организациям. Циллиакус и после «грубого» отказа Совета РСДРП от участия в Парижской конференции не переставал, по словам Ю.О. Мартова, «ухаживать за нами»⁵⁸⁶. В конце 1904 г. с предложением японских денег к П.Б. Струве обратился некий социалист-революционер. «Это случилось в Пасси, – рассказывает Тыркова-Вильямс, – у него [П.Б. Струве] дома. Мы ... сидели наверху, в библиотеке, и вдруг услышали вопль. Петр Бернгардович на лестнице на кого-то кричал диким голосом. Потом раздался громкий топот по ступенькам. Он кого-то провожал, вернее выпроваживал. С шумом захлопнулась входная дверь. Опять топот по ступенькам. Красный, растрепанный влетел Струве к нам ... Кружась по тесной комнате, рассказал нам, что к нему явился знакомый социалист-революционер. Насколько помню, фамилия его была Максимов⁵⁸⁷. Он пришел, чтобы от имени японцев предложить Струве денег на расширение революционной работы. Струве наскакивал на нас ... и, потрясая кулаками, вопил: Мне, вы понимаете, мне, предлагать японские деньги?! Как он смел? Мерзавец!»⁵⁸⁸.

С тех пор контакты российских либералов с Циллиакусом и компанией прекратились.

Примерно тогда же «практические предложения» материальной помощи от японского правительства вновь получили меньшевики, бундовцы, латышские социал-демократы и социал-демократы Польши

и Литвы, но, к чести их будет сказано, от нее отказались. Глухое упоминание об этом предложении и о составленном якобы в связи с их отказом «особом протоколе» содержится в воспоминаниях меньшевика П.А. Гарви⁵⁸⁹.

Все эти переговоры и маневры по-прежнему происходили тайно, и российской политической полиции в течение нескольких месяцев оставались неизвестны. До осени 1904 г. она располагала лишь отрывочными сведениями о связях с японцами российских общественных деятелей – в основном, поляков и финнов. На след Акаси ее вывел появившийся в октябре этого года в Париже чиновник особых поручений при министре внутренних дел Иван Федорович Манасевич-Мануйлов.

Настало время, читатель, поближе познакомиться с человеком, которому выпало отстаивать российские интересы и противостоять проискам японской агентуры в Западной Европе. Такое знакомство многое даст для понимания позиции Департамента полиции относительно дальнейших шагов Акаси. Итак, на кого же оказалась возложена столь ответственная и трудная задача поистине государственной важности?

И.Ф. Манасевич-Мануйлов (1869—1918) происходил из бедной еврейской семьи Западного края, но родился в Сибири, куда его отец Тодрес Манасевич⁵⁹⁰ был сослан за мошенничество. Здесь семи лет от роду Иван был усыновлен богатым купцом Мануйловым, в доме которого прожил до 14-ти лет и был крещен. В 1880-х годах он с семьей переехал в Петербург, где, закончив реальное училище, был записан в купеческое сословие и принял лютеранство. После знакомства с издателем и журналистом князем В.П. Мещерским, человеком с испорченной репутацией, но обширных придворных связей⁵⁹¹, в 1888 г. Мануйлов занялся литературным трудом и одновременно стал оказывать «услуги» столичному Охранному отделению. Хорошо знавший Ивана Федоровича французский дипломат Морис Палеолог позднее писал о нем: «Мануйлов – субъект интересный ... Ум у него быстрый и изворотливый... совести у него ни следа. Он в одно время и шпион, и сыщик, и пройдоха, и жулик, и шулер, и подделыватель, и развратник ... а вообще – милейший человек ... У этого прирожденного пирата есть страсть к приключениям и нет недостатка в мужестве»⁵⁹². «Манасевич-

Мануйлов был рафинированным, утонченнейшим, усовершенствованным столичным Хлестаковым XIX столетия, удивительно ловким, находчивым, изворотливым», – писал спустя много лет о нашем герое русский эмигрант, однофамилец французского дипломата, в прошлом многолетний чиновник МВД⁵⁹³.

Согласно позднейшей справке Департамента полиции, в мае 1895 г. И.Ф. Манасевич-Мануйлов появился в Париже в качестве сотрудника газеты «Новости». Здесь он познакомился со служащим парижской префектуры, которому отрекомендовался представителем МВД, посланным для негласной проверки деятельности Заграничной агентуры, которой «в Петербурге недовольны». Демонстрируя свою «особую» осведомленность об Агентуре и ее основателе и тогдашнем руководителе П.И. Рачковском, Мануйлов наговорил массу глупостей. Рачковского, известного своим антисемитизмом и причастностью к фабрикациям «Протоколов сионских мудрецов», он объявил евреем, его помощника – картежником и т.д. В обмен на эту «откровенность» Мануйлов предложил парижскому чиновнику за солидное вознаграждение помочь в сборе компрометирующих Рачковского сведений. Но произошел конфуз: о содержании этого разговора узнал сам объект мануйловской интриги и «пригласил» его к себе. Из беседы, в ходе которой юный Иван Федорович даже всплакнул, выяснилось, что он является орудием происков тогдашнего начальника Петербургского охранного отделения полковника П.В. Секеринского и прочих, по выражению Рачковского, «охраненских тунеядцев»⁵⁹⁴. Отношения же самого Мануйлова с МВД исчерпывались тем, что в течение нескольких лет он оказывал Секеринскому «агентурные услуги», т.е., по жандармской терминологии, являлся «штучником», или мелким, маловажным агентом.

Казалось, что этот эпизод должен был зачеркнуть еще по-настоящему и не начавшуюся полицейскую карьеру Мануйлова, но не таков был Иван Федорович. В конце 1890-х годов мы видим его уже в Риме в качестве чиновника особых поручений VIII класса при министре внутренних дел, занятого выполнением секретной миссии: формально являясь агентом по духовным делам при российском представительстве в Ватикане, на деле он занимался слежкой за кардиналом Мечиславом Ледоховским, по отзыву Департамента полиции, «главным руководителем антирусской агитации среди

католического духовенства». Деятельность Мануйлова в Ватикане довольно скоро (в 1901 г.) закончилась его разоблачением и чуть было не привела к скандалу, но он остался в Риме наблюдать за здешними «русскими революционными группами». В 1902 г. министр Плеве отправляет Мануйлова в Париж с новым деликатным поручением – «установить ближайшие сношения с иностранными журналистами и представителями парижской прессы в целях противодействия распространению в сей прессе ложных сообщений о России» (с выделением 3000 рублей на полгода «на расходы»); в 1903 г. аналогичное задание наш герой выполняет в Риме («расходы» – 700 франков в месяц⁵⁹⁵).

Уже к этому времени Мануйлов считался в Департаменте полиции личностью морально нечистоплотной, способной на мошенничество и финансовые махинации, которые, будучи человеком состоятельным (приемный отец оставил ему порядочное наследство), он творил исключительно из «любви к искусству». По отзыву коллег, «человек удивительно покладистой совести и полной готовности сделать все за хороший куш»⁵⁹⁶, он доставлял своему начальству массу хлопот по урегулированию последствий своей «неаккуратности в расчетах с сотрудниками» и частными кредиторами. Дурная репутация в какой-то степени компенсировалась энергией и ловкостью Мануйлова. С началом русско-японской войны, в феврале 1904 г. он вновь направляется в Западную Европу с еще более серьезным, чем прежде, заданием. Помимо подкупа французской прессы ему было поручено заниматься сбором разведывательной информации о западноевропейских представительствах Японии и ряда дружественных ей государств. По возвращении в Россию в июле 1904 г., как мы уже знаем, Мануйлов выступил с инициативой создания Отделения Департамента полиции по розыску о международном шпионстве и стал его первым руководителем.

Параллельно с созданием мануйловского Отделения в августе 1904 г. Департамент полиции с помощью все того же французского Разведочного бюро организовал внутреннее и наружное наблюдение за деятельностью японской миссии в Стокгольме и консульства в Антверпене, а в сентябре – японского посольства в Вене. Стремясь поставить работу всех этих агентов под свой непосредственный контроль, в октябре 1904 г. директор Департамента полиции

распорядился о новой командировке Мануйлова в Париж. Ближайшим поводом к этой поездке явилась необходимость выяснить связи грузинского революционера-эмигранта Г.Г. Деканози, заподозренного в военном шпионаже, а непосредственной задачей – добывание японского дипломатического шифра. Перед Мануйловым была поставлена и более общая задача – «организовать разведочное бюро в Вене и Париже по наблюдению за действиями японцев»⁵⁹⁷, и о его поездке были извещены российские военные атташе во Франции, Италии и Австрии с предписанием оказывать ему «возможное содействие и помощь». Речь, таким образом, шла о развертывании самостоятельного агентурного наблюдения за японскими дипломатами в Западной Европе, что, однако, не означало прекращения сотрудничества Департамента полиции с французскими спецслужбами.

Выбор Мануйлова для выполнения этой миссии объяснялся его опытом работы во Франции, а главное – успехами возглавляемого им Отделения по розыску о международном шпионстве. Уже в сентябре 1904 г. он, по словам Тржецяка, был неофициально признан в Департаменте «заведующим японскими делами»⁵⁹⁸. Оставив свое Отделение на попечение ротмистра Комиссарова, 13 октября Мануйлов отправился в Париж. В короткое время ему удалось «замкнуть» на себя агентов, ранее завербованных в японских миссиях французами, завести собственных (например, в Брюсселе) и с их помощью существенно пополнить имевшуюся на Фонтанке «коллекцию» японских документов, которая уже насчитывала свыше двухсот единиц. При содействии французской тайной полиции, а также своими силами Мануйлов сумел внедрить своих агентов в посольства Японии в Париже, Гааге и Лондоне, в американскую миссию в Брюсселе, итальянскую – в Париже⁵⁹⁹. Среди представленных им в Петербург бумаг находилась переписка послов Японии во Франции, Англии и Голландии со своим министром иностранных дел, донесения в Токио военных и морских атташе из Парижа и Берлина, документы японских консульств в Амстердаме и Марселе. Шифр, выкраденный агентом Мануйлова из японской миссии в Гааге, вкупе с уже имевшимся, позволил «осведомляться о содержании всех японских дипломатических сношений»⁶⁰⁰. «Этим путем, – говорилось далее в департаментской справке, – были получены указания на замысел

Японии причинить повреждения судам второй эскадры на пути следования на Восток»⁶⁰¹.

Далеко не все добытые Мануйловым японские документы содержали важные сведения или даже просто могли быть прочитаны и переведены на русский язык. Переписка японских дипломатов вообще отличалась большим своеобразием как по форме, так и по содержанию и была очень неравноценна. Некоторые их телеграммы, адресованные в Токио, содержали лишь выражения верноподданнических или патриотических чувств и представляли для российской контрразведки мало интереса. Что же касается формы, то отдельные рукописные документы, выкраденные в японских миссиях, не удалось прочитать потому, что «зашифрованы» они были скорописью – «шифром», известным только автору письма и его адресату. До сих пор они лежат в архиве, в фонде Департамента полиции непрочитанными⁶⁰².

Вместе с тем, многие депеши японских дипломатов, которые попали в руки Мануйлова, содержали важную информацию общеполитического и военного характера. В них освещалось отношение правительств западноевропейских государств к ходу русско-японской войны и отдельным ее событиям, демонстрировался повышенный интерес к расследованию «гульского инцидента», комментировалось состояние российской экономики и финансов, перемещения в высшем командном составе, настроения при дворе, шла речь о ходе закупок в Европе и транспортировке в Японию оружия и военных материалов и т.д. Надо ли говорить, что эти документы Департамент полиции сразу направлял «по принадлежности» – в военные ведомства и в МИД. К лету 1905 г. «агентура» Мануйлова, включавшая 10 постоянных служащих-французов, вела «внутреннее» наблюдение в шведской, сербской, китайской и английской миссиях в Париже, румынском и китайском посольствах в Лондоне, японской и английской миссиях в Брюсселе, германской в Мадриде и японской в Гааге. Кроме того, ею выполнялись разовые поручения Департамента и продолжались тесные контакты с французской секретной полицией, по-прежнему снабжавшей Мануйлова копиями секретных телеграмм японских дипломатов из Парижа.

Надо сказать, что первоначально эта деятельность Мануйлова получила весьма высокую оценку в Петербурге. По итогам 1904 г. он в обход правил был «всемилоостивейше пожалован» орденом

Св. Владимира IV степени (согласно статусу этого ордена, им мог быть награжден чиновник не ниже VII класса, состоявший на государственной службе не менее 35 лет. Мануйлов же только что получил чин коллежского асессора (VIII класс), а стаж его государственной службы на тот момент не достигал и десяти лет). Росли авторитет и доверие к Мануйлову у петербургского начальства, росли и его «расходы». В 1905 г. вместо 45 тыс. рублей, отпущенных годом раньше, ему было ассигновано уже свыше 70 тыс. рублей, из которых на его «личное содержание» приходилось более 7 тысяч, не считая «экстренных» и значительных почтовых трат⁶⁰³.

Осыпанный золотом и почестями, Иван Федорович закусил удила... и снова зарвался. В 1905 г. он заваливает Департамент огромным количеством документов, оказывающихся при ближайшем рассмотрении «склеенными обрывками бумаг на японском языке из японских миссий в Париже и Гааге», «лишенными, – по отзыву Департамента, – всякого значения»⁶⁰⁴. Доверие к Мануйлову окончательно было подорвано, когда в числе присланных им «секретных» документов оказались фотокопии страниц китайско-японского словаря. Поэтому Рачковскому, который был возвращен в Департамент летом 1905 г. и, конечно, не забыл обстоятельств своей первой встречи с Мануйловым, не составило большого труда довести дело до логического конца. 28 июня 1905 г. последовало распоряжение всесильного товарища министра внутренних дел Д.Ф. Трепова отозвать Мануйлова из Парижа, а еще менее чем через год, Иван Федорович был вообще уволен из Департамента полиции⁶⁰⁵. Почти одновременно с ним, в июле 1905 г., в отставку был отправлен и давний недруг Рачковского Ратаев. Они и умерли почти одновременно: Ратаев в 1917 г. в Париже в собственной постели, а Мануйлов – годом позже в советской уже России от чекистской пули обладателем сомнительных лавров мошенника всероссийского масштаба⁶⁰⁶.

Вернемся, однако, несколько назад. Итак, в середине октября 1904 г. с заграничным паспортом на имя Ивана Федорова Манасевич-Мануйлов во второй раз в этом году приезжает в Париж с особой сверхсекретной миссией. Очень скоро в разбросанные им агентурные сети попадают письма Г.Г. Деканозова, дальнейшее наблюдение за корреспонденцией которого санкционируется на Фонтанке, 16⁶⁰⁷.

37-летний грузинский дворянин Георгий Гаврилович Деканозов (Деканози, Деканозишвили) приехал в Париж из Баку в начале 1904 г. Здесь вместе с князем А.К. Джорджадзе он начал издавать журнал «Сакартвело», вокруг редакции которого вскоре сформировалась Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров. По одним данным, средства на издание журнала Деканозов – горный инженер по профессии – получил мошенническим путем от Общества Чиатурских марганцевопромышленников⁶⁰⁸, по другим – вместе с Джорджадзе собрал в виде пожертвований в Баку осенью 1900 г.⁶⁰⁹ Помимо издания собственного журнала летом 1904 г. Деканозов деятельно сотрудничал в анархистской газете «Хлеб и Воля», один из руководителей которой, В.Н. Черкезов, в личной переписке так отзывался о нем: «Он один из самых образованных, дельных и преданных людей; под скромной и тихой его наружностью скрыт сильный характер умелого и образованного революционера»⁶¹⁰. Интересно, что в те же июньские дни 1904 г., когда было написано это письмо, Деканозов познакомился с Акаси и в дальнейшем стал одним из его самых доверенных и высокооплачиваемых агентов. С помощью Деканозова Акаси приобрел нескольких сотрудников, которые разъезжали по России под видом коммивояжеров и сообщали японцу о положении в империи. Информацией о революционных событиях на Кавказе он делился с Акаси лично. По свидетельству Мануйлова, Акаси еженедельно выплачивал Деканозову «на расходы и разъезды» 2050 франков, или 750 рублей⁶¹¹. Таким образом, гонорары этого «умелого», но «скромного и тихого революционера» втрое превышали жалованье заведующего Заграничной агентурой и впятеро – самого Манасевича-Мануйлова.

Наблюдение за Деканозовым, а также перехват его корреспонденции, организованный с помощью французских властей, вскоре показали, что между ним и Акаси, по выражению Мануйлова, установились «весьма доверительные отношения, которые дают основания полагать, что Деканози работает за счет Японии»⁶¹². Были получены и доказательства их сотрудничества в организации переправки в Россию нелегальной литературы. По донесениям Мануйлова в середине ноября 1904 г. в Департаменте полиции было заведено особое дело «О предосудительной против России деятельности японского полковника Акаши и его сотрудников

Деканози, Зильякуса и др.». Однако не прошло и месяца, как из Петербурга неожиданно пришло распоряжение прекратить «заниматься этим делом», поскольку «означенным наблюдением не установлена причастность названного Деканози к военно-политической деятельности»⁶¹³. Таким образом, Мануйлову предписывалось передать дальнейшую разработку Деканозова Ратаеву. Это приказание было тем более странным, что к тому времени в Департаменте имелся уже целый ряд сообщений о постоянных контактах находившихся в Европе японских официальных лиц с представителями российского освободительного движения и далеко идущих планах последних. Так, в начале ноября 1904 г. начальник ФЖУ генерал Ю.Э. Фрейберг, комментируя сообщение своего агента о планируемом «финскими патриотами» народном восстании в Финляндии, нашел эти сведения «не лишенными вероятия в виду установленных тесных сношений некоторых высланных [в Швецию] патриотов с японским и английским посланниками в Стокгольме»⁶¹⁴. Правда, по свидетельству бывшего чиновника царской охраны Л.П. Меньшикова, не понаслышке знавшего состояние «розыскного дела» в Финляндии, Департамент полиции не очень-то верил подобным сообщениям начальника ФЖУ и «не принимал обыкновенно по ним никаких особых мер»⁶¹⁵.

В начале февраля 1905 г. русский посол во Франции Нелидов получил письмо от M-me Masson – горничной одной из любимых Акаси парижских гостиниц, которая предложила свои услуги (конечно, не бесплатно) по слежке за японским полковником. 69-летний действительный тайный советник Нелидов был одним из старейших и авторитетнейших чиновников МИД⁶¹⁶, к мнению которого в Петербурге прислушивались, хотя и знали за ним манеру порою «бить тревогу по-пустому». Его пожелание продолжить наблюдение за Деканозовым—Акаси никто оспорить не решился, и в феврале 1905 г. Мануйлов его возобновил. Благодаря французской горничной, он получил возможность подслушивать переговоры Акаси со своими агентами во время его частых наездов в Париж, «знакомиться» с содержанием его багажа и т.п. В середине февраля Мануйлов сообщил своему петербургскому начальству об установлении «непосредственного наблюдения» за Акаси, которого он впервые назвал «одним из деятельных агентов японского правительства»,

возглавляющим в Европе «военно-разведочное бюро»⁶¹⁷. Таким образом, русской контрразведке понадобился почти год, чтобы понять истинную цель пребывания Акаси в Европе и характер его миссии. Постепенно в сферу наблюдения Мануйлова попал и Циллиакус, продолжавший свои активные контакты с Акаси и Деканозовым. Поскольку в Петербург продолжали поступать и донесения Ратаева, следившего за Циллиакусом с помощью Азефа, у Департамента полиции появилась возможность пользоваться перекрестными и потому особо ценными сведениями о деятельности этой троицы.

Предложение услуг от M-me Masson явилось весьма кстати, так как совпало с очередной поездкой Акаси по западноевропейским странам. Судя по его докладу, в это время японца чрезвычайно интересовали январские события в Петербурге и особенно та роль, которую сыграл в них Г.А. Гапон. Обсуждение последствий «кровавого воскресенья» для революционного движения в России, состоявшееся в Париже между Акаси, Циллиакусом и эсером Чайковским, привело их к выводу о необходимости «использовать имя Гапона» для созыва очередной межпартийной конференции. Скорее всего, этот разговор состоялся между 12 и 17 февраля по новому стилю – соответственно, датой появления Гапона в Женеве и убийством в Москве великого князя Сергея Александровича эсеровским боевиком И.П. Каляевым.

Неожиданное появление в Западной Европе мятежного русского священника, по слухам, скрывавшегося где-то в России, стало подлинной сенсацией для революционной эмиграции. Явно находясь под впечатлением январских событий в Петербурге, партийные лидеры стали наперебой предлагать ему свою дружбу и сотрудничество. Однако амбициозный «черненький, сухонький, невысокий попик с быстро бегаящими насмешливыми глазками»⁶¹⁸ возомнил себя вождем всей русской революции, вел себя вызывающе, и отношения с эмигрантскими центрами у него складывались непросто. Первые дни своей заграничной жизни он провел на женевской квартире патриарха русской социал-демократии П.Б. Аксельрода, встречался с Г.В. Плехановым и стал членом РСДРП, но затем переехал к народнику Л.Э. Шишко и «попал к эсерам»⁶¹⁹. Вскоре он был принят анархистом князем П.А. Крапоткиным, имел встречи с Ж. Жоресом, Э. Вальяном и другими крупными деятелями международного социалистического движения. Весной 1905 г., выйдя из РСДРП, Гапон

вступил в эсеровскую партию, но и в ней не задержался. Очень скоро наиболее авторитетные вожди российской эмиграции (эсдеки Плеханов и Мартов, эсеры Гоц и Натансон) разочаровались в Гапоне и отвернулись от него.

Один из членов Заграничного комитета Бунда, с которым Гапон встретился в Женеве 17 марта 1905 г., таким запомнил своего собеседника: «Человек он очень неинтеллигентный, невежественный, совершенно не разбирающийся в вопросах партийной жизни. Говорит с сильным малорусским акцентом⁶²⁰ и плохо излагает свои мысли, испытывает большие затруднения при столкновении с иностранными словами (напр.: “Амстердам” произносит так: “Амстедерам”...). Оторвавшись от массы и попав в непривычную для него специфически интеллигентскую среду, он встал на путь несомненного авантюризма. По всем своим ухваткам, наклонностям и складу ума это социалист-революционер, хотя он называет себя соц.-дем. и уверяет, что был таким еще во время образования “Общества фабрично-заводских рабочих”. Ни о чем другом, кроме бомб, оружейных складов и т.п., теперь не думает. Есть в его фигуре что-то такое, что не внушает к себе доверия, хотя глаза у него симпатичные, хорошие ... Человек он, несомненно, наблюдательный, умеет узнавать людей и знает психологию массы. Кроме того, он хитер, себе на уме и прошел школу дипломатического искусства (правда, довольно элементарную, поскольку оно нужно было ему в борьбе с полицией)»⁶²¹. На редкость точная характеристика мелкого авантюриста и честолюбца, по воле случая вынесенного на гребень истории. О связях Гапона с полицией автор этих воспоминаний в момент встречи с ним знать, конечно, не мог.

Не обошли вниманием Гапона и деятели заграничного русского политического розыска. Сразу после его появления в Женеве Ратаев сообщил директору Департамента полиции о данном им поручении своей агентуре сблизиться с Гапоном и вскоре с удовлетворением констатировал, что «объект» находится в сфере ее (агентуры) «влияния и связей»⁶²².

Целью новой конференции, которую замыслили Акаси и компания, должна была стать разработка планов об увеличении интенсивности революционного движения к лету 1905 г. Именно так сформулировал задачу сам японский полковник⁶²³. Таким образом, вопрос о созыве

новой конференции, на этот раз – от имени Гапона, был решен без всякого его участия и возможно даже до его появления за границей. Вскоре через третьих лиц некий «японский представитель в Париже» (почти наверняка это был Акаси) передал Гапону 50 тыс. рублей на проведение конференции. Как показали дальнейшие события, имя популярного в России священника, учитывая опыт парижской встречи 1904 г., организаторы конференции хотели использовать, во-первых, для того, чтобы обеспечить представительство на ней всех революционных организаций, а, во-вторых, дабы придать ее решениям дополнительный вес. В ходе подготовительных работ по ее созыву имя Гапона в «своем» кругу вообще не считалось нужным упоминать.

Январские 1905 г. события в Петербурге вызвали оживление и пробудили большие надежды революционеров; начался массовый отъезд эмигрантов в Россию. В условиях, когда и без того формальный «парижский блок» прекратил свое существование, а стремительное развитие революционного движения настоятельно требовало объединения всех революционных партий, созыв новой конференции вновь встал на повестку дня. Основой для объединения революционных сил могла стать непосредственная подготовка к вооруженному восстанию, вопрос о котором буквально носился в воздухе. Призыв к нему стал основным тактическим лозунгом эсеров. Так, в одном из февральских 1905 г. номеров центрального органа этой партии эсерам предлагалось отбросить «сомнения и предубеждения против всяких боевых средств» и немедленно использовать все виды борьбы с правительством: от массовых выступлений с оружием в руках до «партизанско-террористической» борьбы «по всей линии» включительно⁶²⁴. «Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений – вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры», – писал Ленин на третий день после «кровавого воскресенья»⁶²⁵. На очередь встала проблема практического вооружения участников революции. Даже лидеры меньшевиков, которых невозможно обвинить в излишнем «вспышкопускательстве» и безоглядном «боевизме», инструктируя отъезжающих на родину, в качестве первостепенной ставили задачу

«вооружать организованных рабочих», видя свою собственную функцию в том, чтобы «озаботиться» доставкой оружия в Россию⁶²⁶.

На почве практической подготовки вооруженного восстания началось сближение большевистской фракции РСДРП с партией эсеров. Именно этой проблеме была посвящена беседа Ленина с Гапоном, состоявшаяся во время их знакомства в середине февраля 1905 г. В статье «О боевом соглашении для восстания», написанной сразу после этой встречи, Ленин «с удовольствием» перепечатал гапоново «Открытое письмо к социалистическим партиям», призвавшего эти партии «немедленно войти в соглашение между собой и приступить к делу вооруженного восстания против царизма». Сам он также высказался здесь за «скорейшее осуществление» «боевого единения социал-демократической партии с партией революционно-демократической, с партией соц.-рев.», находя его «возможным, полезным и необходимым»⁶²⁷. В этой же связи следует отметить кардинальное отличие оценок партии эсеров, прозвучавших на II (общепартийном) и III (чисто большевистском по составу делегатов) съездах РСДРП, состоявшихся, соответственно, летом 1903 г. и весной 1905 г. В резолюции 1903 г. эсеры характеризовались как «буржуазно-демократическая фракция», чья деятельность вредна даже «для общедемократической борьбы против абсолютизма»⁶²⁸. В документе же 1905 г. речь о них шла уже как о «крайнем левом крыле мелкобуржуазной демократии», с которым возможны «практические соглашения»⁶²⁹.

По свидетельству А.В. Луначарского, при последующих встречах с Лениным Гапон «толковал о необходимости перебросить в Петербург контрабандой значительное количество оружия и о том, что они с [эсером] Рутенбергом будто что-то в этом направлении подготовили»⁶³⁰. Ленин настолько воодушевился этой затеей, что, со своей стороны, написал план «Боевого соглашения для восстания и образования Боевого комитета». Судя по его сохранившемуся наброску, в плане были конкретизированы цели и принципы деятельности объединенной межпартийной организации, призванной руководить подготовкой и проведением массового вооруженного антиправительственного выступления⁶³¹. Близость тактических воззрений Ленина и Гапона была подкреплена их возникшей взаимной симпатией. Гапон, которого Ленин еще в начале февраля честил

«рыжим уродом», к весне 1905 г. превратился в его глазах в «преданного революции, инициативного и умного», хотя, конечно, лишенного «выдержанного революционного мирозерцания», человека⁶³². Гапон же, за глаза называвший лидеров социалистических партий «узколобыми болтунами», делал исключение только для Ленина, своего сверстника, которого почитал как человека «хорошего и умного»⁶³³.

Вопрос о сближении с большевиками деятельно обсуждался и в эсеровской среде. В марте 1905 г. по заданию Рубановича и М.А. Натансона в Ниццу к Гоцу «для переговоров с ним о соединении с социал-демократами» специально выезжал Азеф⁶³⁴.

Эти объединительные тенденции были своевременно и с нескрываемым беспокойством отмечены органами российского политического розыска. «Вопрос о слиянии партии эсеров с социал-демократами для совместных террористических действий, – сообщал заведующий Заграничной агентурой в Департамент полиции в середине марта 1905 г., – подвигается быстрыми шагами вперед ... Положение становится день ото дня серьезнее и опаснее»⁶³⁵. К этому сообщению Ратаева следует лишь добавить, что террористическим направлением будущей совместной деятельности представляли себе эсеры и Гапон. С точки зрения Ленина, задачей соединенных действий следовало поставить «непосредственное и фактическое слияние терроризма с восстанием массы»⁶³⁶.

В феврале – марте 1905 г. подлинные инициаторы созыва новой межпартийной конференции развернули работу по ее подготовке. Душой всего дела вновь выступил Циллиакус. «На днях в Лондон, – доносил в марте 1905 г. Ратаев, – приезжал известный финляндский агитатор Кони Циллиакус, куда вызывал для свидания агентуру (т.е. Азефа. – Д.П.). Финляндская революционная партия намеревается созвать в ближайшем будущем вторую конференцию представителей всех русских и инородческих революционных и оппозиционных организаций, наподобие той, которая состоялась в Париже в минувшем октябре ... На этот раз обещали принять участие в конференции и представители Российской социал-демократической рабочей партии, то есть по крайней мере той ее части, которая за последнее время стала стремиться к объединению с партией социалистов-революционеров ... Финляндцы намерены не щадить средств и стараний, дабы конечным

результатом этой конференции явился на этот раз действительный, а не фиктивный союз между всеми группами, для организации общими усилиями народного восстания»⁶³⁷. Далее Ратаев со слов Азефа сообщал о закупке Циллиакусом в Гамбурге 6000 «маузеровских пистолетов» и о его планах приобретения яхты для доставки этого оружия в Россию. «Циллиакус находится в сношениях с японским посольством в Лондоне, – отметил в заключении Ратаев, – и доставляет большие суммы денег финляндским и польским революционерам». По сообщениям Ратаева, доставлять закупленное в Европе оружие планировалось через Финляндию. Департамент полиции уведомил об этом генерала Фрейберга, который, в свою очередь, в феврале – марте 1905 г. направил своим помощникам в финских губерниях ряд циркуляров с требованием принять «самые решительные меры» для «задержания ввоза оружия». За Циллиакусом же в случае его прибытия на родину, он предложил установить «самое бдительное наблюдение»⁶³⁸.

В десятых числах марта за подписью Гапона в партийные «штабы» были разосланы официальные приглашения принять участие в конференции. Их получили эсеры, РСДРП – большевики (редакция газеты «Вперед») и меньшевики («Искра»), все фракции ППС, СДКПиЛ, Латышская СДРП, Бунд, Армянская с.-д. рабочая организация, партия «Дрошак», Белорусская громада, Латышский с.-д. союз, Финляндская партия активного сопротивления, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Украинская революционная партия, Литовская с.-д. партия и Украинская социалистическая партия. Сразу же от участия в конференции отказались меньшевики, сославшись на предпочтительность прямых соглашений с организованными партиями. «Совет партии находит конференцию желательной, – указывалось в ответном письме редакции «Искры», – но она должна состояться в результате соглашения между организованными партиями, а не в результате личной инициативы нового и малоизвестного в революционном движении человека»⁶³⁹.

Комментируя этот шаг редакции «Искры» на III большевистском съезде, Ленин усмотрел в нем очередной антибольшевистский выпад меньшевиков, вновь намекавших-де на дезорганизаторскую деятельность группы «Вперед». Однако из текста письма следовало, что главной причиной отклонения меньшевиками предложения Гапона

было понимание его политической беспомощности и подставной роли в этом деле. Отказавшись от участия в «гапоновской» конференции, меньшевики в качестве встречной инициативы предложили эсерам устроить «предварительную совместную конференцию» для согласования усилий «в сфере технической подготовки восстания и боевых действий для его проведения». Постановление Совета РСДРП на этот счет за подписями Плеханова, Дейча, Аксельрода и Мартова было направлено в Заграничный комитет ПСР 11 марта 1905 г.⁶⁴⁰ Характерно, что авторы письма сочли нужным подчеркнуть, что «выступление партии с.-р. из заключенного в Париже так называемого “блока” явилось бы условием, в высшей степени облегчающим для обеих партий революционную борьбу с царизмом». Однако до предметных переговоров дело не дошло – судя по сохранившейся в коллекции Б.И. Николаевского переписке партийных лидеров, эсеровское руководство претендовало на наименование ПСР «одной из основных социалистических партий в России» и настаивало на включение в программу совместных действий «центрального политического террора», с чем социал-демократы согласиться никак не могли (по вопросу о террористической деятельности в упомянутом постановлении Совета партии говорилось лишь о «комбинации массовых выступлений и единичных “террористических” нападений»). 15 марта 1905 г. контакты эмигрантских руководителей ПСР и РСДРП по этому вопросу прекратились, и исторический шанс на практическое сближение двух этих крупнейших российских революционных партий оказался, таким образом, упущен.

После некоторых колебаний, связанных, по словам Ленина, с «огромным преобладанием» на конференции эсеров, большевистские редакция газеты «Вперед» и Бюро комитетов большинства согласились на участие в ней, но с самой конференции демонстративно ушли за компанию с представителями Латышской СДРП, Бунда и Армянской СДР организации, предварительно назвав ее «игрушкой в руках с.-р.»⁶⁴¹. На первый взгляд, поведение большевиков было лишено всякой логики. В самом деле, состав участников конференции был объявлен заранее и ни для кого секретом не являлся. К тому же непосредственно перед конференцией Ленин специально консультировался по этому поводу с членом Латышской СДРП Ф. Розиным (основным камнем преткновения для большевиков было присутствие среди делегатов

представителей Латышского с.-д. союза, социал-демократического только по названию, а на деле эсеровского). Очевидно, причина крылась в чем-то другом. Вероятно, главной неожиданностью для Ленина стал действительный статус Гапона, который, как выяснилось уже на самой конференции, не только не был здесь на первых ролях, но не имел даже решающего голоса. Обнаружив, что их «особые» отношения с Гапоном не помогут ему влиять на решения конференции, большевистский вождь и покинул зал заседаний. Вдобавок приближался партийный съезд, некоторые делегаты которого и без того неодобрительно отнеслись к наметившемуся сближению большевиков с эсерами на том основании, что значение последних «как самостоятельной партии» якобы было «ничтожно»⁶⁴². В глазах рядовых большевиков маневры партийной верхушки на сближение с эсерами выглядели подозрительно.

Конференция семи партий, работавшая в Женеве со 2 по 8 апреля 1905 г., прошла под знаком споров представителей национальных партий и закончилась принятием двух документов – общеполитической Декларации, подписанной всеми ее участниками (по данным Акаси, ее авторами были эсерка Е.К. Брешко-Брешковская – “*great B.*”, Г.А. Гапон – “*father G.*” и “*agent F.*” – вероятно, Виктор Фурухельм, делегат от Финляндской партии активного сопротивления⁶⁴³), и Декларации только социалистических партий, представленных на ней. В первом из этих документов были сформулированы те «непосредственные политические цели вооруженного восстания», которые соответствовали «минимальным» требованиям программ подписавших его партий (установление демократической республики, созыв Учредительного Собрания и т.д., включая ряд специфических национальных требований). В Декларации социалистов речь шла о необходимости борьбы не только за демократические преобразования, но и против современной буржуазно-капиталистической эксплуатации.

Как и полгода назад, Акаси был вполне удовлетворен результатами конференции и настолько уверовал в собственное всеисие, что все дальнейшие революционные события в России (включая восстание на броненосце «Потемкин») был склонен относить к числу ее непосредственных итогов⁶⁴⁴. В этом духе была выдержана и являлась такой же нелепостью инструкция, данная им Деканозову в начале мая

1905 г. относительно характера революционного движения в России, которую Мануйлову удалось записать дословно: «Во всем этом движении необходимо, по возможности, не трогать частной собственности, дабы не раздражать общества, но направить все против самодержавного правительства. Нужно, чтобы движение это в особенности носило характер антицарский, а потому, по моему мнению, следовало бы громить имущество, принадлежащее Удельному ведомству»⁶⁴⁵. Отдадим должное Деканозову, для которого, учитывая реальные возможности его партии, поставленная Акаси задача была не более выполнима, чем поручение достать луну с неба. Он не растерялся и ответил, что «в этом направлении кое-что уже начато в Таврической губернии».

Что касается практической стороны достигнутых в Женеве договоренностей, то, как писал Акаси, участники конференции обязались продолжать свою революционную деятельность с тем, чтобы летом 1905 г. «предпринять отчаянный шаг»⁶⁴⁶. Обсуждение такого «шага» на конференции носило весьма общий характер, и это дало повод Ратаеву в своем очередном донесении в Петербург отметить «крайнюю слабость и беспомощность всех этих партий, раз только вопрос, как, например, о вооруженном восстании, ставится на чисто практическую почву»⁶⁴⁷. Со значительно большим оптимизмом смотрел на перспективы развития революционного движения в России Акаси. «Большое восстание должно начаться в июне, – комментировал он решения конференции в донесении на имя начальника Генштаба Японии маршала А. Ямагата от 12 апреля 1905 г., – и оппозиция предпринимает все новые и новые усилия для приобретения оружия и взрывчатых веществ». «Дата начала восстания еще не установлена, – добавил он здесь же, – но будет вполне безопасно переправить оружие морем»⁶⁴⁸.

Последняя фраза, конечно, не была случайной. Еще в феврале 1905 г. Циллиакус запросил у Японии новых субсидий, обещая, что к лету этого года революционерам удастся «разжечь большое движение». По первоначальным подсчетам Акаси, для этого было потребно всего 440—450 тыс. иен (в дальнейшем эта цифра была удвоена). Несмотря на то, что соображения Акаси горячо поддержал посол во Франции И. Мотоно (его телеграмма на этот счет была даже доложена императору и *гэнро*), просьба Акаси была удовлетворена

далеко не сразу, поскольку идея финансирования вооруженного восстания в России имела в Токио и своих влиятельных противников. Среди них был сам министр иностранных дел барон Комура, убежденный сторонник войны с Россией, один из «ястребов» японского кабинета. Очевидно, министр понимал, что война рано или поздно кончится и, следовательно, Японии нужно будет с кем-то договариваться о мире, причем этот «кто-то» должен был быть достаточно авторитетен и силен, чтобы обеспечить выполнение условий договора. К тому же целью Японии в войне не являлось полное уничтожение и порабощение российского государства, а катастрофическое ослабление великого северного соседа грозило в корне изменить геополитическую ситуацию не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире, причем – с трудно предсказуемыми для самой Японии последствиями. На то, что, с точки зрения японских интересов, «радикальная революция в России была бы нежелательна, поскольку в этом случае Японии не с кем будет договариваться о мире», в январе 1905 г. в частном разговоре указал и маркиз Ито⁶⁴⁹.

В распоряжении Комура были и другие аргументы против попыток спровоцировать дальнейший рост внутренней напряженности в России. Отвечая в январе 1905 г. на предложение посланника в Швеции Акидзуки Самаро предоставить в распоряжение российских революционеров 200 тыс. иен (по мнению историка Ч. Инаба, эта просьба также была инспирирована Акаси), Комура подчеркнул необходимость принять во внимание последствия вооруженного восстания не только для самой России, но и для других европейских великих держав, особенно Германии и Австрии. Еще яснее министр выразился в телеграмме тому же адресату от 7 марта 1905 г. в ответ на сообщение Акидзуки о предложении некоего члена «финской антирусской партии» передать ей 50 тыс. винтовок «на вооруженное восстание». «Можно предсказать продолжение беспорядков в России и в том случае, если Япония не будет их поддерживать, – писал Комура. – Более того, я думаю, что в настоящее время японская помощь даст мало практических результатов ... Правительство решило занять позицию невмешательства до тех пор, пока ситуация в России не изменится»⁶⁵⁰.

Курс на такое «невмешательство», однако, оказался весьма скоротечным. Мукденское сражение (19 февраля – 10 марта 1905 г.),

хотя и было победоносным для Японии, показало, что ресурсы страны на исходе и затягивание войны чревато для нее экономическим крахом. В такой ситуации военное ведомство Японии, которое, вновь почувствовав себя «на коне», могло позволить себе открыто пренебречь мнением оппонентов, приняло решение ассигновать на нужды вооруженного восстания в России миллион иен⁶⁵¹. В конце марта это решение получило формальное одобрение японского правительства.

«Джон Графтон» и подготовка вооруженного восстания в России

Женевская межпартийная конференция сыграла известную роль в установлении временного альянса российских партий. Главную цель его явные и тайные вдохновители видели в том, чтобы организовать серию вооруженных акций в России и тем самым дестабилизировать внутривнутриполитическое положение в стране. Центральное значение в этом плане придавалось вооруженному восстанию в Петербурге, которое должно было начаться летом 1905 г. Для его подготовки Акаси и Циллиакус привлекли Азефа, который не только был посвящен во все подробности, но и должен был возглавить «Объединенный комитет» (или «Объединенную боевую организацию», ОБО) для подготовки приемки оружия в России и руководства восстанием⁶⁵². Поскольку даже с учетом эсеровской организации в столице сил для проведения восстания явно недоставало (по подсчетам организаторов, для этого требовалось порядка 12 тыс. боевиков), было решено привлечь Гапона с его рабочими обществами. Согласие Гапона считалось обеспеченным самим фактом его участия в Женевской конференции.

По сравнению с числом партий, подписавших апрельские декларации, количество участников практической реализации женевских решений значительно сократилось. Однако и оставленные «в деле» организации были представлены весьма своеобразно: не своими официальными учреждениями, а отдельными, особо доверенными лицами, отобранными инициаторами предприятия. Естественно, что в таких условиях успех дела всецело зависел от личных качеств его участников. Что же касается руководящих партийных органов, то они информировались о ходе дела редко и запоздало. Так, доклад Чайковского «О морском транспорте» был представлен Заграничному комитету ПСР только в августе 1905 г.⁶⁵³, а его переписка с Гоцем по вопросам приемки оружия на месте шла вплоть до середины этого месяца, когда пароход «Джон Графтон» с оружием на борту был уже в пути и изменить что-либо было невозможно.

Делая ставку на Гапона в агитационном «прикрытии» всей операции, организаторы закупки и доставки в Россию оружия не ошиблись: Гапон с энтузиазмом принял предложение участвовать в подготовке вооруженного восстания. Эта роль не только соответствовала его ультрарадикальным настроениям, но и помогла бы ему вернуть имидж народного вождя, который к лету 1905 г. уже изрядно потускнел. К тому же в этом начинании Гапон получил поддержку со стороны своих ближайших соратников по петербургскому Союзу рабочих. Видный деятель Союза рабочих Н.П. Петров на встрече с Циллиакусом, Чайковским и Азефом и в присутствии самого Гапона, говоря о настроениях петербургских рабочих, заявил, что «вопрос лишь в оружии»: «Если бы было возможно добыть его, то ... революция могла бы вспыхнуть в любой день, так как рабочие ждут только гапонова приказа»⁶⁵⁴.

В деле же доставки оружия в Россию и в подготовке вооруженного восстания Гапону была отведена в лучшем случае вспомогательная, а фактически декоративная роль. Во многом она походила на ту, которую он сыграл при подготовке межпартийной конференции в Женеве. Его фигура должна была отвлекать внимание от подлинных организаторов и, таким образом, скрыть настоящий источник финансирования закупки и переправки оружия. Гапон неоднократно во всеуслышанье заявлял, что в его распоряжении имеются значительные средства, полученные в виде пожертвований. По замыслу организаторов, на завершающей стадии операции имя Гапона должно было воодушевить петербургский пролетариат на борьбу. Наконец, такая роль вполне соответствовала характеру самого Гапона. «Не обладая широким объективным умом и не имея надлежащей научной подготовки, – вспоминал один из его соратников, – Гапон не умел понять настоящего своего положения и отводил слишком большое место своей особе в рабочем движении»⁶⁵⁵. Он был способен только на то, чтобы придумывать все новые и новые фантастические планы, не считаясь с их практической выполнимостью. Собственно, на этой псевдоактивности Гапона, а в конечном счете на его тщеславии и честолюбии был замешан весь камуфляж. Ему не чинили препятствий в самостоятельном ведении переговоров с различными партиями, но от «практической подготовки восстания», как признал позднее Циллиакус, Гапон был сознательно «отстранен»⁶⁵⁶. Как и

рассчитывали организаторы, Гапон широко разрекламировал свое участие в этом деле и летом 1905 г. одновременно вел соответствующие переговоры с представителями Бунда, РСДРП и ПСР, вольно или невольно вводя их тем самым в заблуждение. Однако в дальнейшем, доверив Гапону организацию приемки оружия в России, заговорщики в какой-то степени сами пали жертвой его трескучих, но ни на чем не основанных заверений.

В целом задуманная мистификация удалась. И тогда, и позднее доставка оружия на пароходе «Джон Графтон» связывалась в революционных кругах с именем мятежного священника. Эту ошибку разделяют и многие современные исследователи.

Забегая вперед, отметим, что даже во многом показное вовлечение Гапона в подготовку восстания не было столь удачным шагом его организаторов, как это может показаться на первый взгляд. Более того, это был, пожалуй, столь же крупный просчет, как и привлечение Азефа. Но если ошибка с Азефом прощательна и понятна (никто в революционном лагере, включая ближайших соратников «великого провокатора», тогда не подозревал о его связях с полицией), то с Гапоном Циллиакус и компания, вероятно, просто «перемудрили». Можно предположить, что, если бы приемка оружия в России была доверена не ему, а какой-то одной партии, предприятие с «Джоном Графтоном» имело бы хоть какие-то шансы на успех.

Надо признать, что вовлечение Циллиакусом и Чайковским Гапона в дело подготовки вооруженного восстания в Петербурге было скептически встречено в эсеровских верхах, понимавших, что, говоря словами Гоца, Гапону-конspirатору «цена совсем маленькая», а его «боевой комитет» – «вещь нереальная»⁶⁵⁷. Несмотря на настойчивые понукания Чайковского, призывавшего «ухватиться обеими руками» за возможности гапоновской рабочей организации, эсеровские вожди отказались форсировать техническую подготовку восстания и участвовать в приемке оружия в Петербурге – это дело ЦК партии передоверил своему Петербургскому комитету, зная о том, что тот ослаблен арестами (говоря словами Гоца, расчет состоял в том, что «при условии хранения на месте мы имеем основания надеяться на благополучное и солидное устройство и меда, и музыки» в будущем⁶⁵⁸). Санкционируя летом 1905 г. поездку Азефа в Россию, Гоц поручил ему обследование тамошних партийных дел, а отнюдь не

организацию приемки оружия, как это казалось инициаторам экспедиции «Джона Графтона». «И[ван] Н[иколаевич] (т.е. Азеф. – Д.П.), – писал Гоц в середине августа 1905 г. Чайковскому, – не сказал Вам ясно того, что нам, а именно, что никаких определенных решений насчет “восстания” и приготовлений к нему отсюда нельзя принимать, пока мы не будем иметь определенных сведений от него, что он нашел на месте. Таких сведений мы еще не имели»⁶⁵⁹. Впрочем, нельзя исключать и того, что такая позиция Гоца сформировалась не без влияния самого Азефа, для которого всякая иная, более жесткая точка зрения эсеровского ЦК была стратегически менее выгодна, чем эта, полная оговорок и неопределенности. Вообще роль Азефа во всем этом деле заслуживает специального разговора.

Состоя секретным сотрудником Департамента полиции с 1893 г., т.е. к описываемому моменту – уже в течение 12 лет, Азеф давно превратил свое провокаторское ремесло в способ щекотать нервы, конструировать различные хитроумные комбинации и, главным образом, в источник личного обогащения. К этому времени он фактически стал одним из наиболее высокооплачиваемых служащих царской России, заработок которого (800—1000 руб. в месяц) был вполне сопоставим с жалованьем высших чинов Министерства внутренних дел – директора Департамента полиции и даже «товарищей» (заместителей) самого министра. Руководители тайной политической полиции России доверяли Азефу всецело и ценили его информацию чрезвычайно высоко. Мало того, что сообщения его полицейских начальников «наверх» нередко писались под его диктовку. В Департаменте заводились персональные дела на указываемых им лиц, издавались розыскные циркуляры, основанные исключительно на его информации. При этом, переходя из рук одного полицейского чина к другому, Азеф всякий раз умел завоевать полное доверие, а нередко и искреннее расположение своего нового «хозяина». И все это, несмотря на отталкивающую наружность, грубость, косноязычие и нескрываемую алчность: редкое его донесение не заканчивалось требованием немедленного «вознаграждения».

Ежеминутно находясь под угрозой разоблачения революционерами либо полицией, Азеф, как шахматист, был вынужден постоянно просчитывать будущие ходы каждой из этих сторон, страховаться на

случай непредвиденного развития событий и обеспечивать себе алиби. Отсюда и его обычная тактика полуправды, недоговоренности, стремление воздействовать как на однопартийцев, так и на охранников в нужном для себя направлении. Идейных убеждений за всем этим не было никаких (народник Н.С. Русанов позднее верно отметил «проплеванность души» Азефа), зато ставка в игре была очень высока – сама его жизнь.

Впервые о затеянной Циллиакусом «доставке оружия различным революционным организациям» Азеф сообщил Ратаеву в письме от 9 февраля 1905 г. и, вероятно, настолько заинтересовал этим своего полицейского шефа, что в дальнейшем весьма подробно информировал его обо всех шагах финского «активиста». Однако, когда план с доставкой оружия стал приобретать более или менее реальные очертания, Азеф, следуя своей обычной манере, начал постепенно сокращать количество «отпускаемой» информации, используя столь же свойственный ему прием полуправды. Так, в донесении от 17 апреля 1905 г., говоря о практических итогах Женевской конференции, он сообщил об образовании «Боевого комитета», но в качестве его членов назвал Е.К. Брешко-Брешковскую, Гапона и князя Д.А. Хилкова⁶⁶⁰, отлично зная, кто в действительности вошел в состав ОБО. На вышецитированном отзыве Ратаева о «слабости и беспомощности» революционных партий в подготовке вооруженного восстания, несомненно, сказалось влияние Азефа, которому в тот момент было важно создать у полиции впечатление несерьезности и неосуществимости женевских решений. Мотив о Циллиакусе, достигнув крещендо в донесении от 8 марта 1905 г. («Zilliacus имеет сношения с японским посольством и доставил большие суммы финляндцам и полякам ... Вам надо очень внимательно взять[ся] за Zilliacus'а»), к концу апреля угасает («От Z. я не получал никаких известий»), а вскоре и пропадает совсем⁶⁶¹.

Поскольку при успехе операции с доставкой оружия Азеф уже имел оправдание перед полицией в виде своих предыдущих донесений Ратаеву, летом 1905 г. его, вероятно, более беспокоила перспектива разоблачения со стороны революционеров в случае провала этой операции, особенно если учесть весьма ограниченный круг посвященных и строгую законспирированность всего дела с «Джоном Графтоном». Поэтому, с одной стороны, он умеряет пыл коллег по

партии нелицеприятными отзывами о Гапоне и его организации, а с другой, весьма умело и столь же успешно отвлекает внимание Ратаева от места реальных событий и добивается его санкции на поездку в Болгарию, откуда якобы от македонских и армянских революционеров в Россию ожидалось грандиозные «транспорты» литературы, оружия и взрывчатых веществ⁶⁶² (судя по донесениям Ратаева, этот софийско-македонский «сюжет» Азеф начал активно разрабатывать еще с января 1905 г.).

Благополучно отсидевшись на Балканах до середины июня и, понятно, не сделав ровным счетом ничего в качестве руководителя ОБО, Азеф опять-таки с одобрения Ратаева и, как мы уже знаем, Гоца, отправляется в длительную поездку по России, мотивируя ее необходимость для Ратаева – обследованием полученных в Болгарии явок, а для Гоца – изучением состояния партийных дел и участием в совещании членов Боевой организации ПСР, которое намечалось на начало августа в Нижнем Новгороде. В общем, в Петербурге Азеф появился лишь 21 августа, будучи вызван Ратаевым по требованию вновь назначенного на Фонтанку Рачковского. Состоявшийся здесь разговор уже не имел никакого отношения к планам доставки в Россию оружия: нового шефа российского политического розыска интересовали главным образом эсеровские боевики, на «поимку» которых Азеф и отправился в сопровождении филеров Департамента полиции⁶⁶³.

После разоблачения Азефа, состоявшегося в 1908 г., и сами участники описываемых событий, и историки часто возлагали ответственность за провал операции с доставкой оружия именно на него⁶⁶⁴. Однако, если в чем-либо и можно обвинить «великого провокатора» в этой истории, так это в полном бездействии, хотя ниточку для распутывания клубка с «Джоном Графтоном» в руки полиции он все же дал.

Между тем, Циллиакус и компания не сидели без дела. Если верить финскому «активисту», разработанный ими план предусматривал выгрузку доставленного из Европы оружия в районе Выборга и вооружение им рабочих. Для того, чтобы ввести в заблуждение власти и заставить их рассредоточить гарнизонные войска в различных удаленных друг от друга пунктах, предполагалось произвести серию взрывов в окрестностях города силами небольших отрядов⁶⁶⁵. О том,

какой крови это будет стоить, никто из авторов плана не задумывался. Судя по всему, Акаси и Циллиакус вообще не рассчитывали на успех восстания и уж тем более были равнодушны к вопросам будущего (после свержения самодержавия) политического устройства России. Используя революционный настрой питерских рабочих, они стремились устроить грандиозный и кровопролитный «фейерверк», который стал бы детонатором взрыва на национальных окраинах империи, в том числе в Финляндии. В этой связи часть боеприпасов, включая 2,5—3 тыс. винтовок, планировалось отгрузить на финском побережье Балтики⁶⁶⁶. От всего этого сильно пахло авантюрой, но, по тогдашнему мнению Циллиакуса, план был вполне осуществим при условии точного выполнения всех его пунктов. В подтверждение этого Циллиакус позднее ссылался на опыт декабрьского 1905 г. восстания в Москве, которое, хотя и не было подготовлено, проводилось «без плана» и было гораздо хуже вооружено, «нежели это должно было быть в Петербурге», позволило рабочим отрядам в течение недели удерживать в своих руках центральные районы древней столицы.

В конце марта – начале апреля 1905 г. в Западной Европе был развернут поиск продавцов оружия и боеприпасов. Сам Акаси предпочитал оставаться несколько в тени и действовал в основном через Деканозова и Циллиакуса, которые старались по возможности не афишировать источник получения средств. Так, передавая деньги на приобретение оружия эсерам, Циллиакус заявил, что они собраны в Америке лицами, сочувствующими русской революции, а эсеровские вожди сделали вид, что не догадываются о подлинном происхождении этих сумм⁶⁶⁷. Деньги выдавались революционерам лишь тогда, когда они уже имели твердую договоренность с продавцом оружия, и только поляки, пишет Акаси, получили их авансом и могли ими свободно распоряжаться⁶⁶⁸.

Несмотря на то, что приготовления, по словам Циллиакуса, шли «превосходно» и японские деньги «таяли, как снег на солнце», Акаси нервничал и высказывал недовольство «настоящей формой революционного движения» в России. «Мы готовы ... помогать вам материально на приобретение оружия, – говорил он Деканозову 2 мая 1905 г., – но самое главное, чтобы движению этому не давать остывать и вносить таким образом в русское общество элемент постоянного

возбуждения и протеста против правительства»⁶⁶⁹. В ходе этой встречи Акаси вручил своему собеседнику 125 тыс. франков, и тот через посредника, французского анархиста Евгения Бо, начал переговоры с швейцарскими военными властями о приобретении винтовок «Веттерли», которые недавно были сняты с вооружения швейцарской армии. Циллиакус тем временем пытался закупить партию оружия в Гамбурге.

Точные указания на то, кому, в каком количестве и с какой целью предназначались японские деньги, российская контрразведка получила из записки Циллиакуса, изъятой сотрудником Мануйлова из чемодана Акаси в середине мая 1905 г. «Японское правительство при помощи своего агента Акаши, – пояснял содержание записки Мануйлов, – дало на приобретение 14 500 ружей различным революционным группам 15 300 фунтов стерлингов, то есть 382 500 франков. Кроме того, им выдано 4000 фунтов (100 000 франков) социалистам-революционерам и на приобретение яхты с содержанием экипажа 4000 фунтов (100 000 франков)»⁶⁷⁰. Кроме эсеров («SR») в качестве получателей крупных сумм в документе фигурировала Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров («G.»), ППС («S.-P.») и Финляндская партия активного сопротивления («F.»).

Из докладов Мануйлова видно, что с конца апреля – начала мая 1905 г., т.е. с момента вступления операции по закупке и переправке в Россию оружия в завершающую стадию, Акаси решительно изменил образ жизни. Он стал непрерывно переезжать из одного западноевропейского города в другой, не задерживаясь нигде дольше 2—3-х дней, а то и нескольких часов. Для связи с Циллиакусом и Деканозовым он пользовался несколькими параллельными каналами: зашифрованные и подписанные псевдонимами письма и телеграммы шли обычной почтой либо пересылались с оказией или курьером; в качестве резервных «почтовых ящиков» использовались японские миссии в Швеции и во Франции, где особо доверенные лица японского разведчика – военный и морской атташе майор Нагао и капитан Такадзука, соответственно, – получали и пересылали корреспонденцию по назначению. Помощники японца из числа революционеров также находились в непрерывных разъездах и переписывались шифром. Они вообще стали действовать крайне осмотрительно, стремясь выяснять и проследить контакты своих

торговых партнеров. Наконец, они широко привлекали к коммерческим переговорам третьих лиц, которые действовали открыто, не будучи, однако, посвящены в подробности намерений заказчиков.

В поисках продавцов оружия и подходящих транспортных фирм Акаси и компания работали совсем не на пустом месте. По данным А.М. Гартинга, который, напомним, зимой 1904—1905 г. заведовал агентурой Департамента полиции в Германии, японцы имели в Западной Европе сеть коммерческих компаний и доверенных лиц, занимавшихся закупкой и контрабандной отправкой в Японию машин, оборудования, медикаментов и продовольствия. Масштабы этой контрабанды были столь внушительны, что в Петербурге стали снова подумывать об организации постоянного «полицейского» крейсерования русских военных кораблей где-нибудь «вне европейских вод»⁶⁷¹.

Все это, вместе взятое, крайне затрудняло для Мануйлова и горстки его наблюдательных агентов контроль за действиями заговорщиков, планы которых менялись с калейдоскопической быстротой – Акаси их постоянно торопил. В довершение всего японец стал избегать останавливаться в одних и тех же местах, и это выбило из рук российской контрразведки ее, пожалуй, главный козырь – возможности М-me Masson и ее гостиницы. В общем, слежка за Акаси и его агентами все более усложнялась, и их деятельность грозила окончательно выйти из-под контроля российской контрразведки. Поэтому в мае 1905 г. Мануйлов резонно предложил директору Департамента полиции «учредить самое широкое наблюдение за полковником Акаси, Деканози, Зиллиакусом и другими лицами, примыкающими» к их «особой организации», для чего планировал организовать специальную агентуру в семи крупнейших западноевропейских портовых городах – Гамбурге, Кёнигсберге, Лондоне, Ливерпуле, Гавре, Марселе и Шербурге⁶⁷². «За означенными лицами, – писал Мануйлов Коваленскому, – надлежало бы установить во время их постоянных передвижений в различные города Европы неотступное наблюдение для выяснения их сношений и вообще крайне полезно было бы принять все меры к освещению внутренней агентурой всего происходящего в этом направлении».

Идея Мануйлова была энергично поддержана послом Нелидовым в письме, получив которое министр иностранных дел граф Ламздорф счел нужным представить «на высочайшее благоволение»⁶⁷³. На запрос, последовавший из царской резиденции, А.Г. Булыгин, недавно назначенный министром внутренних дел, с подачи Департамента полиции ответил в успокоительных тонах и, по существу, отверг план Мануйлова – Нелидова. Тогда, пренебрегая неписаными правилами чиновной этики, но руководствуясь интересами дела, 15 июня Нелидов вновь обратился к своему министру с письмом, в котором подчеркнул, что «сведениям, доставленным из Парижа г-м Мануйловым, не было придано той государственной важности, которую они представляют»⁶⁷⁴. «Возможность наблюдения за подпольною деятельностью японцев, которую г-ну Мануйлову удалось добыть, кажется мне настолько существенною для ограждения нас от происков этого опасного и беззастенчивого, ничем не стесняющегося врага, – добавил Нелидов, понимавший, что после цусимского разгрома мирные переговоры с Японией вот-вот должны начаться, – что мне казалось бы необходимым ее расширить, а именно доставить средство для наблюдения за японской миссией в Лондоне. Тамошний посланник пользуется полным доверием своего правительства и имеет на него огромное влияние. При предстоящих переговорах о мире нам было бы в высшей степени важно быть осведомленными о получаемых и посылаемых им телеграммах»⁶⁷⁵.

В ответ на такую настойчивость влиятельного дипломата Рачковскому ничего другого не оставалось, как запросить у Мануйлова «обоснованных доказательств» достоверности его информации, которые, прямо скажем, представить было непросто. Дело в том, что та часть корреспонденции заговорщиков, которая все-таки попадала в руки Мануйлова, была зашифрована и выглядела как обычная коммерческая переписка. Речь в ней шла о каких-то анонимных поставщиках и сроках поставок, контрактах, «товаре», «экземплярах», «картах», «брошюрах» и тому подобных невинных на первый взгляд вещах. «Предметом этой корреспонденции, – позднее писал Мануйлов, – где упоминается “15 тысяч с 2 500 000 карт”, или “1000 экземпляров и 200 000 карт”... при беглом чтении можно подозревать, что угодно ... Но если обратить внимание на сообщение письма Бо от 22 июня о необходимости для “карт” двух с половиной

тысяч ящиков и о том, что перед укладкой загадочные карты нуждаются в “смазке салом”, то все сомнения о содержании переписки должны отпасть и для читателя станет ясно, что таинственные сношения Деканози и Бо являются исполнением планов первого, Акаши и Циллиакуса, и что Бо был комиссионером их по закупке в Швейцарии оружия и патронов, французское название которых *cartouche* было заменено для конспирации словом *carte*»⁶⁷⁶.

Таким образом, понять, что под «экземплярами» и «картами» имелись в виду винтовки и патроны, а под «брошюрами» – револьверы, можно было лишь в контексте анализа всей деятельности Акаши и его агентов. Но как раз этого-то новые руководители российской политической полиции делать и не хотели. К тому же в течение весны и начала лета 1905 г. Мануйлов по крайней мере дважды непреднамеренно вводил свое начальство в заблуждение об отправке оружия в Россию. В качестве основных перевозчиков боеприпасов в мае он указал немецкий пароход «Корделия», а затем – пароход «Каликста Гарсиа» (и даже представил его фотографию), который Циллиакус в начале июня почти сторговал в Гамбурге. По разным причинам обе эти сделки у заговорщиков сорвались, и информация о них, таким образом, оказалась ложной.

В общем, убедить свое новое начальство Мануйлову не удалось. Настроения, которые господствовали на Фонтанке в этой связи, вполне передает тот факт, что одну из своих телеграмм Мануйлову, которой санкционировался его незначительный расход «для получения сведений о провозе оружия», там даже не сочли нужным зашифровать и отправили открытым текстом, чем, по выражению Нелидова, «весьма озаботили» французскую тайную полицию. В итоге в конце июня 1905 г. предложения Мануйлова о реорганизации его работы в Западной Европе были окончательно отвергнуты, а сам он, по представлении в Департамент своего полного финансового отчета о деятельности за границей, был отозван домой. В середине августа 1905 г. его деятельность была свернута – последнее свое донесение из Парижа Мануйлов отправил 11 августа. Если учесть, что в эти же дни в связи со сменой заведующего фактически оказалась приостановлена и работа парижской Заграничной агентуры (место Ратаева занял Гартинг), то станет понятно, почему последние приготовления к отплытию парохода «Джон Графтон» и сопровождавших его яхт

прошли для Департамента полиции незамеченными, и в Петербурге об этой экспедиции узнали лишь на ее завершающей стадии. Слежка за Акаси в эти последние перед началом экспедиции «Джона Графтона» дни для российской контрразведки была серьезно затруднена и тем, что Акаси в лице жены одного из французских агентов Мануйлова приобрел весьма осведомленного информатора о положении дел в стане своих непосредственных противников. Услуги M-me Roland обошлись японской казне в 400 фунтов стерлингов⁶⁷⁷.

Впрочем, если обстоятельства в российской контрразведке летом 1905 г. сложились бы иначе, уследить за «Джоном Графтоном» ей вряд ли бы удалось: снаряжение судна и сам его поход были обставлены настолько конспиративно, что и сегодня многие детали этой экспедиции либо вообще неизвестны, либо остаются гадательными.

Первоначальным местом закупки оружия заговорщики избрали Гамбург. Именно здесь в июне 1905 г. Циллиакусу удалось-таки приобрести большую (2,5—3 тыс. шт.) партию револьверов «Веблей» с патронами. Однако наблюдение за главой фирмы-продавца показало, что он находится в контакте с российским консулом и другими «сомнительными русскими». Пришлось срочно перебазироваться в Швейцарию⁶⁷⁸. Здесь в середине июля усилиями Деканозова и Бо было закуплено около 25 тыс. снятых с вооружения винтовок и свыше 4 млн патронов к ним. Треть винтовок и чуть более четверти боеприпасов, писал Акаси, предполагалось направить в Россию через Черное море, а остальные – в Балтику⁶⁷⁹. С помощью торгового агента японской фирмы «Такада и К^о» и некоего англичанина эта часть оружия (по разным данным, 15,5—16 тыс. винтовок, 2,5—3 млн патронов, 2,5—3 тыс. револьверов и 3 тонны взрывчатых веществ) была скрытно перевезена сначала в Роттердам, а затем в Лондон. Сразу же стало ясно, что ранее купленные яхты “Cecil” («Сесил») и “Sysn” («Сизн») слишком малы для транспортировки этого груза. Поэтому в экспедиции им была отведена вспомогательная роль, а при посредстве делового партнера «Такада и К^о» Уотта у лондонского судовладельца Кларка (Clarke) был приобретен главный перевозчик оружия – старый (1883 г. постройки) 315-тонный пароход «Джон Графтон»⁶⁸⁰. Сразу после покупки пароход был формально перепродан доверенному лицу Чайковского – лондонскому виноторговцу Роберту Диккинсону (R.R. Dickinson), который в свою очередь 28 июля передал его в аренду

американцу Мортону (или, как утверждал позднее сам Диккинсон, продал каким-то голландцам⁶⁸¹). Сразу после этой операции «Джон Графтон» был переименован в «Луну», причем его старое название на борту было наскоро замазано, а новое так и не нанесено. Стремясь еще больше запутать возможную слежку, организаторы предприятия с помощью того же Уотта купили еще один пароход – «Фульхам» с единственной целью – тайно вывезти оружие из Лондона. Став собственностью некоей японской фирмы, «Фульхам», также получивший новое название («Ункай Мару»), был снабжен документами, удостоверявшими его плавание в Китай⁶⁸².

Сменив 28 июля в голландском порту Флиссинген команду (английский экипаж был списан на берег, вновь набранный включал 20 финнов и латышей во главе с членом Латышской СДРП Яном Страутманисом), бывший «Джон Графтон» направился к острову Гернсей, где в течение трех суток в открытом море в шторм грузился оружием с борта «Ункай Мару». Затем под английским флагом он взял курс на северо-восток; на всякий случай были припасены еще американский и германский флаги, но не было морских карт. Туда же, на северо-восток, и также с грузом оружия, но под видом совершения увеселительной прогулки направились и яхты, предварительно формально проданные подставным лицам. Циллиакус выехал в Данию, чтобы дать там последние наставления капитану «Джона Графтона», а также для организации переправки в Балтику еще 8,5 тыс. винтовок из числа тех, которые ранее предполагалось направить в Черное море.

Пока «Джон Графтон» бороздил воды Балтики, а Циллиакус и Акаси хлопотали о благополучном завершении его похода, в дело приемки оружия в России попыталась вмешаться новая сила – РСДРП, ее большевистская фракция. С тех пор, как закончил свою работу ее III съезд, никаких принципиальных изменений в попытках РСДРП (б) добыть оружие не произошло. Сообщения на этот счет мемуаристов-большевиков противоречивы. То, что в этом отношении удалось сделать Боевой технической группе (БТГ), созданной при Петербургского комитете партии еще в январе 1905 г. и переданной в ведение ЦК в мае, Н.К. Крупская прямо назвала «каплей в море»⁶⁸³. Напротив, член БТГ Н.Е. Буренин, описывая свою первую встречу с Лениным летом 1905 г. «для решения некоторых практических вопросов, связанных с приобретением оружия за границей», приписал

вождю следующую оценку своей деятельности: «Слышал про вас. Работаете хорошо. Как это вам удалось организовать транспорт в таком большом масштабе? Смотрите, не увлекайтесь! Провалить такое дело нельзя»⁶⁸⁴. Поскольку, однако, ни Буренин, ни кто-либо другой из членов БТГ никаких фактов в доказательство подобных успехов не приводит, сообщение Крупской, вероятно, ближе к истине. Это подтверждают и те сверхусилия, которые с санкции Ленина предприняли большевистские боевики в июле – августе 1905 г. для того, чтобы получить доступ к смертоносному грузу «Джона Графтона».

Во второй половине июня 1905 г. Буренин отправился в поездку по странам Скандинавии в компании с другим большевиком – В.М. Смирновым, который с 1903 г. постоянно жил в Финляндии, работая библиотекарем в Гельсингфорсском университете. Целью поездки было получение средств для партии от шведских и датских социал-демократов. В Стокгольме большевики посетили ссыльного финского журналиста и члена партии пассивного сопротивления Артура Неовиуса, с которым Смирнов был хорошо знаком и через которого начиная с февраля 1905 г. и втайне от других финских «пассивистов» шла переписка большевистского ПК со штаб-квартирой фракции в Женеве. О содержании их разговора можно судить по письму Буренина члену ЦК РСДРП и руководителю БТГ Л.Б. Красину от 26 июня. В нем Буренин сообщал, что деятели финской оппозиции готовы оказать большевикам помощь в «технике и транспорте»⁶⁸⁵. Насколько можно понять из этого письма, суть предложения «пассивистов» заключалась в том, чтобы использовать большевиков в качестве посредников для получения оружия от «активистов» (напомним, что их взаимоотношения с Циллиакусом прервались еще годом раньше) в обмен на информацию о перевозчике оружия. Расценив это предложение как весьма перспективное («Заметьте, насколько это важно теперь, когда речь идет о транспорте оружия!» – восклицал он в письме Красину), Буренин высказался за немедленную встречу с другим видным «пассивистом» – доцентом Гельсингфорсского университета Адольфом Тёрнгреном для проработки деталей.

Вскоре свидание Красина с Тёрнгреном состоялось и, по отзыву Буренина, «дало хорошие результаты». «Красин, – вспоминал

Буренин, – завоевал симпатию Тёрнгрена, который помог нам наладить транспорт оружия, организовать в шхерах испытание бомб, изготовлявшихся в Гельсингфорсе нашими химиками»⁶⁸⁶. Трудно что-либо утверждать о большевистских «химиках», но, спрашивается, какой оружейный транспорт мог помочь «наладить» Тёрнгрен, если сами «пассивисты» в тот момент настойчиво искали подходы к грузу «Джона Графтона»? Как видим, и этого большевистского мемуариста подвела память. Как бы там ни было, с разрешения Ленина Буренин передал Тёрнгрену женевский адрес вождя. Дверь для продолжения переговоров с финнами, таким образом, была большевиками открыта.

Несмотря на это, на большевистском Олимпе к инициативе Буренина – Красина отнеслись хотя и с любопытством, но сдержанно. Здесь явно предпочитали более прямой путь к заветному грузу. Поэтому в начале июля 1905 г. по настоянию Красина Буренин выехал в Женеву, где не позднее 9 июля встретился с Лениным и Гапоном. Буренин вспоминал: «В одном из кабачков в Женеве, где мы мирно распивали пиво, было решено, что я должен ехать вместе с Гапоном в Лондон, где он передаст мне все связи по этому (приемки оружия. – Д.П.) делу»⁶⁸⁷. На следующий день Буренин и Гапон действительно выехали в Лондон, где встретились с Циллиакусом и Чайковским. В тех скупых фразах, которыми Буренин комментирует ход состоявшихся здесь переговоров, есть ряд неточностей⁶⁸⁸, а об их результатах не говорится ничего. Надо думать, однако, что предварительная договоренность об участии большевиков в приемке оружия в России все же была достигнута.

19 июля Буренин вернулся в Женеву и вновь навестил Ленина. Реакция вождя на его известия была мгновенной. Тёрнгрену тотчас была направлена телеграмма с отказом от договоренной встречи⁶⁸⁹:

Гапон и компания явно внушали Ленину больше доверия, нежели «партия либеральной буржуазии», как он отзывался о «пассивистах». Буренин же получил указание продолжить лондонские переговоры, и в результате его очередной поездки в Лондон в 20-х числах июля большевики добились своего включения в состав ОБО⁶⁹⁰. Однако РСДРП (б) вошла «в дело» на явно дискриминационных условиях – ни тогда, ни позднее большевики не получили точной информации о времени и месте прибытия «Джона Графтона», как до конца не представляли себе и истинной роли Гапона во всем этом предприятии.

Поэтому их последующие усилия по приемке груза «Джона Графтона» в России чем дальше, тем больше напоминали фарс.

Окрыленный успехом, Буренин, не теряя времени, 2 августа явился в Петербург, чтобы принять участие в работе ОБО. Каково же было его разочарование, когда в столице он нашел «все в очень печальном виде»! Не найдя здесь ни Азефа, ни Рутенберга (первый, как мы уже знаем, появился в Петербурге лишь в 20-х числах августа, а второй был арестован еще 3 июля), в письме Гапону он констатировал, что группа, представителем которой он себя считал (т.е. ОБО), фактически не существует⁶⁹¹. Из письма Буренина Ленину следовало, что никакой практической работы в интересующем его направлении не вел и гапоновский «Рабочий союз». По его словам, «союзовцы и не думали ... о получении транспорта», «будучи заняты программой»⁶⁹². Поскольку «с.-р. теперь в Питере слабы, меньшевики провалились», а гапоновцы «бессильны ... что-нибудь сделать в смысле приемки», в том же письме Буренин извещал вождя, что решил взяться за организацию этого дела самостоятельно.

Свой план он изложил 10 августа на заседании ЦК РСДРП. Снова указав на то, что у Гапона «нет ничего в смысле организационном и техническом» и «принять оружие, закупленное им, он не имеет возможности», Буренин предложил ЦК взять все дело в свои руки, используя гапоновские деньги и техническое содействие эсеров. ЦК принял это предложение⁶⁹³. Однако на практике это решение не было, да и не могло быть осуществлено. Большевики по-прежнему были убеждены, что все нити предприятия по доставке оружия находятся в руках Гапона. Поэтому было решено срочно организовать с ним новую встречу. Убедить Гапона в целесообразности передачи приемки оружия большевикам должен был А.М. Горький, в свое время прятавший его на своей квартире и потому пользовавшийся его особым доверием. Параллельно ЦК постановил начать переговоры с финскими «активистами» как одними из организаторов экспедиции «Джона Графтона». Однако состоявшаяся очень скоро встреча Буренина и Красина с Гуммерусом и, возможно, Кастреном, не оправдала их надежд: финны отвергли предложение о передаче им той части груза, которая предназначалась для Петербурга. Об итогах этих переговоров Буренин незамедлительно сообщил Ленину и Гапону 13 августа⁶⁹⁴.

Оставалось надеяться только на Гапона. Буренин был настолько уверен в благоприятном исходе переговоров с ним, что, не дожидаясь, предпринял ряд практических шагов для подготовки приема груза «Джона Графтона». Эти меры не являлись реализацией какого-то более или менее продуманного плана, были хаотичны и не согласованы даже между собой. По указанию Буренина, в лесу, в имении Ахи-Ярви, которое принадлежало матери члена БТГ А.М. Игнатъева и располагалось на границе с Финляндией, были срочно вырыты глубокие ямы для хранения оружия⁶⁹⁵. С той же целью в Петербурге, как вспоминал другой член БТГ В.Е. Ландсберг, на Волковом кладбище был найден склеп с подвижной надгробной плитой. Кое-что было сделано и в Прибалтике, где действовал М.М. Литвинов. Узнав от Буренина, что «Гапон совместно с эсерами погрузил в шотландском порту оружие на пароход “Джон Графтон” ... не позаботившись об организации приемки» (оцените «точность» буренинской информации, читатель), он самостоятельно (!) избрал местом разгрузки остров Нарген близ Ревеля и был весьма обескуражен, когда пароход там так и не появился⁶⁹⁶.

По понятным причинам Гапон не торопился на встречу с большевиками, которая должна была состояться в Финляндии, и прибыл туда только в начале сентября. Но напрасно Горький вместе с двумя членами большевистского ЦК ждали его в имении Тёрнгрена – Гапон туда не явился, умышленно либо по недоразумению ожидая встречи в другом месте. Эту несогласованность Буренин позднее объяснил кознями финских «активистов»⁶⁹⁷. По версии же В.А. Поссе, сопровождавшего Гапона в этой поездке, в Финляндии священнику довелось переговорить с неким членом ПК РСДРП, которым Гапон остался очень недоволен. «Подвели меня, негодяи», – заявил он⁶⁹⁸, с тех пор и до конца своих уже недолгих дней сохранив крайне неприязненное отношение к социал-демократам⁶⁹⁹. Полгода спустя, в марте 1906 г. по постановлению эсеров Гапон как агент охраны был повешен рабочими на даче в Озерках под Петербургом. Как видим, большевики жестоко ошиблись в этом человеке по всем статьям.

Тем временем истинные организаторы экспедиции «Джона Графтона» и хозяева его груза не дремали. 20 августа Акаси прибыл в Стокгольм и здесь узнал от Циллиакуса, что его запланированная встреча с «Джоном Графтоном» в Копенгагене не состоялась. Сам же

корабль 18-го числа выгрузил часть оружия к северу от Виндау, но, не найдя никого в условленном месте, не смог этого сделать в главном пункте разгрузки – на острове близ Выборга⁷⁰⁰. Здесь же стало известно о результатах поездки в Петербург Фурухельма, который, как и Буренин, не обнаружил там и намека на какие-либо приготовления к приемке оружия. Пришлось срочно корректировать планы. Через несколько дней «Джон Графтон» вернулся в Копенгаген и, сменив капитана (им стал бывший старший помощник Страутманиса финский морской офицер Эрик Саксен) и пополнив запасы продовольствия, получил предписание двигаться в Ботнический залив. Дважды успешно выгрузив здесь партии оружия (в районе Кеми 4 сентября и близ Пиетарсаари 6 сентября), рано утром 7-го сентября в сильном тумане пароход налетел на каменистую отмель близ острова Kalfskoer в 22 км от Якобстадта. Команда попыталась выгрузить оружие на соседние острова, но это ей оказалось не под силу. Удалось полностью переместить лишь взрывчатку, и 8 сентября корабль был взорван. Воспользовавшись предоставленной местными жителями яхтой и собственными спасательными шлюпками, команда во главе с последним капитаном судна Дж. Нюландером бежала в Швецию⁷⁰¹.

Так бесславно закончилась эпопея с ввозом оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон». Тогда же, осенью 1905 г. с обломков парохода, долгое время остававшихся на плаву, со дна моря и из тайников на близлежащих островах властями было извлечено без малого $\frac{2}{3}$ находившихся на его борту винтовок, вся взрывчатка, огромное количество патронов, винтовочных штыков, детонаторов и других боеприпасов. Согласно суммарным данным ФЖУ, к концу октября 1905 г. жандармами было конфисковано 9670 винтовок «Веттерлей», около 4 тыс. штыков к ним, 720 револьверов «Веблей», около 400 тыс. винтовочных и порядка 122 тыс. револьверных патронов, около 192 пудов (свыше 3-х тонн) взрывчатого желатина, 2 тыс. детонаторов и 13 футов бикфордова шнура⁷⁰². Еще раньше таможенники обнаружили тайник на необитаемом острове в районе Кеми, из которого изъяли 660 кавалерийских карабинов шведского производства и 120 тыс. патронов к ним⁷⁰³. Ненайденное властями оружие разошлось среди местного финского населения, порядка 500 стволов попало в руки революционеров, в том числе социал-

демократов и лишь 300 досталось финским «активистам». Интересно, что источники отмечают наличие винтовок «Веттерлей» в Москве в декабре 1905 г.⁷⁰⁴ В Финляндии же они эпизодически появлялись вплоть до 1918 г.

Несмотря на то, что эпопея «Джона Графтона» окончилась крахом, сам факт нелегального появления грузенного оружием парохода, купленного на японские деньги, в непосредственной близости от столицы империи явился одним из самых крупных провалов российской контрразведки и тайной политической полиции за всю ее историю. Ответственность за него ложится на тогдашних российских полицейских руководителей, в первую очередь – на директора Департамента полиции С.Г. Коваленского и П.И. Рачковского. Первый по чиновному равнодушию не придал серьезного значения сообщениям Мануйлова, для второго личные пристрастия и праведный гнев в отношении «охраненских тунеядцев» оказались выше государственных интересов. Серьезнейшей, стратегического характера, ошибкой руководства российского МВД явилась отставка А.А. Лопухина с поста директора Департамента полиции, которая во многом предопределила все последующие провалы. Стараниями Рачковского во второй половине 1905 г. российская тайная политическая полиция и контрразведка в Западной Европе временно вообще оказались неработоспособны. В свою очередь Мануйлов, при всех своих просчетах и недостатках личного свойства, сделал все, что было в его силах, для нейтрализации деятельности японской агентуры в Западной Европе, но поддержки в Петербурге не нашел.

Позднее, возвращаясь к событиям лета 1905 г., газета «Новое время» со ссылкой на чиновника, «близко стоящего к полицейским сферам», писала: «Новый директор Департамента полиции Коваленский ничего не сделал для улучшения розыска. Он относился к этому делу более чем легкомысленно. Рассказывают, что им было получено донесение об отправке из Лондона в Финляндию оружия для подготовлявшегося в то время ... восстания, причем указывались и лица, занимавшиеся этим делом. Коваленский продержал у себя это донесение в течение трех недель, и только случайно судно, севшее на мель в Финляндии, не доставило для ... революционеров динамита и оружия ... В бытность во главе политической полиции Трепова руководить розыском был приглашен П.И. Рачковский, бывший долгие годы начальником нашей

политической полиции за границей. Рачковский считался знатоком этого дела и на него в высших сферах возлагались большие надежды. ... Система Рачковского ... в конце концов потерпела крушение и ему пришлось покинуть Департамент»⁷⁰⁵. Паралитики власти, заметил однажды министр юстиции И.Г. Щегловитов, слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции.

История с «Джоном Графтоном» и последующие, менее масштабные попытки ввоза в Россию оружия и взрывчатых веществ через Балтику заставили царское правительство предпринять ряд контрмер как по военным, полицейским, так и по дипломатическим каналам. По свидетельству таможенников, команда «Джона Графтона» изъяснялась между собой по-английски, поэтому соответствующий запрос Петербург направил и в Форин офис, вызвав там нешуточную озабоченность (в итоге британское внешнеполитическое ведомство отговорилось показаниями Диккинсона о продаже судна «каким-то голландцам» еще 28 июля⁷⁰⁶). Основываясь на принятом в конце 1905 г. постановлении Совета министров о воспреещении ввоза в империю оружия, в январе 1906 г. российский МИД предписал посланникам России в ряде европейских столиц «войти в сношения с соответствующими правительствами на предмет принятия сими последними мер для предупреждения вывоза оружия в империю»⁷⁰⁷. Еще раньше, в октябре – ноябре 1905 г., в Департаменте полиции начали задумываться о возможности предотвращения контрабанды оружия через Швецию силами либо Заграничной агентуры, либо Финляндского жандармского управления. Однако при ближайшем рассмотрении эта задача была признана невыполнимой⁷⁰⁸.

В начале 1906 г. под давлением Петербурга финляндский Сенат существенно усилил свою сторожевую и таможенную службы на суше и на море для предотвращения «тайного ввоза запрещенного оружия». Не особенно надеясь на действенность этих мер, российские власти предприняли и собственные шаги в том же направлении. В апреле 1906 г. по «высочайшему поведению» в ведение главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа был передан отряд из 80 судов разных типов с заданием «воспрепятствовать ввозу оружия морским путем в Прибалтийский край и в Великое княжество Финляндское». На суше такая же задача была возложена на войска Петербургского военного округа⁷⁰⁹. Вдобавок со второй половины

1906 г. за ввозом оружия на побережье Прибалтики стала наблюдать целая флотилия в составе 11 больших и 2 малых кораблей под началом жандармского подполковника Балабина. Схема его работы была простой: о выходе из иностранных портов судов, груженных оружием, он должен был информироваться Заграничной агентурой, а затем задерживать и досматривать транспорты силами своей «флотилии» в российских территориальных водах. Однако и эти меры, как вынужден был признать Балабин уже в январе 1907 г., «оказались совершенно бесполезными, если не считать устрашающего влияния их на контрабандистов»⁷¹⁰. В целом, по заключению современного специалиста, русские пограничники находили контрабандное оружие «лишь от случая к случаю»⁷¹¹.

«Сириус», или Ввоз оружия на Кавказ

Провал экспедиции «Джона Графтона» заставил ее организаторов предпринять новую попытку такого же рода, ориентированную, правда, уже не на северо-запад России, а на юг. Собственно, речь шла о том, чтобы вернуться к плану, осуществление которого было начато еще весной – летом 1905 г.

В отличие от истории с «Джоном Графтоном», подготовительные мероприятия по организации транспорта оружия в Черное море, как и имена большинства непосредственных участников этой операции, в источниках мы не находим. Из воспоминаний владельца и капитана перевозчика оружия, парохода «Сириус», которые были опубликованы в западноевропейской анархической печати в начале 1906 г., известно, что снаряжением этой экспедиции и ее организатором выступил Деканозов; в пути же его действия направлял некий «Интернациональный комитет» (ОБО?). В материалах российской тайной политической полиции сообщений о «Сириусе» практически нет. Документы о нем, найденные нами в фонде Департамента полиции, исходили от других ведомств. Объясняется это как уже известными нам обстоятельствами работы Манасевича-Мануйлова, так и тем, что осенью 1905 г. Заграничная агентура, «глаза и уши» Департамента в Западной Европе, по-прежнему находилась в неработоспособном состоянии. Как и всякий новый ее заведующий, Гартинг, вступивший в должность в августе 1905 г., начал с обследования и перестройки деятельности вверенного ему учреждения. Что касается японских источников, включая Акаси, то хотя в его докладе неоднократно указывается на участие автора в разработке плана переправки оружия в Черное море, о самом «Сириусе» говорится очень скупно. Явное нежелание японского полковника афишировать свое участие в этом деле, вероятнее всего, связано с тем, что поход «Сириуса» протекал уже после заключения мира между Россией и Японией и по одному этому в глазах официального Токио был бесполезной тратой времени и средств.

Тем не менее, сохранившиеся документы позволяют с той или иной степенью достоверности и полноты воссоздать основные вехи этой экспедиции.

Косвенные свидетельства о подготовке к отправке в Закавказье большой партии оружия содержатся в уже известной нам записке Циллиакуса, написанной им для Акаси и перехваченной Мануйловым в мае 1905 г. В ней фигурировала Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров как претендент на получение от японского разведчика 2 тыс. фунтов стерлингов. Деньги предназначались на закупку 5 тыс. винтовок, которые, как мы знаем, тогда же Деканозовым и были приобретены в Швейцарии. Однако в начале августа 1905 г. план черноморской операции был объявлен трудноосуществимым, и оружие, купленное Деканозовым, было решено направить в Россию прежним порядком – через Балтику⁷¹². Несмотря на это, Акаси тогда же встретился в Париже с представителями «кавказских партий» и условился с ними, что их сторонники на Кавказе приступят к практическим действиям, «как только начнутся восстания в Балтийском регионе»⁷¹³. Вероятно, основой этой договоренности стало обещание японца все-таки доставить на Кавказ крупную партию оружия и боеприпасов.

Закавказье как место доставки оружия было, конечно же, выбрано не случайно. И дело заключалось не только в «лоббировании» этого предприятия грузином Деканозовым. Брожение здесь, начавшись еще в 1902 г. в основном в сельских районах, к 1905 г. приняло формы настоящей революции. По всему Закавказью прокатилась волна аграрных беспорядков, забастовок и стачек в промышленных центрах. Правительственные учреждения, особенно полиция и суд, бойкотировались. В городах и сельских районах создавались боевые дружины и «красные сотни», на вооружение и содержание которых производились денежные сборы. На этом фоне резко обострились межнациональные противоречия между армянами и азербайджанцами. Конфликты на национальной почве в 1905 г. привели к массовым, ожесточенным и кровопролитным столкновениям.

Из революционных партий, принявших участие в движении, наиболее влиятельной и многолюдной являлась социал-демократическая, комитеты и группы которой в марте 1903 г. объединились в Кавказский союз РСДРП. В этом регионе социал-демократов поддерживали не только рабочие в городах, но и большинство крестьянского населения. Другие партии – эсеров, грузинских федералистов и т.д. – значительно уступали социал-

демократам в численности и влиянии, но, как отмечал в своем докладе на «высочайшее имя» министр внутренних дел П.Н. Дурново, все они признавали «важнейшей задачей своей деятельности подготовку вооруженного восстания для уничтожения самодержавной власти и созыва Учредительного собрания»⁷¹⁴. Во второй половине 1905 г. в Закавказье, особенно в портовых городах Черноморского побережья и сельских районах Западной Грузии, куда и предполагалось направить оружие, сложились благоприятные условия для достижения задуманных Акаси, Деканозовым и Циллиакусом целей.

Голландский пароход «Сириус» водоизмещением 597 т был куплен на японские деньги по заданию Деканозова в конце августа или начале сентября 1905 г. Христианом Корнелисеном, голландцем по происхождению и анархистом по убеждениям. Корнелисен впоследствии стал и капитаном судна; по сообщению печати, команда, также, вероятно, составленная из голландцев, была нанята «на самых щедрых условиях» для плавания в Средиземное море с заходом в Лондон и обратно. К середине сентября «Сириус» был нагружен оружием и боеприпасами, но все еще стоял в гавани Амстердама – вероятно, организаторы ожидали известий о «Джоне Графтоне» или просто еще не успели вернуться из Скандинавии. Между тем, сведения о «Сириусе» и его грузе попали в местную прессу, однако полиция Амстердама никак на них не отреагировала⁷¹⁵. Основываясь на сообщениях голландской газеты «Telegraf», российский консул в Гааге Н.В. Чарыков сообщил о «Сириусе» в Петербург, а глава российского внешнеполитического ведомства, в свою очередь, уведомил о нем товарища министра внутренних дел Трепова⁷¹⁶. Сложилась парадоксальная ситуация: не контрразведка и тайная полиция информировали МИД о действиях враждебных правительству сил в Западной Европе, а, наоборот, дипломаты ставили в известность спецслужбы о переправке в Россию оружия и взрывчатых веществ на революционные цели. Министерство внутренних дел попыталось принять кое-какие ответные меры, однако с самого начала слежка за «Сириусом», помимо недееспособности его заграничных структур, была осложнена и тем, что разные и независимые друг от друга источники в качестве конечного пункта путешествия парохода указывали не Кавказ, как это было в действительности, а Финляндию. Об этом сообщал Чарыков, это же утверждалось в справке берлинской

полицей в российский МИД⁷¹⁷. Поэтому основное внимание было обращено на судно под тем же названием Финляндского пароходного общества, которое в сентябре – октябре 1905 г. совершало свой обычный и вполне мирный рейс в Гельсингфорс. Настоящий же перевозчик оружия был безнадежно упущен. Успеху похода «Сириуса» во многом способствовала и та неразбериха, в которой по-прежнему пребывал русский Черноморский флот в связи с летними волнениями военных моряков.

22 сентября 1905 г. под голландским флагом «Сириус» мирно и никем особо не замеченный вышел из Амстердама и взял курс на юг. Если верить Корнелисену, в целях конспирации его маршрут предусматривал заходы во многие промежуточные порты якобы с коммерческими целями. Не исключено, что помимо 8,5 тыс. винтовок «Веттерлей» и от 1,2 до 2 млн патронов к ним на его борту действительно находились какие-то мирные грузы – места было достаточно: по своему водоизмещению «Сириус» почти вдвое превосходил «Джона Графтона». «Сначала путешествие “Сириуса” шло вполне благополучно, – вспоминал по горячим следам голландский анархист, – но в одном из портов Средиземного моря секрет его был обнаружен – и русская тайная полиция стала следить за ним. Чтобы скрыть свой дальнейший путь и ускользнуть с глаз полиции, “Сириус” предпринимал поездки то в ту, то в другую сторону, и этими маневрами ему удалось достигнуть своей цели. В ноябре месяце он вступил в воды греческого архипелага. “Интернациональный комитет” из Европы руководил им и телеграфировал капитану, чтобы он не входил в Черное море 20 ноября, так как в это время около берегов Малой Азии, по сведениям европейских газет, крейсировал русский флот⁷¹⁸. “Сириус” должен был идти без риска, и когда получилось сведение из России, что русский Черноморский флот в восстании и путь после 20-го ноября был безопасен, то 14-го ноября он снялся с якоря у греческого острова Цео»⁷¹⁹.

Преодолев без особых приключений Черное море, 24 ноября 1905 г. «Сириус» прибыл к месту назначения – в район Поти. В течение пяти последующих дней доставленное им оружие и боеприпасы перегружались на четыре баркаса, которые затем двигались к заранее определенным местам на побережье. «Вся страна была в полном

восстании, – вспоминал Корнелисен, – и в гавани царила лихорадочная деятельность. Все шло удачно и скоро получились доказательства, что посылка оружия произвела сильное действие»⁷²⁰.

В ночь на 25 ноября в Потийском порту был разгружен первый баркас. Работой занимались местные жители под руководством представителей потийской социал-демократической организации. Они были атакованы пограничниками, но, несмотря на это, в город удалось переправить и там спрятать свыше 600 винтовок и 10 тыс. патронов⁷²¹. Однако, спустя несколько дней, по данным британского консула на Кавказе, все эти 600 винтовок, укрытые в окрестном лесу, были обнаружены и конфискованы властями. Поиски боеприпасов, спрятанных в рабочих кварталах Поти, вызвали забастовку в порту и на других предприятиях города⁷²².

Второй баркас был задержан на следующий день в море близ местечка Анаклия. С него власти сняли 1200 винтовок и 220 тыс. патронов. Однако часть груза команде удалось выгрузить еще до ареста в районе Редут-Кале⁷²³.

Судьба оружия, находившегося на третьем баркасе, который был разгружен недалеко от Гагр, до конца не ясна. Известно лишь, что одна его часть (900 винтовок) в начале декабря 1905 г. была спрятана в имении князя Инал-Ипа, а другая перевезена в Сухуми⁷²⁴.

Оружие с четвертого баркаса было выгружено в районе Батуми и переправлено в ряд населенных пунктов Кутаисской губернии⁷²⁵. Таким образом, большая часть груза «Сириуса» попала по назначению и лишь 2—2,5 тыс. винтовок и около полумиллиона патронов были конфискованы властями. Попытка обнаружить и задержать загадочного доставщика оружия с помощью канонерской лодкой «Донец», посланной 28 ноября из Батуми, ни к чему не привела. 15 января 1906 г. «Сириус» благополучно отшвартовался в Амстердаме.

Кому предназначался груз «Сириуса», кто организовал его приемку и как распределил его, в каких конкретно эпизодах революционных выступлений в Закавказье нашло применение это оружие – на все эти вопросы нет исчерпывающего ответа. В качестве его получателей и пользователей одни источники указывают социал-демократов (в Поти, Гаграх), другие – социалистов-федералистов⁷²⁶, третьи в этой связи

просто пишут о «грузинах и мингрелах»⁷²⁷. Неясно также и то, действовали ли представители местных партий и этнических групп на основе какого-то соглашения или же, напротив, конфликтовали между собой, как утверждают некоторые историки. Как бы там ни было, нельзя считать случайным тот факт, что прибытие «Сириуса» совпало по времени с началом массовых вооруженных выступлений в Закавказье, тем более, что самые ожесточенные формы эта борьба приняла именно в тех местностях, куда поступило привезенное им оружие: в Поти, Зугдиди, Озургетах, Сухуми и др. Характерным и заслуживающим серьезного внимания представляется нам сообщение официального источника, согласно которому «красные сотни» в Зугдидском уезде в декабре 1905 г. были частично вооружены «швейцарским оружием, привозившимся ... арбами из Редут-Кале и местечка Анаклия»⁷²⁸.

Глава IV

На Дальнем Востоке: камергер А.И. Павлов и его «шанхайская агентура»

Сложилось так, что А.И. Павлова, в годы русско-японской войны сыгравшего ключевую роль в секретных операциях России на Дальнем Востоке, не принято причислять к героям этой войны и даже к ее сколько-нибудь заметным участникам. Заподозренный в крупных злоупотреблениях, незадолго до подписания мира с Японией, он стал жертвой травли в печати и в течение нескольких последующих лет требовал и ждал одного – гласного суда, чтобы с документами и фактами в руках доказать вздорность выдвинутых против него обвинений. «Дело» Павлова, сконструированное военными бюрократами и раздутое журналистами, прекращено было только в 1910 г. – келейно, без суда. Таким образом, его безупречная служба предшествующих лет оказалась перечеркнута, а блистательная дипломатическая карьера разбита. Характерно, что близкий ко двору граф С.Д. Шереметев, историк, член Госсовета и обер-егермейстер, впоследствии пригласил этого «казнокрада» главным управляющим своих имений, и Павлов, за неимением средств к существованию, согласился⁷²⁹. Сегодня имя этого человека незаслуженно и прочно забыто.

Но обо всем по порядку.

Александр Иванович Павлов родился в 1860 г. в небогатой беспоместной дворянской семье. В 1878—1882 гг. он учился в элитном Морском кадетском корпусе, причем по решению учебно-воспитательного совета училища его имя было выбито золотыми буквами на мраморной Доске почета. Отучившись и получив погонны мичмана⁷³⁰, в течение четырех последующих лет Павлов ежегодно участвовал в многомесечных морских походах, включая заграничные. Летом 1886 г. он увольняется в запас, поступает на службу в Азиатский (впоследствии – I) департамент МИД, а еще через четыре года

назначается на третьестепенный пост атташе в третьестепенную же миссию в Китае. Активизация России на Дальнем Востоке в середине 1890-х годов быстро превратила пекинское дипломатическое захолустье в аванпост российской внешней политики. В 1895 г. мы застаем нашего героя, хотя в чинах еще не слишком значительных (надворного советника), но выполняющим важную функцию. Будучи формально первым секретарем посольства, а фактически – доверенным лицом посланника графа А.П. Кассини, он, по свидетельству очевидца, «писал один все направляемые в Петербург политические донесения»⁷³¹.

Дальше – больше. Осенью 1896 г., когда решался «квантунский вопрос», Кассини вернулся в Россию и прежде назначения послом в Вашингтон состоял ближайшим советником по китайским делам министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева. В результате на долю Павлова, как на российского поверенного в делах, выпало на практике осуществлять в Китае стратегическую линию, выработанную в Петербурге его бывшим шефом. Диапазон задач, которые ему приходилось решать в Пекине, был огромен. Именно его подпись стояла под русско-китайским договором 1898 г., по которому Россия получала в длительную аренду Ляодунский (Квантунский) полуостров вместе с поселком Даляньвань (впоследствии город Дальний) и крепостью Порт-Артур.

Даже недоброжелатели признавали дипломатические таланты Павлова и его выдающееся политическое чутье. Британская печать, которая не испытывала ни малейших симпатий к российской политике на Дальнем Востоке, аттестовала его как «одного из наиболее блестящих и успешных представителей передовой школы российской дипломатии»⁷³². А. Гамильтон (Angus Hamilton), проработавший два года в Корее корреспондентом лондонской “Pall Mall Gazette”, указывая на «китайскую» страницу служебной биографии Павлова, отозвался о нем как об «очень способном русском», который сумел одержать «серию дипломатических триумфов» над многоопытным британским представителем в Пекине сэром Клодом Макдональдом (C. MacDonald). «Физически слабый, в интеллектуальном смысле это гигант, – описывал его британский публицист. – Он высок и сухощав; выражение его лица отчасти скрыто густой черной бородой ... Его деятельность подчинена рассудку, манеры сдержанны, даже бывая

порой резок, он остается симпатичен. Его английская речь поражает, хотя знание им многих других языков превосходит уровень владения нашим». «Пока позволяет состояние его здоровья, – заключал Гамильтон, – г-н Павлов будет служить своей стране ... с постоянным успехом, достойным похвалы»⁷³³. Действительно, во второй половине 1890-х годов Павлов превратился в одну из восходящих звезд российской дипломатии. Имя молодого российского поверенного в делах в Китае все чаще фигурирует в русской и зарубежной прессе и становится известным не только министру иностранных дел, но и самому Николаю II – по давней традиции император лично знакомился со всей важнейшей дипломатической перепиской.

9 мая 1897 г. китайские власти торжественно встречали на пекинском вокзале делегацию из Петербурга во главе с 36-летним князем Э.Э. Ухтомским – журналистом, поэтом, издателем и одновременно учредителем и председателем правления Русско-Китайского банка и КВЖД. В Поднебесной князя чествовали как чрезвычайного посланника «Великого Российского Государства»⁷³⁴. «Ухтомский прибыл в Китай с большой свитой... – вспоминал дипломат Соловьев. – В нее входили кавалергардский поручик князь Александр Волконский (будущий военный агент в Риме), гусарский штаб-ротмистр Андреевский, чиновник министерства государственных имуществ Забелло и, наконец... журналист, будущий редактор правительственной газеты “Россия” С.Н. Сыромятников (Сигма)⁷³⁵. Полномочия этой миссии были неопределенны»⁷³⁶. Официально делегация Ухтомского делала ответный визит после посещения годом раньше посланцем богдыхана Ли Хунчжаном московских коронационных торжеств (тогда князь встречал этого китайского сановника в египетском Порт-Саиде и лично сопровождал в древнюю столицу⁷³⁷). Практическая цель состояла в открытии отделения Русско-Китайского банка в Пекине. Кроме участия в этой церемонии Ухтомскому надлежало вручить китайскому императору знаки ордена Андрея Первозванного и царские подарки самому богдыхану, членам императорского дома и высшим чиновникам.

Ухтомский имел и непротокольные, секретные поручения министра финансов С.Ю. Витте – передать Ли Хунчжану треть обещанных в Москве 3 млн рублей за «сговорчивость» в вопросе о Маньчжурской железной дороге и попытаться устроить дельце с предоставлением

Русско-Китайскому банку концессии на разработку рудников в соседних с Маньчжурией монгольских аймаках. Хотя командировка Ухтомского состоялась в обход министра иностранных дел (ее инициатором выступил все тот же могущественный министр финансов при молчаливой санкции Николая II), граф Муравьев распорядился, чтобы российский поверенный в делах в Пекине оказал ему всяческое содействие. Ухтомский и его спутники были гостеприимно размещены в здании русской пекинской миссии. «Содействие и искреннейшее радушие достойнейшего А.И. Павлова и консулов наших, – сообщал Ухтомский из Пекина министру Муравьеву, – глубоко тронуло и продолжает трогать моих спутников и меня»⁷³⁸. В здании пекинской миссии делегация «человека без всякого служебного положения», как не без кокетства Ухтомский аттестовал себя сам⁷³⁹, провела полтора месяца, причем отношения с поверенным в делах и его сотрудниками, по отзыву Павлова, по видимости были «самые лучшие».

Между тем, на деле ни идея посылки такой делегации, ни сам князь Ухтомский как ее глава не вызывали энтузиазма у российского дипломата. «В отношении понимания наших ближайших практических интересов [в Китае] он является просто недалеким, поставить его в тупик как нельзя легче, – делился Павлов с графом Кассини своими впечатлениями об этом посланце Витте и царском любимце. – ... Ничего у него в голове не улеглось как следует, постоянно сам себе противоречит О китайцах, как и вообще о людях, он совсем не умеет составить правильного суждения. С одной стороны, он ставит китайцев на какой-то необыкновенный пьедестал, как что-то высшее и совершеннейшее, чем все другие национальности, а с другой стороны, когда заходит речь о том, чтобы ... решить какое-либо дело, – первое, что является у него в голове как средство – это подкупить. О том, чтобы настоять на чем-либо с достоинством и твердо, у него кажется и не зарождается никогда мысль – он этого совсем не понимает. Грустно, обидно и даже совестно слушать те слащавые, льстивые и просто униженные речи, которые он расточает Ли Хунчжану, князьям и всем министрам, так они не вяжутся с полным достоинством и честного убеждения тоном, которого мы всегда держались здесь в переговорах с китайцами». «Зачем соединять высокое звание лица, передающего царские грамоты и подарки, с задачами маленького афериста и поручать ему подпольными приемами устроить дельце, которое в

основе, может быть, и имеет политическую подкладку, но по внешнему характеру похоже больше на простое предприятие с целью наживы?» – недоумевал Павлов в том же письме⁷⁴⁰.

15 мая 1897 г. над зданием пекинского отделения Русско-Китайского банка был торжественно поднят флаг. Для привлечения симпатий китайцев он представлял собой причудливое сочетание русского трехцветного штандарта с китайским драконом на желтом – «богдыханском» – поле. Впоследствии этот банк выполнял не только функции обычного финансово-кредитного учреждения, но одновременно являлся важным инструментом российского проникновения в Поднебесную. Накануне и в годы войны с Японией заметную роль в секретных операциях России на Дальнем Востоке сыграли директор его пекинского отделения Д.М. Позднеев и особенно его преемник Л.Ф. Давыдов, который прежде работал в шанхайском отделении этого же банка. Первый основал в Пекине газету, которая отстаивала в китайской столице российские интересы, второй стал одним из наиболее деятельных сотрудников «шанхайской агентуры» А.И. Павлова. Через отделение Русско-Китайского банка в Шанхае осуществлялось и финансирование этой секретной службы.

«Рюрикович» Ухтомский был родовит и имел в Петербурге высоких и влиятельных покровителей. В 1890—1891 гг., во время путешествия наследника престола по странам Востока, он входил в его свиту, и в 1893 г. будущий император поручил именно ему написать и издать отчет об этой поездке. Их доверительное общение не прекратилось и после воцарения Николая II, причем одной из специализаций Ухтомского-публициста стали дальневосточные дела; его влияние на императора в этой сфере несомненно. Человек безусловно литературно одаренный, Эспер Эсперович как публицист представлял собой тип бойкого, плодовитого, но совершенно беспринципного писаки, причем задатки авантюриста сказались и в его государственной деятельности. В бытность в 1897 г. в Пекине Ухтомский решил не ограничиться выполнением возложенных на него поручений. Минувя дипломатов (но, очевидно, с санкции Витте), он попытался закулисно договориться с Китаем о получении обществом КВЖД концессии на продолжение железнодорожного полотна до моря, но успеха не достиг, а лишь затруднил дальнейшие двусторонние официальные консультации на этот счет (напомню, что соответствующий договор с Китаем после

сложнейших переговоров России удалось подписать только спустя почти год – в марте 1898 г.). Понятно, что об этом демарше князя Ухтомского пекинский поверенный в делах вынужден был известить Петербург, который поспешил отозвать незадачливого «переговорщика». С тех пор в российских дипломатических кругах на князя смотрели косо, и его рост по службе прекратился – он до конца жизни так и остался камер-юнкером. Павлов же со своей, как писал сам Ухтомский, «сказочной карьерой», стал его заклятым врагом. Но случай отомстить представился князю только через много лет.

Сеульская «прелюдия»

Со второй половины 1890-х годов карьера молодого дипломата действительно быстро пошла в гору. В 1898 г. «за отличие» он производится в статские советники, а в сентябре того же года получает назначение в Корею – поверенным в делах и Генеральным консулом. «Ближайшее знакомство Ваше с делами Крайнего Востока и приобретенный Вами опыт за время управления миссией в Пекине, – писал Павлову министр граф Муравьев 9 сентября 1898 г., – послужили основаниями, в силу коих его величеству благоугодно было назначить Вас на пост нашего поверенного в делах в Сеуле»⁷⁴¹. 38-летний бывший морской офицер стал, таким образом, одним из самых молодых руководителей дипломатического представительства российской державы за все время существования ее внешнеполитического ведомства. В январе 1902 г. Павлов уже именуется чрезвычайным посланником и полномочным министром при его величестве императоре Кореи. В том же 1902 г. он получает золотой камергерский ключ, возделенный многими, через год и снова «не в очередь», а «за отличие» – генеральский чин ДСС, а в 1897 и 1901 гг., соответственно, становится кавалером орденов Св. Станислава и Св. Анны (оба – II степени), не считая иностранных наград.

В эти годы Павлов постепенно превращается в одну из ключевых фигур российской политики на Дальнем Востоке. Не случайно, что в списке наиболее выдающихся здешних русских государственных деятелей журналист Гамильтон поместил его на третье место – сразу вслед за министром внутренних дел В.К. Плеве и дальневосточным царским наместником адмиралом Е.И. Алексеевым. Высокой репутации Павлова в Петербурге и успешному продолжению его дипломатической службы не помешала даже его дуэль с военным атташе в Сеуле подполковником Генерального штаба Л.Р. фон Раабеном, который позволил себе бестактные выходки в адрес его жены-американки. Через три месяца после дуэли, в октябре 1903 г., Раабен был отозван на родину, назначен командовать 4-м Восточно-

Сибирским стрелковым полком и впоследствии воевал в Маньчжурии⁷⁴².

Неотложные дела на несколько месяцев задержали Александра Ивановича в Пекине, и в Сеул он прибыл только в декабре 1898 г., сразу попав из китайского «огня» в корейское «попымя». С 1885 г., когда была учреждена российская дипломатическая миссия в Корею, между ней (тогда еще королевством) и Россией установились особо доверительные отношения. Король Коджон неоднократно просил Россию принять его страну под свой протекторат, но Петербург не считал возможным удовлетворить эти просьбы. Однако в начале 1898 г. в отношениях между странами произошел поворот, за которым последовал очередной виток роста в Корею японского влияния, а в конце 1905 г. – и установление над ней протектората империи микадо. В феврале 1898 г. в бытность посланником в Сеуле Н.Г. Матюнина корейский император официально заявил, что его страна впредь «может обойтись без поддержки России». Месяц спустя Корею покинули российские военные инструкторы⁷⁴³ и главный советник корейского Министерства финансов СС К.А. Алексеев, которых сразу заменили в первом случае японские офицеры, а во втором – англичанин Джон Маклеви Браун (J. MacLeavy Brown), коммерсант и финансист, тесно связанный с Японией деловыми интересами⁷⁴⁴. Для России эти изменения были оскорбительны по форме и болезненны по существу. Буквально накануне упомянутого демарша корейского монарха министр Муравьев в письме Матюнину с удовлетворением констатировал: «Главными устоями нашего влияния на соседнем полуострове в настоящее время могут служить войско и финансы страны, кои казалось бы необходимым предохранить от всякого воздействия со стороны Японии. В том и другом отношении мы успели уже добиться известных результатов»⁷⁴⁵. «В наши виды никогда не входили корыстные или тем менее завоевательные замыслы... – подчеркивал министр в секретной инструкции Павлову. – Независимое существование [Кореи] всего более может отвечать нашим интересам ... Мы никогда не имели в виду навязывать [ей] нашу помощь»⁷⁴⁶.

Говоря о стремлении обеспечить суверенитет Кореи, Петербург имел в виду не более чем ее формальный статус – еще в 1896 г. в связи с торжественным объявлением Сеула о своей независимости от Китая

тогдашний российский поверенный в делах в Корее Алексей Шпейер в разговоре со своим японским коллегой (им, кстати, был будущий министр иностранных дел Японии барон Комура Дзютаро) без стеснения назвал корейскую независимость «фарсом». Однако для «государства-отшельника» даже такая, формальная, независимость была лучше японского протектората, о желании установить который маркиз Ито Хиробуми незадолго перед тем (в 1895 г.) приватно сообщил британскому посланнику в Токио Эрнесту Сатоу (E. Satow). При этом японский премьер, которого западная печать величала «азиатским Гладстоном», не исключил и возможности прямой аннексии Кореи «более сильной» державой⁷⁴⁷, недвусмысленно намекая, таким образом, на Японию.

Еще недавно, в 1896—1897 гг., корейский монарх, спасаясь от японских агентов, вместе со всем своим правительством более года прожил в здании русской миссии в Сеуле⁷⁴⁸, от которой у него, понятно, не могло быть секретов; Русско-Корейский банк, учрежденный в 1897 г., получил право от имени корейского правительства собирать налоги с населения, обслуживать операции казначейства и даже чеканить местную монету. Весной 1898 г. все это разом рухнуло, и акции Японии на Корейском полуострове быстро пошли вверх. Хотя согласно апрельской 1898 г. русско-японской договоренности («протоколу Нисси – Розена») стороны обязались учитывать интересы друг друга на полуострове на равных основаниях, фактически состоявшийся «уход русских, – констатирует современный корейский исследователь, – имел тяжелые последствия для молодого независимого государства»⁷⁴⁹. Уже в июне 1898 г. Коджон секретно уведомил российского посланника, что сознает «свою неправоту относительно России», одновременно предрекая скорое обращение к ней Кореи за помощью «против Японии, влекущей ее к гибели»⁷⁵⁰. Однако было уже поздно.

Япония разработала программу «мирного проникновения» в Корею, которую неуклонно проводила в жизнь. Приморский военный губернатор П.Ф. Унтербергер, побывав здесь, нашел, что «влияние японцев повсюду резко заметно: везде в лавках видишь, что преобладающий привозной товар – японский», что «почти вся торговля рисом – этим главным предметом экспорта Кореи – находится в руках японцев», как и пароходные линии от корейских портов.

К 1902 г. свыше 70% внешнеторгового оборота Кореи приходилось на долю Японии, ею контролировалась транспортная сеть формально независимого государства, его средства связи и наиболее прибыльные концессии. В важнейших в стратегическом отношении корейских городах были размещены японские гарнизоны, которые могли обеспечить беспрепятственное вторжение в страну крупных воинских соединений. В самом Сеуле японский гарнизон в две сотни солдат и офицеров в январе 1901 г. было решено довести до 500 штыков «вследствие вызывающего образа действий русского посланника, сосредоточения на границе Кореи большого количества казаков и занятия русскими войсками корейской территории»⁷⁵¹; к весне того же 1901 г. этот гарнизон должен был насчитывать уже более тысячи солдат⁷⁵²; с 1900 г. все корейские почтовые и телеграфные конторы обслуживались исключительно японцами, японские жандармы несли охрану железных дорог и телеграфных линий.

Быстро росло число японских переселенцев. Несмотря на недружелюбное отношение к ним простых корейцев, к середине 1903 г. в 10-миллионной Корее проживало уже более 26 тыс. граждан островной империи (в 1902 г. – чуть менее 15,5 тысяч), причем японское правительство активно поощряло переселенческую кампанию, намеренно занижая в официальной статистике число японских колонистов. Особенно заметным было присутствие японцев на юге полуострова. В числе 50 тыс. жителей южнокорейского порта Фузан (Пусан) японцев насчитывалось 14 тысяч (в 1902 г. — 6 тыс.); из 1742 судов, посетивших этот порт в 1902 г., 1628 были японскими, которые вывезли 96% продукции, произведенной в южных провинциях Кореи. Немецкий врач Эрвин Бэльц (E. Baelz), который посетил Корею летом 1903 г., отметил, что даже по внешнему виду корейский Фузан – типичный японский городок⁷⁵³. Доля японских товаров в корейском импорте доходила до 80%⁷⁵⁴.

Общий смысл экономической политики Японии в Корее на рубеже XIX—XX вв. хорошо выразил такой специалист по внутри- и внешнеэкономической деятельности островной империи, как Н.А. Распопов – сначала помощник К.А. Алексеева по должности агента Министерства финансов в Токио, а после окончания русско-японской войны и сам такой агент: «Меры, принятые ею для мирного захвата Кореи, были очень немногочисленны, просты и

действительны. Их было всего две: *обеднить и обезлюдить* страну... – писал Распопов в декабре 1905 г. – С редкою дальновидностью и постоянством японцы пользовались также отсталостью и непредприимчивостью корейцев – и по всему побережью оттирали их от морских промыслов, где было можно – на основании оформленных в Сеуле концессий, еще чаще – “по праву произвола”, путем угроз и насилий. Внутри страны шло то же возведенное в систему оттирание корейцев от земли, поддержание и развитие нужды и голода. ... В такой стране, как Корея, где фабричной промышленности не существует вовсе и кустарный промысел ограничивается самым ничтожным производством наиболее простых предметов обихода, отняты, таким образом, у народа *сперва капитал, потом наличные естественные продукты и, наконец, теперь – самая возможность их добывать*. Больше сделать для обеднения страны нельзя». Правда, подчеркивал Распопов, «когда речь идет о современной Корее, надо различать, так сказать, две страны этого наименования: Корея для корейцев и Корея для японцев. В первой деятельность Японии – исключительно разорительная, во второй – созидательная»⁷⁵⁵.

От экономического проникновения Японии в Корею не намного отставало и культурно-политическое. Еще в 1900 г. Токио через своих дипломатических представителей запрашивал мнение Петербурга и Берлина о превращении Кореи в сферу своего исключительного влияния (тогда Россия отказалась рассматривать эту проблему, а Германия объявила свой «полный нейтралитет» в корейском вопросе)⁷⁵⁶, повторив ту же попытку летом 1902 г. В Корею, как и на других стратегически важных и географически близких к ней территориях дальневосточного региона (в Китае, Индокитае, отчасти на русском Дальнем Востоке), Япония стремилась установить свой контроль над многими сферами духовной жизни, включая образование, просвещение и культуру. В девяти крупнейших корейских городах были открыты японские школы, молодые корейцы за счет японского правительства вывозились на учебу в Японию, чтобы вернуться на родину проникнутыми идеалами и ценностями этой страны. Накануне русско-японской войны японцы издавали в Корею четыре газеты.

Российское внешнеполитическое ведомство, понимая, что Россия, занятая своими проблемами в Китае, не имеет сил и возможности

поставить барьер японской экспансии на Корейском полуострове, сознательно отказалось от активных действий из опасения «вызвать недоразумения с Японией». «Сдержанность наша [в Корее], – инструктировал Павлова Петербург осенью 1898 г., – имела прежде всего в виду ... обеспечить возможно нормальное течение событий, дабы дать России время стать вполне твердою ногою на берегах Тихого океана и всецело воспользоваться для этого плодами достигнутых нами в Китае успехов»⁷⁵⁷. Кроме руководителей российской внешней политики графа М.Н. Муравьева и его преемника графа В.Н. Ламздорфа сторонниками «проманьчжурской» линии России на Дальнем Востоке выступали и другие российские сановники, особенно руководитель финансового ведомства Витте и военный министр генерал-адъютант Куропаткин. «Куропаткин, стремясь к увеличению нашей военной подготовленности на западной границе, – вспоминал крупный чиновник В.И. Гурко, – желает направить в эту сторону ограниченные средства, которыми располагает военное ведомство, и поэтому противится дальнейшему усилению нашей деятельности на Дальнем Востоке. Витте не желает выпускать из своих рук почти единоличное хозяйничанье во всех созданных им предприятиях в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, причем также стремится ограничить расходы казны на Дальнем Востоке. Наконец, Ламздорф опасается, что наша шумливая деятельность в Южной Маньчжурии и Северной Корее создаст нам международные осложнения не только с Китаем и Японией, но и с Америкой и Англией. Вырисовывающаяся на горизонте возможность вооруженного столкновения с Японией, хотя на страну эту продолжали смотреть как на силу более или менее ничтожную в боевом отношении, все же смущает правительство. Министерство уверено, однако, что избежать ее можно не увеличением количества наших войск, расположенных на Дальнем Востоке, а прекращением явно агрессивного по отношению к Японии образа действий»⁷⁵⁸. Таким образом, по вопросу о приоритете интересов России в Китае над Кореей в Петербурге сложился «триумвират» министров – Витте – Куропаткин – Ламздорф.

Посланник Павлов был убежден, что «если корейское государство лишится поддержки русского правительства, то гибель Кореи неизбежна»⁷⁵⁹, и потому отвергал время от времени возникавшие

проекты нейтрализации Кореи под международные гарантии (к идее такой «нейтрализации» весьма сочувственно относились в самой Корее, но резко противились в токийском МИД). Свое пребывание в Сеуле, помимо решения насущных хозяйственно-правовых проб лем своих весьма немногочисленных соотечественников, которые стремились обзавестись здесь земельной и иной собственностью, Павлов в основном употребил на то, чтобы по мере сил сдерживать японское проникновение на полуостров. Активность в этом направлении сделала его весьма непопулярной фигурой в глазах японских публицистов – по подсчетам порт-артурской газеты «Новый край», только в течение 1902—1903 гг. японская печать трижды распространяла слухи о его отставке («Кажется, это служит достаточным мериллом полезности его для России», – резонно заметило по этому поводу петербургское «Новое время»⁷⁶⁰). Во многом успехам Павлова способствовали доверительные отношения, которые сложились у него с корейским императором и его ближайшим окружением – русский посланник имел возможность в деталях узнавать о содержании бесед, которые вели во дворце японские представители.

Однако действовать во враждебном окружении было нелегко, и Павлов нервничал. Анализируя его пребывание в Корее, искушенный Карл Вебер, проработавший в Сеуле более 10 лет, позднее писал графу Ламздорфу: «Он не знал корейского характера и когда дела не приняли тотчас же более благоприятного оборота, то он под давлением [русского] общественного мнения, ожидавшего от него блестящих успехов, стал горячиться, действовал круто и оттолкнул этим от себя корейцев»⁷⁶¹. Несмотря на это, по мнению современного английского исследователя, в 1900—1904 гг. «Россия выиграла битву за влияние на дворец с самим императором в центре, тогда как Япония была более успешна в делах с [корейскими] чиновниками и местными предпринимателями на периферии»⁷⁶². Тесные связи с корейским монархом и взаимное доверие сохранились у Павлова и после его вынужденного отъезда из страны. По мнению британского посланника в Сеуле, здешний «дворец был прорусски настроен в течение всего времени русско-японской войны»⁷⁶³.

Курс МИД на сдерживание Японии в Корее имел в Петербурге и могущественных противников. В конце 1890-х годов за более активное

вмешательство в корейские дела выступила группа влиятельных сановников во главе с А.М. Безобразовым, которые, однако, как показала практика, в большинстве были озабочены не столько государственными, сколько личными материальными интересами⁷⁶⁴. За «безобразовцами» стояло ближайшее окружение императора, им негласно покровительствовал и сам Николай II. Деятельность этой группировки явилась другим важнейшим «нервом» пребывания Павлова в Сеуле. Здесь ему снова пришлось столкнуться с «наследством» своего предшественника Матюнина, а также недавнего сослуживца по Пекину военного агента в Китае К.И. Вогака.

В 1897 г. в бытность посланником в Сеуле Матюнин заинтересовался предложением владивостокского 1-й гильдии купца Ю.И. Бринера продать принадлежавшую ему лесную концессию на севере Кореи. Предчувствуя серьезные барыши, предприимчивый Матюнин отправился в Петербург и сумел заручиться поддержкой влиятельных лиц, включая великого князя Александра Михайловича, Безобразова и двоюродного брата последнего, капитана 1-го ранга (вскоре ставшего адмиралом) А.М. Абазу, которые, в свою очередь, ознакомили с его планом министра двора графа И.И. Воронцова-Дашкова, а через него – и самого императора. Николай II идею покупки концессии поддержал, но поставил условием, чтобы лесное предприятие в Кореи формально оставалось частным, а не правительственным. Деньги на покупку концессии, однако, были предоставлены как будущими акционерами, так и, главным образом, выделены из Кабинета его величества (к 1903 г. сумма ассигнований последнего на это предприятие достигла 250 тыс. рублей). В итоге, вступая в 1899 г. в собственность корейского предприятия Бринера, Матюнин дал министру двора обязательство в любой момент передать свои права на концессию лицу, на которое укажет министр, по первому его требованию. Самыми деятельными фигурантами северокорейского предприятия по-прежнему оставались Безобразов и великий князь Александр Михайлович, которые обеспечивали его политическую составляющую, в первую очередь – поддержку императора. В основе такой позиции Николая II, вероятно, лежало стремление в перспективе присоединить Корею к России – комбинация, в свое время отвергнутая его отцом, Александром III. «Мы, министры... задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем, – говорил

Куропаткин Витте; – он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры». Витте вполне согласился с таким «диагнозом»⁷⁶⁵.

В декабре 1903 г. Матюнин был назначен помощником Абазы по должности управляющего Особого комитета Дальнего Востока – органа, созданного по предложению Плеве, который, если верить Гурко, стремился, таким образом, придать «безобразовцам» официальный статус и тем «обеспечить нашу дальневосточную политику от закулисных влияний отдельных безответственных лиц». Этот Комитет за полтора года существования не был собран ни разу, но, благодаря вновь обретенному статусу, Абаза и Безобразов фактически превратились в распорядителей российской дальневосточной политики – по этим вопросам они получали право личного доклада императору. Переговоры с Японией оказались сосредоточены в руках наместника Алексеева, тогда еще их сторонника. «Словом, – заключал Гурко, – Безобразов перехитрил Плеве и, образовав при содействии последнего наместничество и Дальневосточный комитет, использовал эти учреждения для устранения от дел по Дальнему Востоку всех министров, в том числе и самого Плеве, и сосредоточения их всецело в своих руках»⁷⁶⁶.

Русское общественное мнение в целом отнеслось к дальневосточному предприятию безобразовцев скептически, в Токио и в западных столицах в нем усмотрели потенциальную угрозу своим государственным интересам. Газета «Новое время», желая подчеркнуть его авантюрный и чуждый российским интересам характер, сообщала: «По сведениям, полученным нами из Кореи, имена служащих в “Русском лесопромышленном товариществе”, разрабатывающем леса северной Кореи, таковы: управляющий сеульским отделением барон Гинцбург, иудей; секретарь сеульского отделения Штейгер – то же; “агент по сбыту леса” в Порт-Артуре Живо-товский – еврей; агент на Ялу Скидельский – польский еврей»⁷⁶⁷. Хотя в коммерческом смысле корейское лесное предприятие оказалось панамой, аппетиты «безобразовской клики» росли и к концу 1890-х годов привели ее участников к мысли о получении концессии на строительство в северной Корее дорог и телеграфных линий. Как

им казалось, необходимость охраны вновь построенных объектов рано или поздно даст России повод ввести на север Кореи свои войска, а в дальнейшем и аннексировать эти территории.

В течение следующих нескольких лет в обсуждение концессионных махинаций на севере Кореи и решение возникавших в этой связи проблем так или иначе оказались вовлечены все ключевые министры российского кабинета. Одновременно между безобразовцами и их противниками нарастала личная неприязнь. В своей частной переписке «концессионеры» именовали Витте и его сторонников «паршивым триумvirатом патентованных подлецов», затеявших интригу против «хозяина» (т.е. Николая II); в свою очередь, Витте в посланиях Куропаткину отзывался об одном из них (адмирале Алексееве) как о «вредном подонке», «карьеристе» и «опереточном главнокомандующем»⁷⁶⁸. Уже после начала русско-японской войны правая печать повела атаку на министра Ламздорфа, обвиняя главу российского внешнеполитического ведомства в слабости и некомпетентности. По данным британского посла в России Чарльза Скотта (Ch. Scott), инициаторами и организаторами этой кампании явились все те же адмирал Абаза и генерал Вогак.

Естественно, что в гущу этих споров оказался вовлечен и посланник в Сеуле, положение которого вообще было щекотливым. С одной стороны, он должен был следовать указаниям своего министерства, которое понимало, какими тяжелыми осложнениями для России чревато безобразовское предприятие, и, мягко говоря, его не приветствовало⁷⁶⁹. Да и сам он, как замечает американский историк Эндрю Малоземов, являлся поборником российской активности совсем не в Корее, а в Китае⁷⁷⁰. Но, с другой стороны, Павлов не мог не принимать в расчет личную заинтересованность в этом деле таких «тяжеловесов» российской политики, как наместник на Дальнем Востоке адмирал Алексеев, министр внутренних дел фон Плеве, великий князь Александр Михайлович, самого императора, наконец. Поэтому, не разделяя в полной мере воззрений безобразовцев и понимая потенциальную опасность для России их курса, он был вынужден хлопотать перед корейским правительством о продлении срока действия их концессии и добился своего – в апреле 1901 г. Сеул сообщил о ее продлении еще на три года. Зато попытки одного из видных безобразовцев барона Гинцбурга добиться получения от Сеула

концессий сначала на торговлю женьшенем, а затем на эксплуатацию железнодорожной ветки Сеул – Инчжу (Вичжу) не получили его поддержки⁷⁷¹. На правительственных совещаниях этих лет по дальневосточным вопросам, в которых ему довелось принять участие, а также в личных беседах Павлов старался доказать пагубность для России безобразовских затей. В июне 1903 г. на совещании в Порт-Артуре в присутствии Алексева, Куропаткина и самого Безобразова он прямо заявил, что корейское правительство считает деятельность русской лесопромышленной компании «предприятием военно-политического характера и предрекает столкновение русских с японцами именно по этому поводу»⁷⁷². В данном случае в уста корейцев посланник в Сеуле, очевидно, вложил собственную точку зрения. В такой ситуации ему только чудом удавалось сохранять доверительные отношения с представителями обоих враждующих лагерей.

Еще откровеннее Павлов выразился в беседе с Куропаткиным, которого посетил в Петербурге в январе 1903 г., вызванный министром Ламздорфом на очередное совещание по маньчжурским делам. «Предприятие Александра Михайловича в северной Корее заботит Павлова, – записал военный министр в своем дневнике. – Лучше вести его только как коммерческое предприятие ... Павлов заключил, что если несомненны и чисто патриотичны желания и надежды вел. кн. Александра Михайловича, то стоящие непосредственно у дела лица об идеалах не думают, а извлекают себе личные выгоды». В заключение Павлов гарантировал Куропаткину свою поддержку в «маньчжурском вопросе»⁷⁷³. Американский историк Джон Уайт прав, когда отмечает, что «Павлов понимал, что политика Безобразова может привести лишь к ухудшению ... ситуации, поскольку лишит Россию свободы маневра» на полуострове⁷⁷⁴. Несмотря на это, вскоре после начала русско-японской войны “Times” связала имя российского посланника в Сеуле не только с «операцией» 1898 г., которая увенчалась заключением договора с Китаем об аренде Порт-Артура, но и с получением Россией лесной концессии на Ялу и русской «оккупацией Ионампо», и со «всеми вообще проявлениями российской активности на корейской стороне маньчжурской границы, которые, в конечном счете, вызвали настоящие действия Японии»⁷⁷⁵. Другими словами, британский официоз возлагал именно на него ответственность за обострение

русско-японских отношений. Японская печать, до войны распространявшая слухи о стремлении Павлова установить контроль над всей внутренней и внешней политикой Кореи⁷⁷⁶, позднее также отзывалась о нем, как о человеке, «посадившем семена текущей войны»⁷⁷⁷.

Предостережения министров-антибезобразовцев на Николая II не подействовали. Осенью 1902 г. ведомство торгового мореплавания было передано великому князю Александру Михайловичу (с присовокуплением адмиральских погон) и Абазе; в июле 1903 г. состоялось учреждение дальневосточного наместничества с Алексеевым во главе, а уже в августе Витте лишился поста министра финансов. Таким образом, безобразовская линия одержала в дальневосточной политике России верх, и корейский вопрос явился вторым после «маньчжурского» поводом Японии к началу войны, к которой Россия была явно не готова. Накануне конфликта в главной русской цитадели в Маньчжурии – Порт-Артуре – царили спокойствие и благодущие, наместник же был преисполнен воинственности. Получив 25 января (7 февраля) 1904 г. сообщение об отзыве Токио своего посланника из Петербурга, адмирал Алексеев заявил начальнику своей дипломатической канцелярии: «...поздравляю вас с войной. <...> Ну, слава Богу (он перекрестился)! Дай бог поколотить им хорошенько морду. Это все-таки лучше, чем вести бесконечную канитель»⁷⁷⁸. Спустя три дня и Порт-Артур, и Владивосток, и местности, находившиеся в пользовании КВЖД, были переведены на военное положение, вскоре распространенное на Благовещенск и Забайкальскую область.

Начало войны. Отклики прессы

Огромное значение для формирования международного имиджа России и Японии как в ходе войны, так и на протяжении последующих лет имели обстоятельства начала русско-японского вооруженного конфликта 1904—1905 гг. Важно выяснить, кто и как начал эту войну и как эти действия квалифицировали современники.

Японский посланник в Петербурге С. Курино указание Токио объявить о разрыве дипломатических отношений с Россией со второй половины дня субботы 24 января (6 февраля) 1904 г. получил накануне вечером⁷⁷⁹. В соответствии с инструкциями своего министерства, ему и всем сотрудникам японской миссии надлежало покинуть российскую столицу не позднее 10 февраля и выехать в Берлин, где ожидать дальнейших распоряжений⁷⁸⁰. 24 января (6 февраля) Курино направил Ламздорфу ноту о разрыве – к величайшему удивлению и русского министра, и Николая II. «Разрыв сношений последовал 24-го января в 4 часа дня», – констатировал директор I департамента МИД Н.Г. Гартвиг⁷⁸¹. В японской ноте указывалось, что, прекращая переговоры и прерывая дипломатические отношения, правительство Японии приняло решение «предпринять независимые действия, которые посчитает нужными для защиты в настоящем угрожающем положении своих прав и интересов»⁷⁸². В частном письме Ламздорфу Курино выразил надежду, что «перерыв дипломатических отношений ограничится максимально коротким промежутком времени» (“*the rupture of diplomatic relations would be confined to as short time as possible*”⁷⁸³). Примечательно, что в официальную публикацию, вышедшую в Токио и посвященную обстоятельствам разрыва, эти последние заверения Курино не вошли.

Прекращение дипломатических отношений с вышеприведенной формулировкой (о готовности Японии «предпринять независимые шаги для защиты своих прав и интересов») и отзыв своей миссии из Петербурга японцы, а затем и их западные союзники впоследствии интерпретировали как «ультиматум», равнозначный началу вооруженного конфликта⁷⁸⁴. Если принять это на веру, следует признать, что в таком случае никакого дополнительного объявления

войны, а уж тем более «высочайшего» манифеста в Токио на этот счет опубликовать бы не стали – он попросту не понадобился бы. Однако рескрипт микадо последовал 28 января (10 февраля) – на третий день боевых действий. Судя по тексту цитированной выше записки Курино Ламздорфу, японский посланник также не рассматривал свой отзыв из Петербурга как ультиматум либо как событие, равнозначное объявлению войны. Так же обстоятельства начала конфликта воспринял и американский посланник в Токио, которого министр Комура еще утром 6 февраля заверял, что японские войска не начнут действовать без формального объявления войны⁷⁸⁵.

В своем манифесте японский император указал, что начинает войну «совершенно против своих ожиданий», возлагая всю ответственность за конфликт на Россию, которая, по его словам, «с самого начала не имела серьезных и подлинных мирных намерений»⁷⁸⁶. На следующий день в речи на парадном банкете по случаю очередной (2564-й) годовщины воцарения правящей династии микадо вновь заявил, что «прервать мирные переговоры с соседней великой державой» его заставили «обстоятельства, находящиеся вне нашего контроля»⁷⁸⁷. Что он имел при этом в виду, теперь сказать трудно, но посланник в Токио барон Р.Р. Розен и другие сотрудники российской миссии были убеждены, что мирные переговоры микадо действительно оказался вынужден прервать, но не из-за мифической неуступчивости Петербурга, а потому, что его правительство «было подавлено влиянием военных и шовинистских партий, которые требовали войны во что бы то ни стало»⁷⁸⁸.

Обстоятельства разрыва и своего отъезда из Японии барон Розен описал в газетном интервью, которое дал по дороге в Европу на французском пароходе «Yarra»: «6 февраля (24 января) меня вызвал к себе г. Комура (министр иностранных дел), который сообщил мне о разрыве. Министр мне сказал, что ... советует мне, персоналу миссии и консульств уехать»⁷⁸⁹. Я понял и уехал, даже не откланявшись микадо. Очень много говорили о числах, когда пришли последние дипломатические ноты. Вот истина: русская нота, которую наше правительство послало адмиралу Алексееву, была мне переслана 5 февраля (23 января)⁷⁹⁰, я же получил ее лишь на следующий день после разрыва дипломатических сношений (т.е. 25 января / 7 февраля. – Д.П.) и вместе с тем получил целый пакет телеграмм из

Петербурга. Все это было задержано японцами ... Я сел на пароход в Иокогаме, куда меня привез экстренный поезд. В Иокогаму мы приехали в 11 часов ночи. На вокзале меня ждал конвой в 100 человек пехоты, который и сопровождал меня до парохода. Вступив на “Yarra”, я вздохнул полной грудью: “Наконец-то я на французской территории!”. Накануне моего отъезда из Токио толпа японцев окружила здание миссии, ревела, орала, стучала в окна и двери; полиции стоило немалого труда разогнать этих бешеных людей»⁷⁹¹.

Лондонская “Times” со слов собственного корреспондента в Токио отъезд российского посланника изобразила иначе: «Японские император и императрица направили сердечные прощальные послания и красивые подарки барону и баронессе Розен. Барон Розен, покидая вчера Токио, устроил грандиозный прощальный прием. Многие высокопоставленные японские чиновники явились пожелать ему счастливого пути, а вдоль пути его следования были расставлены войска»⁷⁹². В редакционной комментарии британская газета недоумевала по поводу приведенных русским посланником сведений относительно времени получения им официального ответа российской стороны на последние японские предложения – с подачи Токио, к тому времени на Западе утвердилось мнение, будто депешу из Петербурга намеренно придержали не в Токио, как утверждал Розен, а в Порт-Артуре – в канцелярии российского наместника⁷⁹³.

Независимо от того, кто задержал ответ Петербурга на пороге войны (и, таким образом, дал повод Японии упрекать Россию в намеренном затягивании переговоров), получалось, что в первые дни конфликта японская армия и флот действовали без санкции микадо и даже «против его ожиданий». На самом деле решение об открытии военных действий было принято в Токио не позднее 12 января 1904 г. по новому стилю⁷⁹⁴, а 22 января (4 февраля) на совещаниях у императора были отработаны детали будущего нападения. На 9:30 утра этого дня микадо призвал председателя *гэнро* маркиза Ито Хиробуми и в течение двух часов совещался с ним с глазу на глаз. После обеда во дворец явились все пятеро *гэнро* в компании с ключевыми министрами – военным (Тераучи), морским (Ямамото), иностранных дел (Комура) и финансов (Сонэ) во главе с самим премьером графом Кацура. Вечером того же дня на экстренное трехчасовое заседание собрался уже весь кабинет

министров. По его итогам японский ВМФ получил приказ напасть на Порт-Артур и высадить десант в Корею.

«Трудный день выдался вчера во дворце», – заметила 5 февраля “Japan Times”⁷⁹⁵, однако и следующий оказался не менее напряженным. Утром с микадо снова совещались руководители ключевых министерств, к которым на этот раз присоединились начальники Генерального и Морского штабов Ояма и Ито с заместителями. Каждый из приглашенных выступил с докладом, после обеда императора вновь посетил министр финансов Сонэ. В воскресенье 7 февраля микадо долго совещался с маркизом Ито и маршалом Ояма⁷⁹⁶. Маршал маркиз А. Ямагата впоследствии признал, что «принимая решение о начале военных действий против великой мировой державы, он был не вполне убежден в успехе». Если военно-морские силы сторон, по его словам, были примерно равны (что давало уверенность как самому маршалу, так и всем «заинтересованным лицам», что более опытный японский флот «не будет целиком уничтожен»), то общее соотношение сухопутных как 1:8 (полмиллиона штыков у Японии против четырех миллионов у России) и «лучшее, чем у Японии» вооружение армии противника внушали японскому командованию большие опасения. В целом, по словам Ямагата, готовя нападение на Россию, японские военные «не испытывали абсолютной уверенности в конечной победе»⁷⁹⁷. Как сообщает историк С. Окамото, руководители японской армии шансы на победу оценивали в 50 процентов, командование ВМФ готовилось к потере половины своих судов⁷⁹⁸.

Пока во дворце микадо предавались тяжелым размышлениям о военных шансах сторон, японские военно-морские силы были стянуты в Сасебо, где на борту броненосца «Миказа» всю ночь на 24 января (6 февраля) командующий вице-адмирал Того совещался с капитанами своей эскадры – как мы уже знаем, накануне адмирал получил приказ своего правительства напасть на русский флот⁷⁹⁹. «Команду над крейсерами, – записал в этот день в своем дневнике японский военный моряк, – получают адмиралы Уриу и Камимура; еще неизвестно, как разделится эскадра»⁸⁰⁰. Офицерам было разъяснено, что Япония не будет заранее объявлять России войну, так как это «совершенно непонятный глупый европейский обычай»; другими словами, «мы

вздурем вас, лишь только найдем удобный случай»⁸⁰¹. Посланник Курино только-только заявил в Петербурге о разрыве дипломатических отношений, когда японские корабли уже вышли в поход. «Куда мы идем, – отметил автор дневника, – никому не известно», но двигался флот в направлении Кореи. Как позднее рассказывал офицер штаба командующего лейтенант Мацумура одному британскому адмиралу, на высоте корейского порта Мокпо «дивизия адмирала Уриу при громких криках “банзай” и под звуки музыки отделилась и пошла на Чемульпо. Того подал Уриу сигнал: “Желаю удачи в предприятии”»⁸⁰². Как видим, подлинный смысл надвигавшихся событий для японских военных моряков был вполне очевиден – речь шла о развязывании вооруженного конфликта. Таким образом, ответ Петербурга на последние мирные предложения Токио, в сущности, никакой роли уже не играл – независимо от русского ответа, война началась⁸⁰³. На то, что военные действия фактически открылись в момент выхода японского флота из Сасебо, указывалось и в решении одного из японских призовых судов за 1904 г., и в позднейших комментариях японского же специалиста-правоведа⁸⁰⁴.

В 10 часов утра 26 января (8 февраля) в Порт-Артур из Чифу прибыл японский консул Мизуно⁸⁰⁵ в сопровождении «секретаря» Симидзу, дабы вывезти на родину всех желающих соотечественников. Визит был обставлен торжественно: консул был в парадном мундире и при орденах, а «секретарь» – во фраке и цилиндре. Наместник встречаться с японским визитером отказался, но тот и не настаивал – он-де хотел только «засвидетельствовать почтение». Хотя о разрыве дипломатических отношений было уже объявлено, японского консула пригласили за стол. Пока он завтракал в обществе генерала А.М. Стесселя, джентльмен в цилиндре, кстати, свободно изъяснявшийся по-русски, уточнил места стоянки судов на внешнем рейде Порт-Артура и нанес их на карту. После этого консул заспешил и, быстро покончив с формальностями, откланялся, сообщив, что направляется в Дальний. В действительности он двинулся прямо навстречу основным силам японского флота, которые подходили к острову Хайяндао, и высадил там своего «секретаря». К исходу дня 26 января (8 февраля) флот Того находился уже в 60 милях от Порт-Артура.

Тем же вечером японский командующий собрал у себя командиров 18 миноносцев. «Офицеры флагманского судна “Асахи” встретили нас на палубе и поздравили с тем, что нам выпало счастье первыми идти на врага, – записал в своем дневнике один из приглашенных. – Затем мы спустились в адмиральскую каюту. Там мы увидели старого Того с его европейским лицом, которое мы ему теперь простили, начальника штаба, двух адъютантов и командира “Асахи”. Перед адмиралом лежала карта Желтого моря и специальная карта Порт-Артура. Мы все сели вокруг стола, и штабной офицер дал каждому из нас план рейда и гавани Порт-Артура, на котором было подробно указано все положение русской эскадры и место каждого корабля ... Адмирал сказал нам со свойственной ему сухостью приблизительно следующее: “Господа! Вы должны сегодня вечером или сейчас же после полуночи, – точное время я предоставляю назначить начальникам флотилий... напасть на русскую эскадру в Порт-Артуре ... На плане порт-артурского рейда, который каждый из вас только что получил, – продолжал адмирал, – точно отмечено место стоянки русских судов. План этот снят нашим штабным офицером, ездившим переодетым в Порт-Артур. По его мнению, враг не подготовлен встретить наше нападение, так как ждет объявления войны с нашей стороны ... Если же кому суждено пасть, то он удостоится лучшей награды на земле – смерти за величие Японии и бессмертия героя на страницах истории”. Раздалось громкое “банзай!” в честь микадо и ... нам подали по чашке с европейским напитком, шампанским!»⁸⁰⁶. На этом инструктаж у адмирала закончился. На прощанье флагман просигналил миноносцам: «Рвите вражеский флот на воздух! Счастливого пути!» и получил ответ: «Так и будет!», «Клянемся биться до конца!»⁸⁰⁷. «Всего отраднее пасть в борьбе с врагом, которого ненавидит и должен ненавидеть каждый японец», – записал в дневнике командир одного из японских миноносцев⁸⁰⁸.

Кильватерной колонной, со скоростью 22 узла с расчетом дойти до цели в течение трех часов японские миноносцы двинулись к Порт-Артуру и в 12-м часу ночи того же дня 26 января (8 февраля) атаковали русские корабли на внешнем рейде крепости, точно зная их расположение. В нападении приняли участие десять японских миноносцев, которые за 40—45 минут атаки выпустили по русским судам 19 торпед – «самодвижущихся мин Уайтхэда».

Незадолго до появления японских миноносцев рожки на судах порт-артурской эскадры проиграли сигнал: «Приготовиться отразить минную атаку», однако противоминные сети при этом за борт спущены не были; два миноносца отправились в морской дозор. Командующий эскадрой адмирал Старк, проведя с подчиненными инструктаж на тему об усилении бдительности, съехал на берег:

он спешил на маленький домашний праздник по случаю двойных именин – дочери и супруги⁸⁰⁹. В первые минуты атакующим с помощью ложных световых сигналов и выкриков на русском языке удалось выдать себя за отряд русских миноносцев, возвращения которого действительно ожидали. Поэтому с российских кораблей начали отстреливаться не сразу, а после некоторого замешательства. Не лучше обстояли дела и на берегу – спустя полчаса после начала японской атаки начальник Квантунского укрепрайона прислал в штаб заместника записку: «Что это за стрельба?». Сигнал тревоги в крепости был подан только после окончания нападения (в 1:20 ночи), и лишь тогда и командование, и гарнизон узнали, что объявленная тревога была не учебной, а боевой.

Поздним вечером 26 января (8 февраля) командир 7-й восточно-сибирской стрелковой бригады генерал-майор Р.И. Кондратенко писал письмо жене в Хабаровск, когда «раздалась пушечная канонада с кораблей», но продолжал писать, «полагая, что это практическая ночная стрельба»; «вдруг пришло приказание занять по тревоге линию крепостных фортов полками нашей бригады. Немедленно это было исполнено. Затем выяснилось, что несколько японских миноносцев, незаметно подойдя к нашим броненосцам, ударами мин сильно повредили 3 наших броненосца ... Война началась, таким образом, без объявления»⁸¹⁰. «Мы ожидали японский флот только через 3—4 дня», – признается потом русский морской офицер корреспонденту «New York Herald»⁸¹¹. «Японское нападение, – записал в дневнике дипломат Е.А. Плансон, – было полным сюрпризом для всех. Вообще никто не ожидал такого нахальства: посланники еще не выехали – японский из Петербурга, наш из Токио»⁸¹².

В результате этой атаки два лучших броненосца эскадры «Ретвизан» и «Цесаревич», были серьезно повреждены и на их исправление ушло несколько месяцев⁸¹³; крейсера «Паллада», «Новик», «Аскольд» и «Диана» пострадали незначительно. Японцы на месте потеряли один

миноносец (“Shirakumo”), но три других бесследно исчезли по дороге на базу (вероятно, затонули)⁸¹⁴, остальные из-за полученных пробоин едва дотянули до ближайшего острова Маодао и затем уже на буксире были доставлены в Чифу⁸¹⁵. Преследовать их никто не пытался. В два часа ночи над Золотой Горой взвились сигнальные ракеты, которые известили гарнизон Порт-Артура о начале войны. Царский манифест на этот счет был опубликован на следующий день – 27 января (9 февраля).

Популярная японская газета “Ji-Ji” поспешила заявить, что поскольку в ночь на 9 февраля были серьезно повреждены «почти все» суда порт-артурской эскадры, Россия уже «практически потеряла боеспособность в дальневосточных водах»⁸¹⁶. Корреспондент американской “Sun” телеграфировал из Лондона, что, по мнению европейских экспертов, в Порт-Артуре России был нанесен «решающий удар»; всеобщее мнение таково, писал он, что «война будет короткой, быстрой и решительной. Существует даже предположение, что, вытесненная из морей, Россия скоро запросит мира»⁸¹⁷. В той же тональности первую японскую атаку Порт-Артура с моря, ее результаты и последствия изобразила лондонская “Times”: «Броненосцы подошли к русскому флоту в 11 часов вечера 26 января (8 февраля) и стали стрелять по нему с расстояния в шесть миль (в темноте! – Д.П.). Канонада продолжалась три часа, и за это время японские миноносцы приблизились к русским судам. Тогда “Цесаревич” и “Ретвизан” двинулись по направлению к внутреннему рейду, но были взорваны японцами и затонули в самом фарватере, загородив его окончательно. Та же судьба постигла затем и “Палладу”»⁸¹⁸.

Эта, мягко говоря, неправдивое сообщение дало повод сотрудникам «Нового времени» обратиться в редакцию лондонского «могучего столпа всей мировой печати» с открытым письмом. «Пусть “Times” не доверяет русским сообщениям, – писали своим лондонским коллегам петербургские журналисты, – это – его агитационный прием. Но как было не принять в соображение хотя бы ту часть сведений о порт-артурском бое, которая совпадает и в русской, и в японской реляциях?». Мало ценят в современной редакции этой «седьмой великой державы» честь своего знамени, заключала российская газета,

«легкомысленно относятся к лучшему, великому и основному завету всякой журналистики: “Уважай своего читателя!”»⁸¹⁹.

Российские правоведы, со своей стороны, указали на вероломство японцев под Порт-Артуром, которое выразилось не только в факте нападения до объявления войны, но и в некоторых (приведенных выше) деталях самой этой ночной атаки. «Как известно, право войны допускает военные хитрости... – писали в этой связи “Русские ведомости”, – [но] в данном случае мы имеем дело не с военной хитростью, а с нарушением нормы, категорически выраженной в действующем праве. Так, ст. 23 п. 6 конвенции 1899 г. (Гаагская конференция) гласит: “Незаконное пользование парламентарским и национальным флагом или военными знаками, или форменной одеждой неприятеля, равно как и отличительными знаками, установленными Женевской конвенцией (о Красном Кресте) не допускается”. Не менее категорично высказываются по тому же предмету и Американские инструкции 1863 г. Ст. 65 гласит: “Употребление знамени или иной национальной эмблемы неприятеля с целью ввести последнего в заблуждение во время боя признается актом вероломства, который лишает виновного всякого права на защиту законом военного времени”». «Эти постановления не могут быть неизвестны Японии, – заключала газета, – т.к. в Гаагской конференции принимали участие и ее представители»⁸²⁰, и это было правдой.

Вероятно, понимали это и японские журналисты – токийская печать о разрыве дипломатических отношений с Россией и отзыве из Петербурга посланника Курино сообщила только 9 февраля⁸²¹. Об атаке же миноносцами адмирала Того русских кораблей на рейде Порт-Артура японский читатель узнал лишь 12 февраля, т.е. на четвертый день после самого нападения (при этом все детали этой атаки были представлены тенденциозно и с огромным количеством неточностей). Ясно, что до публикации манифеста микадо об объявлении войны (который, напомним, появился лишь 10 февраля) сообщать даже своему читателю о фактически начавшихся боевых действиях было не вполне удобно.

С развернутым доказательством того, что сам по себе разрыв дипломатических отношений не тождествен объявлению войны, в печати выступил юрисконсульт российского МИД профессор

Ф.Ф. Мартенс, мировой авторитет в вопросах международного права (в начале февраля его статья на этот счет была опубликована во французской «Figaro», а немного позже – и в петербургском «Новом времени»). Действия Японии российский правовед охарактеризовал как «заранее и давно обдуманый и без стеснения исполненный маневр “недобросовестной войны”», который «невозможно считать корректным с точки зрения обычаев, усвоенных цивилизованными европейскими и американскими народами»⁸²². 9 (22) февраля 1904 г. министр Ламздорф циркулярно предписал российским представителям за рубежом передать руководству стран пребывания официальный протест российского правительства относительно «самого возмутительного попрания» Японией «общепринятых постановлений, определяющих взаимные отношения между цивилизованными государствами», которое она, по мнению Петербурга, продемонстрировала с самой «минуты разрыва»⁸²³. Такую оценку сразу поддержали французские правоведы-международники, особенно активно – Эдуард Клюне (E. Clunet) на страницах пророссийской «Revue Russe».

В британской и американской печати оппонентами российско-французской точки зрения по этому вопросу выступили военные, журналисты, политики и правоведы. Сами японцы в возникшей полемике первоначально оказались вынуждены прибегнуть к демагогическим приемам. «Если бы мы неожиданно атаковали действительно миролюбивую страну, это и в самом деле явилось бы возмутительным нарушением международного права... – говорил барон Суэмацу в апреле 1904 г. в интервью нью-йоркскому корреспонденту, – но весь мир знает, что делала Россия прежде, чем начались военные действия»⁸²⁴. «Если Россия оказалась неподготовлена к войне, – в тон Суэмацу утверждала “New York Times”, – это ее собственная вина»⁸²⁵. В концентрированном виде эту точку зрения сформулировал военный журналист Фредерик Палмер, когда в конце 1904 г. писал: «Япония начала военные действия по собственной инициативе. Она тщательно выбрала час для первого удара. Возможно, она рассчитывала застать Россию врасплох, но нет оснований полагать, что Россия должна была позволить ей сделать это. Япония действовала в точном соответствии с буквой закона. Россия годами наживала капитал на обещаниях, Япония нажила его на внезапном решительном действии»⁸²⁶.

Иначе рассуждали специалисты-правоведы, которые теперь стали подчеркивать «необязательность» самого акта объявления войны⁸²⁷. В 500-страничном фолианте, посвященном вопросам международного права в русско-японской войне, американские юристы Ф. Смит (F.E. Smith) и Н. Сибли (N.W. Sibley) приходили к выводу, что поскольку «объявление войны желательно, но необязательно, совершив нападение до ее объявления, Япония не нарушила никакого закона». При этом американцы ссылались и на текст японской ноты о разрыве («невозможно порицать Японию, если Россия не смогла понять подлинного смысла выражения “предпринять независимые действия”», – писали они), и на оборонительный характер действий Японии в ответ на угрозу с севера, и на «первый выстрел» в войне, который якобы был сделан русской канонерской лодкой «Кореец» по кораблям японской эскадры близ Чемульпо днем 8 февраля⁸²⁸ (к этим событиям мы еще вернемся). Профессор Йельской школы права Теодор Вусли (Th.S. Woosly) заявил, что «в современных условиях объявлять войну необязательно», «она начинается с момента самого конфликта», а потому «в атаке японскими миноносцами русских кораблей в Порт-Артуре не было ничего вероломного или неверного»⁸²⁹. Декан Школы политических наук Колумбийского университета Джон Бергесс (J.W. Burgess), сославшись на опыт своей страны («в наших конфликтах с Мексикой и Испанией военные действия начинались до объявления войны»), указал, что «никакого международно закрепленного и утвержденного закона о формальном объявлении войны не существует вообще», и закончил уже знакомым заклинанием: «в атаке японскими миноносцами русских кораблей в Порт-Артуре не было ничего вероломного или неверного»⁸³⁰. Британский генерал сэра Фредерик Морис (F. Maurice) на страницах журнала “Nineteenth Century” доказывал, что история международных отношений двух последних столетий «не дает оснований утверждать, что современные нации обязаны предупреждать другие страны о грядущей войне»⁸³¹.

В итоге вопрос увяз в международно-правовых спорах и окончательного, всеми признанного, разрешения так и не получил. По сей день стороны остаются при своем мнении: отечественные авторы писали и пишут о японском «вероломстве»⁸³²; японские же историки убеждены, что ни ввод войск в Корею, ни нападение на порт-

артурскую эскадру без объявления войны не являлись нарушением их страной тогдашних норм международного права (некоторые при этом рассматривают ночную атаку Порт-Артура как удачный тактический прием, который японцы с еще большим успехом применили почти 40 лет спустя при Перл-Харбор⁸³³). Западные мемуаристы и исследователи, как правило, предпочитают обходить эти международно-правовые вопросы стороной, ограничиваясь общим указанием факта начала войны Японией без ее формального объявления. Лишь академически беспристрастный Джон Уайт нашел «недостаточными» (*inadequate*) контраргументы Токио в ответ на обвинения со стороны Петербурга в нарушении международно признанных правовых норм⁸³⁴.

Современная интересующим нас событиям британская, а вслед за ней почти вся американская и западноевропейская печать события на внешнем рейде ляодунской твердыни расценила как блестящую операцию, в которой «японские офицеры выказали себя достойными союза с английским флотом, имеющим величайшие морские традиции во всей истории»⁸³⁵. «Японский военно-морской флот, – писала по горячим следам “Times”, – начал войну актом бесстрашия, которому суждено занять почетное место в анналах морской истории ... Располагаясь на внешнем рейде Порт-Артура, русская эскадра была открыта для атаки, как бы приглашая ее произвести. Это приглашение было реализовано с быстротой и пунктуальностью, которые делают честь нашему доблестному союзнику и ставят японцев, говоря одним словом, вровень с лучшим военно-морским флотом»⁸³⁶ (читай: британским). Тут же мимоходом сообщалось, что адмирал Того, «которому сопутствовал столь исключительный успех в Порт-Артуре», в 1873—1874 гг. проходил подготовку в одном из британских морских колледжей (*Thames Nautical Training College, H.M.S. Worcester*) с отличными показателями в учебе и в поведении⁸³⁷. Американские “New York Times” и “Sun”, со своей стороны, поспешили напомнить, что «семь высших офицеров японского флота являются выпускниками Аннаполиса, включая адмирала Уриу, командующего эскадрой, которая недавно выполнила столь выдающуюся боевую задачу»⁸³⁸. Вскоре та же “New York Times” посвятила этому японскому адмиралу, «герою» Чемульпо, прочувствованную статью под названием «Мэхэн флота

микадо»⁸³⁹. «Японцы создали новые стандарты для всех военных моряков мира», – писала в июне 1904 г. лондонская “Daily Star”; «похоже, что каждый британец уже понимает, что японцы заслуживают победы над славянами, поскольку они доказали свое превосходство в политике, в качестве своего мышления, в социальной и нравственной сферах». Перепечатывая эту статью, “Japan Times” озаглавила ее: «Дань восхищения японцами»⁸⁴⁰.

Вскоре после начала операций на континентальном театре свою порцию комплиментов получили и сухопутные военачальники островной империи. «Японии повезло с ее генералами, – говорил в апреле 1904 г. генерал-лейтенант сэра Ян Гамильтон (I. Hamilton), – молодые и активные, они имеют то огромное преимущество перед любым континентальным военачальником, что обладают опытом участия в современной войне»⁸⁴¹. В дальнейшем на Западе развернулась борьба за честь оказаться в родстве с японскими героями маньчжурской бойни. Одноименная греческая семья заявила, что генерал Куроки Тамэмото родом из Эллады, затем претензии такого же свойства заявили французы, а после них – и поляки (последние доказывали, что его настоящая фамилия – «Kurowski») ⁸⁴². Хвалу японскому оружию воздавала и китайская пресса.

Наблюдая за военными событиями на Дальнем Востоке, британские специалисты пришли в такой восторг, что открыто заговорили о готовности пойти на выучку к своим недавним ученикам. «Японцы следуют британскому опыту, но широко усовершенствуют его, – писал военный корреспондент “Times”, – Япония показывает нам, как следует применять обоюдоострый военный меч...⁸⁴³ Сегодняшние действия Японии совершенны и могут рассматриваться как модель национальной стратегии для островной империи; чем больше мы к ней приблизимся, тем с большей уверенностью сможем предотвратить войну на необъятных владениях британской короны»⁸⁴⁴. «Японская армия и военно-морской флот, – писал тогда же английский журнал “Engineering”, – являют пример и заимствования, и сделанных улучшений одновременно, а их высокая эффективность и боевая мощь доказывают, что эти заимствования модернизированы по последнему слову техники»⁸⁴⁵. Япония «восприняла все лучшее из военно-морской и военной систем западных держав», – подчеркивал британский

военный атташе в Токио генерал-лейтенант сэр У. Николсон (W.G. Nicholson) и добавлял: «нам, англо-саксам, возможно, может льстить, что кое-чему японцы научились и у нас, но если мы хотим быть мудрыми, нам следует вернуть этот комплимент, пойдя на выучку к ним»⁸⁴⁶. В английской печати стали появляться статьи из серии «Уроки Японии», которые японская пресса, естественно, с удовольствием перепечатывала⁸⁴⁷. Действия же России на сухопутном театре войны, предрекал военный эксперт “Times”, «станут посмешищем и Европы, и Азии»⁸⁴⁸.

* * *

В первые дни войны ни в Порт-Артуре, ни в Петербурге не имели представления о том, что творилось в Корее, – 23 января (5 февраля), т.е. за три дня до фактического начала войны, по приказу из Токио японский военно-морской атташе М. Ёсида перерезал телеграфный кабель, шедший на север от Сеула. О другом кабеле, шедшем на юг, японцы «забыли» на своей территории – чтобы русские ничего не заподозрили, его было решено не перерезать⁸⁴⁹, телеграммы противника принимать, но не отправлять (при этом депеши представителей других стран доставлялись по назначению исправно). «Кабель с Кореей не действует, – отметил в своем дневнике Плансон 28 января. – Он идет на Чифу, Шанхай, Нагасаки, Фузан, Сеул; линии исправны, но телеграммы не доходят. Павлов не отвечает. ...ему была послана телеграмма выслать [в Артур] “Корейца” и “Варяга”. Он не ответил»⁸⁵⁰. Между тем, события на полуострове развивались бурно и драматически.

С первых дней нового 1904 г. активность японцев в Корее продолжала нарастать, все говорило о неумолимо надвигающейся войне. «Секретно осведомлен, – телеграфировал Павлов 10 (23) января 1904 г., – что вчера ночью японскою миссиею сделана новая решительная, по-видимому, безуспешная попытка угрозами вынудить у императора письменное согласие на признание японского протектората и заключение союзного договора на случай войны с Россией»⁸⁵¹. В последующие дни, наблюдая за действиями здешних

японцев, Павлов окончательно утвердился в мысли, что Япония готовится начать военные действия в Корее в самом ближайшем будущем. 25 января (7 февраля) российский посланник выяснил, что японская эскадра уже получила приказ двигаться в Корею и высадить там десант (что, как мы знаем, полностью соответствовало действительности). Обо всем этом он неоднократно телеграфировал в Порт-Артур и Петербург, но ответа не получал. Молчал и его вице-консул в Фузане, которому было приказано немедленно сообщать обо всех движениях японцев на юге полуострова. Павлов понял, что связь оборвана и японский телеграф в Сеуле его переписку задерживает. Посовещавшись с капитаном 1-го ранга В.Ф. Рудневым, командиром стоявшего в Чемульпо крейсера «Варяг», который находился в распоряжении миссии, он решил переправить казенную корреспонденцию в Порт-Артур морем, на канонерской лодке «Кореец» капитана 2-го ранга Г.П. Беляева. Вот как по горячим следам описывал он дальнейшее: «На следующий день, 26 января в 4 часа пополудни канонерская лодка “Кореец”, получив нашу корреспонденцию, доставленную на нее с одним из казаков вверенной мне миссии, снялась с якоря и пошла по назначению. При выходе из рейда ... она встретила входившую в Чемульпо японскую эскадру, состоявшую из шести крейсеров и 8 миноносцев, за которыми шли три больших японских транспорта с войсками. Поравнявшись с японским крейсером “Асама”, на котором был поднят адмиральский флаг⁸⁵², командир “Корейца” вызвал караул для отдания японскому адмиралу обычной воинской почести. Со стороны японцев надлежащего ответа не последовало, а вместо того крейсер “Асама” повернул и стал видимо преследовать нашу лодку. Вслед затем ее окружили миноносцы и сделали три выстрела минами Уайтхэда. Первые две мины прошли в незначительном расстоянии под кормою нашей лодки, а последняя направилась прямо в середину борта, но, очевидно, вследствие неисправности, затонула в расстоянии 4 сажень⁸⁵³ от “Корейца”, не причинив ему вреда. Командир “Корейца” капитан 2 ранга Беляев, согласно представленному им мне объяснению, не считал себя вправе открыть огонь в пределах рейда ... на котором находились другие иностранные суда⁸⁵⁴, а вернулся на место стоянки»⁸⁵⁵.

По-прежнему не ведая, что война уже фактически развязана, капитан Руднев обратился к капитану 1-го ранга Бейли (Bayly), командиру британского крейсера “Talbot”, как к старшему из иностранных морских начальников с просьбой узнать у японских моряков, на каком основании «Кореец» был ими обстрелян. По свидетельству очевидца, «японский адмирал долго отпирался и затем сказал, что сегодня в два часа дня объявлена война (? – Д.П.) и он хотел утопить “Корейца” минами (то есть без шума) и сказать, что “Кореец” неизвестно от чего взорвался, так как Чемульпо рейд нейтральный, и начини он расстреливать “Корейца”, было бы слышно и тогда иностранцы заявили бы протест»⁸⁵⁶.

Японофильская западноевропейская печать со слов официального Токио эпизод с обстрелом кораблями японской эскадры старой (18-летней), небольшой (водоизмещением всего в 1213 т) тихоходной русской канонерской лодки в нейтральных водах описала следующим образом: «8 февраля на пути в Чемульпо японская эскадра, сопровождавшая транспортные суда, встретила русскую канонерскую лодку “Korietz”, выходящую из порта. Лодка “Korietz” заняла наступательную позицию по отношению к японским судам и обстреляла один из японских миноносцев. Последний выпустил две торпеды, но безрезультатно»⁸⁵⁷. Таким образом, “Times”, а за ней и американская печать (“New York Times”) покорно воспроизвели текст официальной репортажи, полученной японским послом Хаяси из Токио. В последующих публикациях той же лондонской газеты «наступательная позиция» «Корейца» уступила место мифическому «орудийному залпу» русской канонерки, хотя на самом деле ее команда вплоть до появления второй торпеды, выпущенной в ее направлении, даже не расчехляла своей 37-мм пушки. О том, что именно русский «Кореец» первым открыл огонь по эскадре Уриу, а затем был ею уничтожен, говорилось и в официальном англоязычном альманахе, первый номер которого вышел в Токио в апреле 1904 г.⁸⁵⁸

Тем самым в сознание западного читателя внедрялась мысль о том, будто первый выстрел в ходе русско-японской войны был сделан не японской, как было в действительности, а российской стороной. Именно так трактовала события начала вооруженного конфликта лондонская “Times” в нескольких более поздних публикациях из серии «Дневник войны»⁸⁵⁹; то же было подчеркнуто в обширной обзорной

статье той же газеты по итогам 1904 г. О том, что эта русская канонерка «взяла на себя ответственность за фактическое начало русско-японской войны», говорилось и в ее многотомной иллюстрированной истории, изданной в 1904—1905 гг.⁸⁶⁰ Вслед за своим внешнеполитическим ведомством этот постулат тиражировала и японская зарубежная пропаганда: «Первый выстрел в войне был сделан с русского судна в японский корабль в бухте Чемульпо во второй половине дня 8 февраля», – утверждал японский посол в США Такахира Когоро в статье, опубликованной американской газетой “World’s Work”⁸⁶¹. Из контекста статьи следовало, что атака японцами русских кораблей на внешнем рейде Порт-Артура поздним вечером того же дня носила как бы ответный характер.

Действительно, ночную атаку Порт-Артура миноносцами Того неверно считать начальным эпизодом русско-японской войны. Фактически, война началась нападением японских миноносцев на канонерскую лодку «Кореец» близ Чемульпо за несколько часов до этого. Повторим, что и то, и другое было произведено до официального объявления Японией войны. Впрочем, в тот момент об этом Павлов не подозревал – связи с внешним миром у него по-прежнему не было. Затем, продолжает он свой рассказ, «разыгрались события, сделавшие всякие дипломатические меры в Сеуле совершенно бесполезными и даже невозможными. Уже в течение ночи было высажено с японских транспортов около трех тысяч войска и около половины этого числа к утру 27 января успело прибыть в Сеул ... Корейские власти, как, впрочем, и можно было ожидать, не выказали ни малейшего сопротивления. Среди корейского населения распространилась паника; множество чиновников и высших сановников стали поспешно выезжать из города и вывозить свои семьи. Японское население, напротив, было охвачено крайним возбуждением; распространился тревожный слух, что в этот вечер опьяненная толпа японцев произведет открытое нападение на императорскую миссию и дома русских подданных. Последние обратились ко мне, прося дать им убежище. Я немедленно распорядился о размещении их частью в главном здании императорской миссии, частью в доме нашей духовной миссии. В то же время, я сделал распоряжение о том, чтобы вся находившаяся при миссии морская охранная команда ... сосредоточилась в самой

миссии»⁸⁶². В ночь на 28 января Павлова тайно посетил доверенный корейского императора, который подтвердил российскому посланнику намерение Коджона и впредь оказывать России «активное содействие».

Пока в корейской столице российские дипломаты и их сограждане готовились к отражению ожидавшегося пьяного погрома, вечером 27 января (8 февраля) адмирал Уриу ультимативно потребовал, чтобы русские военные суда покинули Чемульпо «под угрозой в противном случае атаковать их на самом рейде», ссылаясь на то, что война уже объявлена⁸⁶³ (с последним указанием он снова поторопился). Неравная дуэль была назначена на полдень следующего дня. «Ввиду такого заявления, – пишет далее Павлов, – командир крейсера “Варяг” решился принять бой вне рейда, дававший ему хотя и более, чем слабые шансы прорваться, и за несколько минут до полудня вместе с лодкою “Кореец” снялся с якоря и пошел навстречу японской эскадре, удалившейся с рейда на рассвете и державшейся в расстоянии около 5 миль ... Ровно в 12 часов с японского адмиральского судна “Асама” был сделан в крейсер “Варяг” первый выстрел, на который оба наши судна немедленно стали отвечать. Продолжавшаяся целый час канонада была отчетливо слышна в самом Сеуле.

В 1 час дня “Варяг” и “Кореец” возвратились на рейд и стали на якорь, дабы осмотреть и, насколько возможно, исправить полученные повреждения в расчете возобновить бой до 4 часов дня. На лодке “Кореец” были обнаружены лишь совершенно незначительные повреждения и никакой потери в людях. Крейсер “Варяг”, напротив, пострадал весьма сильно⁸⁶⁴. Убедившись, что вступать в бой совершенно невозможно и не желая, с другой стороны, чтобы вверенные его командованию два наших судна сделались добычею японцев, капитан 1-го ранга Руднев решил ... уничтожить “Варяг” и “Кореец” посредством взрыва. План этот был в точности приведен в исполнение по отношению к лодке “Кореец”, которая ровно в 4 часа пополудни была взорвана и погрузилась, распавшись на три части. Что же касается до крейсера “Варяг”, то вследствие убедительного ходатайства командиров тех же иностранных судов о том, чтобы не взрывать его ввиду опасности ... для стоявших весьма близко к ”Варягу” крейсеров “Talbot” и “Pascal”, было решено ограничиться окончательным приведением в негодность орудий, котлов и машины,

производством пожара и затоплением крейсера»⁸⁶⁵. «Варяг», объятый пламенем, затонул в седьмом часу вечера, уже после захода солнца. Последним был сожжен случайно оказавшийся тут же российский почтовый пароход «Сунгари», который, по свидетельству очевидца, «целый час освещал гавань Чемульпо заревом пожара»⁸⁶⁶.

Конечно, суховатый язык официального донесения российского дипломата не может передать подлинного накала и глубокого драматизма этих событий. Об этом лучше скажет реакция очевидцев – экипажей французского, итальянского и даже английского военных кораблей, которые по-прежнему находились на рейде Чемульпо. Они, пишет Павлов, «выказывали к нашим морякам нескрываемое сочувствие и восторженное удивление по поводу предпринятого ими геройского подвига. Когда наши суда, снявшись с якоря, идя навстречу врагу, проходили мимо ... иностранных крейсеров, стоявшая на последних во фронте команда провожала “Варяга” и “Корейца” громкими кликами “ура”, а на итальянском крейсере “Elba” хор военной музыки играл наш национальный гимн. По возвращении же наших судов после боя на рейд со всех трех иностранных судов⁸⁶⁷ немедленно были посланы шлюпки с офицерами для подания помощи раненым и снятия прочей уцелевшей команды»⁸⁶⁸. Так закончилась эпопея «Варяга» и «Корейца».

За всем происходившим с берега пристально следили не только из русских и корейских домов, но, конечно, и из японских. Пока шла корабельная дуэль (от ее канонады звенели стекла не только в Чемульпо, но и в Сеуле, отстоящем от моря на 40 км), напряжение среди японского населения Чемульпо нарастало и к концу дня, по словам здешнего русского вице-консула, «достигло крайних пределов; опьяненные толпы японцев, в коих принимали участие и солдаты, производили враждебные демонстрации у домов русских подданных и пытались силою вторгнуться» в небольшое консульское помещение⁸⁶⁹; корейские власти бездействовали. Сожжение «Корейца» и «Сунгари» и затопление «Варяга», за которыми жители Чемульпо наблюдали с близлежащего острова как в театре, японцы встретили аплодисментами. Веселье в японских кварталах Чемульпо и Сеула продолжалось до самого утра. К счастью, на суше обошлось без жертв.

Вполне разделила эти триумфальные настроения и западноевропейская русофобская печать, которая продолжала питаться

из токийских информационных источников. Сражение у Чемульпо она представила так: «Два [русских] корабля вышли независимо друг от друга, чтобы быть обстрелянными. Произошла своего рода самоубийственная дуэль, поскольку они могли с одинаковым успехом стрелять не в противника, а в воздух – до такой степени они оказались не в состоянии причинить его судам малейшего повреждения ... “Korietz”, который первым пошел на японцев, орудийным огнем противника вскоре был полностью разбит. “Варяг” последовал за ним, но тут же стал мишенью для японских снарядов и его постигла немногим лучшая участь. Совершенно искалеченные, оба корабля вскоре были вынуждены прекратить неравный поединок. Он длился всего 35 минут. По истечении этого времени русские корабли сделали попытку вернуться на внутренний рейд. “Korietz” едва не достиг цели, но взорвался и затонул. “Варяг” со сбитой мачтой, пробитым снарядами корпусом и пылающей кормой продвинулся чуть далее, но также пошел ко дну Кажется почти невероятным, что 8-дюймовые орудия “Korietz” ’а (? – Д.П.) и 6-дюймовые скорострельные пушки “Варяга”⁸⁷⁰ не смогли причинить никакого вреда японским судам, но факт остается фактом – японцы не потеряли ни единого человека, ни один их корабль не был поврежден ... Сообщают, что с японской стороны в сражении приняли участие только “Чиода” и “Асама”, остальные японские крейсера и миноносцы наблюдали за происходящим с безопасного расстояния»⁸⁷¹. “New York Times”, со ссылкой на телеграмму из Нагасаки, известила читателей, будто «Варяг» был захвачен у Чемульпо японцами и отправлен в Сасебо⁸⁷². Вряд ли имеет смысл что-либо комментировать в этом нагромождении лжи.

Правда, в других органах англоязычной повременной печати (в “New York Herald” и в той же лондонской “Daily Telegraph”, например) порой публиковались более правдивые описания морского боя под Чемульпо. Корреспондент британской газеты, который наблюдал его с борта специально зафрахтованного парохода «Аякс», свою статью озаглавил: «Отважный бой “Варяга” с превосходящими силами противника» (характерно, что японская цензура отказалась пропустить этот материал по телеграфу, и британскому журналисту пришлось ехать в нейтральный Чифу, чтобы отправить его по назначению). «Помилуйте, что это! – делился в Париже с нововременским

корреспондентом впечатлениями от первых морских сражений некий французский моряк, глаза которого при этом “метали молнии”. – ... Посмотрите в деле с “Варягом” и “Корейцем”: люди совершают подлость, чтобы ослабить неприятельский флот на две единицы. Они нападают даже не как разбойники, а как форменные палачи. И чего они достигают? Они сами теряют при этом не меньше, чем сам неприятель; вероятно даже, что больше. Одерживать победы такой дорогой ценой прямо бессмысленно»⁸⁷³.

Российские комментаторы, хотя с небольшими передержками, стремились представить сражение у Чемульпо если не как военную, то, во всяком случае, как моральную победу России. Моряки «Варяга» и «Корейца» «совершили нравственный поворот в войне, они победили», – провозгласил обозреватель «Нового времени»; «подвиг “Варяга” явился какою-то блистательной победой, – вторил ему ее издатель Суворин. – Это в самом деле было блистательное мужество, вышедшее навстречу предательству»⁸⁷⁴. «Уже помимо позора, которым запятнали себя навеки японцы полным пренебрежением к законам и обычаям международного права, – писал военно-морской эксперт той же газеты Н.Л. Кладо, – и в военном отношении результаты оказались для них более чем сомнительными. Они надеялись хотя бы и недобросовестным образом живьем взять лодку “Кореец” и в особенности крейсер “Варяг”, отправили для этого отряд с подавляющим превосходством в силе и потерпели полную неудачу ... в бою с одним неброненосным крейсером и не имеющей никакого боевого значения канонерской лодкой у них выведен из строя первоклассный броненосный крейсер “Азама” и потоплены крейсер “Такачиха” и один миноносец ... Остальные четыре крейсера и семь миноносцев не посмели преследовать “Варяга”, который потерял всю свою артиллерию и свою артиллерийскую прислугу, и не посмели и не сумели их уничтожить. Ведь это прямо позор для японского отряда, имевшего такое подавляющее преимущество во всем, и в числе судов, и в их величине, и в бронировании, и в артиллерии, и в числе минных аппаратов!»⁸⁷⁵.

Русское правительство наградило всех без исключения оставшихся в живых моряков «Варяга» и «Корейца». Командиры кораблей получили Георгиевские кресты (IV степени), а 49-летнему Всеволоду Рудневу, кроме того, было «высочайше» пожаловано звание флигель-адъютанта.

На пути следования в столицу и особенно в Петербурге им были организованы триумфальные встречи, которые увенчал торжественный прием в Зимнем дворце с вручением наград и памятных подарков. В Морском инженерном училище была учреждена стипендия «в память героев “Варяга” и “Корейца”». Хотя по горячим следам японская пресса нашла такую щедрость «поразительной» (в полемическом задоре “Japan Times” заявила, что русские моряки наград вообще не заслуживают⁸⁷⁶), останки матросов, найденные на «Варяге» во время подъема крейсера, были преданы земле с подобающими почестями⁸⁷⁷.

Русско-японское морское сражение у корейских берегов сразу привлекло к себе внимание деятелей искусства: в одном из петербургских народных театров в 1904 г. шла пьеса «Герои Чемульпо»⁸⁷⁸, в российской и зарубежной прессе стали появляться стихотворные произведения, посвященные подвигу русских моряков. В марте 1904 г. в печати вышла «патриотическая ода “Варяг” для одного голоса сопрано (соч. капельмейстера Кавалергардского полка М. Пооля)»⁸⁷⁹, немецкий журнал «Югенд» опубликовал стихотворение австрийского поэта Рудольфа Грейнца на ту же тему. В апреле 1904 г. оно было напечатано в России в переводе Е. Студенской, а затем положено на музыку военным капельмейстером А.С. Турищевым. Так родилась песня «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”», широко известная в России и поныне.

Но оставим на время оценки, комментарии, прогнозы и иные идейно-информационные споры и вернемся к событиям в Сеуле в первые дни войны.

28 января (10 февраля) японский посланник Хаяси Гонсукэ через французского поверенного в делах передал Павлову требование Токио о том, чтобы русская миссия немедленно покинула Корею. Официальный Петербург, а вслед за ним российская и вся мировая, сочувствовавшая России, печать обратили внимание на вызывающе неправовой характер этого демарша сразу, как только узнали о нем. Согласно принятым международным нормам, Япония не имела права вводить войска на территорию нейтрального государства и уж тем менее высылать из него кого-либо из иностранцев, включая российских дипломатов. Впоследствии официальный Токио оправдывался тем, что высадил десант якобы с ведома корейского

императора. Однако, по синхронным сообщениям японской прессы (“Japan Times”), на первой *после* высадки десанта аудиенции у Коджона, состоявшейся 9 февраля, японский посланник вместе с военным атташе генералом Иджичи «объяснили его величеству действия императорского правительства по посылке войск в Корею». После этого, сообщал сеульский корреспондент газеты “Asahi”, Хаяси направил корейскому правительству ноту, в которой констатировал: «убедившись в том, что Корея не в состоянии защитить себя от русской агрессии, Япония решила положить ей конец без посторонней помощи (*single-handed*)»⁸⁸⁰. В общем, как корейский император, так и его правительство были просто поставлены перед фактом японской оккупации, которую они не только заранее не санкционировали, но, напротив, предвидя, старались предотвратить⁸⁸¹.

В том же позднейшем официальном разъяснении Токио и столь же «основательно» утверждалось, что решение покинуть страну Павлов-де принял самостоятельно и добровольно. В ответ петербургский «Правительственный вестник» опубликовал как цитированное уже не раз первое после отъезда из Кореи донесение Павлова Ламздорфу, так и тексты нот, которыми обменялись французский поверенный в делах, японский представитель и российский посланник в Сеуле накануне своего вынужденного отъезда из страны⁸⁸². «Отныне, с опубликованием этого столь спокойного и в то же время столь безжалостного для японцев документа, – вполне основательно констатировало “Новое время”, – все вопросы вины и ответственности становятся окончательно и бесповоротно выясненными. Ни споры, ни опровержения впредь невозможны»⁸⁸³. Действительно, к обстоятельствам выдворения Японией официального русского представителя из нейтрального Сеула японская пропаганда более не возвращалась, что, однако, не помешало юрисконсульту токийского МИД через несколько лет после окончания войны реанимировать легенду о «добровольном» выезде русской миссии из Кореи⁸⁸⁴.

«Считая, что дальнейшее пребывание мое в пределах Кореи ... было бы несовместимо с достоинством русского представителя, – отреагировал на требование Хаяси Павлов, – я решил покинуть Корею без малейшего замедления». Весь следующий день ушел на сборы, а главное – на переговоры с японцами об условиях выезда. Российский посланник сумел настоять на том, чтобы эта процедура была

обставлена достойно великой державы и меньше всего походила на бегство. Послушаем дальше его рассказ:

«Ровно в 8 часов утра 30-го января мы выступили из миссии. Я шел впереди; непосредственно за мною следовал наш морской десант и казаки, в строю, при оружии, с лейтенантом Климовым во главе; затем шли остальные члены миссии и русская колония. Вдоль улиц от ворот миссии до вокзала железной дороги были расставлены непрерывной линией японские жандармы и полицейские, отдававшие нам честь при нашем проходе. Все частные японцы распоряжением японской полиции были совершенно удалены из этой части города⁸⁸⁵. Когда мы приблизились к станции железной дороги, выстроенный против нее японский почетный караул в составе одной роты взял на караул, на что нашу охранную команду было отвечено тем же. На дебаркадере нас ожидали все члены сеульского дипломатического корпуса, в том числе и японская миссия в полном составе. Приготовленный заранее экстренный поезд отошел в 8 час. 20 мин. ...В Чемульпо на станции железной дороги и затем на пристани была повторена та же церемония, как в Сеуле. Все произошло в полном порядке. В Чемульпо к нам присоединились наш вице-консул надворный советник Поляновский со всею русскою колонию этого порта».

Сеульский корреспондент лондонской “Daily Mail”, наблюдавший сцену отъезда российской миссии с начала и до конца, писал: «Это было прощание г-на Павлова. Всего неделю назад русский посланник был здесь самым оберегаемым и могущественным человеком, огромный дворец которого, построенный на холме внутри городских стен, возвышался над остальными зданиями ... За одну ночь власть выскользнула из его рук, и провозвестником этого стали дымящиеся орудия и горящие корабли в Чемульпо ... “Это похороны, – прошептал один из присутствовавших дипломатов. – Для полного сходства не хватает только катафалка”»⁸⁸⁶.

«С пристани, – продолжает российский посланник, – мы были доставлены на крейсер “Паскаль” военными шлюпками с последнего и с английского крейсера “Talbot” ... 1-го февраля командир крейсера “Паскаль” получил от французского адмирала телеграфное указание в том смысле, что находящиеся на крейсере русские военные команды должны быть безотлагательно доставлены на нем же в Сайгон ... Капитан Сенэс решил сняться с якоря на следующее же утро и идти

прямо в Сайгон с заходом лишь в Шанхай, дабы высадить здесь меня со всем составом императорской миссии, нашего вице-консула и русские колонии Сеула и Чемульпо»⁸⁸⁷. Рано утром 3 (16) февраля 1904 г. французский крейсер покинул Чемульпо. Плавание его было недолгим, и уже на следующий день Павлов вместе со своими сотрудниками оказался в Китае, о чем сразу же известил Петербург. 8 (21) числа министр Ламздорф, ссылаясь на то, что русско-корейские отношения «не были прерваны официально, а лишь временно затруднены», распорядился, чтобы посланник в Корею оставался на Дальнем Востоке в прежнем статусе ждать указаний, «избрав местом пребывания Шанхай»⁸⁸⁸. Ожидание нового назначения продлилось без малого два месяца.

Пока камергер Павлов вынужденно бездействовал в Шанхае, Корея была оккупирована тремя японскими дивизиями. Спустя несколько недель японские войска, несмотря на весеннюю распутицу, делавшую здешние дороги непроходимыми, достигли левого берега реки Ялу, пограничной с Китаем. 8 апреля 1904 г. посланник Хаяси поздравил Коджона с тем, что «на корейской земле нет более русских войск» и все его владения «находятся под охраной японской армии»⁸⁸⁹.

С момента высадки японских войск на полуострове прошло совсем немного времени, а корейские власти имели уже целый список серьезных претензий к японской военной и гражданской администрации, поведение которой нередко было вызывающе оскорбительным для всех корейцев, начиная от рядовых подданных Коджона и кончая самим монархом и членами его семьи. С первых дней оккупации японские представители настаивали на скорейшей отмене всех российско-корейских договоренностей, и поскольку Коджон упорно сопротивлялся, в начале апреля 1904 г. устроили в его дворце пожар, причем корейский монарх не погиб только по счастливой случайности. Выдержав трехмесячную «осаду», Коджон уступил в этом вопросе лишь в мае 1904 г. и, если верить очевидцу (французскому поверенному в делах в Сеуле виконту де Фонтенэ), только когда убедился, что «дальнейшее сопротивление поведет к насильственному лишению его трона, может быть к лишению жизни»⁸⁹⁰.

В конце июня того же года перечень других японских бесчинств корейский император через Павлова переправил Николаю II. В нем

значилось: «Японцы силою захватили земли и поля, принадлежащие младшему сыну императора; японцы захватили все рыбные промыслы у берегов Кореи; они домогаются признания за ними права устроить военный порт на острове Каргодо; они принудили корейское правительство принять японских советников; они требуют устройства по всей стране японской полиции и содержания во всех корейских городах японских гарнизонов; совсем недавно они ослепили, а затем умертвили двух корейских губернаторов»⁸⁹¹. Тогда же (в июне) японцы потребовали передать им все вообще невозделанные корейские угодья для нужд японской колонизации, причем, по словам французского дипломата, это требование вызвало «наиболее сильное негодование в народе»⁸⁹². От японцев отвернулись даже те, кто связывал с японской оккупацией ограничение власти императора и проведение демократических реформ в своей стране. 21 июля 1904 г. на центральной площади Сеула состоялся 5-тысячный митинг протеста, на который японские власти ответили арестами; тогда же в корейской столице было введено военное положение. Обстановка массового недовольства насилиями японцев и их открытыми посягательствами на корейский суверенитет позволила Павлову и его сотрудникам развернуть на полуострове разведывательную и подрывную работу, главным объектом которой стали японские оккупационные войска.

«Шанхайская агентура»

В преддверии войны с Россией японские военные разработали план активно-наступательных действий в Маньчжурии и впоследствии пунктуально ему следовали. Российские штабы готовились к кампании вяло. Сначала в Петербурге этому вопросу вообще не придали значения и разработку соответствующего плана перепоручили штабу Приамурского военного округа и только накануне конфликта взялись за дело самостоятельно. В результате родился документ, который отводил войскам пассивно-оборонительную роль – в случае нападения японцев им следовало защищать Порт-Артур и Южно-Уссурийский край⁸⁹³. Ясного осознания своих целей в назревавшем конфликте в Петербурге так и не возникло, все затмевала уверенность в собственном военном превосходстве и в том, что, как не раз говаривал российский император, микадо начать войну «не посмеет». Исходя из этого и, похоже, искренне не желая вооруженного конфликта, в своих предвоенных телеграммах Алексееву царь настаивал, чтобы «инициатива принадлежала японцам». Сам же наместник, давно убежденный, что война с Японией неизбежна, полагал, что «“первый удар” должен быть нанесен нами», «дабы предупредить таковой со стороны японцев»⁸⁹⁴. Император это предложение отклонил, а на совещании по «японскому вопросу», состоявшемся утром в понедельник 26 января (8 февраля) 1904 г., т.е. сразу после разрыва дипломатических отношений, окончательно и твердо решил «не начинать самим»⁸⁹⁵. Наместнику Алексееву было указано: «если японцы начнут военные действия, не допускать высадки на западном берегу Кореи, севернее 38-й параллели. Высадку в южной Корее и в Чемульпо допускать. Продвижение японских войск в Северную Корею не считать за начало войны». Ходатайство наместника о немедленном начале мобилизации осталось без ответа⁸⁹⁶.

В конце февраля 1904 г. с санкции царя министр иностранных дел предписал Павлову возглавить дипломатическую канцелярию главнокомандующего Маньчжурской армией⁸⁹⁷. Не успел тот выехать к месту назначения, как телеграф принес новое распоряжение. Оказалось, работе у Куропаткина воспротивился Алексеев, который

уже выхлопотал «высочайшее» разрешение на его перевод в Мукден, в свою, наместника, ставку. 15 (28) марта Павлов вместе с секретарем сеульской миссии П.Г. Кербергом, консулом З.М. Поляновским и штабс-капитаном Н.Н. Бирюковым отправился из Шанхая сначала пароходом в Чифу, а затем и также морем – на север Китая. Остановившись в Пекине и передав своих подчиненных «на усиление» здешней российской миссии, Павлов направил стопы к наместнику, но до Мукдена так и не доехал. По дороге, в Дашичао, он неожиданно повстречал Алексеева на пути в Порт-Артур, куда его и сопроводил. «Адмирал Алексеев, – рассказывал он позднее графу Кассини, – отнесся ко мне с прежнею любезностью и вниманием; каждый день вел со мной длинные, по-видимому, самые душевные разговоры, но ... никакого определенного положения и работы мне не давал. Наконец, в один вечер он откровенно высказал мне, что возбудил вопрос о назначении меня в его распоряжение исключительно для того, чтобы не состоялось мое назначение к Куропаткину ... он думает, что и вообще мне находиться в Маньчжурии нет серьезных оснований и что, по его убеждению, я могу быть гораздо полезнее для дела, оставаясь в его распоряжении, но живя в Шанхае, где мне могла бы быть поручена вполне определенная деятельность, главным образом, по организации собирания и объединения секретных сведений о действиях японцев»⁸⁹⁸. Этот разговор, который определил не только службу камергера на ближайшие годы, но во многом – и всю его дальнейшую карьеру, состоялся в Порт-Артуре 3 (16) апреля 1904 г.

«По всестороннем обсуждении с наместником вопроса о могущей представиться для меня деятельности при главной квартире выяснилось, что мое присутствие в Мукдене, вероятно, потребуется не ранее сентября, – телеграфировал Павлов Ламздорфу на следующий день. – До того времени генерал-адъютант Алексеев полагал бы наиболее целесообразным командирование меня в Шанхай с тем, чтобы я ... организовал в более широких размерах дело добывания и доставления наместнику и командующему армией и флотом возможно точных секретных сведений о происходящем в Японии и Корее, особенно в отношении военного положения». К телеграмме Павлова наместник присовокупил: «Считаю весьма полезным и необходимым испросить высочайшее соизволение по возложению на него особенного поручения». 5 (18) апреля в Порт-Артуре был получен

ответ из Петербурга. «Государю императору, – сообщал Ламздорф, – благоугодно было высочайше одобрить высказанные посланником в Корее соображения и соизволить на отъезд ДСС Павлова в Шанхай для выполнения проектированных поручений».

Таким образом, план Алексеева утверждался императором и получал статус «высочайшего повеления», иными словами – признавался поручением чрезвычайной государственной важности. Как это ни парадоксально, но если верить только что цитированному письму Павлова Кассини, своим рождением «шанхайская агентура» оказалась обязана не предусмотрительности и государственной мудрости императора и его заместника на Дальнем Востоке, а, главным образом, личной неприязни последнего к генералу Куропаткину. Так, экспромтом, под воздействием случайных обстоятельств в высших эшелонах российской власти принимались важнейшие решения, таков был уровень государственного мышления тогдашних верховных правителей России. Нельзя, однако, не признать, что найденная кадровая комбинация оказалась на редкость удачной.

7 (20) апреля Алексеев утвердил инструкцию Павлову как руководителю «шанхайской агентуры». «На Ваше превосходительство, – говорилось в ней, – возлагается обязанность, избрав местом Вашего пребывания г. Шанхай, организовать и объединить дело собирания секретных сведений относительно положения дел в Японии и Корее с точки зрения военных операций, финансового состояния и вообще всего, что могло бы представлять для нас существенное значение в связи с настоящими обстоятельствами. На Вас же имеется в виду возложить руководство по приведению в исполнение некоторых других специальных секретных поручений». Столь скупко распространившись на тему о задачах вновь учреждаемой службы, адмирал продолжал: «Вам будет оказано полное содействие наших военных агентов в Шанхае и Тяньцзине, а равно также агента нашего Министерства финансов в Шанхае, с коими одновременно с сим будет сделано на этот предмет соответствующее сношение. Равным образом Вам надлежит лично ознакомить нашего посланника в Пекине с подробностями возложенного на Вас дела и условиться с ним относительно установления совместного с Вами образа действий со стороны нашего Генерального консула в Шанхае и прочих наших консульских агентов в Китае».

Таким способом предполагалось обойти затруднения, связанные с амбициями и межведомственными трениями российских должностных лиц, которые уже находились в Китае. Однако на деле их ожидавшееся «полное содействие» Павлову не состоялось, и такие ключевые фигуры, как посланник в Пекине П.М. Лессар и военный агент в Шанхае К.Н. Дессино, приняли его в штыки, усмотрев в его назначении покушение на собственную «роль». Лессар, накануне произведенный в тайные советники, открыто опротестовал появление «второго российского посланника в Китае». Министру Ламздорфу удалось успокоить его только обещанием запретить Павлову оперировать севернее Шанхая. Понятно, что в таких условиях о продуктивном сотрудничестве с ним речи быть не могло. 7 (20) апреля 1905 г. 54-летний Лессар скоропостижно скончался⁸⁹⁹, и взаимоотношения пришедшего ему на смену Д.Д. Покотилова и руководителя «шанхайской агентуры» приобрели совершенно иной, конструктивный характер. Хитрец же Дессино ограничился тем, что, по словам Давыдова, «уклонялся от прямого содействия» Павлову, ссылаясь на «отсутствие прямого распоряжения, адресованного ему, Дессино, от своего начальства»⁹⁰⁰. Правда, другие официальные представители России в регионе в дальнейшем ревностно трудились во благо вновь созданной «разведочной службы». Большим подспорьем для Павлова явилось и сотрудничество некоторых здешних представителей иностранных государств, особенно Франции.

Воспользовавшись моментом и явно не надеясь на собственный разведывательный аппарат, в начале апреля 1904 г. свои пожелания камергеру изложил и генерал-лейтенант Я.Г. Жилинский, начальник штаба заместителя. Его интересовали сведения о ходе мобилизации японских войск, численности и вооружении армий противника, ситуация с их продовольствием и транспортировкой в Маньчжурию и Корею, настроения в высшем командовании Японии и т.д. Самым красноречивым из 12-ти сформулированных им пунктов был 8-й: «Намерены ли японцы ожидать нашего наступления в Корею или же они сами рассчитывают наступать на Маньчжурию?»⁹⁰¹. Трудно представить более очевидных доказательств неадекватности военной разведки, чем эти «пожелания» начальника полевого штаба.

Впрочем, неосведомленность Жилинского легко объяснима. «Попечением» российских военных агентов в Сеуле, к моменту начала

боевых действий в Корее, например, у России секретных агентов не оказалось вообще. На прямой телеграфный запрос от 31 января (13 февраля) 1904 г. генерала Н.П. Линевича (тогда – командующего войсками Приамурского военного округа) «имеются ли [в] Корее наши тайные агенты, где именно, [в] чьем ведении, сохранено ли сообщение с Кореей», генерал-квартирмейстер штаба наместника констатировал: «Начатая уже нашими агентами разведка Кореи прервана объявлением войны и теперь агентов нет». О положении дел в Сеуле штаб информировал Линевича по сообщениям зарубежной печати⁹⁰². Не намного лучше был организован сбор разведывательной информации российскими представителями в Китае. «Разведочная сеть на Дальнем Востоке, – констатировал Давыдов в мае 1904 г., – поставлена весьма слабо. Все мы, агенты различных ведомств, собираем сведения совершенно случайным образом, не имея никакой организации и связи между собой. В этом отношении японцы могли бы служить нам превосходным примером, так высоко у них поставлена разведочная часть»⁹⁰³.

Ближайшее окружение наместника по подбору людей и царящей атмосфере, фактически, представляло собой «высочайший» двор в миниатюре. Оно произвело тягостное впечатление даже на Павлова, который, по собственному признанию, «всегда был раньше одним из самых горячих поклонников» Алексеева и в марте 1904 г. ехал на встречу с наместником «с радостью и крепкой верою в него». «Я должен был увидеть в нем такие черты, которые в мирное время были малозаметны и весь вред которых теперь слишком ясно обнаружился, – констатировал он в уже цитированном письме графу Кассини. – Я говорю о систематическом стремлении Алексеева устранять от себя все сколько-нибудь даровитое, окружать себя исключительно людьми ничтожными, лишенными всякой инициативы, всякой энергии, всякой тени самостоятельности. Таков весь теперешний состав его штаба ... Безличный Плансон, такой же безличный, как ... генералы Жилинский и Флуг, как все вообще ближайшие помощники Алексеева ... Тяжелее всего эта черта Алексеева отразилась на флоте. Грустно думать, что в момент разрыва у нас на всей эскадре не было ни одного сколько-нибудь даровитого адмирала. Несчастный Старк, добрейший человек, честный работник – но полная бездарность; князь Ухтомский⁹⁰⁴, которого я давно знаю еще

как командира, знаменитый своей растерянностью, ненаходчивостью, неумением справляться с кораблями даже при самых обыкновенных обстоятельствах, служивший почти посмешищем как для офицеров, так и для команд ... Неудовлетворительность адмиралов естественно сказалась и на остальном личном составе флота, особенно на духе офицеров. Сколько тяжелого, безотрадного пришлось мне самому увидеть и услышать в этом отношении за 10 дней, проведенных в Артуре». Ответственность за увиденное камергер возложил лично на заместника: «в очень многом вина ложится на Алексеева», – писал он в том же письме⁹⁰⁵.

В первые месяцы войны русское командование бродило в потемках и не имело достоверных данных ни о численности японской армии в Маньчжурии и Корее, ни о планах ее руководства, ни о ситуации в самой Японии. Военно-разведывательный аппарат бездействовал, связи с Японией прервались, секретная агентура практически отсутствовала⁹⁰⁶, а та, что сохранилась, сведений дать не могла. «Все письма в Японию и оттуда вскрываются и прочитываются, причем многие письма не доставляются вовсе по назначению, а другие доставляются с опозданием в один и два месяца, – докладывал Давыдов министру финансов Коковцову. – Шифрованные телеграммы не передаются вовсе и не принимаются к отправке. При таком положении немислима правильная доставка сведений»⁹⁰⁷. Не спасал и анализ японской печати, которая, как позднее признавала “Japan Times”, с первых дней войны «получила беспрекословное приказание правительства: хранить в тайне все, что касается организации, мобилизации и передвижения морских и сухопутных сил родины»⁹⁰⁸. В общем, ситуация была почти катастрофической. «Адмирал показывает мне карту... – записал в дневнике Плансон 8 (21) марта 1904 г. – Я высказываю мнение, что японцев в действительности гораздо меньше, чем они уверяют. Но нет сведений. Адмирал говорит: “Нет ли у вас знакомых, чрез которых можно было бы завязать сношения с Японией?” Я даю мысль...»⁹⁰⁹.

В таких условиях Павлову предстояло, преодолев вязкое сопротивление Лессара и Дессино, в кратчайший срок и фактически с нуля создать ни много ни мало новую секретную службу, «организовать и объединить» всю разведывательную и контрразведывательную работу России на Дальнем Востоке и

обеспечить командование маньчжурских армий и флота, а также политическое руководство страны достоверной информацией о положении в регионе, включая Китай, Японию и оккупированную Корею (в дальнейшем подведомственный ему район был значительно расширен). Как и обещал в своей апрельской инструкции наместник, по мере развертывания новой секретной службы на Павлова стали возлагаться и другие, разовые, но отнюдь не более легко выполнимые «специальные секретные поручения». Одним из первых таких заданий стала починка 130-верстной подводной телеграфной линии Порт-Артур – Чифу, перерезанной японцами в двух местах одновременно⁹¹⁰ (восстановить кабель не получилось), а также покупка и тайная доставка двух радиостанций в Ньючжуан и Мукден в первой половине мая 1904 г.

В дальнейшем параллельно с выполнением своих основных задач Павлов занимался негласным «руководительством» китайской и корейской прессы «в благоприятном для России смысле», направлял работу российских консулов и собственной агентуры по слежке за передвижениями японских морских офицеров по всей Юго-Восточной Азии и в Индонезии, закупал для эскадры Рождественского уголь и вспомогательные суда, трудился над организацией диверсий в тылу японской армии и разрушением подводных телеграфных кабелей Японии, покупал и доставлял продовольствие в блокированный японцами Порт-Артур, а после его сдачи участвовал в эвакуации на родину раненых солдат гарнизона и нескольких тысяч гражданского населения. Большинство этих операций производилось тайно, в крайне неблагоприятной обстановке и требовало огромных затрат. На их осуществление «шанхайской агентуре» было ассигновано более десяти миллионов рублей, львиную долю которых поглотили не основные, разведывательные, а именно побочные, «хозяйственные» операции.

Кроме того, на Павлова посыпались поручения МИД и высшего военного руководства по специальным внешнеполитическим или военным вопросам. Не успел он освоиться в своем новом качестве, как в начале мая 1904 г. наместник направил ему запрос «о силе японских войск, высаженных в Бицзыво и других местах» Ляодунского полуострова, предназначенных для действий против Порт-Артура⁹¹¹; вскоре директор I департамента МИД Гартвиг стал настойчиво интересоваться планами Китая расторгнуть все свои договоры,

заключенные с Россией за последние восемь лет, и просил отслеживать «развитие» этого вопроса в дальнейшем⁹¹²; спустя еще две недели новому командующему Тихоокеанской эскадрой Н.И. Скрыдлову срочно понадобилось знать, «когда, как, каким путем, на чем отправится [в] Маньчжурию маршал Ойяма»⁹¹³, и т.д. В феврале 1905 г. главнокомандующий телеграфом запросил Павлова о формировании в Японии «шести дивизий кроме трех уже сформированных и перевезенных [в] Корею, а также в каком районе последние сосредоточены, куда направлены или предполагают направиться»⁹¹⁴. Какой бы вопрос все это разнообразное начальство ни интересовало, в ответ оно всегда ожидало абсолютно достоверные сведения в кратчайший срок, и «шанхайская агентура» редко обманывала эти ожидания.

В зависимости от характера сведений добытая информация направлялась в МИД, в российскую миссию в Пекине либо армейскому и флотскому командованию. Одновременно все свои донесения Павлов телеграфировал в главную квартиру наместника, который финансировал его деятельность из находившихся в его распоряжении многомиллионных «специальных средств». «В видах устранения поводов к подозрению со стороны китайцев или иностранцев» относительно целей пребывания Павлова в Шанхае, камергер шифровал даже свою фамилию в конце донесений, и его переписка с наместником шла за подписью и на имя Генерального консула в Шанхае К.В. Клейменова. После отъезда Алексея в Петербург (октябрь 1904 г.) эти сообщения тем же порядком стали направляться в ставку главнокомандующего в Мукден, а после его сдачи японцам – в Гунжулин.

Вся переписка Павлова была секретной, и большие усилия и время уходило на то, чтобы зашифровать свои и расшифровать поступающие депеши (Плансон, через которого проходила большая часть этой корреспонденции, жаловался в дневнике: «массы телеграмм», «сидим... целые дни, расшифровываем»⁹¹⁵). Только за неполный 1904 г. «шанхайская агентура» отправила свыше 700, а получила и расшифровала порядка 650-ти телеграмм. При этом в ходу у нее был не один, а несколько шифров одновременно: со штатными российскими консулами Павлов переписывался цифровым «морским» кодом, с внештатными – буквенным, а агенты и сотрудники, которых

он направлял в разные пункты Юго-Восточной Азии для выполнения секретных заданий, снабжались специальными «частными» шифрами; особым кодом в агентуре шифровались донесения «наверх», причем все это, понятно, делалось вручную. В общем, новое назначение потребовало от Павлова мобилизации всех его профессиональных качеств и просто физических сил.

Местом базирования новой агентуры с самого начала был определен Шанхай, в котором Павлов в общей сложности проработал в течение двух лет (его последнее донесение оттуда датировано 17 (30) марта 1906 г.). Вопреки первоначальным предположениям Алексеева, в Мукдене его присутствие не потребовалось ни в сентябре 1904 г., ни позднее. 12 (25) апреля 1904 г. Павлов выехал из Порт-Артура в Ляоян на встречу с Куропаткиным, а оттуда двинулся в Шанхай, вновь остановившись ненадолго в Пекине, чтобы переговорить с Лессаром, а заодно забрать у него назад своих сотрудников. Договориться с российским посланником в Китае вновь не получилось, нудные препирательства с ним ни к чему не привели. Лессар уступил только после очередного вмешательства министра, который заверил, что вновь назначенный руководитель секретной службы «правильно понял характер возложенной на него задачи», а посему «никаких недоразумений между вами не должно происходить»⁹¹⁶. В результате Павлову был присвоен не совсем обычный статус «русского посланника в Сеуле», находящегося в Китае «частным образом». В последних числах апреля он, наконец, прибыл на место новой службы.

Шанхай являлся значительным торговым и ремесленным центром еще с XVI в., а к началу XX столетия со своим почти 400-тысячным населением превратился в неофициальную столицу Среднего и Южного Китая. Старую, китайскую часть города, обнесенную стеной, окружали три огромных «сеттльмента» с каменными домами, электрическим освещением и телефонами, в которых постоянно проживало свыше 10 тыс. японцев, американцев и европейцев. Растянувшись на десятки километров вдоль реки Хуанпу, этот морской порт, открытый для иностранцев, стал важнейшим торгово-промышленным и финансовым центром всего Китая: только за один 1898 г. его посетило около 7 тыс. судов, а торговые обороты значительно превысили 300 млн лан, или без малого полмиллиарда

долларов⁹¹⁷. В Шанхае находились конторы крупнейших азиатских банков, страховых обществ, пароходных компаний и фирм, китайских и иностранных; восемь европейских банков имели здесь свои отделения. К началу русско-японской войны в Шанхае издавалось 14 газет и журналов на китайском, английском, французском, немецком и японском языках, здесь постоянно базировались корреспонденты десятков газет и информационных агентств со всего света. Продукция многочисленных издательств и типографий тоннами развозилась по всему Китаю.

Японцы рано оценили значение этого города и утвердились в нем еще в XIX в. Именно через Шанхай по всему Китаю распространялось японское влияние, а из него в Японию, по словам сотрудника «шанхайской агентуры» Л.В. фон Гойера, «выходила сумма добытых со всех сторон Китая сведений». Что касается России, то вплоть до второй половины 1890-х годов ее интересы в Среднем и Южном Китае были столь незначительны, что в Шанхае она не имела своего штатного консула, а обязанности ее внештатного представителя выполнял Юлий Августович Рединг, местный коммерсант из русских немцев (моряки российских судов, заходивших в шанхайский порт, в шутку называли его «Сентябрем Августовичем»). Телеграфными конторами в Чифу, Тяньцзине и Шанхае Россия обзавелась только в середине 1890-х годов, последней из великих держав (до этого корреспонденция направлялась в Петербург сухопутным путем через Монголию). Из без малого 7 тыс. иностранцев, проживавших в Шанхае в 1900 г., русских насчитывалось всего 47 человек. Накануне войны с Японией их число едва достигало ста и только в 1905 г. перевалило за триста (численность здешней японской колонии в эти же годы выросла впятеро – с 1233 человек до 6 тыс.). В октябре 1903 г. кроме военного агента в Пекине, который официально именовался «первым», у России появился и «второй» военный атташе в Китае, местом пребывания которого был определен Шанхай. Эту должность занял Дессино, а «первым» военным агентом стал вновь назначенный в Китай полковник Генерального штаба Ф.Е. Огородников.

Нити японского влияния и разведки в Шанхае сходились в тайном «квинтете» в составе Генерального консула Одагири Масуносукэ, по характеристике фон Гойера, человека «необыкновенных способностей и редкого образования», неофициального военного представителя

полковника Генерального штаба Цуниоси (во время войны его сменил капитан 1-го ранга Мори Ёситаро), директора крупнейшего в Шанхае страхового общества «Мицуи Буссан Кайся» Ямамото, руководителя местного отделения «Иокогама Специе Банка» Чоо и управляющего шанхайским отделением пароходного общества «Ниппон Юсен Кайся» Хаяси. Чоо и сам Одагири были японцами китайского происхождения, имели репутацию синофилов и в силу этого пользовались особыми симпатиями коренного населения; Ямамото приходился Одагири свояком. Вместе они составляли неофициальную, но крепко спаянную коллегия, которая руководила огромной сетью собственных тайных информаторов и наблюдательных агентов и переправляла собранные сведения в Токио.

«Все, что делалось японцами в Шанхае и окрестных провинциях Среднего Китая, – свидетельствовал тот же фон Гойер, – проходило через руки этих пяти деятелей, совместно работавших для достижения общей цели. Главная задача, которую они поставили себе, заключалась в том, чтобы завладеть всеми жизненными центрами Шанхая. Какое бы дело ни делалось, какой бы план ни осуществлялся в Шанхае, есть несколько неминуемых инстанций, через которые это предприятие должно пройти ранее, чем оно выльется в окончательную форму. И вот эти-то инстанции и должны были контролироваться бесчисленными агентами по плану вышеозначенных пяти членов шанхайской разведочной комиссии. Главные из них: 1. Таможня. 2. Пароходные компании. 3. Банки. 4. Телеграф. 5. Телефон. 6. Клубы. 7. Гостиницы. 8. Пресса. 9. Книгопечатни. 10. Речное сообщение. Все эти центры шанхайской *business life* (деловой жизни) были фактически в руках японцев. Они завладели ими задолго до начала войны и пользовались ими за все время войны». Технику работы здесь японской разведки фон Гойер подробно описал в своей записке, которая публикуется в Приложении к этой книге.

Помимо широкой сети тайных информаторов в деловых кругах Шанхая японский Генеральный консул имел в своем распоряжении особую наблюдательную службу, которая была организована по территориальному принципу. Весь город был разбит на участки, в каждом из которых находилась конспиративная «главная квартира», куда стекались все собранные агентами сведения за день. Некоторые из них были оборудованы и действовали как заправские канцелярии.

«Две громадные комнаты, уставленные канцелярскими столами, с работающими за ними чиновниками, библиотека, карты на стенах, телефон, 2—3 рассыльных у дверей, небольшой с отдельным ходом кабинет-приемная», – так описывал очевидец резиденцию полковника Цуниоси в одной из шанхайских гостиниц. Из «районов» сведения ежевечерне поступали в японское Генеральное консульство, где они сортировались, объединялись с данными «внутренней» агентуры, перепроверялись, обрабатывались и передавались на рассмотрение «коллегии пяти», а затем и в Токио. «Так работала эта колоссальная машина, днем и ночью, на суше и на воде, не брезгая никакими мерами, не жалея средств, с радостью принимая всякую лепту в виде денежной или трудовой помощи; так работала она крепко, неустанно, и все отдельные части и частички ее работали совместно, истово и дружно, с неукоснительной энергией, озаренные единой общей, великой идеей», – заключал фон Гойер.

Появление в Шанхае российских представительств не прошло в ведомстве Одагири незамеченным. К каждому русскому чиновнику был приставлен наблюдатель, а в состав секретных осведомителей Дессино из числа китайцев японский Генеральный консул внедрил «своего» человека. Не было обойдено вниманием и местное отделение Русско-Китайского банка: один из его директоров-иностранцев (вероятно, француз Верунг (Wehrung)) завел себе секретаря, привезенного из Японии, а некий «голландский еврей, “женатый” на японке», возглавил экспедицию банка – «отдел корреспонденции» (позднее российская секретная служба установила контакты этого голландца с Одагири). Еще больше положение Павлова и его сотрудников осложняло недружелюбное отношение коренных жителей Шанхая к европейцам вообще и к русским в особенности, во многом вызванное антироссийской и паназиатской пропагандой японцев. «Всякий старый резидент в беспристрастном суждении о китайцах скажет, что бездна разделяет бывшего вежливого и уступчивого туземца от нынешнего китайца, в котором проснулось сознание его расового равенства с европейцем и пробудилась жажда возмездия за вынесенные обиды и унижения», – писал российский разведчик. «Престиж России пал, – констатировал в 1904 г. другой, – более того, престиж европейцев утрачен»⁹¹⁸.

В общем, находясь на территории формально нейтрального Китая, в Шанхае камергер Павлов очутился фактически на передовой. Условия его новой службы не имели ничего общего с относительно комфортным и, главное, безмятежным существованием его военных коллег в Мукдене или Владивостоке. Его появление вызвало пристальное внимание ведомства Одагири, который сделал все, чтобы внедрить в русскую секретную службу своих агентов, но мало преуспел в этом: в своих донесениях министру Комура японский консул в основном оперировал данными наружного наблюдения за Павловым и его сотрудниками, догадываясь, впрочем, об истинных смысле и целях их пребывания в Шанхае. «Японцы все время следят за мною, – писал Павлов в МИД в июле 1904 г., – очевидно, они стараются выведать характер моей деятельности, но, разумеется, не могут иметь никаких положительных данных для подтверждения своих подозрений»⁹¹⁹. Японская печать также стремилась отслеживать деятельность русского камергера, но, по неосведомленности, тиражировала слухи⁹²⁰. Вместе с тем, постоянная слежка японцев сильно мешала работе, а их широкие связи в местных деловых кругах грозили «хозяйственным» начинаниям «шанхайской агентуры» – покупке и фрахту судов, приобретению продовольствия, медикаментов, угля, перевозке этих грузов и т.д. Противоядие было найдено в том, чтобы всеми возможными способами избегать контактов с иностранными банками и страховыми компаниями и свои закупки производить на основании устных договоренностей, через третьих лиц и за наличный расчет, а грузы и суда не страховать. В этом заключался большой риск, но действовать иначе означало потерять все.

По приезде в Шанхай не теряя времени камергер первым делом собрал здешних российских официальных представителей – консула, военного и морского атташе и агентов Министерства финансов, которым разъяснил суть «высочайше» возложенного на него поручения. Формировать новую секретную службу ему пришлось параллельно с выполнением заданий наместника, которые, как мы знаем, не заставили себя ждать. Ее костяк составили бывшие сослуживцы Павлова по Сеулу (из них в пекинской миссии был временно оставлен только Керберг), к которым сразу присоединились Давыдов и Распопов. Эти чиновники Министерства финансов

располагали собственными тайными информаторами в Китае и Японии и с готовностью «поставили себя в полное распоряжение А.И. Павлова»⁹²¹. Кроме того, на содержании местного отделения Русско-Китайского банка, которое они представляли, состоял один из секретарей даотая Шена (Шенга), китайского банкира, издателя и директора железных дорог (одновременно – японского подданного), которого этот банк прежде неоднократно «субсидировал» напрямую (из окружения этого влиятельного сановника поступали сведения о настроениях в китайских верхах). От Давыдова же Павлов получил в помощники титулярного советника Л.В. фон Гойера, человека молодого, но уже успевшего несколько лет поработать вместе с самим Давыдовым в Японии. Местный консул Клейменов предоставил в распоряжение руководителя новой секретной службы наблюдательных агентов-китайцев, своего бывшего секретаря, а теперь вице-консула в Чифу коллежского асессора Х.П. Кристи, равно как и нынешнего своего помощника титулярного советника фон Эттингена. Тогда же Павлов списался с консулами в Чифу (коллежским асессором П.Г. Тидеманом), Гонконге (надворным советником К.Ф. Бологовским), Сингапуре (надворным советником П.К. Рудановским), Бангкоке (ДСС А.Э. Оларовским), Бомбее (СС В.О. фон Клеммом) и Коломбо (А.Н. Бурнашовым). Все они, имевшие собственных секретных агентов и уже предупрежденные Петербургом, также выразили полную готовность выполнять его поручения.

Зато отношения с военным атташе Дессино и морским агентом лейтенантом Анастасьевым с самого начала не заладились. То, что Дессино с большой неохотой знакомил его со своими агентурными разработками, в конечном счете сослужило организации Павлова неплохую службу – ей, таким образом, удалось уберечься от проникновения в свою среду осведомителей Одагири. С Анастасьевым же камергер предпочел прекратить отношения сам – у него сложилось впечатление, что лейтенант не столько озабочен делом, сколько «ищет материальный интерес при исполнении поручений»⁹²².

На решение организационных вопросов ушли считанные дни, и уже с 5 (18) мая 1904 г. из Шанхая пошли секретные донесения. Первые из них, естественно, основывались на собственных наблюдениях Павлова, а также на данных агентуры Давыдова и Дессино. Давыдов, ссылаясь на сведения французских миссионеров, сообщил о

намерении китайцев вскоре вступить в войну на стороне Японии и о появлении на юге Китая «большого количества фальшивых русских кредитных билетов японского происхождения, назначенных также для расплаты в Маньчжурии»⁹²³; Дессино продемонстрировал копию телеграммы, которую он еще в апреле направил в штаб наместника. Речь в ней шла о двух партиях японских морских офицеров, которые выехали из Шанхая в Европу, «дабы препятствовать проходу на Дальний Восток балтийской эскадры». Эти сведения сразу подтвердил Давыдов, о том же Павлову вскоре стали докладывать его собственные наблюдательные агенты, а затем и консул Бологовский: на пути в Европу японцы проезжали через его резиденцию – Гонконг. Обеспокоенный Павлов запросил инструкций в Петербурге и Мукдене. В ответ Гартвиг предписал ему «следить за дальнейшею деятельностью указанных лиц» и их «происками», а Алексеев, отметив «высочайшую ценность» полученных таким образом сведений, приказал тщательно их проверить⁹²⁴.

Проверка опасения подтвердила («факт посылки японцами морских офицеров в порты Красного моря и в Европу едва ли может подлежать сомнению», – доложил Павлов наместнику 28 мая), и с тех пор одним из важнейших направлений деятельности «шанхайской агентуры» стала слежка за японцами в Китае, Индокитае, Индии и Индонезии. Японских офицеров, которые ехали через Шанхай, Павлов сопровождал своими наблюдательными агентами, в промежуточных портах – Гонконге, Сингапуре, Коломбо и др. – их «перехватывали» русские консулы, а в тех пунктах Азии, где консулов не было (в Сайгоне, Сабанге и др.), – Кристи. Отслеживать дальнейшие передвижения наблюдаемых в Африке, Европе или Америке в задачу Павлова уже не входило – этим занимались агенты соответствующих русских дипломатических представительств.

Особенно много хлопот «шанхайской агентуре» доставляли частые перемещения капитана 1-го ранга Ё. Мори, неофициального представителя японского ВМФ в Шанхае. В октябре 1904 г. этот японец тайно перебрался в Чифу, а оттуда в начале ноября во главе группы из 28 морских офицеров, переодетых китайцами, выехал в Гонконг. Из Гонконга капитан под видом помощника судового повара направился в Сингапур, а затем в Индонезию – по данным консула Тидемана, конечной целью его путешествия был Малаккский пролив,

через который предположительно должны были пройти корабли Рождественского. На всем этом пути японцев сопровождали наблюдательные агенты Павлова. В Индонезии японские офицеры рассредоточились по многочисленным островам на огромном пространстве от Бали до Тимора; капитан 1-го ранга исчез, и только 4 декабря Павлов получил телеграмму своего агента (голландца Маркса): “*Found Mori*” («нашел Мори») ⁹²⁵. Вскоре Маркс из Индонезии был отозван, а слежку за японскими офицерами продолжили Кристи, Полис, француз Жан Шаффанжон (J. Chaffanjon), а также агенты секретной полиции голландских колониальных властей.

Находясь под постоянным «прицелом» ведомства Одагири, Павлов старался держаться в тени и действовать в рамках своего официально «частного» статуса. К лету 1904 г. среди его сотрудников сложилась своеобразная специализация. Кристи отправился следить за японцами в порты Юго-Восточной Азии и Индонезии и вплоть до конца апреля 1905 г. находился в непрерывных разъездах. Поляновскому, а затем и фон Гойеру было поручено заниматься «воздействием» на шанхайскую прессу. Давыдов был активен и в агентурной работе, и в делах местной печати, но в основном специализировался на выполнении «технических» поручений Павлова и организации диверсий на японских военных складах в Маньчжурии ⁹²⁶. Распопову была доверена организация «внутреннего» наблюдения за японскими тайными обществами в Шанхае. На самого камергера оказалось возложено общее руководство «разведочной службой», разнообразная переписка, но главным образом – агентурная работа. Уже в мае – июне 1904 г. под его руководством действовала группа секретных наблюдательных агентов. Среди них были китайцы, несколько французов и служащий Русско-Китайского банка Генцер, австрийский подданный; к осени 1904 г. к ним добавилось еще несколько европейцев – уже известные нам Маркс, Шаффанжон и швейцарец Барбей. В ноябре Павлову удалось внедрить своего секретного агента в японское Генеральное консульство в Шанхае. Активно привлекал камергер и данные случайных источников, но полученной таким образом информации все-таки было недостаточно.

С момента образования «шанхайской агентуры» и наместник, и Павлов понимали, что без секретных сведений непосредственно из

Японии не обойтись. Те два-три француза, служащие Русско-Китайского банка, которые, несмотря на закрытие его японского отделения с началом войны, оставались в Кобе, не решали проблемы – они были готовы сотрудничать с Давыдовым и Рас-поповым, но, во-первых, их компетенция не выходила за пределы финансово-экономических вопросов и, во-вторых, связь с ними была ненадежной. Поэтому Павлов поручил Давыдову «подыскать подходящее лицо из иностранцев для посылки в Японию в качестве негласного агента»⁹²⁷. Это задание Давыдов выполнил, и уже в конце мая 1904 г. французский пароход доставил в Шанхай первое зашифрованное донесение этого агента из Иокогамы. Им стал французский подданный Анри Обер (Henry Aubert), инспектор Русско-Китайского банка. Обер занялся изучением финансово-экономического и торгово-промышленного состояния Японии и полученные от него «обширные по сему предмету материалы» Давыдов стал регулярно направлять в Петербург. Секретные военные сведения, добытые Обером, передавались в Мукден наместнику и в штаб главнокомандующего⁹²⁸.

Вскоре камергеру улыбнулась удача. В июне 1904 г. по пути из Сеула в Токио в Шанхае сделал короткую остановку корреспондент газеты «L'Illustration» Жан Бале. «Здесьшний французский консул, близко знающий Бале уже около 10 лет, – доносил Павлов наместнику 13 (26) июня, – отвечает за его безусловную честность, добросовестность и преданность русскому делу; он же обещает устроить правильную передачу мне из Японии не только секретных писем Бале, но и зашифрованных телеграмм чрез посредство французского консула в Иокогаме. Последнее особенно ценно, ввиду недостижимости этого для других наших секретных агентов в Японии. Здесьшний французский консул сам взялся переговорить с Бале и сегодня должен дать мне ответ, на каких условиях дело могло бы состояться»⁹²⁹. На другой день Павлов телеграфировал наместнику условия французского журналиста: «Личное ежемесячное вознаграждение — 1000 [мексиканских] долларов; на мелкие секретные издержки подотчетно от 100 до 150 долл. в месяц; могущие оказаться необходимыми поездки внутри Японии, а равно посылаемые им телеграммы на наш счет в размере действительного расхода, по представлении отчета». «Хотя требуемое вознаграждение довольно значительно, – добавил от себя камергер, – я считал бы крайне

желательным заключить соглашение хотя бы на три месяца, ибо другого, столь подходящего [во] всех отношениях агента едва ли можно найти»⁹³⁰.

Замечание Павлова относительно важности передачи донесений секретного агента из Японии имели под собой серьезные основания – разведывательная информация, посланная обычным способом, грозила попасть в руки японских властей. В июле 1904 г. Дессино направил из Шанхая в Иокогаму 40-летнего англичанина Коллинза (H.V. Collins), незадолго перед тем завербованного полковником Огородниковым. Однако первое же зашифрованное донесение Коллинза перехватил в Нагасаки японский военный почтовый инспектор, сам агент был арестован и, проведя несколько месяцев в тюрьме, 24 января 1905 г. получил по суду 11 лет каторги. Жалобу Коллинза японский апелляционный суд отклонил⁹³¹.

Наместник предложения Павлова одобрил, дело с Бале сладилось, и начиная с 22 июня 1904 г. раз в неделю в Шанхай на французском пароходе из Иокогама стали приходить его зашифрованные донесения. Скоро Бале вполне подтвердил авансы, выданные французским консулом. В годы русско-японской войны он оказался самым ценным секретным сотрудником русского правительства на Дальнем Востоке. Работал Бале один, без помощников, и, вероятно, только благодаря этому для местных властей истинные цели его пребывания в Японии так и остались тайной. Поскольку контракт с «L'Illustration» у Бале истекал, по ходатайству Павлова, переданному через Ламздорфа, посол в Париже Нелидов с помощью французских властей приватно добился превращения французского журналиста в токийского корреспондента куда более респектабельной «Figaro».

К 1904 г. Бале прожил в Японии уже без малого 10 лет (начиная с 1893 г., с небольшими перерывами) и даже обзавелся в Токио собственным домом и книжным магазином. Он свободно владел японским языком, водил широкие знакомства в японских правительственных, военных, военно-морских, банковских и финансово-промышленных кругах, удостоверение корреспондента солидной газеты великой европейской державы открывало для него двери других высоких кабинетов. Как журналист он много путешествовал, стараясь посетить и лично осмотреть места дислокации японских сухопутных сил, порты, из которых войска

отправлялись на фронт, госпитали, где лечились раненые, верфи, на которых ремонтировались или строились военные корабли. Только в течение лета и осени 1904 г. он побывал в Осака, Фукусияма (где были расквартированы 4-я и 10-я дивизии), Кокура, Нагоя (3-я дивизия), Каназава, Химедзи, на острове Еззо (Хоккайдо) (7-я дивизия) и в других местах. Бале в деталях сообщал о мобилизационных планах и возможностях Японии, о ходе призыва всех категорий ее запасных и новобранцев, о формировании новых резервных и боевых частей, их дислокации, обучении, вооружении, времени и месте отправки в Маньчжурию и Корею, местах их высадки и назначении; о потерях японских сухопутных и военно-морских сил, количестве прибывших в Японию раненых; о настроениях в ее высшем военном руководстве, новых назначениях и взаимоотношениях внутри японского генералитета; о минных заграждениях в Симоносеки, Сасебо, Нагасаки, Кобе, Осака и Токийском заливе и о состоянии береговой обороны этих и других японских портов и бухт; о ходе ремонта поврежденных японских боевых кораблей и перемещениях находившихся в строю (от броненосцев до крейсеров 2-го ранга включительно, поименно о каждом).

Весьма достоверными были его сведения относительно намерений японских военных – ближайших и перспективных. Уже в одном из своих первых донесений (от 2 (15) июля 1904 г.) он изложил план последующих наступательных операций Японии в Китае: «Японское правительство внушает общественному мнению, что Артур будет взят ... не позже 7 июля ... Вслед за тем 3-я и 4-я армии присоединятся к первой и второй армиям, окружат и уничтожат нашу Ляоянскую армию, затем немедленно займут Мукден, где останутся на отдых до конца дождливого периода»⁹³². Ошибся Бале только в сроках: сражение под Ляояном состоялось в августе 1904 г., Порт-Артур пал в декабре, а крупнейшая и решающая на сухопутном театре битва за Мукден произошла в феврале 1905 г., много позже сезона дождей. «Общее количество японских войск в Маньчжурии, по сведениям из японского Главного штаба, [в] настоящее время определяется в 350 тыс., – извещал он Павлова в конце ноября 1904 г. – ... Под Мукденом маршал Ояма предполагает дать в ближайшем будущем еще одно большое сражение, затем приостановить операции до весны»⁹³³. Так и произошло в действительности.

Большое внимание Бале уделял вопросам политического, экономического и финансового положения Японии. Сведения на этот счет он получал из бесед с высокопоставленными чиновниками японского МИД, Министерства продовольствия, Главного штаба, руководителями военно-морского ведомства и владельцами крупных банков; в числе его конфидентов был один из особо доверенных секретарей последовательно двух сановников, графа С. Окума и маркиза Х. Ито, которые в разные годы возглавляли японский кабинет. Благодаря всему этому, французу нередко удавалось в подробностях узнавать о том, как тот или иной вопрос обсуждался и был решен на заседаниях *гэнро* и в ходе других совещаний у микадо.

Вопреки информации западноевропейских и японских газет, бодрым заявлениям токийского кабинета внутри страны и его представителей за рубежом, донесения французского журналиста свидетельствовали, что маньчжурская авантюра была для Японии непосильна. Военные расходы (по оценкам Бале – около миллиона иен в день) вызывали огромное напряжение ее банковской и финансовой системы и угрожали развалить хозяйственную жизнь страны. Благодаря постоянным и все увеличивавшимся поборам и налогам население оказалось поставлено на грань нищеты. В июле Бале совершил поездку вглубь Японии и везде отметил «начинающееся общее разорение». «Мелкая торговля, – сообщал он, – уже почти не существует. Даже в больших городах целые торговые улицы опустели, лавки закрыты, жители выселились в деревни. Крупные предприятия также одно за другим прекращают деятельность вследствие прекращения кредита в банках. Последние, кроме “Дайичи” и “Иокогама Специе Банка”, работающих для правительства, все в критическом положении»⁹³⁴; «производство на бумагопрядильных фабриках Киото сократилось наполовину; поденная плата рабочим вместо прежних 40 сен – 20 сен; более 5 тысяч школьных учителей уволены [в] видах сокращения расходов»⁹³⁵. «Все производства, кроме шелка, чая и очистки риса, прекратились, – читаем в его донесении от 14 августа. – Городское население особенно бедствует; множество самоубийств»⁹³⁶. «Среди низших классов населения, – сообщал он 4 сентября, – ... выражается решимость приносить все требуемые жертвы, но всякий энтузиазм исчез. Народ желает конца войны, какого бы ни было».

«Поступление налогов происходит с крайними затруднениями. Множество людей бедного класса отказываются платить, скрываются, пассивно дают описывать свое имущество, – писал Бале в середине ноября. – В одном Токио недоимки составляют уже 15 млн иен. Нищета принимает угрожающие размеры. Число пустующих домов в городах с каждым днем увеличивается»; «в некоторых местностях сельские жители демонстративно отказываются жать рис, ссылаясь на то, что весь урожай все равно будет отобран под видом новых налогов. Начались частые случаи дезертирства среди новобранцев и вновь призываемых чинов резерва»⁹³⁷. К концу 1904 г. ситуация с недоимками обострилась еще больше: «Новые налоги, особенно на соль, на пассажирское движение по железным дорогам и на ввоз зерна повсеместно вызывают ропот и сильную оппозицию в народе и в печати. Полиция принимает строгие меры, несколько газет закрыто, конфисковано. Город Токио разделен на небольшие участки, особые сборщики недоимок по каждому участку ежедневно обходят все дома, отбирают малейшие поступления. Тем не менее общий размер недоимок растет, для Токио уже достиг 20 млн [иен]. В других больших городах подобное же положение».

Особое недовольство рядовых японцев вызывали нескончаемые мобилизации – уже в начале июля 1904 г. под ружье были поставлены мужчины в возрасте до 42-х лет, в ноябре были призваны «все чины запаса и резерва, проживавшие в Калифорнии, Мексике, Южной Америке и на Сандвичевых островах»⁹³⁸, а к концу этого месяца – и более старшие возрастные группы. Посетив в конце июля казармы 3-й дивизии в Нагоя, Бале констатировал «присутствие там от 3-х до 4-х тысяч новобранцев из категории не подлежащих призыву, ныне призванных [в]виду исключительных обстоятельств». «В офицерах крайний недостаток, – описывал он увиденное. – ... Такие же исключительные призывы произведены в прочих дивизиях ... По признанию самих японцев, общее количество выбывших из строя в действующих в Маньчжурии японских войсках составляло к концу июля не менее 25 тысяч». Новые наборы едва покрывали все увеличивавшиеся военные потери: «последний призыв запасных и территориальных, – писал Бале в начале декабря 1904 г., – с трудом дал 20 000 [резервистов], большинство в возрасте [от] 43-х до 45 лет».

Протест населения и новобранцев принимал самые разнообразные формы – от дезертирства и «злоумышленных» крушений воинских поездов (в июне 1904 г. такие крушения произошли на линии Кобе – Хиросима и дважды – на дороге Нагасаки – Модзи, в июле – на линиях Нагасаки – Симоносеки и Хиросима – Симоносеки и т.д.) до бандитизма: «Повсюду в Японии, не исключая Токио, начались усиленные грабежи вооруженными шайками», – сообщал Бале 17 октября 1904 г.⁹³⁹

На протяжении лета 1904 г. внутривластная обстановка в Стране Восходящего Солнца также постепенно накалялась; дальнейшая затяжка войны заставляла токийский кабинет конструировать различные гипотетические комбинации как в финансовой, так и внешнеполитической сферах. «Правительство ожидает взятия Артура и результата предполагаемого решительного сражения у Ляо-яна, чтобы сделать новую попытку заключить крупный внешний заем, без которого финансовое положение должно оказаться критическим, – информировал Павлова Бале 29 июля. – Имеющие связи с правительством японские экономисты начали высказывать взгляд, что в случае, если и после падения Артура и поражения армии генерала Куропаткина Россия решит продолжить войну, то для Японии останется последнее средство – втянуть в войну Китай, вызвать этим вмешательство иностранных держав в видах прекращения военных действий»⁹⁴⁰. «Начинается сильная агитация с целью свержения нынешнего кабинета, – читаем в его донесении от 18 ноября. – Обе главные политические партии – Сейюкай и Симпото совместно действуют [в] этом направлении»⁹⁴¹. «Безусловно критическое положение японских финансов, растущее в народе недовольство, возбуждение против правительства и даже близкая опасность серьезных внутренних беспорядков, – подводил итог руководитель “шанхайской агентуры”, – подтверждается сведениями, полученными мною из нескольких хорошо осведомленных источников»⁹⁴². О том, что «настроение токийского правительства самое угнетенное», французский поверенный в делах в Сеуле виконт де Фонтенэ, который посетил Японию проездом в Европу, сообщил в Шанхай еще в августе 1904 г.

Естественно, что в таких условиях в Японии все чаще стали подумывать о выходе из войны – первый мирный зондаж через своего

посла в Лондоне виконта Т. Хаяси Токио предпринял уже в июле 1904 г. (были сделаны неофициальные авансы Витте, пребывавшему в Берлине); тогда же руководитель внешнеполитического ведомства Японии Комура направил своему премьер-министру меморандум на этот счет, а в августе 1904 г. возможные условия мира были обсуждены на заседании всего кабинета министров⁹⁴³. Суть будущих претензий Японии в российском МИД узнали от руководителя «шанхайской агентуры» в марте 1905 г. «Один из влиятельных чинов японского Министерства иностранных дел, – сообщал Павлов, – в беседе с Б[але] 3 марта [1905 г.] высказал следующее: “Японское правительство крайне изумлено, что Россия еще не просит мира. Но японцы рассчитывают, что давление, которое должно быть оказываемо на Россию французскими и германскими финансистами, вынудит ее заключить [мир] в самом ближайшем будущем”. Относительно предполагаемых условий мира то же лицо высказалось, что среди членов японского правительства существуют два мнения: одни настаивают на необходимости потребовать крупное военное вознаграждение, воздержавшись от территориальных уступок; другие выставляют непременным условием уступку Японии Сахалина, признание за Японией права присоединить весь Ляодунский полуостров и полное очищение Россией остальной Маньчжурии, на контрибуции же считают более благоразумным вовсе не настаивать. На этих условиях они считают возможным и желательным не только мир, но и тесное сближение между Россией и Японией»⁹⁴⁴. Как известно, полгода спустя, на мирных переговорах в американском Портсмуте японская делегация согласилась на второй из описанных Бале вариантов, да и то не в полном объеме. Сбылось и его предсказание относительно последующего русско-японского сближения.

Таким образом, благодаря тайным информаторам и в первую очередь Бале, проблема получения секретных сведений из Японии была решена. За девять с половиной месяцев пребывания там французского журналиста руководитель «шанхайской агентуры» получил от него около 30-ти обширных донесений, которые касались всего спектра военных, военно-политических и финансово-экономических вопросов жизни островной империи. В условиях войны это была поистине бесценная информация.

Постепенно наладилось поступление секретных сведений и из Кореи. Проблемой организации секретной службы во владениях Коджона Павлов озаботился еще в апреле 1904 г., на пути из Порт-Артура к месту своей новой службы – в Шанхай. Его план заключался в том, чтобы направить на полуостров группу корейцев, бывших учеников школы русского языка при российской миссии в Сеуле, которой заведовал отставной артиллерист Н.Н. Бирюков, – к началу войны многие из них находились на русской территории, будучи помещены в различные средние учебные заведения, военные и гражданские⁹⁴⁵. «Бирюкову, – писал Павлов наместнику в середине апреля 1904 г., – я полагал бы полезным специально поручить ведение секретных разведок в Корее при помощи имеющих находиться в его непосредственном распоряжении нескольких упомянутых выше корейских воспитанников с тем, чтобы как г-н Бирюков, так и сказанные корейцы действовали отдельно и независимо от других лиц, занимающихся одинаковою [с ними] работою»⁹⁴⁶. Адмирал Алексеев согласился, но счел более «соответственным направить Б[ирюкова] к одному из отрядов, находящихся в Северной Корее», с тем, чтобы он переправлял свои донесения не только в штаб командующего армией и в «шанхайскую агентуру», как предлагал Павлов, но и в полевой штаб самого наместника⁹⁴⁷.

Вскоре затем из России были вытребованы и направлены в распоряжение Бирюкова корейцы О-ан-сен⁹⁴⁸ и Ку-так-сен (из Нижегородского кадетского корпуса), Хион-хион-гьен и Юн-се-нион (из Чугуевского кавалерийского училища), Ким-на-кун и трое других корейских воспитанников Курского реального училища⁹⁴⁹, а из Петербурга – Ким-пен-ок, нештатный лектор корейского языка столичного университета. Корейским «воспитанникам» был установлен ежемесячный 100-рублевый оклад, соответствовавший жалованью младшего офицера действующей армии⁹⁵⁰; все расходы, связанные с их переездом из центральной России и обустройством на новом месте Павлов, естественно, взял на себя. Созданная, таким образом, организация заработала в июне 1904 г., когда большая часть воспитанников Бирюкова прибыла на Дальний Восток. Базой этой организации стало Новокиевское (ныне Краскино) – ближайшее к Корее оборудованное телеграфной станцией русское поселение, откуда еще в конце мая «на разведки в Корею» Бирюков направил двух

китайцев. «Агенты действуют хорошо, – телеграфировал он Павлову в конце июля 1904 г. – ... Еду с отрядом [в] Корею»⁹⁵¹.

Независимо от Бирюкова и его группы весной 1904 г. русское командование направило в Корею и в том числе в Сеул других тайных информаторов. Ссылаясь на сведения одного из них, адмирал Скрыдлов сообщал Павлову: «Корейского императора японцы держат под караулом во дворце, никого к нему не пускают и хотят перевести в старый дворец близ северных ворот. Император предан России вместе с четырьмя министрами: Шим-шан-хун, Мин-кеншек, Тю-сек и Мин-эн-хван. Император очень угнетен, даже плачет. Наследник увезен в Японию»⁹⁵².

В годы войны одной из ключевых фигур секретных операций России на Корейском полуострове стал М.И. Ким, до крещения и вступления в русское подданство носивший имя Ким-ин-су. «Озабочиваясь, в связи с возложенным на меня, по высочайшему повелению, поручением об организации дела получения надежных секретных сведений о положении дел в Корее, как в районе военных операций, так и в столице, – писал Павлов наместнику 12 (25) апреля 1904 г., – я имею в виду командировать в прилегающие к реке Ялу местности состоявшего при императорской миссии в Сеуле переводчика русско-подданного Матвея Ивановича Ким. На этого, заслуживающего безусловного доверия и вполне надежного корейца будет возложена обязанность ... установить непрерывные секретные сношения с местными корейскими властями и тайными корейскими агентами, которые согласно заранее сделанному в Сеуле условию имеют быть посылаемы к маньчжурской границе как от корейского императора, так и от некоторых расположенных к нам влиятельных корейских сановников»⁹⁵³.

В конце апреля 1904 г., получив от Павлова подробные инструкции, один из наиболее оберегаемых секретных шифров («биграммный» № 389), 500 рублей денег и удостоверение, обеспечивавшее ему беспрепятственный проход в распоряжение русских частей, а также содействие и защиту их командования, Ким отправился на север Кореи. Его семья осталась в Китае – заботы о ней руководитель «шанхайской агентуры» также принял на себя. По прибытии на место, он был произведен во флигель-адъютанты корейского императора и в дальнейшем, по данным историка Пак Чон Хё, возглавил 3-тысячный

русский кавалерийский отряд, который оперировал в северных провинциях Кореи⁹⁵⁴. Другой флигель-адъютант Коджона, Хиен-сан-ген, в недалеком прошлом юнкер Чугуевского училища и также доверенное лицо «шанхайской агентуры», вернувшись на родину в декабре 1903 г., в мае 1904 г. организовал партизанский отряд, который тоже действовал в северных корейских провинциях.

Весной 1904 г. на севере Кореи начали широко распространяться антияпонские прокламации, которые вызвали серьезные народные волнения, а затем и партизанское движение. На их подавление японцы бросили регулярную армию. «Я имею из различных источников сведения, – доносил Павлов министру Ламздорфу, – что моему пребыванию в Шанхае и поддерживаемым будто бы мною секретным сношениям с корейским императором и его приверженцами чрез посредство проживающих здесь корейцев И-хя-кюн и Хиен-сан-ген, японцы приписывают обнаружившееся в последнее время антияпонское движение в Корее»⁹⁵⁵. «Распространенные на севере Кореи антияпонские прокламации, – телеграфировал Павлов в Петербург в июле 1904 г., – вызвали народное волнение против японцев, причем с обеих сторон были убитые и раненые»⁹⁵⁶. Возвратившись летом 1904 г. в Шанхай, Хиен стал обеспечивать связь российской агентуры с корейским императором, но партизанское движение в Корее еще долго не утихало. В конце августа того же года отряд из 300 корейских повстанцев напал на строившуюся оккупантами Сеул-Фузанскую железную дорогу. Чтобы отбить нападение, японцам снова пришлось вызывать войска⁹⁵⁷.

Фактически находясь в собственном дворце на положении арестанта, Коджон оставался, однако, связан с внешним миром и был отчасти осведомлен как о происходившем народном движении, так и роли, которую играли в нем бирюковские «ученики». «Корейский император спрашивает об учениках, где они, кто из них при Вас, здоровы ли они, довольны ли Вы ими», – запрашивал Павлов по его просьбе Новокиевское в сентябре 1904 г. «Ученики здоровы, работают усердно для императора и отечества, – также шифром отвечал Бирюков. – При мне Хан и Кан, О-оун-сек в Пуриенге, Ы-юн в Пукчене, Хьен в Новокиевском, Ку в Тенгшенге. ... Я был в Сенгжине и обратно. Еду в отряд генерала Бернова в Пикченг»⁹⁵⁸.

Антаяпонское партизанское движение в Корее продолжалось по крайней мере до поздней осени 1905 г., число понесенных при этом японцами потерь уже к весне 1905 г. приблизилось к двум тысячам. В конце сентября поверенный Коджона в Петербурге Чин-пом-и уверял русских министров, что «руссофильская партия» в Корее «организована на прочных началах», причем «деятельность ее распространяется на все пространство между Сеулом и провинцией Хам-Хынг»⁹⁵⁹; «население, повинующееся указаниям этой партии, – утверждал корейский посланник, ссылаясь на полученные с родины сведения, – во всякое время готово доставить русским войскам требуемые сведения относительно количества и расположения японцев»⁹⁶⁰. Подавление этого партизанского движения потребовало привлечения регулярной армии и сопровождалось массовыми казнями как инсургентов, так и вообще всех заподозренных в шпионаже в пользу России. «Японские военные власти распоряжаются в Корее крайне сурово, – писал Павлов в Петербург в сентябре 1904 г., – недавно казнили несколько десятков корейцев, обвиненных в шпионстве для русских. Множество арестовано по тому же обвинению»⁹⁶¹. О казнях русских шпионов в Корее по приговорам военно-полевых судов в октябре 1904 г. сообщала и японская печать⁹⁶².

Подвергая себя смертельному риску, юные корейские «ученики» совершали многомесячные разведывательные рейды по Корее вплоть до окончания русско-японской войны. Добытую информацию они по-прежнему передавали Бирюкову, но если почему-либо оказывались в Китае, – российскому военному представителю («первому военному агенту») полковнику Огородникову. «Прибыли корейцы, – телеграфировал тот в штаб Маньчжурской армии 16 (29) июля 1905 г. – сообщают... [что в] Антунг прибыли 7 июня батальон [в] 500 солдат 21 полка из Кумамото, 12 июня 5 рот артиллерии до 1300 человек, 12 орудий, калибр 8 дюймов с Формозы, 14 июня 400 [человек] кавалерии 18 полка из Кунушумара, прошли Фынхуанчен далее якобы [в] Мукден. ... Другой кореец 18 мая был [в] Чинампо... далее 21 мая Пеньян... прибыл [в] Гензан 28 мая... Перед отъездом корейца были [в] Ионхыне 800, Хамхыне 8000, Пукчионе 4000, Матхиолионе 3000, Кионсионе 300 [японских солдат]. Эти войска прибыли из Гензана в январе, кроме того, [в] марте прибыли войска из Японии через

Хонуион, прошли Хамхын, но всего от Гензана до Пукчиона 20 000 [солдат], кроме того японских рабочих 10 000»⁹⁶³.

Помимо Матвея Кима и его соратников о состоянии и деятельности японских оккупационных войск в Корее «шанхайскую агентуру» информировали ее тайные агенты-западноевропейцы – военные, дипломаты, журналисты, коммерсанты, бизнесмены, путешественники и миссионеры, которые по тем или иным причинам оставались на полуострове и после его оккупации Японией, в первую очередь – французы. Еще в апреле 1904 г., сделав на пути из Порт-Артура в Шанхай остановку в Тяньцзине, Павлов выслушал доклад полковника Огородникова об организованном им наблюдении за западным побережьем Кореи с моря. Эту задачу выполнял французский коммерсант Вернон, крейсируя на небольшом (250-тонном) 12-узловом пароходе, команду которого составляли европейцы, китайцы и корейцы⁹⁶⁴. Добытые таким образом сведения полковник телеграфировал в Петербург и в штабы командующего и заместителя. Все последующее относительно Кореи руководителю «шанхайской агентуры» пришлось организовывать уже самостоятельно.

Канонерская лодка «Керсэ́н» (“Kersaint”), стационар французской миссии в Сеуле, дважды в месяц наведывалась в Шанхай, каждый раз привозя Павлову письма от хорошо ему знакомых по прежней службе французских дипломатов – поверенного в делах виконта де Фонтенэ, вице-консула в Чемульпо Берто и других. 1 июля 1904 г. на пути в Европу де Фонтенэ сам заехал в Шанхай и, встретившись с Павловым, рассказал ему о последних сеульских событиях. Кроме того, он ознакомил руководителя «шанхайской агентуры» с текстом очередного личного послания Коджона Николаю II, которое тот вручил ему во время прощальной аудиенции с просьбой передать в Петербург. Вновь указав на притеснения со стороны японцев, корейский император в заключение письма подчеркнул: «Твердо надеюсь, что милостивыми заботами Вашего величества и под великодушным покровительством России счастье и благоденствие Кореи будут обеспечены и существующие дружеские отношения между обоими нашими государствами еще более укрепятся»⁹⁶⁵.

Незадолго до приезда в Шанхай де Фонтенэ русский камергер возобновил отношения с директором железной дороги Сеул – Ыйджу французским инженером Г. Лефевром (G. Lefevre). В дальнейшем

Лефевр снабжал его важными сведениями о состоянии японского экспедиционного корпуса на полуострове, ходе строительства в Корее новых железнодорожных веток, портовых и прибрежных укреплений, расположении и наполнении японских воинских складов. Несколько корейцев, переодетых японцами, докладывал Павлов главнокомандующему в январе 1905 г., сделали попытку поджечь японские провиантские склады в Чемульпо, «но были схвачены японцами и немедленно казнены»⁹⁶⁶. Еще один француз, Лапорт, начальник корейской таможни того же порта (Чемульпо), информировал русского камергера о ходе японских морских поставок на полуостров; ценные сведения о текущих событиях в Корее поступали и от других секретных сотрудников «шанхайской агентуры» – французов Мартеля и Шаффанжона, советника корейского двора бельгийца А. Делькуана (A. Delcoigne), немца Больяна. В начале 1905 г. Жан Бале, ненадолго наведавшись из Японии в Корею, познакомился с руководителем дипломатической канцелярии генерала барона Хасегава Йосимити, командующего японскими оккупационными войсками, и сумел в общих чертах выяснить у него и офицеров его штаба «военную программу» Японии в Корее. В изложении французского журналиста ближайшие планы Хасегава выглядели следующим образом: «Под команду этого генерала окончательно будут состоять три сводные дивизии; район его ведения – весь Корейский полуостров и правый берег Ялу до перевала Мо-тен-лин; сосредоточение главных сил – на побережье от Гензана до Сондзына и в нескольких укрепленных пунктах по линии Гензан-Пиньян. До выяснения положения у Мукдена и результатов прихода Балтийского флота характер действий Хасегава будет исключительно оборонительный»⁹⁶⁷.

Не прошли мимо внимания «шанхайской агентуры» и переброски Японией многочисленных воинских контингентов в Корею в январе – феврале, а затем в апреле 1905 г., как и последующие прибытия сюда менее значительных пополнений. При этом широко и, по выражению Бале, «преднамеренно» распространявшиеся японцами слухи о том, что вновь прибывшие сюда войска предназначены для наступления на русский Дальний Восток, с самого начала были расценены как дезинформация. «Лично Бале относится к сказанному плану кампании на Владивосток скептически, – докладывал Павлов, – и высказывает

убеждение, что к осуществлению его во всяком случае не будет приступлено, если японцам не удастся достигнуть решительного успеха над нашей армией под Мукденом»⁹⁶⁸.

Среди официальных представителей России за пределами Китая и Кореи самым деятельным сотрудником «шанхайской агентуры» стал консул в Гонконге 38-летний московский дворянин Константин Федорович Бологовский. В 1890 г., как в свое время и сам Павлов, он окончил Морской корпус, несколько лет служил мичманом на Черноморском и Балтийском флотах и участвовал в заграничных походах. В 1893 г. вышел в отставку, перешел в МИД и до назначения в 1903 г. в Гонконг успел поработать во Флоренции, Кардиффе и Ньюпорте. В годы русско-японской войны Бологовский организовал собственную агентурную сеть, опыт деятельности которой обобщил в июне 1905 г. в проекте создания при I Департаменте МИД специального «Азиатского разведочного бюро»⁹⁶⁹. В Гонконге его главной задачей стало отслеживание тайных передвижений японских военнослужащих, и это было совсем не простым делом.

Только за июнь и июль 1904 г. через Гонконг проследовало не менее ста японских офицеров, которые путешествовали под видом китайцев или филиппинцев, странствующих актеров или бродячих акробатов, но никогда – под своими собственными именами и без маскировки. Как правило, они перемещались на рейсовых пароходах, но иногда использовали для этого и английские военные суда. Часто японцы везли с собой громоздкий багаж, с которым старались бережно обращаться. Когда один из таких ящиков разбился в порту при погрузке, из него выпали водолазные костюмы; в бочках и обитых железом ящиках, по убеждению Бологовского, японцы перевозили взрывчатые вещества, торпеды, мины, радиоаппаратуру. Большинство японцев следовало в Европу, но были выяснены и другие пункты их назначения – Южная Африка, Коломбо, Мадрас, Бомбей, Алжир, Джибути, Порт-Саид, Сабанг, Бангкок, Сайгон, Сан-Франциско. В числе этих «путешественников» агентура консула зафиксировала контр-адмирала Сионого, капитанов 1-го ранга Куратцу и Идзино, полковника Аракава, капитана 2-го ранга Куруматцу, морских артиллеристов Катака и Курусима, лейтенанта Того, военного врача Икаебэ, десятки других офицеров, моряков и водолазов, техников и саперов. Бологовский установил, что всеми этими «офицерами»– и

грузопотоками в Гонконге негласно распоряжался контр-адмирал Сакамото, бывший начальник Высшего морского колледжа, и даже сумел добыть его фотографию. С помощью своих наблюдательных агентов русский консул тайно сопровождал японцев до Индии включительно, благо один из его филеров, как выразился он сам, владел «индусскими наречиями». «Из письма, перехваченного от здешнего японского шпиона, – сообщал Бологовский в Шанхай в ноябре 1904 г., – узнал, что в местечке Кикирим в трех часах езды от Коломбо сосредоточены уже более трехсот японцев. По-видимому, отсюда будет произведена атака на нашу эскадру»⁹⁷⁰.

В мае 1904 г. русскому консулу удалось завербовать господина по фамилии Дек – владельца одной из гостиниц Гонконга, в которой столовался секретарь его здешнего японского коллеги. Этот мелкий японский чиновник оказался не только разговорчивым, но и весьма любознательным человеком. Во всяком случае, новости, которыми он делился с осведомителем Бологовского, он узнавал от проезжающих японских офицеров. Многие из них непосредственно касались военных действий в Маньчжурии и были секретными. Дальнейшее общение с хозяином отеля дало неожиданные результаты. Бологовский выяснил, что его старшая дочь близко знакома с Альфредом Дином – лейтенантом британского флота, секретарем адмирала сэра Джерарда Ноэля (J. Noel), командующего английской Тихоокеанской эскадрой, которая базировалась в китайском Вэй-хай-вэе. «Узнавши все это, – докладывал Бологовский, – ... я приказал своему агенту уговорить дочь его написать лейтенанту Alf. H. Deane письмо, в котором она жалуется на недостаток сведений с театра войны»⁹⁷¹. В ответ британский морской офицер прислал кипу копий с телеграмм, полученных Ноэлем от адмирала Того. Из них с очевидностью следовало, что английский адмирал вопреки нейтралитету, официально объявленному его страной, находился в постоянном и доверительном общении с командующим японским флотом, обмениваясь с ним секретными данными о русской эскадре в Порт-Артуре. Сам Ноэль эти сведения получал от некоего британского журналиста (вероятно, Уильяма Гринера (W. Greener), корреспондента “Times”), который тайно переправлял их из осажденной крепости на китайских джонках и миноносцах той же британской эскадры.

Переписка между Вэй-хай-вэем и Гонконгом шла своим чередом, и впоследствии от лейтенанта Дина Бологовскому стало известно и о других, не менее интересных действиях и высказываниях британского адмирала. «Порт-Артур должен быть взят до прихода Балтийской эскадры», – заявил Ноэль в октябре 1904 г., добавив, что он, адмирал, «употребит все усилия, чтобы помочь Японии в этом». Такое рвение английского флотоводца Бологовский объяснил намерением Великобритании отторгнуть Порт-Артур после занятия крепости японцами «в уплату за последний японский заем» (о том, что английская эскадра находится в полной боевой готовности и способна выступить в течение часа после получения условного сигнала, Бологовский телеграфировал Павлову еще в июле 1904 г. – уже тогда и в Западной Европе, и в Японии падение Порт-Артура считалось делом ближайших дней)⁹⁷². «8 октября, – сообщал далее российский консул, – сторожевое японское судно близ Порт-Артура подняло сигнал английскому адмиралу, сообщая о недостатке провианта [у] японской эскадры. В ответ Ноэль послал японцам из Вэй-хай-вэя 27 китайских джонок, по 25 тонн каждая, прося Того телеграфировать официально, что эти джонки перехвачены по дороге из Чифу в Порт-Артур»⁹⁷³. Спустя несколько дней газеты опубликовали телеграмму японского адмирала оговоренного Ноэлем содержания. «Захваченные» джонки Того объявил трофейными – русскими.

Снабжение Порт-Артура, осажденного японцами с суши и блокированного их флотом с моря, явилось одной из важнейших задач российских официальных и неофициальных представителей в Китае. Одновременно с «шанхайцами» Дессино и Павловым поставками в крепость, изнемогавшую под градом яростных японских атак, занимались «пекинцы» Давыдов⁹⁷⁴ и военный атташе Огородников, а также консулы Тидеман (из Чифу) и Лаптев (из Тяньцзиня).

В исторической литературе принято считать, что командование крепости «предало гарнизон Порт-Артура», поскольку на момент капитуляции там оставалось много продовольствия, а количество раненых и больных якобы не достигало и шести тысяч при общей численности гарнизона в 32,5 тыс. человек⁹⁷⁵. Однако сами участники обороны крепости рисуют иную картину. Дневник военного инженера капитана М.И. Лиле, например, пестрит такими записями: «Провизии мало. Солдатам начали давать конину» (29 августа); «госпиталя

переполнены ранеными» (12 сентября); «начинает чувствоваться полный недостаток решительно во всем» (23 октября); «перевязочных средств почти нет» (12 ноября)⁹⁷⁶. Истины ради, отметим, что от недостатка продовольствия страдали не только осаждаемые, но и осаждающие. Тот же Лилье был свидетелем такого, например, диалога на переднем крае: «Японец: “Солдат, дай хлеба!”. Наш стрелок бросает из окопа каравай хлеба. Японец выползает из окопа, берет хлеб и ползет обратно. Наш солдат не стреляет. Японец: “Спасибо за хлеб!”. Русский: “Жри, эфиопская рожа, да проваливай подобру-поздорову от Артура!”. После этого мирного разговора недавние приятели начинают перестреливаться»⁹⁷⁷. Добавим к этому эпидемии тифа, цинги и дизентерии, которые массами косили защитников Порт-Артура. Взяв крепость 20 декабря 1904 г., на 328-й день после первого выстрела под ее стенами, японцы пленили 32 207 русских солдат и офицеров, а в порт-артурских госпиталях обнаружили свыше 15 тыс. больных и раненых. После войны, отдавая дань самоотверженности погибших, японское правительство поставило в Порт-Артуре не один, а два памятника – и своим, и русским солдатам. Последний, воздвигнутый у подножия Саперной горы, представляет собой православную часовню с надписью на русском языке: «Здесь покоятся бранные останки доблестных русских воинов, павших при защите ими крепости Порт-Артур»⁹⁷⁸.

В общем, защитники крепости остро нуждались в продовольствии, одежде, оружии, боеприпасах, медикаментах и перевязочных средствах⁹⁷⁹, но тайно закупить все это в Китае и, главное, контрабандой доставить в Порт-Артур было почти невозможно. Деньги на это русское командование выделяло огромные (в июле, например, было объявлено, что каждый китаец, владелец джонки, которая сумеет доставить в Порт-Артур продовольствие, получит от русского командования по пять тысяч иен призовых⁹⁸⁰), однако лишь единицам из снаряженных пароходов и джонок удавалось прорваться сквозь плотное кольцо японской блокады и доставить груз по назначению. Из четырех кораблей, направленных Давыдовым и Огородниковым, Порт-Артура достиг один – остальные либо повернули с полдороги назад, убедившись в невозможности прорыва, либо были захвачены японцами в море. Но и этот единственный пароход на обратном пути попал в руки японцев. У Тидемана, Лаптева

и Дессино дела в этом смысле обстояли еще хуже – ни один из их транспортов до Порт-Артура так и не добрался. «26 китайских джонок с грузом продовольствия, следовавшие в Порт-Артур, были задержаны вблизи островов Иентао и Нансаншантао 28 и 29 августа, – сообщала “Japan Times”. – По приказу адмирала Того, командующего объединенным флотом, задержанные джонки обследованы, а их груз конфискован. Команды освобождены»⁹⁸¹. Пароходы “Fu-ping” и “Veteran”, которые в октябре – ноябре 1904 г. под германским флагом пытались доставить в Порт-Артур продовольствие, медикаменты и оружие, были задержаны в пути кораблями Того и решением призового суда в Сасебо конфискованы японскими властями⁹⁸². Ко всему прочему, о «хозяйственных» начинаниях Дессино стало известно Одагири, который не без ехидства сообщил об этом во всеобщее сведение через японскую печать. «Генерал-майор Дессино, – писала “Japan Morning Post” 14 октября 1904 г., – очень деятельно занимается скупкой разного рода товаров в Шанхае и предполагает их секретно перевезти в Порт-Артур, но за действиями его внимательно следит японское консульство. Предполагают, что их постигнет неудача»⁹⁸³.

Между тем, обстановка в крепости с каждым днем становилась все хуже. «Не приплывает ни одной китайской шаланды, так как еще недавно одна из них, намеревавшаяся подойти к нашим берегам, была на глазах крепости расстреляна японцами», – записал в дневнике капитан Лилье 26 сентября⁹⁸⁴. «Ныне блокада настолько действительная, – заключал в октябре 1904 г. Давыдов, – что пароходы не могут проходить даже изредка незамеченными»⁹⁸⁵. «В феврале, марте, апреле, во времена Макарова, в период некоторой деятельности нашей эскадры можно было поставить тысячи и тысячи тонн груза, орудий, снарядов, угля, провианта в Порт-Артур, сравнительно мало рискуя, – писал впоследствии фон Гойер. – С половины мая до сентября шансов на успех было уже мало; всякая попытка прийти на помощь Артуру в последние три месяца была безумием».

«Шанхайская агентура» к делу снабжения крепости была подключена в начале августа 1904 г., когда, по «классификации» фон Гойера, «шансов на успех было уже мало». 1 (14) августа Павлов получил распоряжение полевого интенданта «не стесняясь возможности сделать лишний расход, подвести продовольственный запас в Порт-Артур». Камергер согласился, хотя понимал, что

подобные операции в его компетенцию не входили и ни необходимого опыта, ни сил заниматься ими у него не было. «Организация дела снабжения Артура провизией, – признавался он в середине августа 1904 г. графу Кассини, – составляет, между прочим, одну из задач моей здешней деятельности. Дело очень хлопотливое, доставляющее мне много неприятностей, так как поминутно приходится сталкиваться с мошенническими проделками – вообще этот род деятельности совсем не по мне – но что делать, в такую минуту, я считаю, нельзя уклоняться ни от какой работы, если только она может быть полезна»⁹⁸⁶. Самостоятельно закупать припасы камергер из соображений конспирации не мог, и по совету артурцев и Тидемана, обратился к темному шанхайскому дельцу, русскому подданному Исаю Циммерману. Павлов, как видно, вполне осознавал, с кем имеет дело, но другого выхода у него не было: солидные бизнесмены в подобные операции не ввязывались, и хотя этот, как потом выяснилось, сибирский дезертир брал втрое и часто представлял липовые счета, он был готов рисковать и при заключении коммерческих сделок не настаивал на соблюдении формальностей⁹⁸⁷.

Два первых парохода, купленных Павловым и снаряженных Циммерманом, прорваться в Артур не смогли. «Унисон» в 30 милях от крепости наткнулся на необозначенную на карте подводную скалу⁹⁸⁸ и затонул, но часть его груза осажденные смогли-таки снять с его обломков. Шхуна «Луция», груженная мукой, ночью 28 августа успешно подошла к порт-артурскому рейду и, как было условлено, ожидала русские миноносцы, которые должны были провести ее через минные заграждения, но тщетно: миноносцы в море не вышли – помешала близость японских кораблей. Тогда «Луция» попыталась войти на рейд самостоятельно, но подрывалась на mine и затонула вместе с экипажем (мешки с мукой еще долго оставались на плаву и были подобраны порт-артурскими катерами). Но зато вполне удалась следующие две попытки: 13 (26) сентября в крепость благополучно прибыла китайская джонка⁹⁸⁹, а 29 ноября (12 декабря) – британский пароход «Кинг Артур» с 800 тоннами продовольствия на борту. «Сегодня каким-то чудом прорвался к нашим берегам пароход под английским флагом, который привез нам большой груз белой муки, – записал Лилье. – Это неожиданная и большая помощь крепости»⁹⁹⁰. На обратном пути пароход благополучно преодолел минные

заграждения, но 19 декабря в 12 милях от Чифу был задержан японским военным флотом и доставлен в Сасебо, где его капитан и владелец, англичанин Алонсо Кокс (А. Сох), предстал перед призовым судом⁹⁹¹. По решению суда пароход был конфискован (а затем продан японским правительством в Кобе и переименован в “Otoua-maru”), но свою главную миссию он, тем не менее, выполнил.

Казалось, что за подобный успех руководитель «шанхайской агентуры» заслуживал поощрения, но в действительности именно операция по снабжению Порт-Артура позднее явилась одним из главных пунктов его обвинения в казнокрадстве. Другим таким поводом стало его участие в эвакуации остатков гарнизона и гражданского населения крепости после ее сдачи. Этим делом, по указанию МИД, Павлов начал заниматься в феврале 1905 г. При его непосредственном участии через Шанхай и Порт-Саид в Одессу было переправлено не менее 11 тыс. женщин, детей, больных и раненых вместе с персоналом госпиталей и больничным оборудованием.

Вопреки первоначальным опасениям посла Лессара, головной болью российской миссии в Пекине стало не появление в Китае Павлова с его секретной службой, а политическая бестактность Дессино, который вел закулисные переговоры с китайскими сановниками и вице-королями, претендовавшими на престол, и этим сильно нервировал богдыхана и двор. В декабре 1904 г. русский военный атташе тайно встретился с китайским адмиралом Каном, который предложил себя в качестве организатора антияпонского восстания на Формозе⁹⁹². За последние десять лет японцам уже дважды приходилось подавлять массовые выступления воинственных племен, обитавших на этом острове (нынешнем Тайване), а мелкие стычки и беспорядки на фоне общего брожения происходили там постоянно. По данным японской печати, за один только 1900 г. местные бандиты совершили свыше тысячи «набегов» на японские поселения, в ходе которых около трехсот человек были убиты и ранены⁹⁹³. Китайские информаторы Дессино подтвердили готовность жителей Формозы к вооруженному выступлению. Так родилась идея «подогреть» здесь антияпонское восстание путем субсидирования инсургентов и тайной переброски им оружия, другими словами – сделать то, чего тогда же в Западной Европе безуспешно добивался полковник М. Акаси относительно России.

Русская разведка стала обращать на Формозу повышенное внимание главным образом потому, что между нею и Токио курсировали высокопоставленные японские военные и гражданские чины. Особенно участились такие поездки после выхода эскадры Рождественского в море – японские военные опасались, что русская эскадра попытается использовать остров как промежуточную базу перед генеральным сражением с флотом Того. По сведениям Бале, 13 октября в Токио были вызваны военный губернатор Формозы генерал Курозе и директор тамошних железных дорог для обсуждения экстренных мер обороны острова; 1 и 7 ноября туда были направлены генерал Изаки и «некий Така» с особыми полномочиями и личным поручением императора подготовить доклад о состоянии здешних сухопутных и морских сил⁹⁹⁴ и т.д. В результате в портах Формозы начали спешно возводиться новые укрепления и арсеналы, стали подвозиться войска (к концу 1904 г. здесь было размещено уже около 12 тыс. японских солдат). 13 декабря был издан императорский указ, которым 10-мильное пространство вокруг острова объявлялось зоной военных действий с запретом плавания там иностранных судов. Формоза быстро превращалась в хорошо укрепленную базу японского флота. Фирма «Мицуи Буссан Кайся» получила правительственный подряд на доставку туда кардиффского угля, и первые британские угольщики по пути на Формозу прошли Гонконг уже в начале нового, 1905 года.

Николай II с интересом отнесся к предложению Дессино и распорядился запросить заключения по этому вопросу от Лессара и Павлова. Осторожный Лессар, сообщив, что ни ему самому, ни «лицам, долго жившим на юге Китая», Кан не известен, предложил его план «испытать», но только в том случае, если об адмирале «имелись благоприятные сведения» в Шанхае – т.е. у Павлова. Камергер, который с этим китайским деятелем также не был лично знаком, высказался более определенно: «Ввиду сравнительно небольшой требуемой первоначально суммы⁹⁹⁵, мне казалось бы безусловно желательным сделать попытку и в случае удачи поддержать в широких размерах». Главным политическим лозунгом такой поддержки, по его мнению, должна была стать полная автономия Формозы⁹⁹⁶. Идею Дессино горячо поддержал консул Бологовский. «Предлагаю план следующей верной диверсии, – телеграфировал он Павлову. – ...

Ружей у туземцев нет и ввоз их туда запрещен. Снабдив их ружьями и патронами, можно чрез посредство там испанской духовной миссии и агентов устроить генеральное серьезное восстание. До 20 тыс. ружей могу купить здесь, пароход, полагаю, вышлете Вы, можно рассчитывать [на] успех. Это нам будет стоить денег, но японцам придется приостановить посылку войск [в] Маньчжурию и направлять их [на] Формозу. Натурально все будет рассчитано и подготовлено. Берусь подготовить почву»⁹⁹⁷.

О плане Дессино Бологовский узнал от Барбея, которого Павлов командировал на Формозу прояснить ситуацию на месте. Снабженный японским паспортом и рекомендательным письмом от японского консула в Гонконге (владелец отеля продолжал действовать), в первых числах января 1905 г. швейцарец отправился на остров под видом коммерсанта, желающего приобрести угольную концессию. О поездке Барбея стало известно и Одагири, который телеграфировал в Токио о некоем иностранце, который собирается ехать на Формозу и «сорит неизвестно откуда взявшимися деньгами». Информатору японского консула этот иностранец сообщил, что уже готов к отъезду и купил пистолет «для собственной безопасности». «Его следует рассматривать как русского шпиона, – заключил Одагири. – Примите нужные меры в подходящий момент» (т.е. арестуйте или ликвидируйте)⁹⁹⁸.

На счастье швейцарца, «приговор» Одагири привести в исполнение не получилось – его телеграмма была получена в Токио, когда Барбей уже вернулся в Гонконг. Добытые им сведения показали, что, благодаря мерам предосторожности, принятым японцами, ни о каком тайном ввозе оружия на Формозу не могло быть и речи, да и сам инициатор плана, китаец Кан, особого доверия не вызывал. В итоге, от этой авантюры было решено отказаться. Из Гонконга Павлов направил швейцарца в южнокитайский Амой (Сямынь), тогда – небольшой портовый городок на острове неподалеку от Формозы. По данным Бологовского, японцы развернули там необычайную активность: к острову еженощно подходили миноносцы с выключенными огнями, на нем постоянно находилось свыше ста японских офицеров, которые на одной из ближайших гор на материке смонтировали мощную радиостанцию⁹⁹⁹. Однако установить, что именно затевалось в Амое, Барбею не удалось. Имея обыкновение изъясняться на смеси английского языка с родным французским, он слал оттуда Павлову

такие, например, телеграммы: *“I have great difficulty plenty agents japonais”* («Испытываю огромные затруднения, множество японских агентов»)¹⁰⁰⁰. Тем не менее, и этот район эскадра Рождественского миновала благополучно, после чего Барбей был возвращен в Шанхай.

* * *

Так действовала секретная служба камергера Павлова. Созданная «на ходу» и вынужденная действовать в крайне неблагоприятной обстановке, очень скоро она превратилась в мощный межведомственный разведывательный центр с разветвленной агентурой, который одинаково успешно боролся с японской разведкой в регионе и поставлял русскому военному и политическому руководству ценнейшую и разностороннюю информацию о противнике, по достоинству оцененную военными профессионалами. В ноябре 1905 г. бывший генерал-квартирмейстер Маньчжурской армии генерал-лейтенант В.И. Харкевич доносил начальнику Генштаба Ф.Ф. Палицыну, что в годы войны, по сравнению с другими источниками, «наиболее ценные сведения о Японии получались от бывшего посланника Павлова из Шанхая и статского советника Давыдова из Пекина»¹⁰⁰¹. Позднее и руководство МИД указывало на «многолетнюю безупречную и выдающуюся службу ДСС Павлова, бывшего нашим представителем в Китае и Корее в самые трудные эпохи политических кризисов на Дальнем Востоке и исполнившего тогда свои ответственные обязанности с полным успехом»¹⁰⁰².

Деятельность шанхайской «разведочной службы» развивалась бы и впредь, но дальнейшие события на фронте поставили ее на грань ликвидации. В результате очередной успешной военной операции японцев, проведенной с 6 (19) февраля по 25 февраля (10 марта) 1905 г., русские войска оставили Мукден. Поспешно отступая, армия Куропаткина бросила документы своего штаба, в том числе все шифры (кроме морского) и «сведения о заграничных тайных агентах и их разведке», которые, как опасались, попали в руки японцев¹⁰⁰³. Эта утрата явилась сильнейшим ударом для секретной службы Павлова и ее агентуры – был установлен порядок, согласно которому камергер и

его сотрудники указывали в донесениях источник своих сведений. Опасаясь за жизнь Обера, Давыдов экстренно отозвал его в Шанхай и отправил на отдых во Францию. Пришлось прекратить и деятельность Бале: по настоянию Павлова, французский журналист выехал из Японии в апреле 1905 г.¹⁰⁰⁴ Другие, менее значимые секретные информаторы были временно «заморожены». Из-за утраты шифра приостановилась переписка с армейским командованием. От этого удара «шанхайская агентура» до конца оправиться так и не смогла.

По настоянию главнокомандующего, Давыдов попытался на скорую руку создать новую агентурную сеть. Ее ключевой фигурой стал японец, секретарь японского военного представителя в Чифу, которого завербовал давний сотрудник Давыдова, бывший служащий Русско-Китайского банка в Порт-Артуре А.И. Фридберг. Но эта организация «провалилась», не просуществовав и двух месяцев. «Японский консул в Чифу, – докладывал Давыдов генералу Линевичу в мае 1905 г., – арестовал по обвинению в измене нашего главного агента-японца, который имел в руках для передачи нам план расположения войск в Маньчжурии и письма от лиц, состоящих его корреспондентами. Обстоятельство это угрожает дезорганизацией устроенной мною чрез посредство японцев разведочной службы»¹⁰⁰⁵. Как и опасался российский чиновник, за арестом в Чифу последовала ликвидация всей его агентуры в Корее и Японии – уже к середине июня за решетку было отправлено до 20 его секретных сотрудников¹⁰⁰⁶. На Фридберга японцы устроили покушение и он уехал лечиться в Россию, а его бывший японский резидент в Чифу был казнен по приговору военного суда. Тогда же (в начале мая) в Токио был арестован капитан Богуэн (Vaugouin), который раньше в течение многих лет состоял французским военным атташе в Японии, а в момент ареста являлся здешним представителем ряда французских компаний. Его и его пасынка японцы обвинили в связях с русской разведкой¹⁰⁰⁷.

В сложившейся ситуации штаб главнокомандующего не нашел ничего лучше, как положиться на добровольца – сербского поручика Субботича, который вызвался ехать в Японию с секретным заданием под именем журналиста Озрона Маринковича. Но храбрый молодой серб к подобной миссии оказался совершенно не подготовлен – он не знал ни японского языка, ни «местных условий»; к тому же, как выяснил Давыдов, его отъезд из армии стал известен посторонним.

Под давлением этих аргументов полевой штаб от своего безумного замысла в итоге отказался, и в конце июня 1905 г. Субботич, получив от Давыдова 5 тыс. рублей на расходы, был им направлен в Шанхай в распоряжение фон Гейера и с заданием «постараться ознакомиться с районом расположения японских войск в Маньчжурии»¹⁰⁰⁸. Между тем, до начала мирных переговоров оставались считанные недели.

Петербургский эпилог

Со времен Крымской кампании середины XIX в. в русском обществе было принято искать виновников проигранных войн среди интендантов. Не стала исключением и русско-японская война. По ее окончании российские газеты охотно публиковали материалы о злоупотреблениях тыловиков. Статьи из серии «“Герои” тыла, или В кулисах народного бедствия» вызывали широкий общественный резонанс и справедливое негодование сограждан. Еще шла война, когда военные контролеры затеяли рутинную проверку казенных трат на эвакуацию защитников Порт-Артура. Суммы, израсходованные для этих целей бывшим посланником в Корею, показались ревизорам завышенными, и дело было передано государственному контролеру П.Л. Лобко, человеку из ближайшего окружения П.С. Ванновского. Последний, как военный министр предвоенных лет, был лично ответственен за низкий уровень боевой подготовки войск и техническую отсталость русской армии, которые сполна проявились в Маньчжурии. Понимая, какие блестящие перспективы «дело» гражданского чиновника при его правильной постановке сулит военному ведомству в оправдание его маньчжурских провалов и злоупотреблений интендантства¹⁰⁰⁹, служба военных контролеров приватно поделилась новостью с Ухтомским. Князь также оценил ситуацию по достоинству и не замедлил опубликовать эту информацию, естественно, скрыв при этом ее источник. 2 (15) апреля 1905 г. на первой полосе его петербургской газетки «Рассвет» было напечатано короткое «письмо из Парижа». Его автор, мифический «Марк Михайлов», сообщал читателям об операциях с «русской казной» в Шанхае «нашего бывшего посланника в Корею», который-де накопил с дюжину «никуда негодных пароходов, уплативши за них громадные цены» и «теперь в отчаянии: не знает, как поступить».

Отчеркнув «письмо из Парижа» карандашом, Эспер Эсперович анонимно отправил экземпляр газеты в Шанхай и в своем расчете на бурную ответную реакцию Павлова не ошибся: получив газету, камергер тут же телеграфом запросил Ламздорфа «о назначении возможно безотлагательно официального расследования настоящего

дела и возбуждении против авторов означенной статьи и редактора газеты уголовного судебного преследования»¹⁰¹⁰. Так Павлов, конечно, полагаясь на непредвзятое разбирательство и гласное восстановление истины, поддался на изощренную провокацию своего давнего недруга. В возбуждении уголовного преследования газеты министр ему отказал, зато служебному расследованию дал ход. Очень скоро, однако, дело приняло совсем не тот оборот, на который рассчитывал камергер. Тон последующей полемики вокруг него задал все тот же Ухтомский, который с газетных страниц с неподражаемой патетикой восклицал: «Не пора ли сдержать аппетиты роковых карьеристов, с презрительной усмешкой взирающих на мир... даже когда родина изнемогает от страданий, потому что угодливый начальству цинизм таких наших представителей за границей, как способствовавший гибели “Варяга” и “Корейца” А.И. Павлов, не встречает ни откуда должного отпора, потому что мы или не знаем, или спим?»¹⁰¹¹ Иначе говоря, виноватым Павлов был объявлен изначально, еще до какого-либо разбирательства по существу.

В ноябре 1905 г. 67-летний Лобко умер. Павлов, отставленный от должности в декабре того же года, следующей весной вернулся из Шанхая в Петербург и был зачислен в резерв МИД, ожидая назначения посланником в Лиссабон. Уже в столице он получил свою последнюю и самую высокую награду, орден Св. Станислава I степени – так была отмечена его деятельность в Шанхае. Между тем, переписка по его делу затягивалась, и только 2 ноября 1906 г. по «высочайшему повелению» была учреждена межведомственная следственная комиссия с генерал-лейтенантом П.А. Фроловым во главе. В течение следующих полутора лет комиссия собирала и анализировала документы, и хотя официально она именовалась секретной, ее материалы все чаще в препарированном виде просачивались в печать, и не только в российскую. Начиная с февраля 1907 г. о «деле Павлова» писали английская “Globe”, немецкие «Berliner Tageblatt» и «Local Anzeiger», «С.-Петербургские ведомости», «Современное слово» и другие газеты. Пик газетной шумихи о «*l'affair Pavloff*» пришелся на конец марта 1908 г., причем тон публикаций раз от разу становился все развязнее, а предположения все фантастичнее. Со шлейфом таких обвинений представлять свою страну за рубежом стало уже немыслимо. В итоге посланником в Лиссабон поехал камергер

П.С. Боткин, а Павлов остался в Петербурге. Судите сами: «ДСС Павлов состоял нашим посланником в Корею, – сообщала кадетская “Речь”. – С началом военных действий он должен был покинуть свой пост. Павлов, однако, не обнаруживает охоты расставаться с Дальним Востоком. Сначала он пытается устроиться в качестве дипломатического агента при наместнике на Дальнем Востоке, но на это место устраивается Плансон. Павлову, казалось бы, уже окончательно нечего делать на Дальнем Востоке, но он не хочет в Россию, предчувствуя, что здесь “дело найдется”. И по неизвестным никому причинам он отправляется в Шанхай ... Сокровенные планы Павлова вскоре оправдались: ему стали давать самые разнообразные поручения ... и так как в хозяйственной области на Дальнем Востоке царит невообразимый хаос, то в общей суматохе свободный от всяких занятий “бывший посланник” привлекал попеременно взоры всех ведомств, которые и стали давать ему всевозможные поручения, иногда сопряженные с довольно значительными затратами ... Поручения по различным закупкам и затратам он выполнял столь блестяще, что обратил внимание государственного контроля»¹⁰¹².

Столь же «правдиво» о деятельности бывшего посланника в Сеуле высказывались и другие газеты, уснащая свои публикации все новыми и новыми подробностями его мнимо-умопомрачительных афер. Журналисты охотно комментировали коммерческие начинания в Шанхае его «партнера» Циммермана и со вкусом пересказывали выдумки Ухтомского о порт-артурских проститутках, попечением камергера отправленных на родину в каютах первого класса. «Прямо волоса дыбом становятся от всех этих сообщений ... Какая тяжелая, позорная и бесконечная ликвидация прошлого!» – сокрушалось консервативное «Новое время»¹⁰¹³, похоже, искренне не понимая, что как раз косность-то и узковедомственная рутинка и торжествуют.

26 марта 1908 г. официозная «Россия» напечатала опровержение МИД. Это в какой-то степени развязало Павлову руки (как действующий чиновник, он не имел права выступать в печати по служебным вопросам до официальных заявлений своего министерства) и на следующий день он сам дал большое интервью «Петербургской газете»; затем в печати появились письма камергера, разъяснявшие истинное положение вещей. Рассказать все Павлов, конечно, не мог, и его секретная миссия в Шанхае так и осталась за

кадром. Но эти выступления подействовали – в дальнейшем нападать на него продолжали только «С.-Петербургские ведомости» Ухтомского и менее известная «Новая Русь». Впрочем, к тому времени общественное мнение было уже обработано в нужном для военной бюрократии русле и жаждало крови «лихоимца».

Едва отгремела газетная канонада, как в мае 1908 г. комиссия генерала Фролова объявила об окончании своих работ. Первое слушание «дела Павлова», по «высочайшему повелению» переданное на рассмотрение Совета министров, состоялось осенью – в октябре. Впоследствии Совет министров еще не раз возвращался к этому вопросу, пока, наконец, в мае 1910 г. не вынес окончательное постановление: ходатайство Павлова об отставке удовлетворить, «а возбужденное против названного чиновника дело о неправильных действиях его по операциям за время русско-японской войны производством прекратить». Император утвердил принятое решение. Текст Особого журнала Совета министров на этот счет публикуется в Приложении, и прибавить тут нечего.

Что же конкретно было поставлено Павлову в вину? В своем совершенно секретном «Заключении» контролеры Фролова проанализировали исключительно «хозяйственные» операции «шанхайской агентуры», как будто они были единственным ее предназначением и как если бы производились в мирное время и в обычной обстановке. Комиссия выделила четыре главных направления этой деятельности и на 245-ти страницах своего доклада рассмотрела 73 ее эпизода, в большинстве оценив работу камергера отрицательно. «В общем выводе действия ДСС Павлова, – заключал председатель комиссии, – не могут быть признаны правомерными, правильными, равно, во многих случаях, целесообразными и отвечающими интересам казны»¹⁰¹⁴. Общая сумма казенных средств, израсходованных им на «хозяйственные» цели, была исчислена в 10 млн 750 тыс. рублей, часть которых, по мнению контролеров, была потрачена «безрезультатно», другая – с «огромным перерасходом», а «представленные счета и документы» в случаях третьего рода не давали «уверенности в том, что все истраченные суммы попали в руки кредиторов казны» – другими словами, были якобы присвоены подследственным.

Александрю Ивановичу припомнили и приобретение парохода «Эльдорадо», который главнокомандующий Линевиц рекомендовал

только зафрахтовать¹⁰¹⁵, и покупку угля для эскадры Рождественского¹⁰¹⁶, и, конечно, сотрудничество с Циммерманом. Но главные обвинения касались его участия в поставках продовольствия в Порт-Артур и в эвакуации гарнизона после сдачи крепости. В первом случае в нераспорядительности камергера упрекнуть было невозможно (ведь он фактически был единственным, кто сумел оказать артурцам действительную помощь), и комиссия Фролова изобрела конструкцию, при всей своей абсурдности не лишенную даже некоторого изящества. В ее заключении указывалось, что вопреки инструкции наместника (апрельской: «организовать и объединить дело собирания секретных сведений относительно положения дел в Японии и Корее») Павлов не имел «разработанного общего плана действий по снабжению Порт-Артура» в августе, «крайне неудачно» избрал Шанхай «главным местом заготовок» и пропустил «наиболее благоприятное время для прорыва блокады с апреля по сентябрь 1904 г.»¹⁰¹⁷. Подробно разбирать это нагромождение нелепостей не имеет смысла – они и так очевидны. В общем, бывший руководитель «шанхайской агентуры» был совершенно прав, давая оценку подобным выводам: «Не уяснив себе основного характера производившихся мною операций и упустив из виду их политическую сторону, [комиссия] рассматривала их как обыкновенные хозяйственные операции и считала возможным применить к ним формальные требования, относящиеся к казенным поставкам и подрядам мирного времени; став на такую точку зрения, комиссия, естественно, не могла придти к иным выводам»¹⁰¹⁸.

В деле об эвакуации камергеру был поставлен на вид почти миллионный перерасход, причем в качестве нормы были приняты расценки, по которым в Россию перевозились здоровые солдаты. Павлов же, напомним, возил целые госпитали и, естественно, за место «лежачего» пассажира пароходные компании брали дороже¹⁰¹⁹. «Я вполне допускаю и даже не сомневаюсь в том, – писал в этой связи подследственный, – что вследствие новизны дела, нашей общей к нему неподготовленности и малой опытности, главным же образом вследствие тех совершенно исключительных трудных условий, в которых тогда приходилось работать в иностранном порте, в самый разгар войны, как с моей стороны, так и со стороны прочих лиц, принимавших в Шанхае участие в деле эвакуации порт-артурцев, могли быть сделаны ошибки, недосмотры и даже невольные

упущения... но думаю, что по меньшей мере несправедливо ... бросать людям, которые добровольно и бескорыстно, не щадя своих сил, трудились, чтобы в тяжелую минуту помочь своей родине, упрек в том, что они не только не принесли пользы, но, напротив, будто бы принесли государству громадный материальный ущерб»¹⁰²⁰. Все эти объяснения и соображения Павлова следствие проигнорировало.

Лишним доказательством формального, предвзятого и строго адресного подхода комиссии Фролова стала история с привлечением в качестве второго подследственного генерала Дессино, который, по подсчетам той же комиссии, на «хозяйственные» операции также израсходовал десять с лишком миллионов рублей. Хотя, как вынужденно признал Фролов, в результате в Порт-Артур генералом «ничего доставлено не было», строгие контролеры и «неподкупные» следователи с легкостью простили ему потраченный на это миллион рублей, поскольку все его траты были задокументированы военными аудиторами, состоявшими при нем в Шанхае (в распоряжении же камергера было только три письмоводителя, чиновника МИД, ни один из которых ни имел опыта работы с финансовой отчетностью)¹⁰²¹. В общем, дело Дессино было келейно прикрыто уже летом 1908 г. Новый взмах руки незримого дирижера – и вот уже и газеты напрочь «забывают» о существовании незадачливого генерала, и вся эта история окончательно превращается в «дело бывшего посланника». Таким образом, честь военного мундира была спасена, а Фролов, уже в бытность председателем комиссии произведенный в генералы от инфантерии, отработал повышение во славу военной бюрократии. Вполне удовлетворенным мог себя чувствовать и князь Ухтомский.

Внесудебное разбирательство по «делу Павлова» длилось два года. За это время В.Н. Ламздорф и Д.Д. Покотилов умерли, другие его бывшие сослуживцы, хотя, очевидно, и сочувствовали ему, выступить в защиту не решились; отмолчались адмирал Алексеев с Гартвигом и все высшее военное маньчжурское руководство. Сам подследственный трижды письменно объяснялся по тем или иным инкриминировавшимся ему «хозяйственным» эпизодам. На его объяснения, в свою очередь, давали заключения комиссия Фролова, МИД, Военное и Морское министерства, Министерства финансов, юстиции и другие центральные ведомства; трижды это дело рассматривал Совет министров. В общем, бюрократическая машина

работала на полных оборотах, но доводить дело до гласного суда, похоже, никто не собирался – как только об этом заговаривала комиссия Фролова или сам подследственный, им тут же указывали на «высшие» государственные интересы. Подобный фарс можно было остановить в любой момент, но Николай II, который направил Павлова в Шанхай своим собственным «повелением», а в дальнейшем знакомился со всеми его донесениями оттуда, как всегда, занял позицию стороннего наблюдателя. Иначе говоря – с легким сердцем отдал своего камергера на растерзание «изгибов секретарских». Те, в свою очередь, с успехом сделали то, что в свое время не удалось Одагири и его ведомству в Шанхае. 50-ти лет, в расцвете сил Павлов был окончательно отстранен от дел и вышел в отставку, так и не добившись гласного судебного разбирательства. «Приказом по Министерству иностранных дел от 12 ноября 1910 г. уволен от службы согласно прошению, по болезни, с мундиром, последней должности присвоенным, и с пенсией по 4000 рублей в год», – гласит последняя запись в его формулярном списке¹⁰²².

С тех пор ничего, хотя бы отдаленно напоминающего «шанхайскую агентуру», у царской России на Дальнем Востоке не существовало. Завершая свою миссию в Китае, Павлов передал дела секретной службы Поляновскому, и тот продолжил их на должном уровне. Самой крупной его работой «по военно-политической разведке» было организованное в октябре 1905 г. наблюдение за возвращавшимися с театра военных действий в Японию войсками. Поляновский установил, что по окончании войны большую часть своих войск Япония из Китая и Кореи вывела, направив туда в апреле 1906 г. не более 15 тыс. штыков¹⁰²³. «Мне пришлось ознакомиться с данными, собранными при посредстве агентуры Поляновского, – телеграфировал Павлову новый посол в Пекине Покотиллов. – Я поражен обстоятельностью и полнотой собираемых им сведений и нахожу, что было бы крайне жаль упразднить подобную организацию за окончанием военных действий. Я считал бы крайне желательным оставление Поляновского в Шанхае в должности хотя бы вице-консула с поручением продолжать собирать сведения, касающиеся Китая, Японии и Кореи с распределением расхода между ведомствами иностранных дел, военным и морским»¹⁰²⁴. Необходимость «содержания в Шанхае особой агентуры в целях осведомленности о

всех более или менее значительных проявлениях общественно-государственной жизни в странах Дальнего Востока» по возвращении в Петербург отстаивал в МИД и сам Павлов¹⁰²⁵, но тщетно.

Уже в феврале 1906 г. Поляновского переместили на должность консула в Нагасаки, и от работы «по военно-политической агентуре в Японии» он был освобожден¹⁰²⁶. В мае 1906 г. Коковцов предложил новому министру иностранных дел А.П. Извольско-му назначить преемником Поляновского в Шанхае фон Гойера¹⁰²⁷. Это назначение состоялось, но деятельность фон Гойера в этом качестве была недолгой и ограничилась «руководительством» дальневосточной прессой. В итоге, опыт и связи, приобретенные «шанхайской агентурой» в 1904—1905 гг., с отставкой Павлова и отъездом Поляновского сгинули невостребованными. «Проект организации агентско-разведочной деятельности на Дальнем Востоке», подготовленный фон Гойером в конце 1905 или в начале 1906 г., не только не был реализован, но даже всерьез не рассмотрен.

В последующие годы жизнь разбросала сотрудников бывшей «шанхайской агентуры» по городам и весям. Давыдов в 1905 г. был переведен в Петербург вице-директором престижнейшей кредитной канцелярии Министерства финансов, стал ДСС и камергером и сделал блестящую банковскую карьеру: в 1908—1914 гг. был директором той же Особенной канцелярии, в 1915—1917 гг. возглавлял Русский для внешней торговли банк и, по-видимому, умер в эмиграции. Бологовский, в последующие годы занимавший скромный пост консула в Дальнем, в 1912 г. вышел в отставку статским советником. Керберг умер в 1915 г. в тех же, что и Бологовский, чинах на посту вице-консула в Чифу. Кристи, проработав в Чифу несколько лет, до 1917 г. служил консулом в Христиании (Осло). Тидеман в 1914—1917 гг. работал российским Генеральным консулом в Тяньцзине, затем служащим местного муниципалитета; в последние годы жил в Канаде (в Монреале), где и умер в 1943 г. в возрасте 69 лет¹⁰²⁸. Фон Гойер в 1919 г. состоял министром финансов в правительстве адмирала А.В. Колчака, после эмигрировал в Китай и до 1926 г. работал директором Русско-Азиатского банка в Шанхае. В последние годы жизни писательствовал, водил дружбу с Н.А. Бердяевым, сотрудничал в эмигрантских «толстых» журналах. Умер он в Париже в

апреле 1939 г. 64-х лет от роду. 63-летний Павлов скончался на юге Франции летом 1923 г.

Бале после подписания Портсмутского мира возвратился из Франции в Токио, где, по официальной формулировке, продолжал оказывать «услуги в деле военной разведки» российскому военному ведомству. В 1911 г., так и нераскрытый японской контрразведкой, он свернул свое токийское торговое предприятие и окончательно вернулся на родину. В 1912 г. Главное управление Генштаба исходатайствовало Бале скромный орден Св. Станислава III степени – иначе отмечать заслуги ближайшего сотрудника опального камергера в Петербурге, очевидно, сочли неуместным. В сентябре 1912 г. в российском посольстве в Париже ему была торжественно вручена эта награда; далее следы французского журналиста теряются. Судьба остальных нам не известна.

Глава V

Русско-японское идейно-пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг

Соприкосновение российской и японской семиосфер выступило одной из важных составляющих русско-японской войны 1904—1905 гг., получившим отражение в культурном пространстве также и третьих стран. Историки все активнее обращаются к анализу сопутствовавших этой войне социокультурных факторов, которые, по выражению историка Дж. Вествуда, еще недавно представлялись новой «исследовательской территорией»¹⁰²⁹. Изучаются отражение войны в русской и японской культурах, ее восприятие в обществе и его исторической памяти, влияние на интеллектуальную, политическую, эстетическую мысль¹⁰³⁰, международный имидж обеих стран¹⁰³¹. История русско-японской войны 1904—1905 гг. фактически превращается в «полигон» для изучения культурного соперничества и взаимовлияния в экстремальных условиях военного конфликта.

Наиболее видимым и резонансным проявлением культурного взаимодействия России и Японии военной поры явилось их противостояние в информационно-пропагандистской и идейной сферах, которое было важным в первую очередь для самих воюющих сторон. Специалисты по СМИ давно выяснили значение стереотипов, посредством которых формируется общественное мнение, а также роль повременной печати как основного (в прошлом) канала воздействия на него¹⁰³². Газеты, пишет об общемировой тенденции начала XX в. Луиза Макрейнольдс, «упрочили себя в качестве господствующего фактора политического дискурса»¹⁰³³. Идеи и оценки, высказанные в русско-японской заочной печатной полемике, и появившиеся в ее ходе стереотипы не только формировали отношение мировой общественности к России и Японии и определяли весь международный общественно-политический климат войны 1904—1905 гг. Они имели непосредственное отношение к таким

утилитарным вопросам, как получение иностранных кредитов, размещение в зарубежных странах военных заказов, помощь в добывании секретных сведений о противнике, время и условия окончания войны.

«Войну идей», как и сами боевые действия, открыла японская сторона – ее первый «выстрел» прозвучал на третий день конфликта, 11 февраля 1904 г.¹⁰³⁴ Темой последнего медийного «залпа» военных лет выступили события начала сентября 1905 г. в Японии – массовые беспорядки, вызванные недовольством условиями Портсмутского мира. Последствия ее военного успеха, отмечают Д. Уэллс и С. Уилсон, «простирались от коренного изменения баланса сил в Азии до недвусмысленного вызова доминировавшему представлению о “белом”, европейском превосходстве в мире»¹⁰³⁵. В японской историографии высказано убеждение, что «выверенная зарубежная пропаганда» явилась одним из главных факторов, которые обеспечили Японии победу в войне с Россией¹⁰³⁶. Однако насколько справедлива и универсальна подобная оценка?

Основными участниками идейной борьбы, разумеется, выступали Япония и Россия, но поскольку «борьба за умы» велась, главным образом, на территории «третьих», нейтральных государств, в это противоборство так или иначе оказались вовлечены государственные и общественные деятели, политики и публицисты многих стран мира. «Площадками» этого соперничества были газеты и журналы Старого и Нового Света и самих Японии и России. Однако зоной их особой пропагандистской активности стали Корея и в особенности Китай. Военные действия на их территории привлекли в регион сотни журналистов со всего света. Влияние на мировое общественное мнение оказывали материалы и самой дальневосточной периодической печати, которые перепечатывались в европейских и американских СМИ. Поэтому соперничество России и Японии на информационно-пропагандистском пространстве стран Дальнего Востока фактически явилось схваткой за умы не только азиатского, но, по существу, и мирового сообщества. Создание Россией и Японией собственного благоприятного образа на Западе уже не раз становилось объектом исследования¹⁰³⁷. Настоящая глава изучает «репертуар» их дальневосточной информационной «кухни» – в том новостном «котле»

черпали сведения, а порою и оценки местные и иностранные журналисты, представители мировых информационных агентств.

В решении стратегической задачи манипулирования общественным мнением посредством печатного слова Япония и Россия следовали сходной тактике, но использовали различные приемы. Тактика предусматривала, во-первых, издание собственной печатной продукции в дальневосточном регионе, во-вторых, негласное субсидирование туземной и иноязычной, формально независимой, прессы и, наконец, – отслеживание иностранной периодики и соразмерное ее настроениям воздействие на журналистов, которые освещали и комментировали ход войны. Алгоритмы реализации этих трех составляющих в агитационно-пропагандистской практике Японии и России были различны. Разными были и целеполагания.

Организация и методы работы российского и японского пропагандистского аппаратов

Новости не являются из ниоткуда. Их кто-то создает. В области международных отношений этот «кто-то» чаще всего – правительство.

*Профессор Колумбийского
университета Джон Хохенберг,
1967*

«Унция организации равноценна фунту пропаганды».

(Политическая максима)

Япония, приступив к подготовке «тотальной», по выражению А.В. Игнатъева¹⁰³⁸, войны с Россией запуском масштабной военно-судостроительной программы в декабре 1895 г., вскоре целенаправленно занялась созданием и собственного благоприятного имиджа в мире¹⁰³⁹. В рамках решения этой задачи в 1898 г. в токийском МИД под руководством министра было создано «Бюро по политическим делам». В качестве экспертов и советников к его работе были привлечены представители японского генералитета, а также особо доверенные западные журналисты во главе с британцем Фрэнком Бринкли. Начав с систематического изучения зарубежной прессы, в широких масштабах продолженного в годы войны с Россией, Бюро стало «мозгом» и дирижерским пультом пропагандистской деятельности империи микадо, распространенной и на соседние страны – Китай и Корею. В Бюро поступала информация по дипломатическим, военным и частным каналам. По описанию

русского разведчика Л.В. фон Гойера, техника повседневной работы этого учреждения выглядела следующим образом: «Всякое известие с театра войны или же относившееся к внутренней жизни России или Японии сперва поступало в это Пресс-бюро. Там оно цензуровалось, редактировалось (или упразднялось) и затем уже посылалось в Агентство Рейтер и *Associated Press*, а также в немного измененной форме сообщалось японским консулам для передачи в субсидируемые газеты как частные телеграммы под заглавием: “*from our own correspondent*” или “*special to the*” (имя газеты)»¹⁰⁴⁰ – независимо от того, где именно данное издание имело своих корреспондентов и имело ли их вообще.

Непосредственное общение с прессой, равно открытое и конфиденциальное, было отдано на откуп дипломатических представительств Японии. По наблюдению британского публициста Альфреда Стэда, в годы русско-японской войны повсеместно они стали выполнять несвойственные им функции «центров по распространению военных новостей»¹⁰⁴¹. На Дальнем Востоке одну из ключевых в этом смысле ролей играло Генеральное консульство Японии в Шанхае, тогда – всекитайском центре издательского дела¹⁰⁴². По данным русской разведки, к началу войны консульство негласно дотировало не менее десяти из 14-ти выходивших здесь периодических изданий: пять из шести китайских газет (три с китайскими названиями: “*Sin’-Van’-Pao*”, “*Tun-Van-Hu-Pao*”, “*Nan-Fang-Pao*” и две с английскими: “*Universal Gazette*” и “*Eastern Times*”) и все имевшиеся англоязычные, общим числом тоже пять: “*North China Daily News*” (субсидия – 5 тыс. долларов в месяц), “*Shanghai Mercury*” (2 тыс. долларов), “*Shanghai Daily Press*” (1,5—2 тыс. долларов), “*China Gazette*” (1 тыс. долларов) и “*Shanghai Times*”, размер секретной субсидии которой российским спецслужбам остался не известен. Ежемесячно тратя на подкуп периодической печати порядка 30 тыс. долларов США, японское Генконсульство, таким образом, установило негласный контроль над прессой Среднего и Южного Китая. В других крупных городах Поднебесной – Пекине, Тяньцзине, Гонконге – японцы тем же способом воздействовали на десятки китайских газет и многие англоязычные: “*Hong-Kong Telegraph*”, “*China Mail*”, “*Hong-Kong Daily Press*”, “*China Times*”, “*Peking and Tientsin Times*”, “*Tientsin Daily News*” и др.

Региональная пресса, не охваченная японской «опекой», по свидетельству очевидца, «была всегда без известий, блуждала во тьме». Полосы же подконтрольных Японии изданий украшали «целые колонны телеграмм из Токио, Осака, Сеула, Ньючуанга», полученные от токийского Пресс-бюро; «публика, жаждавшая известий, предпочитала поэтому чтение прояпонских газет»¹⁰⁴³. Попытки некоторых изданий привлечь альтернативные источники информации и тем ослабить японский контроль пресекались распространением слухов, порочивших «взбунтовавшегося» редактора. Так, намерение издателя “Peking and Tientsin Times” А.М. Вогам-Смит «насколько возможно непредвзято» ознакомить читателей с официальными сообщениями не только Японии, но и России было нейтрализовано выдвинутыми японской газетой “Ji-Ji” в ее адрес обвинениями в получении мифической русской дотации. Оправдываться госпоже Вогам-Смит пришлось со страниц токийской “Japan Times”¹⁰⁴⁴, однако с тех пор в местных журналистских кругах за ее газетой утвердилась репутация «бесспорно прорусской»¹⁰⁴⁵.

В России понимание необходимости воздействовать на общественное мнение Китая в благоприятном для себя направлении появилось в середине 1890-х годов – одновременно с осознанием Маньчжурии зоной своего влияния. Однако дальше издания в Тяньцзине в 1895—1896 гг. газеты “Go-Ven’-Paо”, откровенно прорусской и потому маловлиятельной, дело поначалу не пошло. Ее титульным редактором выступил бежавший из Сеула от преследований японцев русский моряк и архитектор А.И. Середин-Сабатин, а фактическим издателем – военный атташе в Китае полковник К.И. Вогак. «Как бы [мы] материально ни обеспечили свою казенную газету в Китае, – объяснял позднее Середин-Сабатин фиаско “Go-Ven’-Paо”, – она не имела бы никакого влияния уже потому одному, что была бы казенная, что скрыть нельзя ни в каком случае»¹⁰⁴⁶. Между тем, с каждым годом потребность в иноязычном прорусском органе на Востоке приобретала все большую остроту. «Этот вопрос не может не зародиться, – писал в 1903 г. финансист Н.А. Распопов на страницах “Нового Времени”, – когда русскому человеку приходится присутствовать при той возмутительной травле, которой англичане и японцы подвергают на Востоке все русское ... выставляют дикарями, обманщиками, смутьянами, насильниками и т.д. И не только в

политике, а решительно во всем: в международных отношениях, во внутренней государственной жизни, в промышленности и торговле, даже в домашнем быту... Эта ложь и глупость никогда и никем не опровергается и приобретает потому значение непреложной истины. Эти ложь, злоба и глупость создают общественное мнение невежественной, грубой и увлекающейся массы. Она мешает естественному развитию нашей экономической жизни ... она создает нам, наконец, вечные политические осложнения»¹⁰⁴⁷.

На Дальнем Востоке накануне русско-японской войны дружественной России периодической печати (не считая семи малотиражных русскоязычных газет в зоне КВЖД) не существовало. Вся имевшаяся оказалась пронизана русофобством, «подогретым» прояпонски настроенной прессой Великобритании и США и затем «реэкспортированным» (по выражению Н. Симадзу¹⁰⁴⁸) в западную официальную и неправительственную печать. С момента заключения англо-японского союза в начале 1902 г. руководители лондонской “Times” «поощряли Японию выступать против русских», видя «свою задачу в привлечении симпатий британцев к Японии вплоть до оказания ей военной помощи, – констатируют историки этой газеты, – в годы войны “Times” оказывала японцам столь горячую поддержку, что газету даже считали исходной виновницей этой войны»¹⁰⁴⁹. В подоплеке такого курса лондонского официоза лежало убеждение консервативного кабинета А. Бальфура, что русско-японский конфликт выгоден Британии тем, что, во-первых, ослабляет Россию, и, во-вторых, делает ее более сговорчивой в других внешнеполитических вопросах¹⁰⁵⁰. В результате в России многие были убеждены, что ответственной за вооруженное столкновение с Японией являлась единственно русофобская пресса. «Исключительно только газетный поход на Россию с восхвалением прогресса и силы Японии, подбадриваемый не скупую на то же английской прессой, он только и создал войну», – писал в 1904 г. очевидец, православный миссионер¹⁰⁵¹. «Японские победы одержаны были в редакциях лондонских газет и телеграфных агентств», – язвило петербургское «Новое Время»¹⁰⁵².

В 1900 г. изучением публикаций дальневосточной периодической печати по собственному почину занялась группа студентов Восточного института во главе с профессором-японистом Е.Г. Спальвиным.

Наиболее качественные обзоры печатались в приложении к «Известиям Восточного института» под названием «Летопись Дальнего Востока». «Летопись» была замечена в Петербурге. На «высочайшей» аудиенции в июне 1902 г. директор института А.М. Позднеев удостоился лестного отзыва императора о работе его подчиненных по ознакомлению России с текущими событиями жизни дальневосточных стран. Тут же Николай II спросил «о возможности для Института обратно ознакомлять Восток с событиями жизни русской»¹⁰⁵³. Подобным ресурсом владивостокский институт не располагал, но сама постановка вопроса симптоматична. Практическим последствием «высочайшего» внимания явилось то, что с 1902 г. институтская библиотека вместо ранее поступавших 17-ти центральных японских газет стала получать уже 135 периодических изданий, либо выходивших в странах Дальнего Востока, либо тематически посвященных ему, на английском, французском, немецком, китайском, японском и корейском языках. Вместе с тем, тираж институтской «Летописи» (700 экземпляров), которая печаталась вплоть до 1905 г.¹⁰⁵⁴, не предполагал знакомства с ней широкого читателя. В годы войны русские штабы в Маньчжурии анализировали туземную и иноязычную дальневосточную прессу самостоятельно, но в значительно меньшем объеме, нежели студенты Восточного института.

С началом войны с Японией проблему воздействия на зарубежную периодику стали активно обсуждать в русских дипломатических кругах. Глядя на «большую радость» англичан по поводу военных успехов Японии, консул в Гонконге К.Ф. Бологовский уже в середине февраля 1904 г. предлагал МИД тотчас и «не жалея денег, купить американскую прессу – по вопросу о желтой опасности Антильским островам и германскую – по вопросу о желтой опасности Шантуну»; Николай II, прочитав депешу Бологовского, не возражал¹⁰⁵⁵. Вскоре вопрос о создании собственной газеты на Востоке рассматривался уже на самом высоком уровне. Министры финансов, иностранных и внутренних дел и сам император единодушно высказались в пользу такого издания. В Петербурге надеялись, что будущая газета получит распространение не только в Китае, но (в англоязычной версии) и «среди населения Индии, Индокитая и вообще на Дальнем Востоке»¹⁰⁵⁶. При этом формирование какого-либо центрального

пропагандистского аппарата применительно к Дальнему Востоку, подобного токийскому Пресс-бюро, судя по известным нам документам, не обсуждалось и не планировалось.

Уловив настроения монарха, в феврале 1904 г. наместник Е.И. Алексеев распорядился начать издание в Пекине газеты “Jen-Tu-Pao”. С тех пор наместник и его штаб превратились в главных координаторов российской агитационно-пропагандистской работы в дальневосточном регионе, оставляя решение стратегических вопросов за центральным правительством с царем во главе. Создателем же самой газеты выступил руководитель пекинского отделения Русско-Китайского банка Д.М. Позднеев – младший брат директора Восточного института. К июлю 1904 г. “Jen-Tu-Pao” приобрела штат постоянных китайских корреспондентов, установила связи с другими городами Китая, обзавелась собственной типографией и до 500 подписчиков¹⁰⁵⁷. Русской казне это начинание обошлось в 15 тыс. серебряных (мексиканских) долларов. На волне успеха “Jen-Tu-Pao” в штабе наместника родилась идея издания ее аналога в Мукдене. Создание и общее руководство вторым синоязычным «русским» печатным органом наместник возложил на военного комиссара Мукденской провинции полковника М.Ф. Квещинского. Газета, редактировать которую тот сначала поручил студенту-китаисту Восточного института В.И. Николаеву, а затем китайцу Wong-Shih-Shang¹⁰⁵⁸, была названа “Shenqing-Pao”. Выход ее восьми номеров в месяц, каждый тиражом в 5 тыс. экземпляров, обходился русскому командованию в без малого 500 рублей. Хотя первый номер газеты появился уже 19 апреля 1904 г., ее штатное расписание из 18-ти китайских редакторов, канцелярских и технических служащих главнокомандующий А.Н. Куропаткин утвердил лишь в конце ноября 1904 г.

Тираж первых номеров “Shenqing-Pao” мукденский военный комиссариат рассылал русским военным и гражданским властям Гирина, Цицикара, Харбина, Тяньцзиня, Ляояна, Телина и других китайских городов для бесплатной раздачи населению и проведения подписки. «Присланные номера распространены от Инкоу до Пекина, – доносил из Шанхайгуана помощник военного атташе капитан А.Е. Едрихин 6 мая 1904 г., – впечатление хорошее. В тяньцзинской китайской газете был благоприятный отзыв.

Вчерашняя присылка разобрана в одно утро ... Много желающих подписаться. Благоволите высылать больше экземпляров»¹⁰⁵⁹. Управляющий отделением Русско-Китайского банка в Цицикаре тогда же известил Квещинского, что присланные экземпляры газеты он направил в Яжэхэ, Бэйлинцзы, Хуланчен, Мерген и Хайлар. Но закрепить успех “Shenqing-Pao” не удалось. В августе 1904 г., во время битвы за Ляоян, выход газеты в свет был приостановлен, а после Мукденского сражения февраля 1905 г., в ходе которого редактор Ван пропал без вести, и вовсе прекращен. Попытка возобновить издание этой газеты в Харбине не увенчалась успехом, хотя на словах новый главнокомандующий Н.П. Линевиц придавал «распространению среди местного китайского населения, посредством печати, достоверных и нам благоприятных сведений» столь же «огромное значение»¹⁰⁶⁰, что и его предшественник Куропаткин.

Наряду с Пекином и Мукденом центрами пропагандистской активности российских дальневосточных властей стали Тяньцзинь и Шанхай. В марте 1904 г. маньчжурское командование начало тайно субсидировать тяньцзинскую газету “Ji-Pao” в обмен на обязательство ее китайского владельца печатать официальные российские военные сводки (наблюдать за ее публикациями было поручено тому же Д.М. Позднееву, знавшему китайский язык)¹⁰⁶¹. На аналогичных условиях поддержкой шанхайской газеты “Shen-Pao” заручился «второй» военный атташе в Китае генерал К.Н. Дессино. В дальнейшем по такому же сценарию стали выстраиваться взаимоотношения русских властей и с другими иноязычными региональными изданиями. Как показал последующий опыт, это был кратчайший путь к достижению поставленной цели – воздействовать в благоприятном для России смысле на туземное, а, опосредованно, – и на мировое общественное мнение. Негласное субсидирование иноязычной повременной печати Дальнего Востока осуществляли «первый» военный агент в Китае полковник Ф.Е. Огородников и сотрудники уже известной нам «шанхайской агентуры».

В июне 1904 г. наместник одобрил инициативу ее руководителя (А.И. Павлова) «войти в секретное соглашение с надежным редактором одной из шанхайских газет, обязать его за известное вознаграждение работать неуклонно по нашему указанию и оставить всю материальную часть предприятия в руках и на ответственности

владельца»¹⁰⁶². Таким редактором стал владелец “China Gazette” Генри О’Ши, который, по отзыву Давыдова, считался в Шанхае «наиболее талантливым журналистом». 7 (20) июня 1904 г. тайная сделка между Павловым и О’Ши была заключена. За ежемесячную дотацию в 2500—3000 мексиканских долларов ирландец брал на себя обязательство «представлять на утверждение лица, назначенного русским правительством, все статьи, касающиеся нынешней войны ... и вообще всех военных, политических, финансовых, промышленных вопросов, затрагивающих интересы России» и «исключать все то, что будет признано несогласным с таковыми»¹⁰⁶³. Повседневное руководство “China Gazette” Павлов возложил на фон Гойера, Давыдов согласился курировать ее финансово-промышленный отдел. По свидетельству последнего, внезапная перемена политической ориентации газеты произвела в английской колонии Шанхая «переполох», а уволенных О’Ши сотрудников-японцев тут же принял на работу британский владелец “North China Daily News”. «Все это, – закономерно заключал русский чиновник, – свидетельствует о сплоченной англо-японской организации»¹⁰⁶⁴.

Появление в “China Gazette” «верных сведений с соответствующим правильным освещением более всего будет способствовать поднятию среди публики интереса к ней и обеспечению ее влияния на прочую прессу», – настаивал в письме наместнику Павлов, говоря о способах превращения “China Gazette” в полноценный «противовес вредному для России влиянию прочих английских газет на Дальнем Востоке»¹⁰⁶⁵. В результате, вслед за переходом под патронат «шанхайской агентуры» редакция “China Gazette”, хотя и нерегулярно, стала получать информационную «подпитку» из России – сведения военно-политического характера от МИД и дальневосточного армейского и морского командования, а по финансово-экономической части – от Министерства финансов. Полученные, таким образом, материалы газета печатала как репортажи своих собственных зарубежных корреспондентов (которых в действительности не имела). Изменение политических симпатий и публикация русских военных сводок, а также материалов о положении в самой России, полученных через Павлова и Давыдова, благоприятно сказались на авторитете “China Gazette” и ее тиражах. Ее статьи, свидетельствовал фон Гойер, «переводились во многих китайских газетах. Влияние ее на английские

и китайские коммерческие классы сказалось ... в антияпонских течениях, охвативших Восток за последнее время и приведших к вполне осязательной реакции против ... необузданной и непонятной “ниппонофилии”»¹⁰⁶⁶.

Весной 1905 г. при посредстве того же О’Ши «шанхайская агентура» заключила секретное соглашение с редактором “Sin’-Van’-Pao”, популярной среди шанхайских коммерсантов и чиновников. Газета принадлежала китайскому банкиру Шенгу, ежедневно выходила в 15—17 тыс. копий, тайно субсидировалась японским Генконсульством, но при этом, по мнению Середина-Сабатина, оставалась «рептильным, бездарным листком»¹⁰⁶⁷. Новая программа, конфиденциально предложенная ее редакции русской стороной в обмен на финансовую поддержку, имела в виду «отнюдь не защищать русскую политику (после мукденского разгрома это было и не вполне уместно. – Д.П.), а лишь обнаруживать истинные цели Японии по отношению к Корее, Маньчжурии и Китаю». По словам фон Гойера, китайские сотрудники “Sin’-Van’-Pao” «быстро усвоили себе нашу программу и работали – конечно, под нашим контролем через переводчиков – весьма успешно в этом направлении»¹⁰⁶⁸. После смены курса, по отзыву Павлова, газета превратилась в «добросовестно и талантливо редактируемый орган», «явно и бесспорно полезный для наших интересов влияния»¹⁰⁶⁹.

В августе 1904 г. полковник Огородников познакомил Давыдова с издателем англоязычной “Chefoo Daily News” Макдермидом, который, как представитель мировых новостных корпораций, за ежегодное вознаграждение в 10 тыс. мексиканских долларов выразил готовность распространять известия с театра войны «с благоприятною для нас окраскою» как в своей чифуской газете, так и в западной прессе¹⁰⁷⁰. Инициатива Макдермида была доложена Николаю II, получила его одобрение и была реализована в виде серии материалов, опубликованных в самой “Chefoo Daily News” и в повременной печати Запада. По позднему отзыву министра финансов В.Н. Коковцова, Макдермид «весьма добросовестно исполнял принятые на себя обязательства»¹⁰⁷¹. Еще один британский журналист, отставной подполковник Чарльз Норрис-Ньюман, командированный на Дальний Восток лондонской “Daily Mail”, принял предложение Огородникова выступить титульным издателем газеты “China Review”, которая стала

выходить в Тяньцзине в сентябре 1904 г. Ее фактическим, но негласным редактором был сам русский военный атташе. Задача и этого издания состояла в том, чтобы «опровергать распространяемые японцами слухи», распространять российскую информацию о ходе военных действий на Дальнем Востоке и о положении в самой России¹⁰⁷². Санкцию и средства на ее издание также дал российский наместник на Дальнем Востоке.

В Сеуле приобретением «шанхайской агентуры» явилась “Korea Daily News”, основанная осенью 1904 г. 32-летним Эрнестом Бетеллом (Bethell), военным корреспондентом лондонской “Daily Chronicle”. Его газета печаталась одновременно на английском и корейском языках, причем тысячу иен «подъемных» Бетелл приватно получил от самого корейского императора. Характеризуя этого британского журналиста как убежденного противника японцев, «безусловно сочувственного России», Павлов предложил поддержать его «нравственно и материально» и тем «обеспечить дальнейшую деятельность газеты в желательном нам направлении». 4 (17) октября 1904 г. наместник санкционировал ежемесячную секретную субсидию редактору “Korea Daily News” в 500 иен¹⁰⁷³. По оценке современного исследователя корейской прессы, в 1904—1905 гг. газета Бетелла имела «наибольшую аудиторию» и, таким образом, «преобладающее влияние» в Корее. Ее статьи, которые часто перепечатывались другими органами региональной прессы, «способствовали росту антияпонских настроений»¹⁰⁷⁴.

Ту же картину участники событий фиксируют в отношении “China Gazette”, “Chefoo Daily News” и других дальневосточных органов печати, созданных в 1904—1905 гг. российскими властями или тогда же перешедших под их контроль. Говоря о своем детище (“Shen-qing-Pao”), полковник Квещинский писал: «Имея своих корреспондентов во всех важных пунктах Маньчжурии и собственного Китая, газета более, чем какое-либо другое учреждение, была в состоянии следить за настроением общества, волнующими его вопросами в данный момент; следя же помимо всего этого за всей прессой Дальнего Востока, китайской и иностранной, она имела полную картину жизни Китая и, само собою, своевременно отзывалась в желательном для нас духе на все вопросы в области политики, торговли, войны и т.д.»¹⁰⁷⁵. По свидетельству русских военных комиссаров Мукдена и Гирина,

“Shenqing-Pao” «непрерывно цитировалась во всей выдающейся китайской прессе и в переводах некоторыми русскими газетами; японская же пресса немедленно заняла в отношении ее боевое положение, усмотрев в лице газеты одного из самых опасных соперников, могущих сильно подорвать ее авторитет»¹⁰⁷⁶.

К осени 1904 г. в распоряжении российских властей в Китае и Корее имелось четыре синоязычных газеты (“Jen-Tu-Pao”, “Shen-qing-Pao”, “Ji-Pao” и “Shen-Pao”) и шесть иноязычных (“China Gazette”, “China Review”, “Écho de Chine”¹⁰⁷⁷, “Shanghai Times”, “Chefoo Daily News” и “Korea Daily News”). Две из числа последних (“China Gazette” и “Shanghai Times”) были «отвоеваны» у японцев. В начале 1905 г., воспользовавшись упадком прояпонской “Shanghai Daily Press”, «шанхайская агентура» добилась санкции царя на приобретение и ее (снова через О’Ши). Но по горячим следам сделка не состоялась, а с июня 1905 г. газета снова начала получать тайную дотацию Токио¹⁰⁷⁸. На место прекратившейся мукденской “Shen-qing-Pao” весной 1905 г. пришла шанхайская “Sin’-Van’-Pao”, также «отыгранная» у японцев. Таким образом, до конца русско-японской войны под русским контролем находилось порядка десяти органов региональной периодики. «Китайцы верят печатному слову, – подытожил опыт своей работы в Китае полковник Квещинский, – и газета является вернейшим способом проведения в массу нужных по обстоятельствам времени взглядов и идей»¹⁰⁷⁹.

Негласное субсидирование дальневосточной печати ежемесячно обходилось «шанхайской агентуре» в 6500—8500 руб.¹⁰⁸⁰, или втрое-вчетверо меньше аналогичных трат здешнего японского Генерального консульства. «Русские» газеты печатались в столице Кореи, а также в пяти китайских городах (Пекине, Мукдене, Тяньцзине, Шанхае и Чифу), но их общественное звучание и ареал распространения выходили далеко за рамки этой географии. Опираясь на них, Россия, стартовав с нуля, начала формировать общественное мнение Китая и Кореи в желательном для себя направлении, причем в масштабе, сопоставимом с японским. Достижения «шанхайской агентуры» в работе с китайской прессой были вынуждены признать даже британская и японская печать. «Заметной чертой активности России в Китае за последний год, – отмечала в феврале 1905 г. лондонская “Times”, – стали попытки противодействовать русофобским

тенденциям зарубежной и туземной прессы, находящейся под контролем Японии, путем субсидирования печатных органов в важнейших промышленных центрах ...Теперь взгляды русского правительства регулярно распространяются через англоязычные газеты Шанхая и Тяньцзиня и, хотя они не имеют никакого веса в европейском сообществе, они воздействуют на взгляды местных жителей»¹⁰⁸¹. Заметка, опубликованная в апреле 1905 г. токийской “Japan Times”, гласила: «Из Шанхая пишут, что Россия учредила в этом порту штаб своей разведывательной организации, обладающей огромными средствами. Шанхайские туземные журналисты постепенно меняют тон своих публикаций в пользу русских»¹⁰⁸². В общем, во второй половине 1904 г. прояпонская печать на дальневосточном новостном «рынке» утратила былую монополию.

Работа с военными корреспондентами

«Время, начиная с Гражданской войны в США и кончая Первой мировой войной, – утверждает историк журналистики Филипп Найтли, – явилось золотым веком для военных корреспондентов»¹⁰⁸³, в ту пору людей, как правило, известных, популярных и влиятельных. Поэтому важным для обеих конфликтующих сторон каналом распространения информации о ходе военных действий были корреспонденции представителей своих и зарубежных органов временной печати, командированных на Дальний Восток. В общей сложности их туда явилось более двухсот – еще ни один вооруженный конфликт в истории человечества не привлекал такого количества зарубежных корреспондентов, отметил ветеран американской военной журналистики¹⁰⁸⁴. Вместе со своими русскими и японскими коллегами они представляли все мировые новостные корпорации и сотни периодических изданий Европы, Америки и Дальнего Востока, включая крупнейшие. Это неудивительно – мировое сообщество восприняло начало русско-японской войны как важнейшее событие жизни планеты. Мир разделился на сторонников и противников России и Японии¹⁰⁸⁵.

К маю 1904 г. в русскую маньчжурскую армию прибыло 46 журналистов, 26 русских и 20 иностранных, к концу сентября их здесь собралось уже более 70-ти¹⁰⁸⁶. За все время войны на полях Маньчжурии в расположении русской армии перебивало более 140 военных корреспондентов – 102 из России и 41 из Великобритании, США, Франции, Германии, Италии и других стран. Каждый третий (46) из них был профессиональным военным, действующим или отставным, многие – с европейскими именами: В.И. Немирович-Данченко (от газеты «Русское слово»), Ю.Л. Елец («Новое время» и «Русский вестник»), писатель Н.Г. Гарин-Михайловский («С.-Петербургские ведомости»), Д.Г. Янчевецкий («Приамурский край»), Л. Нодо («Journal»), Р. Рекули («Temps»), отставной полковник германского Генштаба Р. Гедке («Berliner Tageblatt»), фотокорреспондент В.К. Булла (от журнала «Нива»).

Представители официальных СМИ – подполковник В.А. Апушкин от «Правительственного вестника» (органа МВД) и “Journal de St.-Petersburg” (МИД), подъесаул П.Н. Краснов и ротмистр К.К. Агафонов от газеты Военного министерства «Русский инвалид» и журнала «Военный сборник», И.С. Левитов от Российского телеграфного агентства и др., будучи направлены на Дальний Восток руководителями соответствующих ведомств (Апушкин был командирован с «высочайшего соизволения»), действовали там фактически как государственные служащие. Конечный смысл своего пребывания в Маньчжурии они видели в борьбе с русофобской пропагандой, направленной на «умаление престижа России» в мире вообще и «в глазах восточных наших соседей», в частности. Заамурский таможенник, коллежский советник С.Н. Латкин, ссылаясь на поручение министра финансов, свое появление при штабе Маньчжурской армии корреспондентом Торгово-телеграфного агентства и журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли» мотивировал необходимостью противопоставить заграничной, главным образом британской, «тенденциозно-враждебной пропаганде» «самые точные сведения» о ходе военных действий, «строго проверенные с официальными данными»¹⁰⁸⁷.

Опять-таки имея в виду противодействие русофобской прессе, российские власти старались негласно влиять и на состав иностранных военных корреспондентов на Дальнем Востоке. Сын графа Варвика, лорд Брук от агентства *Reuter* и брат лорда Ревельстока, бывший дипломат и впоследствии писатель Морис Бэринг от лондонской “Morning Post” явились весной 1904 г. в штаб главнокомандующего в Ляояне с конфиденциальными поручительствами российского посла в Лондоне графа А.К. Бенкендорфа; журналист датской правительственной газеты «Berlingine Tiedende» армейский капитан Дэниэл Брунн – с такой же письменной аттестацией посла в Копенгагене А.П. Извольского, а его соотечественник Франц фон Иессен от копенгагенской «National Tiedende» и парижской «Temps» – с личной рекомендацией императрицы Марии Федоровны, матери царя. За Г. де ла Салля из агентства *Havas* перед министром иностранных дел хлопотал посол в Париже А.И. Нелидов¹⁰⁸⁸. Высокие русские поручители свидетельствовали профессионализм и симпатии к России своих протеже, их готовность к «опровержению всяких

ложных касающихся нас известий» и к «распространению лишь истины о нас и наших войсках»¹⁰⁸⁹. Фон Иессен вдобавок представил русскому командованию «программу борьбы с враждебной нам европейскою прессою» собственного изготовления, предварительно одобренную Николаем II¹⁰⁹⁰, вдовствующей императрицей и министром иностранных дел. Главнокомандующий Куропаткин, со своей стороны, распорядился предоставить протезируемым иностранцам некоторые преимущества¹⁰⁹¹, не слишком, однако, их афишируя («оказать внимание, но в пределах, не обидных для других»¹⁰⁹²).

Деятельность всех журналистов, независимо от их подданства, статуса и личных связей, была поставлена под цензурный контроль, допуск на передовые позиции русских неправительственных репортеров был обусловлен предъявлением удостоверения от владельца издания в политической благонадежности корреспондента. Предварительную цензуру их телеграмм осуществляли офицеры цензурного отделения при штабе главнокомандующего и цензурных отделов армейских штабов. По требованию императора, статьи русских журналистов, высланные по почте, направлялись на предварительный просмотр в цензурные комиссии военно-окружных штабов¹⁰⁹³. «Помимо предварительной цензуры, – сообщает Военная энциклопедия, – свобода корреспондирования была донельзя стеснена и ограничена еще постоянными замечаниями по поводу тех или иных корреспонденций, уже пропущенных в [русскую] печать, со стороны Главного штаба»¹⁰⁹⁴. Наиболее суровая критика петербургских штабистов пришлась на долю старейшего и самого титулованного из русских военных журналистов – 56-летнего Василия Немировича-Данченко, старшего брата известного театрального деятеля. Летом 1904 г. временно исполнявший обязанности начальника Генштаба П.А. Фролов (памятный нам по расследованию «дела Павлова») за «систематическое восхваление противника и порицание порядков нашей армии» даже поставил перед штабом главнокомандующего вопрос об удалении его из действующей армии¹⁰⁹⁵, но тщетно.

В свою очередь, у владельцев неправительственных органов печати имелись серьезные претензии к внешнеполитическому ведомству. «Вы твердо уверены, что одна дипломатия заботится о русских интересах

во всех частях света. А по-моему, о них заботится усердно русская печать. Дипломатия при этом только ставит в ее колеса палки, не защищает ее корреспондентов, не дает ей сведений, приносит жалобы на статьи, запрещает телеграммы, получаемые газетами из-за границы и т.д.», – выговаривал в письме директору I департамента МИД издатель «Нового времени»¹⁰⁹⁶. Руководство МИД платило той же монетой – весной 1904 г. британский посол в Петербурге Чарльз Скотт конфиденциально информировал Форин офис о «крайнем раздражении» министра Ламздорфа тем, как оценивает петербургская (неправительственная) печать британскую политику на Востоке¹⁰⁹⁷. Вскоре советник английского посольства сообщил в Лондон о последовавшем, под давлением Ламздорфа, «высочайшем» указании министру внутренних дел приказать русской прессе впредь воздерживаться от критики зарубежных стран, особенно Великобритании¹⁰⁹⁸.

В Маньчжурии деятельность журналистского корпуса регулировал «Перечень сведений, касающихся военных действий и не подлежащих пропуску в печать», «по высочайшему повелению» разработанный Генштабом в апреле 1904 г. Помимо ограничений в освещении состояния русской армии, ее дислокации и планов, «Перечень» делал акцент на необходимость «правдивого изложения фактов» (пункт 1-й) и нераспространения «непроверенных сведений, могущих возбудить в публике излишнее беспокойство» (пункт 14-й)¹⁰⁹⁹. Прежде чем получить аккредитацию, каждый военный репортер давал подписку о неразглашении военных секретов и с обязательством не допускать «какой-либо критики распоряжений и действий начальствующих лиц, ограничиваясь лишь правдивым изложением самих фактов»¹¹⁰⁰. На практике неоправданно, по мнению командования, резкий отзыв зарубежного журналиста о русской армии, как правило, влек лишь отеческое «внушение всей неблаговидности его поступка» (по указанию заместителя, подобную беседу штабные офицеры провели, например, с корреспондентом “New York Herald” Ф. Маккулохом за его печатные выпады против русского флота). Вместе с тем, главнокомандующий, а равно командиры корпусов и начальники отрядов имели право в любое время и без объяснения причин удалять журналиста, если его присутствие «по военным соображениям» они признавали «неудобным». В мае – сентябре 1904 г. «в виду крайне

предосудительного поведения» из действующей армии были высланы корреспондент «Нового времени» М.А. Ростовцев, итальянец Гвидо Пардо («La Tribuna») и американец Эдвин Эмерсон («Collier's Weekly» и «Illustrierte Zeitung»). Нововременец в привокзальном ресторане Харбина бранил русскую армию, а американский журналист, не позаботившись об аккредитации, пытался самовольно пробраться в Пекин.

На период сосредоточения русской армии в Ляояне Куропаткин распорядился не пускать иностранных корреспондентов далее Мукдена и Харбина. На передний край они получили разрешение отправиться лишь в конце мая – начале июня 1904 г. – с санкции командования, но с учетом указаний своих редакций и собственных предпочтений. Как и выехавшие ранее их русские коллеги, по позициям иностранцы передвигались верхом и вооруженными, в сопровождении одной лишь прислуги; ночевали полевыми бивуаками в палатках, для безопасности увенчанных флагами своих государств. Вскоре главнокомандующий приказал еще более «смягчить все или многие ограничения» для представителей прессы¹¹⁰¹. После девяти месяцев пребывания на русских позициях лорд Брук с ностальгией вспоминал «свободу и независимость, которыми... пользовался в Маньчжурии»¹¹⁰². Датчанин фон Иессен, в соответствии со своей «программой», телеграфировал репортажи не только в редакции пославших его газет, но и жене в Копенгаген, а та, в свою очередь, переправляла их в другие европейские органы печати – датские, норвежские, шведские, австрийские, французские («Altenposten», «Neue Freie Presse», «Petit Parisien» и др.). Если верить историку Ф. Найтли, Морис Бэринг посылал в «Morning Post» настолько обстоятельные и пространные депеши, что редактор газеты в конце концов его отозвал и переквалифицировал в театральные критики¹¹⁰³.

Некоторые «охотники за новостями» на наемных джонках или небольших пароходах решались совершать рейды по Желтому и Японскому морям – представители одного агентства *Associated Press* имели для этой цели пять малых судов, совокупные затраты за первые же дни войны на фрахт и содержание которых превысили 300 тыс. долларов¹¹⁰⁴. Самые отчаянные делали попытки проникнуть в блокированный японцами Порт-Артур. Одним из немногих иностранцев, которому удалось просочиться сквозь японские кордоны

и невредимым добраться до осажденной крепости морем, стал корреспондент “Indianapolis News” Гектор Фуллер. Хотя зарубежным корреспондентам было воспрещено находиться в Порт-Артуре, Фуллер получил возможность осмотреть крепость и побеседовать с генералом А.М. Стесселем, начальником обороны Квантунского полуострова. Американский журналист вынес благоприятное впечатление об организации обороны Порт-Артура и боеспособности его гарнизона. Его статью под характерным названием «Переменив мнение» оперативно перепечатала пророссийская “China Gazette”¹¹⁰⁵ в пику дальневосточной, а за ней и мировой русофобской прессе, которая уже тогда, в начале лета 1904 г., предрекала падение русской крепости буквально со дня на день – за полгода до фактической сдачи (подконтрольная Японии печать с марта 1904 г. распускала слухи об уже будто бы состоявшемся захвате Порт-Артура японцами¹¹⁰⁶).

Русская и японская разведки стремились использовать этих бесстрашных, с примесью авантюризма, людей не только в информационно-пропагандистских целях, но и в качестве «почталюнов» собственной корреспонденции или для сбора сведений о противнике. Секретные поручения руководителя «шанхайской агентуры» Павлова и военного атташе Огородникова с разной степенью успеха выполняли капитан Джеймс Арчибальд (“Collier’s Weekly”, Нью-Йорк), Берлей Беннет¹¹⁰⁷ (“Daily Telegraph”, Лондон), барон Томас Вард (*Associated Press* и “Chicago Daily News”), Макдермид (агентства *Reuter* и *Associated Press*) – в Китае; Жан Бале («L’Illustration» и «Figaro», Париж) – в Японии и Корею. Некоторые сведения о состоянии японской действующей армии, добытые Бале в высших токийских военных кругах, О’Ши, по указанию Павлова, направлял в редакции лондонских газет под видом телеграмм, полученных “China Gazette” «из собственных источников»¹¹⁰⁸. В свою очередь, постоянные сотрудники «шанхайской агентуры» (коллежский ассессор Кристи, лейтенант Мисников и др.) отслеживали перемещения японских военных судов в восточных морях под видом французских военных корреспондентов. Услуги японской разведке на своем наемном пароходе оказывал репортер “Times” Лайонел Джеймс¹¹⁰⁹. «Шпионы и журналисты одинаково падки до сколько-нибудь стоящей информации», – заметил между прочим один из его современников и коллег¹¹¹⁰.

Выполнение секретных заданий было смертельно опасно, но и сама профессиональная деятельность военных журналистов была сопряжена с нешуточным риском. Некоторые из них получили серьезные ранения (в битве у Ляояна были тяжело ранены корреспондент газеты «Русь» И.Е. Ножин и два репортера агентства *Associated Press*), другие убиты (корреспондент “Daily Telegraph” Льюис Этцель – в июне 1904 г. китайскими разбойниками-«хунхузами»; военный журналист отставной полковник Е.Я. Максимов – в сражении при Шахэ; там же, но уже с японской стороны, смертельное ранение получил Кавасима Дзюнкити из газеты “Shinano Nippo”) или скончались от болезней (корреспондент «Московских ведомостей» отставной полковник И. Ладыженский и представитель *Associated Press* Генри Миддлтон). По итогам войны несколько русских журналистов, кстати, включая и В.И. Немировича-Данченко, получили русские боевые награды, а некоторые иностранцы (Бале, фон Иессен) – гражданские ордена.

С началом войны проблема воздействия на свою и зарубежную периодическую печать во весь рост встала и перед японскими властями. Предпочтительные, в интересах национальной безопасности, способы освещения военных событий в записке премьеру графу Кацура Таро изложил редактор газеты “Kokumin” Сохо Токутоми. Дабы «утаить фактическую ситуацию от публики», правительству, по мнению этого официозного журналиста, следовало обнародовать лишь «примеры геройства и жертвенности японских солдат, стратегических успехов Японии, а также слабости России. Новости же относительно слабости самой Японии, ее потерь, экономических проблем, общие оценки военной ситуации, примеры силы России и ее успехов необходимо замалчивать»¹¹¹¹. На этих далеких от беспристрастности принципах в военные годы оказалась построена вся информационная политика Токио. Понятно, что для их успешного осуществления требовалось ужесточить предварительную цензуру, что и было сделано, причем еще до открытия военных действий¹¹¹². В журналистском сообществе Японии введение суровых цензурных ограничений не вызвало протеста, благо прецедент был создан совсем недавно – в годы японо-китайской войны 1894—1895 гг. К тому же, как вместе с иностранными наблюдателями тех лет утверждают современные японские историки, в Японии идея войны с

Россией пользовалась почти всенародной поддержкой¹¹¹³. Ведущие здешние газеты преисполнились воинственности уже в апреле 1903 г., когда истек срок так до конца и не осуществленного вывода русских войск из Маньчжурии. Малотиражный социалистический еженедельник “Heimin Shimbun” оставался едва ли не единственной японской газетой, которая выступала с пацифистских позиций, но вслед за чередой запретов в январе 1905 г. был закрыт и он.

Открытие военных действий превратило Японию в «мекку» зарубежных репортеров. Уже к концу февраля – началу марта 1904 г. в японскую столицу съехалось около 50 иностранных корреспондентов, представителей, главным образом, британской (около 30 журналистов) и американской (порядка 20) прессы¹¹¹⁴; вскоре их количество приблизилось к двумстам¹¹¹⁵. Японские власти радушно приняли заморских гостей. Их разместили в лучших гостиницах Токио, устраивали для них экзотические экскурсии, банкеты и представления с гейшами, проводили пресс-конференции, организовывали интервью с членами кабинета министров. Но на театр войны категорически не пускали (лишь двум представителям *Associated Press* удалось добиться разрешения на поездку в Корею) и держали на голодном информационном пайке, «очень любезно» отказываясь сообщать что-либо о военных приготовлениях и передвижениях войск¹¹¹⁶. Однако и добытые вопреки всем препонам сведения переправлять в свои редакции иностранцам было мудрено. Американский посланник в Токио вспоминал о жестокой цензуре, которой подвергалась вся их переписка, отмечая, что «раньше никто даже не слышал о таких строгих ограничениях»¹¹¹⁷. «Все идет по плану», – вот единственное, что японский цензор обычно соглашался пропустить, негодовал его соотечественник-журналист Фредерик Палмер.

Чрезмерная самостоятельность и любознательность иностранцев тоже, мягко говоря, не приветствовались. Во время пребывания в Токио, рассказывал позже военный репортер “Daily Telegraph”, он сам и его коллеги «были под постоянным надзором японских властей», им «неоднократно угрожали арестом»¹¹¹⁸. Писатель Джек Лондон, который прибыл в Японию в качестве военного корреспондента *Hearst group*, за попытку сфотографировать прибрежные укрепления Внутреннего моря и вовсе попал за решетку. Позднее близкий к

правительству японский правовед довольно неуклюже оправдывал эти стеснения «небезосновательными» подозрениями властей относительно некоторых иностранных журналистов «в действиях в интересах России»¹¹¹⁹. В общем, первоначальное очарование Японией быстро покинуло зарубежных репортеров, но их протесты и запросы в токийские МИД и военное ведомство оставались без ответа. К концу марта 1904 г. их недовольство докатилось до японских представителей в Западной Европе. 31 марта посланник в Лондоне Т. Хаяси, ссылаясь на жалобы «многих крупных английских газет», ходатайствовал перед министром Дз. Комура о скорейшей отправке военных корреспондентов на фронт и максимальном снятии для них цензурных ограничений в самой Японии¹¹²⁰.

После долгих проволочек японское правительство разбило репортеров на партии, первая из которых в мае 1904 г. смогла, наконец, выехать в Маньчжурию. Однако их информированность от этого не намного улучшилась. Военные власти поселили иностранных журналистов в общей «резиденции» и на поле брани пускали только по окончании сражения (наблюдать за ходом самих боев им разрешали по очереди и поодиночке¹¹²¹); не только интервьюировать, но даже приближаться к начальствующему составу и передвигаться по японским позициям им было строжайше запрещено¹¹²². Изданные командованием Правила требовали от корреспондентов «озаботиться тем, чтобы не нанести ущерба войскам и ни при каких обстоятельствах не входить в штабные помещения» (статья 5); «вся переписка корреспондентов (включая их репортажи, частные письма, телеграммы и т.д.) предварительно отсылки должна быть просмотрена надзирающими офицерами» (статья 8) и т.д.¹¹²³ Ограничения распространялись и на японских журналистов, которые, замечает Вествуд, были вынуждены описывать не столько фронтовые будни, сколько «лунные пейзажи» Маньчжурии¹¹²⁴. Установив не менее жесткую, чем в Токио, цензуру и так же максимально затруднив переписку представителей западной печати, японское командование болезненно реагировало на малейшую критику ими японских вооруженных сил, описание их потерь и тем более – на попытки несанкционированных действий. Корреспонденту лондонской “Daily Mail” Эрнсту Бриндлу указания на недостатки японской армии обернулись запретом заходить в корейские гавани на зафрахтованном

его редакцией пароходе¹¹²⁵, а для Джека Лондона самовольная поездка в оккупированный Японией Сеул закончилась повторным арестом – уже на корейской земле.

Стремление хоть как-то улучшить условия своей профессиональной деятельности толкало интернациональную журналистскую братию на разные ухищрения. Редакции центральных японских газет, каждой из которых было разрешено командировать на театр войны не более двух репортеров, нашли выход в том, чтобы посылать своих представителей в действующую армию под видом корреспондентов других, провинциальных органов печати. Иностранцы же журналисты принаоровились переправлять репортажи в свои редакции в обход японской военной цензуры – из телеграфной конторы китайского Чифу (что, в свою очередь, превратило этот портовый городок в их своеобразный клуб). Правда, эти уловки не меняли ситуацию по существу. Новостной продукт военных корреспондентов оставался столь скуден и бледен, что редакции западных газет оказались вынуждены привлекать посторонние, заведомо предвзятые источники информации. Частота выступлений в западноевропейской прессе японского посланника Т. Хаяси дала повод одному из современников в шутку назвать его их «внештатным сотрудником»¹¹²⁶. Хилый, кастрированный цензурой ручеек новостей с военных полей очевидно не соответствовал затратам редакций на его получение и обесмысливал дальнейшее пребывание их специальных корреспондентов на краю света. По подсчетам Р. Десмонда, на освещение русско-японской войны мировые органы печати в совокупности истратили порядка 10 млн долларов, причем три четверти этой астрономической суммы выложили редакции американских и британских газет¹¹²⁷. Несмотря на то, что общий настрой англоязычной прессы в отношении Японии оставался позитивным, со второй половины 1904 г. хвалебные отзывы о японских гостеприимстве и добросердечии заметно пошли на убыль.

Отправка второй партии журналистов из Японии в Маньчжурию затянулась, и к концу июня потеряла терпение даже “Times”, объявившая об отзыве своих представителей из Японии. Корреспондентом в Токио был оставлен один постоянно живший там Ф. Бринкли. Впрочем, читатели “*the Paper*” (как почтительно называли свою газету сотрудники “Times” даже в частной переписке) об этом не

узнали: ее редакция упорно не печатала статьи своих дальневосточных представителей, если в них упоминалось о строгостях японской цензуры¹¹²⁸. Лишь в середине июля, под угрозой забастовки иностранных журналистов¹¹²⁹ и при поддержке Союза прессы (*Press Union*) самой Японии, который обратился с соответствующим ходатайством в правительство, еще двадцать из них получили разрешение выехать на фронт. Многие к тому времени пробыли в Японии уже по 4—5 месяцев. Но условия их профессиональной деятельности в Маньчжурии не стали лучше. Новые попытки заступничества со стороны Хаяси и его вашингтонского коллеги Такахира (последний ссылался на то, что журналисты Ричард Дэвис и Джон Фокс являлись личными друзьями самого президента Т. Рузвельта), как и очередное вмешательство американского посланника в Токио, который, как всегда, апеллировал к министру Комура, вновь не произвели впечатления на японских военных. Вскоре на годичном собрании британского Института журналистов (*Institute of Journalists*) в Глазго европейские журналисты заявили и формальный протест по поводу притеснений своих коллег японскими военными властями в Маньчжурии. С таким же протестом выступили и японские журналисты, объединившиеся в *Zaiko Press Club*.

Так и не получив возможности наблюдать за происходящим на фронте своими глазами и свободно общаться со своими редакциями, иностранные репортеры один за другим начали покидать и Японию, и расположение ее маньчжурской армии, проклиная военных бюрократов и грозясь «употребить все свое влияние, чтобы помешать Японии получать займы в США и Великобритании» и «приступить к разоблачениям относительно действий японцев»¹¹³⁰. В августе 1904 г. парижская «*Matin*» оповестила мир, что «из Японии отправляется судно, на котором выедут в Европу около 30 представителей английской печати, уехавших в Японию в самом начале войны. Японская цензура так строга, что сообщать какие-либо сведения корреспондентам стало совершенно невозможно»¹¹³¹. Не пожелавшие покинуть театр войны перешли на русскую сторону. В конце июля десяток представителей *Associated Press*, “*New York Sun*”, “*New York Herald*”, “*Times*”, “*Daily Telegraph*”, “*Standard*”, «*Figaro*» и других периодических изданий Западной Европы и США, кружным путем добравшись до Тяньцзиня, направили русскому военному атташе

своего делегата за разрешением состоять при русской армии. «Отзывы корреспондентов, уехавших от японцев, самые для нас благоприятные, – телеграфировал начальству полковник Огородников по итогам встречи с представителем иностранных “перебежчиков”, – [в] восторге [от] наших войск ... Послали телеграммы [в] свои газеты, [что] не могут оставаться с японцами, которые их грубо третировали, обманывали»¹¹³². «Готовы разоблачать обманы Японии, убийства наших раненых, помешать новому займу», – с удовлетворением констатировал наместник в телеграмме министру иностранных дел, который на запрос Алексеева также высказался всецело за «желательность перехода к нам корреспондентов из японской армии»¹¹³³. Таким образом, японская пропагандистская машина дала сбой, а русская получила шанс для перехода в контрнаступление, которым, не мешкая, и воспользовалась.

Содержание японской и русской пропаганды

Правда – первая жертва войны.

Сенатор Хирам Джонсон, 1917

Идейная составляющая русско-японской *Kulturkampf* включала интерпретацию таких фундаментальных вопросов, как причины, цели и характер войны для каждой из конфликтующих сторон (часто – исходя из общих рассуждений на тему столкновения «желтого» и «белого» миров, христианской и нехристианской культур), ответственность за ее начало, национальные особенности русских и японцев и степень их «цивизованности», состояние вооруженных сил противников, ход самих военных действий, взаимоотношения оккупационных войск и местного населения. Уделялось внимание внутреннему положению России и Японии – ходу мобилизации и текущим общественным настроениям, отношению к войне, состоянию промышленности, финансов, экономики в целом, их государственной и общественно-политической жизни.

Содержательно японская пропаганда была явлением крайне противоречивым, зависимым от ее адресата и потребителя. В высказываниях, рассчитанных на западноевропейцев и американцев, она акцентировала родство «новейшей азиатской» (японской) и западной, христианской, культуры и, исходя из этого, подчеркивала общечеловеческую, цивилизаторскую и, в сущности, прозападную миссию своей страны в дальневосточном конфликте. Барон Канэко Кэнтаро, направленный с пропагандистской миссией в США, заявлял в англоязычной прессе, что на Дальнем Востоке Япония «сражается в интересах англо-американской цивилизации», а не в своих собственных¹¹³⁴. В справедливости дела Японии и ее «уверенности в конечном торжестве права над силой» убеждал зарубежных корреспондентов заместитель министра иностранных дел Тинда Сотэми в марте 1904 г.¹¹³⁵ Популяризация этих «полуправд», надуманных, а отчасти вымышленных представлений составляла

главное содержание японской пропаганды в первой половине 1904 г. в «западном» исполнении¹¹³⁶.

Восточной же аудитории, включая свою собственную, внушались в корне иные, паназиатские постулаты. «На наше государство, знаменосца азиатской культуры, весь Восток взирает с надеждой... – говорил в августе 1904 г. президент Палаты пэров японского парламента принц Коноэ Ацумаро, – на нас лежит священный долг оказать помощь всем, уповающим на нас: Китаю, Индии, Корее, всякому цивилизованному азиату, и освободить их от Европы»¹¹³⁷. Таким образом, Япония выставлялась защитницей угнетенных народов Востока, лидером их антиколониальной борьбы. И тогда, и позднее на токийском политическом Олимпе были сторонники строительства своей политики в Азии исключительно по расовому признаку – дабы противостоять единому фронту «белых» держав или даже неизбежной «расовой войне» с ними в будущем¹¹³⁸. В общем, на Востоке Япония претендовала на такую же мессианскую роль, что и в отношении Запада. В этой связи бывший (и будущий) японский премьер-министр граф Окума Сигэнобу в одном из публичных выступлений назвал свою страну «квинтэссенцией лучших начал Востока и Запада»¹¹³⁹.

Однако эту «Прекрасную Теорию» (используя выражение Герберта Спенсера) «убивает шайка Грубых Фактов» – преследуя в действительности экспансионистские цели, Токио в своих соседях и соплеменниках разжигал в первую очередь антизападную ксенофобию. Подконтрольная Японии синоязычная пресса активно спекулировала на тему неизбежности массовых волнений в Поднебесной, направленных против «белой расы»¹¹⁴⁰. Японские солдаты вместе с китайским простонародьем устраивали шествия под антирусскими лозунгами – например, в Шанхайгуане и Цинвандао в августе 1904 г.¹¹⁴¹ В сентябре в российский МИД поступили сведения об усиленной деятельности японцев в главных центрах Китая «с целью возбудить беспорядки против всех иностранцев без различия национальности»¹¹⁴². Летом 1905 г. при участии японских агитаторов в крупнейших китайских портах прошла акция бойкота американских товаров, а в декабре подоспел и «беспрецедентный налет на иностранцев» (по оценке “North China Daily News”) в Шанхае. Для защиты своих консульств и подданных от погромщиков и

поджигателей западные державы ввели в европейские кварталы города отряды военных моряков, причем главную роль в подавлении возмущения сыграли британские матросы. «Антибелая пропаганда японцев, – комментировал шанхайские события русский военный атташе, – настолько пустила корни в Китае, что недалеко то время, когда вообще всем иностранцам придется очень плохо в Китае»¹¹⁴³.

Корейская туземная печать, накануне войны не выказывавшая особых симпатий к Японии, с прибытием японских оккупационных войск, по наблюдению Андрэ Шмида, не только стала выступать «с энергичными призывами к региональному и расовому единению», но и начала освещать войну «как конфликт белой России против желтой Японии», от исхода которого зависит, «выживут ли желтые народы или будут уничтожены»¹¹⁴⁴. Антизападной направленности корейская пресса, контролируемая Японией, продолжала придерживаться и впоследствии: «Сегодня раса борется с расой», писала в сентябре 1907 г. сеульская “Taikan Nippo”, призывая соотечественников верить своим почти единоплеменникам-японцам, а не белым – представителям «враждебной расы»¹¹⁴⁵.

Наряду с воинствующей антизападной риторикой в странах Востока обстоятельства начала дальневосточного конфликта, уже разобранные нами в предыдущих главах, – высадка Японией своих войск в независимой и нейтральной Корее и ночная атака русских судов на рейде Порт-Артура без объявления войны – заключали в себе большую опасность для образа Японии как миролюбивого государства, выполняющего общечеловеческую цивилизаторскую миссию. Несмотря на это, Япония сумела завоевать почти всеобщие симпатии и в первой половине 1904 г. в идейно-пропагандистском плане доминировала. Угрозу зачисления в агрессоры и «варвары» ей удалось от себя отвести, и многие американские и западноевропейские журналисты, политические, финансовые и общественные деятели охотно рассуждали об агрессивности России, возлагая именно на нее ответственность за начало войны. На англоязычном Западе Япония представлялась «рыцарем в сияющих доспехах, спасающим Запад»; Россия, напротив, выводилась из «клуба» цивилизованных держав¹¹⁴⁶. «Американский народ верил, что Япония ведет войну из самозащиты, и ее отважное противостояние могущественной России вызывало огромное восхищение, – констатируют обозреватели американской

печати военных лет. – ... Финансовые и университетские круги Америки были одинаково убеждены, что военные успехи Японии означают прогресс цивилизации... Американская пресса приветствовала Японию как идеал молодой нации, сражающейся за альтруистическое дело»¹¹⁴⁷. Стержень такого, внутренне противоречивого, отношения к Японии западного сообщества афористично выразил военный корреспондент “Times” Уильям Гринер: «Японцы – язычники, которые, однако, усвоили себе западную систему моральных ценностей (*ethical code*)»¹¹⁴⁸. Как следствие, ни одна из великих держав официально не поддержала обвинения Россией своего противника в вероломстве и изначальном нарушении норм международного права.

Россию японская пропаганда характеризовала как «великого врага гуманности» и «подлинной цивилизации»¹¹⁴⁹, как прямую угрозу территориальной целостности Китая, независимости Кореи и существованию японского государства. Такой образ врага, в свою очередь, способствовал тотализации войны для самой Японии. Особенно ярко стремление дегуманизировать противника сказалось на изображении русской действующей армии. Ее оценки были выдержаны в уничижительном тоне и подчас подавались в расистском ключе. «Ни мозгов, ни планов, ни карт, ни подкреплений», «командир в панике», «русская армия деморализована» – обычные газетные ламентации на этот счет¹¹⁵⁰. Предметом почти исключительного внимания выступали действительные или мнимые факты неумелого русского командования, трусости солдат, плохого снабжения и санитарного состояния войск. Газеты писали о пьянстве и кровожадности «вороватого московита» (*thievish Moscovite*), его жестокости в обращении с местным населением и пленными, о демонстративном и циничном попрании им представлений о гуманности и норм международного права. *Mujik*'у, основе армии, подхватывал ту же ноту американец Н. Бэйкон, «недостает грамотности, трезвости, предприимчивости, энергии и честности». «Все это – характерные черты славянской расы, – заключал публицист, – и мои личные наблюдения позволяют классифицировать их в целом как стоящих на более низкой ступени развития, чем негры наших южных штатов»¹¹⁵¹.

Распространявшиеся прессой домыслы и слухи относились к разным сторонам армейской и флотской жизни. Печать сообщала то о трагедии, сопровождавшей переход «большого подразделения русских» озера Байкал по льду (итог – 600 замерзших насмерть)¹¹⁵²; то о собственноручном расстреле наместником провинившегося офицера перед строем¹¹⁵³; то о коварном плане русских отравить реку Ялу, для чего в ее верховья якобы свезено огромное количество «ядовитых медикаментов»¹¹⁵⁴. Казаки изображались как «далеко не храбрые» полуживотные, предпочитающие спать на голой земле, ловить птиц и живьем их пожирать¹¹⁵⁵. Русские дальневосточные моряки, в интерпретации русофобских газет, не столько воевали, сколько пиратствовали, захватывая¹¹⁵⁶ иностранные торговые суда, которые к тому же подрывались¹¹⁵⁷, на минах, намеренно ими разбросанных, либо обстреливали мирных японских рыбаков.

В описании боевых действий японские газеты оперировали информацией, тщательно «отфильтрованной» правительством. Их итоговый новостной продукт читатель-неяпонец оценил следующим образом: «Существуют только японские победы, японское геройство, японский военный гений, в противоположность русским непрерывным поражениям и бегствам, русской трусости, русскому варварству и скотству»¹¹⁵⁸. По данным официальной японской прессы, уже к августу 1904 г. безвозвратная убыль русской армии составила порядка 50 тыс. человек¹¹⁵⁹ – почти столько, сколько в действительности Россия потеряла за все время войны. О собственных потерях печать хранила молчание, хотя к концу ноября 1904 г., по конфиденциальной информации военного министра Тэраути Масатакэ, Япония лишилась не менее 100 тыс. солдат (примерно 60 тыс. убитыми и ранеными и 40 тыс. заболевшими «бери-бери», дизентерией и брюшным тифом)¹¹⁶⁰. О потоплении в мае 1904 г. новейшего, британской постройки, броненосца “Yashima” мир узнал из французских газет лишь в конце того же года. Совершенно умалчивались другие потери японского военного флота.

Негативное отображение японской армии не могло попасть в японскую печать не только по цензурным условиям. Сообщения такого рода изымались самими редакциями как «необоснованные», поскольку были несовместимы с представлениями японского журналистского

сообщества о патриотизме и лояльности. Вследствие этих внешних и внутренних ограничений, отмечает исследователь японской прессы военных лет, ее продукция оказалась лишена «протяженности во времени, глубины и контекста. В результате, общим местом стал стереотип»¹¹⁶¹, отправными пунктами которого были справедливость войны для Японии, чистота и добросердечие ее намерений, имманентная порочность противника. Описание хода военных действий было сведено к казенным победным репортажам в шовинистическом обрамлении, печать всерьез рассуждала об «уникальности» японской нации, которой «по праву принадлежит лидерство в Азии и во всем мире»¹¹⁶². Налоговый гнет и обнищание населения, упадок торговли и рост преступности – об этих и других проблемах японского общества, в конечном счете вызванных войной, из японских газет узнать было невозможно. В общем, японская пресса, «характер и новостная энергетика» (*news go-aheadness*) которой еще недавно восхищали представителей зарубежной печати¹¹⁶³, в годы войны содержательно деградировала. Это был второй важнейший просчет руководителей японской пропаганды, чреватый потерей ею влияния и авторитета, особенно за пределами Японии.

В схожих идейных рамках действовала прояпонская пресса Китая. Газеты, с одной стороны, писали о бездарности и трусости русских генералов и кровожадной дикости солдат, якобы живущих подаянием или грабежом местного населения¹¹⁶⁴, а с другой – восхваляли японских военных, подчеркивая их мужество, рыцарство и доблесть¹¹⁶⁵. Иллюстрируя высокие патриотические чувства японцев, печать (“*Da-Gun-Pao*”) сообщала о полумиллионе добровольцев, якобы готовых немедленно отправиться на театр войны, хотя волонтерских формирований в армии Японии не существовало вовсе. «Великая Япония» представляла перед читателем как бескорыстная защитница свободы, территориальной целостности и независимости Китая от России – «государства с привычками тигра и волка». Тот же комплекс оценок развивали листовки, которые японцы и их туземные единомышленники распространяли в китайских городах¹¹⁶⁶. По мере затягивания войны, по свидетельству посла Лессара, японцы через подконтрольную себе китайскую печать «отчаянно» стремились под любым предлогом вовлечь в войну китайцев «и чрез них державы»¹¹⁶⁷.

Одновременно японские прокламации предостерегали жителей Поднебесной от какого бы то ни было сотрудничества с русским агрессором: «Придет время, – говорилось в одной из них, – когда мы, японцы, явимся в город и всех их [коллорабационистов] казним. Имущество же их и дома будут розданы нашим войскам в награду»¹¹⁶⁸. Повседневную жизнь Маньчжурии под русской оккупацией туземная прояпонская печать подавала с обилием неточностей, искажениями фактов, приданием незначительным событиям статуса важнейших¹¹⁶⁹.

Искуса бульварщины не смогла избежать и более респектабельная иноязычная пресса, региональная и зарубежная. В июле 1904 г. официозная токийская “Japan Times”, например, поведала историю о некоем русском офицере, который живьем скормил тигру даляньского зоопарка двух своих служанок-японок, когда те попытались скрыться ввиду приближения японских войск¹¹⁷⁰. Лондонская “Times” до публикации подобных несуразностей, разумеется, не опускалась. За скудостью информации дальневосточных корреспондентов свои колонки “the Paper” наполняла пространными комментариями военного обозревателя, кабинетного аналитика полковника Чарльза Курт-Репингтона – продуктом его собственных измышлений и «вольного» прочтения европейских газет. Благодаря ему и некоторым из его коллег, представление об отношении русских к японцам в начале XX в. как к «желтым обезьянам», или «макакам»¹¹⁷¹ по сей день остается стереотипным. Между тем, исследователи русской публицистики начала XX в., включая автора этих строк, не находят в ней подобных эпитетов¹¹⁷², лишь некоторые сатирические журналы («Стрекоза», «Будильник») нет-нет да и позволяли себе карикатурные выпады на эту тему. В 1905 г. обзоры Курт-Репингтона были собраны под одной обложкой и сначала изданы в Токио в японском переводе газетой “Ji-Ji” (которую негласно опекал посланник Хаяси), а затем и в Лондоне – на языке оригинала, в виде 600-страничного фолианта, с авторским посвящением микадо и его подданным, достоинства которых всячески превозносились.

Русская пропаганда, адресованная Западу и Востоку, также различалась, но не столь полярно, как японская. Своего и западного читателя российская пресса убеждала главным образом в том, что русско-японская война «есть столкновение двух взаимно-

непонимающих и подчас даже взаимоисключающих культур»¹¹⁷³, и христианские морально-этические ценности несовместимы с лишь внешне «озападенной» Японией. Адресуясь же восточной аудитории, она акцентировала экспансионистские аппетиты своего оппонента, вынужденный и ответный характер собственного участия в войне. Разрабатывая накануне войны меры, призванные нейтрализовать возможное недовольство китайцев присутствием русской армии в Маньчжурии, начальник дипломатической канцелярии наместника Г.А. Плансон проектировал популяризацию в Поднебесной представлений о Японии как о захватчике, вожде китая, корейских и русских земель, а о России – как о верном своим международным обязательствам, надежном союзнике, который, «будучи связан дружбой с Кореей и Китаем, и обязанный защищать свою землю, видит себя вынужденным вступить в борьбу с Японией»¹¹⁷⁴. Те же сюжеты развивала и русская карикатуристика.

Тайные царско-безобразовские замыслы отторжения Маньчжурии от Китая и установления «господства на своем берегу Тихого океана» русские пропагандисты не афишировали¹¹⁷⁵, тему «желтой угрозы» старались не акцентировать. Впрочем, на внутрироссийском информационном «рынке» эта тема также не являлась ни широко востребованной, ни ходовым «товаром». Отчасти по причине отсутствия в русском обществе устойчивого и безусловного неприятия японцев¹¹⁷⁶, отчасти под влиянием рекомендаций Главного управления по делам печати, которое одним из январских 1904 г. циркуляров предписало газетам «воздерживаться» от «шовинистических статей»¹¹⁷⁷. Расистские демарши обласканных властью публицистов (например, уже известного нам издателя «С.-Петербургских ведомостей» князя Э.Э. Ухтомского¹¹⁷⁸) по адресу японцев и азиатов вообще в публике встречали безразличное молчание либо насмешки. Как показал исследователь британского общественного мнения, возможна ситуация, когда острые внешнеполитические вопросы оставляют большинство общества равнодушным, являясь достоянием лишь «горстки интеллектуалов»¹¹⁷⁹. После войны выражение «желтая угроза» приобрело в России уже прямо иронический оттенок.

Обостренную реакцию в России вызвали обстоятельства начала войны, особенно атака японцами русской эскадры на рейде Порт-

Артура. Русское общество негодовало по поводу самой этой акции, а также последующих попыток японских дипломатов и публицистов оправдать ее соображениями военной целесообразности. В этой связи газеты указывали на «моральные и расовые недостатки» японцев, не способных, по их мнению, «усвоить нравственную сторону культуры»¹¹⁸⁰. Но вне военных сюжетов, о проблемах простых японцев – их бедности и болезненности, высокой продолжительности рабочего дня, бесправии женщин – даже близкая правительству светская печать отзывалась скорее сочувственно. «Мы воюем не с народом, – писало в марте 1904 г. “Новое время”. – Наш враг – это японская интеллигенция, это юристы, профессора, журналисты, военные и депутаты. Это потомки тех самураев, которые ... оставшись не у дел, занялись политикой»¹¹⁸¹.

Российская пропаганда стремилась дискредитировать в глазах западного и восточного сообществ лозунг азиатского единения в его японоцентричной версии, выдвигая более гуманную, христианскую, альтернативу решения проблемы «Восток – Запад». В типографии “China Gazette” и от лица ее редакции русская «шанхайская агентура» тиражами в 3—3,5 тыс. экземпляров печатала и рассылала в парламенты, библиотеки, клубы, редакции журналов и газет многих стран мира сборники статей и речей, брошюры и литографии с фотоснимков. На фотографиях были запечатлены сцены расстрела японскими солдатами корейских крестьян, распятых на крестах. Подпись под ними гласила: «Утонченный японский призыв к поддержке и сочувствию, обращенный ко всем нациям “желтой угрозы”, против европейской цивилизации и особенно христианства. Эти казни были совершены 15 сентября 1904 г. в Сеуле японскими властями. Фотографии сделаны японским фотографом в Чемульпо, где их можно купить за несколько центов»¹¹⁸². В другом издании в английском переводе была напечатана откровенно антиевропейская по смыслу статья тяньцзинской прояпонской газеты “Takung-Pao”. Ее анонимный автор писал об империализме «тевтонской, латинской и славянской рас», обращенном против «цветных» (*coloured races*), и во имя «великой мечты о Золотом веке и Всемирной империи» звал всех «монголов» (*Mongols*) к единению¹¹⁸³. В качестве более действенного и гуманного способа разрешения «глубокого непонимания и антагонизма между Востоком и Западом» в той же брошюре

воспроизводился призыв китайского императорского «Общества по распространению христианства среди китайцев» к просвещению и «христианскому милосердию»¹¹⁸⁴. Судя по откликам прессы, наибольший общественный резонанс такие материалы получали в Австралии, Калифорнии и в Британской Колумбии – в местах наиболее многочисленной японской диаспоры, где, по словам фон Гойера, «характерные особенности этой расы хорошо известны коренным жителям»¹¹⁸⁵.

Летом 1904 г. наместник направил Павлову «перечень вопросов, которых было бы желательно коснуться в “Чайна газет” в ближайшем времени». Перечень включал следующие группы тем и сюжетов: (1) «о безупречном обращении русских с населением Маньчжурии», (2) «о появлении в Южной Маньчжурии фальшивых [русских] кредитных билетов по мере прибытия туда японцев», (3) «о недовольстве китайцев скупостью и жестокостью японцев» и (4) «опровержение известия, что война с Японией началась из-за Маньчжурии и что Китай на этом основании имеет право вмешаться»¹¹⁸⁶. Этой «программы» “China Gazette” и стала придерживаться в дальнейшем.

“Chefoo Daily News” в течение полугода после заключения в августе 1904 г. секретного контракта с Россией опубликовала несколько сот статей, в которых приводила факты нарушения Японией китайского нейтралитета, указывала на опасность для Запада возможного японо-китайского союза, писала об истязаниях и казнях японцами китайцев и корейцев, заподозренных в шпионаже, сообщала о финансово-экономическом истощении самой Японии, об огромных потерях ее армии в ходе осады Порт-Артура. Состояние же российских дел преподносилось с противоположным «знаком» – одну из рубрик газеты Давыдов так условно и назвал: «Финансы России находятся в прекрасном состоянии»¹¹⁸⁷. «Агент Рейтера и другие корреспонденты (“Chefoo Daily News” – Д.П.) сделали свое дело, оправдывая, таким образом, внимание, которое мы оказывали им различными способами, но главным образом, конечно, в виде благодарности, выраженной в мексиканских долларовых банкнотах», – довольно цинично заключал Давыдов в докладе министру финансов¹¹⁸⁸. «Русская» дальневосточная печать, а вслед за ней – и центральная российская пресса приводили факты сознательного обстрела японцами санитарных поездов и порт-артурских госпиталей, писали о

притеснениях русских пленных в лагере Мацуяма. В действительности, обращение с пленными с обеих сторон было очень гуманным, но шельмования и оболгания японцев, Японии и ее вооруженных сил не практиковали и здесь. Равным образом русские «кураторы» китайской печати старались пресекать ее чересчур акцентированное русофильство¹¹⁸⁹.

В общем, в содержательном плане русская дальневосточная пропаганда по преимуществу «держала оборону», ограничиваясь тем, чтобы возможно доказательнее парировать нападки русофобской прессы¹¹⁹⁰. В полемике с прояпонской печатью здешние «русские» газеты, хотя и допускали передержки и «фигуры умолчания», все же, как правило, стремились не выходить за рамки фактов, делать ставку на оригинальность и полноту своей информации и избегать домыслов, демагогических и бульварных приемов. Основной разоблачительный акцент был сделан на вероломстве и жестокости японской политики на Азиатском континенте с прицелом не допустить вступления в войну Китая под флагом расового единения с Японией.

Сдвиг в общественных симпатиях Запада

С демонстративным отъездом из японских пределов иностранных журналистов по воле случая совпал инцидент с русским миноносцем, получивший большой общественный резонанс. 10 августа 1904 г. в Чифу из Порт-Артура прибыл миноносец «Решительный», которому удалось вырваться из японской блокады. Согласно международным правилам, китайские власти приступили к его разоружению, а команда сошла на берег. Однако на следующий день японцы, явившись в нейтральный порт, захватили безоружный русский корабль и отбуксировали его, причем действовали столь вызывающе, что китайский адмирал Са, начальник порта, был вынужден подать в отставку. В те же дни японские военные суда так же самовольно наведались в другую китайскую гавань – Циндао, концессионное владение Германии. Все это привело в негодование членов чифуского журналистского «клуба», и без того взвинченными отношением к себе японских военных властей. «Дерзкий поступок японцев, – доложил в Петербург посланник Лессар, – крайне раздражил немцев. Как в Цинтао, так и в Чифу теперь замечается небывалое ранее в пользу России настроение. В последнем пункте даже дошло до драки в клубе между консулами Германии и Японии»¹¹⁹¹.

Мировая общественность об инциденте с «Решительным» узнала из корреспонденций Макдермида, как представителя агентств *Reuter* и *Associated Press*. Очередное демонстративное нарушение Токио норм международного права стало поводом для антияпонского похода, который открыли и “Chefoo Daily News”, и тяньцзинская “China Review”, специально для того основанная Огородниковым (первый номер этой газеты был напечатан 10 сентября 1904 г.). Благодаря деятельной поддержке других военных корреспондентов, инцидент получил широкую огласку и весьма невыгодное для Японии освещение. Западное общественное мнение было возмущено, официальные «разъяснения» Токио не подействовали (японский консул в Чифу, а за ним и токийское морское ведомство отговаривались тем, что их моряки якобы не знали, что «Решительный» разоружен¹¹⁹²), и даже британские и американские

государственные деятели и специалисты-правоведы вынужденно признали, что на этот раз японцы грубо нарушили нейтралитет Китая. По сведениям того же Лессара, вашингтонский кабинет, встревоженный действиями Японии, провел консультации с Великобританией, Францией и Германией о необходимости настоять на соблюдении Токио «законов и обычаев международного права»; на тот же счет прошли «очень серьезные объяснения» властей США с официальным японским представителем в Вашингтоне¹¹⁹³. Противоправная акция японских моряков в Чифу явилась сильным ударом по международному престижу Токио.

Как и Огородников, «шанхайская агентура» поспешила воспользоваться сложившейся таким образом благоприятной для России конъюнктурой. По инициативе Давыдова, российское Министерство финансов через своих зарубежных представителей развернуло печатную кампанию о финансовой несостоятельности Японии¹¹⁹⁴. Политические известия и комментарии в том же духе финансовое ведомство, «с высочайшего соизволения», стало распространять в Западной Европе и США по каналам Торгово-телеграфного агентства¹¹⁹⁵. «Проснулось» и российское посольство в Вашингтоне¹¹⁹⁶. Западные журналисты, возвратившиеся с Дальнего Востока, эту кампанию подхватили и расширили. С осени 1904 г. в газетах и журналах по обе стороны Атлантического океана стали появляться критические оценки дальневосточной политики Японии, ее вооруженных сил и внутреннего состояния. Вернувшись на родину, корреспондент “Collier’s Weekly” Арчибальд, по предварительной договоренности с Павловым и Давыдовым (и за ранее санкционированный заместником помесечный гонорар в тысячу американских долларов¹¹⁹⁷), совершил лекционное турне по США для «распространения среди американцев правильных благоприятных для нас представлений о действительном военном и общем положении в Маньчжурии»¹¹⁹⁸. “Los Angeles Herald”, “Los Angeles Examiner” и другие американские газеты опубликовали статьи Арчибальда о «желтой опасности», заключенной, по его словам, не в Китае или Японии по отдельности, а «в реальной угрозе руководства первого второй»; «американцы совершают огромную ошибку», продолжая слепо доверять Японии, подчеркивал этот американский

журналист¹¹⁹⁹. Критические отзывы о японской политике начали появляться и в британских СМИ (“Times”, “Daily Telegraph”, “Fortnightly Review”), в которых, по свидетельству современника, «до тех пор пелись лишь беспрестанные панегирики Японии». «В Англии начинает охладевать чрезмерное увлечение восточным союзником, – заключила в декабре 1904 г. “Allgemeine Zeitung”. – Теперь прекрасно сознают, что Япония преследует свои собственные политические цели»¹²⁰⁰.

Стала меняться тональность оценок и военных событий в Маньчжурии, и самих воюющих сторон. Как мы уже знаем, первую атаку японцами Порт-Артура британская печать расценила как «блестящую операцию», в которой японские моряки «выказали себя достойными союза с английским флотом»¹²⁰¹. Апрельская (1904 г.) стычка на реке Ялу дала повод “Daily News” рассуждать «о полноте торжества, сопутствующего операциям японцев», и восторгаться «широтой их замысла, энергии и натиска»¹²⁰². Зато в сентябре того же года недавний отход русской армии под Ляояном многие газеты расценили уже как ее «образцовый маневр». Тактика русского главнокомандующего, отметила “Daily Telegraph”, «разрушила все планы» японского командования; «Куропаткин выиграл гонку и спас большую часть своей армии»¹²⁰³. В Лондоне это сражение восприняли как «равносильное поражению Японии, – записал в дневнике немецкий доктор Бэльц. – ... Возможно, что изменение настроений в Англии происходит благодаря корреспондентам, которые вернулись возмущенными обращением с ними в Японии». Тут же автор дневника зафиксировал «охлаждение британских симпатий к Японии», которое имело следствием нелестную оценку состояния ее экономики и финансов (об этом Бэльцу приватно сообщил депутат британского парламента финансист Рутерфорд Харрис, который явился в Токио специально для выяснения финансовой состоятельности британской союзницы)¹²⁰⁴.

Свою изданную в 1905 г. книгу лорд Брук посвятил солдатам и офицерам русской армии «в память об их доброте и гостеприимстве и с глубоким восхищением их мужеством и стойкостью». Даже обозреватель “The Nineteenth Century and After” Отто Эльтцбахер, известный с довоенных времен симпатиями к Японии и неприязнью к России, теперь признавал, что в Маньчжурии «русские сражались

доблестно»¹²⁰⁵. В Европе внезапно осознали, что японские солдаты «отнюдь не являются “лучшими пехотинцами в мире”»¹²⁰⁶, а их командиры, как писал другой влиятельный британский журнал “Fortnightly Review”, «пасуют там, где начинается работа созидательной, творческой силы»¹²⁰⁷. В таком хоре не прозвучали диссонансом впечатления вернувшихся с Дальнего Востока американских офицеров, напечатанные “New York Herald”: «Японцы дают понять всем и каждому, что их армия и флот непобедимы, и высказывают свои взгляды самым оскорбительным образом»; «среди белых всех наций, имеющих с ними дело, у японцев не найдется теперь ни одного друга»¹²⁰⁸. Весной 1905 г. симпатии к России устойчиво выказывали уже не менее десяти американских газет, еще полдюжины приняли участие в антияпонской кампании, развернутой “San Francisco Chronicle” в феврале – марте 1905 г. по проблеме японской иммиграции на западном побережье США¹²⁰⁹. В Сан-Франциско прошли антияпонские демонстрации, которые сопровождались даже нападениями на подданных микадо.

«Общественное мнение и пресса Соединенных Штатов... – сообщал в Петербург посол граф Кассини в марте 1905 г., – начали выражать явное беспокойство при получении последних известий с театра войны. Дальновидные и до некоторой степени влиятельные элементы страны начинают сознавать, к каким последствиям может привести настоящая война, и они задают себе вопрос, не ошиблось ли федеральное правительство, став на сторону державы, еще молодой и малоизвестной, но успевшей, тем не менее, уже проявить явные признаки чрезмерного и заносчивого тщеславия и, очевидно, считающей себя призванной разрешить сложный вопрос Крайнего Востока в ущерб законным интересам Европы и Соединенных Штатов»¹²¹⁰.

Более реалистичные оценки как своей собственной, так и российской армии, а равно вероятных итогов войны стали раздаваться и в самой Японии. Тяжело раненный под Порт-Артуром генерал Накамура (родственник упомянутого выше разведчика в Турции), в декабре 1904 г. в интервью “Kokumin” признал: «Осада Порт-Артура в действительности есть намного более трудное дело, чем кажется несведущей публике. Необходимо преодолевать не только естественные препятствия и рукотворные укрепления, но и сражаться

с отчаянно сопротивляющимся противником, который за родину готов пожертвовать жизнью»¹²¹¹. «Некоторые военные обозреватели, – говорил тогда же граф Окума своим однопартийцам-прогрессистам, – увлекаются перечислением слабых сторон нашего противника и превознесением нашей мощи ... среди наших соотечественников есть люди, склонные думать, что после сокрушительного поражения Россия потеряет свой международный вес и будет исключена из сообщества европейских наций. Это – поистине абсурдное представление»¹²¹².

Заключение

Характеристика русско-японской войны как империалистической и захватнической с обеих сторон, с которой мы начали эту книгу, общепринята в мировой историографии. Сегодня уже мало кто отрицает и факт вероломного (без объявления войны) нападения японцев на русские военные корабли в Корее и Китае как начало этого вооруженного конфликта, и то, что первый выстрел в нем был сделан именно японской, а не русской стороной. Несмотря на это, многие работы современных зарубежных историков, независимо от того, претендует ли данный автор на изобретение очередного «нового взгляда» на русско-японскую войну или нет, имеют выраженную антироссийскую окраску. Говоря о событиях 1904—1905 гг., они в первую очередь подчеркивают российскую экспансию на Дальнем Востоке и лишь затем «вспоминают» об аналогичных устремлениях островной империи. Их излюбленным мотивом снова и снова выступает противопоставление светлого и романтического образа цветущей Страны Восходящего Солнца огромному, кровожадному, коварному и вообще малопривлекательному «русскому медведю». По контрасту с Токио, за официальным Петербургом в зарубежной историографии утвердилась репутация самого «ненасытного империалиста» на Дальнем Востоке¹²¹³. В результате у читателя может сложиться в корне ошибочное представление, будто дальневосточная политика России начала XX в. была более «империалистична», «колониальна» и агрессивна, нежели Японии, и, следовательно, последняя в 1904 г. оказалась вынужденной перейти к активной обороне своих национальных интересов. По словам современного американского автора, русско-японские отношения начала XX в. «почти неизбежно вели к Порт-Артуру», поскольку в представлениях японских политиков и в общественной памяти жителей этой страны было живо осознание «вековой российской угрозы»¹²¹⁴. Как мог убедиться читатель, в том же предвзятом ключе в современной зарубежной исторической литературе излагались и продолжают излагаться многие конкретные события этой войны.

Антироссийская направленность таких исторических исследований представляется нам в первую очередь отражением, или даже атавизмом настроений, господствовавших в англоязычном мире столетней давности, а также в немалой степени следствием японской пропаганды времен войны, точнее, той ее части, которая предназначалась «на экспорт», вовне дальневосточного региона, и действовала на печатных подмостках Старого и Нового Света. Другими словами, идейно-пропагандистское воздействие Японии образца 1904—1905 гг. дает о себе знать даже по прошествии века – подобно тому, как, по наблюдениям американского исследователя Эдварда Саида, имперское прошлое столетней давности и по сей день окрашивает отношения бывших метрополий со своими бывшими колониями¹²¹⁵. Как и сто лет назад, сегодня в японской историографии и среди политиков этой страны (в особенности националистического или «правого» толка) присутствует убеждение в оборонительном и справедливом характере этой войны для Японии, они видят в ней «законный» ответ своей страны на российскую экспансию в регионе¹²¹⁶. «Если бы мы проиграли ту войну, – заявил в 1988 г. член японского парламента Хаяси Кентаро, – Япония несомненно потеряла бы свою независимость»¹²¹⁷.

Несколько ослабевать эта тенденция стала только в последние годы. В своей недавно вышедшей монографии киотский историк Ито Юкио стремится развеять укоренившийся в исторической науке и общественном сознании Японии «миф» о том, что война 1904—1905 гг. явилась вынужденным ответом этой страны на «последовательную экспансию России» в направлении Маньчжурии, Кореи и далее на юг. Ито полагает, что к началу этого вооруженного конфликта в решающей степени привели «ошибки в суждениях российской и японской сторон относительно действий друг друга», в противном случае войны можно было бы и избежать¹²¹⁸. То, что политика России в начале XX в. всерьез угрожала существованию Японии, другой современный автор называет продуктом «самого дикого воображения» – с точки зрения обеспечения безопасности островной империи, это, по его словам, была «не более, чем превентивная империалистическая война»¹²¹⁹.

Вступая в вооруженное соперничество с Японией, Петербург смотрел на него лишь как на локальный конфликт, если не как на

«карательную» экспедицию и вначале сосредоточил на театре войны едва 8% своих сухопутных сил мирного времени и треть ВМФ. Официальный Токио, со своей стороны, более всего стремился избежать превращения своего регионального конфликта с Россией в затяжную, широкомасштабную войну с участием других великих держав, которые могли вступить в нее на стороне России под влиянием опасений «желтой угрозы», иными словами, – разрастания ее в мировую. Уже по одним этим причинам именовать русско-японскую войну 1904—1905 гг. «Нулевой мировой» невозможно. Между тем, японская пропаганда как внутри страны, так и за ее пределами развивала представления об этой войне как об «одном из самых важных событий в истории человечества»¹²²⁰. Подобные оценки явились отражением того бесспорного факта, что эта война оказала огромное влияние на рост японского национального самосознания. По мнению современных японских исследователей, она обогатила «жителей эпохи Мэйдзи непосредственным осознанием интересов государства как совместной национальной судьбы, и этот опыт, в свою очередь, впервые объединил их в нацию»¹²²¹. В японской национально-государственной жизни тех лет отчетливо просматривается то сочетание «подлинно народного националистического воодушевления с систематическим, в духе Макиавелли, насаждением националистической идеологии через средства массовой информации, систему образования, административные регламентации и т.д.», на которые Бенедикт Андерсон указал как на типичные для «новых государств»¹²²². В ходе самой войны, на завершающей ее стадии, это самосознание японцев стало трансформироваться в представление о своей национальной исключительности, о Японии как якобы призванной сыграть ведущую роль не только в Азии, но и во всем мире. Учитывая степень зависимости тогдашней японской повременной печати от правительства, историк Сьюзен Макдермид именует этот постулат «одним из фундаментальных положений “официального” национализма», который, по ее мнению, и явился «действительным победителем в русско-японской войне»¹²²³.

Как стремился показать на страницах этой книги ее автор, основное содержание русофобской пропаганды военных лет составляли надуманные идеи, искусственные схемы и несостоятельные оценки,

которые в совокупности представляли собой попытку (используя выражение Бомарше) «облагородить низость средств величию цели». Особенно перечисленные черты оказались характерны для англоязычной повременной печати Запада во главе с лондонской «Times»¹²²⁴. История идейно-пропагандистского русско-японского соперничества в годы войны 1904—1905 гг. показывает, что даже такое «наполнение» пропаганды при ее умелой организации, систематическом ведении и подходящей общеполитической конъюнктуре способно нести в себе мощный идейный заряд, причем как в краткосрочной (как в случае с государствами Запада в 1904—1905 гг.), так и в более отдаленной (применительно к колониальным странам) перспективе.

Мотив о «желтой угрозе» присутствовал в публичных выступлениях некоторых российских деятелей¹²²⁵, но в правительственной пропаганде вовсе не был главным – во всяком случае, занимал в ней отнюдь не более «почетное» место, чем рассуждения японцев перед восточной аудиторией о «белой опасности» и угрозе азиатским народам со стороны «тевтонской, латинской и славянской рас». Восприятие дальневосточного конфликта как «столкновения цивилизаций», когда на карту якобы оказалась поставлена судьба человечества и «будущее всего мира», взгляд на войну как на коллизию «белого» и «желтого» миров, особенно характерные для Японии и колониальных стран Азии и Африки, России были совершенно не свойственны. Не приходилось нам сталкиваться и с призывами Петербурга на международной арене к «новому христианскому крестовому походу против языческой Японии», о которых пишет профессор М. Мацумура¹²²⁶. Говоря о таком «походе», этот историк, вероятно, имел в виду работы философа В.С. Соловьева, который еще в 1890-е годы писал о надвигающейся угрозе Европе с Востока и необходимости единения христианского мира для отражения грядущего нового «монгольского нашествия». С началом русско-японской войны подобные мотивы, действительно, звучали в российской пропаганде. Однако эти призывы не получили ни массового распространения, ни поддержки и, как справедливо заметил историк А.В. Ремнев, специально исследовавший этот вопрос, «так и не смогли глубоко проникнуть в народное сознание, застряв на уровне интеллектуальных изысков философов» и «экзотических прозрений

литераторов»¹²²⁷. В конкретных условиях 1904—1905 гг. ни о каком подобном «крестовом походе», конечно, не могло быть речи.

Наиболее смелые, «эпохальные» геополитические конструкты, сформулированные мировой прессой в пропагандистском азарте и полемическом задоре в связи с русско-японской войной, не получили подтверждения на практике. Это – и ожидания очередного вселенского катаклизма как результат вооруженного нападения на страны Запада «желтого» мира с Японией во главе, и апокалиптические предчувствия последнего относительно собственного духовного порабощения языческим Востоком, и опасения широкомасштабного вторжения «тевтонской, латинской и славянской рас» на берега Тихого океана. Однако общий вектор прогностических расчетов оказался верным, комментаторам и аналитикам начала XX в. удалось уловить некоторые макропроцессы мирового развития только что наступившего столетия. Имею в виду вступление Японии в «клуб» великих держав¹²²⁸, крушение мировой колониальной системы, в идейную подготовку которого русско-японская война внесла заметный вклад, и экономическое наступление «азиатских тигров» в масштабе всей планеты, которое мы наблюдаем сегодня.

Вступив в борьбу со значительным опозданием и далеко не обладая организационными и финансовыми возможностями противной стороны, в годы русско-японской войны российская разведка и контрразведка показали себя достойным соперником японских спецслужб и действовали не менее профессионально и эффективно. Россия и Япония осуществили несколько крупных разведывательных, контрразведывательных и подрывных операций как на собственной территории, так и во многих странах мира, на суше и на море. Одна из них связана с походом кораблей Рожественского из Балтийского и Черного морей на Дальний Восток. Этот поход стал ключевым моментом завершающей стадии войны, который во многом предопределил ее общий итог – не в пользу России. Естественно, что Япония не только пристально следила за продвижением русских военных судов, но и пыталась максимально затруднить их поход. Нам кажется весьма вероятным, что осенью 1904 г. японцы намеревались минировать европейские проливы с тем, чтобы нанести российской эскадре ущерб еще до ее появления на Дальнем Востоке. Российская контрразведка сумела вовремя выяснить эти планы и нейтрализовать

их. Обеспечение безопасного плавания эскадры превратилось для России в задачу государственной важности, которая и была с успехом выполнена соединенными усилиями Департамента полиции, МИД и морского ведомства (но не русской военной разведки, как полагают некоторые отечественные авторы¹²²⁹). Приблизиться к русским военным кораблям японские быстроходные суда (либо английские миноносцы с японскими экипажами) смогли только в открытом море, далеко за пределами «зоны ответственности» российской контрразведки. Их внезапное появление в ночь на 9 (22) октября 1904 г. на Доггер-банке спровоцировало печально известный «гулльский инцидент».

Охрана 2-й Тихоокеанской эскадры стала не только самой масштабной и продолжительной секретной операцией России в годы русско-японской войны, но и одной из наиболее дорогостоящих. Последнее не удивительно. В течение без малого года она проводилась чиновниками российских военного, морского и внешнеполитического ведомств, а также штатными и нештатными сотрудниками Департамента полиции. Помимо самой России эта операция осуществлялась на территории более десятка нейтральных стран трех континентов, к ее проведению были привлечены сотни людей, включая подданных иностранных государств, как дружественных России, так и откровенно враждебных ей. Несмотря на это, российской контрразведке удалось сохранить свою деятельность в тайне и избежать, таким образом, международных осложнений, особенно нежелательных в условиях войны и чреватых для России тяжелыми последствиями. В ходе этой операции российским спецслужбам и, в первую очередь, закордонным «агентурам» Департамента полиции и МИД в значительной степени удалось раскрыть зарубежную японскую разведывательную сеть, выяснить ее состав, методы работы и установить контроль за ее деятельностью.

Самой крупной секретной акцией японского правительства явились попытки воздействовать на внутривнутриполитическое положение России с тем, чтобы ослабить ее в военном отношении. Конкретная задача заключалась в разложении русской армии и затруднении ее комплектования, в стремлении заставить правительство отвлечь максимальное количество войск для поддержания порядка внутри империи и, таким образом, лишить его возможности усилить свою

маньчжурскую группировку. По свидетельству историка Ч. Инаба, это была первая и наиболее последовательно осуществленная попытка такого рода, когда-либо предпринятая Японией в отношении европейского государства¹²³⁰. Кроме этих чисто военных задач работа японской разведки преследовала и общеполитические цели, которые по мере затягивания войны и истощения ресурсов страны все более выходили на первый план. Речь шла о том, чтобы настолько накалить внутривнутриполитическую обстановку в России, чтобы царское правительство уже не могло более вести войну на два фронта – с врагом внешним и внутренним. Особенно энергично и последовательно в этом направлении действовало военное ведомство Японии, которое руководствовалось сформулированным генералом М. Тераучи принципом: «Во время войны все средства вредить врагу – хороши». Загипнотизированные мифическими шестизначными цифрами количества членов российских революционных партий (действительная численность наиболее крупных из них – ПСР и РСДРП – в это время находилась в пределах 50—60 тыс. человек), японские стратеги переоценили их возможности и степень влияния на ход революционных событий.

В этом своем стремлении правительство Японии пошло на прямое финансирование деятельности российских революционных и оппозиционных организаций, передав им за годы войны не менее миллиона иен (по современному курсу, свыше 5 млрд иен, или более 40 млн долларов), не считая значительных трат японской казны на содержание и обеспечение деятельности своей агентуры в Западной Европе. Только переданная русским революционерам и огромная по тем временам сумма была вполне достаточна для постройки военного корабля среднего класса, и все это – в условиях жесточайших финансовых затруднений, которые, по данным русской разведки, Япония испытывала уже с лета 1904 г. Для сравнения укажем, что многомесячная операция по охране 2-й Тихоокеанской эскадры обошлась российскому Морскому министерству примерно в 500 тыс. рублей, то есть в сумму, вдвое меньшую, чем было потрачено японским правительством на «русскую революцию».

Объектами финансирования Японией явились партия социалистов-революционеров, которую японцы считали «наиболее организованной» среди других революционных партий, игравшей

«руководящую роль в оппозиционном движении» России¹²³¹, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Польская социалистическая партия и Финляндская партия активного сопротивления. Кроме того, прямые контакты с полковником Акаси, главным действующим лицом всего этого предприятия с японской стороны, поддерживали руководители армянской партии Дашнакцутюн и польской Лиги народной. Таким образом, наиболее активными сподвижниками Акаси в попытке подготовить и провести вооруженное восстание в России на японские деньги выступили национальные партии, в первую очередь – польские, финские и кавказские. Что касается РСДРП, то настойчивое стремление лидеров ее большевистского крыла принять участие в дележе японского «пирога» успехом не увенчалось и благодаря позиции своего меньшевистского руководства партия лишь отчасти оказалась замешанной в эти неблагоприятные махинации.

Однако в целом в 1904—1905 гг. руководители революционных организаций продемонстрировали готовность пренебречь общегосударственными интересами и пойти на соглашение с военным противником России для достижения своих партийных целей. Объективно их агитационно-пропагандистская деятельность явилась частью антироссийской пропаганды Японии и ее союзников, которые, в свою очередь, использовали «внутреннюю» российскую революционную пропаганду как дополнительный инструмент в деле дискредитации официального Петербурга. Как следствие – пресса Японии охотно и без купюр публиковала агитационно-пропагандистские произведения революционеров¹²³² (ни одна другая революционно-социалистическая организация мира такой «чести» на страницах умеренной японской печати не удостоивалась), а ее официальные представители в странах Западной Европы с готовностью помогали революционной эмиграции снабжать своей литературой русских военнопленных.

Что касается самих российских леворадикалов, то приоритетной для них оставалась борьба с царским правительством, ради победы в которой они были готовы использовать любые средства. Выяснением этого, сокрушительного для репутации российских революционеров, обстоятельства, собственно говоря, и исчерпывалась «положительная» сторона миссии Акаси. «Нечаевщина» и породила «нечаевых». Не

удивительно, что активными «фигурантами» в этой истории с российской стороны выступили разного рода авантюристы, люди с далеко небезупречной репутацией и темным прошлым:

Азеф, Гапон, Деканозов, Балог-де-Галонт и др. Интересно, что в составленной уже после войны записке «Об организации и службе Разведочного отделения Главного морского штаба» ее автор, лейтенант флота Б.О. Доливо-Добровольский предлагал сотрудникам проектируемого им Отделения в числе других собирать сведения и о революционных партиях. Их «антимилитарная» программа, считал он, «при энергии, активности и влиянии лидеров (напр[имер], Жорес, Бебель) отлично сможет служить целям другого государства»¹²³³.

Японская помощь коснулась таких важнейших направлений деятельности представителей российского освободительного движения, как печатание и распространение нелегальной литературы, упрочение межпартийных связей, военно-техническая подготовка вооруженного восстания. При этом, руководствуясь чисто прагматическими целями, правящие круги Японии, включая монархически и националистически настроенное офицерство, безусловно, не испытывали ни малейших симпатий к антисамодержавным лозунгам своих временных союзников, не говоря уже о социалистических идеалах некоторых из них. Как справедливо замечает историк А. Куяла, японский Генеральный штаб стремился использовать российских революционеров в качестве военных наемников, и только¹²³⁴. Не случайно, что источник денежных средств был перекрыт в Токио сразу после начала русско-японских мирных переговоров¹²³⁵.

Субсидирование из Токио деятельности российских революционных и оппозиционных партий не повлияло сколько-нибудь заметным образом ни на итог русско-японской войны, ни на ход русской революции, которая развивалась по своим внутренним законам. В этом смысле японская разведка сработала в Западной Европе вхолостую и огромные средства были потрачены напрасно. Все обильно сдобренные японским золотом начинания, соответствовали ли они объективным потребностям освободительного движения в данный момент или нет, не оказали серьезного влияния на события внутри России. Обе финансирувавшиеся Японией межпартийные конференции (Парижская 1904 г. и Женевская 1905 г.) вопреки

ожиданиям их устроителей не привели к созданию сколько-нибудь прочного блока партий. Более того, подозрения о причастности к проекту партийного единения японцев явились препятствием к образованию широкого фронта революционных партий. Поэтому их подрывная деятельность во многом «явилась контрпродуктивной для дела революции»¹²³⁶. Точно так же не состоялось «запланированное» на июнь 1905 г. вооруженное восстание в Петербурге, провалилась попытка ввоза оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон» летом этого года. Успешно закончившееся в конце 1905 г. путешествие парохода «Сириус», доставившего на Кавказ порядка 8 тыс. винтовок и большое количество боеприпасов, также нет оснований расценивать как событие, решающим образом повлиявшее на ход освободительного движения в России. Достаточно сказать, что в декабре 1905 г. только в одном (Озургетском) уезде Грузии действовало до 20 тыс. повстанцев. В общем, как выяснилось, партийных функционеров «купить» можно, а революцию – нет, и, таким образом, деятельность Акаси с самого начала была обречена на неуспех.

Самой успешной операцией японской разведки стал сбор секретных сведений о России на самой ее территории, особенно в предвоенные годы. Царский режим оказался не в состоянии противостоять ее натиску и эту важнейшую фазу войны на «невидимом фронте» (как, впрочем, и на фронте видимом), несмотря на ряд частных успехов, проиграл. Безответственность и гнилость верховной власти, рутинная, непрофессиональная, меж- и внутриведомственные противоречия, серьезные организационные и кадровые просчеты, отчасти недостаточное финансирование – таковы причины, по которым японская разведывательная сеть в России, которая была создана еще в довоенный период, раскрыта и обезврежена не была. Так же неудовлетворительно, как и контрразведка на территории империи, в предвоенные годы сработала российская военная разведка за рубежом. В результате русское командование не имело достоверных сведений ни о стратегических планах будущего противника, ни о численности японских вооруженных сил, систематически занижая ее в своих расчетах. Несостоятельность военной разведки и, как следствие, недооценка противника в конечном итоге привели Россию к поражению в этой войне.

Провалы и недоработки военной разведки пришлось исправлять уже в ходе самой войны силами гражданских ведомств. Наибольшие успехи в этой сфере связаны с деятельностью специальной секретной службы, так называемой «шанхайской агентуры», образованной в начале апреля 1904 г. по «высочайшему повелению» по ходатайству наместника на Дальнем Востоке. Созданная «на ходу» и вынужденная действовать в крайне неблагоприятной, практически, военной обстановке, через считанные месяцы после возникновения она превратилась в мощный разведывательный центр с разветвленной агентурой, которой удавалось одинаково успешно бороться как с японской разведкой на Дальнем Востоке, так и поставлять русскому военному и политическому руководству ценнейшую и разностороннюю информацию о противнике. Наряду с этим глава шанхайской «разведочной службы», бывший российский посланник в Корею А.И. Павлов и его сотрудники, чиновники МИД и Министерства финансов, занимались негласным «руководительством» китайской и корейской прессы, слежкой за передвижениями японских морских офицеров по странам Юго-Восточной Азии и в Индонезии, закупали для эскадры Рождественского уголь и вспомогательные суда, трудились над организацией диверсий в тылу японской армии, покупали и доставляли продовольствие в блокированный японцами Порт-Артур, а после его сдачи участвовали в эвакуации на родину раненых солдат гарнизона и нескольких тысяч гражданского населения.

Параллельно «шанхайской агентурой» были собраны ценные сведения о деятельности на Дальнем Востоке Великобритании, которая, фактически, явилась «нештатным» участником русско-японского вооруженного конфликта. Не удивительно, что близкое знакомство с подданными этой страны в Индокитае привело российского консула Бологовского к заключению, что «главным и единственным» врагом России на Востоке была не Япония, а именно Англия. «Не Россия борется в настоящее время с Японией, – писал он в августе 1904 г., – а русское влияние на Востоке с английским влиянием»¹²³⁷. На это нередко указывали и русские периодические издания консервативного направления.

После войны опыт и связи, приобретенные «шанхайской агентурой» в 1904—1905 гг., остались невостребованными. Ее руководитель, который для России смог сделать несопоставимо больше, чем

полковник Акаси для Японии, был неосновательно заподозрен в крупных злоупотреблениях и отправлен в отставку, став, таким образом, жертвой интриг военной бюрократии и недобросовестных журналистов. Высшее руководство страны оказались не в состоянии по достоинству оценить не только работу, сделанную его секретной службой в годы войны, но и необходимость ее продолжения в послевоенный период, – все предложения на этот счет в Петербурге были проигнорированы.

Театр русско-японской войны 1904—1905 гг. явился также передним краем идейно-пропагандистской борьбы Японии и России. Важнейшей «площадкой» их культурного соперничества стала туземная и иноязычная печать стран Дальнего Востока. К освоению здешнего идейно-пропагандистского пространства Токио приступил еще в середине 1890-х годов, сразу после своей победоносной войны с Китаем. Союзный договор 1902 г. с Великобританией, заключенный, по признанию самих японцев, преимущественно «для противодействия поступательному движению России на Востоке», укрепил позиции Японии на мировой арене и стал краеугольным камнем всей ее внешней политики¹²³⁸. В результате с первых дней вооруженного конфликта с Россией японская пропаганда рука об руку с британской повела наступление широким фронтом, наряду с негласным субсидированием «независимой» дальневосточной прессы, используя методы активной открытой антирусской агитации. Годовой бюджет ее центрального пропагандистского аппарата, по русской оценке, составлял не менее 10 млн иен, или сумму, кратно превышавшую траты японского Генштаба на разложение своего противника изнутри путем тайного финансирования его революционных партий и военно-технической подготовки вооруженного восстания в России.

Благодаря всему этому, в первые месяцы войны Япония доминировала на региональном и западном информационном пространстве, убеждая мировое сообщество, что не она, а Россия является подлинной виновницей и инициатором вооруженного конфликта на Дальнем Востоке. Успех Японии в позиционировании себя как миролюбивой, бескорыстной, цивилизационно близкой Западу державы получил в ее дальневосточной пропаганде парадоксальное преломление. Он позволил Токио отбросить

первоначальные тревоги относительно возможного вступления в войну на стороне России других западных стран, движимых опасениями «желтой угрозы», и активизировать паназиатскую пропаганду среди своих ближайших соседей и соплеменников. «Япония стремится сгруппировать вокруг себя все народы Востока, дабы новой коалицией стран желтой расы оказать могущественный противовес всякому влиянию белолицых», – заключил Л.Ф. Давыдов, воочию наблюдая работу ее пропагандистской машины на Дальнем Востоке¹²³⁹. В годы русско-японской войны Япония пошла по пути идеологической ассимиляции (по терминологии Альфреда Рибера¹²⁴⁰) азиатских народов – ближайшего объекта своего культурного воздействия. Ее паназиатская пропаганда, с одной стороны, стала ферментом для активизации антиевропейских настроений в Китае и Корее, с другой – выступила частью «лексикона власти» Токио в Азии, явившись идеологическим фундаментом для продолжения экспансии Японии на Азиатском материке и ее попыток утвердить там «новый порядок» под своей эгидой четверть века спустя. Культура самой Японии 1890—1945 гг., считает Вера Маки, «была пропитана чертами колониальной и имперской державы, сама японская идентичность являлась идентичностью субъектов империи»¹²⁴¹.

Стеснительные условия, в которые, вопреки предостережениям дипломатов, японские власти поставили своих и зарубежных военных корреспондентов в годы русско-японской войны, способствовали сохранению военных секретов. Однако последовавший массовый отъезд из японских пределов представителей иностранной прессы явился серьезным ударом по возможностям и потенциалу пропагандистской деятельности Токио. Эта коллективная акция протеста изначально дружественной печати сильно уменьшила возможности воздействия на нее японской пропаганды и превратила журналистов при русских войсках в Маньчжурии в монопольных поставщиков дальневосточных известий и комментаторов войны с места ее главных событий. Между тем, как замечает современный исследователь¹²⁴², именно характер новостей с театра войны выступал основным фактором в получении Японией внешних займов. Перспектива же потерять кредит на Западе для нее была равносильна военному поражению. К осени 1904 г. ее доминирующее влияние на дальневосточную печать также было утеряно, а выхолощенная

цензурой японская пресса теряла авторитет внутри и вовне («каждая попытка внедрить тотальный контроль подрывает воодушевление общественности», – отмечает С. Фёрстер¹²⁴³). В результате машина японской пропаганды забуксовала, и противная сторона получила возможность перейти в пропагандистское контрнаступление.

Что касается яростной антирусской риторики Токио времен русско-японской войны, то последующие события, особенно период «исключительной русско-японской дружбы» 1914—1917 гг., доказали ее во многом конъюнктурный характер. В годы Первой мировой войны виновником своего недавнего вооруженного конфликта с Россией японская печать выставила уже Германию (“Asahi”), а со своим северным соседом призвала установить «долговечные добрососедские отношения», указывая, что такой союз станет «союзом идеальным, союзом, которого требует сама природа» (“Osaka Mainichi”) – правда, при условии признания Петроградом политического и экономического преобладания Японии в Китае. Всенародные торжества лета 1916 г. по случаю заключения военно-политического союза с Россией – банкеты с участием первых лиц государства, многодневные массовые манифестации, нескончаемый улично-газетный «банзай!» здоровью и процветанию русского императора, его семье, подданным и вооруженным силам – казалось, вычистили из общественного сознания антироссийские стереотипы времен русско-японской войны. Однако на деле они оставили столь глубокий отпечаток в исторической памяти японцев, что неприязненное отношение к России по сей день является устойчивым «коллективным верованием» почти 80% из них, – груз негативных клише и сегодня продолжает отягощать отношения двух стран¹²⁴⁴. «Традиционная враждебность и безразличие» японцев к России давно стали общим местом и в историографии.

Самодержавная бюрократия, не умея, а часто и не желая конструктивно взаимодействовать со своей прессой, в решении внешнеполитических проблем отводила мнению российского общества лишь «эпизодическую роль»¹²⁴⁵. В то же время она придавала значение созданию благоприятного образа России на мировой арене, а начало войны с Японией еще больше актуализировало эту задачу. По мнению Майкла Хьюза, Теодора Тарановски и других западных исследователей, учет фактора

общественного мнения явился одним из признаков упадка старой, «кабинетной» дипломатии и вступления внешней политики царизма в переходную эпоху, которая в основном завершилась к Первой мировой войне¹²⁴⁶. Соответственно этому, Бюро печати в центральном аппарате МИД начало функционировать только в думский период, а решение о создании пресс-служб в составе русских зарубежных представительств «в целях более правильного и широкого осведомления зарубежного мнения о внутренних делах России» было принято уже Временным правительством – в августе 1917 г.¹²⁴⁷

Вступив в идейно-пропагандистское соперничество с Токио с большим опозданием, Петербург руками своих военных и гражданских представителей на Дальнем Востоке попытался переломить русофобский настрой региональной печати и завоевать симпатии азиатских народов. При сходстве тактики, задачи и организационно-финансовые ресурсы ее пропагандистской деятельности были намного скромнее японских. Отражая идеологические атаки противной стороны, российская пропаганда стремилась не более чем создать в странах региона то, что сегодня часто именуют “*mainstream effect*”, или “*climate of opinion*”, – сделать благожелательную в отношении России тенденцию туземных общественных настроений господствующей. Другая цель заключалась в том, чтобы подорвать образ Японии как цивилизованной миролюбивой страны и показать подлинную (экспансионистскую) направленность ее дальневосточного курса.

Осуществить задуманное в полной мере не удалось, призывы доморощенных «востокофилов» решать имперские задачи на Дальнем Востоке «во всеоружии культурного влияния на Китай и китайцев»¹²⁴⁸ остались фигурами речи. Региональные газеты, которые находились под русским контролем, смогли лишь поколебать монополию японского воздействия на дальневосточную аудиторию и снизить «градус» ее прежде «необузданной» японофилии. По признанию М.Ф. Квещинского, на излете русско-японской войны Япония почти так же «бесконтрольно управляла умами китайцев»¹²⁴⁹, как и в ее начале. «Война и непрерывные победы японцев, – доносил в октябре 1905 г. в Брюссель бельгийский посланник в Пекине, – безусловно произвели огромное впечатление если не на массу, то на образованный класс китайцев. С белой расы снят ореол непобедимости, который

обеспечивал ей если не симпатию, то уважение китайцев... В печати, в собраниях воспевается эта победа и из нее выводят заключение, что если 40 миллионов японцев продиктовали свою волю самой грозной европейской державе, то 400 миллионов китайцев, хорошо вооруженных и умело руководимых, могут справиться со всем миром»¹²⁵⁰. Исследователи также отмечают отношение китайцев к Японии тех лет как к наставнику, у которого следует поучиться; паназиатская проповедь Токио находила отклик в широком спектре китайского общества, от придворных кругов до революционеров, с последующим «великим исходом» китайцев на учебу в Японию¹²⁵¹. Проекты Петербурга распространить свое идейное влияние на остальную Азию провалились – в годы русско-японской войны симпатии крупнейших колониальных народов Востока также оставались на японской стороне¹²⁵².

Вместе с тем, усилия России по обретению «своей» прессы в Китае и Корее оказались бесполезными. Региональная печать, находившаяся под ее негласным контролем, вместе с зарубежными военными корреспондентами выступила «рычагом» для воздействия на мировое общественное мнение в выгодном для России, антияпонском духе. В результате их скоординированных шагов с осени 1904 г. прежний «глянец» образа Японии, несмотря на ее продолжавшиеся военные успехи, стал тускнеть (что, однако, не добавило популярности в мире дальневосточной политике Петербурга). Новый всплеск антироссийских настроений на Западе в связи с октябрьским (1904 г.) «гульским инцидентом» уже не имел японофильской подоплеки и тихо сошел на нет в ходе международного расследования действий русской эскадры в Северном море. Мало того, в ходе обсуждения этого инцидента западноевропейские публицисты, вспомнив обстоятельства начала дальневосточной войны, впервые заговорили о Японии, как об агрессоре. К моменту подписания Портсмутского мирного договора мировая печать была настроена уже заметно настороженнее к Японии и благожелательнее к России, нежели в начале дальневосточной войны. Ход портсмутских переговоров, условия мира и особенно массовые протесты в самой Японии против его «унизительных» статей подорвали представление об альтруизме ее политики. Помимо этого в ходе беспорядков 5—6 сентября 1905 г. иностранцам угрожали физической расправой, в

одной японской столице было разгромлено с десятков культовых сооружений неправославных христиан. Не удивительно, что на Западе «токийский бунт» расценили уже как конфликт цивилизационного уровня с неизбежным последующим охлаждением прояпонских симпатий¹²⁵³.

В послевоенные годы противоречия между Японией и ее англо-американскими союзниками продолжали нарастать. Это не замедлило сказаться на состоянии дальневосточного информационно-пропагандистского «поля». По сведениям русского военного атташе, в марте 1906 г. пекинский корреспондент “Times” Дж. Моррисон получил редакционное задание «развить газетную кампанию против Японии, политикой которой, особенно относительно Кореи, Англия недовольна»¹²⁵⁴. С изобличением японского курса в Корею в печати вскоре выступил и его коллега Ф. Маккензи¹²⁵⁵. В США десятилетие спустя «рейтинг» Японии оказался столь низок, что ее политическим, общественным и торговым кругам, по словам российского посла в Токио В.Н. Крупенского, потребовалось более года «упорной и планомерной работы», чтобы вновь расположить к себе общественное мнение Америки¹²⁵⁶. Несмотря на это, в начале 1920-х годов слово «Япония» по-прежнему ассоциировалось в сознании американцев с понятием «желтой угрозы»¹²⁵⁷. Восприятие западным сообществом Страны Восходящего Солнца оказалось чрезвычайно зависимым от политической конъюнктуры.

Приложение

№ 1

Секретная телеграмма ДСС А.И. Павлова министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу¹²⁵⁸

Порт-Артур, 4/17 апреля 1904 г.

По всестороннем обсуждении с наместником вопроса о могущей представиться для меня деятельности при главной квартире выяснилось, что мое присутствие в Мукдене, вероятно, потребуется не ранее сентября. До того времени генерал-адъютант Алексеев полагал бы наиболее целесообразным командирование меня в Шанхай с тем, чтобы я, оставаясь в согласии с Лессаром¹²⁵⁹, при участии нашего генерального консула и агентов военного и Министерства финансов организовал в более широких размерах дело добывания и доставления наместнику и командующему армией и флотом возможно точных секретных сведений о происходящем в Японии и Корее, особенно в отношении военного положения. На меня же предполагалось бы возложить общее наблюдение за подвозом японцам военной контрабанды из портов Дальнего Востока и принятие мер к возможному ограничению оной. Для практического осуществления этих задач генерал-адъютант Алексеев имеет в виду снабдить меня инструкцией и предоставить в мое распоряжение соответствующие специальные суммы. Наместник с своей стороны телеграфирует по этому поводу Вашему сиятельству. Если настоящее предположение состоится, я мог бы безотлагательно отправиться обратно в Шанхай, заехав по пути в Пекин, дабы переговорить с посланником по некоторым подробностям моей будущей программы.

АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 2973. Л. 10—10 об.; Д. 3027. Л. 121 об.

№ 2

Секретная телеграмма генерал-адъютанта Е.И. Алексеева графу В.Н. Ламздорфу

Порт-Артур, 4 апреля 1904 г. [1260](#)

Вполне разделяю соображения, изложенные в телеграмме нашего посланника в Корею к Вашему сиятельству от сего числа. Считаю весьма полезным и необходимым испросить высочайшее соизволение по возложению на него особенного поручения, как проектировано в телеграмме.

*АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 2973. Л. 11; Д. 3027.
Л. 121 об.*

№ 3

Шифрованная телеграмма графа В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву в Порт-Артур

Петербург, 5 апреля 1904 г.

№ 249

Государю императору благоугодно было высочайше одобрить высказанные посланником в Корею соображения и соизволить на отъезд ДСС Павлова в Шанхай для выполнения проектированного поручения. Об этом вместе с сим сообщается г. Павлову.

*АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 2973. Л. 12; Д. 3027.
Л. 122.*

№ 4

**Инструкция генерал-адъютанта Е.И. Алексеева ДСС
Павлову**

Порт-Артур, 7 апреля 1904 г.

№ 143

Весьма секретно

Милостивый государь Александр Иванович, По высочайшему повелению на Ваше превосходительство возлагается обязанность, избрав местом Вашего пребывания г. Шанхай, организовать и объединить дело собирания секретных сведений относительно положения дел в Японии и Корее с точки зрения военных операций, финансового состояния и вообще всего, что могло бы представлять для нас существенное значение в связи с настоящими обстоятельствами. На Вас же имеется в виду возложить руководство по приведению в исполнение некоторых других специальных секретных поручений. При этом Вам будет оказано полное содействие наших военных агентов в Шанхае и Тяньцзине, а равно также агента нашего Министерства Финансов в Шанхае, с коими одновременно с сим будет сделано на этот предмет соответствующее сношение. Равным образом Вам надлежит лично ознакомить нашего посланника в Пекине с подробностями возложенного на Вас дела и условиться с ним относительно установления совместного с Вами образа действий со стороны нашего генерального консула в Шанхае и прочих наших консульских агентов в Китае.

О всех мероприятиях, кои будут делаемы Вами в связи с возложенными на Вас задачами, равно как о потребных на сей предмет расходах Вы будете доносить мне, дабы для покрытия их Вам мог бы быть открыт соответствующий кредит из находящихся в моем распоряжении специальных средств.

Что же касается до секретных сведений, кои будут Вами добываемы, то независимо от доставления их мне Вам надлежит те из них, которые

будут иметь срочный характер и специальный интерес для командующего армией или командующего флотом, передавать по телеграфу также и непосредственно этим лицам по принадлежности.

О времени Вашего прибытия в Шанхай благоволите меня уведомить.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Е. Алексеев

АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 2973. Л. 14—14 об.; Д. 3027. Л. 122.

№ 5

Шифрованная телеграмма И.Ф. Манасевича-Мануйлова директору Департамента полиции А.А. Лопухину

Париж, 12 апреля 1904 г.

Представляется возможность иметь шифрованные телеграммы, адресованные [в] Париж японскому посланнику, военному, морскому агентам, а также дешифровать, могу доставлять телеграммы шифрованными; [в] нашем министерстве иностранных дел умеют разбирать японский шифр¹²⁶¹ или дешифровать здесь. Ввиду некоторых обстоятельств пришлось посвятить [в] дело посла; прикажете давать депеши послу или отправлять Вам, жду приказаний телеграммой.

Ivan

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1. Л. 45.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 14.*

№ 6

Шифрованная телеграмма А.А. Лопухина

И.Ф. Манасевичу-Мануйлову

Петербург, 12 апреля 1904 г.

Renseignements¹²⁶² японских телеграмм передавайте по телеграфу мне, минуя посла.

Loroukhin

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1. Л. 46.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 14.

№ 7

Шифрованная телеграмма ДСС Павлова в МИД

Шанхай, 24 мая 1904 г.

По секретным сведениям генерала Дессино¹²⁶³, японцы независимо известных уже отправок в различные порты своих минных и водолазных офицеров, уже начали скупать и фрахтовать быстроходные иностранные коммерческие пароходы, которые они намерены снабдить беспроволочным телеграфом и ко времени выступления Балтийской эскадры держать под нейтральным флагом в море в тех местах, где, по предположениям японцев, эскадра будет проходить в сравнительно близком от берега расстоянии. В каждом таком месте предположено держать в крейсерстве несколько пароходов с таким расчетом, чтобы расстояние между каждыми двумя и между крайними и берегом допускало передачу до берега беспроволочной депеши для

осведомления японского правительства о точном времени прохода эскадры через данный пункт. Весьма вероятно, что на этих же пароходах будут иметься бросательные мины. При таких условиях очевидно, что чем меньше эскадра наша при движении своем будет приближаться к берегам и чем больше она вообще будет уклоняться от обычного следования военных судов из Европы на Дальний Восток, тем вернее можно будет парализовать успех предпринимаемых японцами мер. С другой стороны, если в действительности для отправления эскадры будет избран кружной путь, например, мысом Горна или вокруг Африки, может быть представлялось бы желательным возможно более осторожно подкрепить в иностранцах, а через них и в японцах убеждение, что эскадра пойдет обычным путем через Суэц.

*АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 2978. Л. 115—116.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 15.*

№ 8

Секретная телеграмма А.И. Павлова в МИД

Шанхай, 1 июня 1904 г.

Консул в Гонконге [К.Ф. Бологовский] телеграфирует: ... 8-го июня (н. ст.) в Гонконг прибыли из Японии на германском пароходе «Джаксен» еще 4 японских морских офицера и 4 водолаза, 9-го июня на японском пароходе «Америка-мару» 2 офицера и 8 водолазов; что 11-го июня все эти 18 японцев купили в местном магазине турецкие фески и сегодня 14-го июня нов[ого] стиля выезжают все вместе на английском пароходе «Фримантель» в Порт-Саид, откуда будто бы должны на другом пароходе направиться в Константинополь и потом в Черное море. Дабы проверить и проследить их, казалось бы практичнее иметь на названном пароходе нашего секретного агента уже на переходе от Адена до Порт-Саида.

*РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 401—402. Копия.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 15.*

№ 9 Секретная телеграмма А.И. Павлова в МИД

Шанхай, 2 июня 1904 г.

На ушедшем 28-го мая из Шанхая французском пароходе «Австралиен» находились 4 японца, ехавшие в 3-м классе с билетами до Марселя и выдававшие себя за странствующих акробатов. Предупрежденный об этом наш консул в Гонконге сегодня телеграфирует, что по прибытии туда названного парохода все 4 японца оставили его; оказались капитан 1 ранга Курацо, полковник Аракава и морские артиллеристы офицеры Катака и Курушима. Они присоединились к 18 японцам, помянутым в моей телеграмме от 1-го июня и вместе с ними, всего 22, отбыли вчера с рассветом на пароходе «Фримантель» в Константинополь [1264](#).

*РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 402. Копия.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 16.*

№ 10

Шифрованная телеграмма командира канонерской лодки «Манджур» лейтенанта Головизнина в Главный морской штаб

Шанхай, 6 июня 1904 г.

№ 107

Адмиралу Рожественскому. На пути следования эскадры японцы готовят разные затруднения. Очень трудно проследить их намерения, но достоверно известно, [что] проехали [в] Гонконг 27 офицеров, из

которых 20 флотских. Япония покупает для Индийского океана, Красного моря пароходы, яхты, станции телеграфа без проводов. Пароходы будут под нейтральным флагом и снабжены разного вида минами. В портах будут иметь агентов. Желательно было бы иметь [в качестве] своих агентов частных лиц, которые теперь бы могли наблюдать, потом предупредить эскадру.

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 330. Копия.

№ 11

Письмо управляющего Морским министерством Ф.К. Авелана министру внутренних дел В.К. фон Плеве

Петербург, 7 июня 1904 г.

№ 2718

Весьма секретно

Милостивый государь Вячеслав Константинович.

В дополнение письма моего от 24 мая № 2448 имею честь препроводить при сем Вашему высокопревосходительству копии новых донесений ДСС Павлова относительно предпринятой японцами экспедиции в Черное море. Имею честь покорнейше просить не отказать зависящими распоряжениями о недопущении их проникнуть в пределы империи.

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 333.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 16.

№ 12

Донесение И.Ф. Манасевича-Мануйлова А.А. Лопухину

Париж, 5 июля 1904 г.

Вчера я встретил случайно известного Вашему превосходительству проф. Фредериксена¹²⁶⁵, который между прочим мне сообщил следующее: назначение князя И.М. Оболенского на пост Финляндского генерал-губернатора встречено в финляндских кружках с большим раздражением. Князю предстоит весьма трудная борьба, так как всякое его новое мероприятие будет истолковано в отрицательную для него сторону. Состояние умов в Финляндии крайне приподнятое и при наличии агитации шведоманов должно ожидать ряд неожиданностей весьма неприятного свойства. Возможно, что кн. Оболенского постигнет та же участь, что генерала Бобрикова¹²⁶⁶. Страсти разыгрались и умеренная партия не в состоянии больше удерживать крайних, которые полагают, что настал момент протеста в какой бы то ни было форме. За последнее время финляндцы значительно сблизились с русскими и польскими революционерами, причем посредником в данном вопросе явился Циллиакус, редактор газеты «Fria Ord». Он еще недавно был в Париже и в Лондоне с целью окончательно установить сношения между фин[ляндцами] и рев[олюционными] партиями. Единение это же особенно популярно и многие старались реагировать, но протесты даже таких влиятельных лиц как Мехелин¹²⁶⁷ остались тщетны.

Коснувшись убийства ген. Бобрикова, проф. Фредериксен сказал мне, что, по его сведениям, Шауман не имел сообщников. В одно из своих свиданий с Циллиакусом и Эрштремом Шауман, между прочим, высказал мысль, что только насильственные меры могут изменить настоящее положение вещей в Финляндии. Может быть, Циллиакус и знал о замыслах Шаумана, но он, как утверждает профессор, никогда об этом никому не проговорился.

В заключение беседы г. Фредериксен заметил, что между финляндцами и японцами существуют постоянные сношения, но подробностей по сему предмету он не знает. По его словам, японцы имеют также сношения с польскими революционерами с целью организовать в Привислянском крае серьезные демонстрации. В бытность свою недавно в Лондоне г. Фредериксену пришлось слышать от лиц, близко стоящих к партии польских социалистов, что посредником между этой партией и японцами, между прочим, является

революционер Малиновский¹²⁶⁸, который будто бы недавно получил от японцев значительные суммы денег.

О вышеизложенном считаю долгом почтительнейше донести Вашему превосходительству.

Valtionarkisto. Antti Hackzell Collection. № 32.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 16—17.

№ 13

Из письма контр-адмирала З.П. Рожественского заведующему транспортными судами 2-й эскадры флота Тихого океана капитану 1-го ранга О.Л. Радлову

Петербург, 6 июля 1904 г.

Весьма секретно

Ввиду предстоящего перехода транспортов из Черного моря на соединение со 2-й эскадрой флота Тихого океана, я намерен сим ознакомить Вас с некоторыми частностями политической и стратегической обстановки, которые могут встретиться до присоединения к флоту судам транспортного отряда.

Из различных источников за последнее время получают непрерывные известия об организации Японией целой системы предприятий и ряда покушений на суда нашей эскадры во время следования на театр военных действий. Япония фрахтует иностранные быстроходные коммерческие пароходы и яхты для устройства линий беспроволочного телеграфа, причем по некоторым данным можно предположить, что на этих пароходах устанавливается артиллерия и имеются разного рода мины. В половине мая с.г. замечалось усиленное движение через английские колонии на востоке японских морских офицеров, минных и водолазных, чрез порта Красного моря в Европу с различными грузами, в числе которых были даже ящики с парю 25-фунтовых мин в каждом.

[...] Все поступающие известия дают возможность предположить, что со стороны Японии будут использованы самые разнообразные средства для нанесения вреда судам нашей эскадры и особенно транспортам, на которые напасть можно сравнительно безнаказанно при следовании чрез Проливы в Средиземное море. Надо полагать, что транспорты могут подвергнуться нападению со стороны коммерческих пароходов под нейтральным флагом, вооруженных главным образом минами...

РГА ВМФ. Ф. 531 (2-я Тихоокеанская эскадра). Оп. 1. Д. 93. Л. 2—2 об.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 17—18.

№ 14

Секретная телеграмма П.В. Максимова графу В.Н. Ламздорфу

Александрия, 12 июля 1904 г.

Посылаю в Аден агента, которому поручено следить за японцами до Саида¹²⁶⁹. Прошу Свечина¹²⁷⁰ выслать в Каир верного человека, который на случай прибытия японцев в Суэцкий канал смог с большим успехом, чем здешние агенты, проследить за дальнейшими действиями и маршрутом японцев. На будущей неделе лично переговорю с Свечиным. Воеводский¹²⁷¹ и Максимов займутся насколько возможно устройством тайной агентуры, тем не менее присылка в Порт-Саид опытного специалиста по этому делу была бы крайне необходима. Нашим консулам в сношениях с разведчиками постоянно будет мешать их официальное положение.

АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра). Оп. 470. 1904. Д. 2. Л. 53 об.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 18.

№ 15

Из секретной телеграммы А.И. Павлова в МИД

Шанхай, 20 июля 1904 г.

[...] Известие об убиении министра Плеве вызвало в Японии нескрываемое ликование. Японские студенты открыто высказывали Б[але], будто все последние политические покушения в России готовились и руководились японскими, английскими агентами, кои поддерживают действующую у нас революционную пропаганду материальными средствами.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 491. Д. 2976. Л. 2 об.—3.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 18.

№ 16

Письмо А.А. Лопухина товарищу министра внутренних дел П.Н. Дурново

Петербург, 3 августа 1904 г.

Во исполнение приказания Вашего превосходительства имею честь доложить, что вскоре по открытии военных действий на Дальнем Востоке Департамент полиции при посредстве чиновника особых поручений при министре внутренних дел Мануйлова стал пытаться организовать правильное наблюдение за представителями японского правительства в западноевропейских государствах и уже в феврале месяце, благодаря полному содействию начальника французской секретной полиции Кавара и начальника Разведочного бюро при министерстве внутренних дел Моро, удалось получить копии всех телеграмм японской миссии в Париже, а также, ввиду существующей

во французском Бюро секретной агентуры в японской миссии, г-н Мануйлов регулярно стал получать значительное количество документов из парижской миссии. Затем, по предложению французской полиции, г-н Мануйлов расширил свою деятельность и установил правильное наблюдение при посредстве домашней прислуги в японских миссиях в Лондоне и Гааге, и кроме того в настоящее время происходят переговоры об учреждении нашей секретной агентуры в японских миссиях в Стокгольме и Вене.

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 2. Л. 157—157 об.
Опубл.: Японский шпионаж в царской России: сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944.
С. 187—188; Исторический архив. 1994. № 3. С. 19.*

№ 17

Справка Департамента полиции

31 июля 1904 г.

Представляемые к почетным наградам французские граждане оказали содействие русским властям при организации дела по получению с марта сего года агентурным путем копий шифрованных телеграмм и других секретных документов японских посланников в Париже и Гааге, адресованных японскому правительству; кроме того, имеются основания предполагать, что благодаря содействию вышеупомянутых лиц в самом непродолжительном времени представится возможность также учредить наблюдение за корреспонденцией японского посланника в Лондоне.

В настоящее время в Департаменте полиции имеется более двухсот телеграмм и различных документов как политического, так и военно-разведочного характера, кроме того на днях удалось приобрести секретным путем ключ для разбора упомянутых шифрованных депеш, отправляемых японскими представителями в Париже, Гааге и Лондоне. При сем представляются переводы имеющихся в

Департаменте телеграмм и документов.

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 2. Л. 161.

Опубл.: Японский шпионаж в царской России: сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944. С. 187; Исторический архив. 1994. № 3. С. 19.

№ 18

Письмо российского посла в Дании А.П. Извольского графу В.Н. Ламздорфу [1272](#)

Копенгаген, 11 августа 1904 г.

№ 40

Милостивый государь, граф Владимир Николаевич, В дополнение к донесению моему от 30 июля / 12 августа с.г. за № 38 считаю долгом довести до сведения Вашего сиятельства о разговоре, который я имел со здешним морским министром касательно предупреждения попыток со стороны японцев нанести вред нашей эскадре при предстоящем проходе ее из Балтийского в Немецкое море. Вице-адмирал Иёнке сказал мне, что, со своей стороны, им принят целый ряд мер для самого тщательного наблюдения за всем, что происходит в датских портах и водах: инструкции в этом смысле даны командирам всех датских военных судов, коронным лоцманам, чинам правительственной рыбной инспекции и служащим на маяках. О каждом подозрительном судне или другом явлении предписано доносить в Морское министерство, откуда сведения эти будут тотчас же сообщаться негласным образом вверенной мне миссии.

Один из офицеров датского Морского штаба, капитан Кольд, служивший в нашем флоте и лично известный начальнику 2-й эскадры Тихого океана, находится в непосредственных, хотя и негласных сношениях с коллежским советником Гартингом, которому он дает, конечно, с ведома и согласия своего начальства, различные практические советы и указания.

Донося о вышеизложенных распоряжениях вице-адмирала Иёнке, я не могу еще раз не засвидетельствовать о готовности, с которою датское правительство оказывает нам посильную помощь в настоящем деле.

С глубоким почтением и таковою же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою.

*АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 24. Л. 103—104.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 20.*

№ 19

Донесение И.Ф. Манасевича-Мануйлова А.А. Лопухину

Петербург, 21 августа 1904 г.

Ввиду возбужденного коллежским советником Гартингом вопроса о необходимости организации внутренней агентуры в японской миссии в Стокгольме, начальник французского Разведочного бюро предложил мне учредить означенную агентуру в Стокгольме, командировав туда своих агентов, благодаря полезному участию которых нами уже учреждена внутренняя агентура во многих японских миссиях в Европе, давшая хорошие результаты. Ввиду сего, а также принимая во внимание выгоду участия французских агентов в означенном деле, так как в случае обнаружения японцами учрежденной в их миссиях агентуры, ответственность будет нести французское правительство, мне казалось бы более соответственным принять предложение начальника французского Разведочного бюро, на службе которого состоят вполне испытанные и деятельные агенты, агентами же коллежского советника Гартинга я предполагал бы воспользоваться лишь для ведения наружного наблюдения.

Об изложенном считаю долгом поставить на благоусмотрение Вашего превосходительства.

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 3. Л. 7—7 об.
Резолюция А.А. Лопухина: «Согласен. 21/VIII».
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 20—21.*

**№ 20 Донесение И.Ф. Манасевича-Мануйлова
А.А. Лопухину**

Петербург, 17 сентября 1904 г.

В начале июля сего года Вашим превосходительством была возложена на меня организация особого Отделения по розыску о международном шпионстве. В настоящее время вверенное мне Отделение располагает внутренними агентами в нескольких центрах Западной Европы и в некоторых посольствах в Петербурге. За столь короткое время, прошедшее со времени учреждения Отделения, удалось достигнуть следующих результатов: получают как копии шифрованных телеграмм, так и различные документы из японских миссий в Париже, Лондоне, Гааге и Антверпене, а также приобретены дипломатические шифры правительств Шведско-Норвежского, Китайского и часть японского и кроме того в самом непродолжительном времени будут получены таковые же шифры правительств: Великобританского и Северо-Американских Соединенных Штатов и остальная часть шифра японского правительства.

На покрытие расходов по розыску мне разрешен Департаментом полиции аванс в размере 500 руб. Со времени учреждения Отделения, как Ваше превосходительство изволите усмотреть из представленных и ныне представляемых оправдательных документов, мною израсходовано:

Возмещенные мне 1 сентября 483 руб. 05 коп. и подлежащие ныне возмещению:

На расходы по фотографированию 254 руб. 16 коп.

По розыску известной Вашему превосходительству брошюры 327 руб. 40 коп.

Остальные агентурные расходы 524 руб. 39 коп.
Итого: 1 589 руб.

В июле мне был выдан аванс в 500 руб. и 1 сентября возмещены 483 руб. 05 коп., а всего выдано Департаментом полиции 983 руб. 05 коп., следовательно, передержано 605 руб. 95 коп., которые я израсходовал из личных моих средств. Докладывая об изложенном, имею честь просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении о возмещении мне означенной передержки в 605 руб. 95 коп. и об ассигновании нового аванса. Кроме того, имею честь испрашивать указаний Вашего превосходительства относительно выдачи ежемесячного жалованья агентам, поименованным в прилагаемом при сем списке. К сему считаю долгом присовокупить, что, как я уже имел честь лично докладывать Вашему превосходительству, китайский и шведский шифры приобретены благодаря содействию трех агентов, ввиду чего было [бы] крайне желательным, для пользы дела, выдать как этим трем агентам, так и чиновнику Департамента полиции Звереву, занимающемуся в ночное время сфотографированием означенных шифров, вознаграждение в размере 100 руб. каждому, а всего 400 рублей.

Список агентов и размер получаемого ими ежемесячного жалованья

В Великобританском посольстве (псевдоним «Велосипедист») – 125 р.

В Китайском посольстве («Форточка») – 75 р.

В посольстве Северо-Американских Соединенных Штатов («Римский») – 100 р.

В Шведско-Норвежском посольстве («Иосифов») – 75 р.

Розенберг – 100 р.

По наблюдению за гостиницами – 80 р.

По наблюдению за Маршалем («Адамов») – 30 р.

Дзуцов («Кавказец») – 50 р.

По наблюдению за шведским морским атташе Крааком («Англичанин») – 30 р.

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 3. Л. 193—196.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 21—22.*

**Письмо А.А. Лопухина помощнику начальника Главного
морского штаба контр-адмиралу А.А. Вирениусу**

Петербург, сентябрь 1904 г.
Совершенно секретно

Милостивый государь Андрей Андреевич.

Ввиду полученных указаний, что Вена, Стокгольм и Антверпен являются центрами военно-разведочных организаций японского правительства, было признано полезным учредить в означенных городах наблюдение, для чего было сделано сношение с начальником французского Разведочного бюро, который ныне сообщил, что, по его мнению, наблюдения эти вызовут следующие ежемесячные расходы:

Вена:

Жалованье секретному сотруднику	—	1500 фр.
Жалованье двум филерам	—	1000 фр.
Итого		2500 фр.

Стокгольм:

Жалованье секретному сотруднику	—	600 фр.
Жалованье двум филерам	—	700 фр.
Итого		1300 фр.

Антверпен:

Жалованье сотруднику	—	500 фр.
Жалованье одному филеру	—	350 фр.
Итого		850 фр.

Кроме того, на непредвиденные расходы необходимо отпускать на каждый наблюдательный пункт ежемесячно по 300 франков, итого

900 франков. Следовательно, учреждение означенных пунктов вызовет расход в размере 5550 франков в месяц.

Для организации наблюдения и для руководящих указаний на месте будет командирован чиновник особых поручений при министре внутренних дел Мануйлов, который совершит поездку совместно с одним из чинов Разведочного бюро, что вызовет единовременный расход в размере приблизительно 8000 франков.

Сообщая об изложенном в дополнение к письму от 31 минувшего августа за № 10079, имею честь просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении об ассигновании этих сумм и о последующем почтить меня уведомлением. При этом имею честь присовокупить, что впредь во избежание задержки в выдаче означенных денег таковые будут выдаваться из сумм Департамента полиции и о размере их я буду иметь честь уведомлять для возмещения расходов Морским министерством ввиду сообщенного в письме Вашего превосходительства от 3 сего сентября за № 4278 согласия по сему предмету.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 4. Л. 72—73.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 22—23.

№ 22

Телеграмма посла Японии в Гааге Митцухаси министру иностранных дел барону Комура в Токио

Гаага, 21 сентября 1904 г.

В ответ на Ваше письмо от 19-го августа не могу сказать, в каком положении дело в настоящую минуту, так как мы не могли до сих пор получить о нем нужные сведения. Мы имеем людей, расположенных в разных местах, которые должны нам сообщать о всех движениях и по возможности препятствовать им. В официальных кругах говорят, что

эскадра, которая должна идти на выручку, выйдет в море в этом месяце; поэтому мы приняли все меры, чтобы помешать этому. Конечно, Ваше превосходительство понимаете, что мы должны быть очень осторожны, чтобы не возбудить подозрений неприятеля и других наций. Во всяком случае все, что возможно будет сделать, будет испробовано.

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 3. Л. 239—239 об.
Пер. с яп. яз.*

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 23.

№ 23

Письмо Митцухаси военному атташе Японии в Париже Хисаматцу

Гаага, 28 сентября 1904 г.

Как Вашему превосходительству известно, здесь прошел из русских официальных источников слух, что Балтийская эскадра идет на Восток около 20-го будущего месяца. В этом случае я Вас прошу употребить все способы, которые могли бы воспрепятствовать ходу эскадры. Всевозможные препятствия должны быть поставлены на пути, несмотря на риск жизнью наших служащих. Не обращая внимания ни на какую цену, средство может и должно быть доставлено и ничто я не считаю слишком дорогим. Если слух верен, с эскадрой идут несколько меньших судов с необходимыми припасами, которые также должны быть уничтожены, но главное внимание должно сосредоточить на эскадре. Там, я уверен, 6 броненосцев, коим и должны быть поставлены главные препятствия. Обдумайте способ постановки мин на пути, причем это нужно сделать с возможной конспиративностью. От секретного исполнения зависит успех. Не ошибитесь в этом.

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1. Л. 322—322 об. Пер. с яп. яз.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 23—24.

№ 24

Письмо А.П. Извольского графу В.Н. Ламздорфу

Копенгаген, 28 сентября 1904 г.

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Здесь произошел на днях следующий инцидент, вызвавший много толков как в местной, так и отчасти в заграничной печати: датские полицейские власти обратили внимание на японского туриста, объезжавшего расположенные по берегам Большого Бельта портовые города и выдававшего себя за инженера. В Скагене, у северной оконечности Ютландии местный полицеймейстер пригласил его для объяснений в полицейское управление, где обнаружилось, что это был японский морской агент в Берлине капитан Такикава. Одновременно с этим в Скагене же было замечено подозрительное лицо, пытавшееся устроить на морском берегу ночную сигнализацию с помощью цветных фонарей. Лицо это, оказавшееся отставным капитаном немецкого торгового флота, имело сношения с капитаном Такикава, который в свою очередь сносился с японской миссией в Берлине шифрованными телеграммами. Тотчас после объяснений с полицией капитан Такикава и его сообщник уехали обратно в Германию. Все это тотчас же сделалось достоянием газетных репортеров и в датской печати появились сенсационные рассказы об «аресте» японского офицера. Радикальные органы воспользовались этим, чтобы выступить против правительства с обвинением в угодливости перед Россией и в нарушении в нашу пользу принципа нейтралитета, указывая на беспрепятственную деятельность в пределах Дании русских тайных агентов и на появление у берегов Дании нескольких пароходов, зафрахтованных русским правительством для разведочной службы. Датское правительство сочло нужным разъяснить в официальном

сообщении, что датские власти обязаны внимательно следить за всякими подозрительными проявлениями деятельности агентов воюющих сторон во избежание нарушения датского нейтралитета. Что касается капитана Такикава, то он сам навлек на себя случившуюся с ним неприятность, скрыв свое официальное положение, но что, впрочем, он отнюдь не подвергся ни аресту, ни вообще какому-либо излишнему стеснению. Наконец, что устройство иностранными агентами сигнализации на датском побережье ни в каком случае не может быть допущено.

При свидании со мною г-н Дейнтцер сказал мне, что до сих пор он не получил от японского правительства никакого запроса по настоящему делу.

Ввиду поднятого радикальными газетами шума по поводу разоблачений об организованном нами здесь, под руководством коллежского советника Гартинга, тайном надзоре, г-н Дейнтцер счел нужным объяснить в частном собрании членам большинства ригсдага причины, в силу которых он нашел возможным не только не препятствовать, но даже способствовать этому надзору. Весьма возможно, что радикальная фракция фолькетинга сделает ему по этому поводу запрос, на который он намерен отвечать в шутовском тоне.

В заключение я должен еще раз отметить готовность, с которою как г-н Дейнтцер, так и другие члены кабинета, в особенности же Морской министр вице-адмирал Иёнке, способствуют всему, что может оградить безопасность нашей 2-й эскадры при проходе ее через датские воды, причем они действительно весьма широко толкуют в нашу пользу изданные Данией Правила о нейтралитете.

С глубоким почтением и таковой же преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою.

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 24. Л. 127—129 об.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 24—25.

**Письмо контр-адмирала А.А. Вирениуса надворному
советнику М.М. Геденштрому**

Петербург, 28 сентября 1904 г.

Милостивый государь Матвей Матвеевич.

Пользуясь присутствием бывшего здесь проездом дипломатического агента в Каире ДСС Максимова, я обсудил в совещании вопрос о мерах, которые желательно было бы осуществить в Суэцком канале для охраны следования судов 2-й эскадры. Наметив ряд мероприятий, о которых г. Максимов войдет в сношение с египетским правительством официально, совещание в то же время признало желательным воспользоваться предложением Департамента полиции послать своих людей в разные пункты Канала и окрестностей. Общую организацию своей охраны Департамент полиции полагает подчинить отставному капитану французского военного флота г-ну Луару, хорошо известному и в России за весьма опытного, порядочного и заслуживающего полного доверия человека. Г-н Луар будет находиться в Каире и получать указания непосредственно от г. Максимова. Агенты его, по двое и по трое, будут размещены в Каире, Александрии, П[орт]-Саиде, Измаилии и Суэце. Таким образом, весь северный район будет вверен их охране.

Ввиду этого я покорнейше прошу Вас взять на себя охрану южного района, причем казалось бы наиболее удобным Вам избрать для себя базой Джибути, откуда и выезжать по мере надобности. Прохождения судов надо ожидать около половины ноября, а потому, сообразуясь с этим, не откажите заблаговременно отправиться в Джибути и о прибытии туда поставить меня в известность. Считаю еще необходимым добавить, что по просьбе г. Максимова для распоряжений и соображений собственно по морским вопросам временно командирован в Каир наш агент в Константинополе к[апитан] 2-го р[анга] Шванк; подполковник же Тржецяк будет оставлен в Константинополе до выхода всех наших транспортов из Черного моря.

Прошу Вас, милостивый государь, и проч.

*РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3125. Л. 20 об.—21.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 25.*

№ 26

Справка Главного морского штаба

2 октября 1904 г.

По рекомендации директора Департамента полиции ДСС Лопухина вызван из Парижа в Петербург отставной капитан 2-го ранга французской службы Морис Луар, которому предположено поручить организацию охраны Суэцкого канала, подходов к нему и Красного моря. План капитана 2-го ранга Луара состоит в следующем: сам он должен теперь же войти в администрацию Канала в качестве служащего (что по знакомству с Управлением он сделает сам) и оттуда направлять все действия по охране и деятельность лоцманов. Для наблюдения за подступами к Каналу будут зафрахтованы, если удастся, три яхты, а если не удастся, то три небольших парохода под французским флагом, из которых один будет в Адене и по одному в Суэце и в Порт-Саиде. Эти пароходы в требуемое время будут крейсировать в местах, где можно ожидать покушений.

Приблизительная смета всех расходов по организации охраны составлена капитаном 2-го ранга Луаром на сумму 500 000 франков, об ассигновании которых предположено войти со всеподданнейшим докладом.

Об участии капитана 2-го ранга Луара поставлен в известность командующий 2-ою эскадрой флота Тихого океана свиты его величества контр-адмирал Рожественский.

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3125. Л. 27—27 об.

На документе помета: «Доложено его императорскому величеству 2/Х-904».

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 26.

№ 27

Из секретной телеграммы Главного морского штаба морским агентам во Франции, Австрии и Италии

Петербург, 13 октября 1904 г.

Сего числа выезжает за границу чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел И.Ф. Мануйлов с секретным поручением организовать разведочное бюро в Вене и Париже по наблюдению за действиями японцев и их разведочными бюро. Сообщая о вышеизложенном, Главный морской штаб просит Ваше высокоблагородие оказать возможное содействие и помощь г-ну Мануйлову, который будет в свою очередь держать Вас в курсе получаемых им сведений; по своем приезде г-н Мануйлов будет у Вас. Вместе с тем, Штаб присовокупляет, что г-н Мануйлов [...] будет иметь своих особых людей и потому, если Вам встретится какая-либо надобность по отношению к разведкам или добыванию соответствующих сведений, Вы имеете обращаться к нему с просьбами об оказании содействия в этом направлении.

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3017. Л. 251.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 26.

№ 28

Из строевого рапорта командующего 2-й эскадрой флота Тихого океана вице-адмирала З.П. Рожественского в Морское министерство

Виго¹²⁷³, 15 октября 1904 г.

Вверенная мне 2-ая эскадра флота Тихого океана в составе: эскадренных броненосцев: «Князь Суворов» (флаг командующего эскадрой), «Император Александр III», «Бородино», «Орел», «Ослабля» (флаг младшего флагмана контр-адмирала фон Фелькерзама), «Сисой Великий», «Наварин», крейсеров 1-го ранга «Адмирал Нахимов», «Аврора», «Дмитрий Донской», «Светлана», крейсеров 2-го ранга: «Алмаз» (флаг младшего флагмана контр-адмирала Энkvиста), «Жемчуг», миноносцев «Блестящий», «Безупречный», «Бодрый», «Бедовый», «Быстрый», «Бравый», «Буйный», «Прозорливый», транспортов: «Камчатка», «Анадырь», «Корея», «Китай» и «Князь Горчаков» 28-го сентября вышла из Ревеля и 29-го прибыла в порт императора Александра III¹²⁷⁴. 2-го октября вышла из порта императора Александра III и 4-го стала на якорь при входе в Большой Бельт. 6-го октября утром вошла в Большой Бельт и 7-го утром стала на якорь у Скагена. 7-го октября вечером ушла из Скагена шестью отрядами:

1). Миноносцы «Блестящий», «Безупречный» и «Бодрый» с транспортом «Корея» под начальством капитана 2-го ранга Шамова посланы в Суду с заходом в Шербург, Алжир.

2). Миноносцы «Бедовый», «Буйный», «Быстрый» и «Бравый» с транспортом «Китай» под начальством капитана 2-го ранга Баранова посланы по тому же маршруту.

3). Крейсера: «Светлана», «Жемчуг» и «Алмаз» под начальством капитана 1-го ранга Шеина посланы в Танжер с заходом в Ароза-бей или Виго.

4). Крейсера: «Дмитрий Донской» и «Аврора» с транспортом «Камчатка» под начальством контр-адмирала Энkvиста посланы в Танжер.

5). Эскадренные броненосцы «Ослабля», «Сисой Великий», «Наварин», крейсер «Адмирал Нахимов» с транспортами «Метеор» и «Малайя» под начальством контр-адмирала фон Фелькерзама посланы туда же.

6). Я с броненосцами: «Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орел» и с транспортом «Анадырь» должен был зайти в

Брест и оттуда следовать также в Танжер.

Транспорт «Князь Горчаков» (Северного общества), неспособный следовать 10-ти узловым ходом при отрядах, послан отдельно в Брест. Буксирно-спасательный пароход «Роланд» (куплен у того же Северного общества) послан в Киль переменить негодных механиков и догнать отряд новых броненосцев в Бресте. Миноносец «Прозорливый» с течью в таранном отделении и с неисправными котлами и холодильниками возвращен в Либаву под конвоем ледокола «Ермак».

7-го октября перед уходом эскадры из Скагена прибыл туда возвращавшийся из северного плавания транспорт «Бакан» и сообщил, что в последнюю ночь видел в море четыре миноносца, шедших под одними топовыми огнями, чтобы их издали принимали за бота рыбаков. Ввиду многочисленных предупреждений того же рода, полученных от наших агентов, сведение это было сообщено командирам судов с приказанием усилить бдительность.

Отряды снимались с якоря у Скагена разновременно, начиная с миноносных, ушедших в 4 часа пополудни (7-го октября), до отряда новых броненосцев, тронувшегося в 10 часов вечера. Отряд крейсеров под командой контр-адмирала Энkvиста ушел в 5 часов вечера в предположении быть в 25-ти милях впереди отряда броненосцев контр-адмирала фон Фелькерзама и в 50-ти милях впереди отряда новых броненосцев.

Отряд крейсеров капитана 1-го ранга Шеина должен был быть передовым и находиться в тесном соприкосновении с крейсерами контр-адмирала Энkvиста, с одной стороны, и миноносцами капитана 2-го ранга Баранова – с другой. Местность же впереди могла быть в некоторой степени освещаемая миноносцами капитана 2-го ранга Шамова, которым указана была скорость 12 узлов, тогда как все прочие отряды должны были идти 10-ти узловым ходом. Если бы начальникам отрядов удалось справиться с возложенною на них задачею – идти безостановочно и соединенно умеренным ходом, то главные силы эскадры шли бы по достаточно освещенному пути до выхода в океан и могли бы оставаться в связи на всем пути до Гибралтара с отрядами крейсеров и даже миноносцев, так как на транспортах, сопровождавших миноносцы, находились лучшие на всей эскадре маркониевские станции беспроволочного телеграфа. Но,

составляя маршрут эшелонов, нельзя было не принимать во внимание неосвоенность всего личного состава с кораблями, происходящие вследствие этого повреждения механизмов, неумение держаться соединенно при всех обстоятельствах и недостаточную опытность некоторых начальников. Поэтому детали маршрута и не разрабатывались.

В ночь с 7-го на 8-ое октября и днем 8-го октября густой туман, совершенно скрывавший соседнего мателота на расстоянии даже одного кабельтова, сменялся мглою и кратковременными просветами. Беспроволочный телеграф работал непрерывно, но большую часть времени им пришлось пользоваться в пределах своего отряда, чтобы подгонять те корабли, позывные которых указывали на отставание. Утром 8-го октября получены были телеграммы о благополучном следовании отрядов миноносцев и малых крейсеров, о том, что транспорт «Камчатка» – один из трех кораблей, порученных контр-адмиралу Энквисту, идет под одну машину на 17 миль сзади отряда новых броненосцев вместо того, чтобы быть на 50 миль впереди, – что самые отряды броненосцев, вышедшие из Скагена через три часа один после другого, находятся в расстоянии всего 6-ти миль один от другого, что со вторым отрядом броненосцев контр-адмирала фон Фелькерзама разлучился транспорт «Малайя» и проч.

[...] Ночью с 8-ое на 9-ое октября, начиная с 8 час. 45 мин., стали поступать с транспорта «Камчатка» следующие телеграммы: «Преследуют миноносцы», «Закрыл все огни», «Атака со всех сторон», «Миноносец был ближе кабельтова», «Разными курсами ухажу от миноносцев», «Иду на ост 12 узлов». Тогда транспорту приказано было идти на вост и, наконец, в 11 часов 20 мин. ночи на вопрос: «Видите ли миноносцы?», получен был ответ: «Не вижу».

[...] В 12 часов 55 мин. ночи в счислимой широте $55^{\circ} 18'$ и долготе $5^{\circ} 42'$ по обеим крамболам головного броненосца «Суворов» усмотрены были быстро надвигающиеся расходящимися курсами силуэты малых судов без всяких огней. Тотчас же уклонившись от курса, на котором могли быть брошены плавучие мины, «Суворов», а за ним и весь отряд начал светить боевыми фонарями. Как только в луч прожектора попал паровой рыбачий барказ, поднимавший топочные огни в то самое время, как был освещен. Несмотря на подозрительность действий этого барказа, луч правого прожектора был

поднят на 45°, что означало «не стрелять по этой цели». Соответствующею командою «не стрелять по паровому барказу» был остановлен на «Суворове» огонь правого борта, который уже не имел никакой другой цели и отдано было приказание сделать общий сигнал «не стрелять по паровым барказам».

В это время на левом траверзе зажглись два светивших на отряд прожектора крейсеров «Дмитрий Донской» и «Аврора», и «Дмитрий Донской» показал свои позывные. Тогда из опасения, что перелетающие и рикошетирующие снаряды задних кораблей отряда могут попадать в свои, на броненосце «Суворов» поднят был вверх также и луч боевого фонаря с левой стороны и сделан был общий сигнал «прекратить стрельбу», что и было исполнено немедленно. Последний звук выстрела был в 1 час 5 минут. Таким образом, вся стрельба продолжалась менее десяти минут.

Результаты стрельбы неизвестны. По некоторым из собранных показаний, миноносец, бежавший по правому борту, должен был сильно пострадать, а левый скрылся удачно. Могли пострадать и находившиеся на месте происшествия паровые бота рыбаков, но нельзя было не отгонять всеми средствами атакующих миноносцев из опасения причинить вред неосторожно вовлеченным в покушение судам мирных граждан, из которых некоторые, бросаясь поперек курса отряда, забывали на время зажигать свои отличительные огни рыболовных судов. Ввиду подозрительных движений рыбацких паровых барказов и не имея уверенности в том, что все участвовавшие в покушении миноносцы устранены, я предоставил участь пострадавших заботам их товарищей.

Сношениями по беспроволочному телеграфу выяснено, что в крейсер «Аврора» попало рикошетировавших или перелетевших 5 снарядов: три 75 мм и два 47 мм, которыми тяжело ранен священник и легко один комендор. Пробиты дымовая труба, машинный кожух в двух местах и надводный борт в трех. На броненосце «Орел» разорвало дульную часть 75 мм пушки, вероятно, вследствие раздувшегося и заклинившего снаряда. Пушка была заменена запасной.

[...] 13-го октября в 9 часов утра отряд новых броненосцев стал на якорь в Виго...

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 84—88 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 27—29.*

№ 29

Из донесения И.Ф. Манасевича-Мануйлова А.А. Лопухину

Париж, 17 октября 1904 г.

№ 23

[...] Считаю долгом почтительнейше доложить, что все меры к получению японского шифра через посредство служащего в гаагской миссии мною приняты. От означенного служащего получено вчера письмо, в котором он уведомляет, что фотограф может приехать на сих днях и немедленно приступить к работе. Ввиду означенного письма я переговорил с помощником начальника Разведочного бюро, который согласился отпустить на три дня их фотографа, для дальнейшей же работы придется прибегнуть к одному из агентов Разведочного бюро, умеющему фотографировать. Японский шифр состоит из двух очень объемистых книг (в одной 2 тысячи страниц, в другой тысяча), а потому фотографирование займет не менее десяти ночей. Пластинки для снимков надо вести отсюда, дабы не возбудить в Гааге подозрений столь крупной покупкой, а проявить их придется в Париже, что составляет огромное затруднение в смысле провоза через таможеню. Ввиду вышеизложенного я позволил себе обратиться к Вашему превосходительству с просьбой снабдить меня письмом к нашему посланнику в Гааге, благодаря содействию коего таможенный досмотр не имел бы места¹²⁷⁵. По получении перевода (я просил Н.А. Макарова¹²⁷⁶ о высылке мне 9000 франков: 3000 франков вознаграждение служащего в японской миссии; 2500 франков — фотографу и агенту; около 2000 франков фотографические пластинки и другие принадлежности и 1500 франков — разъезды и разные расходы),

а также письма к нашему посланнику в Голландии, я не премину отправиться в Гаагу.

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 4. Л. 93—94.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 29—30.*

№ 30

Письмо посла в Турции И.А. Зиновьева графу В.Н. Ламздорфу

Буюкдере¹²⁷⁷, 23 октября 1904 г.
Секретно

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Как я имел честь уведомить Ваше сиятельство секретною телеграммою от 18/31 октября, в последнее время на Босфоре проживало несколько японцев, пребывание коих могло быть объяснено лишь тем, что на них возложено их правительством поручение наблюдать за движением наших судов. По распоряжению пребывающего здесь жандармского подполковника Тржецяка, за означенными японцами учрежден был тайный надзор и полученные этим путем сведения дали повод предположить, что один из них, Матсумото, состоит в японском флоте.

Ввиду этого обстоятельства я признал необходимым позаботиться об обеспечении транспортов нашего Добровольного флота во время прохождения их через Проливы от возможных на них покушений со стороны таинственных японцев. Независимо от мер, принятых в этих видах агентом Добровольного флота¹²⁷⁸, я счел долгом доверительно обратиться по тому же предмету и к турецкому правительству, предупредив его, что ответственность за всякое покушение на наши суда падет на Порту.

Со стороны как султана, так и его министров я встретил полную готовность удовлетворить моему желанию. Как уведомил меня великий везирь, морскому министру и министру полиции предписано принять следующие меры: 1. Произвести негласное обследование всех пристаней на Босфоре и учредить за ними надзор на все время прохождения наших судов. 2. Произвести регистрацию всех больших каиков, плавающих в верхней части Босфора. 3. Для усиления надзора по Босфору назначить несколько паровых катеров. 4. Назначить несколько тайных агентов для надзора на суше и 5. Следить за японцами.

Соответствующие меры, как сообщил мне великий везирь, предписано принять в Дарданеллах и Галлиполи.

Покорнейше прошу Ваше сиятельство принять уверения в глубоком моем уважении и таковой же преданности.

*АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 29. Л. 453—454 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 30.*

№ 31

Из донесения П.В. Максимова графу В.Н. Ламздорфу

Александрия, 23 октября 1904 г.

Англо-египетское правительство сочувственно отнеслось к большинству предлагаемых нами мер по охране нашей эскадры. На совещании у Кромера¹²⁷⁹, на котором присутствовали министр иностранных дел, советник Министерства внутренних дел, Шванк и я, решено принять следующие меры: полиции Канала, усиливаемой на 40 человек, предписано никого не подпускать к нашим судам. Для поддержки судов пойдет казенный паровой катер с офицером-европейцем и полицейским. Береговая охрана помимо существующих сторожевых постов производится отрядами на верблюдах по обоим берегам Канала во время прохода русских судов. В Суэцком заливе два

судна береговой охраны будут оберегать по обоим берегам залива полосу в три мили и насколько возможно препятствовать в территориальных водах подготовке покушений; суда эти не пойдут далее трех миль к югу от южного берега острова Шавдан...

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 2. Л. 84—91 об.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 31.

№ 32

Донесение П.В. Максимова графу В.Н. Ламздорфу

Александрия, 28 октября 1904 г.

После объяснения в Саиде с губернатором Канала, с начальником полиции и начальником береговой стражи вполне выяснилось, что власти получили самые строгие приказания не допустить ни малейшего покушения. Все меры обсуждаются сообща со Шванком и представляются на наше одобрение. Начальник полиции положительно гарантирует полную безопасность эскадры на стоянках и на ходу в Канале. Он просит только, чтобы наши шлюпки, во избежание недоразумений, не принимали участия в этой охране, которая будет производиться кордоном полицейских шлюпок с вооруженными часовыми. Шванк и я считали бы эту просьбу вполне целесообразною. Вопрос охраны эскадры в Суэцком заливе при содействии судов береговой охраны также подробно разработан и для предупреждения наших судов и могущей явиться опасности со стороны берегов установлены сигналы. Компания обещает также полное содействие. Число встречных судов будет доведено до минимума, быть может их совсем не будет. Расходиться суда будут в озерах и только при крайней необходимости в самых широких местах Канала при промежутках в 20 метров. Мелкие суда будут удалены из Канала. Траление компаниею не признается необходимым. Оно крайне затруднительно и задержит

ход эскадры. Пространство между последним чужим судном, идущим по Каналу, и нашим головным будет оставлено возможно большее. На швартование обращено должное внимание. Компания также усиливает надзор за Каналом и за судами. Ввиду настроения властей, расположения служащих компании, всех принимаемых мер и крайнего вреда для Канала и для самой Англии малейшего на наши суда покушения, все вообще надеются, что суда наши проследуют по Каналу благополучно.

*АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 2. Л. 95—101 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 31—32.*

№ 33

Донесение И.А. Зиновьева графу В.Н. Ламздорфу

Пера¹²⁸⁰, 30 октября 1904 г.

№ 279

Секретно

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Считаю долгом обратить внимание Вашего сиятельства на нижеследующую секретную телеграмму от 22 октября/4 ноября, полученную в Илдызе¹²⁸¹ от турецкого посла в Лондоне, «Английский министр иностранных дел, — донес Муссурус-паша, — конфиденциально сообщил мне сегодня, согласно полученным им вполне достоверным сведениям, в Константинополе уже несколько времени проживает русский полковник, при коем состоит офицер в низшем чине; что обоим этим лицам поручено собирать конфиденциальным путем сведения об организации турецкой армии и что около 15-ти дней тому назад туда же прибыл третий русский офицер с 20-тью солдатами, из коих пятеро помещены при русской

церкви поблизости Сан-Стефано, а остальные находятся в здании русского посольства. Маркиз Лансдоун сказал, что пребывание в Константинополе русских офицеров, на которых возложено их правительством секретное поручение, может повлечь за собой весьма серьезные последствия и что турецкому правительству следовало также обратить внимание на появление русских солдат. Маркиз прибавил, что чувства искреннего расположения к Порте побудили его предупредить ее о тайных замыслах русского правительства и что если сведения об этом не дошли еще до нас иным путем, то он надеется, что мы примем соответствующие меры предосторожности».

Телеграммою, адресованною из Илдыза того же числа, Муссурас-паше поручено было передать маркизу Лансдоуну, что Портою сделано распоряжение о производстве тайного расследования и что за сим оттоманскому министру иностранных дел поручено будет принять необходимые меры к прекращению действий, которые не только не согласуются с мирными отношениями между державами, но и составляют нарушение принципов международного права.

Русский полковник, о котором говорится в телеграмме турецкого посла в Лондоне, есть без всякого сомнения жандармский подполковник Тржецяк, командированный сюда для наблюдения за проживающими в Константинополе японскими тайными агентами.

Примите, милостивый государь, уверения в глубоком моем уважении и таковой же преданности.

*АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 29. Л. 502—503 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 32.*

№ 34

Всеподданнейший доклад по Главному морскому штабу

Петербург, 8 ноября 1904 г.

Организация охраны Суэцкого канала, подходов к нему и Красного моря во время прохода судами 2-й эскадры флота Тихого океана от покушения японцев поручена лицу, хорошо известному Департаменту полиции Министерства внутренних дел – отставному капитану 2-го ранга французской службы Морису Луару. Организация распадается на две части: охрану с суши и охрану с моря. Для первой Луаром, поступившим на службу в администрацию Канала, учреждена сеть агентов, а для второй – наняты три яхты, по одной для Порт-Саида и Суэца и одна для Адена.

Общее руководство всеми охранными мерами, а также сношения по делам охраны с египетским правительством возложены на нашего дипломатического агента в Каире, действительного статского советника Максимова, в помощь которому командирован временно в Египет наш морской агент в Турции капитан 2-го ранга Шванк. Кроме того, в южный район Красного моря для наблюдения за деятельностью японцев командирован бывший наш консул в Хакодате, надворный советник Геденштром.

Организация охраны, учрежденной капитаном 2-го ранга Луар, по сметным исчислениям, будет стоить до 540 000 франков и, кроме того, на содержание агентов при действительном статском советнике Максимове, капитане 2-го ранга Шванке и надворном советнике Геденштреме потребуется ассигнование до 55 000 руб.

Испрашивается высочайшее соизволение на внесение необходимого для содержания охраны кредита в сумме 540 000 франков и 55 000 руб. в имеющий быть представленным в Особое совещание перечень чрезвычайных сверхсметных кредитов на военные потребности с обозначением сего расхода на известное его императорскому величеству употребление.

Генерал-адмирал Алексей

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3125. Л. 139—139 об.

На подлинном помета великого князя Алексея Александровича: «Высочайше соизволено».

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 33.

№ 35

Из приказа командующего отрядом судов 2-й эскадры флота Тихого океана контр-адмирала Д.Г. фон Фелькерзама

11 ноября 1904 г.

№ 122

В Красном море отряд вступает в место, где нападения со стороны японцев более вероятны, чем то было в европейских водах. Этим обстоятельством вызывается необходимость большой бдительности и моментальной готовности в ночное время для отражения нападения неприятеля. Тяжелее всего отличить ночью, а иногда и днем неприятельское судно от нейтрального, так как неприятель, конечно, до последнего момента постарается замаскировать себя, сохраняя невинный вид и часто даже будет прикрываться нейтральным флагом или идти совсем без него. Ввиду тяжелых политических последствий считаю предпочтительнее лучше пропустить неприятеля, не дав ему причинить вреда отряду, чем ошибочно расстрелять нейтральное судно и вызвать повторение случая в Немецком море... [1282](#)

РГА ВМФ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.

Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 33—34.

№ 36

Всеподданнейшая записка министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского

Петербург, 18 ноября 1904 г.

Долгом считаю всеподданнейше представить Вашему императорскому величеству записку директора Департамента полиции Лопухина по поводу поездки его, согласно моему приказанию, в Париж для выяснения сведений о нападении, произведенном в Северном море на суда 2-ой Тихоокеанской эскадры.

Организованной Департаментом полиции в Балтийском море и северной части Немецкого моря охране 2-й Тихоокеанской эскадры удалось своевременно выяснить, что военно-морской агент при японской миссии в Берлине капитан Такикава через бывшего штурмана пассажирских пароходов, германского подданного Цигера учредил на морском побережье Дании секретное наблюдение за прохождением наших судов. Вследствие слухов, распространенных газетами, прохождение эскадры вице-адмирала Рожественского через Большой Бельт ожидалось всеми 3/16 минувшего сентября; за два же дня перед этим числом, 1/14 сентября, как то установлено учрежденным охраной Департамента полиции за упомянутым Цигером наблюдением, он, пользуясь ночной темнотой, с стоявшей на побережье Скагена мачты подавал красным фонарем сигналы, по-видимому, какому-то судну, находившемуся в море. 3/16 сентября до сведения датских полицейских властей дошло, что в этот день капитан Такикава из порта Корсер послал секретарю японского посольства в Берлине Ода телеграмму следующего содержания: «В Корсере и Ньюборге неудобно. Еду в Скаген, чтобы встретиться». Ввиду весьма подозрительного поведения Такикава и Цигера оба они по распоряжению датского правительства были арестованы и высланы из пределов королевства. При аресте Такикава заявил начальнику местной полиции, что прибыл в Скаген для свидания с Цигером. Ввиду чего, а также вышеприведенного факта сношений Цигера с каким-то судном в море необходимо признать доказанным, что еще до отправления 2-й Тихоокеанской эскадры в плавание в распоряжении официальных представителей японского правительства на пути следования эскадры в европейских морях находились суда. Обстоятельство это подтверждается и иными многочисленными,

имеющими значение косвенных доказательств, данными. Так: рано утром 3/16 сентября рыбаки на Скагене видели миноноску без флага, входившую в Категат и вскоре затем скрывшуюся из вида; смотритель маяка в Скагене и капитан Нильсен, доверенное лицо учрежденной Департаментом полиции сторожевой службы в Скагене, видели проходившую миноноску неизвестной национальности; в тот же день около полудня экипаж зафрахтованного Департаментом полиции и по его поручению крейсировавшего в той же местности кутера «Эллен» увидел две миноноски неизвестной национальности, без флагов, причем когда означенный кутер попытался к ним приблизиться, они стали быстро удаляться и скрылись. Независимо от сего капитан зафрахтованного Департаментом полиции для охранной службы парохода «Флинтреннан» Монсон удостоверяет, что при встрече 6/19 сентября, между Анхольтом и Тринделеном шведской парусной лодки «Адель» командир ее сообщил Монсону, что за несколько дней перед тем он недалеко от Скагена повстречал три миноноски, которые, по его мнению, принадлежат Японии.

По справкам, наведенным в министерствах подлежащих государств, оказалось, что 3/16 сентября ни германские, ни датские, ни шведские, ни норвежские миноносцы близ Скагена не крейсировали.

Перечисленные данные находились в распоряжении Департамента полиции и были сообщены им Главному морскому штабу для предупреждения генерал-адъютанта Рожественского еще до отправления его в плавание. Но данные эти, служа для генерал-адъютанта Рожественского более чем достаточным основанием ожидать нападения японских судов из засады, свидетельствуют о фактах, имевших место за месяц до отражения судами русской эскадры этого нападения в Северном море. Вследствие чего представлялось желательным получить указания на нахождение подозрительных судов на пути нашей эскадры во время более приближенное к моменту самого нападения. Для сего, за отсутствием в распоряжении Департамента полиции соответствующих средств и ввиду нецелесообразности посылки в Англию специальных агентов, появление которых было бы замечено и возбудило бы подозрения, я, согласно данным мне указаниям, отправился в Париж и вошел в переговоры с директором Общественной безопасности во Франции Каваром, дабы добиться производства необходимого исследования его

агентами. Мне пришлось войти по сему поводу в сношения совершенно частного характера и с президентом Французской Республики, от коего я рассчитывал получить неофициальное разрешение Кавару оказать мне содействие. Президент Республики отнесся к моему ходатайству как нельзя более благожелательно и дал директору Общественной безопасности не только разрешение, но даже приказание сделать все возможное для выяснения нужных нам сведений. Благодаря этому удалось установить два имеющие весьма существенное значение обстоятельства. А именно: 1. 2/15 октября, т.е. за шесть дней до произведенного на эскадру вице-адмирала Рожественского нападения, сопровождавший английский пароход «Титания» лоцман, английский подданный Лукас, в 25-ти милях от Ньюарпского плавучего маяка видел два миноносца без флагов и огней, которые показались Лукасу подозрительными вследствие того, что они, как для него по внешнему их виду было несомненно, не могли быть миноносцами какой-нибудь европейской державы, хорошо Лукасу известными. Когда «Титания» попыталась приблизиться к этим миноносцам, они быстро от нее удалились. 2. В 5 часов 30 минут вечера 8/21 октября капитан французского судна «Св. Андрей» Жан-Батист Эсноль видел стоявший без движения в море, в расстоянии полмили от маяка Гросс-Занд миноносец, который не имел флага и несмотря на сумерки не открывал огней; команды на этом миноносце видно не было. И Лукас, и Эсноль изъявили готовность сведения эти засвидетельствовать официально, должны были быть допрошены, а в настоящее время, по всей вероятности, уже допрошены консулами. Помимо выяснения этих данных проживающими секретно в Лондоне агентами директора Общественной безопасности во Франции предпринято собирание сведений о приобретении японским правительством на английских верфях миноносцев. Кроме того, Департаменту полиции вскоре после произведенного в Северном море на русскую эскадру нападения удалось задержать посланное из Гулля (что явствует из почтового штемпеля) письмо японца Муто к находящемуся у нас в плену японскому доктору Коно, в коем Муто, между прочим, пишет: «Вы интересуетесь целью моего прибытия сюда, – к сожалению, я не могу пока сообщить Вам об этом, но через некоторое время сообщу». Письмо это (переданное Департаментом полиции в подлиннике Главному морскому штабу),

свидетельствующее о проживании в Гулле японца во время нападения на русскую эскадру и притом проживании там с целью, которою японец этот скрывал даже от близкого ему лица, является по делу об этом нападении доказательством весьма существенным. Но независимо от сего по моей просьбе Каваром поручено подчиненным ему агентам собрать сведения об обстоятельствах проживания японца Муто в Гулле. Результаты этих исследований по мере поступления ко мне будут сообщаться Морскому министерству.

Находясь в Париже, я, пользуясь личным знакомством с министром иностранных дел Делькассэ и некоторыми близкими к президенту Республики лицами, постарался выяснить отношение французского правительства как к делу о нападении японских судов на русскую эскадру в Северном море, так и к русско-французскому союзу. Будучи вне всякого сомнения преисполнены искренним стремлением поддерживать этот союз, и президент, и министр высказали мне, что вполне сознают, что Россия должна и не может не выйти с достоинством из того тяжелого положения в отношении к Англии, в которое она поставлена коварным нападением японцев на нашу эскадру, и сообщили, что как в предпринятом по моей просьбе исследовании, так и в деятельности комиссии, имеющей рассмотреть дело об этом нападении, употребят все свое влияние для благоприятного для России решения. Каковое влияние может быть оказано и на представителя Англии адмирала Бомона, с которым президент Лубэ находится в личных хороших отношениях. [...] [1283](#).

Действительный статский советник Лопухин
17 ноября 1904 г.

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 77—80 об.
Опубл.: Японский шпионаж в царской России: сб. док. / под ред. П.
Софинова. М., 1944.
С. 51—53; Исторический архив. 1994. № 3. С. 34—36.*

**Письмо товарища министра внутренних дел
К.Н. Рыдзевского товарищу министра иностранных дел
князю В.С. Оболенскому-Нелединскому-Мелецкому**

Петербург, 19 ноября 1904 г.

№ 13541

Совершенно доверительно

Милостивый государь, князь Валериан Сергеевич.

Ввиду представляющейся возможности разбирать шифрованные японские телеграммы, имею честь просить Ваше сиятельство не отказать в распоряжении о возвращении во вверенный мне Департамент части шифрованного ключа японского правительства и трех книг “Code”, препровожденных при письме от 19 августа сего года за № 9674.

Прошу Ваше сиятельство принять уверения в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОРО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 5. Л. 314.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 36.*

№ 38

**Отчет об организации охраны пути следования Второй
Тихоокеанской эскадры в датских и шведско-норвежских
водах, а также и на северном побережье Германии в
Арконе, Фемерне, Гамбурге и т.д., устроенной по
поручению Департамента полиции коллежским
советником Гартингом [1284](#)**

Петербург, ноябрь 1904 г.

В видах принятия мер по ограждению пути следования на Дальний Восток сформированной по высочайшему повелению Второй Тихоокеанской эскадры на меня было возложено поручение по устройству охраны в Балтийском и северной части Немецкого морей, причем перед отъездом из С.-Петербурга мне были преподаны указания лишь в общих чертах. По прибытии 2/15 июля с.г. в г. Копенгаген я немедленно приступил к изучению географического и этнографического положения стран, в коих надлежало ввести предполагаемую организацию, обратив при этом внимание на существующее настроение к России местного населения и в особенности руководящих сфер. По сопоставлении особенностей подлежащих моему надзору местностей выяснилось, что наиболее центральным пунктом для руководства организацией является Копенгаген, и вся последующая деятельность вполне подтвердила правильность этого выбора.

Имея постоянно и неотступною заботою не совершить каких-либо неосторожных действий, могущих вызвать нарушение нейтралитета Дании, Швеции, Норвегии и Германии, а равно имея в виду, что [в] наибольшем общении с прибрежным населением находятся не полицейские власти, а элементы, занимающиеся морской торговлей, я приложил все старания заручиться их доверием и убедить принять участие в охране нашего флота несмотря на то обстоятельство, что наши посланники в Копенгагене и Стокгольме не допускали мысли, что при существующем настроении общественного мнения в Дании, Швеции и Норвегии вряд ли удастся найти людей, готовых оказать содействие в моем деле. Тем не менее, с целью установления связей я предпринял объезд тех местностей, где представлялось необходимым учредить охранные пункты и вступил в сношения с нашими нештатными вице-консулами из иностранных подданных, которых после некоторых усилий мне удалось склонить к вступлению в мою организацию; при посредстве последних явилась возможность найти в районах их вице-консульств людей, выразивших согласие на несение сторожевой службы; затем представился случай установить непосредственные сношения с представителями обществ: спасательных Свитцера в Дании и Швеции (Мальмэ и Гетеборге),

морского страхования Эрезунд в Мальмэ, морского страхования в Гетеборге, восточно-азиатского пароходства и многих других; пользуясь расположением датских властей к России, я достиг того, что таковые официально не препятствовали моей организации, а в частности оказали даже некоторую помощь, а именно: Морское министерство циркулярно предписало начальникам всех маяком иметь особое наблюдение за появлением разных судов. Министерство финансов отдало распоряжение о бдительном досмотре прибывающих грузов, багажа и пассажиров с обращением особого внимания на ввоз взрывчатых веществ и Министерство юстиции по моим ходатайствам не отказывало в приказании полицейским учреждениям об оказании мне содействия. Из опасения не встретить достаточную предупредительность со стороны высшей администрации Швеции и Норвегии я прибег к содействию отдельных должностных лиц, из числа коих оказали особые услуги начальники лоцманов в Гетеборге, Гельсингборе и Мальмэ. Установив добрые отношения с вышеперечисленными лицами, я уже приобрел возможность приступить к самой организации охраны и учредил наблюдательные пункты в следующих местах:

А. Дания

Все побережье Дании было покрыто целой сетью наблюдательных пунктов, а именно: 1. Гьедер, 2. Факкельбьерг, 3. Багнкоп, 4. Нои, 5. Логальсгавн, 6. Альбуен, 7. Маснезунд, 8. Карребекеминде, 9. Скиельскер, 10. Муллеруп, 11. О-в Омэ, 12. Ньюборг, 13. Корсер, 14. Нордсков, 15. О-в Ромсэ, 16. Киертеминде, 17. Слипсгавн, 18. Свенборг, 19. Рудкиэбинг, 20. Фоборг, 21. Миддельфарг, 22. О-в Сейрэ, 23. О-в Самсэ, 24. Каллундборг, 25. Ревснэс, 26. Гни-бен в Зиеландс-Одде, 27. Линес, 28. Гельсингер, 29. О-в Анхольт, 30. Эсгерби и 31. Вестерэ на о-ве Лезэ, 32. Грено, 33. Ольборг, 34. Фредериксгавн, 35. Сэби, 36. Страндби, 37. Хиршхольменэ, 38. Скаген.

О-в Борнгольм. Охрана имелась в следующих городах: 39. Сванеке, 40. Нексо, 41. Рэнне, 42. Гаслэ, 43. Аллинге и 44. Гудьем, 45. О-в Христиансэ.

О-в Готланд. Охрана имелась в городах: 46. Висби, 47. Бурквик, 48. Гобург и 49. Фаллуден.

Б. Швеция

Охранные пункты имелись в городах: 50. Огус, 51. Слисе, 52. Сандхаммарен, 53. Симбрисгамн, 54. Гельсингборг, 55. Мальмэ, 56. Треллеборг, 57. Фальстербо, 58. Куллен, 59. Гегенас, 60. Сканер, 61. Варберг, 62. Гетеборг и в ближайших шхерах: 63. Бреннэ, 64. Винга, 64. Вронгэ и 66. Рерэ, 67. Марстранд, 68. Лизекиль, 69. Уддевалла и 70. Стромстад.

В. Норвегия

Охранные пункты имелись в следующих городах: 71. Христиания, 72. Тенсберг, 73. Ларвик, 74. Крагерэ, 75. Эстерризер, 76. Арендаль, Линдеснес, 78. Ставангер, 79. Берген.

Г. Германия

Охранные пункты имелись в: 80. Арконе, 81. Фемерне, 82. Даргерорте, 83. Мариенлейхте, 84. Штетине, 85. Гамбурге и т.д.

Почти все заведовавшие пунктами живут на побережье и тесно связаны со всем происходящим в водах их района. Охрана производилась ими не только в местах их проживания, но и на всем пространстве между этими пунктами. Такой тщательный контроль имел результатом, что ни одно появление японцев во вверенном каждому из них районах не проходило незамеченным и я немедленно мог принимать своевременно необходимые меры.

Пароходы

Помимо контроля на побережье мною было установлено наблюдение и в море при посредстве законтрактованных пароходов, непрерывно крейсировавших в датских и шведско-норвежских водах. Пароходы эти находились между собою в сношениях и таким образом составляли непрерывную цепь, которой производился постоянный контроль. С половины августа крейсировали следующие пароходы: 1. Норвежская пароходная яхта «Турист», 2. Немецкая пароходная яхта

«Сабин», 3. Датский буксирный пароход «Драгер», 4. Большой пароход спасательного общества Свитцера «Гельсингер», 5. Пароход «Миельнер», 6. Парусная яхта «Мохавк», крейсировавшая в течение одного месяца в Большом Бельте, была предоставлена мне безвозмездно собственником – крупным датским негоциантом Ейнаром Якобс и на ней находился в качестве доверенного лица барон Герсдорф, 7. Рыбный кутер «Еллен», 8. Пароход «Исбиорн» и 9. Пароход «Фрига».

Ввиду того, что имена пароходов «Турист» и «Сабин» проникли в печать благодаря неосторожности капитана первого из них¹²⁸⁵, эти два парохода были отставлены от службы и на их место были зафрахтованы пароходы: 10. «Флинтренен» и 11. «Рольф».

Кроме того, за две недели до прохода Второй эскадры и до прибытия оной в Скаген крейсировал еще спасательный пароход «Фредериксгавн» и во время прохода эскадры, кроме вышеназванных пароходов, сторожевая служба производилась еще пароходами общества Свитцера «Каттегат», «Гер-та» и «Эрезунд». Таким образом, во время следования эскадры во вверенном моему наблюдению районе сторожевая служба производилась 12-тью пароходами, что позволяло мне расставить их в таком порядке, что наш флот все время находился на виду сторожевых пароходов, не терявших его ни на минуту из виду. Многочисленность сторожевых судов позволяла мне, не будучи осведомленным о точном курсе Второй эскадры и не получив от адмирала Рожественского указаний, как сноситься с ним в случае надобности, расставить свою флотилию во всех узких проходах и в особенности в тех местах, где эскадра могла менять курс. Подобная расстановка судов оказала серьезную услугу броненосцу «Князь Суворов», который, несомненно, сел бы на мель без своевременного предупреждения моим доверенным лицом капитаном Люткенем, находившимся на пароходе «Исбиорн». Это произошло следующим образом: сторожевой пароход «Исбиорн» нес свою службу вблизи Ревнес, недалеко от мелководной местности, называемой Хатербар, и заметил, что броненосец «Дмитрий Донской»¹²⁸⁶ и транспорт «Корея» держали курс на эту мель, но, не имея достаточной быстроходности, «Исбиорн» не успел предупредить о сем указанные суда, но зато датский миноносец «Зебиорнен» пошел навстречу и сообщил о грозящей опасности. Сперва русские суда отнеслись недоверчиво к

этому предупреждению, но затем, заметив свою ошибку, должны были повернуть обратно и обойти это место. Через несколько времени наш сторожевой пароход «Исбиорн», видя, что и последующая часть броненосцев следует по тому же опасному направлению и не имея сигналов для переговоров с русской эскадрой, нашел единственный исход лечь поперек пути перед мелью Хатербар и этим маневром спас шедший во главе эскадры броненосец «Князь Суворов» от значительной аварии, заставив таковой после переговоров при посредстве одного из миноносцев совершенно изменить направление пути. Представленное мне по сему поводу капитаном судна «Исбиорн» Люткенем подробное донесение на английском языке при сем прилагается¹²⁸⁷.

Помимо зафрахтованных пароходов, благодаря хорошим сношениям со многими представителями фирм морского страхования, удалось найти еще вспомогательных агентов в лице капитанов разных их пароходов, крейсировавших с коммерческими целями между Германией, Данией, Швецией и Норвегией. Вот список пароходов, капитаны которых помогали мне: 1. «Фрея» – капитан датской морской службы Брокмайер, 2. «Линдгольмен» – капитан Биорнсон, 3. «Рутланд» – капитан Матисен, 4. «Вальборк» – капитан Клейн.

В силу такой постановки дела я был всегда своевременно извещаем о появлении японцев или их агентов в районе вверенной мне охраны, примером чему может служить обнаружение в Дании и повсеместная проследка японского морского атташе при японской миссии в Берлине Такикавы, так и агентов его, занимавшихся явно военно-разведочной деятельностью: лейтенанта запаса прусского флота капитана Цигера и прусского подданного Вальтера Гут; охрана на море также правильно функционировала, что подтверждается обнаружением сторожевым судном «Еллен» и состоявшими у нас на службе рыбаками двух подозрительных миноносцев неизвестной национальности.

При проходе дополнительной партии судов Второй эскадры, состоявшей из крейсеров: Олег, Изумруд, Рион и Днепр, пяти миноносцев и транспорта «Океан», сторожевая служба производилась кроме названных уже судов и пароходом «Викинг». Во время остановки этой партии судов в Скагене произошла авария миноносца «Прозорливый», которого понадобилось поднять два раза над водой, что удалось сделать моими сторожевыми пароходами

«Фредериксгавн» и «Викинг» спасательного общества Свитцера, для каких действий я сумел получить разрешение общества Свитцера, в чем это общество до того отказывало как нашему консулу, так и императорской миссии в Копенгагене.

Независимо изложенного, в деле общего руководства организацией во время прохода нашей эскадры чрез охраняемый район сослужило большую службу то обстоятельство, что за отдельную плату я получил возможность в течение ночного времени по телефону и телеграфу давать указания сторожевым пунктам по всей Дании, Швеции и Норвегии, не покидая своей квартиры.

При обсуждении в Главном морском штабе вопроса расходов, необходимых для организации вверенной мне охраны, полагалось, что охранная служба потребует около 30-ти человек и понадобится 2—3 парохода для крейсирования в Бельте, причем имелось в виду, что организация должна будет функционировать не более 3-х месяцев и расход был высчитан в 150 000 руб., каковая сумма была ассигнована Морским министерством. В действительности же охрана продолжалась в течение 4-х с половиной месяцев, ею занималось до 100 человек в охранных пунктах, кроме того крейсировали 9 пароходов от 3-х до 4-х месяцев с экипажем около 100 человек. Эта сложная операция стоила всего 127 631 руб. 98 коп., из которых следует вычесть 3200 руб., которые понадобились для обеспечения кутера «Елен» в течение 2-х месяцев, согласно особому приказанию Вашего превосходительства. Таким образом, вся охрана обошлась в 124 431 руб. 98 коп. Сумма эта распределяется следующим образом: 1. Плата за наем пароходов – 86 582 крон 12; 2. Содержание пароходов (уголь, экипажи и все подобные расходы) 47 454 кр. 82; 3. Почтово-телеграфно-телефонные расходы 3010 кр. 82; 4. Агентурные расходы 11 242 кр.; 5. Расходы мои и моих секретарей в гостиницах, разъезды всех и т.п. 14 223 кр. 75; 6. Пункты, т.е. охрана, производившаяся значительным числом населения на громадном побережье вверенного мной охране района (всего до 200 человек) 71 406 кр. 07, т.е. около 36 000 руб.

Подобный результат можно было достигнуть, конечно, только при соблюдении самой строгой экономии в расходах и благодаря только счастливому подбору людей, из которых все без исключения

добросовестно выполнили возложенную на них миссию.

Заведующий Берлинской агентурой
А. Гартинг

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 11, ч. 2. Л. 158—165.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 36—40.*

№ 39

Донесение И.Ф. Манасевича-Мануйлова А.А. Лопухину

Париж, 30 ноября / 13 декабря 1904 г.

№ 291

Считаю долгом почтительнейше доложить, что согласно приказанию Вашего превосходительства, мною учреждена агентура в Брюсселе и Антверпене в области разведочного дела. При сем имею честь препроводить первое донесение нашего брюссельского агента. Одному из посланных мною людей удалось войти в сношение со служащим в американской миссии в Брюсселе и надеюсь, что в самом непродолжительном времени нам будут доставлены оттуда сведения... Помимо вышеизложенного, мною послан в Вену опытный агент, бывший раньше на службе во французском Разведочном бюро. Он успел уже войти в сношения с прислугой японской миссии и консульства и согласно его последнему письму, он надеется скоро достигнуть хороших результатов. Равным образом мною командирован и в Стокгольм одинаково надежный и верный человек, также служивший во французском Разведочном бюро. За недавностью отъезда агента никаких положительных сведений о его деятельности еще не имею.

Что же касается Парижа, то здесь завязаны сношения с итальянским посольством и хотя добытые до сих пор, препровождаемые при сем документы не имеют политического интереса, тем не менее, я признал целесообразным войти в сношения с агентом, который со временем несомненно может давать нам весьма ценные указания и способствовать получению шифра итальянского правительства.

Считаю долгом почтительнейше доложить Вашему превосходительству, что мне удалось приобрести дипломатический шифр сиамского правительства, фотографические снимки коего в скором времени будут мною препровождены.

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 24. Л. 4—4 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 40—41.*

№ 40

Отчет жандармского подполковника В.В. Тржецяка А.А. Лопухину о командировке в Константинополь с 15 июня по 18 декабря 1904 г

Варшава, 15 января 1905 г.

№ 44

Секретно

Представляя при сем агентурную записку о командировке моей в Константинополь с 15 июня по 18 декабря истекшего года по организации наблюдения за японскими разведчиками в районе Черного, Мраморного морей, Архипелага, побережья Малой Азии, Европейской Турции, Болгарии, Греции и Румынии, имею честь донести Вашему Превосходительству нижеследующее:

При командировании в Константинополь мне было поставлено целью не допустить прибытия в пределы России 22 японских

офицеров, которые, по указанию ДСС Павлова из Шанхая, предполагали якобы проникнуть в Черное море с целью нанести вред нашей Черноморской эскадре. С этой целью по прибытии в Константинополь было учреждено агентурное наблюдение за всеми прибывающими в русские воды иностранными пароходами, находящимися на них японцами, а также за японской колонией, находящейся в Константинополе. Уже в начале августа месяца агентурою получены были определенные указания на то, что сведения, сообщенные ДСС Павловым, лишены основания и морские японские офицеры, действительно выехавшие из Японии, предназначались не для нанесения вреда нашей Черноморской эскадре, а для укомплектования экипажей военных судов, приобретенных японским правительством от бразильского и чилийского военного флота.

Ввиду этого вверенная мне организация, продолжая по-прежнему вести наблюдение за всеми прибывающими в район агентуры иностранными судами, обратила главное внимание на выяснение японских разведочных сил и их деятельность. За отчетное время были выяснены нижеследующие разведчики-японцы: 1. Негласный японский консул в Константинополе К. Накамура, представитель японского торгового музея в Константинополе. 2. Его помощник, запасной офицер японских войск Т. Ямада, в распоряжении которого состояли два японца, Морисаки и Танака. 3. Доктор археологии, фотограф, инженер Ито (Chieta Ito), все время путешествовавший по побережью Малой Азии и Египту. 4. Корреспондент газеты «Ниши» Торо Матцумото, проживавший на Босфоре в Терапии и наблюдавший за проследованием наших судов через проливы. 5. Профессор Хаяши, бывший в Софии, Константинополе, Пирее, Афинах, Пересе и выехавший затем через Бриндизи в Рим и далее во Францию и 6. Инженер Митсуаки, посетивший Париж и Лондон и имеющий сношения с Бухарестом по организации на юге России военного шпионажа.

Из числа упомянутых лиц агентурою была получена корреспонденция японцев Накамура, Ямада, Матцумото и Митсуаки, каковая по мере получения представлялась мною в подлиннике Департаменту полиции. Независимо сего, попутно, при наблюдении за Босфором и Дарданеллами чинами агентуры получен был ряд ценных сведений военно-разведческого характера, касающихся вооружений

Турции и Греции, доставлены фотографии вновь приобретенных турецким правительством двух миноносцев и указано место в Босфоре, где находятся ныне минные заграждения. Все эти сведения, упомянутые в подробности в прилагаемой агентурной записке¹²⁸⁸, были своевременно переданы военно-морскому агенту в Константинополе капитану 2-го ранга Шванку и его помощнику г. Щербо.

Кроме того, при формировании охраны Суэцкого канала от вверенной мне организации было выделено три сотрудника, образовавшие отдельную агентуру, находящуюся в распоряжении командированного туда от Морского министерства капитана 2-го ранга Шванка, а также командировано два агента, состоявшие в распоряжении известного Департаменту полиции Жюльена Леруа¹²⁸⁹.

В течение шестимесячного пребывания моего в Константинополе я располагал полной возможностью выполнять возложенную на меня задачу благодаря полному покровительству и помощи, оказанными мне как послом Зиновьевым, чинами посольства и консульства в Константинополе, так и военно-морским агентом капитаном 2-го ранга Шванком и его помощником г. Щербо; благодаря этому мне удалось сохранить полное мое инкогнито и избежать каких-либо нежелательных оглашений в печати о цели моей командировки.

Из числа лиц, оказавших особые услуги агентуре и способствовавших успешному выполнению возложенной на меня задачи, я считаю обязанным донести о нижеследующих:

1. Георгий Дмитриевич Фотиади, наш вице-консул в Смирне, доставивший агентуре ряд весьма ценных услуг и сведений о деятельности в Малой Азии японца Ито и отказавшийся принять средства на наем служащих для этой цели. Ходатайствую о награждении его орденом Св. Анны III степени.

2. Проживающий в Пирее греческий подданный Сократ Арханиотаки, способствовавший организации агентуры в греческих морях и затем обслуживавший Суэцкий канал под руководством капитана Шванка. Ходатайствую о награждении его медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие».

Кроме того из числа подведомственных мне агентов я считаю себя обязанным выделить особо полезную деятельность нижеследующих известных Департаменту полиции по службе в заграничной агентуре

моих агентов: 1. Георгия Анастасиевича Меласа, проживающего в Бухаресте, 2. Состоявшего в распоряжении бывшего Бессарабского охранного отделения сотрудника Ивана Осиповича Осадчука и 3. Заразившегося при исполнении служебных обязанностей и умершего 20 октября в Константинополе от черной оспы черногорца Михаила Кралевича. Меласу, Осадчуку и вдове Михаила Кралевича, оставшейся с двумя малолетними детьми в Бухаресте, я испрашиваю денежные награды.

Подполковник Тржецяк

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12, ч. 2. Л. 43—47.

Опубл.: Японский шпионаж в царской России: сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944.

С. 190—192; Исторический архив. 1994. № 3. С. 41—43.

№ 41

Письмо Ф.К. Авелана графу В.Н. Ламздорфу

Петербург, 31 января 1905 г.

Секретно

Милостивый государь граф Владимир Николаевич.

Вследствие имевшихся у правительства сведений о намерениях японцев всеми средствами помешать военным нашим судам достигнуть Дальнего Востока, в июне месяце 1904 г. с высочайшего его императорского величества соизволения в Суэцкий канал и Красное море был командирован надворный советник Геденштром, которому было поручено принятие мер по охране эскадры нашей от покушений со стороны японцев от Порт-Саида до Индийского океана.

Эскадра контр-адмирала Фелькерзама и отряд капитана 1 ранга Добротворского¹²⁹⁰ благополучно прошли по Красному морю в Бабельмандебский пролив, считавшийся одним из самых опасных мест на пути прохождения наших судов. Пребывание последних в Жибути, где последние месяцы находился М.М. Геденштром в течение довольно продолжительного времени, прошло при самых благоприятных условиях.

Исполняя свою командировку при тяжелых условиях пребывания в Красном море летом, М.М. Геденштром выполнил с полным успехом высочайше возложенное на него чрезвычайно важное и трудное поручение, что обеспечило безопасный проход и пребывание в портах наших военных судов и транспортов. Ввиду сего обо всем изложенном почитаю особенно приятным долгом довести до сведения Вашего сиятельства.

Авелан

*РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3143. Л. 168—168 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 43.*

№ 42

Донесение И.В. Манасевича-Мануйлова директору Департамента полиции

Париж, 20 апреля / 3 мая 1905 г.

№ 125

Ввиду поступивших сведений о том, что японский военный агент в Стокгольме полковник Акаши является руководителем шпионско-разведочной деятельности в Европе, мною было установлено за

означенным японцем агентурное наблюдение, благодаря коему выяснилось, что он на сих днях прибудет по особому важному делу в Париж. Полковник Акаши действительно приехал в Париж 1 мая (н. ст.) и остановился в Hotel International, Avenue d'Jena, 60. Для непосредственного наблюдения за Акаши мною было нанято в упомянутой гостинице помещение, смежное с комнатой этого военного агента, и я поселил туда одного из моих сотрудников. Благодаря такой организации моему сотруднику удалось снять копию с письма, полученного Акаши 1 мая (н. ст.) следующего содержания: «Париж. 1 мая 1905. Дорогой друг. В ответ на вашу телеграмму сообщаю вам, что вы можете рассчитывать на меня завтра, во вторник, между 3 и 4 часами. В ожидании удовольствия беседовать с вами, примите и т.д. Деканози»¹²⁹¹.

Ввиду вышеприведенного письма я решил при содействии прислуги устроиться так, чтобы лично слышать весь разговор между Деканози и Ака-ши.

Действительно, в назначенное время 2 сего мая в гостиницу явился Деканози, который велел доложить о себе как об «Емпилове». Акаши встретил его как старого знакомого и разговор сейчас же коснулся революционного движения в России. Акаши заметил, что его не удовлетворяет настоящая форма революционного движения, так как она совершенно расходится с теми планами, которые намечены были ими в предыдущих свиданиях как с ним Деканози, так и с другими единомышленниками. На это Деканози возразил, что местные условия весьма часто в силу вещей видоизменяют заранее намеченные планы и что с этим обстоятельством волей-неволей приходится считаться. Главной помехой, по словам Деканози, является войско, которое самым слепым образом исполняет приказы правительства. Акаши заметил на это, что по тем сведениям, которые были получены чрез посредство Деканози от офицера, в данное время в России всего от 400 до 500 тысяч войска и, по его мнению, если бы суметь организовать стотысячную вооруженную толпу, то с уверенностью можно бы сказать, что при содействии общества эта вооруженная сила одержала бы победу над деморализованными солдатами. «Мы готовы, как вы знаете, — сказал Акаши, — помогать вам материально на приобретение оружия, но самое главное, чтобы движению этому не

давать остывать и вносить таким образом в русское общество элемент постоянного возбуждения и протеста против правительства».

Затем разговор перешел на одного из сотрудников Акаши, живущего в Одессе, который, по его словам, крайне преувеличивает события. «Я решил ему платить еженедельно, дабы иметь возможность в каждую данную минуту прекратить с ним сношения; в этом духе прошу вас и с своей стороны ему написать». Засим Акаши обратился с просьбой найти ему еще одного сотрудника на юге России, но с тем непременным условием, чтобы сотрудник этот был активным деятелем революционного движения. «Вы уже мне об этом писали, – возразил Деканози, – и я остановился на одном человеке, с которым я Вас познакомлю через несколько дней в Берлине. Мы его, если он Вам подойдет, оттуда отправим в Россию». После сего Акаши вспомнил о двух сотрудниках, которые под видом представителей торговых домов недавно уехали в Россию и благополучно путешествуют, давая всевозможные сведения о происходящих событиях внутри империи.

Разговор переходит снова на революционное брожение и Деканози самым подробным образом рассказывает своему собеседнику о многих событиях, происходящих на Кавказе, утверждая при этом, что с осени можно ожидать весьма крупных беспорядков в Тифлисе, Баку и Батуме, куда уже доставлено весьма значительное количество оружия. Акаши развивает ту мысль, что во всем этом движении необходимо по возможности не трогать частной собственности, дабы не раздражать общества, но направить все против самодержавного правительства. «Нужно, – сказал Акаши, – чтобы движение это в особенности носило характер антицарский, а потому, по моему мнению, следовало бы громить имущество, принадлежащее удельному ведомству». «В этом направлении, – ответил Деканози, – кое-что уже начато в Таврической губернии».

По словам Акаши, в японскую миссию в Лондоне недавно явился некий Максимов, который предлагал Гаяши¹²⁹² свои услуги, но посланник не пожелал войти с ним в сношения, поручив это дело ему, Акаши. Последний обратился к Деканози с просьбой в точности выяснить, кто такой Максимов и насколько искренно его предложение. Деканози заявил, что он Максимова знает за человека, образ жизни которого не внушает особого доверия и он опасается, не является ли

его шаг провокаторством. «Во всяком случае, в самом близком будущем, – добавил он, – я доставлю Вам подробное о нем сведение».

Затем Деканози осведомился, имеются ли известия о Захаре или Шахере, о котором он давно ничего не слышал. Акаши ответил, что Шахер в России, присылает ему небольшие письма, но ввиду его частых переездов он опасается, как бы он не сделал какого-нибудь ложного шага.

Разговор коснулся, наконец, денежных затрат. Как я, так и мой сотрудник явственно слышали следующее: Деканози получает от Акаши на расходы и разъезды 2050 франков в неделю. Потом до нас донесся шелест пересчитываемых бумаг, причем Акаши заметил: «Тут на 125 тысяч франков, но Вы их разменяйте во Франции, но не за границей, особенно в Гамбурге, куда Вы теперь поедете, так как германское правительство очень зорко следит за иностранцами и обмен такой значительной суммы может обратить внимание. И не меняйте их сразу».

В заключение беседы Акаши просил писать ему по следующим двум адресам: Anderson, negociant. Stockholm, poste-restante и Friedrich Danmer, Limestrasse, Berlin (номера я расслышать не мог), причем всегда класть все в двойные конверты и на одном из конвертов надписывать: «Прошу передать письмо г. Тэдэ или Тэлэ» (хорошо не мог расслышать). Все письма Деканози должен подписывать «Фредерик», а Акаши – «Жорж», причем корреспонденция для Деканози должна направляться по адресу: мадам Рэно, 18, rue Claude-Bernard (?). Они условились еще раз встретиться через несколько дней.

Находившиеся в гостинице мои филеры взяли под наблюдение Деканози, причем было выяснено, что сейчас же после свидания с Акаши он отправился в меблированный дом 32, улица des Ecoles, Hotel des Familles, где посетил русско-подданного из Тифлиса Арчила Джорджадзе. Сейчас же по приходе Деканози к означенному Джорджадзе туда явилось несколько человек, по справке оказавшихся русскими, причем собрание носило весьма конспиративный характер.

Во время одной из отлучек Акаши мною при помощи сотрудника и прислуги гостиницы был досмотрен его чемодан, в котором между прочим находилось письмо известного финляндского сепаратиста Кони Зильякуса следующего содержания: «Копенгаген, 25 апреля. Дорогой друг. Благодарю Вас за письмо, которое пришло чересчур

поздно по случаю праздников для ответа из Стокгольма. Что касается моего путешествия, то я намерен уехать отсюда в пятницу вечером в Гамбург, где я пробуду один день, уеду в субботу вечером и прибуду в Париж в понедельник пополудни. Там я останусь, по всей вероятности, очень недолго перед поездкой в Лондон, но если Вам возможно вручить мне в Париже 4000 фунтов за счет тех, кому я обещал результат сбора в Америке, я буду Вам очень благодарен. Приготовления идут превосходно и деньги тают, как снег на солнце.

Надеюсь, Вам вручили обещанное донесение перед Вашим отъездом, оно отправлено отсюда в субботу вечером. Как только приеду в Париж, я тотчас же сообщу Вам свой адрес. До свидания, через неделю или приблизительно. Дружески Ваш. Конни Циллиакус»¹²⁹³.

Собственноручный черновик Акаши (в копии): «Дорогой друг. Без сомнения Вы были удивлены, услышав о Гансе Майере; он был, как Вы знаете, моим сотрудником в редакции “Новиа”, а сейчас находится в затруднительном положении по случаю своей помолвки. Как Вам известно, он был в Норвегии, где нашел скромное место агента страховой компании, одновременно являясь корреспондентом по экономическим вопросам в одной крупной немецкой газете. Он просил меня передать Вам свои наилучшие пожелания. Я также просил его помогать мне время от времени, предоставляя необходимы для меня материалы. Я скоро вернусь в Берлин, мой адрес прежний. Если Вы нашли...»¹²⁹⁴

Несколько прокламаций, напечатанных на гектографе по-русски (одна из прокламаций – призывающая все революционные фракции к общей борьбе против самодержавия по плану, намеченному Гапоном); список фамилий:

Гросфельд, Додсон и Рейнштейн; представляемый в подлиннике документ на японском языке с чертежом на обороте и названиями городов Кавказского края; визитная карточка Романа Дмовского, заметка на японском языке и копия телеграммы следующего содержания: «Краков. 11 апреля 10 часов утра. Григорий посетит Александра 27 мая».

Разговор между Деканози и Акаши, шедший на французском языке, был тут же в точности записан моим сотрудником, бывшим комиссаром французской политической полиции. На вопрос мой,

признал ли бы он возможным, в случае надобности, подтвердить перед русскими компетентными властями все слышанное и записанное им, сотрудник мой выразил на сие полную готовность.

Таким образом, факт непосредственного участия японского правительства в последнем революционном движении в России можно отныне считать вполне установленным.

О вышеизложенном имею честь почтительнейше донести Вашему превосходительству.

И. Мануйлов

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 28. Л. 48—51 об.

Опубл.: Японский шпионаж в царской России: сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944.

С. 60—64; Исторический архив. 1994. № 3. С. 43—46.

№ 43

Донесение И.Ф. Манасевича-Мануйлова директору Департамента полиции

Париж, 2/15 мая 1904 г.

№ 145

Вследствие телеграммы Вашего превосходительства от 1/14 сего мая имею честь почтительнейше доложить, что собственноручная записка Конни Зиллиакуса, найденная в чемодане японского военного агента Акаши и препровожденная мною 30 апреля/13 мая за № 144 – вполне тождественная по почерку с письмом того же Зиллиакуса к Акаши, фотография с коего представлена мною при докладе от 29 апреля / 11 мая за № 140, – является несомненным доказательством

провокационной деятельности японского правительства. Я позволяю себе обратить благосклонное внимание Вашего превосходительства на то, что цифра 4000, значащаяся в представленной мною подлинной записке Кони Зиллиакуса, фигурирует также в письме его же к Акаши, фотография с коего представлена мною Вашему превосходительству при донесении за № 140. Буквы «SR» обозначают, по-видимому, «социалисты-революционеры»; «F» – «финляндцы» и «StP» – «С.-Петербург»; буква «g» – «грузины», причем сумма в 2000 фунтов, зачеркнутая в записке Зиллиакуса, была вручена им Деканози во время беседы, которая была мною лично слышана и передана Вашему превосходительству в донесении от 20 апреля за № 125; 4000 фунтов были вручены при свидании Зиллиакусу; 500 же фунтов на яхту Акаши должен, по всей вероятности, передать кому-нибудь в Лондоне.

Как усматривается из приведенной записки Зиллиакуса, японское правительство при помощи своего агента Акаши дало на приобретение 14 500 ружей различным революционным группам 15 300 фунтов стерлингов, то есть 382 500 франков. Кроме того, им выдано 4000 фунтов (100 000 франков) социалистам-революционерам и на приобретение яхты с содержанием экипажа 4000 фунтов (100 000 франков).

... Как я имел честь доложить Вашему превосходительству в телеграмме моей от 1 (14) мая, ввиду важности дела и возможности, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам быть в курсе преступных замыслов военного японского агента и его сообщников, мне казалось бы полезным, не теряя времени, учредить самое широкое наблюдение за полковником Акаши, Деканози, Зиллиакусом и другими лицами, примыкающими к этой особой организации. Мне думается поэтому, что за означенными лицами надлежало бы установить во время их постоянных передвижений в различные города Европы неотступное наблюдение для выяснения их сношений и вообще крайне полезно было бы принять все меры к освещению внутренней агентурой всего происходящего в этом направлении. Вместе с сим мне казалось бы целесообразным для наблюдения за контрабандой учредить специальную агентуру вроде той, которая у нас имеется в Антверпене, в некоторых наиболее важных портах, как например в Гамбурге, Кенигсберге, Лондоне, Ливерпуле, Гавре, Марселе и Шербурге. Для выполнения таковой организации, как я имел честь

докладывать в телеграмме моей от 30 апреля (13 мая), я позволил бы себе просить Ваше превосходительство об ассигновании известного кредита, так как получаемые мною суммы всецело поглощаются текущим разведочным делом.

Согласно телеграмме Вашего превосходительства я немедленно поручил одному из сотрудников раздобыть корреспонденцию Деканози и с сегодняшнего дня уже приступлено к регулярному получению писем и телеграмм вышеупомянутого эмигранта, фотографии коих я не премину препровождать по мере получения.

У сего имею честь представить сведения на французском языке наших наблюдательных агентов за время пребывания полковника Акаши в Париже.

Докладывая о вышеизложенном и ввиду кажущейся мне безотлагательности реализации упомянутого специального наблюдения, я почтительнейше позволяю себе просить телеграфных приказаний Вашего превосходительства.

И. Мануйлов

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 28. Л. 69—70 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 46—47.*

№ 44

**Письмо графа В.Н. Ламздорфа министру внутренних дел
А.Г. Булыгину**

Петербург, 5 мая 1905 г.

№ 67

Весьма секретно

Милостивый государь Александр Григорьевич.

Имею честь препроводить Вашему превосходительству копию с весьма секретного письма императорского посла в Париже, которое мною было повергнуто на высочайшее благовоззрение. О последующем для извещения ДТС Нелидова буду ожидать отзыва Вашего превосходительства.

Примите, милостивый государь, уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Ламздорф

Копия с весьма секретного письма императорского посла в Париже от 27 апреля /10 мая 1905 г.

Несколько недель тому назад я получил от прислуги одной из здешних гостиниц письмо, извещавшее меня, что в ней останавливается часто приезжающий сюда японский офицер, занимающийся, как кажется, шпионством и имеющий связи и в России. Автор письма предлагал свои услуги, чтобы проследить действия этого японца и его сообщников. Я счел нужным передать это дело г. Мануйлову и ему удалось тотчас же выяснить, что прислуга эта – немка, сестра которой находится в услужении в России и что сочувствие к нашему отечеству, а вероятно и надежда на вознаграждение побудили ее обратиться к нам с своими предложениями. Затем было установлено, что японец полковник Акаши, один из главных агентов для разведок, проживающий по преимуществу в Стокгольме, откуда он при помощи частых переездов руководит всеми нитями шпионства.

На днях Акаши снова приехал в Париж и г. Мануйлов мог с помощью находящегося в его распоряжении французского агента, наняв соседнюю с помещением Акаши комнату, проследить всю его здешнюю деятельность. Он имел свидание с одним из русско-

армянских политических выходцев, который отдавал ему отчет о распространении революционного движения в России, о подготовке беспорядков, ввозе оружия для вооружения 100 000 населения с целью парализовать таким образом действия войска и т.п. Главное внимание этих деятелей обращен на Кавказ, Привислянский край и Финляндию, причем для поддержания движения Акаши отсчитал своему русскому агенту 125 000 франков, а на движение в Финляндии им было послано одному известному выходцу 100 000 фр.

Все эти данные, подкрепленные письмами, с некоторых из которых удалось снять копии, а частью и фотографии, представляют такую политическую важность, что мне кажется необходимым проследить далее деятельность Ака-ши с целью открыть путь его сношений с Россией, способ проникновения к нам оружия из-за границы (главным образом чрез Гамбург), а равно и узнать, с какими лицами или обществами в России он находится в связи. Он должен между прочим иметь в конце мая нов. стиля свидание с кем-то в Кракове (вероятно, с одним из агентов, находящихся в России), а равно и направить из Гамбурга партию ружей в Россию.

Для исполнения сложной задачи выслеживания движений, действий и сношений полковника Акаши и его сподвижников необходимо устроить совершенно особое за ним наблюдение, причем интерес дела так велик, что стесняться средствами не следовало. Нельзя также вести дело обыкновенным полицейским порядком. Его надо поручить сведущему и опытному агенту, и я считал бы самым подходящим для этого того же Мануйлова. Он доносит об этом подробно своему начальству, но я считал бы полезным его вызов в Россию для устного доклада и получения должных указаний и средств, после чего он должен был бы без потери времени приняться за работу.

Ввиду исключительной важности этого дела и решился я представить его со своей стороны Вашему сиятельству для возможного воздействия на надлежащие ведомства.

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 28. Л. 80—82 об.

Опубл.: Японский шпионаж в царской России: сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944.

С. 64—66; Исторический архив. 1994. № 3. С. 48—49.

№ 45

**Донесение А.М. Гартинга директору Департамента
полиции С.Г. Коваленскому**

31 мая 1905 г.

Имею честь представить при сем Вашему превосходительству полученное мною от чиновника особых поручений Мануйлова письмо, в котором он испрашивает об отпуске ему 400 франков в месяц для учреждения наблюдения в составе одного агента в Гамбурге. При этом имею честь доложить, что, по моему крайнему убеждению, учреждение в Гамбурге наблюдения из одного человека ничего существенного дать не может и если бы было признано желательным учредить означенное наблюдение за отправляемой из Гамбурга японцами военной контрабандой, то необходимо было бы устроить это в более широких размерах, дабы можно было ожидать от этого желательных результатов.

Начальник отделения А. Гартинг

Письмо И.Ф. Манасевича-Мануйлова А.М. Гартингу

Париж, 24 мая 1905 г.

Дорогой Аркадий Михайлович.

Мне представляется возможность иметь хорошего агента в Гамбурге, который по своему положению может держать нас в курсе

всей контрабандной деятельности, ведущейся в Гамбурге, и вообще оказывать нам содействие. Лицо это желает получать 400 фр. в месяц. Прошу Вас, доложите директору. У меня средств нет, а потому, если директор признает полезным, придется ходатайствовать об ассигновании этой суммы из Департамента. Революционеры и японцы избрали Гамбург центром для переправы контрабанды, и мне думается, что постоянное наблюдение было бы нелишнее. Ответ директора прошу Вас мне протелеграфировать. Согласие словами «directeur consent», а обратное «trouve inutile». Мне необходимо ответить в Гамбург. Кстати, о Гамбурге. Наблюдения за Зильякусом ведутся удачно и на днях мы будем знать, куда отправляется оружие.

От души желаю Вам всего хорошего.

Искренне преданный

И. Мануйлов

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 24. Л. 141—143.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 49.*

№ 46

Телеграмма А.М. Гартинга И.Ф. Манасевичу-Мануйлову

Петербург, 2 июня 1905 г.

Reviens voyage. Directeur trouve inutile Hamburg. Harting.

(Возвращайтесь из поездки. Директор находит Гамбург неудобным. Гартинг).

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 24. Л. 144.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 50.*

№ 47

**Письмо графа В.Н. Ламздорфа товарищу министра
внутренних дел Д.Ф. Трепову**

Петербург, 6 июня 1905 г.

Министр иностранных дел, свидетельствуя совершенное свое почтение его превосходительству Дмитрию Федоровичу, имеет честь препроводить при сем с просьбой вернуть по прочтении весьма секретное письмо императорского посла в Париже от 1/15 сего июня.

Копия весьма секретного донесения А.И. Нелидова графу В.Н. Ламздорфу

Париж, 2/15 июня 1905 г.

М[илостивый] Г[осударь] граф Владимир Николаевич.

Ссылаясь на секретное письмо мое от 27 апреля (10 мая) и ознакомившись с содержанием препровожденного ко мне в копии совершенно секретного письма г. министра внутренних дел от 10 мая № 46, я считаю долгом еще раз вернуться к вопросу о японском полковнике Акаши. Деятельность его, как явствует из добытых г. Мануйловым подлинных документов, не ограничивается предприятиями разведочного характера и переходит далеко за пределы Скандинавии и Стокгольма. Он руководит целую сетью направленных против России интриг, имеющих в виду поднятие смут и вооруженного движения главным образом на Кавказе, куда, равно как и в Балтийские порты, его заботами и на его деньги отправляется в большом количестве оружие. Для перевозки этого груза приобретен в Гамбурге пароход, о котором г. Мануйлов доставил в Департамент полиции самые подробные сведения и фотографию. Кроме того ему удалось получить точные данные о времени и месте отправления ружей из Марселя в Черное море. За этими опасными предприятиями надо зорко следить, чтобы не допустить выгрузки оружия в России.

Если я позволяю еще раз обращать внимание Вашего сиятельства на это важное дело, то это из опасения, чтобы среди других многочисленных и настоятельных дел, отвлекающих деятельность нашего полицейского Департамента, сведениям, доставленным из Парижа г-м Мануйловым не было придано той государственной важности, которую они представляют. Возможность наблюдения за подпольною деятельностью японцев, которую г-ну Мануйлову удалось добыть, кажется мне настолько существенною для ограждения нас от происков этого опасного и беззащитного, ничем не стесняющегося врага, что мне казалось бы необходимым ее расширить, а именно доставить средство для наблюдения за японской миссией в Лондоне. Тамошний посланник пользуется полным доверием своего правительства и имеет на него огромное влияние. При предстоящих переговорах о мире нам было бы в высшей степени важно быть осведомленными о получаемых и посылаемых им телеграммах.

Само собою разумеется, что дело это должно быть ведено с крайнею осмотрительностью, чтобы не возбудить ничьего подозрения и не лишиться имеющихся в руках средств разведывания. А между тем французская тайная полиция, не без содействия которой все это производится, была недавно весьма озабочена, ознакомившись с передававшейся по телеграфу г-ну Мануйлову открытой депешей, в которой ему разрешалось произвести незначительный расход «для получения сведений о провозе оружия».

Покорнейше прошу, Ваше сиятельство, принять уверения в глубоком моем почтении и совершенной преданности.

Нелидов

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 28. Л. 168—169 об. На письме резолюция Д.Ф. Трепова: «П.И. Рачковскому обсудить и по снятии копии возвратить [в] МИД. 6.VI.905».

Опубл.: Японский шпионаж в царской России: сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944.

С. 67—68; Исторический архив. 1994. № 3. С. 50—51.

Письмо П.И. Рачковского И.Ф. Манасевичу-Мануйлову

Петербург, 10 июня 1905 г.

№ 127

Императорский посол в Париже обратился в министерство иностр[ан-ных] дел с двумя письмами, в которых, указывая на доставленные ему В[ашим] в[ысокоблагородием] сведения о вредной деятельности японского полковника Акаши, чрез посредство которого в Россию будто бы ввозится большое количество оружия для революционных целей, сообщает, что Д[епартамен]т полиции не принимает достаточно энергичных мер к пресечению деятельности названного Акаши.

Принимая во внимание, что все сообщенные В[ашим] в[ысокоблагородием] сведения о враждебной деятельности Акаши и указываемых Вами его сообщников, выражающейся между прочим в доставлении оружия, покупке для сего яхты, до настоящего времени не подтверждаются и вообще носят голословный характер, предлагаю В[ашему] в[ысокоблагородию] представить Д[епартамен]ту более обоснованные доказательства доставляемых Вами сведений [по] изложенному делу.

За директора П. Рачковский

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 28. Л. 175—175 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 51.*

№ 49

**Из донесения И.Ф. Манасевича-Мануйлова
П.И. Рачковскому**

Париж, 22 июня / 5 июля 1905 г.

№ 269

Вследствие предписания ДСС Лемтюжникова¹²⁹⁵ от сего 16 июня за № 6933, позволяю себе препроводить Вашему превосходительству копию справки, представленной мною его превосходительству С.Г. Коваленскому, согласно его предписанию. [...].

И. Мануйлов

Справка

Разведочная агентура за границей получает ежемесячно на расходы 8250 фр. На конспиративную квартиру 200 фр. Заведующий агентурой получает ежемесячно на особые свои расходы (представительство) 500 руб.

Ежемесячные расходы

Служащие

Девернин (жалованье).....	1250 фр.
Брюкер – агент (жалованье и расходы)	500 фр.
Леблан – агент, рекомендован г. Гамаром (жалованье и расходы) ...	500 фр.
Мартен – агент (в данное время специально наблюдает в Дравейль – дачном месте, где живет Деканози)	200 фр.
Леруа – филер (жалованье и расходы)	300 фр.
Спренжель – фотограф	500 фр.
Поморин – письмоводитель	266 фр.
Инверници – специально занимается просмотром и вырезками из газет	375 фр.
Итого.....	4191 фр.

Агентурные наблюдения:

в Париже:

Шведская миссия (письмоводитель).....	200 фр.
Сербская миссия (старший лакей)	150 фр.
Китайская миссия (переводчик).....	200 фр.
Английский морской агент (горничная)	50 фр.
Наблюдение за корреспонденцией Деканози (швейцар)	100 фр.
Наблюдение за той же корреспонденцией в Дравейль (почтальон)	100 фр.
Наблюдение за Сапейко ³⁹ (лакей)	50 фр.
Наблюдение за капитаном Ямамото (квартирная хозяйка)	150 фр.
В гостинице International, где обыкновенно останавливается Акаши (горничная).....	60 фр.

Переводчик французского Разведочного бюро Ансель, дающий телеграммы, которые по каким-либо причинам не доставляются Разведочным бюро	200 фр.
Переписчик того же Бюро	50 фр.
Случайные наблюдения	200 фр.
<u>в Лондоне:</u>	
Румынская миссия (лакей)	200 фр.
Китайское посольство (переводчик)	150 фр.
филер Лануан, рекомендованный французским Разведочным бюро	200 фр.
<u>в Брюсселе:</u>	
Японская миссия (лакей)	150 фр.
Английская миссия (письмоводитель)	150 фр.
Агент Тернэ	250 фр.
<u>в Мадриде:</u>	
Германское посольство (служащий в канцелярии)	200 фр.
<u>в Эссене:</u>	
Служащий в экспедиторской конторе	240 фр.
<u>в Антверпене:</u>	
Сотрудник, специально наблюдающий за контрабандой. Лицо это служит одновременно во французском Военном министерстве и рекомендовано нам одним из сотрудников означенного министерства. Он служит в Антверпенской пароходной компании	250 фр.
<u>в Гааге:</u>	
Японская миссия (голландец, служащий в канцелярии)	250 фр.
Итого	3550 фр.

В общем расходы по агентуре ежемесячно достигают до 7741 фр. Остающиеся ежемесячно 500 франков уходят: на мои разъезды, командировки агентов, фотографические принадлежности, награды, причем иногда этой суммы не хватает.

За время существования разведочной агентуры (с сентября 1904 г.) никаких экстраординарных сумм вытребовано не было, так как не производилось особенно больших затрат. Дело же Акаши повлекло за собой командировку агентов в Гамбург и Лозанну. Первое путешествие обошлось в 2300 фр., на второе пока выдано 700 фр. Расходы эти еще не вытребованы мною из Департамента.

Военные документы

Кроме переименованных пунктов, где имеются постоянные агенты, доставляющие известный материал, агентуре удалось войти в сношение с лицами, могущими давать нам сведения военного характера. Одно из таких лиц уже доставило нашему правительству документы, относящиеся к германской артиллерии. В минувшем феврале месяце мною была послана в Департамент копия секретного рапорта английского морского агента по вопросу о мобилизации Италии. Недавно агентурой были предложены следующие документы: планы нового итальянского крейсера, сведения о подводных лодках нового образца, строящихся в Италии, мобилизация итальянских берегов и итальянский военный шифр. В минувшем ноябре, согласно предложению Департамента, агентура приобрела секретное описание германских маневров, которое было подвергнуто на высочайшее его величества благоволение. В настоящее время агентура вошла в сношение с одним лицом, могущим доставлять военные и морские сведения из Англии. В самом скором времени обещаны планы мобилизации берегов Портсмута¹²⁹⁷.

Шифры

Заграничная агентура приобрела за кратковременное свое существование дипломатические шифры Японии и Сиама. Кроме того, были предложены Департаменту шифры Румынии и Сербии. В настоящее время обеспечены получением шифры германского и английского правительств.

Шифрованные телеграммы

Агентура обеспечила получение в Париже шифрованных телеграмм следующих государств: Японии, Китая, Испании и Америки. При наличии в Департаменте шифров упомянутых государств разбор телеграмм составит весьма интересный материал. Кроме того, агентурой приняты меры к регулярному получению отправляемой

корреспонденции в тех дипломатических представительствах, где учреждена агентура.

Расширение разведочного дела за границей

Важными пробелами разведочного дела за границей является отсутствие политической агентуры в Берлине, Вене и Лондоне. Для Берлина агентура имеет в виду капитана греческой морской службы Рафтопуло, рекомендованного несколько месяцев тому назад одним из агентов французского Разведывательного бюро, с которым он, Рафтопуло, находится 10 лет в деловых сношениях. Из слов сотрудника французского Разведочного бюро, г. Рафтопуло, имеющий прочные связи в Берлине, оказал ему много услуг в смысле посредничества между германскими офицерами и французской агентурой. Г. Рафтопуло прекрасно владеет французским и немецким языками, он служит адъютантом у греческого королевича Георга и исполнял поручения политического характера в Германии и Франции. В настоящее время упомянутый Рафтопуло покинул греческий флот. Что за причина заставила его оставить службу, мне неизвестно: по его словам, у него вышли неприятности с начальством, по другим же сведениям произошло недоразумение денежного характера. Я лично имел с ним сношения чрез посредство известного Вашему превосходительству лица, причем я воспользовался одной из его поездок в Германию, чтобы получить некоторые сведения о деятельности японского морского агента в Берлине, с которым Рафтопуло в давнишних приятельских отношениях. Мое поручение он исполнил хорошо, но расходы его я нашел несколько преувеличенными. Недавно, как я узнал от одного из секретных сотрудников здешнего французского Министерства иностранных дел, Рафтопуло был командирован в Германию. По тем же сведениям, он два или три месяца тому назад ездил с секретным поручением в Лондон.

Из моих разговоров с упомянутым Рафтопуло я понял, что ему желательно было бы получить место нашего секретного сотрудника в Берлине, причем он говорил, что его удовлетворило бы ежемесячное

содержание от 1000 до 1500 франков...

*ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 6. Л. 52—56 об.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 51—54.*

№ 50

Письмо П.И. Рачковского И.Ф. Манасевичу-Мануйлову

Петербург, 28 июля 1905 г.

№ 8663

Имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что господин товарищ министра внутренних дел Заведующий полицией изволил признать соответственным освободить Вас, милостивый государь, от всех возложенных на Вас по Департаменту полиции поручений за границу с откомандированием Вас от Департамента полиции.

Ввиду сего прошу Вас, милостивый государь, передать все дела и переписку по означенным поручениям имеющему прибыть в Париж делопроизводителю Департамента полиции действительному статскому советнику Лемтюжникову.

К сему считаю необходимым присовокупить, что вместе с сим на Ваш текущий [счет] в Лионском кредите переведены 750 руб. и 8250 франков для покрытия агентурных расходов за август с тем, чтобы эту сумму были покрыты все Ваши расходы по ликвидации поручений Департамента полиции.

За директора П. Рачковский

ГА РФ. Ф. 102 (ДП 3 д-во). 1905. Д. 1685. Л. 3.

Всеподданнейший рапорт Финляндского генерал-губернатора князя И.М. Оболенского

1 сентября 1905 г.

Всеподданнейше доношу Вашему императорскому величеству, что 25-го минувшего августа на острове Ванха-Мейлю близ города Кеми (Улеаборгской губернии) обнаружено было шкипером Анти Юнтуненом 33 ящика боевых ружей со штыками, по 20 ружей в каждом и 60 ящиков патронов по 2000 штук в каждом. Груз этот был доставлен в Кемискую таможеню, а затем, по сделанному мною распоряжению, доставлен в город Улеаборг, где сдан и.д. губернатора на хранение в казарменное расположение квартирующего в сем городе батальона 4-го Финляндского стрелкового полка.

26-го августа в 4 часа пополудни, в 22 километрах к северу от города Якобстадта (Вазаской губернии), в шхерах близ Ларсмо в двух километрах от берега четырьмя последовательными взрывами взорван пароход водоизмещением свыше 200 тонн, после чего окрестными крестьянами найдено и сдано прибывшим на место происшествия полицейским чинам более тысячи винтовок. На другой день вблизи места взрыва обнаружен был одним из местных жителей на небольшом острове склад оружия и взрывчатых веществ, прикрытых брезентом.

Я возложил руководство дознанием в Якобстадте на Вазаского губернатора Книповича; для содействия же и.д. Улеаборгского губернатора командировал одного из чиновников моей канцелярии.

Из имеющихся до сего времени в моем распоряжении данных, добытых этими двумя дознаниями, усматривается нижеследующее. По-видимому, один и тот же иностранный пароход, выгрузив сперва определенное число ружей и боевых припасов близ города Кеми, проследовал далее на юг и по несчастной для себя случайности (туман), в шхерах Ларсмо сел на мель. В течение последующих суток

команда сгрузила часть своего груза на соседний островок, а затем, подорвав пароход, покинула его.

По показаниям местных таможенного надсмотрщика и стражника, они, заметив в море потерпевшее аварию судно, выехали к нему на лодке. Их приняли на борт, где человек, назвавшийся штурманом и говоривший по-шведски общеупотребительным в Финляндии выговором, немедленно их заарестовал, указав на бесполезность с их стороны сопротивления вооруженной команде судна численностью в 20 человек. Объявить происхождение и место назначения судна он отказался, но сообщил, чем оно нагружено, а также предупредил, что вследствие полученной пробоины пароход будет взорван.

По прошествии часа арестованные таможенные чины были отпущены. По заявлению их, большинство экипажа и капитан его говорили между собою по-английски, хотя штурман и заявил им, что экипаж состоит из русских. Они свидетельствуют также, что видели, как экипажем был снят и свернут английский флаг; на английское происхождение судна указывают также остатки закрашенной на корме надписи, а также найденная впоследствии водолазами часть судового шканечного журнала, веденного на английском языке, из которых видно, что пароход назывался “John Grafton”. Отъезжая от парохода, таможенники заметили приближающуюся к нему парусную лодку, которая, по-видимому, и увезла на себе покинувший судно экипаж. Дознанием установлено также, что два лица, по наречию – финляндцы, высадились в 2-х километрах от места взрыва на берег и на лошадях проследовали к железнодорожной станции Беннэс.

В первый же день прибытия на место Вазаского губернатора ему доставлено было свыше 1300 магазинных ружей выведенной из употребления швейцарской системы Vetterley с отточенными штыками¹²⁹⁸, частью, по-видимому, подержанных и три ящика шестизарядных револьверов, двух величин, английской системы “Webley”. Той же системы ружья обнаружены были и около Кеми.

Ко всем местам хранения этого оружия приставлены были караулы от вызванной губернатором из Николайстада роты 4-го Финляндского стрелкового полка, каковые выставлены были также на острове Калшер по обнаружении там склада ружей и динамита.

Найденный на означенном острове экземпляр брошюры «Революционная Россия» за № 68 дает повод предполагать

причастность к этому делу русских революционеров. По собранным же и.д. Улеборгского губернатора данным, перевозкою оружия с парохода на остров Мейлю занимались 8 местных уроженцев, личность которых установлена, причем трое из них известны полиции в качестве ярых политических агитаторов. Лица эти успели, однако, скрыться на лодке, по-видимому, в Швецию и до настоящего времени не разысканы.

Для извлечения из воды затопленной части груза взорванного близ Якобстада парохода по моему распоряжению командирована водолазная команда Свеаборгской крепостной минной роты при офицере и таможенные суда. Сверх того я вошел в сношение с морским министром о командировании в мое распоряжение двух военных судов, одного для доставки конфискованного оружия и боевых патронов, которое ввиду неудобства его перевозки по железным дорогам края я полагаю сдать на хранение в одну из местных крепостей; другого же для производства подробного осмотра всего Ботнического побережья, а главное Аландских шхер с целью розыска, при содействии особо командированных на этом судне чинов Отдельного корпуса жандармов, могущих там быть складов оружия. Для обследования же и уничтожения взрывчатых веществ я просил морского министра командировать с первым из поименованных судов минного офицера.

Независимо сего, обо всем дознанном по этому делу было последовательно сообщено начальником Финляндского жандармского управления Департаменту полиции на предмет производств его распоряжением соответствующих розысков за границу.

Не считаю еще возможным высказать определенно убеждение в отношении истинного назначения задержанного оружия. Нахожу все же более вероятным, что оно предназначалось для вооружения части местного финляндского населения в целях осуществления программы, намеченной бывшим генерал-лейтенантом Шауманом для активных действий. Едва ли для доставки оружия в какую-либо из частей коренной России мог быть избран кружной и небезопасный путь через Финляндию.

По выяснении дальнейших обстоятельств настоящего дела мною о них будет всеподданнейше донесено Вашему императорскому

величеству дополнительно.

Подлинный подписал Финляндский генерал-губернатор генерал-адъютант кн. Оболенский.

Valtionarkisto. KKK (Архив канцелярии Финляндского генерал-губернатора). 1905. I делопроизводство. № V-5. Л. 111—114 об. Копия. Оpubл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 55—56.

№ 52

Проект организации агентско-разведочной деятельности на Дальнем Востоке¹²⁹⁹

Зима 1905/1906 гг.

Когда началась война между Россией и Японией, последняя имела на Дальнем Востоке прекрасно организованную разведочную систему, широкой сетью раскинутую по всему Китаю, по Маньчжурии, Корею и Приамурскому краю. Центр этой организации находился в Токио в *Intelligence Department*, во всех больших городах и портах были ее разветвления, отдельные же члены ее населяли все места и местечки, представлявшие для японцев какой-либо интерес.

Всем известно, как с объявлением войны многие фотографы и парикмахеры в П[орт]-Артуре, Дальнем и Владивостоке оказались офицерами Генерального штаба. Некоторую известность приобрел также Минеката, этот глава японских секретных агентов, проживший год в П[орт]-Артуре, а ранее этого совершивший под видом богомольца путешествие в Лхасу и подготовивший, таким образом, материал для англичан, коим и воспользовался полковник *Younghusband* в своей тибетской экспедиции. В частности, в Шанхае, еще задолго до войны японцы нашли необходимым основать одно из ... отделений своего *Intelligence Service*. Они поняли то важное

значение, какое представляет эта столица Дальнего Востока как в деле добывания всякого рода сведений, так и распространения своих идей среди массы европейского и китайского населения. Шанхай служил им дверью, в которую проникала их пропаганда и из которой одновременно выходила сумма добытых со всех сторон Китая сведений.

[...] Генеральным консулом в Шанхай был назначен Одагири, [человек] необыкновенных способностей и редкого образования. Китайцы его считали своим, так как род его когда-то эмигрировал из Китая. Сам Одагири в действительности большой синофил. [...] При нем состоял негласным военным агентом сперва полковник Цуниоси, а потом полковник Мори. Ближайшими сотрудниками и помощниками его были: директор самой крупной японской фирмы в Китае – Мицуи Буссан Кайся – Ямамото¹³⁰⁰, директор Июкогама Специе Банка Чоо и агент пароходного общества Ниппон Юсен Кайся – Хаяси.

Все, что делалось японцами в Шанхае и окрестных провинциях Среднего Китая, проходило через руки этих пяти деятелей, совместно работавших для достижения общей цели. Главная задача, которую они поставили себе, заключалась в том, чтобы завладеть всеми жизненными центрами Шанхая. Какое бы дело ни делалось, какой бы план ни осуществлялся в Шанхае, есть несколько неминуемых инстанций, через которые это предприятие должно пройти ранее, чем оно выльется в окончательную форму. И вот эти-то инстанции и должны были контролироваться бесчисленными агентами по плану вышеозначенных пяти членов шанхайской разведочной комиссии. Главные из них: 1. Таможня. 2. Пароходные компании. 3. Банки. 4. Телеграф. 5. Телефон. 6. Клубы. 7. Гостиницы. 8. Пресса. 9. Книгопечатни. 10. Речное сообщение.

Все эти центры шанхайской *business life*¹³⁰¹ были фактически в руках японцев. Они завладели ими задолго до начала войны и пользовались ими за все время войны. [...]

В огромном значении таможни для такого порта, как Шанхай, можно легко убедиться... Если теперь принять во внимание, что ни один пароход не может войти или уйти без того, чтобы в таможне были известны: собственник его, агент и местоназначение, что никакой груз не может войти в порт или уйти из него без того, чтобы таможенный чиновник (*custom's surveyor*) не осмотрел и не проверил его и что все

подробности относительно парохода и его груза излагаются в особой бумаге (*manifest*), хранящейся в таможене, то станет очевидным, почему японцы обратили особое внимание на означенное учреждение.

Во главе шанхайской таможни находились такие японофилы, как *Sir Robert Bredon*, переведенный затем в Пекин ближайшим помощником Роберта Гарта... *Hobson* и *Taylor*. Все они получали постоянно ордена и награды от японского правительства и готовы были всегда смотреть сквозь пальцы на все, что делалось японцами во время войны. Можно смело сказать, что благодаря соучастию таможни японцам удалось за все время войны неустанно провозить контрабанду через Шанхай и даже перегружать ее на свои пароходы в самой гавани... без того, чтобы русским агентам удалось хоть раз задержать контрабанду...

А мы, хотя и имели двух русских служащих в таможене, однако от них ничего не узнавали, ибо один из них, большой англофил, слишком боялся скомпрометироваться, а другой открыто называл себя революционером и не имел никакого отношения к местным русским властям.

В то же время японцам удалось после долгих стараний поместить двух своих служащих в шанхайскую таможню. Само собой разумеется, что японское консульство оказалось благодаря им осведомленным о всем, что делалось в таможене...

Из всего сказанного, мне кажется, явствует, как трудно было русским агентам отправлять грузы из Шанхая (в П[орт]-Артур, Владивосток или Николаевск) или вообще пароходы с разведочной или иной целью и как, с другой стороны, японцам была облегчена задача ввоза и вывоза контрабанды, покупки и продажи пароходов, наблюдение за всем коммерческим движением на Дальнем Востоке.

В Шанхае имеется 9 больших пароходных компаний местного значения. Близкое наблюдение за их деятельностью важно по следующим двум причинам: во-первых, в большинстве случаев покупка, продажа или фрахтование парохода производится через посредство одной из этих компаний; во-вторых, через пароходные общества можно получать весьма важные сообщения разведочного характера, и вот каким образом: на обязанности каждого старшего офицера коммерческого судна лежит по приходе в порт доложить одному из секретарей соответствующей компании, так называемому *shipping clerk* о всем хоть сколько-нибудь интересном им виденном или

замеченном во время последнего рейса. *Shipping clerks* всех пароходных обществ ведут особый секретный журнал, куда эти наблюдения и заносятся. Прочтение параллельно за известный срок записей нескольких таких журналов дало бы, таким образом, читателю полную картину всего плавания в определенном районе, осветило бы сразу всю *shipping life* китайских и японских морей. Само собой разумеется, что пароходные компании, собирая эти сведения, преследуют главным образом цели коммерческие, статистические, а не столько полицейские; однако ясно, каким могущественным оружием для разведочных целей могут служить эти журналы... Правда, что сведениями, привозимыми таким образом старшими офицерами, пользуются до известной степени и газеты, платящие обыкновенно этим офицерам от 30 до 50 долларов¹³⁰² в месяц с тем, чтобы по приходе в порт они сообщили все свои наблюдения интервьюерам, немедленно по отдаче якоря появляющимся на палубе. Однако офицеры крайне осторожны в своих сообщениях представителям печати, и сведения, таким путем добытые, бывают скудные, неточные и часто ложные¹³⁰³. Японцы заранее предвидели важное значение пароходных обществ в войне с Россией и сумели завязать с ними близкие сношения. Они были через них осведомлены о всем, что делалось на море. В течение всей войны это было им очень нужно, но были два-три критических момента, когда осведомленность в этом направлении становилась вопросом жизни и смерти, напр[имер,] [в] момент появления эскадры Рожественского в китайских водах.

Всякая более или менее значимая сделка непременно финансируется одним из восьми больших европейских банков в Шанхае. Как бы дело ни велось секретно, оно всегда сопряжено с дебетированием счета одного лица и кредитованием, хотя бы и в другом банке, другого. [...] Таким образом, нужно лишь иметь в каждом банке одного из главных шрофов, следящего за всем этим и передающего свои наблюдения куда следует. И я имею основания полагать, что японцы запаслись этим необходимым элементом.

Однако кроме сего у японцев был один еще более верный источник осведомления обо всем, что делалось в банках, а именно – китайское товарищество банкиров – *Banking Guild*. Членами этого товарищества состоят все компрадоры, крупные коммерсанты и дельцы. Помещения этого товарищества находятся на *Ningpo road* в центра китайских

банков, коммерческих клубов и финансовых кружков. Там в главном здании дважды в день в 12 и в 6 часов пополудни собираются все компрадоры и шрофы – это часы китайской биржи. Отчеты денежных операций, разменный курс, состояние рынка и т.п. справки прибывают к большим доскам, перед которыми в эти часы толпятся сотни китайцев... Всякий член этого товарищества имеет, таким образом, каждый день полную, законченную картину всего финансового оборота дня. Достаточно теперь упомянуть, что один из самых видных членов этой «гильдии» – японский подданный даотай Шенг... что вообще около 5% всех членов, хотя и китайцы, но японские подданные¹³⁰⁴, чтобы стало совершенно очевидным, почему японцы были так хорошо осведомлены о многих денежных операциях русских агентов.

Ко всему этому нельзя не прибавить, что японцы, тратившие такие большие деньги на разведку, по всей вероятности заручились и содействием некоторых европейских служащих, особенно в тех банках, где преобладает элемент еврейский и португальский (под последним термином надо разуметь всех полукровок, филиппинцев, маккаистов и проч.)¹³⁰⁵.

В связи с вопросом о банках необходимо коснуться и вопроса о страховых обществах, операции которых всегда были доподлинно известны японцам. Этот факт объясняется совершенно просто. В Шанхае около десяти больших страховых обществ (*Maritime Insurance Company*), из них два японских. Ни одно общество не берет на себя риск всецело, а всегда перестраховывается в других – таким образом сделка становится известной в нескольких местах. Независимо от сего все шанхайские страховые компании составляют между собой как бы одно товарищество (*Insurance Association*) и рассылают друг другу ежедневно бюллетени всех своих операций. Таким образом, член японской разведочной комиссии Ямамото, директор Мицуи Буссан Кайся, главного японского страхового общества, был всегда осведомлен о всех страховых операциях из первоисточника.

Следует заметить, что во вторую половину войны русские агенты перестали страховать пароходы и грузы, отправляемые в русские порты, от военного риска, и этим удвоили шансы на успех.

При шифровании всех телеграмм секретного содержания японцы, конечно, не могли извлечь особенно большой пользы из телеграфа, однако не следует упускать из вида, что часто крайне важно знать, кто телеграфирует кому и в какой город. Установление контроля над этим могло быть японцам весьма полезно. Так например, нам случалось отправлять своих агентов с каким-нибудь поручением в Гонконг, Сингапур, Сайгон, Чифу или Цинтау. Затем неминуемо завязывались с ним телеграфные сношения. То обстоятельство, что известный агент в Шанхае, весьма редко сносившийся с одним из этих пунктов, вдруг начинает обмениваться с ним телеграммами – уже важный фактор для бдительных японцев, первый шаг к тому, чтобы разузнать сущность дела и по возможности расстроить его... Возьмем такой пример: флот Рождественского стоит в бухте Камран, следствием этого – лихорадочный обмен телеграммами с Сайгоном. Флот ушел на север, следствием этого – внезапное почти полное прекращение сношений с Сайгоном. Таких примеров можно было бы привести бездну. Теперь рождается вопрос [:] имели ли японцы возможность следить за этим [?]

Ответ такой: телеграфная компания *Great Northern Telegraph Company* имеет два отделения – *Via Northern* и *Southern Extension*. Отчетность у них общая, она сливается в одном *Controlers Department*. В «Южном» отделении все время войны служил один японец. В «Северном» хотя и не было японцев, но были полукровки, португальцы и т.п. не менее опасные элементы. В контроле (*Controlers Department*), где хранятся оригиналы всех посланных и полученных телеграмм, по сегодняшней день служит японец, между прочим всегда одетый в китайский костюм.

Телефонное сообщение крайне развито в Шанхае. Это видно из того, что в городе с населением в 11 тыс. человек¹³⁰⁶, включая сюда японцев и португальцев, уже свыше 2 тыс. телефонов (из них не более 250 китайских). Почти у всех есть телефон, и потому можно с достоверностью сказать, что ни одно дело не делается и ни одно известие не получается без того, чтобы по этому поводу не было переговоров по телефону. Шанхай типичный *business place*, т.е. время всем дорого и потому телефон звонит с утра до вечера. Иметь своих агентов на центральной станции, которые следили бы за несколькими «специальными» номерами и, соединяя их, в то же время

подслушивали разговор (совершенно простой прием, известный всякому специалисту) – значило бы быть *au courant*¹³⁰⁷ всех переговоров этих «номеров» между собой и с другими нужными им лицами.

После целого ряда совершенно непонятных явлений, когда факты, хранившиеся в полной секретности, очевидно стали известны японцам, наше подозрение пало на телефон. Приведу между прочим следующий пример, который приходилось неоднократно проверять. Из штаба Главнокомандующего нам иногда посылали телеграфные сообщения о событиях на театре войны. Немедленно по получении такой телеграммы мы переводили ее на английский язык и по телефону передавали ее содержание в редакцию “China Gazette” (субсидируемого нами органа), где это известие либо выпускалось особым экспрессом, либо печаталось в вечернем издании. Обыкновенно минут через 10 или 20 спустя в редакцию влетал один из двух главных японских корреспондентов в Шанхае Хори или Сахара (оба правительственные корреспонденты, кроме того, первый корреспондент «Асахи», а второй – «Джи-Джи», – ярые соперники) с просьбой сообщить ему подробно содержание только полученной телеграммы для скорейшего протелеграфирования в Токио. Обыкновенно вскоре после этого появлялся другой корреспондент с той же просьбой. Им, стало быть, был известен факт получения телеграммы и в большинстве случаев даже общее содержание ее – важно лишь было не ошибиться в подробностях. На вопрос, откуда им стало известно получение телеграммы, они отвечали уклончиво. Тут представляется совершенно ясным соучастие телеграфа и телефона. Впоследствии наши агенты нам передали, что японское консульство поставило двух своих агентов на телефонную станцию, двух китайцев, прекрасно владеющих русским языком, а недавно мне передали из очень хорошо осведомленного источника, что одна из телефонных барышень, лишившись с окончанием войны 100 долларов ежемесячной субсидии от японцев, ищет занятий. Английский клуб – это шанхайская биржа. Там между 12 и 1 часом пополудни собирается весь деловой Шанхай, там за баром завязываются и решаются дела. За баром обмениваются всеми впечатлениями утра, передают друг другу известия. Толковый *bar boy* может собрать массу сведений, подметить целый ряд случайных встреч. Очевидно, японцы сознали это, ибо нет

более сомнений, что шанхайский клуб был рассадником японских шпионов. [...] В момент объявления войны в Шанхае издавалось шесть китайских, пять английских, одна французская, одна японская газета и одно немецкое еженедельное издание. Из них субсидировались японцами – все пять английских, пять китайских газет (кроме старой «Шен-пао», одно время поддерживаемой генералом Дессино) и японская. Обходилось это японскому правительству приблизительно в 30 тыс. долларов в месяц. Вот список газет:

Английские:

1. “North China Daily News”, полуофициальный английский орган, принадлежащий семье Пиквуд и еврейскому маклеру г. Моррису, получает субсидию в размере 60 тыс. долларов в год.

2. “Shanghai Mercury” принадлежит акционерному обществу, большинство паев в руках торгового дома Жардин Маттисон, американских миссионеров и нескольких немецких коммерсантов – получает субсидию в 2 тыс. долларов в месяц.

3. “China Gazette”,

4. “Shanghai Times”,

5. “Shanghai Daily Press” получает субсидию от 1,5 до 2 тыс. долларов в месяц.

(Кроме сего во всех прояпонских газетах японские фирмы печатают свои объявления, что доставляет газете доход в 500—600 долларов в месяц, с переходом же газеты на русскую сторону у нее отнимаются все эти объявления до последнего).

Китайские:

1. “Universal Gazette” (английское название) принадлежит семье Тсенг, бывшему китайскому посланнику в Корею – получала до 4 тыс. долларов в месяц.

2. «Син-ван-пао», газета директора железных дорог Шенга – не имела определенной субсидии, но получала за хорошие статьи всего 3 тыс. дол. или свыше в месяц.

1. “Eastern Times” – принадлежит ныне японцам Хори и Ямамото (дир[ектору] Мицуи Буссан Кайся).

2. «Тун-ван-ху-пао», принадлежит японскому обществу *Similar Character Society* (т.е. японо-китайской письменности) под председательством принца Коное.

3. “Alarming Bell” принадлежит китайским студентам, учившимся в Японии, закрыта муниципалитетом за явное антиевропейское направление.

4. «Нан-фан-пао», принадлежит известному мандарину Уан-чи-чанг и бывшему китайскому посланнику в Токио Тсай. Ведутся переговоры и приобретении ее японским синдикатом.

Таким образом, вся печать Шанхая контролировалась японцами до и в начале войны. Если теперь добавить к этому, что то же самое делалось в Гонконге и Тяньцзине с газетами “Hong-Kong Telegraph”, “China Mail”, “Hong-Kong Daily Press”, “China Times”, “Peking and Tientsin Times” и всей китайской печатью, то получится полная картина японской деятельности в области прессы.

Они придавали огромное значение печати. Контролировать все текущие издания значило для них распространять свои идеи в массах, представлять все явления в желательном для них свете, восстановить весь Восток против России и в свою очередь заручиться его сочувствием и даже содействием. Они надеялись с помощью этого могущественного оружия достигнуть также результатов в области финансовой. Печать должна была поддержать их кредит; и они не ошиблись в своем расчете.

Они также полагали, что настроенная чтением в прояпонском духе публика будет всячески помогать им во время их борьбы с Россией и, наоборот, вредить русским, что она своей враждебностью создаст для последних тяжелую атмосферу, под давлением которой всякая деятельность их будет до крайности затруднена. И они достигли желательного результата. Но газетная кампания их против России не ограничивалась лишь субсидированием нескольких газет на Дальнем Востоке.

Здесь нельзя не коснуться этой колоссальной организации, стоившей им свыше 10-ти миллионов в год и принесшей им столь обильные плоды. Вся печать мира до известной степени контролировалась ими через посредство Агентства Рейтер и американской *Associated Press*. Для завладения англо-еврейским агентством был послан в Лондон барон Суемацу, для завладения американским – Канеко Кентаро (кроме сего тот и другой выполняли специально на них возложенную финансовую миссию – снабжения Японии деньгами). Всякая телеграмма, разосланная этими

агентствами, проходила через руки одного из этих лиц; всякое известие, касавшееся России или Японии, цензуровалось ими, а затем уже посылалось во все журналы и газеты всех частей света. Известия, касавшиеся войны, доставлялись в агентства таким образом: в Токио было учреждено так называемое *Press Bureau* и председателем его был барон Комура, члены-специалисты генералы Нагаока, Усагава и др., а также англичане, преимущественно журналисты, Бринклей, Е. Линч, капитан Джэмс и др. Всякое известие с театра войны или же относившееся к внутренней жизни России или Японии сперва поступало в это Пресс-бюро. Там оно цензуровалось, редактировалось (или упразднялось) и затем уже посылалось в Агентство Рейтер и *Associated Press*, а также в немного измененной форме сообщалось японским консулам для передачи в субсидируемые газеты как частные телеграммы под заглавием: «*from our own correspondent*» или «*special to the*»¹³⁰⁸ (имя газеты).

Агентства тем более печатали их с удовольствием, что таковых русских сообщений они не получали. То же самое касается и газет: прорусская газета была всегда без известий, блуждала во тьме; в прояпонской красовались целые колонны телеграмм из Токио, Осака, Сеула, Ньючуанга (конечно, все посланные из Пресс-бюро в Токио). Публика, жаждавшая известий, предпочитала поэтому чтение прояпонских газет.

Кроме даровой посылки телеграфных известий, денежной поддержки, оказываемой в той или иной форме (часто просто в виде абонеента на тысячу, 2 тыс. и более экземпляров: под эту категорию, мне кажется, подходят – “Times”, “Daily Telegraph”, “Morning Post”, “Standard” в Англии и “World”, “Journal”, “Tribune”, “Sun”, “Sanfranzisco Journal” в Америке) и контролирования агентств бароном Суемацу и Канеко Кентаро на почве финансово-политической, – японцам неизмеримую пользу оказал тот факт, что оба величайшие телеграфные агентства в мире принадлежат евреям и масонам. Ненависть тех и других к русским известна; она всецело сказалась в антирусской пропаганде, охватившей весь мир. Правда, директор *Associated Press* г. Мельвилльстон далеко не руссофоб, даже напротив того, после своей поездки в Петербург он вернулся в Америку убежденным руссофилом, но он должен был считаться с тем, что

Associated Press есть кооперативное товарищество и мнение большинства членов должно преобладать [1309](#).

Кроме того над ним все время висела угроза устранения его и замены ярым японофилом г. Мартин Иган, пребывающим все время войны в Токио и служившим как бы связующим звеном между *Press Bureau* и *Associated Press*. Не составляет сомнения, что в близком будущем г. Иган заменит Мельвилльстона, если последнему не будет оказано поддержки со стороны влиятельных лиц.

Вот вкратце очерк контролирования японцами печати во время войны. Это стоило им много денег. Но не благодаря ли отчасти печати, представлявшей их кампанию в Маньчжурии как победоносное и триумфальное шествие вперед по следам разбитого, бегущего неприятеля, удалось им занять 800 миллионов за границей? Не благодаря ли той же печати, рисовавшей их войну как рыцарский подвиг, совершаемый с бескорыстной и гуманной целью освобождения Маньчжурии от русского ига и «восстановления», таким образом, целостности Китайской Империи – удалось им приобрести симпатии громадного большинства и в то же время заложить основание грандиозного паназиатского здания, в существовании которого уже не может быть сомнения?

Самым могущественным оружием в руках японцев, бесспорно, были японо-китайские книгопечатни и типографии, благодаря которым они наводняли и продолжают наводнять весь Китай дешевыми изданиями переводных сочинений.

Самая большая книгопечатная фирма, это *Commercial Press, Printing and Publishing Society*. Мало кто, мне кажется, действительно сознает огромное значение этой величайшей типографии и книгоиздательской фирмы на Д[альнем] Востоке, выбрасывающей ежедневно тысячи томов на рынок, рассылаемых затем по всей стране, и мало кто знает, что каждая отдельная такая книжка или брошюра есть ни что иное, как японский пионер, проникающий в недра великой Желтой Империи.

Вот вкратце история этой типографии. Основанная в 1898 г. на капитал в 10 тыс. долларов неким Зефонг, китайским шрифтом одной из английских газет в Шанхае с первоначальной целью печатания переведенных с японского и европейских языков школьных книжек и распространения их среди необразованной массы китайцев, фирма эта, однако, постепенно отклонилась от своего первоначального пути и стала политическим оружием в руках японцев, и случилось это таким образом.

Небольшая типография эта, помещавшаяся на Peking road, завязала отношения с директором Мицуи Буссан Кайся Ямамото в видах получения от тестя его г-на Хара – собственника самой крупной типографии и книгоиздательской фирмы в Токио – переводов иностранных произведений по удешевленной цене. Ямамото сразу понял всю пользу, какую можно будет извлечь из этого предложения и охотно пришел на помощь в то время крайне нуждавшемуся Зефонгу и оказал ему желанную протекцию. Он кроме того дал ему ряд практических советов. Так лавчонка китайца была застрахована в нескольких страховых обществах на сумму в 100 тыс. долларов и когда вскоре после этого случился пожар, то Зефонг, хотя и потерял типографию, но приобрел сотысячный капитал. После этого Ямамото немедленно поехал в Японию и убедил своего тестя внести такую же сумму и сообща с Зефонгом основать в Шанхае крупную книгопечатню. Хара согласился, и так была учреждена существующая до сего дня *Commercial Press and Printing Society*.

Годом или двумя позднее Ямамото увеличил капитал до 400 тыс. лан, а перед самой войной были еще выпущены акции, почти все разобранные японцами, для увеличения оборотного капитала. Дивиденд, уплаченный по ним в прошлом году, доходил до 20%. Типография приобрела громадную территорию в шанхайском пригороде (*Hongkew Rifle Range*) и выстроила десятки построек: мастерские, склады, жилые дома и проч. В одном Шанхае у фирмы 50 книжных магазинов. Отделения ее открыты по всему Китаю.

В шанхайской типографии 17 больших и 30 малых типографических станков, работающих день и ночь. На заводах работают 800 чел., около 400 чел. еще распределены по магазинам, складам и т.д. Около половины рабочих японцы. Из Токио посылаются все специалисты. Иллюстрации печатаются в Японии и пересылаются в Шанхай. Выбор произведений зависит от Хара, считающегося вместе с Зефонгом директором-распорядителем (*joint managing directors*).

Переходя затем к общему характеру этого политико-коммерческого предприятия, важно отметить, что оно не носит антиевропейского отпечатка, а только проникнуто паназиатским и панмонгольским духом. Задача его – пробуждение в китайце сознания, что он принадлежит к великой расе, которой суждено сказать миру свое слово. Живым примером каждому китайцу должна служить Япония,

эта родственная страна, благодаря просвещению и цивилизации занявшая одно из первых мест на земном шаре. И обновленный Китай рука об руку с Японией как брат и сестра должны пойти по великому пути завоевания мира. Вот идея, более или менее ясно выраженная в миллионах выпускаемых этим обществом томов, вот надежды и идеалы, на которых японцы воспитывают подрастающее поколение китайцев. Европейец при этом никогда прямо не атакуется, – и именно этим объясняется то, что это сильнейшее оружие японской пропаганды до сих пор не обратило на себя должного внимания европейцев и могло втихомолку, почти незаметно крепнуть и развиваться. [...]

В общем же говоря о книгопечатнях и типографиях, важно отметить следующий факт: каждый издатель или книготорговец в Шанхае непременно принадлежит к товариществу книгопродавцев (*Booksellers' Guild*). Все товарищество доминируется и контролируется японцами. Отсюда следует, что книжный рынок производит только то, что соответствует японским целям. [...]

Наряду с этим громадным количеством книг, брошюр и газет, печатаемых в Шанхае, такое же или еще большее количество ввозится прямо из Японии. Почти каждый пароход из Японии привозит большой груз печатных произведений.

Много остается в Шанхае, много идет вверх по Янцзы вглубь страны. Справки в таможне постоянно показывают, что такой[-то] пароход вышел в Хинькоу, имея груз в 50 тонн книг, 400 пикуль (*picul*) газет и журналов и т.д.

В связи с вопросом о японо-китайских типографиях необходимо упомянуть и о японских литографиях, олеографиях и фототипиях, тоннами ввозимых из Японии и распространяемых по всему Китаю. Что изображают эти картины, вполне очевидно. Во время русско-японской войны – это были русские эскадры, взорванные японскими минами, тонущие, объятые пламенем, русские войска, бегущие в беспорядке, преследуемые блестящей японской конницей, казаки, врывающиеся в мирные китайские фанзы, убивающие женщин и детей и грабящие имущество, русские генералы, офицеры и войска, сдающиеся в плен японцам в П[орт]-Артуре и т.д.

Сюда же относится и большое распространение в Китае японских драм и трагедий, ставящихся ныне на всех сценах даже в глубине страны. Драммы, разумеется, взяты из героической эпохи; в них

рисуются подвиги самураев и «ронин» (*yamato damashii*), воспеваются рыцарский дух (*bushido*) шогунов. Вот вкратце передача в высшей степени важного явления – образования японцами посредством чтения Нового Китая. [...] Японская пропаганда ведется на самых широких основаниях... на нее положены миллионы (в одном Шанхае в книжную торговлю вложено свыше трех миллионов, по самой скромной оценке)... сотни агентов посвящают ей свой труд и свое время...

Всякий старый резидент в беспристрастном суждении о китайцах скажет, что бездна разделяет бывшего вежливого и уступчивого туземца от нынешнего китайца, в котором проснулось сознание его расового равенства с европейцем и пробудилась жажда возмездия за вынесенные обиды и унижения.

[...] Хотя пропаганда и не относится, строго говоря, к вопросу об организации агентско-разведочной службы в Шанхае, я отвел ей, однако, столь значительное место по той причине, что японец не разделяет разведку от пропаганды. В его представлении и то, и другое две разные стороны одного и того же дела (*shiraberu*). Это два рельса, составляющие колею проникновения в страну. [...] Пропаганда дает, а разведка берет. Первым сеют, вторым жнут. И практика показала, что взгляд этот верен, по крайней мере по отношению к Китаю.

[...] Переходя затем к перечислению прочих путей, избранных японцами в видах контролирования Шанхая и мирного завоевания Китая, необходимо упомянуть прежде всего основание многочисленных японо-китайских школ в Шанхае и других местах, разных педагогических обществ, кружков и т.д. Из них самое важное общество «То-а-до-бун» (общей письменности), издающее свои журналы, устраивающее беседы, собрания, школы, патронирующее посылаемых в Японию китайских студентов и проч. [...]

Кроме сего к каждому русскому агенту и служащему в Шанхае был приставлен особый секретный агент, и, к сожалению, надо сказать, что в нескольких случаях таковыми агентами были английские и американские подданные. [...] Надо, конечно, принять во внимание, что все вышесказанное было сильно облегчено японцам тем обстоятельством, что их в Шанхае так много. Тогда как русских до войны можно было всех пересчитать по пальцам, если исключить евреев-кабатчиков в пригородах, японцев было уже в то время до трех

тысяч, причем численность их во время войны удвоилась. И почти всё это люди, живущие на гроши, тратящие от сорока до пятидесяти долларов в месяц. Японскому консульству было, стало быть, не слишком трудно иметь в своем распоряжении полтора-два таких человека. Русским же агенты обходились очень дорого. В данном случае надо также принять во внимание природное влечение японца к такого рода службе, а равно и удивительный патриотизм и преданность общему делу.

Разведочная часть велась японцами в Шанхае с большой системой по точно выработанному плану. Весь город был разбит на участки. В каждом участке была «главная квартира», куда все доносилось. При ней состояло известное количество старших и младших агентов. Вот список нескольких главных японских центров в Шанхае:

1. Гостиница Томо Иоко. В ней имел свои апартаменты во втором этаже полковник Генерального штаба Цуниоси (ныне произведенный в генерал-майоры). Две громадные комнаты, уставленные канцелярскими столами, с работающими за ними чиновниками, библиотека, карты на стенах, телефон, 2—3 рассыльных у дверей, небольшой с отдельным ходом кабинет-приемная полковника, — вот описание его канцелярии со слов очевидца.

2. Сапожная мастерская «Дайбуцу». Она рассылала десятки подмастерьев и рассыльных с надписью на фуражке «Дайбуцу», сновавших по всему городу, проникающих во все гостиницы, *boarding houses*¹³¹⁰ и даже частные дома.

Затем еще: № 18 *Burkhill road*, разведочная контора; № 55 *Rue du Consulat*, гостиница; № 1049 *A. Broadway*; № 139 *Foochow road*; очень подозрительны были места на *Lloyd road* №№ 486, 488 и проч.

Из этих «главных квартир» сведения затем поступали в японское консульство, рассортировывались шестью или семью штатными чиновниками консульства и затем, если нужно, поступали на обсуждение разведочного комитета. Как я уже упоминал, членами его были:

1. Генеральный консул Одагири,
2. Полковник Мори — военный атташе,
3. Ямамото — дир[ектор] Мицуи Буссан Кайся,
4. Чоо — дир[ектор] Иокогама Специе Банка,
5. Хаяси — дир[ектор] пар[оходной] комп[ании] Ниппон Юсен Кайся.

Все важные вопросы решались коллегиально. В комитете, таким образом, были представлены элементы: дипломатический, военный, торговый, финансовый и морской. Из комитета важнейшие дела поступали в высшую инстанцию, каковою являлся *Intelligence Department* в Токио.

Так работала эта колоссальная машина, днем и ночью, на суше и на воде, не брезгая никакими мерами, не жалея средств, с радостью принимая всякую лепту в виде денежной или трудовой помощи; так работала она крепко, неустанно, и все отдельные части и частички ее работали совместно, истово и дружно, с неукоснительной энергией, озаренные единой общей, великой идеей.

Перейдем теперь к рассмотрению того, что было сделано русскими властями в Шанхае в деле организации разведочного центра. До момента объявления войны не было сделано ничего или почти ничего. Отсутствие людей и кредитов, конечно, главная причина такой неудовлетворительной постановки дела. Личный состав Генерального консульства заключался в самом консуле и одном молодом секретаре¹³¹¹. Текущие дела консульства настолько поглощали их внимание, что посвящать себя иным вопросам было немыслимо.

Кроме Генерального консула был еще в Шанхае военный агент¹³¹². Однако не только до войны, но и за весь первый период войны (свыше восьми месяцев) у него не было ни одного помощника или секретаря, так что шифрованием и расшифрованием телеграмм занималась его семья. Если, стало быть, принять во внимание, что у него было много текущих дел по прямой его обязанности как военного агента для Среднего и Южного Китая, то легко можно себе уяснить, что не только до объявления войны, но и некоторое время спустя некому у нас было заниматься тем, чем ежедневно были заняты сотни японцев в Шанхае. А между тем первый период войны был самый важный. В феврале, марте, апреле, во времена Макарова¹³¹³, в период некоторой деятельности нашей эскадры можно было поставить тысячи и тысячи тонн груза, орудий, снарядов, угля, провианта в П[орт]-Артур, сравнительно мало рискуя. С половины мая до сентября шансов на успех было уже мало; всякая попытка прийти на помощь Артуру в последние три месяца была безумием.

Люди и кредиты нужны были весной – их дали осенью. С приездом в Шанхай посланника в Корею камергера Павлова постепенно начал

образовываться центр собирания сведений, вокруг него стали группироваться элементы настоящей разведочной службы. Однако как было трудно сформировать в несколько недель или даже месяцев то, на что другие положили годы непрерывных усилий; как трудно было бороться с соперником, имевшим за собой многолетний опыт. Как трудно тоже было работать в городе, где каждый был настроен против вас, где вся атмосфера была проникнута враждебными течениями.

Не входя здесь совершенно в подробную оценку того, что было сделано русскими агентами во время войны, я ограничусь перечислением важнейших мер, ими принятых: были наняты агенты иностранные и японские и посланы в Японию, Корею, Маньчжурию, на театр войны и в разные места Китая. В помощь Артуру были отправлены пароходы и джонки с припасами, медикаментами, снарядами и проч.¹³¹⁴ Был посланы товары во Владивосток и в Николаевск. Были приобретены пароходы для отслеживания движений японской эскадры. Был принят ряд мер для обеспечения безопасного прохода проливов флоту адмирала Рожественского. В самом Шанхае были приложены старания для ослабления японского влияния и парализования их деятельности. Было обращено внимание на печать. Удалось заручиться содействием одной английской газеты «China Gazette»¹³¹⁵ и одной китайской «Син-ван-пао», самой распространенной во всем Китае¹³¹⁶. Позднее еще одна английская газета перешла на нашу сторону («Шанхай Таймс», за 500 абонементов). Вместе с тем 120-ю абонементами поддерживалась все время французская газета «Эко де Шин»¹³¹⁷.

Все эти органы печати находились под нашим непосредственным наблюдением, инспирировались и цензуровались нами. Главной задачей их было обращать внимание читателей на отрицательные стороны японской политики и по возможности парализовать эффект, производимый на публику невероятной массой ложных и преувеличенных известий, приходивших ежедневно из токийского Пресс-бюро. Японские происки и интриги в Китае (в провинциях Фокиен, Хунань и проч.), их виды на Маньчжурию, их циническая политика в Корее были также постоянно освещаемы этими газетами. Подробный разбор финансово-экономического состояния Японии – этой бедной страны, почти не имеющей натуральных ресурсов для поднятия своего благосостояния – имел в виду действовать на ее

кредит. Критика ее стратегических и тактических приемов на театре войны имели целью доказать обезумевшей от ее побед публике, что наряду с блестящими качествами ее воинов и ее примерной военной организацией начальники ее обнаружили отсутствие широко задуманных и смело выполненных планов. Главным же образом во всех этих газетах проводилась постоянно идея, что, помогая и сочувствуя японцам, европейцы убивают себя, свою торговлю, свои интересы и свое влияние на Д[альнем] Востоке, они готовят себе в близком будущем столь же тяжелые дни бедствий и поражений. И можно смело сказать, что эту идею удалось постепенно привить большинству серьезных деятелей Шанхая, как европейцам, так и китайцам-коммерсантам, фабрикантам, промышленникам и пр. *businessmen*.

Много других мер было принято русскими властями наскоро во время войны с целью организации разведочного центра и распространения на Востоке русской идеи, однако и в этом деле главным тормозом служила малочисленность русских агентов. Если вспомнить, что между февралем и июлем 1905 г. свыше десяти тысяч эвакуируемых из Порт-Артура и Японии прошли через Шанхай, что их всех пришлось принять, поместить, одеть, лечить, денежно обеспечить и на специально для сего сделанных судах отправить в Россию, что между ними попадались целые партии людей, крайне недисциплинированных, открыто возмущавшихся против всех мер, принимаемых местными властями, и вместе с тем принять во внимание, что при консуле состоял один секретарь, при камергере Павлове три чиновника и что кроме этих лиц были только еще один военный агент и один агент Министерства финансов¹³¹⁸, все, конечно, имеющие свои постоянные, текущие занятия, – то представится весьма ясным, что в течение полугода эвакуация настолько поглощала все время свободное и несвободное вышеозначенных русских служащих, что никто из них не мог уделить и минутку для агентско-разведочной деятельности. А между тем, какой важный период. Время Мукдена, время Цусимы. Недостаток рук был наряду, быть может, с другими слабыми сторонами, как-то некоторая неподготовленность и неопытность в этом специальном деле, большим злом для нас, если не наибольшим. [...].

Не может быть и тени сомнения в том, что японцы не остановятся после этой войны... они пойдут дальше и пойдут по континенту. Быть может, было время, когда еще возможно было направить их к островам – к Филиппинам, Гавай, Каролинам, Марианнам, даже Австралии и внушить им идею великого островного монголо-малайского государства, – но время то миновало. Ныне они всеми силами стремятся к континенту... Япония будет долгие годы воевать и проливать кровь бесчисленных сынов своих во имя национального идеала континентальной державы. [...]

*АВПРИ. Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 1424. Л. 17—97.
Машинопись с рукописной правкой.*

№ 53

Из справки Департамента полиции о политическом положении в Финляндии

Январь 1907 г.

[...]. В августе 1905 г. в трюме взорвавшегося у берегов Финляндии парохода “John Grafton” было обнаружено значительное количество оружия, причем прибрежным населением было снято с всплывших частей судна свыше 1300 скорострельных винтовок и 3 ящика с револьверами. Одновременно вблизи города Кеми был найден склад оружия в количестве 93 ящиков, в которых оказалось: 659 винтовок, 858 штыков и 120 000 боевых патронов.

*ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1491. Л. 1 об.—2.
Опубл.: Исторический архив. 1994. № 3. С. 57.*

№ 54

Особый журнал Совета Министров по делу о рассмотрении операций, произведенных действительным статским советником Павловым за время русско-японской войны

11 мая 1910 г.

Копия
Секретно

На подлинном его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен», в Балтийском порте, 11 июня 1910 года.

Скрепил: председатель Совета Министров, статс-секретарь Столыпин. Верно: исправляющий должность управляющего делами Совета Министров Плеве.

Бывший государственный контролер генерал-адъютант Лобко обратил в 1905 году внимание на непомерно высокие цены, по которым произведена была распоряжением бывшего посланника в Корею, действительного статского советника Павлова эвакуация из Порт-Артура. В результате возникшей по сему предмету переписки для обследования действий Павлова как по эвакуации, так и по различным другим хозяйственным операциям во время войны образована была, по высочайшему повелению, последовавшему 2 ноября 1906 года, междуведомственная комиссия под председательством члена Военного совета генерала-от-инфантерии Фролова с возложением на ту же комиссию и расследования действий генерал-майора Десиного, исполнявшего во время минувшей кампании однородные с действительным статским советником Павловым поручения.

По окончании работ этой комиссии Вашему императорскому величеству благоугодно было 28 июля 1908 года высочайше повелеть внести труды комиссии вместе с заключениями ее по существу предъявленных против генерал-майора Десиного и действительного статского советника Павлова обвинений на обсуждение Совета

Министров. При первоначальном, осенью 1908 года, рассмотрении представленных комиссией материалов Совет Министров признал распоряжения генерал-майора Десино не требующими дальнейшей проверки. Что же касается действительного статского советника Павлова, то Совет нашел, что хотя комиссия генерала-от-инфантерии Фролова признала действия обоих названных лиц неправильными, тем не менее, оценка ею деятельности действительного статского советника Павлова оказалась гораздо более неблагоприятною, нежели отзыв комиссии об операциях, произведенных генерал-майором Десино. Ввиду сего и усматривая, что комиссия ставит действительному статскому советнику Павлову в виду ряд весьма серьезных служебных правонарушений, Совет счел необходимым, предварительно дальнейшего направления настоящего дела, затребовать от Павлова объяснения по содержанию предъявленных против него обвинений. Такое заключение Совета Министров доведено было до высочайшего Вашего императорского величества сведения 6 октября 1908 года.

Засим, по представлении действительным статским советником Павловым подробных объяснений, таковые препровождены были на заключения министров: иностранных дел, военного, морского, финансов и юстиции и государственного контролера, а также председателя комиссии генерала-от-инфантерии Фролова.

Приступив по получении от сих лиц надлежащих отзывов к подробному, в присутствии генерала-от-инфантерии Фролова рассмотрению всех имеющихся по обсуждаемому делу данных, Совет Министров выслушал прежде всего словесное заявление министра иностранных дел, указавшего, что, по его глубокому убеждению, основанному на внимательном изучении материалов дела и на личном знакомстве с местными условиями Дальнего Востока, в действиях генерала Десино и действительного статского советника Павлова никакой существенной разницы не заключается. Произведенные тем и другим хозяйственные операции поглотили огромное количество казенных денег и оказались, однако, совершенно бесплодными по своим результатам. Правда, у генерал-майора Десино отчетность приведена была в больший порядок, чем у действительного статского советника Павлова, но это обстоятельство, объясняемое тем, что у Десино были опытные помощники, а у Павлова таковых не имелось,

не может, конечно, изменить самого существа произведенных сими лицами операций, оказавшихся одинаково совершенно неудачными. Притом же безуспешность деятельности действительного статского советника Павлова находит себе известное оправдание в полной неподготовленности названного лица к порученным ему военно-хозяйственным предприятиям и в исключительно трудных условиях, в которых ему приходилось работать. Возложенные на него задачи – прорыв японской блокады с целью снабжения Порт-Артура припасами, установление сообщения с осажденною крепостью, разрыв кабелей, соединяющих остров Формозу с материком, и некоторые другие операции подобного же характера – представлялись сами по себе предприятиями огромной трудности; если же принять во внимание, что за всеми действиями Павлова неусыпно следили японские шпионы и что ему приходилось работать, живя на чужой территории, среди враждебно настроенного населения, пользуясь в качестве агентов разного рода посредниками крайне сомнительной репутации, – то придется признать, что едва ли даже имелись основания рассчитывать на удачу всех этих мероприятий. Между тем, содержащиеся в журналах комиссии генерала-от-инфантерии Фролова данные не дают, по мнению министра иностранных дел, твердой почвы для обвинения действительного статского советника Павлова в каких-либо корыстных действиях. Самое большее, в чем его можно упрекнуть, это в опрометчивости и неосмотрительности, а также, быть может, и в превышении в некоторых случаях власти; главною же его виною, как полагает гофмейстер Извольский, является то, что он принял на себя выполнение таких поручений, к которым он не был подготовлен и которые вовсе не входили в круг его обязанностей по должности посланника в Корею. Впрочем, и эта последняя вина значительно умаляется тем, что Павлов взялся за дело не самовольно, а с разрешения министра иностранных дел. По изложенным основаниям, приходя к убеждению о необходимости возможно снисходительного отношения к действительному статскому советнику Павлову, министр иностранных дел считал бы вполне справедливым уважить поданное Павловым прошение об отставке и прекратить производящееся о действиях его расследование.

С своей стороны, присоединяясь в окончательном выводе к приведенному заключению гофмейстера Извольского, Совет

Министров заметил, что хотя произведенное комиссией генерала-от-инфантерии Фролова расследование и выяснило целый ряд неправильных действий действительного статского советника Павлова при исполнении порученных ему операций, причинивших вследствие сего казне серьезный материальный ущерб, тем не менее по особым обстоятельствам настоящего дела затруднительно было бы возбуждать против названного чиновника судебное преследование, так как последнее связано было бы неизбежно с разоблачением разного рода секретных мероприятий, принятых русским правительством в минувшую кампанию против японцев. Излишне, конечно, объяснять, насколько неудобным и нежелательным в политическом отношении представлялось бы оглашение подобных сведений. Наряду с сим направление настоящего дела к судебному рассмотрению не обеспечивало бы в должной мере ни раскрытия истинных обстоятельств дела, ни правильной оценки произведенных действительным статским советником Павловым операций, ибо со времени их прошло уже более пяти лет, большинство прикосновенных к ним лиц проживает вне пределов России, а ввиду личной заинтересованности сих лиц в упомянутых операциях, обставленных самою строгою конспиративностью, они едва ли даже и дали бы сколько-нибудь достоверные показания, тем более, что свидетелей пришлось бы искать в темной среде разного рода еврейских дельцов самого низкого в нравственном отношении разбора. При таких условиях трудно, конечно, рассчитывать, чтобы судебный процесс пролил на это дело яркий свет. Наконец, допуская даже, что действительный статский советник Павлов совершил какие-либо служебные преступления и проступки по возложенному на него поручению, нельзя, однако, не принять в соображение, что за это он понес уже весьма тяжелую кару: карьера его разбита, а безупречная раньше служебная репутация значительно поколеблена. Ввиду сего и присоединяясь к справедливому указанию гофмейстера Извольского на крайнюю трудность данных действительному статскому советнику Павлову хозяйственных поручений и на его вполне выяснившуюся неподготовленность к их выполнению, Совет Министров склоняется и с своей стороны к предположенному министром иностранных дел направлению настоящего дела, отдавая, однако, должное весьма

обстоятельному труду комиссии генерала-от-инфантерии Фролова, с полным вниманием отнесшейся к поставленной ей задаче.

Руководствуясь всем вышеизложенным, Совет Министров **полагает**: Предоставить министру иностранных дел дать ход поданному действительным статским советником Павловым прошению об отставке, а возбужденное против названного чиновника дело о неправильных действиях его по операциям за время русско-японской войны производством прекратить.

Приведенное заключение свое Совет Министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее Вашего императорского величества благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами Совета Министров и скреплен исправляющим должность управляющего делами Совета.

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3027. Л. 95—100. Типографская печать.

Архивные материалы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ):
 - Департамент личного состава и хозяйственных дел.
 - Канцелярия министра (фонд № 133).
 - Секретный архив министра (фонд № 138).
 - Китайский стол (фонд № 143).
 - Японский стол (фонд № 150).
 - Посольство в Берлине (фонд № 167).
 - Посольство в Лондоне (фонд № 184).
 - Посольство в Париже (фонд № 187). – Миссия в Сеуле (фонд № 191).
 - Личный архив А.П. Извольского (фонд № 340).
2. Архив Дома Плеханова: Архив Г.В. Плеханова, переписка (фонд № 1093).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):
 - Департамент полиции (фонд № 102).
 - Коллекция документов Царскосельского дворца (фонд № 543).
 - Г.А. Плансон (фонд № 818).
4. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ):
 - Е.И. Алексеев (фонд № 32).
 - Главный морской штаб (фонд № 417).
 - Морской генеральный штаб (фонд № 418).
 - 2-я эскадра флота Тихого океана (фонд № 531).
 - Военно-морской агент в Турции (фонд № 898).
 - З.П. Рожественский (фонд № 1233).
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):
 - ЦК РСДРП (б) (фонд № 17).
 - Редакция журнала «Пролетарская революция» (фонд № 72).
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):
 - Главный штаб (фонд № 400). – Коллекция документов «Китай» (фонд № 447).

- Военно-ученый архив (фонд № 846).
- Главное управление Генштаба (фонд № 2000).
- 7. Российский государственный исторический архив (РГИА):
 - Общая канцелярия министра финансов (фонд № 560).
 - Главное управление по делам печати (фонд № 776).
 - С.Ю. Витте (фонд № 1622).
- 8. Библиотека Slavic-Eurasian Research Center:
 - Коллекция Б.И. Николаевского.
 - Foreign Office. Russian Correspondence (F.O. R.C.).
- 9. Valtionarkisto (Национальный архив Финляндии):
 - Antti Hackzell Collection.
 - Архив Финляндского жандармского управления.
- 10. International Institute of Social History (IISH): PSR fund.
- 11. Библиотека парламента Японии, Diplomatic Record Office.
- 12. Hoover Institution on War, Revolution and Peace B.I. Nicolaevsky Collection.

И.Ф. Манасевич-Мануйлов

М. Акаси в конце жизни

З.П. Рожественский

T. Ямада

Н. Макино

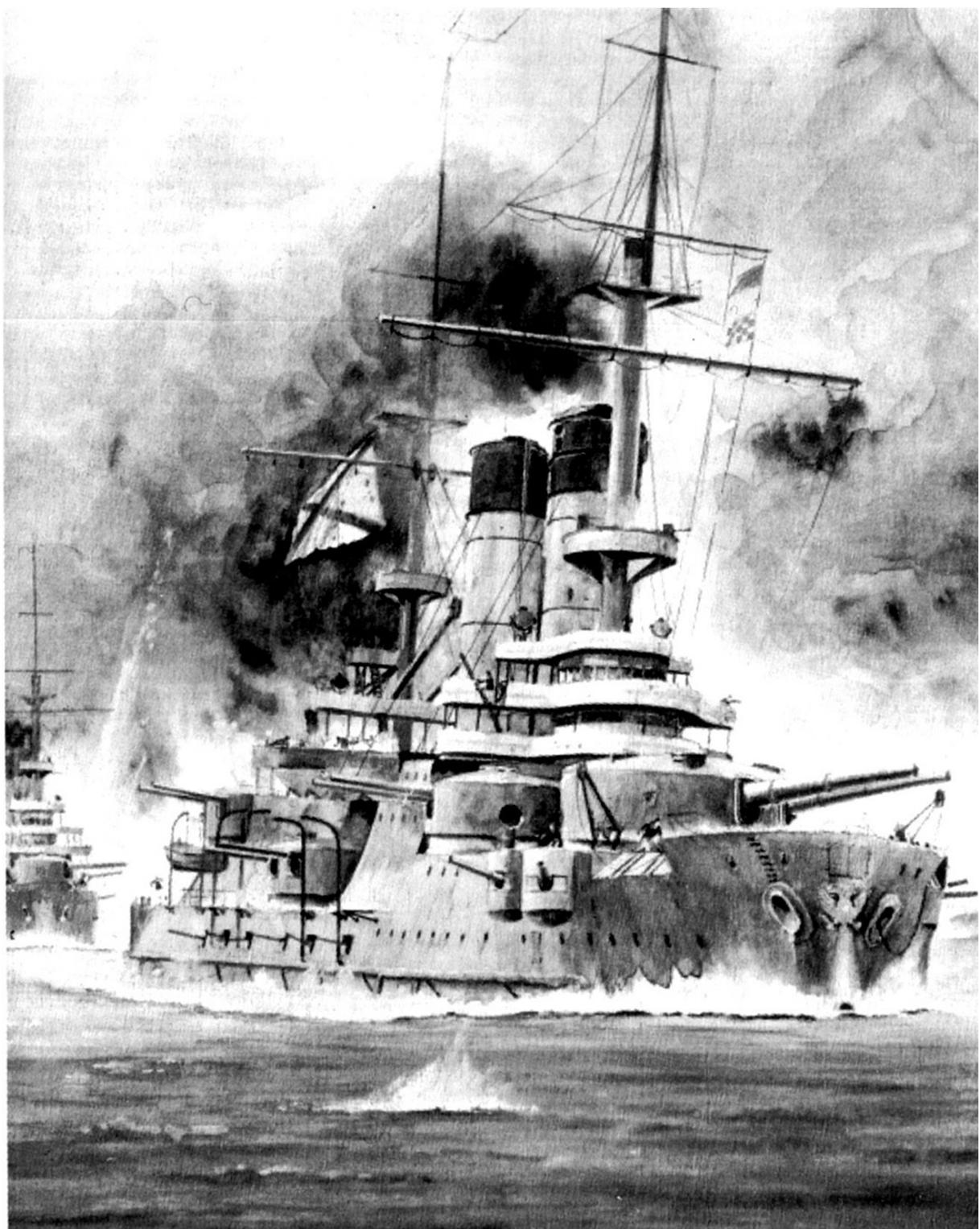
K. Nakamura

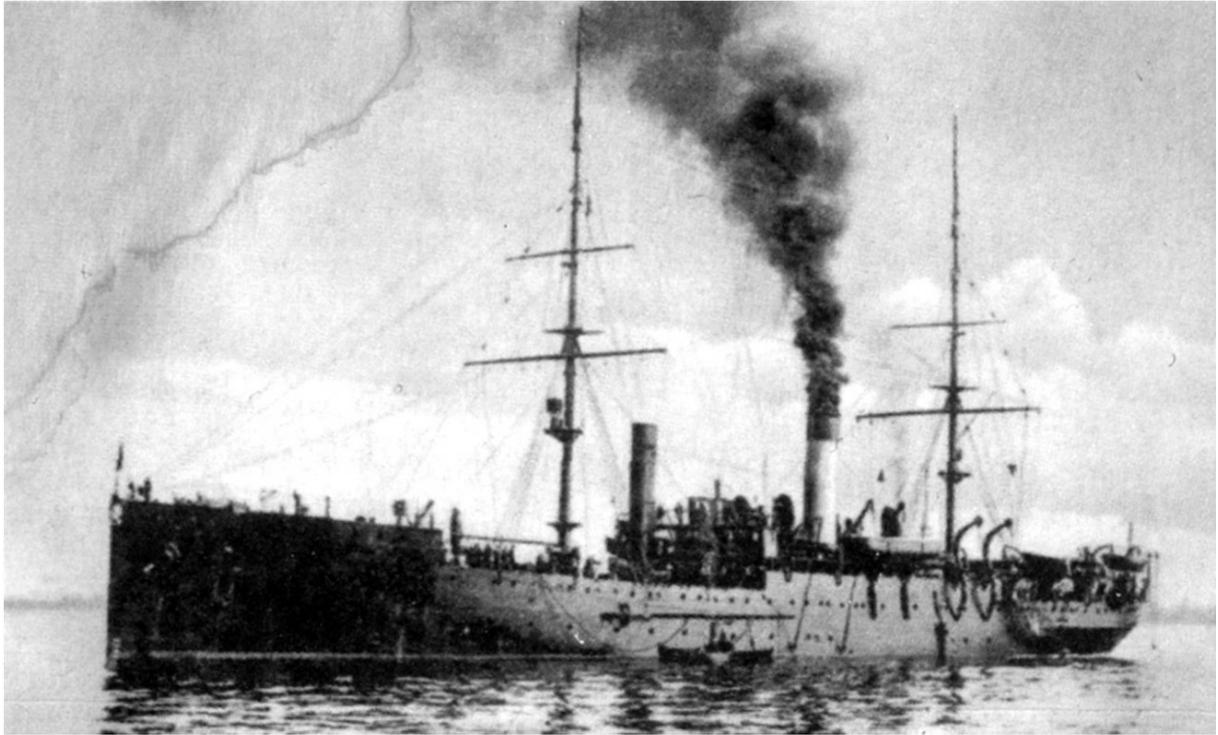
К. Ижума

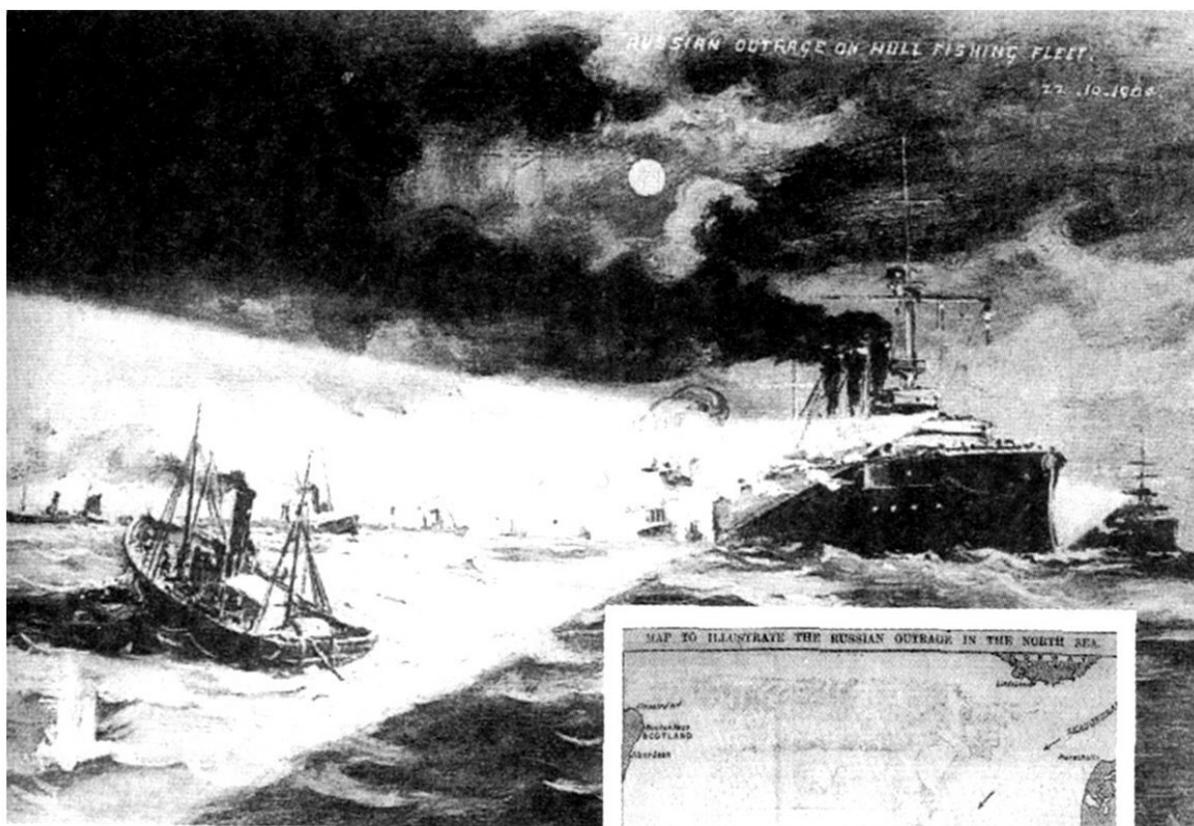
С. Курино

Броненосец «Орел» в бою

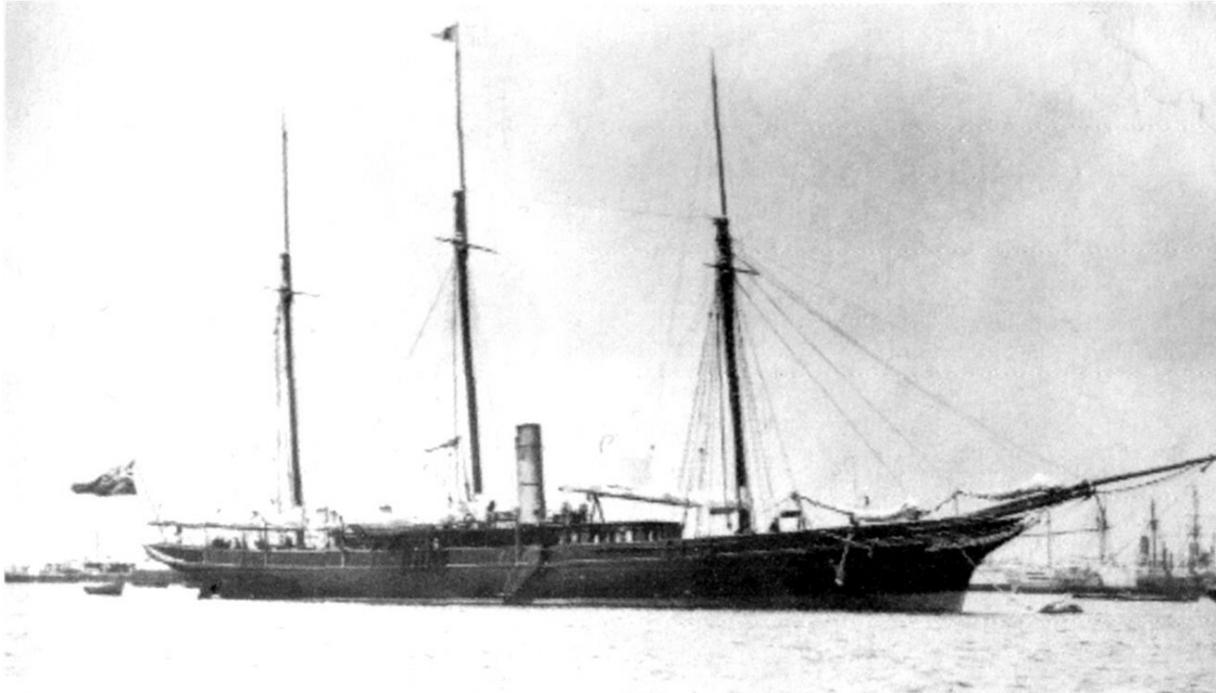
Транспорт «Камчатка»

Открытка
«Гулльский инцидент»

«Гулльский инцидент»
The Times. 1904. Oct. 25 (No. 37534)

«Катарина» – одна из трех паровых яхт, зафрахтованных капитаном М. Луаром (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3125. Л. 38Б)

Броненосец «Наварин» проходит Суэцкий канал

К. Циллиакус

№ 28

Секр. Вост.

ДЪЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦИИ.

ДЪЛОПРОИЗВОДСТВО.

*Опредсудительной про-
тивъ Россіи дьявольности
японскаго полковника Аки-
ши и ея-сотрудниковъ Де-
кановъ, Вильякса и др.*

Начато *11.11.1904* года

Кончено _____ года

На *20.10* листахъ

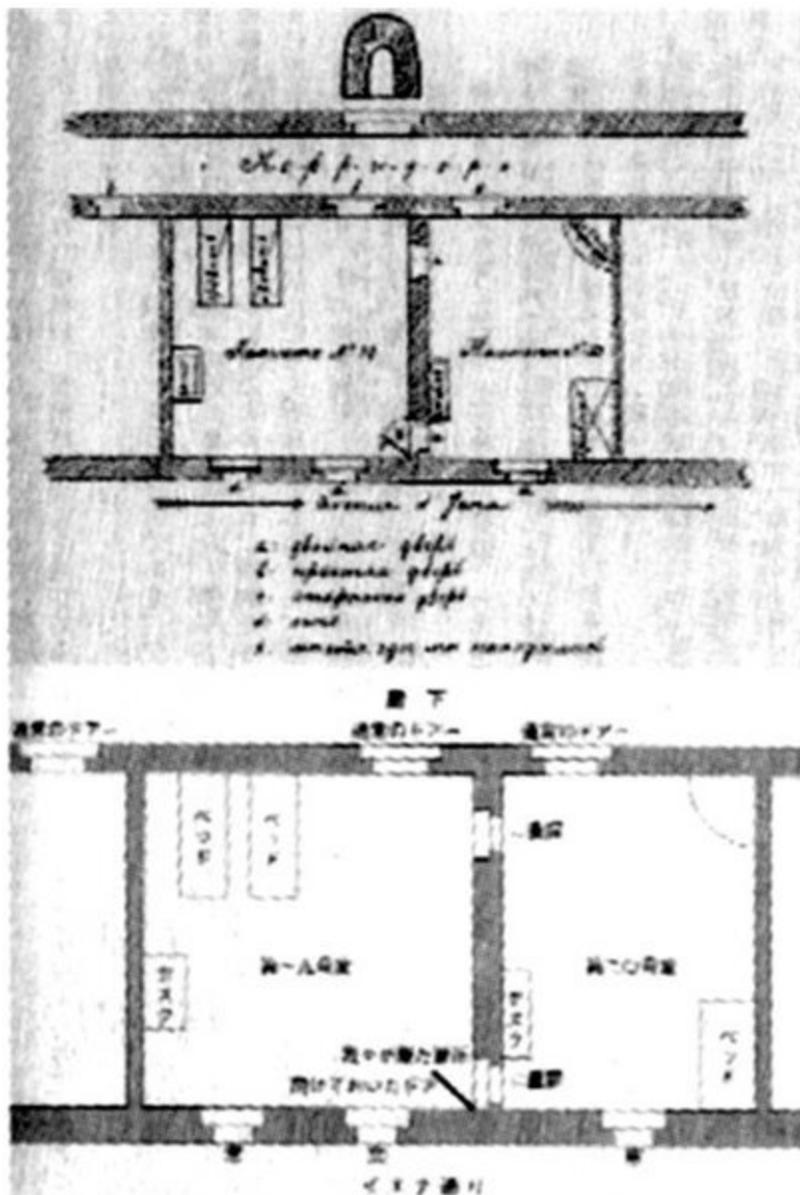

Схема подслушивания И.Ф. Манасевичем-Мануйловым из комнаты № 19 переговоров М. Акаси и Г.Г. Деканозова в комнате № 20 парижской гостиницы «Интернациональ»

Азеф (Остенде, 1909 г.)

Г.А. Гапон

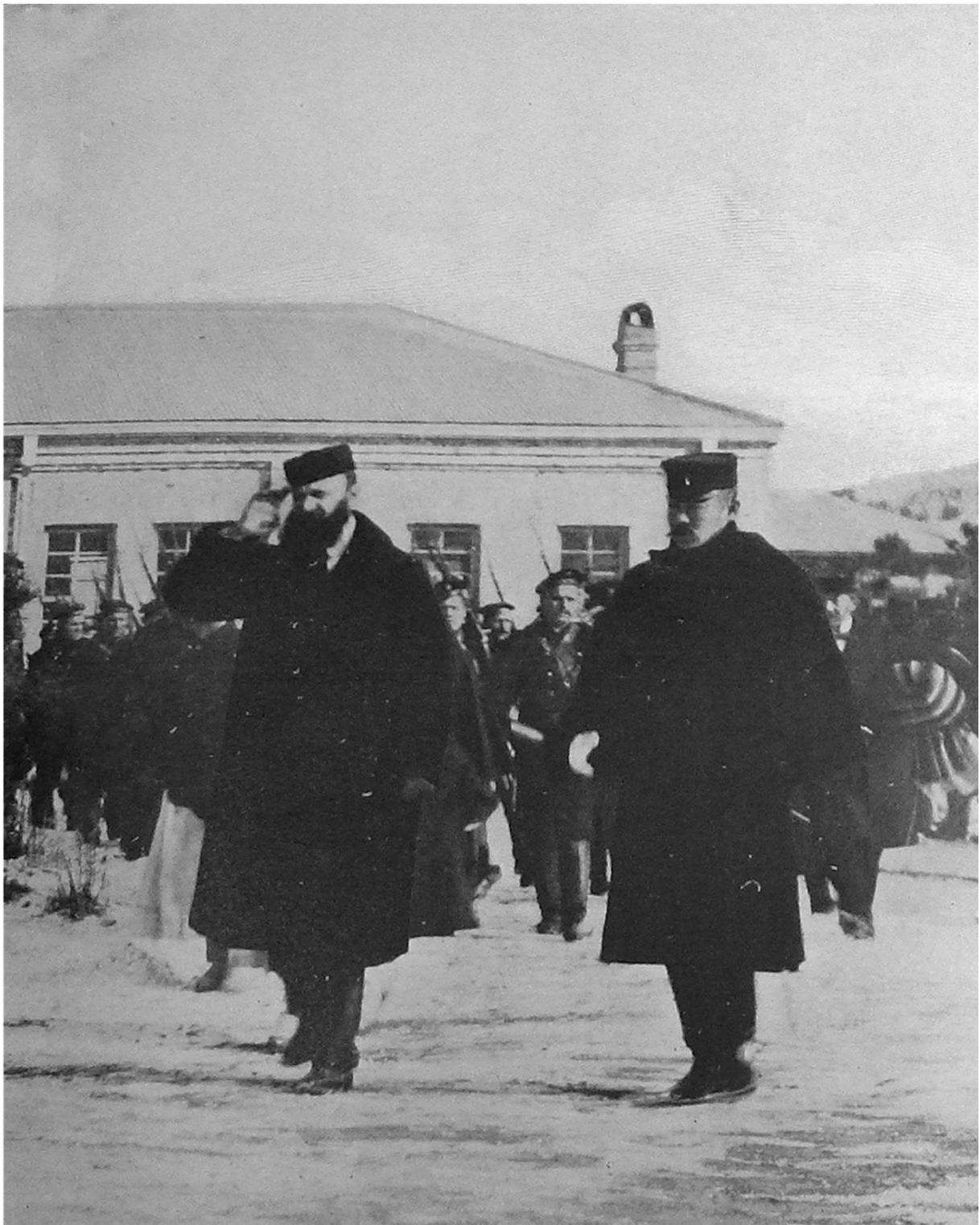
Г.Г. Деканозов

Остатки парохода «Джон Графтон» после взрыва

Японцы рубят головы китайцам, заподозренным в работе на русскую разведку

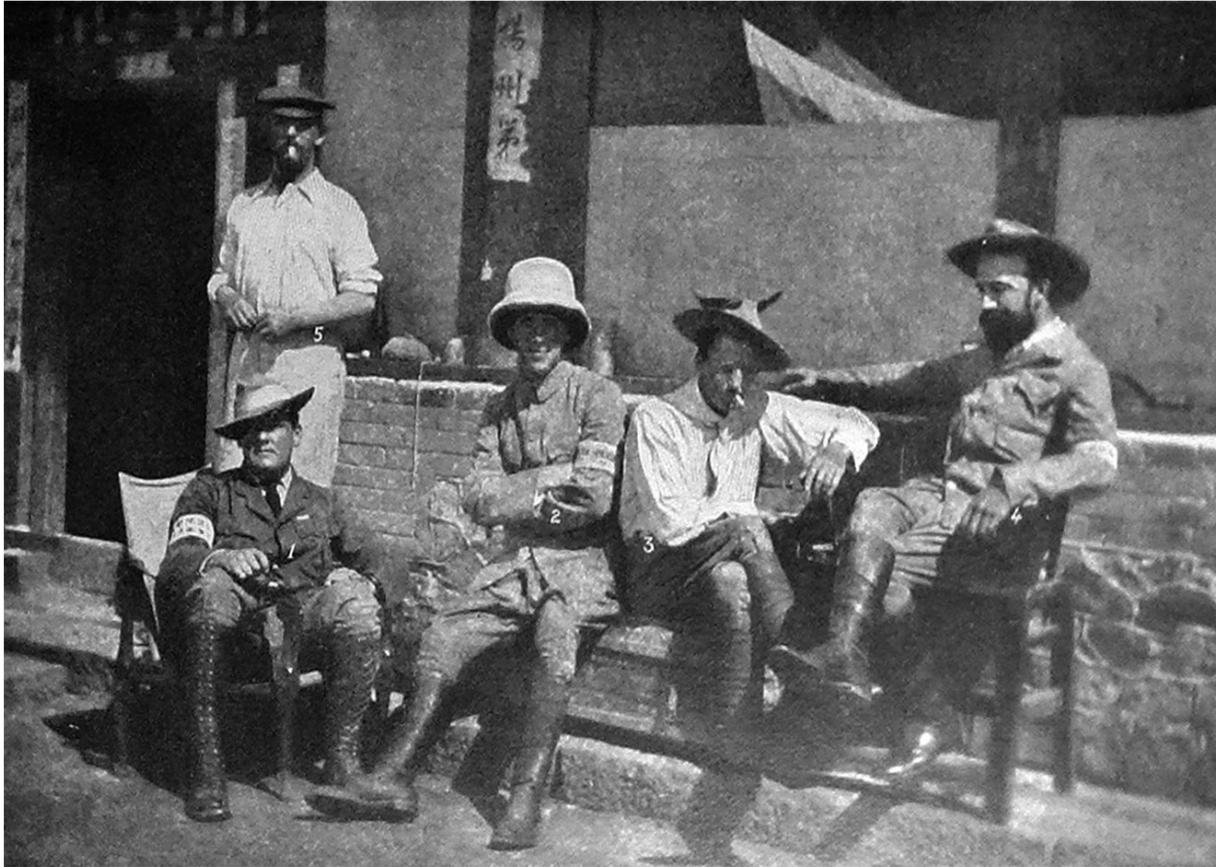
Русская миссия покидает Сеул 30 января / 12 февраля 1904 г. На переднем плане – А.И. Павлов

Торжественная встреча героев «Варяга» и «Корейца» в Петербурге

Группа американских корреспондентов в японской армии в Маньчжурии (Фредерик Палмер – во втором ряду справа)

Группа американских корреспондентов в японской армии в Маньчжурии (Джон Фокс – второй справа)

Привратникъ японскаго ада. — Откуда вы?!.. Кто вы?!.. Я читалъ токійское официальное донесеніе и тамъ было сказано: „убитыхъ — одинъ офицеръ, три солдата и пять лошади“, а васъ тутъ, вонъ сколько принесло!.. Не пушу, пока не справлюсь, не самозванцы ли вы?!..

1904 244

Сатирик

42

„Честные союзники“

(Правильность современной борьбы)

М. Смирнов

Японец. — Подставь-же ему ножку, друг Джонъ-Буль, а то я ужь изъ
силъ выбиваюсь!..

1904, 49

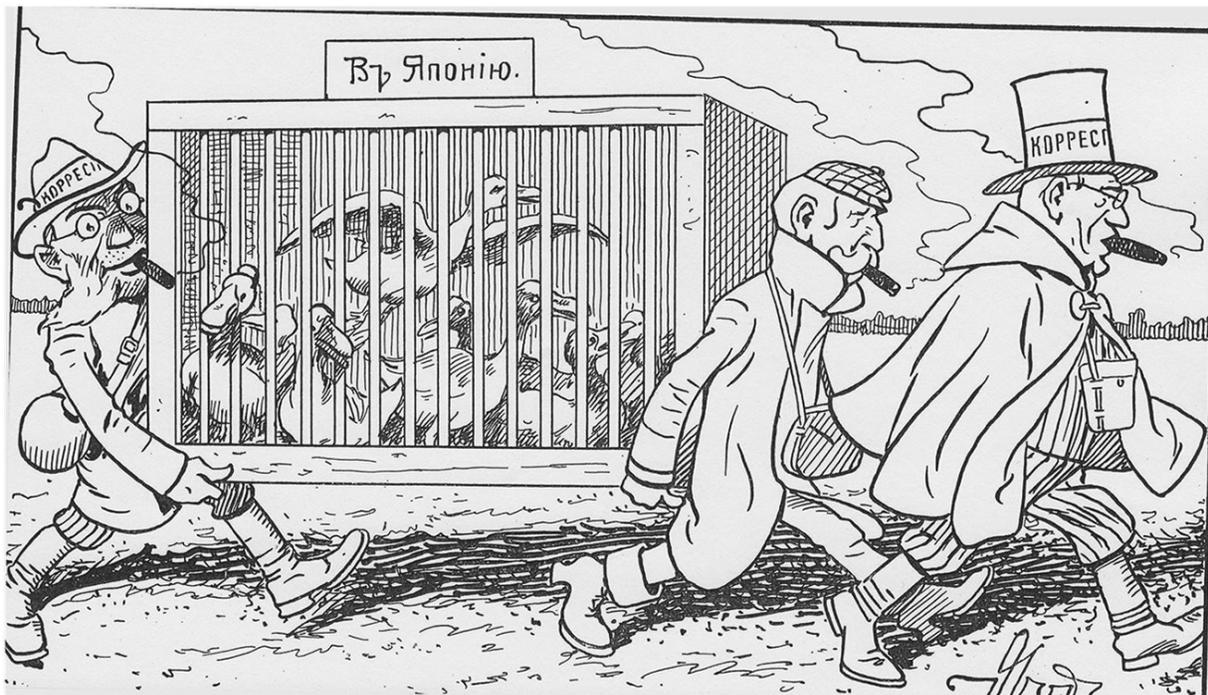
Билльонъ

48

Приближающаяся катастрофа.

Повадилея кувшинъ по воду ходить,
тамъ ему и голову сложить.

Стрекоза. 1904. № 14. С. 31

Будильник. 1904. № 26. Обложка.

Несообразный вояка

*Японец вообразил себя **Наполеоном** и пыжится «проглотить» весь мир, вызывая только «мировой» смех...*

Будильник. 1905. № 17.

МЕРКАНТИЛЬНАЯ ПАРОЧКА

Японец – Подайте бедному японцу на продолжение боевых действий!..

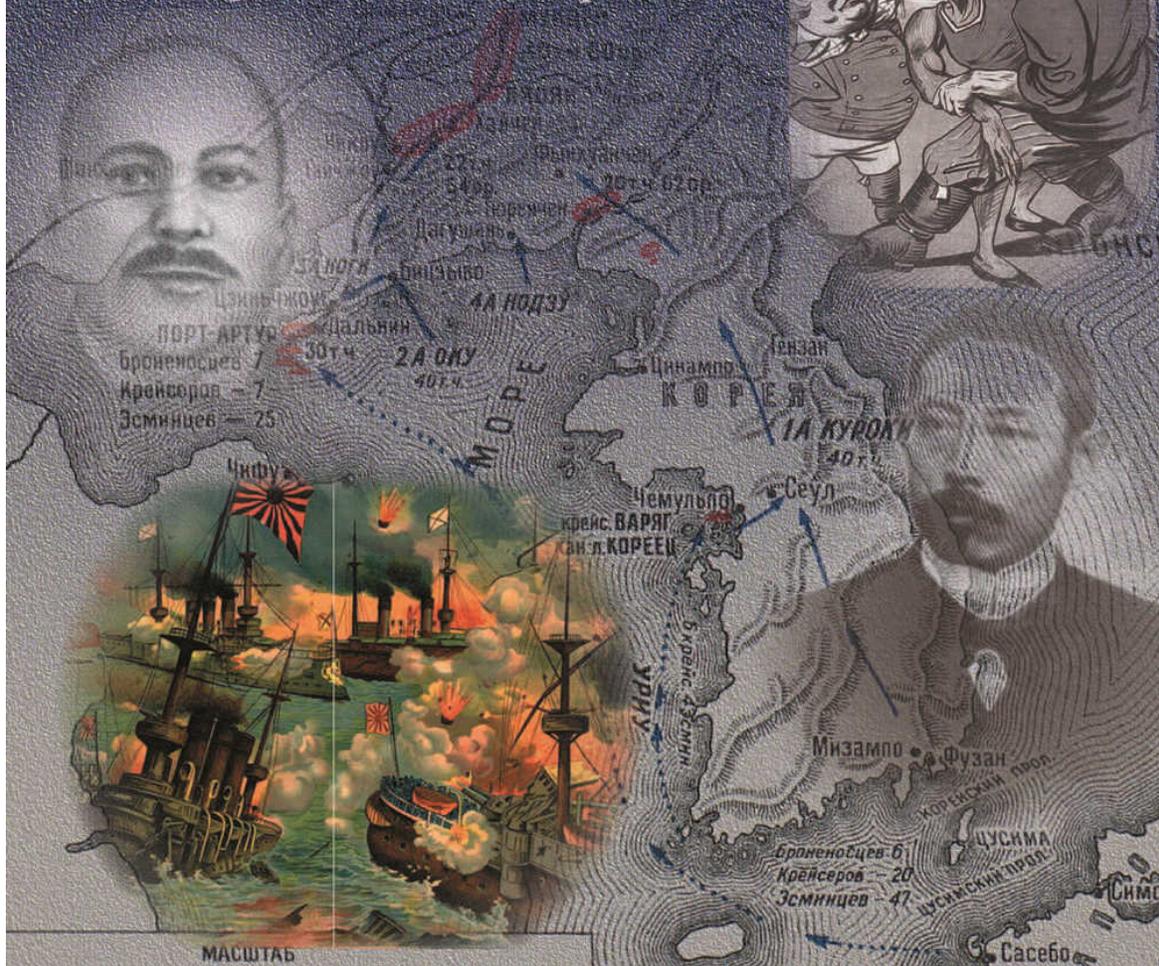
Мир – Ничего ему не давайте – он зачинщик войны!!..

Парочка – Отстань, мальчишка!.. Мы вовсе не желаем войны, мы только хотим выгодные «коммерческие дела» делать!..

Д.Б. Павлов

Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море

МАСШТАБ

1

См.: *Лукоянов И.В.* // Отечественная история. 2007. № 1. С. 174—176; *Кондратенко Р.В.* К вопросу о Гулльском инциденте // *Гангут: науч.-попул. сб. ст. по истории флота и судостроения.* 2007. № 41. С. 122—129; *Рыбачёнок И.С.* // Вестник РГНФ. 2013. № 1 (70).

[Вернуться](#)

2

См.: *Павлов Д.Б.* : 1) Японские деньги и первая русская революция. М., 2011 ; 2) На пути к Цусиме: беспримерный поход 2-й Тихоокеанской эскадры. М., 2011.

[Вернуться](#)

3

Revue. 1904. № 7.

[Вернуться](#)

4

Искра. 1904. 10 февр. (№ 59).

[Вернуться](#)

5

Харнский К.А. Предисловие // *Ким Н.* Под гнетом японского империализма: очерк современной Кореи. Владивосток, 1926. С. 4.

[Вернуться](#)

6

Slavic Review. 2006. Vol. 65, no 4. P. 824.

[Вернуться](#)

7

См.: *Левицкий Н.А., Быков П.Д.* Русско-японская война, 1904—1905. [Репринт изданий 1938 и 1942 гг.]. М., 2003. С. 449, 608.

[Вернуться](#)

8

Характерно, что из 150-томного исследования по истории русско-японской войны на море, подготовленного в Токио, тридцать один том так и не был опубликован, несмотря на то, что все это издание имело гриф секретности.

[Вернуться](#)

9

Подробнее о русскоязычной историографии и археографии этой войны см. статьи автора этих строк, с которыми он выступил в русско- и японоязычной печати (см., напр.: *Павлов Д.Б.* Российская историография и археография русско-японской войны 1904—1905 гг.: основные периоды, идеи и направления // *Отечественная история.* 2005. № 3. С. 144—157). Развернутые комментарии историографического характера, включая современную зарубежную историческую литературу, будут даны по ходу изложения.

[Вернуться](#)

10

White J. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, N. J., 1964. P. 138, 140.

[Вернуться](#)

11

Левцкий Н.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. Сокр. изд. М., 1938. С. 31.

[Вернуться](#)

12

Так, профессор Бирмингемского университета Дж. Вествуд пишет о русской разведывательной системе этих лет как об “*extensive and expensive*”, т.е. обширной и дорогостоящей, требовавшей серьезных затрат (*Westwood J.N. Russia against Japan, 1904—05: A New Look at the Russo-Japanese War. Basingstoke; London, 1986. P. 140*), а советский военно-морской историк, отмечая отсутствие у России «плановмерно функционирующего разведочного аппарата», полагал, что в 1904—1905 гг. ее Морскому министерству, например, приходилось пользоваться «случайными агентурными сведениями» (*Новиков Н.В. Гулльский инцидент и царская охранка // Морской сборник. 1935. № 6. С. 97*).

[Вернуться](#)

13

См.: *Изместьев П.И.* О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. 2-е изд. Варшава, 1910; *Звонарев К.К.* Русская агентурная разведка и контрразведка. Т. 1. М., 1929; *Вотинов А.[П].* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939; *Очерки истории российской внешней разведки: [в 6 т. / гл. ред. Е.М. Примаков]. Т. 1. М., 1996; Алексеев М.* Военная разведка России: от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998; *Лубянка 2: из истории отечественной контрразведки / [рук. авт. кол. Я.Ф. Погоний]. М., 2001.*

[Вернуться](#)

14

См.: Японский шпионаж в царской России: сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944; Из истории русской контрразведки: сб. док. / сост. И. Никитинский. М., 1946; Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг.: документы / сост. И.В. Деревянко // Тайны русско-японской войны. М., 1993; Тайная война против России: из документов русской контрразведки 1904—1905 гг. / публ. Д.Б. Павлова // Исторический архив. 1994. № 3. С. 13—59.

[Вернуться](#)

15

В числе работ историков по этой тематике, вышедших в последние годы и тематически либо хронологически близких к интересующим нас сюжетам и временному периоду, заслуживают внимания статьи московской исследовательницы Е.В. Добычиной «Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895—1897 годах» (Отечественная история. 2000. № 4. С. 161—170) и ее иркутских коллег И.А. Решетнева и В.В. Синиченко «К вопросу о шпионаже на восточных окраинах России в конце XIX – начале XX в.» (Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. № 6. С. 41—54), монография омского историка Н.В. Грекова «Русская контрразведка в 1905—1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы» (М., 2000) и книга сотрудника Института всеобщей истории РАН Е.Ю. Сергеева “Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904—05: Secret Operations on Land and at Sea” (London; New York, 2007).

[Вернуться](#)

16

Уровень современной отечественной издательской культуры иллюстрирует книга англичанина Кристофера Мартина «Русско-японская война, 1904—1905». Выпущенная в свет в 2003 г. московским издательством «Центрполиграф» в русском переводе, на языке оригинала впервые она была опубликована в Лондоне еще в 1967 г. Известные российские флотоводцы адмиралы Н.И. Скрыдлов и О.А. Энквист наречены здесь «Скрыдловым» и «Анквистом»,

броненосцы вместо 12-дюймовых вооружены «12-пудовыми» орудиями и т.д. Дату появления этой книги в свет на языке оригинала отечественный издатель не сообщает. В том же 2003 г. то же издательство 4-тысячным тиражом выпустило в свет прекрасную книгу Окамото Сюмпэй «Японская олигархия в русско-японской войне» в переводе Д. Лихачева, вновь «забыв» сообщить, что впервые эта книга была опубликована в 1970 г.; к тому же издатель счел излишним публиковать научно-справочный аппарат и авторские комментарии к тексту, которыми было снабжено оригинальное англоязычное издание.

[Вернуться](#)

17

См.: The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / ed. by J. Steinberg et al. Leiden; Boston, 2005—2007. 2 vols. Правда, один из редакторов этого фундаментального труда уточнил, что эта война была не более чем «региональной конфронтацией с существенными глобальными аспектами, важными и продолжительными международными воздействиями и громадным влиянием на развитие военного дела»: *Steinberg John W. The Operational Overview // Ibid. Vol. 1. P. 105.*

[Вернуться](#)

18

Точнее сказать – почти единодушны. Анонимный автор соответствующего раздела «Очерков истории российской внешней разведки» – единственный, кто считает, что не военная разведка была плоха и даже не Главный штаб, а «пренебрежение» их данными со стороны «царских властей». «Если бы царские власти вовремя прислушались и внимательно отнеслись к донесениям полковника В.К. Самойлова из Токио... – полагает он, – то дальнейшие события могли бы развиваться несколько по-иному. Много, видимо, удалось бы избежать»: *Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. С. 196—198.*

[Вернуться](#)

19

Макаров И.С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX в. – начало XX в.) // Многоликая история: сб. ст. М., 1997. С. 218.

[Вернуться](#)

20

Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата, 1893—1922. М., 1959. С. 135.

[Вернуться](#)

21

Шелухин А.Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906—1914 гг.) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 30.

[Вернуться](#)

22

Колпакиди А.И. К вопросу о взаимодействии российских спецслужб в дооктябрьской России // Политический сыск в России: история и современность: сб. ст. СПб., 1997. С. 89.

[Вернуться](#)

23

Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 144.

[Вернуться](#)

24

См.: *Inaba Ch.* Franco-Russian Intelligence Collaboration against Japan during the Russo-Japanese War, 1904—05 // Japanese Slavic and East European Studies. 1998. Vol. 19. P. 1—23.

[Вернуться](#)

25

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 1424. Л. 73.

[Вернуться](#)

26

Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке ...
С. 162, 165.

[Вернуться](#)

27

Звонарев К.К. Указ. соч. Т. 1. С. 25, 50—51.

[Вернуться](#)

28

Кравцев И.Н. Спецслужбы России в русско-японской войне 1904—1905 годов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1996. С. 267.

[Вернуться](#)

29

Его деятельность на этом посту получила противоречивую оценку в историографии. Е.В. Добычина (*Добычина Е.В. О происках Токио в Корее на рубеже XIX—XX вв. исправно докладывал в Санкт-Петербург генерального штаба подполковник И.И. Стрельбицкий // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 43—47*) отзывается о ней высоко, а Д.Б. Павлов и Н.Н. Павлова (*Павлов Д.Б., Павлова Н.Н. Полковник И.И. Стрельбицкий – первый русский «военный агент» в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 118—126*) – критически.

[Вернуться](#)

30

АВПРИ. Ф. 340 (Личный архив А.П. Извольского). Оп. 835. Д. 4. Л. 26.

[Вернуться](#)

31

Цит. по: *Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 148.*

[Вернуться](#)

32

«Увлечения наших бывших военных агентов японской армией уже нет, – заметил на полях доклада Ванновского военный министр А.Н. Куропаткин. – Взгляд трезвый». Такая реакция министра объяснялась его скептическим отношением к ранее полученным донесениям офицеров Генерального штаба полковника К.И. Вогака и капитана М.А. Соковнина, которые во время японо-китайской войны 1894—1895 гг. были прикомандированы к японской действующей армии и, как констатирует Е.В. Добычина, «первыми среди профессиональных военных заявили о появлении в лице Японии опаснейшего противника России на Дальнем Востоке». Цит. по:

Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке ...
С. 162.

[Вернуться](#)

33

Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904—1905: итоги войны.
СПб., 2002. С. 182—183.

[Вернуться](#)

34

См.: Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902—1904 гг.) // Русское прошлое. 1996. № 6. С. 55—86; *Wada Haruki*. Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attaches in Japan // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden; Boston, 2007. Vol. 2. P. 36—42.

[Вернуться](#)

35

Русин А.И. К истории мирных переговоров в Портсмуте в 1905 году // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 403—404.

[Вернуться](#)

36

Цит. по: The Times. 1904. March 10 (No. 37338). P. 5.

[Вернуться](#)

37

Цит. по: Ibid. March 14 (No. 37341). P. 5; March 17 (No. 37344). P. 5.

[Вернуться](#)

38

Цит. по: Ibid. March 16 (No. 37343). P. 5.

[Вернуться](#)

39

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2979. Л. 40 (Телеграмма статского советника (СС) Плансона из Харбина действительному статскому советнику (ДСС) Павлову в Шанхай от 23 сентября 1904 г. № 438), 42 (ответная телеграмма Павлова от 24 сентября 1904 г. в Харбин).

[Вернуться](#)

40

The Times. 1904. September 14 (No. 37499). P. 3.

[Вернуться](#)

41

Успехам Самойлова в изучении местного языка и обычаев много способствовала его японская пассия, на которой он впоследствии и женился. В годы его вторичного пребывания в Японии в качестве военного атташе (1906—1916) сотрудники российского посольства забавлялись, наблюдая, как его, к тому времени уже генерала, эта японка выгоняла на ночь из дома. См.: *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян: очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004. С. 83—84.

[Вернуться](#)

42

Лукомский А.С. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т. 1. Берлин, 1922. С. 16—17. В годы самой войны, вспоминает Русин, маньчжурский главнокомандующий Куропаткин удалил Самойлова из своей ставки «за его панические настроения»: *Русин А.И.* Указ. соч. С. 401.

[Вернуться](#)

43

Лукин А.П. В 1904 году // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 32—33.

[Вернуться](#)

44

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 187—187 об. (Секретное письмо З.М. Поляновского Д.К. Сементовскому в Петербург, Нагасаки, 12 (25) мая 1906 г. № 83).

[Вернуться](#)

45

Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800—1917. London; New York, 2006. P. 85.

[Вернуться](#)

46

События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891—1903 гг.). Издание Военно-исторической комиссии, бывшей под председательством Генерального штаба генерал-майора Гурко. Ч. 1: Борьба России с Японией в Корее / сост. Генерального штаба генерал-майор Симанский. СПб., 1910. С. 30.

[Вернуться](#)

47

Нечволодов Александр Дмитриевич (1864—1938) – сын офицера, из дворян. Окончил Николаевскую академию Генштаба. 29 ноября 1903 г. в чине полковника Генерального штаба направлен военным атташе в Корею, но в связи с началом боевых действий с Японией к месту назначения не доехал. Сначала служил при штабе наместника, затем, будучи прикомандирован к штабу Маньчжурской армии в Ляояне, в марте 1904 г. недолго возглавлял комиссию Штаба по цензуре сообщений военных корреспондентов. Отстранен за бездействие по жалобе чиновника Министерства финансов С.Н. Латкина, с конца марта занимался организацией разведки в Нанкинском и Гирином районах Китая, в Корее и в Южно-Уссурийском крае. Был переведен во Владивосток, в сентябре 1904 г. – в Хабаровск. Затем от разведки против Японии был отстранен (свою немногочисленную секретную агентуру в Японии передал Павлову), продолжал руководить разведывательно-подрывными операциями в Корее. Участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант. Умер в эмиграции.

[Вернуться](#)

48

По сведениям японского исследователя Ч. Инаба, в августе 1903 г. для изучения состояния корейских дорог и возможностей снабжения на месте своих оккупационных войск Корею тайно посетили генерал-майор С. Игути и полковник Т. Мацукава (начальники общего и 1-го отделов Генштаба, соответственно); начиная с весны 1903 г. и вплоть до самого кануна войны с Россией специальные разведывательные поручения здесь выполняли подполковники Я. Мацуиси и Т. Того, майор У. Киносита, капитаны Ц. Хино и Сакураи. В ноябре – декабре 1903 г. для нужд своего экспедиционного корпуса японские военные закупили и под видом коммерческого груза доставили в Корею несколько миллионов тонн продовольствия.

[Вернуться](#)

49

Краткая объяснительная записка о системе японского шпионажа, составленная ротмистром Михайловым. Сов. секретно, 28 июля 1906 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 23—25.

[Вернуться](#)

50

Там же. С. 26. В доме здешнего японского торгового представителя Каваками Тосицунэ (1861—1935), который с началом войны покинул город, российские контрразведчики обнаружили своего рода шпионский «прайс-лист» на английском языке: новые форты – 12 тыс. рублей, минные заграждения – 8 тыс. рублей, дислокация владивостокского гарнизона – 3 тыс. рублей и т.д., всего на сумму 69 тыс. рублей. Здешний жандармский офицер Михайлов полагал, что этот прейскурант японцу передал англичанин Э.С. Швабе, директор-распорядитель акционерного Уссурийского горнопромышленного общества, в расчете на будущую «негоцию». Характерно, что в числе пайщиков этого общества состояли комендант Владивостокской крепости генерал-лейтенант Д.Н. Воронец, агент Добровольного флота отставной вице-адмирал В.А. Терентьев, а также оба директора здешнего отделения Русско-Китайского банка – А.А. Масленников и С.Л. Эпштейн.

[Вернуться](#)

51

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846 (Военно-ученый архив (ВУА)). Оп. 16. Д. 29083. Л. 3—3 об. (Рапорт военного агента в Китае генерал-майора К.Н. Дессино начальнику штаба главнокомандующего, Шанхай, 18 (31) января 1906 г. № 91).

[Вернуться](#)

52

Бабаянц Ю. [К читателю] // *Алексеев М.* Военная разведка России: от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 3.

[Вернуться](#)

53

Цит. по: *Кравцев И.Н.* Указ. соч. С. 58.

[Вернуться](#)

54

Парский Д. Воспоминания и мысли о последней войне (1904—1905 гг.). СПб., 1906. С. 22.

[Вернуться](#)

55

Цит. по: *Вотинов А.[П.]*. Указ. соч. С. 23. Сам Фукусима считался в японской армии крупнейшим экспертом по лингвистике, поскольку владел не только русским языком, но и несколькими сибирскими диалектами.

[Вернуться](#)

56

The Japan Times. 1904. May 20 (No. 2169). P. 4.

[Вернуться](#)

57

Библиотека Slavic-Eurasian Research Center (Hokkaido University).
Коллекция Б.И. Николаевского. Series 132. Box 203. 203:21 (Русская
охранка в Париже (по неизданным документам)).

[Вернуться](#)

58

Цит. по: *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880—1917).
М., 2000. С. 146.

[Вернуться](#)

59

В наградных документах указаны только их фамилии. Вот они:
Судзуки, Фукуи, Кадзима, Хасегава и Камесима (АВПРИ.
Ф. 187 (Посольство в Париже). Оп. 524. Д. 2587. Л. 161).

[Вернуться](#)

60

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Ф. 102 (Департамент полиции, Особый отдел (ДП ОО)). Оп. 316.
1904 (II). Д. 1, ч. 3. Л. 7—7 об.

[Вернуться](#)

61

The New York Times. 1904. May 29. Sunday Supplement. P. 12.
Американская газета, конечно же, имела в виду Департамент полиции
МВД – Третье отделение собственной его императорского величества
канцелярии к тому времени уже почти четверть века, как было
упразднено.

[Вернуться](#)

62

Сет Р. Тайные слуги: повесть о японском шпионаже. М., 1997. С. 109—116.

[Вернуться](#)

63

Военный корреспондент газеты «Frankfurter Zeitung» по этому поводу в 1904 г. писал: «Большим подспорьем и помощью для японцев является их превосходно организованное шпионство. Японцы считают его весьма полезным и похвальным занятием. Японский шпион – это шпион совершенно иного типа, чем европейский. Самые способные офицеры Главного штаба официально командируются для шпионства, а, кроме того, вполне добровольно исполняются шпионские обязанности различными представителями японской интеллигенции. Путешествующий японский купец, посещающий Европу, японский студент в наших университетах, японский слуга в русской семье и бесчисленное количество представителей самых разнообразных кругов и профессий сообщают японским властям все, что они случайно могли узнать или увидеть» (Цит. по: Приамурские ведомости. 1904. 26 сент. (№ 692). С. 3). Об этом качестве японцев см. также: *Bennet Berleigh. Empire of the East, or Japan and Russia at War, 1904—5. London, 1905. P. 72—73.*

[Вернуться](#)

64

В начале XX в. японская йена была почти равноценна рублю.

[Вернуться](#)

65

Вотинов А.[П]. Указ. соч. С. 4. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. По сведениям Р. Сета, в 1934—1935 гг. японской секретной службе было ассигновано 800 тыс., а спустя 5 лет – 6 млн фунтов стерлингов. Расходы всей Британской империи на аналогичные цели в те же годы составили всего 200 и 250 тыс. фунтов стерлингов, а США – лишь 12,5 и 50 тыс. (*Сет Р.* Указ. соч. С. 120—121).

[Вернуться](#)

66

Цит. по: Лубянка 2: из истории отечественной контрразведки / [рук. авт. кол. Я.Ф. Погоний]. М., 2001. С. 120—121.

[Вернуться](#)

67

Алексеев М. Военная разведка России: от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 105—106.

[Вернуться](#)

68

Там же. С. 125—126. В документах российских спецслужб этот офицер обычно именовался «Акаши».

[Вернуться](#)

69

Inaba Ch. Akashi's Career // *Rakka ryūsui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War / Selected chapters translated by Ch. Inaba; edited by O. Falt, A. Kujala.* Helsinki, 1988. P. 17. (Далее – *Rr.*); *Инаба Ч.* Японский резидент против Российской империи: полковник Акаси Мотодзиро и его миссия, 1904—1905 гг. М., 2013. Более подробный

историографический обзор его деятельности помещен в главе III настоящей книги.

[Вернуться](#)

70

Deacon R. A History of the Japanese Secret Service. London, 1982. P. 47.

[Вернуться](#)

71

В годы самой войны Г. Танака служил в Генштабе, где занимался вопросами стратегического военного планирования, в частности, изучал пропускную способность российских железных дорог на основании данных японской разведки.

[Вернуться](#)

72

По сравнению с основным, маньчжурским, театром войны, боевые действия в Корее были незначительными по количеству участников с обеих сторон. Всего убитыми и ранеными Россия потеряла здесь 2,7 тыс., а Япония – порядка 1 тыс. военнослужащих (см.: *Пак Чон Хё.* Русско-японская война 1904—1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 195—207). Общие же потери убитыми с русской стороны в годы русско-японской войны, по разным данным, составили от 25 до 50 тыс. солдат и офицеров (см.: *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: стат. исслед. / под ред. Г.Ф. Кривошеева.* М., 2001. С. 40, 42—43), а с японской – 47—49 тыс. По официальным данным японской военно-медицинской службы, в этой войне Япония по общему счету потеряла 218 429 человек убитыми и ранеными и 221 136 больными. См.: *The Japan Times.* 1905. November 25 (No. 2632). P. 2.

[Вернуться](#)

73

АВПРИ. Ф. 191 (Миссия в Сеуле). Оп. 768. Д. 25. Л. 728—733.

[Вернуться](#)

74

Подробнее об этом см.: *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014.

[Вернуться](#)

75

Отчет об организации и деятельности Разведочного отделения Главного штаба за 1903 г., 11 декабря 1903 г. // Из истории русской контрразведки: сб. док. / сост. И. Никитинский. М., 1946. С. 28—29.

[Вернуться](#)

76

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1902. Д. 1111, ч. 5. Л. 1—3 об.; Лубянка 2. С. 126—127; *Алексеев М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 106—107.

[Вернуться](#)

77

Diplomatic Record Office. Meiji 37 nen himitsu hi shiharai meisai (Выплаты из секретных фондов в 1904 г.). Akashi Motojiro Papers. No. 94.

[Вернуться](#)

78

См.: The Times. 1904. March 21 (No. 37347). P. 5. Ротмистра Ивкова эта газета именовала “Cavalry Captain Irokoff”.

[Вернуться](#)

79

Летом 1904 г. русские газеты перепечатали материал американского журнала “Independent”, посвященный пребыванию Фукусима в Германии в начале 1890-х годов на маневрах германской армии. В нем, в частности, говорилось: «Крохотного роста, с бегающими раскосыми глазами. ... Фукусима свободно говорил на семи европейских языках и так искусно скрывал это, что все при дворе и в свите императора Вильгельма считали его едва умеющим понимать по-немецки... На своих коллег – иностранных агентов он производил жалкое впечатление. Многие его считали за идиота. Так, по крайней мере, отзывался о нем благодушнейший британский посланник. Присылку такого военного представителя считали даже стыдом для японского правительства. Но Фукусима не дремал и делал свое дело. С 4 ч. утра Фукусима на своей лошадке наблюдал за кавалерийскими атаками, за всеми операциями войск, построениями мостов, артиллерийским примерным боем и все тщательно заносил в свою записную книжечку ... В один прекрасный день маленький Фукусима исчез, и через несколько месяцев о нем услышали, как о путешественнике, проехавшем через всю Сибирь, Монголию и Маньчжурию» (Приамурские ведомости. 1904. 25 июня (№ 652). С. 2. (Перепечатка из «Русского листка»)). В действительности, в Германии майор Фукусима Ясумаса (1852—1919) появился в качестве военного атташе еще в 1887 г. и пробыл там до 1891 г. В феврале 1892 г., находясь в Германии на маневрах, он, по заданию своего Генштаба, тайно отправился в Россию. Посетив Петербург, Москву, Иркутск, Владивосток и преодолев за полтора года путешествия верхом более 14 тыс. км, подполковник Фукусима через Шанхай вернулся на родину и 29 июня 1893 г. был триумфально встречен в Токио. Как утверждает С. Накамура, в бытность его в России в центре внимания Фукусима находилась дислокация русской армии (Накамура С. Японцы и русские. М., 1983).

[Вернуться](#)

80

РГВИА. Ф. 2000 (Главное управление Генштаба (ГУГШ)). Оп. 1. Д. 4132. Л. 1 об. (Секретный рапорт вр. и.д. военного агента в Париже полковника Адабаша в Главное управление Генштаба, 9 февраля 1908 г. № 23).

[Вернуться](#)

81

Никитинский И. Введение // Японский шпионаж в царской России: сб. док. М., 1944. С. 4.

[Вернуться](#)

82

Джон Маршал был довольно любопытной фигурой. Окончив в 1880 г. Кембридж, где он изучал русский язык, для продолжения своих филологических занятий в 1888 г. он приехал в Петербург, где вплоть до описываемых событий находился почти безвыездно. На жизнь Маршал зарабатывал преподаванием английского языка в столичных частных школах, гимназиях и вузах, работая секретарем-переводчиком во многих частных компаниях и выполняя переводы для российских правительственных учреждений и судебных органов. С начала 1900-х годов Маршал стал переводчиком английского военного атташе полковника Бересфорда (Beresford) и военно-морского Пейджета (Paget), а затем и Кальторпа. В декабре 1904 г. через британского посла граф Ламздорф потребовал, чтобы Маршал покинул Россию (переводчика заподозрили в получении секретной информации о России и передаче ее за рубеж), и в январе 1905 г. он оказался вынужден вернуться на родину, убежденный, однако, в полной своей невиновности. См.: Библиотека Slavic-Eurasian Research Center (Hokkaido University). Foreign Office. Russia Correspondence (F.O. R.C.).

65/1720. Р. 52—54 (Записка Маршала в Форин офис, Лондон, б/д [не ранее февраля 1905 г.]).

[Вернуться](#)

83

Цит. по: Лубянка 2. С. 128.

[Вернуться](#)

84

Цит. по: Там же. С. 131.

[Вернуться](#)

85

Этот 43-летний словак был не только талантливым криптографом и стенографом, но и полиглотом – он свободно владел всеми основными европейскими и азиатскими языками, включая китайский и японский. В 1924 г., будучи уже преклонных лет, но, по-прежнему работая переводчиком во внешнеполитическом ведомстве (конечно, советском – НКВД), он как «контрреволюционер» и «шпион» в административном порядке получил 10-летний срок и умер в Соловецком концлагере. Однако и на Соловках, где, к слову сказать, он занимался метеорологическими наблюдениями, его, по свидетельству очевидца, «глубоко уважали главным образом за то, что он бегло разговаривал практически на всех языках мира». См.: *Мальсагов С.А.* Адские острова: советская тюрьма на Дальнем Севере. Алма-Ата, 1990. С. 51.

[Вернуться](#)

86

И. Куроно, к началу войны проживший в России уже около 20 лет, подготовил и опубликовал «Военный русско-японский толмач»,

вышедший на четвертый месяц войны с Японией. Сделан этот словарь был не вполне удачно (например, слово «теленок» было переведено в нем, как «быкин сын», «вал» – как «плотина», «кондуктор» – как «проводник» и т.д.), на что ему тогда же и указали рецензенты. Офицер же НКВД А.П. Вотинов усмотрел в этих ошибках «самое гнусное вредительство» и объявил Куроно агентом японской разведки (*Вотинов А.[П.] Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939. С. 16*). Думается, что на этот раз классовое чутье подвело чекиста. Впрочем, для Вотинова и А.М. Стессель – не только «бандит в генеральском чине», но и «японский шпион и провокатор» (Там же. С. 59). Комбриг Н.А. Левицкий, недолго думая, в этот же разряд зачислил Азефа и даже Гапона (*Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. Сокр. изд. М., 1938. С. 24*). Такова «специфика» оценок отечественных авторов 1930-х годов.

Летом 1904 г. Главный штаб издал в Петербурге новый «Военный русско-японский толмач и краткий систематический словарь», составленный В.П. Панаевым. Тогда же появился и первый самоучитель японского языка, опубликованный при содействии морского ведомства и Министерства финансов.

[Вернуться](#)

87

ГА РФ. Ф. 102 (ДП 3 д-во). 1895. Д. 1579 (Сметы денежных сумм на секретные расходы, 1895—1907 гг.); 1904. Д. 3654, т. 1.

[Вернуться](#)

88

Там же. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 17. Л. 11, 13 об.

[Вернуться](#)

89

Там же. Л. 58—58 об., 68.

[Вернуться](#)

90

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 3128. Л. 12.

[Вернуться](#)

91

Цит. по: Лубянка 2. С. 130.

[Вернуться](#)

92

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 17. Л. 105—105 об.; Д. 1, ч. 3. Л. 14; Д. 7. Л. 1.

[Вернуться](#)

93

Andrew Ch., Neilson K. Tsarist Codebreakers and British Codes // Intelligence and National Security. 1986. Vol. 1, no.1. P. 6—12.

[Вернуться](#)

94

Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802—2002: в 3 т. / под ред. И.С. Иванова. Т. 1: 860—1917 гг. М., 2002. С. 506. В ноябре 1904 г. Хардинг секретно сообщил в Лондон о «попытке посторонних лиц получить доступ к документам посольства его величества» и в этой связи просил выделить дополнительные средства на обеспечение безопасности здания и усиление его охраны (см.: F.O. R.C. 65/1724. P. 147—148 (Сов. секретная депеша Хардинга в

Форин офис. Петербург, 18 ноября 1904 г.)). Нельзя исключать, что эта попытка явилась делом рук российской контрразведки.

[Вернуться](#)

95

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 2—2 об.

[Вернуться](#)

96

Роуан Р. Очерки секретной службы. Из истории разведки / сокр. пер. с англ. С. Займовского. М., 1946. С. 203—206.

[Вернуться](#)

97

Новое время. 1904. 10 (23) февр. (№ 10034). С. 2; The Times. 1904. April 23 (No. 37376). P. 7.

[Вернуться](#)

98

Донесение пристава 1-го участка Спасской части г. С.-Петербурга капитана Чеважевского Петербургскому градоначальнику от 12 августа 1904 г. и отношение директора Департамента полиции начальнику Петербургского ГЖУ // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 46—50.

[Вернуться](#)

99

Письмо военного министра А.Н. Куропаткина министру юстиции Н.В. Муравьеву от 25 августа 1898 г. // Там же. С. 35—36.

[Вернуться](#)

100

The New York Times. 1904. May 29. Sunday Supplement. P. 12.

[Вернуться](#)

101

Доклад военного следователя 3-й Маньчжурской армии об организации японского шпионажа, 15 сентября 1905 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 16, 23.

[Вернуться](#)

102

Совершенно секретная записка ротмистра Михайлова о японском шпионаже во Владивостоке, 28 июля 1906 г. // Там же. С. 24.

[Вернуться](#)

103

Заключение по делу японских подданных Коноске Сивоко, Зуюзи Сузуки и Магосичи Сивоя, обвиняемых в шпионаже, 28 октября 1902 г. // Там же. С. 38—40.

[Вернуться](#)

104

Там же. С. 40.

[Вернуться](#)

105

Кондратенко Р.И. Из порт-артурских писем генерала Р.И. Кондратенко // Приамурские ведомости. 1905. 26 июня (№ 808). С. 2 (Письмо от 18 марта 1904 г.).

[Вернуться](#)

106

The Times. 1904. February 24 (No. 37325). P. 7.

[Вернуться](#)

107

Новое время. 1904. 28 февр. (12 марта) (№ 10052). С. 4.

[Вернуться](#)

108

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 17. Л. 1.

[Вернуться](#)

109

Новое время. 1904. 21 февр. (5 марта) (№ 10045). С. 2.

[Вернуться](#)

110

Совершенно секретное донесение жандармского ротмистра Гаврилова директору Департамента полиции, 10 февраля 1904 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 40—41.

[Вернуться](#)

111

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 145.

[Вернуться](#)

112

Японский шпионаж в царской России. С. 19.

[Вернуться](#)

113

Новое время. 1904. 9 (22) марта (№ 10062). С. 2. Очевидно, в это газетное сообщение вкралась опечатка. И по русским (япониста П.Г. Васкевича), и по японским данным (торгового агента во Владивостоке Т. Каваками), на январь 1904 г. по всей Сибири проживало менее 6,5 тыс. японцев (6480 чел.), из которых 4207 были вывезены на родину уже в первых числах февраля 1904 г. на британском и немецком фрегатах. Из оставшихся двух с лишним тысяч переселенцев более 800 (в основном проституток) в декабре 1904 г. на родину через Германию доставил буддийский миссионер во Владивостоке Ота Какумин. Подробнее об этом см.: *Мацумото Икуко*. Ота Какумин (1866—1944), настоятель буддийского храма во Владивостоке: взгляд на Россию, СССР и Японию // Русский сборник: исследования по истории России. Т. V. М., 2008. С. 217, 222—224; *Хохлов А.Н.* Положение японцев на русском Дальнем Востоке, 1904—1905 гг. // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 78—87.

[Вернуться](#)

114

Одесские новости. 1904. 27 апр.

[Вернуться](#)

115

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 193—193 об.

[Вернуться](#)

116

Там же. Д. 15. Л. 1, 21, 22, 25, 187—187 об. (Переводы на русский язык писем К. Тогаси в Вену).

[Вернуться](#)

117

Inaba Ch. The Question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War: The Struggle between Japan and Russia over the Passage of the Russian Volunteer Fleet in 1904 // *The Rising Sun and the Turkish Crescent: New Perspectives on the History of Japanese Turkish Relations* / S. Esenbel, Ch. Inaba (Eds.). Istanbul, 2003. P. 127.

[Вернуться](#)

118

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 70—70 об.

[Вернуться](#)

119

Там же. Оп. 316. 1904 (II). Д. 15. Л. 119. Источник своих сведений Главный штаб при этом не сообщил. Скорее всего, его информатором явился полковник Альфред Редль, начальник отдела шпионажа и контршпионажа австрийского Генштаба, который с 1902 г. передавал секретные сведения России. В 1912 г. Редль продал российскому военному атташе полковнику Марченко мобилизационное расписание своей армии, вскоре был разоблачен и покончил жизнь самоубийством. См.: *Роуан Р.* Указ. соч. С. 224—235; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 237—238.

[Вернуться](#)

120

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 210. Л. 43—43 об., 50—53, 57—61 об., 78—81, 101—102 об.

[Вернуться](#)

121

Новое время. 1904. 4 (17) марта (№ 10057). С. 3.

[Вернуться](#)

122

Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1958. С. 6, 12.

[Вернуться](#)

123

Состав русского флота на Дальнем Востоке к началу русско-японской войны // Из истории русско-японской войны 1904—1905 гг. / отв. сост. И.В. Карпеев; под ред. В.П. Козлова и др. Т. 2: Порт-Артур: воспоминания участников. М., 2008. С. 783 (Прил.).

[Вернуться](#)

124

См.: Диаграмма русского и японского флотов на Дальнем Востоке / составил секретарь канцелярии барон Штакельберг 27 января 1904 г. // АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. Д. 217. Л. 1 об.—2.

[Вернуться](#)

125

К лету 1904 г. японцы безвозвратно потеряли броненосцы «Хацуза» и «Ясима» (здесь и далее названия японских кораблей приведены в транскрипции источника), более десятка крейсеров разных классов, 22 миноносца и 10 контрминоносцев. Броненосцы «Асахи» и «Фудзи» получили серьезные повреждения и вернулись в строй только в июле 1904 г. По подсчетам «Московских ведомостей», только за неполный первый месяц военных действий Япония 9 судов потеряла безвозвратно (совокупным тоннажем в 12 000 т) и 5 – временно (отведены в доки; совокупный тоннаж 52 000 т), тогда как Россия – 2 (7700 т) и 2 (19 500 т) соответственно. Таким образом, заключала газета, «потери японцев слишком вдвое превосходят наши» (цит. по: Новое время. 1904. 22 февр. (6 марта) (№ 10046). С. 6). Япония тщательно скрывала данные о потерях боевых кораблей и все, что касалось своего ВМФ, обставляла особенно строгой тайной (потеря броненосцев “Hatsuse” и “Yashima”, например, была скрыта даже от собственных граждан). Стремясь ввести противника в заблуждение, японцы камуфлировали под броненосцы транспортные суда, сооружая на них бутафорские деревянные надстройки. См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 31 об., 112.

[Вернуться](#)

126

The Japan Times. 1904. September 18 (No. 2273). P. 6.

[Вернуться](#)

127

Куропаткин А.Н. Дневник А.Н. Куропаткина / [под ред. М.Н. Покровского]. [Н. Новгород], 1923. С. 32.

[Вернуться](#)

128

Его же. Русско-японская война, 1904—1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 177. Не желая называть подлинного виновника, Николая II, ответственность за это Куропаткин возложил на... 2-ю эскадру: «Поражение под Цусимой, – считал он, – предрешило вступление на путь мирных переговоров и предрешило заключение мира в то время, когда собранная миллионная армия уже готова была к энергичному переходу в наступление» (Там же. С. 210).

[Вернуться](#)

129

Теплов В. Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 433. В том же 1905 г. эта серия статей В.А. Теплова была переиздана в Петербурге отдельной брошюрой.

[Вернуться](#)

130

Снесарев Н.В. Мираж «Нового времени». Почти роман. СПб., 1914. С. 67.

[Вернуться](#)

131

Исторической правды ради отметим, что этот выбор оказался не так сокрушительно плох, как это могло показаться на первый взгляд. Во всяком случае, именно в министерство Бирилева в России обязаны проведением морских реформ 1905—1914 гг.

[Вернуться](#)

132

Цит. по: *Семенов В.И.* Расплата. [Ч. 1—2]. СПб., 1907. С. 377.

[Вернуться](#)

133

Николай II, император. Дневник императора Николая II / под ред. К.Ф. Шаццлло. М., 1991. С. 193—194, 197.

[Вернуться](#)

134

См., напр.: The Times. 1904. February 26 (No. 37327). P. 3.

[Вернуться](#)

135

Статья У. Уилсона в “Daily Mail” цит. по: The Japan Times. 1904. April 6 (№ 2131). P. 6.

[Вернуться](#)

136

Николай II, император. Указ. соч. С. 203—204.

[Вернуться](#)

137

Цит. по: The Times. 1904. April 12 (No. 37366). P. 3.

[Вернуться](#)

138

См.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века: (от русско-французского союза до Октябрьской революции) / под ред. А.В. Игнатьева. М., 1997. С. 166. Историк И.В. Лукоянов не исключает, что в действительности инициатива мирного зондажа исходила не от посланника Т. Хаяси, а от находившегося тогда в Западной Европе отставного министра финансов России Витте. См.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 578—579.

[Вернуться](#)

139

Новое время. 1904. 5 (18) дек. (№ 10333).

[Вернуться](#)

140

Там же. 1905. 2 (15) янв. (№ 10361).

[Вернуться](#)

141

Ранее Ф.В. Дубасов был одним из энергичных и убежденных сторонников посылки 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. В сентябре 1904 г. он писал императору, что эскадре Рождественского

необходимо навязать японскому флоту генеральное сражение, разбить его, но на этом не останавливаться и тут же занять корейский порт Масанпо с тем, чтобы в дальнейшем превратить его в основную базу русского Тихоокеанского флота (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1622 (С.Ю. Витте). Оп. 1. Д. 265. Л. 1—11 (Всеподданнейшая записка Ф.В. Дубасова от 10 сентября 1904 г.)).

[Вернуться](#)

142

Новое время. 1905. 3 (16) янв. (№ 10362).

[Вернуться](#)

143

Hokkaido University. Slavic-Eurasian Research Centre library. Коллекция Б.И. Николаевского. Series 65. Box 110. Folder 5. 110:6 (Письмо Р.И. Кондратенко А.М. Стесселю, Порт-Артур, 18 сентября 1904 г.).

[Вернуться](#)

144

Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 301.

[Вернуться](#)

145

Штенгер В.А., флота генерал. Париж. Подготовка 2-й эскадры к плаванию // С эскадрой адмирала Рожественского: сб. ст. СПб., 1994. С. 32. (Русское военно-морское зарубежье; вып. 4).

[Вернуться](#)

146

Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 262.

[Вернуться](#)

147

Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания: две книги в одном томе. Кн. 1. М., 1999. С. 170, 214.

[Вернуться](#)

148

РГА ВМФ. Ф. 1233 (З.П. Рожественский). Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

[Вернуться](#)

149

Штенгер В.А. Указ. соч. С. 30—31.

[Вернуться](#)

150

Теоретически существовал и четвертый, наиболее для тех лет экзотический маршрут. 28 апреля 1904 г. на имя военного министра поступило письмо В. Русанова с изложением плана прохода эскадры на Дальний Восток через Северный Ледовитый океан (см.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2953). Немного раньше с аналогичным проектом в письме на «высочайшее» имя выступил капитан Кульчицкий. Капитан уверял, что, выйдя из Балтики в июне, экспедиция, в которой он был готов принять участие в качестве штурмана, уже в августе прибудет к месту назначения (см.: *The Times*. 1904. April 11 (No. 37365). P. 3). О том, что русская эскадра сделает попытку пройти на Дальний Восток «северо-восточным» путем в марте 1904 г. сообщила и

парижская газета «Temps» (The Japan Times. 1904. March 12 (No. 2111). P. 3).

[Вернуться](#)

151

Этих броненосцев было семь: «Наварин» (вошел в строй в 1891 г., водоизмещение 10,2 тыс. т), «Сисой Великий» (1894 г., 10,4 тыс. т), «Ослябя» (1898 г., 12,7 тыс. т), «Император Александр III» (1901 г., 13,5 тыс. т), «Орел» (1902 г., 13,5 тыс. т), «Князь Суворов» (1902 г., 13,5 тыс. т) и «Бородино» (1901 г., 13,5 тыс. т). Четыре новейших броненосца представляли собой последнее слово в военном кораблестроении.

[Вернуться](#)

152

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1. Л. 53.

[Вернуться](#)

153

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 201 (Шифрованная телеграмма контр-адмирала А.А. Вирениуса кн. А.А. Долгорукову в Берлин, Петербург, 20 апреля 1904 г.).

[Вернуться](#)

154

Алексеев М. Военная разведка России: от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 120—121; ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 11, ч. 2. Л. 171—180.

[Вернуться](#)

155

Генерал Дессино еще 18 апреля (1 мая) направил начальнику полевого штаба заместника секретный рапорт следующего содержания: «По полученным сведениям, Япония, чтобы воспрепятствовать приходу нашего Балтийского флота на Дальний Восток, решила отправлять партиями морских офицеров на путь следования этого флота и фрагтовать для них яхты для крейсирования, особенно в Красном море. 8 японских морских офицеров с английским механиком Henry R. Harvy на днях проехали через Шанхай. Кроме того, мне известно, что японцы ищут для покупки быстроходные пароходы. Вообще же Япония покупает много пароходов; постоянно можно видеть в Шанхае английские и американские экипажи, возвращающиеся домой пассажирами, вследствие продажи пароходов. Об отправлении японских офицеров на путь следования нашего флота я телеграфировал Главному штабу. Генерального штаба генерал-майор Дессино» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27262. Л. 135). 1 мая 1904 г. тот же военный агент направил в полевой штаб заместника следующую зашифрованную телеграмму: «Япония, чтобы помешать нашему флоту из России придти сюда, шлет на предполагаемый путь партиями морских офицеров, которые будут разъезжать в особенности в Красном море на фрагтованных пароходах» (Там же. Л. 21 (Зашифрованная депеша военного агента из Шанхая в Мукден генерал-квартирмейстеру штаба заместника генерал-майору Флугу, 1 мая 1904 г. № 439)).

[Вернуться](#)

156

Вскоре их имена также были установлены – Иде и Мацумото.

[Вернуться](#)

157

10,2 кг.

[Вернуться](#)

158

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л.123 (Шифрованная телеграмма консула К.Ф. Бологовского А.И. Павлову в Шанхай, Гонконг, 21 мая 1904 г.).

[Вернуться](#)

159

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 402.

[Вернуться](#)

160

Могилевич А., Айрапетян М. Легенда и правда о «гульском инциденте» 1904 года // Исторический журнал. 1940. № 6. С. 44.

[Вернуться](#)

161

РГА ВМФ. Ф. 531 (2-я эскадра флота Тихого океана). Оп. 1. Д. 53. Л. 405.

[Вернуться](#)

162

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 17.

[Вернуться](#)

163

Там же. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1127. Л. 49 (Письмо вице-консула в Кардиффе Фуругельма в российское посольство в Лондоне, Кардифф, 7 (20) мая 1904 г. № 37).

[Вернуться](#)

164

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 354—354 об., 403.

[Вернуться](#)

165

Там же. Л. 379, 380, 396, 452.

[Вернуться](#)

166

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1. Л. 322—322 об.

[Вернуться](#)

167

Там же. Д. 1, ч. 3. Л. 239—239 об.

[Вернуться](#)

168

Там же. Л. 269. Уже упоминавшийся Н.В. Новиков, процитировав некоторые из этих писем, без колебаний объявил их «сфабрикованными Гартингом и его агентурой фальшивками» (*Новиков Н.В.* Гулльский инцидент и царская охранка // Морской сборник. 1935. № 6. С. 102). На самом деле эти документы были добыты в японских западноевропейских миссиях Мануйловым (частью его собственной агентурой, частью получены им от

французов). Что же касается Гартинга, то, ознакомившись с некоторыми из этих материалов, он предположил, что они «апокрифичны», другими словами, выразил сомнение в их подлинности. Чем было вызвано такое недоверие к информации Мануйлова, читатель узнает позднее. Здесь же уместно обратить внимание на приемы и методы работы с источниками, принятые в советской историографии, притом Н.В. Новиков – один из наиболее осведомленных и добросовестных специалистов по интересующей нас теме.

[Вернуться](#)

169

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 139 (Телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 12 ноября 1904 г. № 718).

[Вернуться](#)

170

Там же. Д. 2979. Л. 11—11 об. (Телеграмма Павлова в главную квартиру наместника в Мукден и в МИД, Шанхай, 24 октября 1904 г. № 662).

[Вернуться](#)

171

Цит. по: *Могилевич А., Айрапетян М.* Указ. соч. С. 45.

[Вернуться](#)

172

Россия и Япония на заре XX столетия: аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под ред. В.А. Золотарева. М., 1994. С. 526.

[Вернуться](#)

173

Новое время. 1904. 14 (27) апр. (№ 10098). С. 2.

[Вернуться](#)

174

The Japan Times. 1904. March 19 (No. 2117). P. 6. Перепечатка из газеты “Nichi-Nichi”.

[Вернуться](#)

175

Это не помешало японскому военно-морскому атташе в Лондоне М. Кобураги в апреле 1904 г. во всеуслышанье объявить, будто «в японском флоте нет подводных лодок» и морское ведомство его страны «придает главнейшее значение» не им, а «автоматическим минам». Цит. по: Киевлянин. 1904. 10 (23) апр. (№ 99).

[Вернуться](#)

176

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 46 об. (Шифрованная телеграмма Павлова главнокомандующему в Гунжулин, Шанхай, 19 марта 1905 г.).

[Вернуться](#)

177

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 2. Л. 171 (Перевод полученной агентурным путем записки из японской миссии в Гааге).

[Вернуться](#)

178

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2979. Л. 76.

[Вернуться](#)

179

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3016. Л. 183.

[Вернуться](#)

180

Там же. Д. 3017. Л. 77—78.

[Вернуться](#)

181

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 21 об.

[Вернуться](#)

182

См.: The New York Times. 1904. June 10 (No. 16984). P. 1.

[Вернуться](#)

183

В одной из своих зашифрованных телеграмм, направленных в Токио, японский дипломат писал из Парижа: «Лучше обождать. Нужно ранее изучить все способы для устройства столкновения. Жду по этому поводу распоряжений» (ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 2. Л. 167). Телеграмма была перехвачена и расшифрована русской контрразведкой.

[Вернуться](#)

184

РГА ВМФ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 93. Л. 2—3.

[Вернуться](#)

185

АВПРИ. Ф. 167 (Посольство в Берлине). Оп. 509. Д. 18-ж. Л. 13 об.—14 (Копия всеподданнейшей записки Ламздорфа от 23 февраля 1905 г. с резолюцией Николая II).

[Вернуться](#)

186

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 450 (Срочное и весьма секретное письмо Ламздорфа Ф.К. Авелану, Петербург, 16 июля 1904 г. № 1220).

[Вернуться](#)

187

АВПРИ. Ф. 150 (Японский стол). Оп. 493. Д. 265. Л. 13—14 об., 15—22 (Донесение посла в Швеции Е.К. Бюцова Ламздорфу, Стокгольм, 12 (25) июля 1904 г. № 509; копия с донесения Березникова Бюцову, (3) 16 июля 1904 г.).

[Вернуться](#)

188

Цит. по: *Новиков Н.В.* Указ. соч. С. 97.

[Вернуться](#)

189

Штенгер В.А. Указ. соч. С. 39.

[Вернуться](#)

190

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 105.

[Вернуться](#)

191

АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1127. Л. 86 (Шифрованная телеграмма секретаря российского посольства в Лондоне кн. П. Волконского российским консулам в Лондоне, Гулле, Ливерпуле и Кардиффе, Лондон, 2 (15) июня 1904 г.).

[Вернуться](#)

192

Штенгер В.А. Указ. соч. С. 38.

[Вернуться](#)

193

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 2. Л. 165.

[Вернуться](#)

194

Каждый из российских нелегальных агентов использовал свои способы тайной переписки с Петербургом. Тржецяк, например, многие свои донесения посылал на квартиру чиновника Департамента

полиции В.С. Зыбина в виде частных писем, почему и не находил нужным их шифровать. Ответные шифрованные телеграммы направлялись ему на имя посла И.А. Зиновьева в российскую миссию в Константинополе без упоминания имен не только Тржецяка, но и Цитовского – о том, что депеша предназначалась Тржецяку, в посольстве узнавали по подписи «Loroukchine».

[Вернуться](#)

195

АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра). Оп. 470. Д. 24. Л. 103—104.

[Вернуться](#)

196

The Times. 1904. October 24 (No. 37533). P. 3.

[Вернуться](#)

197

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 6. Л. 35—35 об.

[Вернуться](#)

198

Рапорт военного агента в Копенгагене и Стокгольме Генерального штаба полковника Алексеева начальнику военно-статистического отдела Главного штаба, 17 августа 1904 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 188.

[Вернуться](#)

199

Там же.

[Вернуться](#)

200

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 49. Л. 129.

[Вернуться](#)

201

Штенгер В.А. Указ. соч. С. 38—39.

[Вернуться](#)

202

Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 236.

[Вернуться](#)

203

Там же. С. 259.

[Вернуться](#)

204

Там же. С. 242.

[Вернуться](#)

205

Цит. по: The Japan Times. 1904. December 3 (No. 2334). P. 6.

[Вернуться](#)

206

The Times. 1904. October 24 (No. 37533). P. 3.

[Вернуться](#)

207

Политовский Е.С. От Либавы до Цусимы: письма к жене флагманского корабельного инженера 2-й Тихоокеанской эскадры Е.С. Политовского. Посмерт. изд. СПб., 1906. С. 3—8; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3126. Л. 82—83 об. (Письмо младшего врача броненосца «Император Александр III» Б. Бертенсона к отцу от 10 октября 1904 г.); ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 49—49 об. (Письмо Неймана с крейсера «Алмаз» в Москву от 12 октября 1904 г. (перлюстрировано Департаментом полиции)).

[Вернуться](#)

208

Чегодаев-Саконский А., князь. На «Алмазе». От Либавы через Цусиму – во Владивосток. М., 1910. С. 4. Качественно, о котором пишет этот мемуарист, обладали мины Уайтхэда (Whitehead), разработанные еще в 1880-е годы и в начале XX в. находившиеся на вооружении японского ВМФ.

[Вернуться](#)

209

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 49. Л. 136. На самом деле датские проливы на тот момент прошли 7 русских броненосцев, 6 крейсеров, 8 миноносцев и 5 транспортных судов.

[Вернуться](#)

210

В действительности «Дмитрий Донской» классифицировался как броненосный крейсер.

[Вернуться](#)

211

См.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3144. Л. 165—168 об.

[Вернуться](#)

212

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 11. Л. 173.

[Вернуться](#)

213

Новиков Н.В. Указ. соч. С. 100, 103. Того же, что Новиков, мнения придерживаются В.Ю. Грибовский, В.П. Познахирев, И.Н. Кравцев, многие другие отечественные и все известные нам зарубежные исследователи. Разновидностью этой точки зрения является версия, изложенная авторами многотомных «Очерков истории российской внешней разведки», а вслед за ними и Е.Ю. Сергеевым (в вышеупомянутой англоязычной книге 2007 г. издания). Ни словом не помянув Гартинга в деле охраны 2-й Тихоокеанской эскадры (что само по себе требует большого искусства), всю ответственность за «гулльский инцидент» они возложили на Мануйлова, который, напомним, добыл некоторые документы, раскрывавшие замыслы японцев на этот счет. «Какой-либо реальной угрозы эскадре Рождественского со стороны японцев в европейских водах, конечно, не было и быть не могло (! – *Д.П.*), – утверждают специалисты по истории российской внешней разведки. – “Информация” Мануйлова, по всей видимости, представляла собой его собственную выдумку или ловко подsunутую дезинформацию противника, которая чуть не привела к разрыву дипломатических отношений с Великобританией» (Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. С. 211—212). Таким же фантастическим является сообщение Е.Ю. Сергеева о том, будто с японской стороны главным наблюдателем «всех маневров

русской флотилии» после ее выхода из Либавы был... полковник М. Акаси (см.: *Sergeev E.Y. Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904—05: Secret Operations on Land and at Sea.* London; New York, 2007. P. 142). Его деятельности в России и Западной Европе посвящена следующая глава этой книги, здесь же отметим, что делами 2-й эскадры он вообще не занимался.

[Вернуться](#)

214

Лукин А. «Гулльский инцидент» и охранка // Последние новости. 1935. 16 сент.

[Вернуться](#)

215

Новиков-Прибой А. Цусима. Фрунзе, 1984. С. 76.

[Вернуться](#)

216

Там же. С. 77.

[Вернуться](#)

217

«Извиняет» Рождественского только то, что невозможно было заранее предугадать, в какой части этой обширной отмели (свыше 500 км в длину и около 70-ти в ширину) в тот момент находились рыбаки.

[Вернуться](#)

218

Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 253.

[Вернуться](#)

219

Политовский Е.С. Указ. соч. С. 9.

[Вернуться](#)

220

Обращает на себя внимание сходство этого нападения (если оно действительно имело место) с действиями японских миноносцев против русских кораблей на рейде Порт-Артура поздним вечером 26 января 1904 г.: торпедная атака там также была проведена ночью, на цель миноносцы выходили с потушенными огнями и действовали поодиночке. Все это объяснялось господствовавшими тогда представлениями о возможностях боевого использования этого типа кораблей. По словам морского обозревателя газеты «Биржевые ведомости», миноносец – «это морской хищник, который может одолеть врага не в регулярном бою, а схватив его врасплох за горло» (Биржевые ведомости. 1904. 13 (26) окт. (№ 525)); «единственное разумное употребление миноносцев – это ночные атаки», – вторил ему «Прибой» (Н.Л. Кладо) со страниц «Нового времени» (Новое время. 1904. 6 (19) марта (№ 10059). С. 2). Близко подходить к цели миноносцы вынуждала не только плохая ночная видимость, но и ограниченная дальность тогдашних торпед, которая не превышала 10 кабельтовых, или примерно 2 км.

[Вернуться](#)

221

Здесь и далее без специальных отсылок цитируются документы, помещенные в Приложении к настоящей книге.

[Вернуться](#)

222

Имеется в виду П.А. Вырубов, младший минер на «Князе Суворове». Во время цусимского боя отказался покинуть тонущий броненосец и погиб от прямого попадания японского снаряда.

[Вернуться](#)

223

Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 257—259.

[Вернуться](#)

224

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 49 об.

[Вернуться](#)

225

Русь. 1904. 26 окт. (8 нояб.) (№ 315).

[Вернуться](#)

226

РГА ВМФ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.

[Вернуться](#)

227

Официальное название этого траулера: “Minnow”.

[Вернуться](#)

228

Правильно: “Spurn Head”.

[Вернуться](#)

229

Как выяснилось впоследствии, многие из них приняли русские корабли за британские военные суда, которые возвращались домой с учений, – об этих маневрах накануне писали британские газеты.

[Вернуться](#)

230

Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 436; The Times. 1904. October 24 (No. 37533). P. 7; October 25 (No. 37534). P. 8.

[Вернуться](#)

231

The Westminster Gazette. 1904. October 24.

[Вернуться](#)

232

Connaughton R.M. The War of the Rising Sun and Tumbling Bear: A Military History of the Russo-Japanese War, 1904—5. London; New York, 1988. P. 247.

[Вернуться](#)

233

Цит. по: Ibid.

[Вернуться](#)

234

The Times. 1904. October 25 (No. 37534). P. 3.

[Вернуться](#)

235

Цит. по: *Skrine Francis H.* The Incident on the Dogger Bank: Two Open Letters to Sir Henry Seymour King (M.P. for Central Hull). [London], 1904. P. 7—8.

[Вернуться](#)

236

Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 440.

[Вернуться](#)

237

Neilson K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894—1917. Oxford, 1995. P. 85—87.

[Вернуться](#)

238

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 8—9 (Секретная телеграмма графа В.Н. Ламздорфа графу А.К. Бенкендорфу в Лондон, Петербург, 3 (20) ноября 1904 г.); Ф.О. Р.С. 65/1729. P. 11 (Депеша маркиза Лансдоуна сэру Хардингу в Петербург, Лондон, 24 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

239

Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 437—438.

[Вернуться](#)

240

Цит. по: Новое время. 1904. 13 (26) окт. (№ 10280) (сообщение агентства Рейтер); The Times. 1904. October 26 (No. 37535). P. 5.

[Вернуться](#)

241

Цит. по: The Japan Times. 1904. October 27 (No. 2304). P. 6.

[Вернуться](#)

242

Цит. по: The Times. 1904. October 27 (No. 37536). P. 3.

[Вернуться](#)

243

Цит. по: The Japan Times. 1904. October 30 (No. 2307). P. 6.

[Вернуться](#)

244

Цит. по: *Гребенищикова Г.А.* Инцидент в Северном море // Гангут: науч.-попул. сб. ст. по истории флота и судостроения. СПб., 2007. № 41. С. 117.

[Вернуться](#)

245

Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 438.

[Вернуться](#)

246

Русь. 1904. 15 (28) окт. (№ 304).

[Вернуться](#)

247

Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 442—443.

[Вернуться](#)

248

The Times. 1904. October 29.

[Вернуться](#)

249

Ф.О. Р.С. 65/1729. Р. 202 (Депеша Лансдоуна Хардингу в Петербург, Лондон, 27 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

250

Цит. по: *Теплов В.* Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905. Март (№ 3). С. 343.

[Вернуться](#)

251

Среди репортеров-«неудачников» оказался и знаменитый впоследствии сценарист, драматург и кинодеятель Эдгар Уоллес (E. Wallace), тогда – никому еще не известный 29-летний корреспондент лондонской “Daily Mail”. Редакционное задание ему надо было выполнить во что бы то ни стало, и Уоллес «нашел» на берегу двух младших офицеров с русской эскадры (в борделе, конечно) и, подпоив, «узнал» по секрету, что адмиралу Рожественскому на Доггер-банке было «видение», под влиянием которого он якобы и приказал открыть огонь. В следующем пункте стоянки эскадры, Танжере, Уоллес «своих» русских отыскать не смог и пришел к выводу, что «вычисленные» командованием, оба уже покоятся на дне морском. Вся эта совершенно невероятная и дикая история была тут же опубликована “Daily Mail”, а оттуда преспокойно переключалась на страницы книги современного английского автора (*Westwood J.N. Russia against Japan, 1904—05: A New Look at the Russo-Japanese War. London, 1986. P. 141—142*).

[Вернуться](#)

252

Цит. по: Крымский вестник. 1904. 22 окт. (№ 270); *Теплов В.* Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 852—853.

[Вернуться](#)

253

«В финансовых и деловых сферах, в публике войны не желают», – рапортовал из Лондона генерал Н.С. Ермолов в конце октября 1904 г. (Цит. по: *Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А.* Военные агенты Российской империи в Европе, 1900—1914. М., 1999. С. 66). Позднее английский исследователь Артур Мардер характеризовал тогдашнюю воинственность британских властей как «восхитительную оперу-буфф» (цит. по: *Neilson K.* ‘A Dangerous Game of American Poker’: The Russo-Japanese War and British Policy // *The Journal of Strategic Studies*.

1989. March. Vol. 12, no. 1. P. 80), в чем, однако, с ним трудно согласиться.

[Вернуться](#)

254

Цит. по: *Neilson K.* Britain and the Last Tsar. P. 248.

[Вернуться](#)

255

Westwood J.N. Op. cit. P. 141.

[Вернуться](#)

256

Цит. по: Русь. 1904. 15 (28) окт. (№ 304).

[Вернуться](#)

257

Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 441.

[Вернуться](#)

258

Ф.О. Р.С. 65/1729. P. 343 (Шифрованная телеграмма Адмиралтейства командующему Средиземноморской эскадрой, Лондон, 25 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

259

Любопытно, что британское Адмиралтейство сочло необходимым указать своему адмиралу на «панические настроения», которым «подвержены» русские моряки, особенно ночью. См.: Ibid. 65/1729. P. 271 (Телеграмма Адмиралтейства командующему флотом Канала, Лондон, 28 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

260

Connaughton R.M. Op. cit. P. 247.

[Вернуться](#)

261

F.O. R.C. 65/1729. P. 343—344 (Шифрованная телеграмма Адмиралтейства командующему флотом Канала, Лондон, 27 октября 1904 г.); P. 227 (Шифрованная телеграмма командующего флота Канала в Адмиралтейство, Гибралтар, 2 ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

262

Ibid. P. 270 (Телеграмма британским консулам в Барселоне, Бильбао, Малаге, Корунье, Лиссабоне, Лондон, 28 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

263

Цит. по: Крымский вестник. 1904. 16 окт. (№ 266).

[Вернуться](#)

264

F.O. R.C. 65/1729. P. 410 (Телеграмма Адмиралтейства командующему флотом Канала, Лондон, 29 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

265

Цит. по: *Connaughton R.M.* Op. cit. P. 249.

[Вернуться](#)

266

Жерве Б.Б. Гулльский инцидент // Военная энциклопедия. Т. 8. СПб., 1912. С. 531.

[Вернуться](#)

267

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 63. Л. 195—197 об.

[Вернуться](#)

268

Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 443—448; Февр. (№ 2). С. 853.

[Вернуться](#)

269

Аргус. Миноноски, нападавшие на балтийскую эскадру, Лондон, 27 января (9 февраля) // Новое время. 1905. 4 (17) февр. (№ 10387). С. 4. Вместе с тем, в своей секретной записке в Форин офис Луи Баттенбергский засвидетельствовал, что, по данным британской военно-морской разведки, никаких не только японских или английских, но миноносцев и других стран в момент инцидента на

Доггер-банке не было. При этом принц не исключал, что сообщение Рожественского о том, что никакой корабль его эскадры не был оставлен на месте происшествия до утра следующего дня, является «абсолютно ложным». См.: *Neilson K. Britain and the Last Tsar*. P. 257; F.O. R.C. 65/1729. P. 236—237 (Записка Луи Баттенбергского по поводу телеграмм Рожественского от 27 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

270

Цит. по: Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 865; Апр. (№ 4). С. 719.

[Вернуться](#)

271

The New York Times. 1904. October 25 (No. 17101). P. 1.

[Вернуться](#)

272

F.O. R.C. 65/1729. P. 72 (Депеша Лансдоуна Хардингу в Петербург, Лондон, 25 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

273

Ibid. P. 34 (Конфиденциальная депеша Хардинга Лансдоуну в Лондон, Петербург, 24 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

274

См., напр.: *Pleshakov Constantine*. The Tsar's Last Armada: the epic journey to the Battle of Tsushima. N.Y.: Basic Books, 2002. P. 109; *Luntinen P., Menning B.* The Russian Navy at War, 1904—05 // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1. Leiden; Boston, 2005. P. 247—248.

[Вернуться](#)

275

Имелись в виду четыре условия: (1) принесение официальных извинений Великобритании, (2) полное возмещение ущерба пострадавшим, (3) наказание виновных офицеров независимо от чина и должности (в первую очередь подразумевался командующий русской эскадрой) и (4) гарантии неповторения подобного в ходе дальнейшего похода эскадры. См.: F.O. R.C. 65/1729. P. 343 (Шифрованная телеграмма Адмиралтейства командующему флотом Канала, Лондон, 27 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

276

АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1158. Л. 24—25 об. (Письмо Лансдоуна Бенкендорфу, Лондон, 13 (26) октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

277

Hardinge Charles. Old Diplomacy. London, 1947. Цит. по: The Russo-Japanese War, 1904—5: A Collection of 8 vols. / Compiled & introduced by Ian Nish. Vol. 1. Folke-stone: Global Orient, 2003. P. 122.

[Вернуться](#)

278

Ф.О. Р.С. 65/1729. P. 268—269 (Записка Лансдоуна Бенкендорфу, Лондон, 28 октября 1904 г.). Накануне сам Лансдоун почти то же предлагал русской стороне. Но, как признал в своих только что цитированных мемуарах Хардинг, инициатива в данном вопросе все-таки исходила от России.

[Вернуться](#)

279

Николай II, император. Указ. соч. С. 234.

[Вернуться](#)

280

The Times. 1904. November 3 (No. 37542). P. 3.

[Вернуться](#)

281

F.O. R.C. 65/1730. P. 84—93 (Конфиденциальная депеша Хардинга Лансдоуну в Лондон, Петербург, 31 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

282

Hardinge Charles. Old Diplomacy. Цит. по: The Russo-Japanese War, 1904—5: A Collection of 8 vols. Vol. 1. P. 123.

[Вернуться](#)

283

F.O. R.C. 65/1730. P. 348; 65/1731. P. 373, 374 (Конфиденциальные телеграммы Адмиралтейства командующему флотом Канала в Гибралтар (Лондон, 3 ноября 1904 г.), командующему эскадрой у мыса Доброй Надежды и в Форин офис (Лондон, 17 ноября 1904 г.)).

[Вернуться](#)

284

The Times. 1904. November 4 (No. 37543). P. 8.

[Вернуться](#)

285

Цит. по: Новое время. 1905. 2 (15) февр. (№ 10385). С. 2.

[Вернуться](#)

286

Подробнее о созыве и работе этой конференции см.: *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2004.

[Вернуться](#)

287

Это согласие последовало не сразу. 18 (31) октября Лансдоун, излагая Хардингу содержание своей только что состоявшейся беседы с Бенкендорфом, сообщил, что особо подчеркивал, что в числе офицеров-свидетелей должны быть отдавшие приказ открыть огонь в ночь на 22 октября на Доггер-банке и что британская сторона «не может удовольствоваться только подчиненными офицерами» (см.: F.O. R.C. 65/1730. P. 29—30). Вечером того же дня британское Адмиралтейство секретно известило командующих средиземноморской эскадрой и флота Канала, что «ситуация снова обострилась», поскольку «русские пытаются минимизировать свои уступки» (Ibid. P. 69). Однако российская сторона недвусмысленные намеки англичан на привлечение своего командующего в качестве сначала свидетеля, а затем, возможно, и обвиняемого, проигнорировала и окончательный список своих свидетелей-моряков представила Лансдоуну только 2 ноября, когда армада Рождественского уже покинула испанский порт. Попытка Лондона «отыграть назад» увязла в спорах о том, можно ли смысл слова “*responsible*” (ответственный) свести к понятию “*eye-witness*” (очевидец); практических последствий эта «лингвистическая» полемика уже не имела. Хотя 1 ноября в своей телеграмме в Лондон адмирал Бересфорд высказал решимость потопить русский флот в случае, если тот не подчинится его (Бересфорда) приказу вернуться из Танжера в Гибралтар, Адмиралтейство ответило в успокоительном смысле: «ситуация должна скоро улучшиться»: Ibid. P. 221—224 (Секретная телеграфная переписка Адмиралтейства с командующим флотом Канала, 1—2 ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

288

Ibid. P. 38—40 (Текст англо-российской декларации 12 (25) ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

289

24 января 1905 г. им в помощь из Лондона прибыли морской офицер капитан Роджер Кейес (R.N. Keyes) и представитель Департамента военно-морской разведки (*Naval Intelligence Department*) майор Эдвард Дэниел (E.Y. Daniel). См.: Ibid. 65/1734. P. 167.

[Вернуться](#)

290

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 1 об. (Донесение советника посольства во Франции Неклюдова послу в Париже Нелидову, Париж, 22 декабря 1904 г. (6 января 1905 г.)).

[Вернуться](#)

291

Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 180, 187. Повышенное внимание к скромной фигуре Карла Лунда, проявленное британским Адмиралтейством, а затем и Форин офис, объяснялось тем, что, благодаря ему, в Лондоне впервые стало известно, что несколько снарядов, выпущенных российскими кораблями на Доггер-банке, как мы уже знаем, попали в «Аврору», на которой тот служил. Возникла мысль привлечь его в качестве свидетеля на будущем международном разбирательстве – поверенный в делах в Копенгагене Лич (Leech) получил указание заполучить Лунда в таковые «всеми возможными способами» и без оглядки на финансовую сторону дела. См.: F.O. R.C. 65/1732. P. 24 (депеша Адмиралтейства в Форин офис, Лондон, 22 ноября 1904 г.); P. 42—43 (телеграмма Лансдоуна Личу в Копенгаген, Лондон, 24 ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

292

Ibid. P. 96 (Конфиденциальная телеграмма Лича Лансдоуну в Лондон, Копенгаген, 25 ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

293

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 25—25 об.

[Вернуться](#)

294

Цит. по: Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 860.

[Вернуться](#)

295

F.O. R.C. 65/1734. P. 126.

[Вернуться](#)

296

Цит. по: The Japan Times. 1904. December 23 (No. 2351). P. 3.

[Вернуться](#)

297

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2551. Л. 15 об. (Письмо посланника в Брюсселе Н.Н. Гирса А.И. Нелидову в Париж, Брюссель, 10 (23) декабря 1904 г.).

[Вернуться](#)

298

Таубе М.А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М., 2007. С. 64. В числе найденных Мануйловым свидетелей были: швед П. Лёфстрём (P. Lofstrom), слесарь-механик, очутившийся в Англии «без заработка» (утверждал, что поздним вечером 19 октября на морском берегу близ Ньюкастля встретил знакомого японца с сообщником, которые на его глазах пересели с лодки на двухтрубный миноносец неизвестной национальности); британец Томас Игл (Th.D. Eagle), матрос гулььского траулера “Ava” (сначала «наблюдал» на Доггер-банке какой-то миноносец, затем заявил, что высказал это в пьяном виде); матросы-англичане Уелш (Welsh) и Бен-нет (Bennet), которых какой-то японец якобы нанимал на ночь инцидента «для опасного предприятия» в море, но те проспали условленный час в доме терпимости, и тому подобная публика. Один из членов русской делегации в Париже в этой связи верно заметил, что «показания подобных свидетелей не только не прибавят ничего к нашим доводам, но, напротив того, уменьшат в глазах комиссаров то безусловно выгодное впечатление, которое произвели показания наших офицеров» (АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 36). Из всех этих свидетельств в документальное приложение к российскому докладу вошли только показания Лёфстрёма и Игла, но и свидетельства этого последнего барон Таубе оказался вынужден признать «ничего не стоящими»: F.O. R.C. 65/1735. P. 48 (Депеша О’Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 2 февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

299

См.: Ibid. 65/1734. P. 72, 85, 131, 159; 65/1735. P. 78.

[Вернуться](#)

300

Ibid. 65/1729. P. 236—237 (Записка Луи Баттенбергского по поводу телеграмм Рождественского от 27 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

301

АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1191. Л. 8 об.

[Вернуться](#)

302

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 31—32, 37—37 об.

[Вернуться](#)

303

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 56.

[Вернуться](#)

304

Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1158. Л. 65—65 об.

[Вернуться](#)

305

Несмотря на предостережения Нелидова, обещания награды свидетелям от имени русского правительства все-таки были напечатаны в немецких и датских газетах, выходивших в заштатных портовых городах, и очень скоро опасения Нелидова подтвердились. 2 (15) ноября в газете «Standard» были опубликованы «сногшибательные» материалы по «гулльскому делу» — донесение мифического русского агента в Лондоне, якобы целиком взятое из

секретной депеши японского посла Хаяси в Токио, с детальным описанием подготовки японских миноносцев к нападению на суда Рождественского и их действий на самой Доггер-банке. Нелидов быстро установил, что эта публикация – «суть произведение известного лжеца и авантюриста Николая Нотовича», который «способен на интригу и в пользу Японии». Царь, также знавший Нотовича за «весьма ненадежного человека», согласился с тем, что предъявлять эту публикацию следствию для России чревато неприятными последствиями (Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 63. Л. 16).

[Вернуться](#)

306

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 45—45 об., 48.

[Вернуться](#)

307

Там же. Д. 1, ч. 4. Л. 206.

[Вернуться](#)

308

Там же. Д. 1, ч. 5. Л. 91 (Разбор шифрованной телеграммы Мануйлова из Парижа от 5 ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

309

Там же. Л. 419 (Перевод с японского языка записки от 8 ноября 1904 г. на имя Митцухаси).

[Вернуться](#)

310

The Times. 1904. November 16 (No. 37553). P. 5.

[Вернуться](#)

311

Таубе М.А. Указ. соч. С. 54—55.

[Вернуться](#)

312

The Times. 1904. December 21 (No. 37583). P. 3.

[Вернуться](#)

313

Таубе М.А. Указ. соч. С. 60.

[Вернуться](#)

314

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 1 об. (Записка Неклюдова
Нелидову, Париж, 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.)).

[Вернуться](#)

315

Там же. Л. 17 об.—18 об.

[Вернуться](#)

316

Таубе М.А. Указ. соч. С. 54.

[Вернуться](#)

317

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 29 об. (Заявление Таубе на одном из закрытых заседаний международной следственной комиссии в Париже в январе 1905 г.).

[Вернуться](#)

318

Крымский вестник. 1904. 12 (25) дек. (№ 318); Русский вестник. 1905. Апр. (№ 4). С. 695—696.

[Вернуться](#)

319

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 64. Л. 171 (Резолюция Николая II на секретной телеграмме Бенкендорфа из Лондона в МИД от 13 (26) февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

320

Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1158. Л. 171 (Письмо Лансдоуна Бенкендорфу, Лондон, 23 февраля (8 марта) 1905 г. Автограф).

[Вернуться](#)

321

Новое время. 1905. 7 (20) янв. (№ 10359).

[Вернуться](#)

322

Там же. 15 (28) янв. (№ 10367).

[Вернуться](#)

323

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 11—11 об. (Донесение Неклюдова Нелидову, Париж, 7 (20) января 1905 г. № 2).

[Вернуться](#)

324

Ф.О. Р.С. 65/1734. Р. 217 (Черновик письма на бланке Форин офис О'Берну в Париж, Лондон, 22 января 1905 г.).

[Вернуться](#)

325

Таубе М.А. Указ. соч. С. 73.

[Вернуться](#)

326

Новое время. 1905. 15 (28) янв. (№ 10367).

[Вернуться](#)

327

Ф.О. Р.С. 65/1734. Р. 405—407 (Письмо О'Берна в Форин офис, Париж, 28 января 1905 г.).

[Вернуться](#)

328

The Times. 1905. February 1 (No. 37619). P. 3.

[Вернуться](#)

329

Согласно регламенту комиссии, проблему присяги каждый свидетель решал по собственному усмотрению. Тот же документ установил рабочим языком заседаний французский, почему русские офицеры после перевода своих показаний на французский язык прочли их вновь уже на этом языке.

[Вернуться](#)

330

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 26 об. (Донесение Неклюдова Нелидову, Париж, 19 января (1 февраля) 1905 г. № 4), 31, 31 об. (Донесение Неклюдова Нелидову, Париж, 20 января (2 февраля) 1905 г. № 5).

[Вернуться](#)

331

Ф.О. Р.С. 65/1734. Р. 418 (депеша О'Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 31 января 1905 г.); 65/1735. Р. 4—5 (депеша О'Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 1 февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

332

Цит. по: Новое время. 1905. 2 (15) февр. (№ 10385).

[Вернуться](#)

333

Там же. 1 (14) февр. (№ 10384).

[Вернуться](#)

334

Г.О. Р.С. 65/1735. Р. 24 (Депеша О'Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 2 февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

335

Барон Таубе в частном разговоре пояснил О'Берну, что «Отт настолько усердно бросился наслаждаться столичными удовольствиями, что было признано необходимым “репатриировать” его за казенный счет». См.: Ibid. Р. 5 (Депеша О'Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 1 февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

336

Новое время. 1905. 19 янв. (1 февр.) (№ 10371).

[Вернуться](#)

337

Там же. 18 (31) янв. (№ 10370). Существовала и другая версия обстрела шведского парохода, причем в изложении всех тех же Йонсона и его помощника в интервью шведским газетам сразу по прибытии в порт 13 (26) октября. Капитан сообщил, что вечером 8 (21) октября в Северном море в 90 милях от Ютландии «большой корабль, очевидно, русский крейсер» начал освещать его судно прожекторами, а затем произвел выстрел, после чего Йонсон распорядился поднять флаг шведского торгового судна. Несмотря на это, «последовали выстрелы в нашу сторону из орудий разных калибров» (?), причем обстрел начинался дважды и оба раза продолжался 10—15 минут.

Помощник Йонсона рассказал, что по его пароходу с расстояния в 900 метров в общей сложности было сделано не менее ста выстрелов, не причинивших, однако, ущерба ни судну, ни его команде; инцидент длился около часа – примерно с 20:30 до 21:30. Отвечая на вопрос о причинах обстрела, шведский моряк предположил, что «возможно, “Aldebaran” приняли за миноносец, поскольку нас тщательно рассматривали с разных сторон» (см.: F.O. R.C. 65/1729. P. 397 (Изложение интервью капитана Йонсона и его помощника шведским газетам в порту Gefle)). Шведские газеты отнеслись к этим известиям с недоверием, общественность осталась равнодушной, а официальный Стокгольм (в лице министра иностранных дел) отозвался о них, как о «преувеличении» (Ibid. 65/1730. P. 303—304 (Депеша посла Великобритании в Швеции Кларка Лансдоуну в Лондон, Стокгольм, 4 ноября 1904 г.)). Несмотря на это, британская делегация в Париже использовала показания Йонсона именно в этой, первоначальной и «преувеличенной» редакции. Добавим, что шведский пароход водоизмещением в 1,17 тыс. т был в пять-шесть раз больше любого тогдашнего миноносца, «Камчатка» же вовсе не походила на крейсер, да и вооружена была значительно скромнее, чем следовало из рассказов шведских моряков.

[Вернуться](#)

338

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 24 об.

[Вернуться](#)

339

См., напр.: The New York Times. 1904. October 28 (No. 17104). P. 1.

[Вернуться](#)

340

«В вечер 7-го октября, то есть, значит, за несколько часов до инцидента, – по секрету, путая даты, нашептывал Рачковский Таубе в холле парижской гостиницы, – “Камчатка”, заблудившись в тумане, значительно отстала от остальной эскадры и, испуганная своим одиночеством, терроризированная слухами о японских засадах по всему ее пути и, наконец, сильно подбодренная винными парами своего храброго командира Степанова и его экипажа, встречала пальбой всякое судно, попадавшееся им на этой большой морской дороге». «Мне оставалось только сердечно поблагодарить Рачковского и немедленно доложить все адмиралу Дубасову», – вспоминал полвека спустя барон (*Таубе М.А.* Указ. соч. С. 65).

[Вернуться](#)

341

Knight F. Russia fights Japan. London, 1969. P. 78; *Westwood J.N.* Russia against Japan, 1904—05: A New Look at the Russo-Japanese. Basingstoke; London, 1986. P. 140; *Edgerton R.B.* Warriors of the Rising Sun: A history of the Japanese military. New York; London, 1997. P. 191—192. Попутно Эдгертон сообщает, что «Камчатка» в момент инцидента якобы находилась в составе броненосного «эшелона», а обстрел «шведского траулера (? – Д.П.) и германского торгового судна» был произведен ею... после инцидента у Доггер-банки.

[Вернуться](#)

342

Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999. С. 187—188.

[Вернуться](#)

343

Основным местом службы голландского инженера был крейсер «Светлана», на «Камчатку» он был командирован временно – на одни

сутки. Наем иностранных специалистов – распространенная практика на флотах тех лет, они присутствовали и на боевых японских судах. На броненосцах “Nisshin” и “Kasuga”, например, электриками работали итальянцы Micheli и Cordano.

[Вернуться](#)

344

См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 54 (Секретная телеграмма графа Бреверна-де-ла-Гарди в МИД, Гаага, 6 (19) ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

345

Датское написание – Vlavaands Huk.

[Вернуться](#)

346

Цит. по: Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 849.

[Вернуться](#)

347

Цит. по: Там же. С. 850. Человеку несведущему может показаться невероятным, чтобы неповоротливый и громоздкий военно-транспортный корабль мог столь долго и успешно отбиваться от группы быстроходных миноносцев с помощью единственной 75-мм пушечки. Однако такое возможно – в подходящих погодных условиях, при плохой видимости и в случае непрерывного маневрирования «жертвы». Очевидцы свидетельствуют, что все перечисленное имело место вечером 8 (21) октября (другой вопрос, для чего миноносцам могла понадобиться такая атака). Полгода спустя, 14 (27) мая 1905 г., в Цусимском проливе при свете дня и тихой погоде броненосцу «Князь Суворов» удавалось в течение нескольких

часов и с помощью такой же 75-мм пушки (другие его орудия к тому времени были разбиты) отражать атаки японских миноносцев, хотя он представлял для них идеальную мишень, будучи полузатопленным и потому неподвижным.

[Вернуться](#)

348

Статья Кооя в переводе на английский язык была включена британской стороной в документальное приложение своего *Exposé*. Поскольку как-либо «уязвить» Кооя англичане не могли, его сведения были скомпрометированы другим, не менее действенным способом: в подборке документов сразу вслед за его статьей было помещено изложение мемуара прусского офицера фон Лепела (von Lepel), еще одного иностранного телеграфиста, работавшего на русской эскадре. Тот утверждал, будто вечером 7 (20) октября с ее кораблей видели... два наблюдательных воздушных шара (см.: F.O. R.C. 65/1735. P. 99). Прием сработал – и по сей день пресловутые «воздушные шары» фигурируют в исторических сочинениях как красноречивое доказательство паники, царившей на 2-й Тихоокеанской эскадре, и, соответственно, полной недостоверности свидетельств тех, кто находился на ее судах.

[Вернуться](#)

349

Русский вестник. 1905. Апр. (№ 4). С. 723.

[Вернуться](#)

350

См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 64. Л. 201, 254 (Секретные телеграммы Ламздорфа Нелидову в Париж и Бенкендорфу в Лондон от 17 и 25 февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

351

31 октября 1904 г. японский посол в Великобритании Хаяси Тадасу направил гульскому коронному следователю Альфреду Торнею (A. Thorneу) официальное письмо следующего содержания: «Подтверждая получение вашей ноты от 29 октября с запросом относительно того, присутствовал ли какой-либо военный корабль, принадлежащий или контролируемый его величеством императором Японии, вблизи гульской Геймкокской рыболовной флотилии в 200 милях к северо-востоку от Спурнского плавучего маяка ночью пятницы 21-го или ранним утром субботы 22 текущего октября, я позволю себе утверждать, что в упомянутое Вами время и в указанной местности никакой японский военный корабль не находился» (F.O. R.C. 65/1730. P. 177 (Нота Хаяси от 31 октября 1904 г.)). Комментируя эту ноту представителю *Press Association*, в японской миссии тогда же уточнили, что в заявлении посла «имелось в виду полное отсутствие японских военных судов в европейских водах» (The Morning Post. 1904. November 2). 1 ноября японский посланник подтвердил все это в своем официальном послании в Форин офис.

[Вернуться](#)

352

F.O. R.C. 65/1734. P. 121.

[Вернуться](#)

353

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 40—40 об. (Донесение Неклюдова Нелидову, Париж, 1 (14) февраля 1905 г. № 7).

[Вернуться](#)

354

См.: F.O. R.C. 65/1735. P. 159—160 (Депеша О'Берна Сандерсону в Лондон, Париж, 14 февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

355

Цит. по: *Гребенищикова Г.А.* Указ. соч. С. 120.

[Вернуться](#)

356

Цит. по: *Жерве Б.Б.* Указ. соч. С. 532—533.

[Вернуться](#)

357

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2587. Л. 16.

[Вернуться](#)

358

Таубе М.А. Указ. соч. С. 83.

[Вернуться](#)

359

См: F.O. R.C. 65/1734. P. 269—272 (Письма Лансдоуна Фраю, О'Берну и Бомону, Лондон, 4 марта 1905 г.); 65/1735. P. 300.

[Вернуться](#)

360

Новое время. 1905. 20 февр. (5 марта) (№ 10403).

[Вернуться](#)

361

The Times. 1905. February 27 (No. 37641). P. 3.

[Вернуться](#)

362

Новое время. 1905. 11 (24) февр. (№ 10394).

[Вернуться](#)

363

The Japan Times. 1905. February 25 (No. 2402). P. 3.

[Вернуться](#)

364

Ibid. March 2 (No. 2406). P. 3.

[Вернуться](#)

365

Цит. по: Новое время. 1905. 20 февр. (5 марта) (№ 10403).

[Вернуться](#)

366

Ф.О. Р.С. 65/1730. P. 435—436 (Конфиденциальная депеша Хардинга Лансдоуну в Лондон, Петербург, 7 ноября 1904 г.); 65/1735. P. 235 (Депеша Хардинга Лансдоуну в Лондон, Петербург, 28 февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

367

Цит. по: *Гребенщикова Г.А.* Указ. соч. С. 121.

[Вернуться](#)

368

Характерно, что, если верить британскому посланнику в Стокгольме, в момент самого «гулььского инцидента» посол в Дании Извольский был убежден, что в Скандинавии «действует система японского шпионажа, созданная для нанесения ущерба русскому флоту», иначе говоря – придерживался тогда противоположной точки зрения. См.: *Ф.О. Р.С.* 65/1732. Р. 40—41 (Конфиденциальная депеша Кларка Лансдоуну в Лондон, Стокгольм, 23 ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

369

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 251—252.

[Вернуться](#)

370

Так, профессор Г.А. Деборин назвал инцидент «провокацией» британских властей «для задержки продвижения эскадры Рожественского на Восток»: *Деборин Г.[А.]* Международные отношения в период русско-японской войны и первой русской революции, 1904—1907 гг. М., 1941. С. 22.

[Вернуться](#)

371

АВПРИ. Ф. 167. Оп. 509. Д. 18-е. Л. 89 об. (Копия секретного письма министра иностранных дел министрам военному, финансов и управляющему морским министерством, С.-Петербург, 28 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

372

См.: *Залесский С.А.* Гульский инцидент // СИЭ. Т. 4. М., 1963. Стб. 881—882; *Золотарев В.А., Козлов И.А.* Русско-японская война 1904—1905 гг.: борьба на море. М., 1990. С. 157—158.

[Вернуться](#)

373

«Нашим судам нельзя рассчитывать на получение угля в великобританских портах», – сообщал российский консул в Коломбо А.Н. Бурнашов в МИД в ноябре 1904 г. (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1191. Л. 59).

[Вернуться](#)

374

В своей рецензии на первое издание моей книги петербургский военно-морской историк Р.В. Кондратенко вполне аргументированно указал на весьма малую вероятность «незаметного перехода ... миноносцев образца начала XX века (60—150 т водоизмещения) из Японии в европейские моря», почему-то отнеся пишущего эти строки к числу авторов, «всерьез рассматривающих версию» о том, что подобный переход мог состояться в действительности (Гангут. 2007. № 41. С. 123, 125). Как легко убедиться из только что изложенного, такую возможность по сходным с Кондратенко соображениям я не рассматривал и не рассматриваю.

[Вернуться](#)

375

АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1158. Л. 34—34 об.

[Вернуться](#)

376

The Times. 1904. October 29. Директор верфи «Элсуик» (Elswick Works) в Ньюкастле, отвечая на запрос здешнего русского консула, сообщил, что на его предприятии в октябре 1904 г. находилось девять японских «инспекторов»; об этом же в начале ноября 1904 г. он приватно известил и Форин офис (см.: F.O. R.C. 65/1730. P. 235 (Конфиденциальное письмо директора верфи Элсуик в Форин офис, Ньюкастл-на-Тайне, 2 ноября 1904 г.)). Спрашивается, чем эти японцы там занимались?

[Вернуться](#)

377

См., напр.: Новое время. 1904. 23 апр. (6 мая) (№ 10107). С. 2; 2 (15) мая (№ 10116). С. 2; 11 (24) мая (№ 10125). С. 3; и др.

[Вернуться](#)

378

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 61. Л. 320—320 об. (Выписка из частного письма Боткина, Брюссель, 29 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

379

Павлович М.[П]. (Вельтман М.). Русско-японская война. 3-е изд., доп. М., 1925. С. 119. (Впервые книга была издана в Женеве в 1905 г.).

[Вернуться](#)

380

Волков О.В. Погружение во тьму. М., 2000. С. 216.

[Вернуться](#)

381

См.: *Мельников Р.М.* «Рюрик» был первым. Л., 1989; *Познахирев В.П.* Вице-адмирал З.П. Рожественский // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 161—164; *Бунич И.* «Князь Суворов»: ист. хроника. Минск, 1995; *Грибовский В.Ю., Познахирев В.П.* Указ. соч.

[Вернуться](#)

382

Русское слово. 1909. 3 (16) янв. (№ 2).

[Вернуться](#)

383

Цит. по: *Грибовский В.Ю., Познахирев В.П.* Указ. соч. С. 5. Сказанное в некрологе относится к деятельности Рожественского в «догулльский» период, но поведение адмирала в самом походе также вызывает массу вопросов. Нам представляется, что найти на них убедительный ответ (если, конечно, стараться докопаться до истины, отбросив надоевшие штампы и псевдотрюизмы) невозможно без привлечения данных русской разведки и контрразведки, а также строгого учета обстановки на театре войны, которая стремительно менялась. Новиков-Прибой тут – плохой советчик.

[Вернуться](#)

384

Теплов В. Англия и Соединенные Штаты в русско-японском конфликте // Русский вестник. 1904. Дек. (№ 12). С. 848.

[Вернуться](#)

385

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4132. Л. 9—14 об., 28—29 об. (Донесения русских военных агентов в Главное управление Генштаба за 1908—1911 гг.).

[Вернуться](#)

386

Новое время. 1904. 2 (15) мая (№ 10116). С. 2.

[Вернуться](#)

387

См., напр.: The Japan Times. 1904. June 30 (No. 2204). P. 6.

[Вернуться](#)

388

Все эти мои рассуждения не помешали моему строгому критику, опираясь на скрупулезные подсчеты и с приведением множества специальных морских сведений, указать на «крайнюю сомнительность рассматриваемого Д.Б. Павловым варианта с постановкой в узкостях мин заграждения»: Гангут. 2007. № 41. С. 126.

[Вернуться](#)

389

Цит. по: Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 849.

[Вернуться](#)

390

Фелькерзам Дмитрий Густавович фон (1846—1905) – в 1904—1905 гг. контр-адмирал (1899), младший флагман 2-й Тихоокеанской эскадры, умер в походе на Дальний Восток.

[Вернуться](#)

391

Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 267—268.

[Вернуться](#)

392

АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2551. Л. 79—79 об. (Вырезка из лиссабонской газеты «Novidades» от 4 (17) января 1905 г. с перепечаткой этой статьи и ее перевод на русский язык, сделанный сотрудниками российской миссии в Лиссабоне).

[Вернуться](#)

393

F.O. R.C. 65/1734. P. 127.

[Вернуться](#)

394

Нельзя, однако, полностью исключать и того, что настойчивое стремление некоторых английских баркасов «прорезать» кильватерный строй русских броненосцев, на которое обращают внимание все без исключения очевидцы «гулльского инцидента» с русской стороны (включая находившихся на эскадре иностранных инженеров), было вызвано корыстными соображениями рыбаков. По этому поводу парижская газета «Correspondence Politique» в ноябре 1904 г. замечала:

«Известно, как мало сами англичане повинуются сигналам и насколько распространено в английском торговом флоте обыкновение становиться на пути иностранных военных судов, чтобы получить повреждения и заставить затем заплатить за старые, негодные суда». Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 438.

[Вернуться](#)

395

«Быть может, – замечает в этой связи В.А. Теплов, – к нему же относится сообщение капитана шхуны “Guyana” Вальгринга, который 9 октября близ Доггербанка заметил паровое судно неизвестной национальности, подававшее сигналы бедствия. По сообщению “Konigsberger Zeitung”, судно это затонуло раньше, чем “Guyana” успела подойти к нему на помощь» (Там же. Февр. (№ 2). С. 866). В сообщении об этом происшествии японской печати (которое, естественно, называлось «Новая жертва Балтийского флота») содержится важная подробность – терпящий бедствие пароход был двухтрубным (The Japan Times. 1904. November 23 (No. 2326). P. 4).

[Вернуться](#)

396

См.: *Инаба Ч.* Японская разведывательная и подрывная деятельность в Европе в годы русско-японской войны (на англ. яз.). Доклад на 25-й конференции American Association for the Advancement of Slavic Studies (AAASS), Гонолулу, 19—22 ноября 1993 г.

[Вернуться](#)

397

Это тоже не новая идея. Еще в ноябре 1904 г. некто Уильям Сол (W. Saul) из американского Jersey-city обратился к лорду Лансдоуну с письмом, в котором предложил исследовать в этих целях Доггер-банку с помощью новейшего изобретения – «гидроскопа сеньора Пино»,

громоздкого сооружения в виде станции на поверхности с идущей от нее шахтой к морскому дну. По понятным причинам, в Лондоне эта инициатива поддержки не получила – американцу не ответили. См.: F.O. R.C. 65/1730. P. 459—461.

[Вернуться](#)

398

РГА ВМФ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 4. Л. 62.

[Вернуться](#)

399

F.O. R.C. 65/1689. P. 49 (Депеша посла Скотта Лансдоуну в Лондон (с изложением сообщения британского консула в Одессе), Петербург, 9 февраля 1904 г.).

[Вернуться](#)

400

Inaba Ch. The Question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War: The Struggle between Japan and Russia over the Passage of the Russian Volunteer Fleet in 1904 // *The Rising Sun and the Turkish Crescent: New Perspectives on the History of Japanese Turkish Relations* / S. Esenbel, Ch. Inaba (Eds). Istanbul, 2003. P. 127.

[Вернуться](#)

401

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3143. Л. 4—4 об. Этому русскому офицеру конфиденциально передавали, будто султану «все время говорят, что следует опасаться России, что она в случае неудачи в войне с Японией, пойдет на Турцию, дабы поднять свой престиж». «Без сомнения, это вздорное наговаривание, и я [бы] его не повторял, если бы не слышал из весьма достоверного источника», – заключал

Шванк свой секретный доклад в Петербург (Там же. Ф. 898 (Военно-морской агент в Турции). Оп. 1. Д. 51. Л. 17—17 об.).

[Вернуться](#)

402

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 26—26 об.

[Вернуться](#)

403

Новое время. 1904. 3 (16) марта (№ 10056). С. 2.

[Вернуться](#)

404

Еще в начале февраля 1904 г. российский посол в Стамбуле И.А. Зиновьев писал министру графу Ламздорфу: «Из только что полученных мною секретных бумаг я узнаю, что 25 января /7 февраля маркиз Лансдоун пригласил к себе турецкого посла и, объявив ему о том, что война между Россией и Японией неизбежна, спросил его, как поступит Порта если, как весьма вероятно, русское правительство решится провести суда свои чрез Проливы ... В ответ на запрос этот адресована была 27 января / 9 февраля из Илдыза Муссур-паше нижеследующая телеграмма: “Его величество султан ... поручает Вам довести до сведения короля Эдуарда, что всякое ходатайство русского правительства о пропуске его военных судов чрез Проливы будет отклонено ... в уклончивой форме”»: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 26. Л. 168 об.—169 об.

[Вернуться](#)

405

Inaba Ch. The Question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War. P. 136—137.

[Вернуться](#)

406

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 6—6 об.

[Вернуться](#)

407

Сов. секретное письмо директора Департамента полиции начальнику Одесского Охранного отделения и начальникам ГЖУ, 18 июня 1904 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 182.

[Вернуться](#)

408

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 104 об.

[Вернуться](#)

409

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3111 (О посылке миноносца № 270 и транспорта «Буг» в Сулин для наблюдения за деятельностью японцев в нейтральных странах и предотвращения проникновения японских агентов в русские черноморские порты); АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 272. Л. 2—5 (Весьма секретное письмо Авелана Ламздорфу, 18 июня 1904 г. № 2922).

[Вернуться](#)

410

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 29 об.—30.

[Вернуться](#)

Там же. Л. 34 об.—35.

[Вернуться](#)

412

Японский шпионаж в царской России. С. 185.

[Вернуться](#)

413

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 43 об.

[Вернуться](#)

414

Там же. Л. 103.

[Вернуться](#)

415

Там же. Л. 226—226 об.

[Вернуться](#)

416

Ито Чиета – «путешествующий» японский «инженер-фотограф».

[Вернуться](#)

417

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 134. По данным российской контрразведки, «профессор» Хаяси Хироки незадолго перед тем приехал в Турцию из Парижа.

[Вернуться](#)

418

Эти суда Добровольного флота, переоборудованные в военные корабли, в состав 2-й эскадры не входили, а были направлены в Красное море для перехвата судов с грузом контрабанды в Японию. После того, как ими за провоз военной контрабанды были задержаны четыре английских транспорта, разразился международный скандал. Германский император назвал произошедшее «небывалым актом пиратства, способным вызвать международные осложнения», а Великобритания прямо пригрозила России войной. Все это не на шутку встревожило Николая II. Специальное совещание, созванное под председательством великого князя Алексея Александровича в конце июля 1904 г., постановило действия «Петербурга» и «Смоленска» прекратить, захваченные ими пароходы освободить, а крейсерам вернуться в Россию (см.: Отчет о вооружении вспомогательных крейсеров и их крейсерских операциях в Русско-Японскую войну 1904—05 гг. СПб., 1907. С. 7—23). Неодобрительно к идее крейсерства отнесся и командующий 2-й эскадрой. «Я остаюсь при убеждении, – писал Рожественский Вирениусу в июле 1904 г., – что проку от этого крейсерства – ранее прохода эскадры не будет никакого, а осложнений – масса, и таких осложнений, которые серьезно повлияют на движение самой 2-й эскадры» (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2810. Л. 166 об.—167). Несмотря на все это, историк Е.Ю. Сергеев утверждает, будто «рейды русских крейсеров в Средиземном и Красном морях» «являлись одним из способов охраны эскадры Рожественского»: *Sergeev E. Y. Op. cit. P. 144.*

[Вернуться](#)

419

Inaba Ch. The Question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War. P. 131—133.

[Вернуться](#)

420

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 62.

[Вернуться](#)

421

Г.О. Р.С. 65/1731. Р. 314 (Конфиденциальная депеша Планкетта Лансдоуну в Лондон, Вена, 15 ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

422

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 234.

[Вернуться](#)

423

Там же. Д. 63. Л. 18.

[Вернуться](#)

424

Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1195. Л. 15—15 об. (Секретная депеша Нелидова Ламздорфу в Петербург, Париж, 24 марта (6 апреля) 1904 г. № 21).

[Вернуться](#)

425

Вместе с ним в Египет был командирован некто Демби – сын крупного владивостокского торговца, имевший, по отзыву МИД, «большую опытность в сношениях с японцами и прекрасно владеющий их языком»: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3018. Л. 22 об. (Доклад Вирениуса управляющему Морским министерством, С.-Петербург, 14 июня 1904 г.).

[Вернуться](#)

426

Там же. Д. 3143. Л. 23.

[Вернуться](#)

427

Там же. Л. 100—100 об. (Отзыв Лопухина Вирениусу от 16 октября 1904 г. за № 12050 по поводу донесения Геденштрома); АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 268. Л. 23—24 (Донесение Воеводского Ламздорфу, 12 августа 1904 г. № 31).

[Вернуться](#)

428

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3143. Л. 68 (Телеграмма Авелана Генеральному консулу в Канеа для передачи адмиралу Фелькерзаму, 24 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

429

The Times. 1904. November 17 (№ 37554). P. 3.

[Вернуться](#)

430

РГА ВМФ. Ф. 531. Оп. 1 Д. 10. Л. 32 (Приказ командующего отрядом судов 2-й эскадры флота Тихого океана контр-адмирала Фелькерзама, Средиземное море, 11 ноября 1904 г. № 122).

[Вернуться](#)

431

Крымский вестник. 1904. 2 дек. (№ 309).

[Вернуться](#)

432

Цит. по: Новое время. 1904. 14 (27) нояб. (№ 10312).

[Вернуться](#)

433

Цит. по: Там же. 1905. 1 (14) февр. (№ 10384).

[Вернуться](#)

434

В конце июля 1904 г. «Диана» в составе порт-артурского отряда участвовала в сражении с эскадрой адмирала Камимура. Прорваться во Владивосток русским кораблям не удалось, и они вернулись в Порт-Артур. В этом сражении «Диана» получила подводную пробоину и потеряла 9 человек убитыми и 16 ранеными. Несмотря на это, крейсер сумел уйти от преследовавших его японских миноносцев и 11 августа прибыл в Сайгон – к изумлению местной французской колониальной администрации и явному неудовольствию японцев.

[Вернуться](#)

435

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3133 (О командировке капитана 2-го ранга А.К. Полис и коллежского асессора Кристи в Батавию для организации наблюдения за деятельностью Японии в нейтральных странах); АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 88.

[Вернуться](#)

436

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3027. Л. 124 об. (Секретная телеграмма Ламздорфа Павлову в Шанхай, Петербург, 5 апреля 1905 г.).

[Вернуться](#)

437

Там же. Д. 2980. Л. 110. Интересно, что еще в начале 1904 г. султан Атжехский, владетель северной части о. Суматра, обратился в Петербург с просьбой принять его владения под покровительство России. См.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3021. Л. 35—36.

[Вернуться](#)

438

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 95 (Шифрованная телеграмма Кристи Павлову в Шанхай, Батавия, 16 декабря 1904 г.).

[Вернуться](#)

439

Inaba Ch. International Telecommunications during the Russo-Japanese War: The Development of the Telegraph Service between Europe and Japan and the Russian Interception of Japanese Telegrams. Yokohama, 1993. P. 31.

[Вернуться](#)

440

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3027. Л. 125 об.—127.

[Вернуться](#)

441

Инициатором плана выступил чиновник Министерства финансов Давыдов, который вместе с Павловым добился санкции маньчжурского командования на его осуществление и только затем уведомил о нем своего министра В.Н. Коковцова. Последний настоял на том, чтобы в курс дела было введено и Министерство иностранных дел. Ламздорф, со своей стороны, настоятельно рекомендовал Павлову обратиться к Рожественскому, чтобы тот «указал удобный для сего момент». Телеграмма Павлова Рожественского в Сайгоне уже не застала – 1 мая 1904 г. эскадра вышла в море и телеграфная связь с адмиралом на время прервалась. Таким образом, план завис, и никто в Петербурге не хотел брать на себя ответственность за его осуществление. В такой ситуации маньчжурский главнокомандующий Н.П. Линевиц, «находя затруднительным дать свое согласие» на проведение операции, посоветовал Павлову «обратиться теперь и в будущем за указаниями в Петербург или действовать самостоятельно» – круг замкнулся. К тому же эта телеграмма главнокомандующего была получена в Шанхае 14 (27) мая – в первый день цусимского сражения, когда было уже поздно. См.: РГИА. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 28. Д. 311. Л. 146—192.

[Вернуться](#)

442

Новиков-Прибой А.С. Указ. соч. С. 595.

[Вернуться](#)

443

The Japan Times. 1905. June 2 (No. 2484). P. 2.

[Вернуться](#)

444

Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч. Кн. 1. С. 215.
[Вернуться](#)

445

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 397.
[Вернуться](#)

446

Цит. по: The Japan Times. 1905. June 3 (No. 2485). P. 3.
[Вернуться](#)

447

Новое время. 1905. 11 (24) окт. (№ 10634).
[Вернуться](#)

448

Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: воспоминания / под ред. А.А. Кизеветтера. Прага, 1934. С. 390.
[Вернуться](#)

449

Суворин А.С. Дневник А.С. Суворина / ред., предисл. и примеч. М. Кричевского. М.; Пг., 1923. С. 342.
[Вернуться](#)

450

Наша жизнь. 1906. 25 июня (8 июля).

[Вернуться](#)

451

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 28.

[Вернуться](#)

452

Новое время. 1909. 10 окт. В этой же статье сообщалось о пребывании в Финляндии летом 1909 г. японцев Теради и Хагино, которые, помимо обследования портов и железных дорог, посещали собрания различных организаций, в том числе «Освободительного союза», в который было преобразовано военно-спортивное общество «Войма». В этой связи заведующий Особым отделом Департамента полиции запросил у начальника Финляндского жандармского управления «фактический материал, изобличающий финляндцев в преступных сношениях с японским военным агентом Акаши» (ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1909. Оп. 239. Д. 41, ч. 8. Л. 1), демонстрируя, таким образом, слабую осведомленность о деятельности бывшего японского военного атташе в России – в 1909 г. тот уже третий год служил в Корее. Начальник ФЖУ полковник Утгоф такой доклад в Петербург представил (естественно, без упоминания Акаси), однако данным, приводимым в нем, как и в упомянутой нововременской публикации, не следует слишком доверять. Последовавшие вскоре департаментские проверки показали слабость «внутренней» агентуры этого жандармского офицера и недостоверность ее информации, а выступление «Нового времени» на этот раз стало частью массированной антифинляндской кампании, развернутой русскими консерваторами с прицелом на окончательное свертывание автономии этой российской окраины.

[Вернуться](#)

453

Маринов В.А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905—1914 годы): очерки истории отношений. М., 1974. С. 92—93.

[Вернуться](#)

454

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1906 (II). Д. 291. Л. 27—30 об.

[Вернуться](#)

455

Там же. Л. 23.

[Вернуться](#)

456

См.: *Апушкин В.А.* Русско-Японская война 1904—1905 гг. М., 1910; *Виноградский А.Н.* История Русско-японской войны 1904—1905 гг. / сост. ... А.Н. Виноградский. Вып. 1. СПб., 1908; Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1—9, [15 кн.]. СПб., 1910; *Азиатикус.* Разведка во время русско-японской войны. СПб., 1907. (Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев; вып. XII). Перед загл. переводчик: А. К—ъ [К. Адариди]; и др.

[Вернуться](#)

457

См.: История Русско-Японской войны / ред.-изд. М.Е. Бархатов, В.В. Функе. Т. 1. СПб., 1907. С. 26.

[Вернуться](#)

458

Шацилло К.Ф. : 1) Из истории освободительного движения в России в начале XX века: (о конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре – октябре 1904 года) // История СССР. 1982. № 4. С. 51—70 ; 2) Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С. 232—259; и др.

[Вернуться](#)

459

Лядов М.Н. Из жизни партии в 1903—1907 годах: (воспоминания). М., 1956. С. 219; Первая боевая организация большевиков, 1905—1907 гг.: статьи, воспоминания и документы / сост. С.М. Познер. М., 1934. С. 259—279; и др.

[Вернуться](#)

460

Общественное движение на польских землях: основные идейные течения и политические партии в 1864—1914 гг. / отв. ред. А.М. Орехов. М., 1988.

[Вернуться](#)

461

Гальперин А.Л. Англо-японский союз, 1902—1921 годы. М., 1947. С. 235.

[Вернуться](#)

462

Вотинов А.[П.]. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939. С. 51.

[Вернуться](#)

463

Так, А.Ф. Остальцева, одна из немногих, коснувшаяся этого сюжета, говоря о деньгах, собранных в Англии «Обществом друзей русской революции» в 1905 г., признавала, что выяснить, каким конкретно российским организациям и по каким каналам они были переданы, ей не удалось (*Остальцева А.Ф.* К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 года на перегруппировку европейских империалистических держав // Учен. зап. / Саратов. гос. ун-т. 1956. Т. 55. С. 260).

[Вернуться](#)

464

Тайны русско-японской войны. М., 1993.

[Вернуться](#)

465

Лубянка 2: из истории отечественной контрразведки / [рук. авт. кол. Я.Ф. Погоний]. М., 2001. С. 125—138.

[Вернуться](#)

466

Очерки истории российской внешней разведки: [в 6 т. / гл. ред. Е.М. Примаков]. Т. 1. М., 1996. С. 210—212.

[Вернуться](#)

467

Лубянка, 2. С. 131.

[Вернуться](#)

468

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. С. 208—210.

[Вернуться](#)

469

Библиотека Slavic-Eurasian Research Center (Hokkaido University).
Коллекция Б.И. Николаевского. Series 132. Box 206. 206:12 (*Герасимов А.В.* Рукопись воспоминаний).

[Вернуться](#)

470

Bullard A. The Russian Pendulum: Autocracy – Democracy – Bolshevism. New York, 1919. P. 97—98.

[Вернуться](#)

471

Dillon E.J. The Eclipse of Russia. New York, [1918]. P. 291—292.

[Вернуться](#)

472

Цит. по: *Смирнов В.М.* Революционная работа в Финляндии, 1900—1907 гг. // Пролетарская революция. 1926. № 1 (48). С. 129.

[Вернуться](#)

473

Цит. по: *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859—1917). Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С. 243.

[Вернуться](#)

474

Futrell M. Northern Underground: Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland, 1863—1917. London, [1963]. P. 66—84, и др.

[Вернуться](#)

475

Dallin D.J. The Rise of Russia in Asia. [Hamden, Conn.]: Archon Books, 1971 (© 1949). P. 80—81.

[Вернуться](#)

476

White J.A. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, N.I., 1964. P. 138, 140.

[Вернуться](#)

477

Futrell M.H. Colonel Akashi and Japanese Contacts with Russian Revolutionaries in 1904—5. Oxford, 1967. P. 11—12. (St. Antony's Papers; No. 20) (Far Eastern Review; No. 4).

[Вернуться](#)

478

Kujala Antti. The Japanese General Staff and the Issue of Concerted Anti-Government Action in the Russian Empire, 1904—5 // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1 Leiden; Boston, 2005.. P. 262.

[Вернуться](#)

479

Pobog-Malinowski Wl. Josef Pilsudski, 1901—1908. W ogniu Rewolucji. Warszawa, 1935; *Dziewanowski M.K.* The Revolution of 1905 in Poland // Journal of Central European Affairs. 1952. Vol. XII, no. 3.

[Вернуться](#)

480

См.: *Falt O.* : 1) Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War // Asian Profile. Hong Kong, 1976. Vol. 4, no. 3. P. 205—238 ; 2) Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War. Oulu, 1977; *Copeland W.* : 1) Relations between the Finnish Resistance Movement and the Russian Liberals, 1899—1904 // Essays on Russian Liberalism / Ed. by E. Timberlake. [Columbia]: Univ. of Missouri press, 1972. P. 90—118 ; 2) The Uneasy Alliance: Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground, 1899—1904. Helsinki, 1973; *Kujala A.* The Russian Revolutionary Movement and the Finnish Opposition, 1905: The ‘John Grafton’ Affair and the Plans for the Uprising in St.-Petersburg // Scandinavian Journal of History. 1980. No. 5. P. 257—275.

[Вернуться](#)

481

Deacon R. A History of the Japanese Secret Service. London, 1982. P. 42—66.

[Вернуться](#)

482

Это, впрочем, не мешает даже такому общепризнанному авторитету в истории русско-японской войны, как англичанин Ян Ниш, и по прошествии 15 лет гадать, когда именно Япония начала «оказывать финансовую поддержку анти-царистских силам в Европе» (он полагает, что только в январе 1905 г.), находя парадокс в том, что это произошло уже после взятия Порт-Артура. См.: *Nish Ian. Historical Introduction // The Russo-Japanese War, 1904—5: A Collection of 8 vols / Compiled & Introduced by Ian Nish. Vol. 1. Folkestone: Global Orient, 2003. P. 11.*

[Вернуться](#)

483

Теплов В. Англия и Соединенные Штаты в русско-японском конфликте // Русский вестник. 1904. Июль (№ 7). С. 456.

[Вернуться](#)

484

Цит. по: *Павлович М.[П.] (Вельтман М.). Русско-японская война. 3-е изд., доп. М., 1925. С. 80.*

[Вернуться](#)

485

Futrell M. Colonel Akashi and Japanese Contacts with Russian Revolutionaries ... P. 9.

[Вернуться](#)

486

Rr. P. 71 (Ch. Inaba).

[Вернуться](#)

487

Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата, 1893—1922. М., 1959.
С. 40—41.

[Вернуться](#)

488

Rr. P. 33.

[Вернуться](#)

489

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 28. Л. 109 (Донесение
полицейского надзирателя Руба. Сведения к 12 мая 1904 г.).

[Вернуться](#)

490

Rr. P. 34—35.

[Вернуться](#)

491

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1901. Оп. 229. Д. 385. Л. 1—2.

[Вернуться](#)

492

The Times. 1904. February 11 (No. 37314). P. 3.

[Вернуться](#)

493

Ibid. February 14 (No. 37316). P. 7.

[Вернуться](#)

494

Rr. P. 34—35. Дополнение ко второму (шведскому) изданию книги К. Циллиакуса «Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России» (рус. пер.: СПб., 1906) представляет собой обзор такого рода, по всей видимости, включенный в книгу почти без изменений.

[Вернуться](#)

495

Куяла А. Рабочее движение в Финляндии, Россия и русские, 1899—1914 гг. // Два лика истории: сб. ст. / под ред. проф. Т. Вихавайнена. СПб., 2007. С. 188—189.

[Вернуться](#)

496

Kujala Antti. The Japanese General Staff ... P. 267.

[Вернуться](#)

497

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Оп. 232. Д. 9. Ч. 10 (Начальник ФЖУ – в Департамент полиции, 18 февраля 1904 г. № 3541).

[Вернуться](#)

498

Там же. Д. 150. Л. 23 об.—24.

[Вернуться](#)

499

Там же. 1903. Д. 1955. Л. 34—35 об.

[Вернуться](#)

500

Библиотека Slavic-Eurasian Research Centre (Hokkaido University).
Коллекция Б.И. Николаевского. Series 132. Box 203. 203:21 (Русская
тайная полиция в Париже (очерки по неизданным материалам)).

[Вернуться](#)

501

Перегудова З.И. Политический сыск России (1880—1917). М., 2000.
С. 71.

[Вернуться](#)

502

Попытки японцев установить связи с представителями польского
общественного движения предпринимались помимо Акаси и раньше
него. Еще в начале февраля 1904 г. европейские газеты писали о
«сенсационном появлении на ежегодном польском балу в Вене двух
атташе японского посольства»; появление этих японцев без всякого
приглашения было истолковано их «желанием привлечь симпатии хотя
бы только австрийских поляков на сторону Японии»: Новое время.
1904. 16 (29) февр. (№ 10040). С. 3.

[Вернуться](#)

503

Rr. P. 23—25.

[Вернуться](#)

504

Deacon R. Op. cit. P. 47.

[Вернуться](#)

505

Rr. P. 38.

[Вернуться](#)

506

Ibid. P. 71 (Ch. Inaba).

[Вернуться](#)

507

См.: *White J.* Op. cit. P. 142; *Pobog-Malinowski Wl.* Op. cit. S. 217.

[Вернуться](#)

508

Rr. P. 72 (Ch. Inaba).

[Вернуться](#)

509

Pobog-Malinowski Wl. Op. cit. S. 218; Общественное движение на польских землях ... С. 190—191.

[Вернуться](#)

510

Цит. по: Новое время. 1904. 16 (29) февр. (№ 10040). С. 3.
[Вернуться](#)

511

Вотинов А. [П.] Указ. соч. С. 129.
[Вернуться](#)

512

Каторга и ссылка. 1927. № 2 (31). С. 168.
[Вернуться](#)

513

Lerski J. The Polish Chapter of the Russo-Japanese War // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 3rd ser. Tokyo, 1959. Vol. 7. P. 78.
[Вернуться](#)

514

Купчинский Ф.П. В японской неволе: очерки из жизни русских пленных в Японии в г. Мацуяма на острове Сикоку. СПб., 1906. С. 192—193; *Н.Н.* Около японцев: (из дневника пленного офицера) // Исторический вестник. 1908. Т. 112, № 6. С. 949.
[Вернуться](#)

515

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 1, ч. 1, т. 3. Л. 261 об.
[Вернуться](#)

516

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2976. Л. 2 об.—3.

[Вернуться](#)

517

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Оп. 233. Д. 9, ч. 10. Л. 54—55 (Перевод статьи К. Циллиакуса из подпольного издания «Новости войны» от 24 января 1905 г.).

[Вернуться](#)

518

Смирнов В.М. Революционная работа в Финляндии ... С. 124—128.

[Вернуться](#)

519

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1903. Д. 1955. Л. 9 об.

[Вернуться](#)

520

Азеф Е.Ф. Письма Азефа, 1893—1917 / сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М., 1994. С. 252 (Примечания).

[Вернуться](#)

521

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1903. Д. 1955. Л. 27.

[Вернуться](#)

522

Valtionarkisto (Национальный архив Финляндии). Antti Hackzell Collection, 3, № 29 (Полковник Шредель – директору Департамента полиции, 16 ноября 1904 г. № 60).

[Вернуться](#)

523

Rr. P. 38.

[Вернуться](#)

524

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 1 (Секретное письмо генерала В.П. Целебровского в Департамент полиции, 18 августа 1904 г. № 334).

[Вернуться](#)

525

Rr. P. 40.

[Вернуться](#)

526

Архив Дома Плеханова. Ф. 1093 (Архив Г.В. Плеханова). Оп. 3. Д. 273 (Письмо К. Циллиакуса Г.В. Плеханову от 8 мая 1904 г.).

[Вернуться](#)

527

Там же. (Письмо К. Циллиакуса Г.В. Плеханову, начало августа 1904 г.).

[Вернуться](#)

528

Rr. P. 98—101 (A. Kujala).

[Вернуться](#)

529

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 1, ч. 2. Л. 346—347 (Гартинг – директору Департамента полиции, 31 мая / 13 июня 1904 г. № 165).

[Вернуться](#)

530

Социал-демократическое движение в России: материалы / под ред. А.Н. Потресова, Б.И. Николаевского. Т. 1. М; Л., 1928. С. 332—333.

[Вернуться](#)

531

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 1, ч. 1, т. 2, прод. 1. Л. 202 об.

[Вернуться](#)

532

Там же. Л. 202—202 об.

[Вернуться](#)

533

Мартов Л. История российской социал-демократии // *Мартов Ю.О.* Избранное / подгот. текста и коммент. Д.Б. Павлов, В.Л. Телицын. М., 2000. С. 85.

[Вернуться](#)

534

Rr. P. 40.

[Вернуться](#)

535

Ibid. P. 57.

[Вернуться](#)

536

По другим данным, участников совещания об этом проинформировал делегат от еврейского Бунда. См.: *Kujala Antti*. The Japanese General Staff ... P. 270.

[Вернуться](#)

537

Волковичер И. Партия и русско-японская война // Пролетарская революция. 1924. № 12 (35). С. 119—121.

[Вернуться](#)

538

См.: *Кораблев Ю.И.* Военная работа петербургских большевиков в революции 1905—1907 гг. М., 1955. С. 22; *Гаврилов Б.* Военная работа московских большевиков в годы первой русской революции. М., 1950. С. 24; и др. Подробнее об отношении РСДРП к войне и ее тактике в этой связи см.: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 90—93.

[Вернуться](#)

539

[Дан Ф.И.]. Дорогая цена // Искра. 1904. 10 июля (№ 69).

[Вернуться](#)

540

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК РСДРП (б)). Оп. 1. Д. 239. Л. 1 об.—2.

[Вернуться](#)

541

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 1, ч. 1, т. 3. Л. 269.

[Вернуться](#)

542

Мартов Л. История российской социал-демократии. С. 84.

[Вернуться](#)

543

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 170; Т. 9. С. 152, 155—158.

[Вернуться](#)

544

См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. М., 1970. С. 552, 567, 579.

[Вернуться](#)

545

См.: *Эйдус Х.Т.* Влияние русской революции 1905—1907 гг. на рабочее и демократическое движение в Японии // Первая русская революция и международное революционное движение / под ред. А.М. Панкратовой. Ч. II. М., 1956. С. 495—496. Современные японские авторы подчеркивают, что в результате военной победы над Россией в их стране «окончательно утвердилась императорская система и японский империализм». См.: *Вада Харуки.* Солидарность японских и русских социалистов во время русско-японской войны // *Japanese Slavic-Eurasian and East European Studies.* 1981. Vol. 2. P. 7.

[Вернуться](#)

546

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 174; Т. 9. С. 135, 157.

[Вернуться](#)

547

Плеханов Г.В. «Строгость необходима...» // *Плеханов Г.В.* Соч. Т. 13. М.; Л., 1926. С. 99—100. Мотив о неуместности таких «спекуляций» прозвучал и в письме Плеханова в адрес Парижской межпартийной конференции с отказом от участия в ней.

[Вернуться](#)

548

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 157.

[Вернуться](#)

549

Социал-демократ с 1898 г., в момент издания этой книги Павлович к большевистской фракции не принадлежал и официально вступил в РКП (б) только в 1918 г. Однако в последующих изданиях своей книги

он успешно доказал идейное родство с большевиками обильными цитатами высказываний их лидеров по интересующему его предмету.

[Вернуться](#)

550

Павлович М.[П]. (Вельтман М.). Указ. соч. С. 62—63.

[Вернуться](#)

551

Нирутака. «Акацуки» перед Порт-Артуром: (из дневника японского морского офицера Нирутака): пер. с нем. СПб., 1905. С. 10.

[Вернуться](#)

552

Павлович М.[П]. (Вельтман М.). Указ. соч. С. 63, 65.

[Вернуться](#)

553

Его же. Указ. соч. С. 63—64.

[Вернуться](#)

554

Его же. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 573—579.

[Вернуться](#)

555

Евлогий, митрополит. Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. С. 148—149.

[Вернуться](#)

556

Антоний (Храповицкий), митрополит. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 152—153.

[Вернуться](#)

557

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 150, литера Г. Л. 111 (Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью «Владимир» из Петербурга от 6 октября 1904 г. полковнику А.В. Святловскому в Мукден).

[Вернуться](#)

558

Там же. Д. 150. Л. 7, 8 (Донесения в Департамент полиции начальников Могилевского ГЖУ от 7 марта 1904 г. № 23 и Витебского ГЖУ от 9 марта 1904 г. № 1144); Д. 150, литера Г. Л. 2, 23—23 об. (Донесения в Департамент полиции помощника начальника Бессарабского ГЖУ от 7 февраля 1904 г. № 161 и начальника Петербургского охранного отделения подполковника Кременецкого от 23 марта 1904 г. № 4906).

[Вернуться](#)

559

The Japan Times. 1904. April 21 (No. 2144). P. 3. Перепечатка из газеты “Tokyo Asahi”.

[Вернуться](#)

560

Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Лондон, 1990. С. 193.

[Вернуться](#)

561

Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 259.

[Вернуться](#)

562

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 158. Л. 1—2. Еще в марте 1904 г. эта газета опубликовала приветственное письмо в адрес РСДРП, в котором призвала русских социалистов к «совместной героической войне» против шовинизма и милитаризма.

[Вернуться](#)

563

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 535. Японский историк Х. Вада выяснил, что первый пакет социал-демократической литературы был получен в Японии в начале июня 1904 г., редакция «Хэймин Симбун» переправила ее в лагерь русских военнопленных в Мацуяма.

[Вернуться](#)

564

Топеха П.П. Из истории распространения ленинских идей в Японии // Вопросы истории КПСС. 1970. № 9. С. 52.

[Вернуться](#)

565

Цит. по: *Волковичер И.* Указ. соч. С. 120.

[Вернуться](#)

566

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 246. Л. 1.

[Вернуться](#)

567

В этих строках нет преувеличения – в обычных условиях революционную литературу, действительно, распространяли за деньги, и немалые: в коллекции Б.И. Николаевского сохранился автограф письма Бонч-Бруевича в одну из эмигрантских социал-демократических групп от марта 1904 г. с требованием рассчитаться с партийной экспедицией за высланную литературу (Библиотека Slavic-Eurasian Research Centre (Hokkaido University). Коллекция Б.И. Николаевского. Series 1. Box 1. Folder 1. 1:3).

[Вернуться](#)

568

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 215. Л. 7—8.

[Вернуться](#)

569

Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 344 (Письмо В.Д. Бонч-Бруевича Г.В. Плеханову от 29 апреля 1904 г.; письма В.Д. Бонч-Бруевича в редакцию «Искры» от 11 и 12 марта 1904 г.).

[Вернуться](#)

570

Бонч-Бруевич В.Д. Женевские воспоминания (1904—1905) // *Бонч-Бруевич В.Д.* Избр. соч. Т. 2. М., 1961. С. 326—328.

[Вернуться](#)

571

Правда, по данным Х. Вада, еще в августе 1904 г., находясь на Гавайях, Руссель обращался к тамошнему японскому Генеральному консулу с просьбой передать литературу для русских пленных в Японии. Однако что это была за литература, он не указал, да и упомянутый разговор с Плехановым у Бонча во всяком случае состоялся раньше (*Вада Х.* Указ. соч. С. 12).

[Вернуться](#)

572

См.: *Иосько М.И.* Николай Судзиловский-Руссель: жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск, 1976. С. 192; *Маринов В.А.* Указ. соч. С. 93; *Клейн Б.С.* Доктор Руссель: ист. хроника // *Неман.* 1969. № 1. С. 93—94; и др.

[Вернуться](#)

573

См.: ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Д. 1, ч. 1, т. 2. Л. 352—355 (Л.А. Ратаев – П.И. Рачковскому. 8 августа / 27 июля 1905 г. № 162); International Institute of Social History (IISH, Amsterdam). PSR Fund. Box 2. № 144 (Н. Руссель – неустановленному члену ПСР, 19 февраля 1907 г.).

[Вернуться](#)

574

См.: *Купчинский Ф.П.* Указ. соч. С. 35; *Толстомятов А.М.* В плену у японцев. СПб., 1908. С. 21; и др.

[Вернуться](#)

575

Ольминский М.С. Примиренский ЦК и токийское правительство // «Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 года. [Вып. 1]. М., 1925. С. 32.

[Вернуться](#)

576

Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч. С. 329.

[Вернуться](#)

577

В 1904 г. у российских эмигрантов в обиход вошел глагол «сбончить» в значении передернуть, смошенничать, обмануть.

[Вернуться](#)

578

[*Алексинский Г.А.*]. Запись беседы моей с Плехановым в Женеве, 1915 г. / публ. С. Барона // *International Review of Social History*. 1981. Vol. 26, no. 3. P. 347. Интересно, как бы квалифицировал эти действия большевистского руководства чекист А.П. Вотинков, знай он о них? Боюсь, что за подобные «художества» Ленин и компания в глазах этого «законника» «саботажем» не отделались бы.

[Вернуться](#)

579

Библиотека Slavic-Eurasian Research Centre (Hokkaido University).
Коллекция Б.И. Николаевского. Series 132. Box 203. 203:22 (*[Ратаев Л.А.]*. Краткий обзор деятельности Заграничной агентуры с 13 сентября 1902 года по июль 1905 года).

[Вернуться](#)

580

Rr. P. 41.

[Вернуться](#)

581

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 1, ч. 1, т. 3. Л. 270—271 об.

[Вернуться](#)

582

Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 3. Д. 273.

[Вернуться](#)

583

Подробнее см.: *Шацлло К.Ф.* Русский либерализм ... С. 235—259.

[Вернуться](#)

584

Rr. P. 41.

[Вернуться](#)

585

Ibid. P. 42.

[Вернуться](#)

586

Ю.О. Мартов – П.Б. Аксельроду, Женева, 7 (20) октября 1904 г. // Из архива Ю.О. Мартова. Переписка. Вып. 1: 1896—1904 гг. / отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2015. С. 634.

[Вернуться](#)

587

Позднее имя некоего офицера Максимова упоминалось в разговорах Деканозова с Акаси.

[Вернуться](#)

588

Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 194.

[Вернуться](#)

589

Гарви П.А. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946.
С. 409—410.

[Вернуться](#)

590

Существуют и другие версии происхождения И.Ф. Манасевич-Мануйлова и первых лет его жизни. По одной из них, он был внебрачным сыном князя В.П. Мещерского и еврейки Х. Мавшон; согласно другой (ее воспроизвел в своих воспоминаниях столичный судебный деятель В.Е. Рейнбот), его отец сначала был раввином в Вильне, а после рождения сына перешел в христианство и переехал в Иркутск, где и разбогател, получив право почтовой гоньбы. Тот же мемуарист утверждает, что первоначальный толчок карьере Мануйлова дал не князь Мещерский, а его тетка со стороны матери, Матильда Ивановна Нурок, которая, разведясь с Д.С. Лисаневичем, вышла замуж за министра и стала графиней Витте (*Рейнбот В.Е.* Манасевич-Мануйлов: (из ненаписанной записной книжки бывш. председателя Петроградского окружного суда) // За свободу. 1927. 7 окт.).

[Вернуться](#)

591

Вот каким увидел князя Мещерского примерно в те же годы мемуарист: «Высокий старик отталкивающей внешности и отменно плохой репутации. “Гражданина” (издаваемую им газету. – *Д.Б.*) мало читают, но читает его царь. А потому издатель “Гражданина” делает

политику и имеет влияние. *Он клеветник. Его били. Он не укрывающийся гомосексуалист. Любовников проталкивает в карьеру»* (Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 105).

[Вернуться](#)

592

Цит. по: Лубянка 2. С. 131.

[Вернуться](#)

593

Библиотека Slavic-Eurasian Research Centre (Hokkaido University). Коллекция Б.И. Николаевского (Вырезка из неустановленной эмигрантской газеты, вторая половина 1920-х годов: *Палеолог С. Манасевич-Мануйлов*).

[Вернуться](#)

594

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 102. Л. 5 об., 7.

[Вернуться](#)

595

Там же. Д. 1, ч. 5, литера А. Л. 6—9 об.

[Вернуться](#)

596

Там же. Л. 7—7 об.

[Вернуться](#)

597

Там же. Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 3. Л. 39—39 об.; Д. 1, ч. 4. Л. 72—73.

[Вернуться](#)

598

Там же. Д. 21. Л. 129—129 об.

[Вернуться](#)

599

Там же. 1904. Д. 24. Л. 4—4 об. (И.Ф. Мануйлов – директору Департамента полиции. 30 ноября / 13 декабря 1904 г. № 291).

[Вернуться](#)

600

Е.Ю. Сергеев заблуждается, утверждая, будто «Манусевич-Мануйлов (так в тексте. – *Д.П.*) преуспел в расшифровке дипломатического кода, который использовал полковник Акаси для переправки своих докладов в Токио» (*Sergeev E.Y. Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904—05: Secret Operations on Land and at Sea. London; New York, 2007. P. 144*) – среди сохранившихся бумаг Мануйлова нет ни одного доклада М. Акаси.

[Вернуться](#)

601

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 102. Л. 10—10 об. По данным японского историка Минохара Тош, о том, что в распоряжении Петербурга есть его дипломатический шифр, в японском МИД узнали только в конце 1904 г. от британского поверенного в делах в России

сэра С. Спринг-Райса (C. Spring-Rice), который встретился в Берлине с японским послом графом К. Иноуэ (См.: *Tosh Minohara. The 'Rat Minister': Komura Jutaro and US-Japan Relations // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / ed. by D. Wolff, S. Marks & others. Vol. 2. Leiden; Boston, 2007. P. 559—560*). Несмотря на это, лишь в 1905 г., по распоряжению министра Комура, японское внешнеполитическое ведомство полностью поменяло шифровальные книги.

[Вернуться](#)

602

В этих документах, в силу особенностей фонетики японского языка, порой трудночитаемы даже имена европейцев. Например, в докладе Акаси упомянутый Балог-де-Галатна фигурирует как «Барогугаранта» (“Barogugaranta”), а эсер Ф.В. Волховский – как «Ванховусукий» (“Wanhovusukii”).

[Вернуться](#)

603

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 102. Л. 11 об.

[Вернуться](#)

604

Там же. Л. 11 об.—12.

[Вернуться](#)

605

Там же. Л. 12 об., 14 об.

[Вернуться](#)

606

К этому времени Иван Федорович успел дважды побывать под следствием, причем к моменту второго ареста в конце 1916 г. на его счетах в Русско-Азиатском банке и Лионском кредите имелось свыше 300 тыс. руб., нажитых путем мошеннических «комиссий» по частным делам в государственных учреждениях. Не случайно, что, комментируя его арест, столичная печать усмотрела в деятельности Мануйлова проявление «темных сил», «вносящих разврат в общество и в корень подтачивающих престиж правительственной власти и самое бытие государства» (Русские ведомости. 1916. 15 дек.). В начале 1917 г. по суду Мануйлов получил полтора года арестантских работ, но Февральская революция освободила его из-под стражи. В 1918 г. Мануйлова в момент пересечения им границы с Финляндией в Белоострове узнал один из его бывших охранников в Петропавловской крепости. Тут же, у границы, его и расстреляли; смерть он встретил «совершенно спокойно».

[Вернуться](#)

607

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 102. Л. 11.

[Вернуться](#)

608

Там же. 1909. Оп. 239. Д. 202. Л. 20—20 об.

[Вернуться](#)

609

Там же. 1904. Оп. 232. Д. 2258. Л. 64—64 об.

[Вернуться](#)

610

Там же. Д. 1, ч. 1, т. 2. Л. 153 об.

[Вернуться](#)

611

Там же. Д. 28. Л. 50.

[Вернуться](#)

612

Там же. Л. 1 (Манасевич-Мануйлов – директору Департамента полиции, 29 ноября 1904 г. № 264).

[Вернуться](#)

613

Там же. Л. 204 об; Д. 1, ч. 5, литера А. Л. 25. Еще раньше на одно из донесений Мануйлова Лопухин наложил следующую резолюцию: «Я Мануйлову говорил, да, кажется, и писал, что это наблюдение не стоит таких денег» (в донесении Мануйлов просил ему возместить расход в 1200 франков за наблюдение за Деканозовым в течение второго полугодия 1904 г.) (Там же. Л. 24).

[Вернуться](#)

614

Valtionarkisto. Antti Hackzell Collection. 3, № 29.

[Вернуться](#)

615

Меньшиков Л. Русские охранники в Финляндии // Минувшее. Вып. 1: Русский политический сыск за границей. Ч. 1. Париж, 1914. С. 231.

[Вернуться](#)

616

На российском внешнеполитическом небосклоне тех лет А.И. Н е л и д о в (1835—1910) был звездой первой величины. Выходец из старинного дворянского рода, крупный землевладелец, женатый на фрейлине императрицы, урожденной княжне Хилковой, за свою полувековую дипломатическую карьеру он успел поработать почти во всех западноевропейских столицах и до назначения в Париж в декабре 1903 г. состоял послом в Константинополе и Риме. К 1905 г. он уже в течение десяти лет имел фактически высший гражданский чин действительного тайного советника и все высшие российские награды, включая ордена Св. Александра Невского с бриллиантами и Белого Орла, был лично знаком с Николаем II и многими членами императорского дома. Не случайно, что летом 1905 г. именно ему первому было предложено возглавить российскую делегацию на мирных переговорах с Японией, но он отклонил это предложение.

[Вернуться](#)

617

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 28. Л. 204 об.—206 об., 39.

[Вернуться](#)

618

Кугель А.Р. (Ното Новус). Листья с дерева: воспоминания. Л., 1926. С. 167—168.

[Вернуться](#)

619

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Д. 1, ч. 1. Л. 60 об.

[Вернуться](#)

620

Гапон родился в Кобелякском уезде Полтавской губернии в зажиточной крестьянской семье.

[Вернуться](#)

621

К биографии Гапона: (из женевского архива Бунда) // Минувшие годы. 1908. Июль. С. 39—40.

[Вернуться](#)

622

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Д. 1, ч. 1. Л. 72 об., 107 (Ратаев – директору Департамента полиции. 7/20 февраля 1905 г. № 29; 23 февраля / 8 марта 1905 г. № 40).

[Вернуться](#)

623

Рг. Р. 44.

[Вернуться](#)

624

Революционная Россия. 1905. № 59. С. 1—2.

[Вернуться](#)

625

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 203—204.

[Вернуться](#)

626

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Д. 1, ч. 1. Л. 36 об. (Л.А. Ратаев – директору Департамента полиции, 27 января / 9 февраля 1905 г. № 24).

[Вернуться](#)

627

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 279—280.

[Вернуться](#)

628

Второй съезд РСДРП. Июль – август 1903 г. Протоколы. М., 1959. С. 431.

[Вернуться](#)

629

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 184; Третий съезд РСДРП. Апрель – май 1905 г. Протоколы. М., 1959. С. 456.

[Вернуться](#)

630

Луначарский А.В. 9 января и ленинская эмиграция // Наследие А.В. Луначарского [сайт]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/vospominaniya-i-vpechatleniya/9-leninskaa-emigracia> (дата обращения: 29.02.2016).

[Вернуться](#)

631

Ленинский сборник. Т. V. М.; Л., 1929. С. 93—94.

[Вернуться](#)

632

Третий съезд РСДРП. Апрель – май 1905 г. Протоколы. С. 379.

[Вернуться](#)

633

Цит. по: *Петров Н.П.* Записки о Гапоне // Всемирный вестник. 1907. № 2. С. 17.

[Вернуться](#)

634

Донесение Ратаеву из Парижа от 8 марта 1905 г. // *Азеф Е.Ф.* Письма Азефа, 1893—1917. М., 1994. С. 122.

[Вернуться](#)

635

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Д. 1, ч. 1. Л. 115—115 об.

[Вернуться](#)

636

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 280.

[Вернуться](#)

637

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Д. 1, ч. 1. Л. 105 об.—106.

[Вернуться](#)

638

Valtionarkisto. Архив Финляндского жандармского управления. 3. № 16 (Циркуляры от 12 февраля, 1 и 7 марта 1905 г.).

[Вернуться](#)

639

IISH. PSR fund. Box 1. № 18 (Протокол собрания Заграничного комитета РСР. 7 апреля 1905 г.).

[Вернуться](#)

640

IISH. PSR fund. № 758/11/b; Библиотека Slavic-Eurasian Research Center (Hokkaido University). Коллекция Б.И. Николаевского. Series 124. Box 194. 194:3 (Постановление Совета РСДРП от 11 марта 1905 г. Женева). Документ был опубликован О.В. Будницким (*Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 359—360). Эта интересная страничка из истории межпартийных контактов до последнего времени оставалась неизвестной даже специалистам – в конце 1980-х годов ход этих переговоров впервые описал историк А. Куяла (см. его статью в упомянутом сборнике “Rakka guisui”).

[Вернуться](#)

641

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 181.

[Вернуться](#)

642

Третий съезд РСДРП. Протоколы. С. 385 (Выступление делегата от Саратовского комитета РСДРП Г.И. Крамольникова («Мосальского»)).

[Вернуться](#)

643

Циллиакус участия в конференции не принимал.

[Вернуться](#)

644

Rr. P. 45.

[Вернуться](#)

645

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 28. Л. 49 об.

[Вернуться](#)

646

Rr. P. 46.

[Вернуться](#)

647

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Д. 1, ч. 1. Л. 182 об.

[Вернуться](#)

648

Rr. P. 66. Сходные данные тогда же сообщил Ямагата и Утсунomia. Со ссылкой на своего информатора-поляка он утверждал, что участники конференции договорились организовать «военное восстания» в Петербурге в июне этого года.

[Вернуться](#)

649

Цит. по: *Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz / ed. by his son Toku Baelz.* Bloomington; London: Indiana University Press, 1974. P. 340.

[Вернуться](#)

650

Rr. P. 59, 63—64.

[Вернуться](#)

651

Ibid. P. 69, 82, 161 (Ch. Inaba, A. Kujala).

[Вернуться](#)

652

Армия в первой революции: очерки и материалы. [М.; Л.], [1927]. С. 225. (1905. Материалы и документы); Первая боевая организация большевиков ... С. 265—266.

[Вернуться](#)

653

ИИИ. PSR fund. Вох 1. № 18 (Протокол заседания Заграничного комитета ПСР от 6 августа 1905 г.).

[Вернуться](#)

654

Всемирный вестник. 1907. № 2. С. 22; РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 422. Л. 5 (Неопубликованная рукопись В.М. Смирнова «“Джон Графтон”. Тройственный союз между “активистами”, эсерами и японцами: (по финляндским источникам)»).

[Вернуться](#)

655

Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. № 4. С. 100—101.

[Вернуться](#)

656

Цит. по: Армия в первой революции. С. 226—227.

[Вернуться](#)

657

Valtionarkisto. USA tk 19, XXI, folder 1. P. 2, 5; Библиотека Slavic-Eurasian Research Center (Hokkaido University). Коллекция Б.И. Николаевского. Series 115. Box 183. Folder 183:15 (Письмо М.Р. Гоца из Ниццы Н.В. Чайковскому в Лондон от 12 августа 1905 г.).

[Вернуться](#)

658

Там же.

[Вернуться](#)

659

Там же.

[Вернуться](#)

660

Азеф Е.Ф. Указ. соч. С. 125.

[Вернуться](#)

661

Там же. С. 120, 127.

[Вернуться](#)

662

Там же. С. 129—130.

[Вернуться](#)

663

См.: *Николаевский Б.И.* История одного предателя: террористы и политическая полиция. М., 1991. С. 129—130.

[Вернуться](#)

664

См.: Первая боевая организация большевиков ... С. 267—268, 275.

[Вернуться](#)

665

См.: Там же. С. 267.

[Вернуться](#)

666

РГАСПИ. Ф. 72 (Редакция журнала «Пролетарская революция»).
Оп. 3. Д. 422. Л. 9.

[Вернуться](#)

667

Rr. P. 161 (A. Kujala); ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 28. Л. 48 об.
—49, 61.

[Вернуться](#)

668

Rr. P. 46.

[Вернуться](#)

669

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1904. Д. 28. Л. 48 об.—49.

[Вернуться](#)

670

Там же. Л. 69 об.

[Вернуться](#)

671

Там же. Д. 24. Л. 55—56 (Гартинг – директору Департамента полиции, 26 января 1905 г. № 8).

[Вернуться](#)

672

Там же. Д. 28. Л. 69 об.—70.

[Вернуться](#)

673

Там же. Л. 80—82 об.

[Вернуться](#)

674

Нелидов вообще не скрывал своего высокого мнения о способностях Мануйлова. «Несмотря на многочисленные и постоянные занятия, – писал он князю В.П. Мещерскому еще в апреле 1904 г., – я всегда имею возможность принимать г-на Мануйлова, которого считаю очень ловким, умным и полезным агентом. Я выдаю его часто и пользуюсь доставляемыми им сведениями и здешними связями» (АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 96 а. Л. 433—434). Судя по имеющейся на письме характерной помете, с его содержанием Мещерский познакомил самого императора.

[Вернуться](#)

675

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 28. Л. 169—169 об.

[Вернуться](#)

676

Изнанка революции: вооруженное восстание России на японские средства. СПб., 1906. С. 17—18.

[Вернуться](#)

677

Rr. P. 47—49.

[Вернуться](#)

678

РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 422. Л. 13—14; ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Оп. 233. Д. 450, т. 2, литера А. Л. 54.

[Вернуться](#)

679

Rr. P. 46—47.

[Вернуться](#)

680

Ibid. P. 49; *Futrell M.* Northern Underground. P. 67—70.

[Вернуться](#)

681

Ф.О. R.C. 65/1721. P. 38 (Объяснения Диккинсона по поводу не перерегистрации парохода «Джон Графтон», 28 июля 1905 г.). Из Lloyd's Shipping Register корабль при перепродаже изъят не был и, таким образом, формально оставался британским.

[Вернуться](#)

682

Rr. P. 49; *Futrell M. Northern Underground*. P. 71; ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Оп. 233. Д. 450, т. 2, литера А. Л. 28—28 об. (Копия донесения вице-консула в Гернсее Х.В. Стикланда в МИД. Передана П.И. Рачковскому 7 сентября 1905 г.).

[Вернуться](#)

683

Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. Т. 1. М., 1984. С. 281.

[Вернуться](#)

684

Буренин Н.Е. Памятные годы: воспоминания. Л., 1967. С. 81—82.

[Вернуться](#)

685

Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1905—1907 гг. Т. 2, кн. 2. М., 1982. С. 224—225.

[Вернуться](#)

686

Буренин Н.Е. Указ. соч. С. 106.

[Вернуться](#)

687

Цит. по: Первая боевая организация большевиков ... С. 55.

[Вернуться](#)

688

Так, Буренин утверждал, будто собеседники известили его о том, что «пароход нагружен и должен идти к берегам Финляндии, но принять его там некому» (Там же). На самом деле загрузка «Джона Графтона» еще даже не была начата, а провал организации его встречи в России выяснился лишь в августе. Не думаем, однако, чтобы эта ложь мемуариста была преднамеренной. Передвигая эти события на более ранний срок, он, вероятно, лишь хотел подчеркнуть своевременность и значимость своих усилий по организации приемки оружия, на деле запоздалых и совершенно бесплодных.

[Вернуться](#)

689

Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП ... Т. 2, кн. 2. С. 128.

[Вернуться](#)

690

Партия в революции 1905 года: документы к истории партии в 1905 году. [М.], 1934. С. 324.

[Вернуться](#)

691

Это письмо в Женеву «Гартману», написанное «химическими чернилами» и не имевшее подписи, было перлюстрировано Департаментом полиции (ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Оп. 233. Д. 80, ч. 27. Л. 116), но автор и адресат остались полиции неизвестны. Оба установлены нами.

[Вернуться](#)

692

Буренин – Ленину, 7 (20) августа 1905 г. // Партия в революции 1905 г. М., 1934. С. 325. Под «программой», вероятно, понимался манифест о создании собственной партии, над которым в это время работал Гапон при ближайшем участии Ленина.

[Вернуться](#)

693

Ленинский сборник. 1929. Т. V. С. 538—539.

[Вернуться](#)

694

Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП ... Т. 2, кн. 2. С. 120.

[Вернуться](#)

695

Первая боевая организация большевиков ... С. 82—83.

[Вернуться](#)

696

Там же. С. 175, 283. Впрочем, многие петербургские большевики в глубине души, вероятно, не очень-то верили в успех предприятия с этой морской экспедицией. «У нас утонул пароход с оружием – есть от чего быть не в духе», – «бодро» говорил большевик П.П. Румянцев писательнице Н.А. Тэффи, на квартире которой тогда часто собирались столичные большевики. «И прибавлял со вздохом: – Едемте в “Вену”»

(литературный ресторан. – Д.П.), хорошенько позавтракаем. Наши силы еще нужны рабочему движению»: *Тэффи*. Моя летопись. М., 2004. С. 247.

[Вернуться](#)

697

Первая боевая организация большевиков ... С. 277.

[Вернуться](#)

698

Поссе В.А. Воспоминания (1905—1907 гг.). Пг., 1923. С. 32.

[Вернуться](#)

699

Грибовский В.М. Загадочные документы Гапона: (из личных воспоминаний) // Исторический вестник. 1912. Март. С. 955.

[Вернуться](#)

700

Rr. P. 50.

[Вернуться](#)

701

Для Акаси провал операции с доставкой оружия в Россию не имел никаких неприятных последствий – как справедливо замечает А. Куяла, катастрофа с «Джоном Графтоном», на счастье японского разведчика, произошла сразу после подписания Портсмутского мира и потому для Токио уже не имела значения (*Kujala Antti*. The Japanese General Staff ... P. 277).

[Вернуться](#)

702

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Оп. 233. Д. 9, ч. 10, т. 2. Л. 119—119 об.

[Вернуться](#)

703

Daily Telegraph. 1905. September 12.

[Вернуться](#)

704

Первая боевая организация большевиков ... С. 56, 78; *Futrell M.* Northern Underground. P. 79; Изнанка революции. С. 19.

[Вернуться](#)

705

Новое время. 1911. 27 сент. (10 окт.) (№ 12767).

[Вернуться](#)

706

Ф.О. Р.С. 65/1721. Р. 7 (Письмо госсекретаря по иностранным делам Сандерсона в Торговую палату, Лондон, 10 октября 1905 г.).

[Вернуться](#)

707

Valtionarkisto. USA tk 14. 201, V-a.

[Вернуться](#)

708

Ibid. 200, XXIV h, f. I (Гартинг – Рачковскому, 17 (30) ноября 1905 г. № 101).

[Вернуться](#)

709

РГВИА. Ф. 400 (Главный штаб). Оп. 3. Д. 2787. Л. 5, 167—167 об.

[Вернуться](#)

710

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1909. Оп. 239. Д. 41, ч. 3. Л. 10 об. (Подполковник Балабин – в Департамент полиции, 2 января 1907 г. № 274).

[Вернуться](#)

711

Сухова Е.К. Пограничная стража и контрабанда в России начала XX века // Вопросы истории. 1991. № 7/8. С. 237.

[Вернуться](#)

712

Рr. P. 50.

[Вернуться](#)

713

Ibid.

[Вернуться](#)

714

Высший подъем революции 1905—1906 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь – декабрь 1905 г. Ч. 3, кн. 2. М., 1956. С. 703.

[Вернуться](#)

715

Зато остро отреагировал Лондон, опасавшийся появления «второго «Джона Графтона»» тем более, что, по сообщению голландской морской газеты «Zee Post», выйдя из Амстердама, «Сириус» должен был зайти в Темзу или в какой-то другой английский порт. Тщательное наблюдение за Темзой и вообще поиски «Сириуса» на территории королевства результатов не дали, и к концу октября 1905 г. английские власти потеряли к «Сириусу» интерес. См.: F.O. R.C. 65/1720. P. 370, 373—374; 65/1721. P. 2, 35 (Переписка Форин офис с различными учреждениями о «Сириусе», 26 сентября – 19 октября 1905 г.).

[Вернуться](#)

716

ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Оп. 233 (II). Д. 450, т. 2. Л. 9 (Ламздорф – Трепову, 22 сентября 1905 г.).

[Вернуться](#)

717

Там же. Л. 94 (Ламздорф – Трепову, 2 ноября 1905 г.).

[Вернуться](#)

718

По инициативе главного командира Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирала Чухнина, крейсерство двух русских военных судов в Черном море в районе Босфора «с целью осмотра всех входящих в него коммерческих судов» началось еще летом 1904 г. См.: Там же. Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 13 (Секретное письмо вице-адмирала Чухнина управляющему Морским министерством Ф.К. Авелану, 16 июня 1904 г. № 647).

[Вернуться](#)

719

Цит. по: Изнанка революции. С. 20.

[Вернуться](#)

720

Там же.

[Вернуться](#)

721

Затерянный А.Г. Мятеж на Западном Кавказе: (картинки кавказской революции) // Исторический вестник. 1911. № 11. С. 665.

[Вернуться](#)

722

Ф.О. Р.С. 65/1714. Р. 354—355 (Депеша британского консула в Батуми Стивенса (P. Stevens) Лансдоуну в Лондон, Батум, 28 ноября 1905 г.).

[Вернуться](#)

723

Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. III, кн. 2. М., 1956. С. 786—787; ГА РФ. Ф. 124 (Министерство юстиции). 1906. Оп. 44. Д. 1259. Л. 11.

[Вернуться](#)

724

См.: Революция 1905—1907 гг. в Грузии: сб. документов. Тбилиси, 1956. С. 771—772; ГА РФ. Ф. 124. 1906. Оп. 44. Д. 1974. Л. 141 об.

[Вернуться](#)

725

Там же. Ф. 102 (ДП ОО). 1905. Оп. 233 (II отд.). Д. 450, т. 4. Л. 126 об.; Революционное прошлое Тбилиси. Тбилиси, 1964. С. 81; Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. [2-е перераб. и доп. изд.]. М., 1955. С. 511.

[Вернуться](#)

726

См.: ГА РФ. Ф. 124. 1906. Оп. 44. Д. 1259. Л. 10 об.—11; Д. 1974. Л. 141 об.

[Вернуться](#)

727

Ф.О. Р.С. 65/1714. Р. 354 (Депеша консула Стивенса Лансдоуну в Лондон, Батум, 28 ноября 1905 г.).

[Вернуться](#)

728

ГА РФ. Ф. 124. 1906. Оп. 44. Д. 1974. Л. 66.

[Вернуться](#)

729

См.: *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата, 1893—1922. М., 1959. С. 53.

[Вернуться](#)

730

Эти и последующие данные о продвижении А.И. Павлова по служебной лестнице содержатся в его формулярном списке в: АВПРИ. Ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел (ДЛС и ХД). Оп. 464. Д. 2518.

[Вернуться](#)

731

Соловьев Ю.Я. Указ. соч. С. 64—65.

[Вернуться](#)

732

The Times. 1904. February 15 (No. 37317). P. 7.

[Вернуться](#)

733

Цит. по: The Japan Times. 1904. March 1 (No. 2101). P. 5.

[Вернуться](#)

734

ГА РФ. Ф. 543 (Коллекция документов Царскосельского дворца).
Оп. 1. Д. 171. Л. 12 (Телеграмма Чжилийского генерал-губернатора
Ван Вэньшао князю Ухтомскому, 9 мая 1897 г.).

[Вернуться](#)

735

Сам Ухтомский утверждал, что Сыромятников, будучи командирован в Сибирь Министерством юстиции, в Китай явился по собственной инициативе и к его миссии отношения не имел.

[Вернуться](#)

736

Соловьев Ю.Я. Указ. соч. С. 95.

[Вернуться](#)

737

Если верить С.Ю. Витте, именно в Москве в дни коронационных торжеств состоялись его и самого императора переговоры с китайским сановником о проведении линии Сибирской железной дороги через две северных провинции Маньчжурии на Владивосток. Эта договоренность была закреплена секретным московским договором от 22 мая 1896 г. См.: РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 168. Л. 79 (Витте – Ламздорфу, С.-Петербург, 28 мая 1901 г. № 277).

[Вернуться](#)

738

ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 171. Л. 11 об. (Письмо князя Ухтомского графу Муравьеву в С.-Петербург, Пекин, 20 мая 1897 г.).

[Вернуться](#)

739

Там же. Л. 10.

[Вернуться](#)

740

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1905. Л. 9—9 об., 16 (Письмо Павлова в С.-Петербург графу Кассини, Пекин, 2 (15) июня 1897 г.).

[Вернуться](#)

741

Там же. Ф. 191. Оп. 768. Д. 6. Л. 103.

[Вернуться](#)

742

Здесь он и погиб 14 августа 1904 г. – его вместе с командиром бригады 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генералом И.С. Рутковским накрыл в укрытии японский шрапнельный снаряд. Его вдова, Е.В. фон Раабен, которая также отправилась в Маньчжурию и работала в Ляояне на складе Красного Креста, перевезла тело мужа в Петербург, там на Новодевичьем кладбище он и был похоронен в октябре 1904 г. См.: Новое время. 1904. 17 (30) авг. (№ 10223); Русь. 1904. 15 (28) окт. (№ 304).

[Вернуться](#)

743

Подробнее об их деятельности см.: *Павлов Д.Б.* Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // *Российская история.* 2016. № 2. С. 155—177.

[Вернуться](#)

744

Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904—1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 26—27, 33.

[Вернуться](#)

745

АВПРИ. Ф. 191. Оп. 768. Д. 6. Л. 95 (Письмо графа Муравьева Матюнину в Сеул, Петербург, 2 января 1898 г.).

[Вернуться](#)

746

Там же. Л. 103 об.—104 об.

[Вернуться](#)

747

Цит. по: *Ki Daeyeol. A Damocles Sword?: Korean Hopes Betrayed // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden; Boston, 2007. Vol. 2. 439, 442.*

[Вернуться](#)

748

«Как мне рассказывали, – вспоминал сотрудник российского посольства в Пекине Ю.Я. Соловьев, – все корейские министерства помещались в большом зале миссии, разгороженном ширмами. Когда происходили заседания Совета министров, ширмы раздвигались и министры собирались на совет. Благодаря такой обстановке, русское правительство могло распоряжаться в Сеуле весьма свободно» (*Соловьев Ю.Я. Указ. соч. С. 93*).

[Вернуться](#)

749

Пак Чон Хё. Указ. соч. С. 27.

[Вернуться](#)

750

АВПРИ. Ф. 191. Оп. 768. Д. 72. Л. 4 (Письмо Матюнина барону Розену в Токио, Сеул, 27 июня 1898 г.).

[Вернуться](#)

751

The New Press. 1901. 18 (31) янв. Цит. по: Современная летопись Дальнего Востока: особое прил. к Известиям Вост. ин-та. Г. 1. Владивосток, 1901. С. 285.

[Вернуться](#)

752

Ostasiatische Lloyd. 1901. 30 марта (12 апр.). Цит. по: Современная летопись Дальнего Востока: особое прил. к Известиям Вост. ин-та. Г. 1. Владивосток, 1901. С. 492.

[Вернуться](#)

753

Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz / ed. by his son Toku Baelz. Bloomington; London: Indiana University Press, 1974. P. 192.

[Вернуться](#)

754

The Times. 1904. April 5 (No. 37360). P. 5.

[Вернуться](#)

755

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 228. Л. 128—134 (Записка Н.А. Распопова «Чем будет для Японии Корея и какое для нее значение получит Маньчжурия», декабрь 1905 г.).

[Вернуться](#)

756

Nish Ian. Stretching out to the Yalu: a Contested Frontier, 1900—1903 // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden; Boston, 2005. Vol. 1. P. 54—55.

[Вернуться](#)

757

АВПРИ. Ф. 191. Оп. 768. Д. 6. Л. 105 об. (Секретная инструкция графа Муравьева Павлову в Пекин, Петербург, 9 сентября 1898 г.).

[Вернуться](#)

758

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 326—327.

[Вернуться](#)

759

АВПРИ. Ф. 191. Оп. 768. Д. 26. Л. 81—81 об. (Письмо Павлова корейскому министру иностранных дел Ли Юн Инну, Сеул, 1903 г.).

[Вернуться](#)

760

См.: Новое время. 1903. 19 нояб. (2 дек.) (№ 9954).

[Вернуться](#)

761

Цит. по: *Пак Чон Хё*. Указ. соч. С. 223. Вебер, вероятно, имел в виду трудности, с которыми столкнулся Павлов летом – осенью 1903 г. при заключении с сеульским правительством концессионного договора, по которому Россия арендовала участок корейской морской береговой линии шириной в 6—7 верст и глубиной в одну версту близ деревни Ионампо в устье реки Ялу для нужд российской лесопромышленной компании. Настойчивость российского дипломата в этом вопросе привела к тому, что корейский министр иностранных дел, прояпонски настроенный бывший посланник Коджона в Токио, был вынужден подать в отставку – по подсчетам лондонской “Times”, за прошедшие полгода это была уже седьмая отставка на этом посту.

[Вернуться](#)

762

Nish Ian. Korea between Russia and Japan, 1900—4 // The Russo-Japanese War, 1904—5: A Collection of 8 vols. / Compiled & introduced by Ian Nish. Vol. 1. Folke-stone: Global Orient, 2003. P. 61.

[Вернуться](#)

763

Цит. по: Ibid.

[Вернуться](#)

764

Подробнее о составе этой группировки и ее деятельности см.:
Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. Гл. 9.

[Вернуться](#)

765

Куропаткин А.Н. Дневник А.Н. Куропаткина / под ред. М.Н. Покровского. [Н. Новгород], 1923. С. 36.

[Вернуться](#)

766

Гурко В.И. Указ. соч. С. 332, 334.

[Вернуться](#)

767

Новое время. 1903. 19 сент. (2 окт.) (№ 9893).

[Вернуться](#)

768

Ф.О. Р.С. 65/1679. Р. 31 (Депеша Скотта Лансдоуну в Лондон, Петербург, 3 марта 1904 г.).

[Вернуться](#)

769

Когда в 1905 г., стремясь снять с себя ответственность за дальневосточную авантюру, матюнинско-абазовский Особый комитет Дальнего Востока издал сборник «Документов по переговорам с Японией 1903—1904 гг. ...» ([СПб., 1905]), МИД немедленно отреагировал публикацией специальной «Записки ...». В «Записке ...» подчеркивалось, что, во-первых, многие внешнеполитические акции Особого комитета остались МИД «совершенно неизвестными», а, во-вторых, что «взгляды и рассуждения» руководителей этого Комитета далеко не соответствовали тогдашним «правительственным воззрениям» (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Д. 4. Л. 4, 66 об.—68 об.; см. также: Россия. Министерство иностранных дел. Записка по поводу издания Особым Комитетом Дальнего Востока Сборника документов по переговорам с Японией, 1903—1904 гг. СПб, 1905. 15 с.).

[Вернуться](#)

770

Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy, 1881—1904: with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese war. New York, 1977, © 1958. P. 181, 232.

[Вернуться](#)

771

См.: Ibid. P. 230. В описании коллег-дипломатов, а затем и историков деятельность Павлова в Корее оценивается весьма разноречиво. Один из первых исследователей русско-японской войны японец Асакава Киничи уличал российского дипломата в постоянных антияпонских интригах при дворе Коджона (*Asakawa K. The Russo-Japanese Conflict. Its Causes and Issues. Cambridge, 1904. P. 273—323*). Фред Харрингтон, биограф американского миссионера и дипломата Горация Аллена (H. Allen), ссылаясь на письма своего героя из Сеула, утверждал, что зимой 1903 г. русский посланник был занят не столько выполнением служебных обязанностей, сколько «своей бесшабашной молодой женой, которая рассорила весь город» (*Harrington F.H. God, Mammon and the Japanese: Dr. Horace N. Allen and Korean-American Relations, 1884—1905. New York, 1980. P. 320*). По мнению Джона Джордана (J.N. Jordan), руководителя британской миссии в Сеуле, Павлов «был слишком агрессивным экспансионистским агентом своей страны, чтобы быть идеальным ее представителем», и его деятельность оказалась «бесплодной» (Цит. по: *Nish Ian. Korea between Russia and Japan. P. 61*).

[Вернуться](#)

772

Цит. по: *Пак Чон Хё*. Указ. соч. С. 114—115.

[Вернуться](#)

773

Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 23—24.

[Вернуться](#)

774

White J.A. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, N.J., 1964. P. 51.

[Вернуться](#)

775

The Times. 1904. February 15 (No. 37317). P. 7.

[Вернуться](#)

776

Например, осенью 1900 г. сеульский корреспондент газеты «Осака-Майнити» сообщал, будто российский посланник заявил Коджону, что отныне будет «контролировать внутренние дела Кореи и вводить реформы в администрации», а также единолично рассматривать все предложения, поступающие от «дружественных держав» (Цит. по: Современная летопись Дальнего Востока: особое прил. к Известиям Вост. ин-та. Г. 1. (Вторая половина сентября и начало октября [1900 г.]). Владивосток, 1901. С. 88). Сам Павлов, конечно, это утверждение опроверг.

[Вернуться](#)

777

The Japan Times. 1905. April 28 (No. 2453). P. 2. Среди современных специалистов эту точку зрения разделяет британский историк Ян Ниш. См: *Nish Ian. Korea between Russia and Japan, 1900—4.* P. 65.

[Вернуться](#)

778

В штабе адм. Е.И. Алексеева: (из дневника Е.А. Плансона) // Красный архив. 1930. Т. 4/5 (№ 41/42). С. 162. Однако сам Плансон, если верить воспоминаниям его тогдашних собеседников, был уверен, что войны не будет (см.: *Кефели Я.И. Опоздавшая телеграмма // Порт-Артур. Воспоминания участников.* Нью-Йорк, 1955. С. 69).

[Вернуться](#)

Переписку Курино с министром Комура на этот счет, как и их телеграфную корреспонденцию по ходу переговоров с Россией во второй половине 1903 г. – начале 1904 г., весной 1904 г. опубликовала газета “Japan Times” (телеграммы от 23 января (5 февраля) 1904 г. о разрыве дипломатических отношений см.: The Japan Times. 1904. March 26 (No. 2122). P. 5); вскоре та же переписка (и тоже по-английски) была опубликована в официозном японском альманахе “The Russo-Japanese War” ([Tokyo], 1905. April (No. 1). P. 28—50). Из опубликованных документов следовало, что о разрыве Курино якобы объявил в Петербурге 23 января (5 февраля). Однако в своем первом по возвращении на родину весной 1904 г. газетном интервью этот японский дипломат сообщил, что соответствующую ноту он направил Ламздорфу не 5-го, а днем позже – 6-го февраля 1904 г. по новому стилю (см.: The Japan Times. 1904. May 7 (No. 2158). P. 3). Объяснение этому загадочному противоречию находим в одном из донесений в Лондон британского посла в Петербурге Скотта, с которым Курино поделился приватной информацией еще 6-го числа. Оказывается, что, получив первое телеграфное указание о разрыве вечером 5-го февраля, японский дипломат никого не поставил о нем в известность, вероятно, предположив, что до Токио последняя примирительная русская нота еще не дошла, а, получив ее, МИД отменит свое предыдущее распоряжение (см.: F.O. R.C. 65/1678. P. 194 (Конфиденциальное сообщение Ч. Скотта в Лондон, Петербург, 18 февраля 1904 г.)). Однако когда в ночь на следующий день министр Комура подтвердил предписание о разрыве, ослушаться вторично Курино не посмел, но одновременно известил своего министра, что соответствующее уведомление Ламздорфу уже якобы отослал (что не соответствовало действительности). Правду он смог сказать только спустя три месяца – в мае 1904 г., когда вопрос об обстоятельствах прекращения отношений с Россией потерял прежнюю остроту.

[Вернуться](#)

F.O. R.C. 65/1684. P. 264 (Депеша Скотта Лансдоуну в Лондон, Петербург, 6 февраля 1904 г.).

[Вернуться](#)

781

Hoover Institution. V.I. Nicolaevsky Collection. 14(2). № 65 (Письмо Гартвига Суворину, Петербург, 20 марта 1904 г.).

[Вернуться](#)

782

“The Imperial Government have decided to terminate the pending negotiations and to take such independent action as they may deem necessary to defend their menaced position and to protect their rights and interests” (The Russo-Japanese War. [Tokyo], 1905. April. No. 1. P. 49).

[Вернуться](#)

783

Цит. по: *Smith F.E., Sibley N.W.* International Law as Interpreted during the Russo-Japanese War. Boston, 1905. P. 57.

[Вернуться](#)

784

См., напр.: *Takahashi Sakuyei.* International Law Applied to the Russo-Japanese War: With the Decisions of the Japanese Prize Courts. New York, 1908. P. 23.

[Вернуться](#)

785

Griskom Lloyd C. Diplomatically Speaking [by] Lloyd C. Griscom. New York, 1940. P. 241—242.

[Вернуться](#)

786

“We can not in the least admit that Russia had from the first any serious or genuine desire for peace”. И далее: “She has rejected the proposals of Our Government; the safety of Korea is in danger; the vital interests of Our Empire are menaced. The guarantees for the future which We have failed to secure by peace negotiations, We can not only seek by an appeal to arms”(The Russo-Japanese War. [Tokyo], 1905. April, no. 1. P. 56).

[Вернуться](#)

787

Цит. по: The Times. 1904. February 15 (No. 37317). P. 5

[Вернуться](#)

788

Новое время. 1904. 9 (22) марта (№ 10062). С. 3 (Интервью Р.Р. Розена корреспонденту парижской газеты «Journal» в Порт-Саиде).

[Вернуться](#)

789

По сообщению японской печати, этот разговор состоялся в резиденции Комура в Акасака и продолжался всего 20 минут. Сразу вслед за тем японский министр отправился в императорский дворец, чтобы доложить микадо о состоявшейся беседе. См.: The Japan Times. 1904. February 7 (No. 2083). P. 2.

[Вернуться](#)

790

Ответ на последние предложения Токио, весьма миролюбивый и примирительный по тону и содержанию, Николай II утвердил утром 21 января (3 февраля) 1904 г., а 22 января (4 февраля), как официально известил Ламздорф Курино, документ был телеграфом направлен наместнику Алексееву для передачи в Токио барону Розену. Впрочем, пересказывая, со слов российского министра, содержание этих предложений Петербурга британскому послу Скотту, Курино заметил, что они остаются «неприемлемыми для его правительства», поскольку «не содержат указаний на проблему Маньчжурии и территориальную целостность Китая». Таким образом, в британском посольстве в Петербурге содержание последней предвоенной ноты русского правительства вчерне узнали уже вечером 22 января (4 февраля). 23 января (5 февраля) эту же новость Скотту подтвердила жена церемониймейстера графа П.К. Бенкендорфа, а на следующий день о ней стало известно и в Форин офис (F.O. R.C. 65/1678. P. 137—138, 193 (Весьма конфиденциальные послания Скотта Лансдоуну в Лондон, Петербург, 4 и 18 февраля 1904 г.)).

[Вернуться](#)

791

Новое время. 1904. 9 (22) марта (№ 10062). С. 3.

[Вернуться](#)

792

The Times. 1904. February 16 (No. 37318). P. 3.

[Вернуться](#)

793

Ibid. March 19 ((No. 37346). P. 7. В своих воспоминаниях морской врач Я.И. Кефели, ссылаясь на чиновника дипломатической канцелярии наместника (Н.С. Мулюкина), утверждал, что «около 24—25 января» 1904 г. в Порт-Артуре было получено указание Петербурга «возобновить, во что бы то ни стало, переговоры с Японией и согласиться на ее предложения». Однако в тот же день Мулюкин «с грустью и тревогой» сообщил мемуаристу, «что телеграмма нашему посланнику в Токио не могла быть послана. Порт-артурская станция международного кабеля с Японией не могла отправить депеши, потому что Нагасаки не отвечает»; «по-видимому, – заключил российский дипломат, – телеграфное сообщение с Японией прервано»: *Кефели Я.И. Опоздавшая телеграмма. С. 67.* Из этого следует, что у наместника телеграмму Петербурга Розену в действительности не пытались ни утаить, ни задержать.

[Вернуться](#)

794

См.: *Hosoya Chihiro. Japan's Policies Toward Russia // Japan's Foreign Policy, 1868—1941: A Research Guide / Ed. by James W. Morley. New York & London, 1974. P. 365.* Джон Уайт, ссылаясь на бумаги токийского МИД, называет еще более раннюю дату – 28 декабря 1903 г. по новому стилю (*White J. Op. cit. P. 114—115*); о том, что «гэнро склонилось к убеждению, что война – единственное решение», советник токийского МИД американец Денисон (Denison) известил посланника США в Японии Грискома также в конце декабря 1903 г. См.: *Griskom Lloyd C. Op. cit. P. 239.*

[Вернуться](#)

795

The Japan Times. 1904. February 5 (No. 2081). P. 2.

[Вернуться](#)

796

The New York Times. 1904. February 8 (No. 16878). P. 1.

[Вернуться](#)

797

The Japan Times. 1905. September 11 (No. 2570). P. 2 (Интервью маршала Ямагата газете “Kokumin”. Вскоре после начала войны генерал Г. Кодама, назначенный начальником штаба Маньчжурской армии, высказал, что у Японии «есть хороший шанс выиграть на суше шесть сражений из десяти, и если это произойдет, следует ожидать вмешательства государства-посредника». Цит. по: *Hosoya Chihiro*. Op. cit. P. 365.

[Вернуться](#)

798

Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003. С. 142.

[Вернуться](#)

799

Great Britain. Committee of Imperial Defence. Official history (naval and military) of the Russo-Japanese war / [Prepared by the Historical Section of the Committee of Imperial Defense]. Vol. 1. London, 1910. P. 70.

[Вернуться](#)

800

Нирутака. «Акацуки» перед Порт-Артуром: (из дневника японского морского офицера Нирутака): пер. с нем. СПб., 1905. С. 8.

[Вернуться](#)

801

Там же. С. 8, 12.

[Вернуться](#)

802

Цит. по: Новое время. 1904. 18 марта (1 апр.) (№ 10072). С. 3.

[Вернуться](#)

803

В этой связи нам представляется не вполне убедительным утверждение современного японского историка Тиба Исао о том, что «если бы Россия ответила (на японские предложения. – *Д.П.*) быстро, и этот ее ответ (от 28 января 1904 г.) был переправлен в Японию, русско-японской войны можно было бы избежать». Цит. по: *Kato Yoko. Japan Justifies War by the “Open Door”: 1903 as Turning Point // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 2. Leiden; Boston, 2007. P. 209.*

[Вернуться](#)

804

Takahashi Sakuue. Op. cit. P. 23.

[Вернуться](#)

805

Публикатор дневника Плансона ошибочно воспроизвел его фамилию как «Мидрумо».

[Вернуться](#)

806

Нирутака. Указ. соч. С. 12—16, 21.

[Вернуться](#)

807

Цит. по: Новое время. 1904. 18 марта (1 апр.) (№ 10072). С. 3.

[Вернуться](#)

808

Нирутака. Указ. соч. С. 21.

[Вернуться](#)

809

Лилъе М.И. Дневник осады Порт-Артура. М., 2002. С. 13. Это был именно маленький домашний праздник – никакого «бала в Морском собрании», о котором впоследствии сообщала мировая печать, а вслед за ней и советский писатель Александр Степанов (автор многократно переизданного и весьма популярного в СССР романа «Порт-Артур»), никто не устраивал. Более того, некоторые очевидцы свидетельствуют, что и сам адмирал в ночь нападения не покидал борта флагманского броненосца «Петропавловск». См., напр.: *Кефе-ли Я.И.* Первый день войны // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 57—58.

[Вернуться](#)

810

Кондратенко Р.И. Из порт-артурских писем генерала Р.И. Кондратенко // Приамурские ведомости. 1905. 3 июня (№ 798). С. 3 (Письмо от 27 января 1904 г.). «Вообще, если винить кого-то, – писал Кондратенко чуть позже, – то прежде всего общее наше миролюбие и незнание свойств и замыслов противника, с которым рассуждали по-христиански, а он про себя в то время думал и затем

поступил чисто по-зверски» (Там же. 19 июня (№ 805). С. 2 (Письмо от 3 марта 1904 г.)).

[Вернуться](#)

811

Цит. по: The New York Times. 1904. February 10 (No. 16880). P. 1.

[Вернуться](#)

812

В штабе адм. Е.И. Алексеева: (из дневника Е.А. Плансона). С. 163.

[Вернуться](#)

813

В море они снова вышли в конце июня 1904 г. – «ко всеобщему изумлению в Японии», как призналась “Japan Times” (The Japan Times. 1904. June 29 (No. 2203). P. 2).

[Вернуться](#)

814

Ibid. March 3 (No. 2103). P. 3. В своем первом рапорте, опубликованном в середине февраля 1904 г., адмирал Того утверждал, что его миноносная флотилия в результате этого нападения вообще не понесла потерь.

[Вернуться](#)

815

«По частным сведениям, полученным из Чифу, – секретно телеграфировал в Главный штаб 31 января (13 февраля) 1904 г. генерал-квартирмейстер полевого штаба заместника, – японская

эскадра после столкновения у Порт-Артура понесла значительные повреждения и подошла к Чифу, имея три больших судна на буксире, а два под креном»: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27504. Л. 15 (Шифрованная телеграмма генерала В.Е. Флуга в Главный штаб, 31 января 1904 г. № 395).

[Вернуться](#)

816

Цит. по: The Japan Times. 1904. March 3 (No. 2103). P. 3.

[Вернуться](#)

817

Цит. по: Ibid. P. 5.

[Вернуться](#)

818

The Times. 1904. February 15 (No. 37317). P. 5.

[Вернуться](#)

819

Новое время. 1904. 5 (18) февр. (№ 10030). С. 2.

[Вернуться](#)

820

Цит. по: Там же. 9 (22) февр. (№ 10033). С. 3.

[Вернуться](#)

821

The Japan Times. 1904. February 9 (No. 2084). P. 2, 3.
[Вернуться](#)

822

Новое время. 1904. 3 (16) марта (№ 10056). С. 2—3.
[Вернуться](#)

823

АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1133. Л. 87; полный текст ноты см.:
Новое время. 1904. 11 (24) февр. (№ 10035). С. 2.
[Вернуться](#)

824

The Japan Times. 1904. April 3 (No. 2129). P. 3.
[Вернуться](#)

825

The New York Times. 1904. February 11 (No. 16881). P. 6.
[Вернуться](#)

826

Palmer Frederick. With Kuroki in Manchuria. New York, 1904. P. 23.
[Вернуться](#)

827

См., напр.: *Russel Frank*. The Defense of the Empire: Is not invasion possible? // The Nineteenth Century and After. Vol. LVII. New York &

London, 1905. P. 731. Международная конвенция «Об открытии военных действий», которая предусматривала, что таковые «не должны начинаться иначе, как после недвусмысленного уведомления на этот счет в форме объявления войны с указанием мотивов такого шага, либо в виде ультиматума, обуславливаемого объявлением войны», действительно, была принята позднее – в 1907 г. на 2-й Гаагской конференции.

[Вернуться](#)

828

Smith F.E., Sibley N.W. Op. cit. P. 57, 61—63.

[Вернуться](#)

829

Цит. по: The Japan Times. 1904. March 10 (No. 2109). P. 4.

[Вернуться](#)

830

Цит. по: Ibid. March 16 (No. 2113). P. 4 (Перепечатка из нью-йоркской “Sun”).

[Вернуться](#)

831

Maurice F. Russia’s Charge against Japan // The Nineteenth Century and After. Vol. LV. 1904. P. 683—684.

[Вернуться](#)

832

Приказ адмирала Е.И. Алексеев по наместничеству от 2 (15) февраля 1904 г. (№ 87) начинался констатацией, что японский флот совершил «вероломную ночную минную атаку на нашу эскадру до объявления войны» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27504. Л. 15). Приказ был прочитан на всех кораблях, во всех ротях, сотнях, эскадронах и батареях. В таких же выражениях наместник оценивал ситуацию и в телеграмме на «высочайшее имя» (Там же. Л. 29). В этой связи первые российские исследователи войны называли ее не иначе, как «японо-русской». Из отечественных авторов, пожалуй, лишь М.Н. Покровский утверждал, что нападение японцев на порт-артурскую эскадру «допускается международным правом, которое вовсе не требует непременно торжественного объявления войны» (*Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке: (от древнейших времен до конца XIX столетия). М., 1930. С. 300). В последующие годы подобные взгляды стали характеризоваться как «антиленинское извращение и вульгаризаторство», «льющее воду на мельницу японского империализма»: *Лучинин В.[В.]*. Русско-японская война 1904—1905 гг.: библиогр. указ. книж. литры на рус. и иностр. яз. М., 1940 (переплет: 1939). С. 10.

[Вернуться](#)

833

См.: *Lincoln W. Bruce*. In *War's Dark Shadow: The Russian Before the Great War*. New York, © 1983. P. 239; *Aizawa Kiyoshi*. Differences Regarding Togo's Surprise Attack on Port Arthur // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 2*. Leiden; Boston, 2007. P. 81—100.

[Вернуться](#)

834

White J. Op. cit. P. 165.

[Вернуться](#)

835

Цит. по: Русский вестник. 1904. Июль (№ 7). С. 456.

[Вернуться](#)

836

The Times. 1904. February 10 (No. 37313). P. 7.

[Вернуться](#)

837

Ibid. February 13 (No. 37316). P. 11. В сентябре 1904 г., обращаясь к кадетам учебного судна “Worcester”, принц Уэльский говорил: «Я думаю, что каждый кадет этого корабля, бывший и настоящий, должен быть горд, что человек, имя которого сегодня прославляют как великого морского начальника, в свое время служил на этом судне в течение 18 месяцев ... я счастлив, что учил величайшего адмирала Дальнего Востока», – заключил капитан-наставник морского колледжа (The Japan Times. 1904. September 2 (No. 2259). P. 2).

[Вернуться](#)

838

The New York Times. 1904. February 13 (No. 16883). P. 2; заметка “Sun” цит. по: The Japan Times. 1904. March 12 (No. 2111). P. 4. В Аннаполисе находилась (и находится по сей день) Военно-морская академия США, которую Уриу Сотокити действительно окончил в 1881 г.

[Вернуться](#)

839

The New York Times. 1904. February 21. Sunday Supplement. P. 7.

[Вернуться](#)

840

The Japan Times. 1904. June 8 (No. 2185). P. 3.

[Вернуться](#)

841

Цит. по: Ibid. April 16 (No. 2140). P. 4.

[Вернуться](#)

842

Ibid. September 2 (No. 2258). P. 3; Новое время. 1904. 21 мая (3 июня)
(№ 10135). С. 3.

[Вернуться](#)

843

Т.е., по смыслу, разящий на суше и на море.

[Вернуться](#)

844

The Times. 1904. February 13 (No. 37316). P. 12.

[Вернуться](#)

845

Цит. по: The Japan Times. 1904. April 20 (No. 2143). P. 6.

[Вернуться](#)

846

Ibid. May 14 (No. 2164). P. 3.

[Вернуться](#)

847

См., напр.: Ibid. September 10 (No. 2266). P. 6. Перепечатка статьи из “Positivist Review”, речь в которой шла о японском патриотизме как «религии нации».

[Вернуться](#)

848

The Times. 1904. February 19 (No. 37321). P. 4.

[Вернуться](#)

849

Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к русско-японской войне. Военные аспекты // Русско-японская война 1904—1905. Взгляд через столетие: между-нар. ист. сб. / под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 52.

[Вернуться](#)

850

В штабе адм. Е.И. Алексеева: (из дневника Е.А. Плансона). С. 166—167.

[Вернуться](#)

851

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 52. Л. 63 (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Сеул, 10 (23) января 1904 г.). Телеграмма доложена Николаю II.

[Вернуться](#)

852

Контр-адмирала С. Уриу, который о присутствии в Чемульпо российских военных кораблей был предупрежден командиром японского стационара крейсера «Чиода», скрытно покинувшего рейд накануне ночью. Для русских же военных моряков эта встреча явилась полной неожиданностью.

[Вернуться](#)

853

Около 3-х метров.

[Вернуться](#)

854

Английский крейсер “Talbot”, французский – «Pascal», итальянский – «Elba» и американская канонерская лодка “Vucksburg”.

[Вернуться](#)

855

Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны: (по офиц. данным, сведениям печати и показаниям очевидцев). Вып. 3. СПб., 1904. С. 67 (Донесение Павлова в МИД, Шанхай, 16 февраля / 1 марта 1904 г.). [Прил. к «Новому журн. иностр. лит., искусства и науки», 1904, № 4—12].

[Вернуться](#)

856

Новое время. 1904. 16 (29) марта (№ 10069). С. 2 (Из частного письма офицера лодки «Кореец» в Петербург, Чемульпо, 29 января (12 февраля) 1904 г.).

[Вернуться](#)

857

The Times. 1904. February 11 (No. 37314). P. 3.

[Вернуться](#)

858

The Russo-Japanese War. [Tokyo] 1904. April (No. 1). P. 75—77.

[Вернуться](#)

859

См.: The Times. 1904. September 17 (No. 37502). P. 4.

[Вернуться](#)

860

См.: Cassell's History of the Russo-Japanese War. Illustrated. Special edition. Vol. 1. London; Paris; New York & Melbourne, [1904/1905?]. P. 15—16.

[Вернуться](#)

861

Цит. по: The Japan Times. 1904. April 28 (No. 2150). P. 6.
В современной западной историографии события у Чемульпо нередко

излагаются следующим образом: «Одновременно со своей эффективной акцией в Порт-Артуре Япония направила десант в порт Сеула Инчхон. Она первой атаковала находившиеся в бухте русские суда и потопила два из них»: (*Nish Ian. Historical Introduction // The Russo-Japanese War, 1904—5: A Collection of 8 vols / Compiled & Introduced by Ian Nish. Vol. 1. Folkestone: Global Orient, 2003. P. 9—10*). Американский историк Джон Уайт пишет, что эскадра Уриу, атакованная русской канонерской лодкой «Кореец», «получила право начать военные действия и в формальном отношении» (*White J. Op. cit. P. 149*).

[Вернуться](#)

862

Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны. Вып. 3. С. 67—68.

[Вернуться](#)

863

Текст этого ультиматума японского адмирала капитану «Варяга», написанный по-английски, был позднее опубликован в официальной российской печати (Правительственный вестник. 1904. 27 апр. (10 мая) (№ 98). С. 3).

[Вернуться](#)

864

Крейсер получил несколько подводных пробоин, лишился почти всех орудий и потерял убитыми и ранеными свыше 100 членов экипажа. Потери эскадры адмирала Уриу составили 30 человек убитыми и 200 ранеными; один японский миноносец затонул, флагманский броненосный крейсер «Асама» с места сражения уволокли ремонтировать в Сасебо на буксире с сильным креном, развороченной палубой, без мачт, капитанского мостика и труб

(описания очевидцев см.: Новое время. 1904. 3 (16) марта (№ 10056). С. 2), два других японских крейсера пострадали менее серьезно. Все это не помешало Токио официально заявить, что японская эскадра не понесла вообще никаких потерь, а ее корабли получили лишь «незначительные повреждения». Именно такая информация поступила в японские зарубежные представительства, а от них переключалась на страницы западноевропейских газет (см., напр.: The Times. 1904. February 11 (No. 37314). P. 3). При этом в Лондоне уже были известны сообщения Павлова о японских потерях под Чемульпо, но редакция “Times” сочла их менее достоверными, чем официальный отчет Токио (см.: The Russo-Japanese War, 1904—5: A Collection of 8 vols. / Compiled & introduced by Ian Nish. Vol. 5: The Military Correspondent of the “Times”. Folkestone: Global Oriental, 2003. P. 66 (Compiled from articles in “The Times” of February 13, 17, 19 and 23 1904)).

[Вернуться](#)

865

Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны. Вып. 3. С. 68—69.

[Вернуться](#)

866

Цит. по: Новое время. 1904. 9 (22) февр. (№ 10033). С. 3.

[Вернуться](#)

867

Т.е. английского, французского и итальянского крейсеров. Командир американской канонерской лодки отказался принимать на борт русских раненых, что, к слову сказать, явилось поводом для весьма натянутых объяснений российского посла в Вашингтоне графа Кассини с госсекретарем Джоном Хеем (Нау). Помимо откровенно прояпонских симпатий американцев, в их недружественном поведении, вероятно,

сказалось и то, что в памяти членов экипажа этой канонерской лодки еще были живы воспоминания о драке с русскими солдатами, которая произошла у них в Петербурге летом 1902 г. Как сообщило 11 мая 1904 г. из Вашингтона агентство Рейтера, американские флотские офицеры, прочитав донесение Павлова о событиях в Чемульпо (оно появилось в российских газетах в апреле, а затем было перепечатано на Западе), потребовали официального расследования «касательно поведения командира судна “Виксбург” по отношению к русским раненым в бое при Чемульпо», – настолько это поведение не укладывалось в общепринятые нормы морской этики (Новое время. 1904. 30 апр. (13 мая) (№ 10114). С. 2).

[Вернуться](#)

868

Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны. Вып. 3. С. 69.

[Вернуться](#)

869

Донесение Павлова в МИД, Шанхай, 16 февраля (1 марта) 1904 г. // Правительственный вестник. 1904. 27 апр. (10 мая) (№ 98). С. 3.

[Вернуться](#)

870

В действительности на вооружении этого неброненосного крейсера водоизмещением 6500 т находилось 24 орудия, два из которых были 8-дюймовыми, а остальные меньших калибров.

[Вернуться](#)

871

The Times. 1904. March 17 (No. 37344). P. 8; March 19 (No. 37346). P. 6. Еще раньше аналогичное по содержанию сообщение напечатала и

“New York Times” (1904. February 10 (No. 16880). P. 2).

[Вернуться](#)

872

The New York Times. 1904. February 11 (No. 16881). P. 1.

[Вернуться](#)

873

Новое время. 1904. 28 февр. (12 марта) (№ 10052). С. 4.

[Вернуться](#)

874

Там же. 7 (20) марта (№ 10060). С. 3; 18 марта (1 апр.) (№ 10072).
С. 2.

[Вернуться](#)

875

Там же. 26 февр. (10 марта) (№ 10050). С. 3.

[Вернуться](#)

876

The Japan Times. 1904. March 17 (No. 2115). P. 3.

[Вернуться](#)

877

Ibid. March 15. (No. 2113). P. 3. Вопреки пессимистическим прогнозам европейских специалистов, ценой годичных усилий целой

технической флотилии японцы сумели крейсер поднять, затем он был ими отремонтирован, перевооружен и введен в строй под названием «Soya». В 1916 г. корабль был выкуплен Россией и получил прежнее название, в 1920 г. большевики продали его в Германию на металлолом, но при транспортировке, как бы снова не желая «сдаваться», он оторвался от буксира и затонул у британских берегов, где, по ходатайству рыбаков, впоследствии был взорван. Несмотря на это, в последующие годы образ героического крейсера явился частью советского патриотического воспитания – в 1946 г. о «Варяге» был снят художественный фильм, в 1954 г., к 50-летию описываемых нами событий, его матросы, остававшиеся в живых, были награждены медалями «За отвагу» и «За победу над Японией» (!), спустя еще два года в Туле был воздвигнут памятник В.Ф. Рудневу (под Тулой находилось его имение). Одноименный крейсер существует на российском флоте и сегодня. Остатки канонерской лодки «Кореец» японское правительство продало коммерсанту из Фукуока, остов парохода «Сунгари» также был поднят и отбуксирован на ремонт в Нагасаки.

[Вернуться](#)

878

Stites Richard. Russian Representations of the Japanese Enemy // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1. Leiden; Boston, 2005. P. 399—400.

[Вернуться](#)

879

Новое время. 1904. 9 (22) марта (№ 10062). С. 7.

[Вернуться](#)

880

The Japan Times. 1904. February 11 (No. 2086). P. 3.

[Вернуться](#)

881

Еще в августе 1903 г. корейский император направил правительствам Японии и России письмо, в котором подчеркивал корейский нейтралитет в случае будущего военного конфликта и специально просил, чтобы «никакие военные операции не производились в пределах наших границ и никакие воинские соединения не маршировали по нашей территории»: *Nish Ian. Stretching out to the Yalu ...* P. 62—63.

[Вернуться](#)

882

Правительственный вестник. 1904. 27 апр. (10 мая) (№ 98). С. 3.

[Вернуться](#)

883

Новое время. 1904. 29 апр. (12 мая) (№ 10113). С. 2.

[Вернуться](#)

884

Takahashi Sakuyei. Op. cit. P. 22.

[Вернуться](#)

885

«Многочисленная японская колония не стала праздновать триумф над поверженным противником. Гражданские японцы не пришли. Не было ни возгласа, ни другого проявления радости», — прокомментировал это обстоятельство прояпонски настроенный

западный очевидец-журналист (цит. по: The Japan Times. 1904. May 14 (No. 2164). P. 4), давая, таким образом, пример ангажированной полуправды.

[Вернуться](#)

886

Цит. по: Ibid.

[Вернуться](#)

887

Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны. Вып. 3. С. 77—78.

[Вернуться](#)

888

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3025. Л. 11.

[Вернуться](#)

889

The Japan Times. 1904. April 12 (No. 2136). P. 3; April 16 (No. 2140). P. 4.

[Вернуться](#)

890

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2972. Л. 151 об. (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 14 (27) мая 1904 г. № 163).

[Вернуться](#)

891

Там же. Д. 58. Л. 14—14 об. (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 2 (15) июля 1904 г. № 332).

[Вернуться](#)

892

Там же. Д. 2972. Л. 144 об. (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 2 (15) июля 1904 г. № 329). Имеется в виду так называемый «схема Нагамори» (по имени японского чиновника в Сеуле), согласно которой под монопольный контроль Японии сроком на 50 лет должно было перейти около двух третей всей корейской территории. Как констатирует современный исследователь, «схема Нагамори сделала корейское общество явно антияпонским»: *Ku Daeyeol*. Op. cit. P. 460—461.

[Вернуться](#)

893

История русско-японской войны, 1904—1905 гг. / под ред. И.И. Ростунова. М., 1977. С. 93—101.

[Вернуться](#)

894

Цит. по: *Бок Б.И.* Завтрак у наместника // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 24—25.

[Вернуться](#)

895

Николай II, император. Дневники императора Николая II / под ред. К.Ф. Шацилло. М., 1991. С. 192.

[Вернуться](#)

896

Лукин А.П. В 1904 году // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 35.

[Вернуться](#)

897

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3025. Л. 11 (Секретная телеграмма Ламздорфа Павлову в Шанхай, Петербург, 25 февраля 1904 г.).

[Вернуться](#)

898

Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д. 231. Л. 7—7 об. (Выписка из частного письма Павлова графу Кассини в Вашингтон, Шанхай, 11 (24) августа 1904 г.). Судя по пометам на документе, выписку из этого письма Кассини переслал Ламздорфу, а тот, в свою очередь, представил на «высочайшее благоусмотрение».

[Вернуться](#)

899

Он умер ночью после операции в пекинской больнице. В Пекине же и был похоронен.

[Вернуться](#)

900

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 25 (Секретное донесение Л.Ф. Давыдова В.Н. Коковцову в Петербург, Шанхай, 17 (31) мая 1904 г. № 3).

[Вернуться](#)

901

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 134 об.

[Вернуться](#)

902

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27504. Л. 9, 14 (Шифрованная телеграмма командующего войсками генерала Н.П. Линевича в Порт-Артур генералу В.Е. Флугу, Хабаровск, 31 января 1904 г. № 861; ответ Флуга от 2 (15) февраля 1904 г. № 59).

[Вернуться](#)

903

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 27—28.

[Вернуться](#)

904

Контр-адмирал князь П.П. У х т о м с к и й (1848—1910) после гибели адмирала С.О. Макарова с 31 марта по 3 апреля 1904 г. временно командовал Тихоокеанской эскадрой. В 1906 г. был отправлен в отставку с производством в вице-адмиралы.

[Вернуться](#)

905

АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 231. Л. 4—5.

[Вернуться](#)

906

Так, агент Русина, 36-летний Такакаси Монсаки, работавший на русского военно-морского атташе с 1889 г., был арестован сразу после начала русско-японской войны и уже 12 февраля 1904 г. предстал перед судом (The Japan Times. 1904. February 14 (No. 2088). P. 3).

[Вернуться](#)

907

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 26—27.

[Вернуться](#)

908

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки: [в 6 т. / ред. Е.М. Примаков]. Т. 1. М., 1996. С. 201. В правительственных изданиях Японии информационный контроль был ужесточен уже 9 (22) декабря 1903 г., а в первых числах января 1904 г. по новому, или в конце декабря 1903 г. по старому стилю началась «работа» и с неправительственной прессой: «Публикация статей, имеющих отношение к военным секретам, таким как мобилизация, передвижения эскадры и т.д., была полностью запрещена» (*Инаба Ч.* Из истории подготовки Японии к русско-японской войне ... С. 46, 51). Подробнее об этом см. главу V настоящей книги.

[Вернуться](#)

909

В штабе адм. Е.И. Алексеева: (из дневника Е.А. Плансона). С. 172.

[Вернуться](#)

910

Еще 26 февраля (н. ст.) японский консул в Чифу Мизуно направил владельцу подводного кабеля датской *Great Northern Telegraph Company* реляцию, которой уведомлял, что попытки починить кабель будут рассматриваться в Токио как грубое нарушение нейтралитета (см.: *The Japan Times*. 1904. March 1 (No. 2101). P. 2). С этого момента восстановление телеграфной связи с Порт-Артуром из Чифу могло производиться только скрытно.

[Вернуться](#)

911

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 130 (Секретная телеграмма Плансона Павлову в Шанхай, Мукден, 7 (20) мая 1904 г.). «Японцы, по-видимому, высаживаются у Бицзыво, – читаем в письме генерала Р.И. Кондратенко от 27 апреля 1904 г., – но сколько их – мало известно, ибо разведки ведутся очень плохо» (Приамурские ведомости. 1905. 13 июля (№ 815). С. 3). С середины мая 1904 г. подробные сведения о высадках японских войск на материке начали поступать от военного атташе в Китае полковника Ф.Е. Огородникова. Отчего запросы Павлову со стороны русского командования на этот счет прекратились.

[Вернуться](#)

912

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 105 (Секретная телеграмма Гартвига Павлову в Шанхай, Петербург, 29 мая 1904 г. № 171).

[Вернуться](#)

913

Там же. Л. 86 (Секретная телеграмма вице-адмирала Скрыдлова Павлову в Шанхай, Владивосток, 10 июня 1904 г. № 253). Главнокомандующим японской армией в Маньчжурии маршал маркиз Ояма Ивао был назначен накануне – об этом японские газеты сообщили 10 (24) июня.

[Вернуться](#)

914

Там же. Д. 2980. Л. 55 (Секретная телеграмма Грушецкого Павлову в Шанхай, Мукден, 10 февраля 1905 г.).

[Вернуться](#)

915

В штабе адм. Е.И. Алексеева: (из дневника Е.А. Плансона). С. 190.

[Вернуться](#)

916

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3025. Л. 14 об. (Секретная телеграмма Ламздорфа Лессару в Пекин, Петербург, 25 апреля 1904 г.).

[Вернуться](#)

917

Лан (лянь) – слиток серебра, имевший хождение в Китае в качестве средства расчетов, равного 1 руб. 25 коп., или 1 доллару 36 центам США.

[Вернуться](#)

918

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 28.

[Вернуться](#)

919

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2973. Л. 117 об. (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 28 июля (10 августа) 1904 г.).

[Вернуться](#)

920

См.: The Japan Times. 1904. May 11 (No. 2161). P. 3.

[Вернуться](#)

921

Сообщая об этом своему министру, Давыдов тут же добавил: «Я имел в виду распоряжение г. управляющего Министерством тайного советника Плеске стараться во всем идти рука об руку с представителями Министерства иностранных дел и стараться быть приятным наместнику. Те же указания были преподаны мне до того статс-секретарем Витте» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 24). Коковцов против такого сотрудничества тоже возражать не стал.

[Вернуться](#)

922

Там же. Л. 25.

[Вернуться](#)

923

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 132—133 (Секретные телеграммы Павлова наместнику в Мукден, Шанхай, 5 мая 1904 г. № 137, 138).

[Вернуться](#)

924

Там же. Л. 109, 125—125 об. (Секретные телеграммы Павлову в Шанхай Гартвига (Петербург, 16 мая 1904 г. № 174) и Алексеева (Мукден, 26 мая 1904 г. № 161)).

[Вернуться](#)

925

Там же. Д. 2980. Л. 115.

[Вернуться](#)

926

Самой успешной акцией такого рода стал поджог группой китайских агентов Давыдова японских цейхгаузов в Шахэдзы и Фынхуанчене в начале октября 1904 г. Особенно чувствительный урон японское интендантство понесло в Шахэдзы, где сгорело около 800 складов, в которых хранились боеприпасы, а также десятки тысяч тонн риса, сахара и другого продовольствия. Несколько японских офицеров из охраны Шахэдзы покончили жизнь самоубийством, а в Фынхуанчене более 20 местных жителей были казнены по подозрению в поджоге (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 311. Л. 2—11).

[Вернуться](#)

927

Там же. Д. 288. Л. 27.

[Вернуться](#)

928

Там же. Л. 156 (Донесение Давыдова Коковцову в Петербург, Пекин, 26 апреля (9 мая) 1905 г. № 47/836).

[Вернуться](#)

929

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 78 об.—79 об. (Секретная телеграмма Павлова наместнику в Мукден и в МИД, Шанхай, 13 июня 1904 г. № 287).

[Вернуться](#)

930

Там же. Д. 2982. Л. 104 (Секретная телеграмма Павлова наместнику в Мукден, Шанхай, 14 июня 1904 г. № 291).

[Вернуться](#)

931

The Japan Times. 1905. January 27 (No. 2379). P. 6; February 18 (No. 2396). P. 3.

[Вернуться](#)

932

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 42 (Секретная телеграмма Павлова наместнику и в МИД, Шанхай, 5 июля 1904 г. № 352).

[Вернуться](#)

933

Там же. Д. 2980. Л. 133—133 об. (Секретная телеграмма Павлова наместнику в Мукден, в МИД и в Пекин Лессару, Шанхай, 21 ноября 1904 г. № 739).

[Вернуться](#)

934

Там же. Д. 2979. Л. 130 (Секретная телеграмма Павлова в Мукден, Шанхай, 29 июля 1904 г. № 441).

[Вернуться](#)

935

Там же. Д. 2978. Л. 2 (Секретная телеграмма Павлова в Мукден и в МИД, Шанхай, 22 июля 1904 г. № 413).

[Вернуться](#)

936

Там же. Д. 2979. Л. 109 (Секретная телеграмма Павлова в поезд наместника в Харбин, Шанхай, 18 августа 1904 г. № 516).

[Вернуться](#)

937

Там же. Д. 2980. Л. 125—125 об., 130 об. (Секретные телеграммы Павлова в Мукден, Шанхай, 21 и 24 ноября 1904 г. № 739—752).

[Вернуться](#)

938

Там же. Л. 133 (Секретная телеграмма Павлова в Мукден, Шанхай, 21 ноября 1904 г. № 739).

[Вернуться](#)

939

Там же. Л. 10 (Секретная телеграмма Павлова в Мукден, Шанхай, 24 октября 1904 г. № 662).

[Вернуться](#)

940

Там же. Д. 2979. Л. 127—127 об. (Секретная телеграмма Павлова наместнику во Владивосток, Шанхай, 4 августа 1904 г. № 465).

[Вернуться](#)

941

Там же. Д. 2980. Л. 125 об.

[Вернуться](#)

942

Там же. Л. 104 об. (Секретная телеграмма Павлова в главную квартиру в Мукден, Шанхай, 8 декабря 1904 г. № 787).

[Вернуться](#)

943

Hosoya Chihiro. Op. cit. P. 365—366.

[Вернуться](#)

944

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 44—44 об. (Секретная телеграмма Павлова в Гунжулин и в МИД, Шанхай, 19 марта 1905 г.). То, что «идея заключения после войны наступательного и оборонительного союза с Россией становится все более и более популярной в Японии», немецкий врач Эрвин Бэльц отметил в своем дневнике еще в середине декабря 1904 г. (*Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz*. P. 331).

[Вернуться](#)

945

Решение отправить своих молодых подданных на учебу в Россию корейский император принял еще в середине 1903 г., осознавая, что «только с людьми, получившими высшее образование, корейское правительство в состоянии будет устроить реформы в своей стране и бороться против эксплуатации японцев и широких appetites других иностранцев» (Новое время. 1903. 18 июня (1 июля) (№ 9800)). В числе десятка посланных были сыновья одного из его министров и дети других сановников.

[Вернуться](#)

946

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2982. Л. 143—143 об. (Весьма секретное письмо Павлова наместнику в Мукден, Инькоу, 15 (28) апреля 1904 г. № 70).

[Вернуться](#)

947

Там же. Л. 135 (Секретная телеграмма Алексеева Павлову в Шанхай, Мукден, 7 (20) мая 1904 г. № 111).

[Вернуться](#)

948

Иначе – О-оун-сек.

[Вернуться](#)

949

Характерно, что Павлов заранее выговорил у наместника право корейских «воспитанников» после окончания войны закончить образование в России.

[Вернуться](#)

950

Или 3500—3700 современных долларов США; оклад самого Бирюкова был определен в 400 руб. в месяц, т.е. вчетверо больше. Для сравнения приведем тогдашнее месячное денежное довольствие японских военнослужащих: рядовой – 15 иен, унтер-офицер – 20, фельдфебель – 25, поручик – 50, капитан —70, майор – 100, подполковник – 140, полковник – 170 и генерал – от 260 до 500 иен.

Получается, что оклад русского капитана соответствовал жалованью японского генерала, командира дивизии.

[Вернуться](#)

951

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2982. Л. 72 (Секретная телеграмма Бирюкова Павлову в Шанхай, Новокиевское, 22 июля (4 августа) 1904 г. № 312).

[Вернуться](#)

952

Там же. Д. 2978. Л. 63 (Секретная телеграмма Скрыдлова Павлову в Шанхай, Владивосток, 22 июня (5 июля) 1904 г. № 229).

[Вернуться](#)

953

Там же. Д. 2973. Л. 21—22 (Весьма секретное письмо Павлова наместнику в Порт-Артур, Дашичао, 12 (25) апреля 1904 г. № 69).

[Вернуться](#)

954

Пак Чон Хё. Указ. соч. С. 212.

[Вернуться](#)

955

Там же.

[Вернуться](#)

956

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 12—12 об. (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Мукден, 17 (30) июля 1904 г. № 403).

[Вернуться](#)

957

Там же. Д. 59. Л. 179—180 об. (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 20 августа (2 сентября) 1904 г. № 522).

[Вернуться](#)

958

Там же. Д. 2982. Л. 46, 39 (Секретная телеграмма Павлова Бирюкову в Ново-киевское, Шанхай, 22 сентября 1904 г. № 607 и ответная телеграмма Бирюкова Павлову в Шанхай от 6 октября 1904 г. за № 35). В подлинности запроса Коджона Бирюков, однако, усомнился: «Император окружен внутренним и внешним караулом японцев и шпионами, – писал он. – Является сомнение, что запрос об учениках исходит [от] имени императора от японцев».

[Вернуться](#)

959

Корейский дипломат имел в виду провинцию Хам-кион-до (административный центр – г. Хам-Хынг), пограничную с китайской Маньчжурией и русским Южно-Уссурийским краем.

[Вернуться](#)

960

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 60. Л. 149 (Копия с секретного письма корейского посланника в Петербурге Чин-пом-и генерал-адъютанту

А.Н. Куропаткину, С.-Петербург, 23 сентября 1904 г.).

[Вернуться](#)

961

Там же. Л. 122 об. (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 17 (30) сентября 1904 г.).

[Вернуться](#)

962

The Japan Times. 1904. October 23 (No. 2301). P. 2.

[Вернуться](#)

963

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2981. Л. 13—13 об. (Копия секретной телеграммы Огородникова в полевой штаб главнокомандующего в Гунжулин (№ 1121) и в Главное управление Генштаба в Петербург (№ 1122), Пекин, 16 (29) июля 1905 г.) .

[Вернуться](#)

964

Там же. Д. 2982. Л. 139—140 (Секретная телеграмма Павлова наместнику в Мукден, Тяньцзин, 25 апреля 1904 г. № 112).

[Вернуться](#)

965

Там же. Д. 2972. Л. 142 об. (Секретная телеграмма Павлова в МИД с переводом личного послания корейского императора Николаю II от 1 июля 1904 г., Шанхай, 2 (15) июля 1904 г. № 330).

[Вернуться](#)

966

Там же. Д. 2980. Л. 71 об. (Секретная телеграмма Павлова в штаб главнокомандующего в Мукден, Шанхай, 22 января (4 февраля) 1905 г. № 45).

[Вернуться](#)

967

Там же. Д. 64. Л. 40 (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 23 января (5 февраля) 1905 г. № 47).

[Вернуться](#)

968

Там же. Л. 229 об.

[Вернуться](#)

969

Там же. Д. 1424. Л. 122—130 об. (Секретное письмо Бологовского Гартвигу в Петербург, Гонконг, 12 (25) июня 1905 г.). Гартвиг предложение Бологовского не поддержал и наложил такую резолюцию: «Спрашивается – зачем создавать каких-то агентов и инспекторов, когда для предположенной им работы существуют консулы?». Несмотря на то, что в 1906 г. интерес к этому проекту проявило Главное управление Генштаба (его делопроизводитель Адабаш отозвался о нем как «в высшей степени интересном» и запросил для изучения в Генштаб), идея создания «Азиатского разведочного бюро» была положена под сукно.

[Вернуться](#)

970

Там же. Д. 2980. Л. 147 (Секретная телеграмма Бологовского Павлову в Шанхай, Гонконг, 5 ноября 1904 г. № 144).

[Вернуться](#)

971

Там же. Д. 2979. Л. 72—72 об. (Письмо Бологовского Павлову в Шанхай, Гонконг, 31 августа (13 сентября) 1904 г.).

[Вернуться](#)

972

Там же. Л. 22—22 об. (Секретная телеграмма Бологовского Павлову в Шанхай, Гонконг, 13 октября 1904 г. № 131; Д. 2978. Л. 40). В июне 1904 г. британский министр колоний в интервью газете «Partie» выразился на тот же счет следующим образом: «Несомненно, Япония возьмет Порт-Артур для того, чтобы нам его потом отдать в вознаграждение за ту материальную помощь, которую мы ей оказали во время настоящей войны. Это включено в наши условия» (Русский вестник. 1904. Июль (№ 7). С. 469—470).

[Вернуться](#)

973

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2979. Л. 22 об.

[Вернуться](#)

974

В июне 1904 г. Давыдов был переведен в Пекин управляющим местного отделения Русско-Китайского банка, но связей с «шанхайской агентурой» не утратил.

[Вернуться](#)

975

История русско-японской войны, 1904—1905 гг. / под ред. И.И. Ростунова. С. 251.

[Вернуться](#)

976

Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. М., 2002. С. 187, 198, 230, 239, 251, 257. См. также: *Ефимович П.В.* Перед концом Порт-Артура // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 102. Одно из наиболее полных описаний самой осады: *Лишин А.* Осада Порт-Артура в 1904 году // Книга о Порт-Артуре. Дайрен, 1940. С. 9—57.

[Вернуться](#)

977

Лилье М.И. Указ. соч. С. 258.

[Вернуться](#)

978

The Times. 1907. February 9 (No. 38252). P. 7; Книга о Порт-Артуре. Дайрен, 1940. С. 147; *Дудоров Б.П.* Флот и крепость // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 20—21.

[Вернуться](#)

979

Осенью 1904 г. Международное общество Красного Креста, «движимое исключительно гуманностью», обратилось к японскому правительству с просьбой разрешить на специально зафрахтованном пароходе доставить в Артур медицинские принадлежности, но Токио категорически отказал. См.: АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1191. Л. 59 об.

(Телеграмма Ламздорфа Бенкендорфу в Лондон, С.-Петербург, 16 (29) ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

980

The Japan Times. 1904. July 19 (No. 2220). P. 2.

[Вернуться](#)

981

Ibid. September 3 (No. 2260). P. 2.

[Вернуться](#)

982

См.: *Takahashi Sakuyei*. Op. cit. P. 712—721.

[Вернуться](#)

983

Цит. по: Речь. 1908. 20 марта (№ 68).

[Вернуться](#)

984

Лилье М.И. Указ. соч. С. 216.

[Вернуться](#)

985

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 311. Л. 130 (Секретная телеграмма Давыдова наместнику в Мукден, Пекин, 5 (18) октября 1904 г. № 693).

[Вернуться](#)

986

АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 231. Л. 6 об.

[Вернуться](#)

987

В 1908 г. этот пройдоха, к тому времени успевший принять американское подданство, был привлечен к суду за мошенничество. Подрядившись развести 1200 китайцев из Шанхая по разным китайским портам, Циммерман обманом увез их за океан – в Мексику, где фактически продал в рабство подрядчикам по постройке железной дороги. См.: Новое время. 1908. 6 (19) апр.

[Вернуться](#)

988

По другой версии – на затопленный японцами брандер.

[Вернуться](#)

989

В этот день Лилье, который ни в какие секреты посвящен не был, простодушно отметил в своем дневнике: «Сегодня прибыла из Чифу шаланда, посланная некоей г-жей Циммерман своему мужу. На ней привезено 200 пар солдатских сапог, 79 пудов солонины и два ящика пива. Из письма г-жи Циммерман к мужу видно, что у генерала Куропаткина было в начале сентября большое сражение» (*Лилье М.И.* Указ. соч. С. 199).

[Вернуться](#)

990

Там же. С. 288.

[Вернуться](#)

991

The Japan Times. 1904. December 24 (No. 2352). P. 2.

[Вернуться](#)

992

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 63. Л. 153.

[Вернуться](#)

993

Цит. по: Современная летопись Дальнего Востока: особое прил. к Известиям Вост. ин-та. Г. 1. Владивосток, 1901. С. 702 (цитата из газеты “Ji-Ji”).

[Вернуться](#)

994

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2979. Л. 11; Д. 2980. Л. 126, 131, 141.

[Вернуться](#)

995

Претензии китайского адмирала выглядели следующим образом: для начала «на подкуп влиятельных лиц» на Формозе – 100 тыс. лан; «при успехе он и его семь сыновей будут приняты в русское подданство дворянами и ему дадут 10 000 руб. ежегодной пенсии и чин генерала, а в случае, если он будет убит, выплатят семье его 80 000 руб.»: Там же. Ф. 150. Оп. 493. Д. 575. Л. 3 (Секретная телеграмма Куропаткина Николаю II, Чансямутунь, 18 декабря 1904 г. № 2660).

[Вернуться](#)

996

Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 63. Л. 167—168, 175—176 (Секретные телеграммы в МИД Павлова (Шанхай, 22 декабря 1904 г.) и Лессара (Пекин, 22 декабря 1904 г.)).

[Вернуться](#)

997

Там же. Д. 2980. Л. 80 (Секретная телеграмма Бологовского Павлову в Шанхай, Гонконг, 2 января 1905 г. № 162).

[Вернуться](#)

998

Diplomatic Record Office. Zai Shanghai gyōji raiden, meiji 38 nen 1 gatsu yori 6 gatsu ni itaru (Телеграммы генерального консула в Шанхае в МИД за январь – июнь 1905 г. Секретная телеграмма Одагири Комура в Токио, Шанхай, 3 февраля 1905 г. № 43).

[Вернуться](#)

999

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 26 (Секретная телеграмма Бологовского Павлову в Шанхай, Гонконг, 23 апреля 1905 г. № 30).

[Вернуться](#)

1000

Там же. Л. 16 (Секретная телеграмма Барбея Павлову в Шанхай, Амой, 27 апреля 1905 г.).

[Вернуться](#)

1001

Цит. по: *Sergeev E. Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904—05: Secret Operations on Land and at Sea.* London; New York, 2007. P. 180.

[Вернуться](#)

1002

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3027. Л. 60 (Заключение МИД по «делу Павлова», Петербург, осень 1909 г.).

[Вернуться](#)

1003

Там же. Д. 2973. Л. 145 (Секретная телеграмма Павлова Лессару в Пекин, Шанхай, 5 марта 1905 г. № 117).

[Вернуться](#)

1004

Руководитель «шанхайской агентуры» оказался предусмотрительнее Давыдова и в своих донесениях имя Бале упоминать избегал, ссылаясь на «сведения Б. из Иокогамы» или просто – «письмом из Иокогамы». Оригиналы донесений Бале в Шанхае уничтожались – в бумагах «шанхайской агентуры» сохранилась только одна его собственноручная записка Павлову незначительного содержания.

[Вернуться](#)

1005

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 311. Л. 231 (Секретная телеграмма Давыдова генералу Линевичу, Пекин, 29 мая (11 июня) 1905 г. № 1109).

[Вернуться](#)

1006

Там же. Л. 260 (Секретная телеграмма Давыдова генералу Орановскому, Пекин, 28 июня (5 июля) 1905 г. № 1260).

[Вернуться](#)

1007

Богуэн был признан виновным и осужден, но в начале июля 1905 г. помилован микадо и тут же выслан из страны. См.: Приамурские ведомости. 1905. 6 июля (№ 812). С. 4.

[Вернуться](#)

1008

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 311. Л. 260—267, 314.

[Вернуться](#)

1009

О них подробнее см.: *Купчинский Ф.[П.]*. «Герои» тыла: (очерки преступной деятельности чинов Интендантского ведомства во время Русско-Японской войны). СПб., 1908.

[Вернуться](#)

1010

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3025. Л. 15 об. (Секретная телеграмма Павлова Ламздорфу в Петербург, Шанхай, 8 августа 1905 г.).

[Вернуться](#)

1011

Рассвет. 1905. 2 (15) апр. (№ 93). Как в этом случае с «Варягом» и «Корейцем», в своих последующих газетных выступлениях князь вволю «набончил» и по многим другим вопросам, в том числе относительно своих личных отношений с Павловым. «Самым категорическим образом заявляю, что выдумка Павлова, будто я питал или питаю малейшую злобу к нему, – прием ... крайне неблагоприятный, если не сказать резче... – писал он. – Мотивов ненавидеть его, совершенно мне безразличного человека, у меня не было, да и не могло быть» (С.-Петербургские ведомости. 1908. 1 апр.; 5 апр.).

[Вернуться](#)

1012

Речь. 1908. 20 марта (№ 68).

[Вернуться](#)

1013

Новое время. 1908. 26 марта.

[Вернуться](#)

1014

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3027. Л. 112—112 об.

[Вернуться](#)

1015

Впрочем, сам генерал П.Н. Линевиц, очевидно, понимая сложность ситуации, в которой пришлось действовать Павлову, не выказывал по поводу этой покупки какого-либо недовольства. 24 мая 1905 г. он телеграфом запросил у камергера сведений о характеристиках «Эльдорадо» (его скорости, водоизмещении, грузоподъемности и т.д.), имея в виду либо вернуть его бывшему владельцу «без большой потери для казны», либо («если убыток большой») «отправить пароход

кругом в Николаевск и пользоваться им для сообщений с Сахалином»: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29036. Л. 155 (Секретная телеграмма генерала Линевича в Шанхай Павлову (через Давыдова в Пекине) от 24 мая 1905 г. № 6292/1674).

[Вернуться](#)

1016

История этого вопроса такова. 9 апреля 1905 г. князь Ливен от лица адмирала попросил Павлова прислать «немедленно во что бы то ни стало и побольше угля в Сайгон». Камергер тут же купил пароходы (часть зафрахтовал) и весь кардиффский уголь, который в тот момент смог достать в Шанхае, но, не успев его отправить по назначению, получил новое указание Рожественского: «Прошу не посылать ни одного угольщика на эскадру. Все были бы захвачены японцами. Эскадра пока имеет уголь». Князь Ливен 28 апреля 1905 г. телеграфировал из Сайгона: «Пришло много угольщиков, горячка насчет угольщиков прекратилась, но лично думаю, Вы хорошо сделаете, если будете держать пароходы с углем наготове. Когда адмирал подымается на север, всякую минуту может случиться внезапное требование угля» (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3424. Л. 3 (Секретная телеграмма Ливена в Шанхай Павлову, Сайгон, 28 апреля 1905 г. № 69)). Вывод комиссии Фролова: «Покупка 11,5 тысяч тонн угля, трех пароходов, также фрахтовка двух пароходов произведены без всякого основания и в явный ущерб казне» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3027. Л. 146—147). Как говаривал вождь мирового пролетариата, «формально правильно, а по сути – издевательство». Характерно, что в свое время на докладе Павлова в МИД об этих своих экстренных шанхайских закупках Николай оставил резолюцию: «Правильно» (Там же. Д. 66. Л. 43 (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 5 (18) апреля 1905 г. № 199)).

[Вернуться](#)

1017

Там же. Д. 3027. Л. 112.

[Вернуться](#)

1018

Там же. Л. 29.

[Вернуться](#)

1019

В свое время Павлов извещал Петербург, что билет одного «госпитального» пассажира обошелся ему в 460 руб., тогда как провоз одного здорового «нижнего чина» стоил вдвое меньше (230 руб.). Тогда, в апреле 1905 г., эти расценки не вызвали возражений ни в МИД, ни у самого императора. См.: Там же. Д. 66. Л. 27 (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 3 (16) апреля 1905 г. с пометой о прочтении Николаем II).

[Вернуться](#)

1020

Там же. Д. 3027. Л. 154 об.

[Вернуться](#)

1021

Там же. Л. 115 об.

[Вернуться](#)

1022

Там же. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 2518.

[Вернуться](#)

1023

Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 189 об.—190 об. (Секретное донесение Поляновского Сементковскому в Петербург, Нагасаки, 12 (25) мая 1906 г. № 83).

[Вернуться](#)

1024

Там же. Л. 132 (Секретная телеграмма Покотилова Павлову в Шанхай, Пекин, 27 октября 1905 г. № 723).

[Вернуться](#)

1025

Там же. Л. 191 (Секретное письмо Коковцова Извольскому, Петербург, 24 мая 1906 г. № 2727).

[Вернуться](#)

1026

Там же. Л. 189 (Секретное письмо Поляновского Сементовскому в МИД, Нагасаки, 12 (25) мая 1906 г. № 83).

[Вернуться](#)

1027

Интересно, что при этом Коковцов ссылался на японский опыт: после окончания войны Одагири был перемещен с поста Генерального консула в Шанхае на должность главного инспектора местного отделения Иокогама Специе Банка (Там же. Л. 193 (Письмо Коковцова Извольскому, Петербург, 24 мая 1906 г. № 2727)).

[Вернуться](#)

1028

Никитин (Фокагитов) Д.В. В дни осады Порт-Артура // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1995. С. 81.

[Вернуться](#)

1029

Slavic Review. 2001. Vol. 1, no. 60. P. 180.

[Вернуться](#)

1030

Mikhailova Yulia. Images of Enemy and Self: Russian ‘Popular Prints’ of the Russo-Japanese War” // Acta Slavica Iaponica. 1998. Т. 16. P. 54—73; *Седых В.А.* Трансформация восприятия войны русским обществом в конце XIX – начале XX в. // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск, 2007; *Barlett Rosamund.* Japonisme and Japanophilia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // The Russian Review. 2008. Vol. 1, no. 67. P. 8—33; *Oleinikov D.* The War in Russian Historical Memory // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / John W. Steinberg et al. (eds.). Vol. 1. Leiden; Boston, 2005. P. 509—522.

[Вернуться](#)

1031

См.: *Lehmann J.P.* The Image of Japan: From Feudal Isolation to World Power, 1850—1905. London, 1978; The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad: Selected Proceedings, The University of British Columbia, 8—10 May 1988 / ed. by Kin’ya Tsuruta. Vancouver, 1989; *Молодяков В.* «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. Москва; Токио, 1996; *Malia Martin.* Russia under Western Eyes: From the Bronze

Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, Mass., 1999; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. III—IV / под ред. А.В. Голубева. М., 2006—2007; Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images / Yulia Mikhailova & M. William Steele (eds). Folkestone: Global Oriental, 2008; и др.

[Вернуться](#)

1032

См., напр.: *Ogle Marbury Bladen, Jr.* Public Opinion and Political Dynamics. Boston, 1950.

[Вернуться](#)

1033

McReynolds Louise. The News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991. P. 7.

[Вернуться](#)

1034

Это была речь барона Суэмацу Кэнтё, посланного с пропагандистской миссией в Великобританию, произнесенная по-английски на борту парохода “*Yuo-maru*” перед спутниками-иностранцами по случаю Дня японской Конституции (*Matsumura M.* Introduction // *Suematsu Kencho.* The Risen Sun. Folkestone: Global Oriental, 2004. P. 2. (Japanese Propaganda. Selected Readings. Series 1: Books 1872—1943 / Peter O'Connor, ed.; Vol. 3)).

[Вернуться](#)

1035

The Russo-Japanese War in Cultural Perspective / ed. by David Wells & Sandra Wilson. Palgrave, 1999. P. IX (Preface).

[Вернуться](#)

1036

Matsumura M. Introduction. P. 8.

[Вернуться](#)

1037

См.: *Valliant R.B.* The Selling of Japan: Japanese Manipulation of Western Opinion, 1900-1905 // *Monumenta Nipponica*. 1974. Vol. 4, no. 29; *Мацумура Масаёси*. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904-1905 гг. // *Россия и АТР*. Владивосток, 2002. № 4 (38). С. 63—70; *Куланов А., Молодяков В.* Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. С. 67—141); *Павлов Д.* Япония эпохи Мэйдзи в восприятии западного сообщества: технологии западноориентированного имиджмейкинга // *Россия XXI*. 2009. № 3. С. 58—91.

[Вернуться](#)

1038

Ignat'ev A.V. The Foreign Policy of Russia in the Far East at the Turn of the Nineteenth and Twentieth Centuries // *Imperial Russian Foreign Policy / ed. a. transl. by Hugh Ragsdale*. [Washington]: Woodrow Wilson Center Press; Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 253. Говоря о «тотальности» этой войны для Японии, А.В. Игнатъев имел в виду масштаб мобилизации ресурсов страны. В новейшей историографии об истории появления и смысловой нагрузке этого термина см.: *Фёрстер С.* Тотальная война: концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861—1945 гг. // *Опыт мировых войн в истории России*. Челябинск, 2007. С. 12—27.

[Вернуться](#)

1039

Подробнее об этом см: *Павлов Д.Б.* Япония на рубеже XIX—XX вв.: технология создания позитивного образа на Западе // Япония, 2009: ежегодник / ИВ РАН. М., 2009. С. 235—259.

[Вернуться](#)

1040

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 35.

[Вернуться](#)

1041

Stead Alfred. Japan's Aspirations and Internationalism // *Fortnightly Review.* 1904. August. P. 314.

[Вернуться](#)

1042

См.: *Reed Christopher A.* Gutenberg in Shanghai: Chinese Print Capitalism, 1876—1937. Honolulu, HI: University of Hawai'i Press, 2004. P. 103—104, 200; *Printing and Book Culture in Late Imperial China / Cynthia J. Brokaw & Kai-wing Chow (eds.).* Berkeley; Los Angeles; London, 2005. P. 32—33.

[Вернуться](#)

1043

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 34—35.

[Вернуться](#)

1044

См.: The Japan Times. 1904. April 8 (No. 2133).

[Вернуться](#)

1045

См.: *Greener William O.* A Secret Agent in Port Arthur. London, 1905. P. 193.

[Вернуться](#)

1046

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 168 об. (Записка Середина-Сабатина директору I-го департамента МИД Гартвигу, С.-Петербург, 24 февраля 1906 г.).

[Вернуться](#)

1047

Стромов А. [Распопов Н.А.]. Письма с Востока. Еще о необходимости русского органа на Востоке // Новое время. 1903. 7 (20) июля (№ 9819).

[Вернуться](#)

1048

Shimazu Naoko. 'Love Thy Enemy': Japanese Perceptions of Russia // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1. Leiden; Boston, 2005. P. 366.

[Вернуться](#)

1049

The History of "The Times". Vol. 3: The Twentieth Century Test, 1884—1912. London, 1947. P. 387, 388, 392.

[Вернуться](#)

1050

Hughes Michael. Diplomacy Before the Russian Revolution: Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894—1917. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: McMillan Press; New York: St. Martin's Press, 2000. P. 38.

[Вернуться](#)

1051

Андроник, архимандрит. О Японии: (воспоминания и впечатления бывшего японского миссионера) // Русский вестник. 1904. Т. 291, май. С. 68.

[Вернуться](#)

1052

Новое время. 1904. 5 (18) февр. (№ 10030).

[Вернуться](#)

1053

Известия Восточного института. Владивосток, 1904. Т. 4—9. Приложение: Протоколы заседаний конференции Восточного института за 1902—1903 академический год. С. 1 (Заседание 2 сентября 1902 г.).

[Вернуться](#)

1054

Стрюченко И.Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции (1895—1907). Владивосток, 1982. С. 229.

[Вернуться](#)

1055

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 52. Л. 264 (Секретная телеграмма Бологовского в МИД, Гонконг, 30 января (12 февраля) 1904 г. с отметкой о «высочайшем» прочтении).

[Вернуться](#)

1056

Там же. Д. 1424. Л. 3—3 об. (Письмо министра внутренних дел В.К. фон Плеве министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу, Петербург, 23 апреля 1904 г. № 4548).

[Вернуться](#)

1057

Другими словами, газета была убыточной. По оценке русских издателей-современников, рентабельность печатного органа в те годы могло обеспечить не менее тысячи годовых подписчиков – «розница слишком колебалась в зависимости от злобы дня, местных сенсаций и успеха воскресного фельетона»: *Перцов П.П.* Литературные воспоминания, 1890—1902 гг. М., 2002. С. 39.

[Вернуться](#)

1058

В русских документах его именовали Ваном или Хуаном.

[Вернуться](#)

1059

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 26626. Л. 74 (Шифрованная телеграмма капитана А.Е. Едрихина в Мукден полковнику М.Ф. Квецинскому,

Шанхайгуан, 6 мая 1904 г. № 103).

[Вернуться](#)

1060

Там же. Д. 29050. Л. 1 (Письмо генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего генерал-майора В.А. Орановского Квецинскому, Годзядянь, 28 марта 1905 г. № 3617).

[Вернуться](#)

1061

Там же. Ф. 447 (Коллекция документов «Китай»). Оп. 1. Д. 80. Л. 32, 37, 45.

[Вернуться](#)

1062

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 6 (Секретная телеграмма наместника Алексева в Петербург графу Ламздорфу, Мукден, 4 (17) июня 1904 г. № 156).

[Вернуться](#)

1063

Там же. Л. 8 (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 7 (20) июня 1904 г.).

[Вернуться](#)

1064

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 36 (Секретное донесение Давыдова министру финансов Коковцову, Шанхай, 17 (30) июня 1904 г.).

[Вернуться](#)

1065

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 57. Л. 34—35 об. (Секретная телеграмма Павлова наместнику в Мукден, Шанхай, 8 (21) июня 1904 г.).

[Вернуться](#)

1066

Там же. Д. 1424. Л. 94.

[Вернуться](#)

1067

Там же. Л. 172 об. (Докладная записка Середина-Сабатина Гартвигу, С.-Петербург, 24 февраля 1906 г.).

[Вернуться](#)

1068

Там же. Л. 96—97.

[Вернуться](#)

1069

Там же. Л. 142 (Секретное письмо Павлова посланнику в Китае Покотилкову, Шанхай, 13 ноября 1905 г.).

[Вернуться](#)

1070

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 56—56 об. (Всеподданнейшая записка министра финансов Коковцова «О предложении своих услуг

корреспондентами телеграфных агентств Рейтера и Associated Press», С.-Петербург, 13 августа 1904 г.).

[Вернуться](#)

1071

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 197 об. (Доверительное письмо Коковцова министру иностранных дел Извольскому, С.-Петербург, 14 июня 1906 г.).

[Вернуться](#)

1072

РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 84. Л. 22 (Рапорт военного агента в Китае полковника Огородникова в штаб главнокомандующего, Пекин, 16 февраля 1906 г. № 99).

[Вернуться](#)

1073

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 113—113 об.; Д. 2985. Л. 43 (Секретные телеграммы Плансона в МИД (с изложением телеграмм Павлова из Шанхая от 2 (15) октября 1904 г.) и Павлову в Шанхай (от 4 (17) октября 1904 г.)).

[Вернуться](#)

1074

Schmid A. Korea between Empires, 1895—1919. New York: Columbia University Press, 2002. P. 53, 166.

[Вернуться](#)

1075

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29090. Л. 159 (Записка комиссаров Мукденской и Гиринской провинций полковников М.Ф. Квецинского и М.А. Соковнина в штаб главнокомандующего, 21 июня 1905 г.).

[Вернуться](#)

1076

Там же. Л. 160.

[Вернуться](#)

1077

Помимо ежемесячной субсидии от «шанхайской агентуры» в 500 лан редакция этой газеты получала готовые статьи, написанные помощником Огородникова штабс-капитаном бароном С.В. Ховеном, который одновременно корреспондировал в шанхайскую «Der Ost-Asiatischer Lloyd» и тяньцзинскую «Courrier de Tien-Tsin».

[Вернуться](#)

1078

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2985. Л. 9.

[Вернуться](#)

1079

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29090. Л. 160 об. (Объяснительная записка Квецинского и Соковнина в штаб главнокомандующего, 21 июня 1905 г.).

[Вернуться](#)

1080

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 155 (Секретная телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 19 января 1906 г.); РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7014. Л. 12 (Копия секретной телеграммы Павлова в МИД, Шанхай, 16 января 1906 г.).

[Вернуться](#)

1081

Цит. по: The Japan Times. 1905. April 13 (No. 2440).

[Вернуться](#)

1082

Ibid. April 23 (No. 2449).

[Вернуться](#)

1083

Knightley Phillip. The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Kosovo. Rev. ed. Baltimore; London, 2000. P. 43.

[Вернуться](#)

1084

Palmer Frederick. With Kuroki in Manchuria. New York, 1904. P. 28.

[Вернуться](#)

1085

«Везде, в канцеляриях, в кофейнях, ресторанах, клубах, гостиных, в делегациях, в печати, на конках, везде один и тот же вопрос: за русских или за японцев, – описывал увиденное в феврале 1904 г. в одной из западноевропейских столиц (в Вене) корреспондент “Нового

времени”, – ... общество разделилось на два враждебных стана. Одни с жаром доказывают, что Япония – представительница Европы в Азии, Россия – представитель Азии в Европе; другие знают только одно: белая раса, желтая раса, и баста ... если школьники доходят до кулаков, то взрослые устраивают словесные баталии с форменным пеноизвержением» (Новое время. 1904. 14 (27) февраля (№ 10038)).

[Вернуться](#)

1086

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293. Л. 265—266 об. («Список корреспондентам, состоящим при Маньчжурской армии»), 608—610 («Список военным корреспондентам, узаконенным заместителем его императорского величества на Дальнем Востоке». Составлен 22 сентября 1904 г.).

[Вернуться](#)

1087

Там же. Л. 46—46 об. (Рапорт коллежского советника Латкина командующему Маньчжурской армией, 17 марта 1904 г.).

[Вернуться](#)

1088

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 52. Л. 267 (Секретная телеграмма Нелидова в МИД, Париж, 30 января (12 февраля) 1904 г.).

[Вернуться](#)

1089

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293. Л. 320—321 (Письмо Куропаткину графа Бенкендорфа, Лондон, 9 (22) апреля 1904 г.); 335—335 об. (Письмо Куропаткину чиновника по дипломатической части А.Н. Грушецкого, Ляоян, 10 июня 1904 г.); 326а—327 и 612—

613 (Письма Куропаткину Извольского, Копенгаген, 30 марта и 28 апреля 1904 г.); 338—338 об. (Копия с письма заместителю Алексею графа Ламздорфа, С.-Петербург, 16 февраля 1904 г.).

[Вернуться](#)

1090

«Высочайшее» одобрение было подкреплено и материально. «На осуществление задуманного им предприятия» Иессену в Петербурге была выдана тысяча рублей единовременно и еще три тысячи на последующие полгода, из расчета 500 руб. в месяц (вероятно, царь считал, что более полугодом Япония против России не выстоит) (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 70. Л. 173 (Всеподданнейшая записка графа Ламздорфа, С.-Петербург, 19 августа 1905 г.)).

[Вернуться](#)

1091

Иностранные журналисты могли корреспондировать из расположения армии на французском, немецком и английском языках, которыми владели штабные цензоры. Иессену было позволено телеграфировать свои сообщения по-датски, но лишь после их личного прочтения военным цензором вслух по-французски. Брунн в виде такого же исключения получил право состоять при штабе главнокомандующего.

[Вернуться](#)

1092

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293. Л. 345 (Записка Куропаткина от 24 июня 1904 г.).

[Вернуться](#)

1093

Циркулярами от 3 (16) февраля 1904 г. (№ 1141 и 1142) начальник Главного управления по делам печати МВД известил губернаторов и местные цензурные комитеты о состоявшемся «высочайшем повелении» на время военных действий все материалы повременных изданий, касающиеся русской армии и флота, передавать на предварительное рассмотрение «компетентных военных органов» (Там же. Ф. 776 (Главное управление по делам печати). Оп. 34. Д. 17. Л. 434, 435).

[Вернуться](#)

1094

Военная энциклопедия. Т. 13. СПб.: т-во И.Д. Сытина, 1913. С. 201.

[Вернуться](#)

1095

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293. Л. 563—564 об. (Секретное письмо за начальника Генштаба генерал-лейтенанта П.А. Фролова начальнику штаба Маньчжурской армии генерал-лейтенанту В.В. Сахарову, С.-Петербург, 31 июля 1904 г. № 508).

[Вернуться](#)

1096

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. В.І. Nicolaevsky Collection. № 65. 14(2). С. 9 (Письмо Суворина Гартвигу, С.-Петербург, март 1904 г.).

[Вернуться](#)

1097

Ф.О. Р.С. 65/1679, 1. 10 (Конфиденциальное письмо Скотта Лансдоуну в Лондон, С.-Петербург, 3 марта 1904 г.).

[Вернуться](#)

1098

Письмо Спринг Райса в Форин офис, С.-Петербург, 15 (28) марта 1904 г. цит. по: *Soroka Marina. Britain, Russia and the Road to the First World War: The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff* (1903—16). Farnham, Surrey, England; Burlington, VT: Ashgate, © 2011. P. 77.

[Вернуться](#)

1099

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293. Л. 458—458 об. («Перечень сведений, касающихся военных действий и не подлежащих пропуску в печать»).

[Вернуться](#)

1100

Там же. Л. 79.

[Вернуться](#)

1101

Там же. Л. 329 (Записка Куропаткина начальнику своего штаба. 23 июня 1904 г.).

[Вернуться](#)

1102

Brooke, Earl. An Eye-witness in Manchuria. London, 1905. P. 309.

[Вернуться](#)

1103

Knightley Phillip. Op. cit. P. 46.

[Вернуться](#)

1104

The New York Times. 1904. February 11 (No. 16881).

[Вернуться](#)

1105

The China Gazette. 1904. June 24 (No. 3038).

[Вернуться](#)

1106

См., напр.: Peking and Tientsin Times. 1904. March 14.

[Вернуться](#)

1107

Интересно, что этот британский журналист, будучи в Нагасаки, в первые дни войны, в разгар массовых молебнов и патриотических манифестаций в России, изумил своих читателей сообщением, будто «в Москве толпа уважаемых граждан атаковала Кремль и разрушила его, а также много церквей». Этим, по ироничному замечанию «Нового времени», он вполне «обессмертил свое имя» (Новое время. 1904. 15 (28) февр. (№ 10039)). Убеждение Беннета в том, что «вскоре Япония превратится в доминирующую силу на Дальнем Востоке» (*Bennet Burleigh*. *Empire of the East, or Japan and Russia at War*, 1904—5. London, 1905. P. 435), не помешало ему одним из первых переметнуться на русскую сторону.

[Вернуться](#)

1108

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 93 (Секретная телеграмма Павлова в Главную квартиру в Мукден, Шанхай, 18 декабря 1904 г. № 818).

[Вернуться](#)

1109

Knightley Phillip. Op. cit. P. 65.

[Вернуться](#)

1110

Greener William O. Op. cit. P. 4.

[Вернуться](#)

1111

Pierson John D. Tokutomi Soho, 1863—1957: A Journalist for Modern Japan. Princeton: Princeton University Press, [1980]; *MacDermid Susan Cheryl*. Print Capitalism and the Russo-Japanese War: BA thesis. M.A. University of British Columbia, 1990. P. 77—78.

[Вернуться](#)

1112

The Japan Times. 1904. January 6 (No. 2056).

[Вернуться](#)

1113

См.: *Oka Yoshitake*. Prologue // The Emergence of Imperial Japan. Self-Defense or Calculated Aggression? / ed. by Marlene J. Mayo. Lexington, Mass., [1970]. P. 10; *Окамото С.* Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003. С. 60—62. Историк Й. Като – одна из

немногих, кто, ссылаясь на результаты последних предвоенных парламентских выборов, которые принесли победу партии Сейюкай (противнице увеличения военных расходов), пишет о желании рядовых японцев избежать войны со своим северным соседом (*Kato Yoko*. Japan Justifies War by the ‘Open Door’: 1903 as Turning Point // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 2. Leiden; Boston, 2007. P. 206—207).

[Вернуться](#)

1114

Valliant R.B. Op. cit. P. 431.

[Вернуться](#)

1115

Desmond R. Windows on the World. The Information Process in a Changing Society, 1900—1920. Iowa City: University of Iowa Press, © 1980. P. 22.

[Вернуться](#)

1116

Peking and Tientsin Times. 1904. March 22. (Перепечатка из “China Mail”).

[Вернуться](#)

1117

Griskom Lloyd C. Diplomatically Speaking [by] Lloyd C. Griskom. New York, 1940. P. 245—246, 249.

[Вернуться](#)

1118

Приамурские ведомости. 1904. 24 дек. (№ 730). (Перепечатка из “China Gazette”). Об этом же см.: *Bennet Burleigh*. Op. cit. P. 78—79, 114.

[Вернуться](#)

1119

Takahashi Sakuye. International Law Applied to the Russo-Japanese War: (With the Decisions of the Japanese Prize Courts. New York, 1908. P. 386.

[Вернуться](#)

1120

Valliant R.B. Op. cit. P. 431.

[Вернуться](#)

1121

«Это было то же, что стоять за забором и спрашивать у сидящего на нем, в чьих руках сейчас мяч», – комментировал такие порядки Ф. Палмер (*Palmer Frederick*. Op. cit. P. 221).

[Вернуться](#)

1122

Griskom Lloyd C. Op. cit. P. 249, 250.

[Вернуться](#)

1123

Полный текст этих Правил в своей книге воспроизвел Берлей Беннет: *Bennet Burleigh*. Op. cit. P. 80—82.

[Вернуться](#)

1124

Slavic Review. 2001. Vol. 1, no 60. P. 180.

[Вернуться](#)

1125

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293. Л. 456 (Письмо Бриндла Куропаткину, Инкоу, 20 апреля 1904 г.).

[Вернуться](#)

1126

Биограф Хаяси утверждал, что тот «первым из государственных деятелей Японии осознал и использовал силу *фудэ* (кисти для письма)»: The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi, G.C.V.O. / ed. by A.M. Pooley. New York; London, 1915. P. 11.

[Вернуться](#)

1127

Desmond R. W Op. cit. P. 22.

[Вернуться](#)

1128

Исключение не было сделано даже для старейшего (с 1897 г.) корреспондента в Пекине Джорджа Моррисона, давнего и убежденного сторонника Японии, единомышленника и соратника руководителя международного отдела “Times” Валентина Чирола.

[Вернуться](#)

1129

Очевидец, немецкий врач Эрвин Бэльц, сообщает, что они угрожали японским властям одновременно отправить в редакции своих газет просьбы о немедленном отзыве, ссылаясь на «бесполезность своего пребывания в Токио» (Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz / ed. by his son Toku Baelz. Bloomington: London: Indiana University Press, 1974. P. 290—291).

[Вернуться](#)

1130

Приамурские ведомости. 1904. 24 дек. (№ 730). (Перепечатка из “China Gazette”); РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293. Л. 572 (Телеграмма генерал-квартирмейстера полевого штаба наместника В.Е. Флуга генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего В.И. Харкевичу, 3 (16) сентября 1904 г. № 4844).

[Вернуться](#)

1131

Цит. по: Приамурские ведомости. 1904. 3 сент. (№ 682).

[Вернуться](#)

1132

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293. Л. 547—547 об. (Телеграмма полковника Огородникова генералу В.И. Харкевичу, Тяньцзин, 12 (25) августа 1904 г.); Ф. 447. Оп. 1. Д. 80. Л. 92 (Телеграмма Огородникова в штабы наместника, главнокомандующего и в Главный штаб, Тяньцзин, 17 (30) августа 1904 г.).

[Вернуться](#)

1133

РГА ВМФ. Ф. 32 (Е.И. Алексеев). Оп. 1. Д. 256. Л. 2—2 об., 3 (Телеграмма наместника министру иностранных дел. 17/30 июля

1904 г. и ответ графа Ламздорфа адмиралу Алексееву от 18/31 июля 1904 г.).

[Вернуться](#)

1134

The Japan Times. 1904. July 26 (No. 2226).

[Вернуться](#)

1135

Ibid. March 8 (No. 2108).

[Вернуться](#)

1136

Подробнее об этом см.: *Павлов Д.* : 1) Китай, 1904—1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние // *Acta Slavica Iaponica*. 2005. Т. 22. Р. 56—58 ; 2) «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904—1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством?: (по материалам мировой печати) // Ibid. 2009. Т. 26. Р. 69—78.

[Вернуться](#)

1137

Цит. по: Русь. 1904. 9 (22) дек. (№ 359).

[Вернуться](#)

1138

Berton Peter. Russo-Japanese Relations, 1905—1917: From Enemies to Allies. London; New York, 2012. P. 14, 18, 102.

[Вернуться](#)

1139

Новое время. 1904. 31 дек. / 1905. 13 янв. (№ 10359). (Перепечатка из пекинской «китайско-японской» газеты “Shun’-Tian’-Shi-Pao” от 19 и 22 ноября 1904 г.).

[Вернуться](#)

1140

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 292—292 об. (Секретная телеграмма Лессара в МИД, Пекин, 29 ноября (12 декабря) 1904 г.).

[Вернуться](#)

1141

Там же. Д. 60. Л. 9.

[Вернуться](#)

1142

Там же. Л. 162 (Секретная телеграмма Ламздорфа Лессару в Пекин, С.-Петербург, 26 сентября 1904 г.). Лессар в ответ сообщил, что, по его данным, «правильной японской организации для возбуждения волнений нет» и дело пока ограничивается распространением японских прокламаций об «окончательном поражении русской армии» (Там же. Д. 61. Л. 22 (Секретная телеграмма Лессара в МИД, Пекин, 1 (14 октября) 1904 г.)).

[Вернуться](#)

1143

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6998. Л. 10 об. (Рапорт Дессино в Главный штаб, Шанхай, 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) № 135).

[Вернуться](#)

1144

Schmid A. Op. cit. P. 92.

[Вернуться](#)

1145

Цит. по: *McKenzie F.A.* The Tragedy of Korea. London, 1908. P. 215.

[Вернуться](#)

1146

Shimazu Naoko. Op. cit. P. 366; *Журавлева В.И.* Образ русской революции в американской политической карикатуристике // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность: материалы между-нар. конф. М., 2007. С. 159.

[Вернуться](#)

1147

Tupper E., McReynolds G. Japan in American Public Opinion. New York, 1937. P. 6—7.

[Вернуться](#)

1148

Greener William O. A Secret Agent in Port Arthur. London, 1905. P. 246—247.

[Вернуться](#)

1149

Wasuke J. Introduction // The Russo-Japanese War. [Tokyo], 1904—1905. No. 1—10.

[Вернуться](#)

1150

The Japan Times. 1904. June 23 (No. 2198). (Перепечатка из “Daily Mail”).

[Вернуться](#)

1151

Цит. по: Ibid. August 7 (No. 2237).

[Вернуться](#)

1152

The New York Times. 1904. December 17 (No. 16886); The Japan Times. 1904. March 16 (No. 2113). (Перепечатка из “Tagliche Rundschau”).

[Вернуться](#)

1153

North China Herald. 1904. March 5/18.

[Вернуться](#)

1154

The Japan Times. 1904. June 5 (No. 2183); July 19 (No. 2220).

[Вернуться](#)

1155

Ibid. April 13 (No. 2137).

[Вернуться](#)

1156

Ibid. August 6 (No. 2236). (Перепечатка из “Asahi”). По данным специалиста по военно-морской истории сэра Джулиана Корбетта, за весь период войны японский военный флот захватил или потопил 61 торговое судно, включая не только русские, но норвежские, шведские, китайские, французские, германские и даже британские и американские пароходы, а русский – 58, 22 из которых были японскими. Подсчитано нами по: *Corbett Julian S. Maritime Operations in the Russo-Japanese War, 1904—1905. Vol. 2. Annapolis, 1994. P. 431—442.*

[Вернуться](#)

1157

Одно из сообщений прессы о таком подрыве Лессар в секретной депеше в МИД прокомментировал следующим образом: «О таковых (русских минах. – Д.П.) слухи постоянно идут из столь заведомо ложных источников, как американские и японские газеты. В действительности, джонку, вероятно, потопило японское военное судно. В последнее время это часто делается, причем топят с экипажем и пассажирами, чтобы не было свидетелей, объясняя исчезновение судов русскими плавучими минами» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 59. Л. 199—199 об. (Шифрованная телеграмма Лессара в МИД, Пекин, 22 августа (4 сентября) 1904 г.)).

[Вернуться](#)

1158

Николай Японский. Дневники Святого Николая Японского / сост. Накамура Кэнносукэ. Т. 5. СПб., 2004. С. 110 (запись от 30 июня (13 июля) 1904 г.).

[Вернуться](#)

1159

The Japan Times. 1904. August 10 (No. 2239).

[Вернуться](#)

1160

Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz. P. 329.

[Вернуться](#)

1161

MacDermid Susan Ch. Op. cit. P. 79, 83, 138.

[Вернуться](#)

1162

Ibid. P. 92.

[Вернуться](#)

1163

Bennet Burleigh. Op. cit. P. 68.

[Вернуться](#)

1164

РГВИА. Ф. 869. Оп. 16. Д. 29304. Л. 69—69 об., 437—437 об.
(Переводы статей газет “Tun-Van-Hu-Pao” и “North China Daily News”).

[Вернуться](#)

1165

См., напр.: North China Herald. 1904. May 27 (No. 1920).

[Вернуться](#)

1166

Одна из таких листовок, расклеенных в Гирине в июне 1905 г., начавшись констатацией «мы глубоко ненавидим русских», далее сообщала, что Россия, издавна «придерживаясь политики поглощения чужих земель», ныне стремится «окончательно поглотить Китай и пожрать, подобно морскому чудовищу, его население ... Русские войска жгут и грабят в наших деревнях без малейшей пощады, насилуют и оскорбляют». Япония же – «дружественное нам государство; она честна и справедлива. Япония ...двинула под своими знаменами воинов победоносно наказать русских за их преступления. Из этого видно, что действия японцев направлены к пользе Китая, к устранению его большой печали и к отмщению за попрание его народа ... В японской армии существует строгая дисциплина; там не делают ни малейшего проступка по отношению к [китайским] жителям»: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 26663. Л. 1—1 об. (Перевод с китайского языка текста листовки, распространявшейся в Гирине в середине июня 1905 г.).

[Вернуться](#)

1167

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 272—272 об. (Секретная телеграмма Лессара в МИД, Пекин, 25 ноября (8 декабря) 1904 г.).

[Вернуться](#)

1168

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 26663. Л. 4 (Перевод на русский язык рукописной прокламации, снятой в городе Чжендзятунь округа Ляоюань провинции Мукден утром 7 августа 1905 г.).

[Вернуться](#)

1169

Русская жительница Тяньцзиня ситуацию в местной прессе описала следующим образом: «Из местных газет (их три) усердствует в распространении небылиц относительно нас “The China Times”, иные номера которой наполовину заполнены полуфантастическими сведениями о русско-японском конфликте и рассуждениями по этому поводу. Два казака повздорили с лавочником-китайцем ... и в результате громадная статья в хронике под тройным заголовком, один из которых читается так: “Терроризация русскими солдатами Takuroad” (столкновение произошло на улице этого наименования), и еще несколько статей по этому поводу, одна из них передовая. ... Казачья сотня, стоявшая здесь, ушла в Фынхуанчен (в Маньчжурии), оставив только один взвод. И этот уход вызвал несколько статей под громкими заголовками вроде: “Русские войска покидают Китай”» (Новое время. 1904. 12 (25) февр. (№ 10036)).

[Вернуться](#)

1170

The Japan Times. 1904. July 27 (No. 2227).

[Вернуться](#)

1171

The War in the Far East, 1904—1905 / [by the military correspondent of “The Times”]. [London], 1905. P. 7—8; *Greener William O.* Op. cit. P. 38.

[Вернуться](#)

1172

«В прочитанных мною сотнях статей разных газет о войне я ни разу не обнаружила слова “макаки”», – констатирует Л. Макрейнольдс (*McReynolds Louise*. Op. cit. P. 193 (note).

[Вернуться](#)

1173

Новое время. 1905. 15 (28) янв. (№ 10367).

[Вернуться](#)

1174

ГА РФ. Ф. 818 (Г.А. Плансон). Оп. 1. Д. 68. Л. 7 (Доклад Плансона наместнику Алексееву, б/д, около 1903 г.).

[Вернуться](#)

1175

Зарубежные миссии в этой связи получили указание Петербурга избегать суждений относительно будущего образа действий России на Дальнем Востоке. См.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века: (от русско-французского союза до Октябрьской революции) / под ред. В.А. Емеца, А.В. Игнатьева и др. М., 1997. С. 164, 171.

[Вернуться](#)

1176

По наблюдению литературоведа Барбары Хелдт, в русской изящной словесности тех лет японцы изображались «со смесью уважения, враждебности и восхищения», причем этот стереотип сохранялся и впоследствии (*Heldt Barbara*. “Japanese” in Russian Literature:

Transforming Identities // The Walls Within: Images of Westerners in Japan and Images of the Japanese Abroad. Vancouver, 1989. P. 247, 252).

[Вернуться](#)

1177

На этот циркуляр в своем вышеупомянутом письме Гартвигу ссылался Суворин. В бумагах Главного управления по делам печати МВД нам его обнаружить не удалось.

[Вернуться](#)

1178

См.: The Fortnightly Review. 1904. March. P. 419 (Интервью Ухтомского газете «Frankfurter Zeitung», данное в феврале 1904 г.). Подробнее о проблеме «желтой угрозы» в русской публицистике см.: *Сунь Чжинцин. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке.* М., 2008.

[Вернуться](#)

1179

MacKenzie John M. Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880—1960. Manchester, U.K., Dover, N.H., U.S.A.: Manchester University Press, © 1984.

[Вернуться](#)

1180

Цит. по: *Седых В.А.* Указ. соч. С. 340.

[Вернуться](#)

1181

Новое время. 1904. 17 (30) марта (№ 10070).

[Вернуться](#)

1182

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2985. Л. 25.

[Вернуться](#)

1183

Там же. Л. 23 а.

[Вернуться](#)

1184

Там же.

[Вернуться](#)

1185

Там же. Д. 1424. Л. 95.

[Вернуться](#)

1186

Там же. Д. 57. Л. 160—160 об. (Секретная телеграмма Плансона Павлову в Шанхай, Мукден, 29 июня 1904 г.).

[Вернуться](#)

1187

Этот тезис не вполне соответствовал действительности. В конфиденциальном письме министру иностранных дел Ламздорфу

министр финансов Коковцов признавал «чрезвычайное напряжение всех сил и средств России, вызванное происходящими на Дальнем Востоке событиями»: Там же. Д. 63. Л. 189.

[Вернуться](#)

1188

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 61 об. (Секретное донесение Давыдова министру Коковцову в Петербург, Пекин, 2 (15) сентября 1904 г. № 12/356).

[Вернуться](#)

1189

Так, публикация «Écho de Chine» репортажа своего «петербургского корреспондента» о сверхпочетной (якобы с коленопреклонением) встрече жителями русской столицы японских военнопленных стала поводом для резкого сокращения ее субсидирования «шанхайской агентурой».

[Вернуться](#)

1190

В воспоминаниях иностранных журналистов, очевидцев военных событий, можно встретить упоминания о воззваниях на китайском языке, которые в начале войны распространялись в Маньчжурии от лица русского наместника. По сообщению Берлея Беннета, одна из таких прокламаций «в грубой форме» и под угрозой «неизбежной кары» призывала китайцев «довериться России, остерегаться японцев и помогать царю и его подданным» (*Bennet Burleigh. Op. cit. P. 127*). Поскольку в российских источниках нам не встретилось каких-либо упоминаний на этот счет, рискнем предположить, что к наместнику Алексееву подобные листовки отношения не имели.

[Вернуться](#)

1191

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 59. Л. 153 (Секретная телеграмма Лессара в МИД, Пекин, 16 (29) августа 1904 г.).

[Вернуться](#)

1192

В рапорте об инциденте главнокомандующий японским ВМФ адмирал Х. Того утверждал, будто русский миноносец грузил уголь и, следовательно, готовился к отплытию; здесь же говорилось о потерях японцев при захвате русского судна (1 убитый матрос и 14 раненых). Мотив о русском миноносце как «агрессоре» прозвучал и в официальном заявлении японского МИД от 20 августа 1904 г. См.: The Times. 1904. August 22 (No. 37479); The Japan Times. 1904. August 23 (No. 2250).

[Вернуться](#)

1193

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 60. Л. 119 (Секретная телеграмма Лессара в МИД, Пекин, 16 (29) сентября 1904 г.).

[Вернуться](#)

1194

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 311. Л. 58—60 (Копия донесения Давыдова главнокомандующему Куропаткину, Пекин, 10 (23) декабря 1904 г. № 1171).

[Вернуться](#)

1195

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 226. Л. 19—20 об. (Письмо посланника в Бельгии Н.Н. Гирса в МИД. Брюссель, 15 (28) октября 1904 г. № 757).

[Вернуться](#)

1196

Журавлева В.И. Уартон Баркер – «адвокат» России, или как сформировать общественное мнение в США // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. IV / под ред. А.В. Голубева. М., 2007. С. 330—331.

[Вернуться](#)

1197

РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 256. Л. 7 (Телеграмма наместника Алексеева Павлову в Шанхай, Харбин, 14 октября 1904 г.).

[Вернуться](#)

1198

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2985. Л. 28 (Секретная телеграмма Павлова графу Кассини в Вашингтон, Шанхай, 23 октября 1904 г.); РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 288. Л. 108 (Секретная телеграмма Давыдова министру Коковцову, Пекин, 13 (26) ноября 1904 г. № 196).

[Вернуться](#)

1199

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2985. Л. 11—18 (Вырезки из американских газет).

[Вернуться](#)

1200

Цит. по: Русский вестник. 1904. Дек. (№ 12). С. 843.

[Вернуться](#)

1201

Цит. по: Там же. Июль (№ 7). С. 456.

[Вернуться](#)

1202

Цит. по: Новое время. 1904. 14 (27) авг. (№ 10220).

[Вернуться](#)

1203

Цит. по: The New York Times. 1904. September 7 (No. 17060); The Japan Times. 1904. September 14 (No.) 2269.

[Вернуться](#)

1204

Awakening Japan: the Diary of a German Doctor: Erwin Baelz. P. 300, 311, 328.

[Вернуться](#)

1205

Eltzbacher Otto. The Balance of Power in Europe // The Nineteenth Century and After. Vol. LVII. 1905, May. P. 793.

[Вернуться](#)

1206

Bennet Burleigh. Op. cit. P. 455.

[Вернуться](#)

1207

Цит. по: Русский вестник. 1904. Дек. (№ 12). С. 843.

[Вернуться](#)

1208

Цит. по: Там же. С. 823—824.

[Вернуться](#)

1209

Tupper E., McReynolds G. Op. cit. P. 10, 21—22.

[Вернуться](#)

1210

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 226. Л. 123 об.—124 (Письмо графа Кассини в МИД, Вашингтон, 9 (22) марта 1905 г. № 17).

[Вернуться](#)

1211

Цит. по: The Japan Times. 1904. December 23 (No 2351).

[Вернуться](#)

1212

Ibid. November 29 (No 2330).

[Вернуться](#)

1213

Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894—1895: Perceptions, Powers and Primacy. New York: Cambridge University Press, 2003. P. 308. Впрочем, здравомыслящие зарубежные историки признают, что в моральном плане русская дипломатия «была не хуже, но и не лучше западной»: *Vernadsky G.* Foreword // *Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective* / Ed. by Ivo J. Lederer. New Haven; London: Yale University Press, 1962. P. VIII.

[Вернуться](#)

1214

Auslin Michael. Japanese Strategy, Geopolitics and the Origins of the War, 1792—1895 // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1.* Leiden; Boston, 2005. P. 21.

[Вернуться](#)

1215

См.: *Said Edward W.* Culture and Imperialism. New York, 1994.

[Вернуться](#)

1216

В 1930-е годы эти взгляды активно пропагандировал Хонда Куматаро, в период русско-японской войны личный секретарь министра иностранных дел Дз. Ко-мура. Подробнее о его деятельности см.: *Chiba Isao.* Shifting Contours of Memory and History, 1904—1980 // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 2.* Leiden; Boston, 2007. P. 365—368.

[Вернуться](#)

1217

Цит. по: *Dickinson Frederick R. Commemorating the War in Post-Versailles Japan // Ibid. Vol. 1. Leiden; Boston, 2005. P. 523.*

[Вернуться](#)

1218

Ито Юкио. Конституционное государство в Японии и русско-японская война: внешняя и внутренняя политика, 1898—1905. Токио, 2000. (На яп. яз.) (Цит. по рецензии Я. Шулатова в: Русский сборник: исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 323—324, 327). Той же точки зрения придерживается профессор Токийского университета Й. Като (См.: *Kato Yoko. Japan Justifies War by the “Open Door”: 1903 as Turning Point // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 2. Leiden; Boston, 2007. P. 210—211).*

[Вернуться](#)

1219

Goldfrank David. *Crimea Redux? On the Origins of the War* // *Ibid.* Vol. 1. Leiden, Boston, 2005. P. 88.

[Вернуться](#)

1220

Takahashi Sakuye. *International Law Applied to the Russo-Japanese War: With the Decisions of the Japanese Prize Courts*. New York, 1908. P. V.

[Вернуться](#)

1221

Цит. по: *MacDermid Susan Ch*. *Print Capitalism and the Russo-Japanese War*: BA thesis. M.A. University of British Columbia, 1990. P. 91.

[Вернуться](#)

1222

Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. ed. London; New York, 1991. P. 113—114.

[Вернуться](#)

1223

MacDermid Susan Ch. *Op. cit.* P. 99—100, 150.

[Вернуться](#)

1224

В этой связи Я. Ниш, составитель уже не раз упомянутого 8-томного документального издания, посвященного войне 1904—1905 гг., в предисловии к тому, в который вошли военные корреспонденции “Times”, откровенно пишет: «Каждый в британской журналистике, от первого до последнего человека, в чью обязанность входило комментировать эти великие события, был обязан держать перед глазами условия англо-японского договора 1902 г. и не писать ничего, что могло бы прямо или косвенно послужить на пользу России или нанести ущерб интересам Японии» (The Russo-Japanese War, 1904—5: A Collection of 8 vols. / Compiled & introduced by Ian Nish. Vol. 5: The Military Correspondent of the “Times”. Folkestone: Global Oriental, 2003. P. X. (Preface)). Несмотря на эту оговорку, составитель осознанно исключил из своей публикации наиболее одиозные выступления и лживые сообщения британского официоза, вероятно, понимая, что в противном случае в глазах исследователей русско-японского конфликта его труд будет катастрофически обесценен.

[Вернуться](#)

1225

Подробнее о взглядах и публикациях русских националистов на этот счет см.: *Ларюэль М.* «Желтая опасность» в работах русских националистов начала века // Русско-японская война 1904—1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 579—591.

[Вернуться](#)

1226

Мацумура Масаёси. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904—1905 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 4. С. 64.

[Вернуться](#)

1227

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 356.

[Вернуться](#)

1228

Этот термин можно отнести к разряду «всем знакомого незнакомца», поскольку его общепринятого научного определения пока нет. «Споры о критериях отнесения того или иного государства в эту рубрику стары, как мир», – замечает современный отечественный специалист, но тут же верно добавляет, что признание страны великой державой другими государствами «всегда зависело от ее мощи, масштаба интересов и эффективности осуществления внешней функции, от общего состояния отношений с внешним миром» (*Сетов Р.А.* Рец. на: Мир вокруг России, 2017. Контуры недалекого будущего / отв. ред. С.А. Караганов. М., 2007 // Русский сборник: исследования по истории России. Т. V. М., 2008. С. 416). Потеряв этот статус по итогам Второй мировой войны, в последней трети XX столетия Япония смогла вернуть его, благодаря успехам в социально-экономическом развитии.

[Вернуться](#)

1229

См., напр.: *Sergeev E. Yu.* Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904—05: Secret Operations on Land and at Sea. London; New York, 2007. P. 303.

[Вернуться](#)

1230

Rr. P. 83 (Ch. Inaba).

[Вернуться](#)

1231

Rr. P. 63 (Донесение посла Макино министру Комура в Токио, Вена, март 1905 г. № 75).

[Вернуться](#)

1232

См.: The Japan Times. 1904. May 10 (No. 2160). P. 4 (Полный текст манифеста ЦК РСДРП к российскому пролетариату по поводу войны в переводе на английский язык. Перепечатка из “Times”).

[Вернуться](#)

1233

РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3442. Л. 2 об.

[Вернуться](#)

1234

Kujala Antti. The Japanese General Staff and the Issue of Concerted Anti-Government Action in the Russian Empire, 1904—5 // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1. Leiden; Boston, 2005. P. 277.

[Вернуться](#)

1235

Rr. P. 82 (Ch. Inaba).

[Вернуться](#)

1236

Kujala Antti. Op. cit. P. 263.

[Вернуться](#)

1237

АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2979. Л. 96 (Донесение Бологовского Павлову в Шанхай, Гонконг, 31 августа (13 сентября) 1904 г.).

[Вернуться](#)

1238

РГА ВМФ. Ф. 418 (Морской Генеральный Штаб). Оп. 1. Д. 4487. Л. 15, 17 (Справки Морского Генерального Штаба о Японии, 1910—1917 гг.).

[Вернуться](#)

1239

РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 311. Л. 59 (Копия донесения Давыдова Куропаткину, Пекин, 10 (23) декабря 1904 г. № 1171).

[Вернуться](#)

1240

Rieber Alfred J. Persistent Factors in Russian Foreign Policy: an interpretive essay // *Imperial Russian Foreign Policy* / ed. a. transl. Hugh Ragsdale. [Washington, D.C.]; Cambridge; New York: Woodrow Wilson Center Press: Cambridge University Press, 1993. P. 343.

[Вернуться](#)

1241

Mackie Vera. Picturing Political Space in 1920^s and 1930^s Japan // *Nation and Nationalism in Japan* / ed. by Sandra Wilson. London; New York: RoutledgeCurzon, 2002. P. 40.

[Вернуться](#)

1242

Miller Edward S. Japan's Other Victory: Overseas Financing of the Russo-Japanese War // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1.* Leiden; Boston, 2005. P. 474.

[Вернуться](#)

1243

Фёрстер С. Тотальная война: концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861—1945 гг. // *Опыт мировых войн в истории России.* Челябинск, 2007. С. 17.

[Вернуться](#)

1244

Подробнее об этом см.: *Verbitsky S., Hasegawa Ts., Rozman G.* Misperceptions Between Japan and Russia. Pittsburgh, PA, 2000. P. 5. (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; October 2000); *Разумовский И.А.* Особенности формирования образа России в Японии // *Восток – Запад, 2007—2008: ист.-лит. альманах / под ред. В.С. Мясникова.* М., 2008. С. 219.

[Вернуться](#)

1245

McDonald David. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900—1914. Cambridge, Mass. London, 1992. P. 5.

[Вернуться](#)

1246

Hughes Michael. Diplomacy Before the Russian Revolution: Britain, Russia, and the Old Diplomacy, 1894—1917. Houndmills, Basingstoke,

Hampshire: McMillan Press; New York: St Martin's Press, 2000; *Taranovski Theodore*. Institutions, Political Culture, and Foreign Policy in Late Imperial Russia // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов = Kazan, Moscow, St.-Petersburg. Multiple Faces of the Russian Empire / [под ред. Б. Гаспарова, Е. Евтуховой, М. Фон Хагена]. М., 1997. Р. 64—65.

[Вернуться](#)

1247

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 99. Т. 2. Л. 419 (Секретная телеграмма МИД послу в Вашингтоне Б.А. Бахметьеву, Петроград, 3 (16) августа 1917 г. № 4102).

[Вернуться](#)

1248

Ухтомский Э., князь. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904. С. 12.

[Вернуться](#)

1249

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 29090. Л. 160 об.

[Вернуться](#)

1250

АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 226. Л. 373 об.—374 (Перевод донесений бельгийского посольства в Пекине. Дешеша от 16 октября 1905 г.).

[Вернуться](#)

1251

Wang Y.C. Chinese Intellectuals and the West, 1872—1949. Chapel Hill: University of North Carolina Press, [1966]. P. 227—229; *Whiting Allen S.* China Eyes Japan. Berkeley: University of California Press, © 1989. P. 31—32.

[Вернуться](#)

1252

Подробнее см.: *Marks Steven.* ‘Bravo, Brave Tiger of the East!’: The War and the Rise of Nationalism in British Egypt and India // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. Vol. 1.* Leiden; Boston, 2005. P. 612—613.

[Вернуться](#)

1253

Tupper E., McReynolds G. Japan in American Public Opinion. New York, 1937. P. 16—17.

[Вернуться](#)

1254

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6998. Л. 20 (Секретный рапорт Дессино в Главный штаб, Шанхай, 26 марта 1906 г. № 361).

[Вернуться](#)

1255

McKenzie F.A. The Tragedy of Korea. London, 1908.

[Вернуться](#)

1256

АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 95. Л. 61 (Секретная телеграмма В.Н. Крупенского в МИД, Токио, 25 сентября 1917 г. № 65).

[Вернуться](#)

1257

Lippmann Walter. Public Opinion. New York, 1954. P. 68.

[Вернуться](#)

1258

Заголовки даны публикатором, исключения особо оговариваются.

[Вернуться](#)

1259

Л е с с а р П.М. (1851—1905) – тайный советник, с 1901 г. российский посланник в Пекине.

[Вернуться](#)

1260

Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, в переписке российских чиновников даты даются по старому стилю.

[Вернуться](#)

1261

Действительно, в российском МИД знали, по крайней мере, один из японских дипломатических кодов и расшифровывали телеграфные депеши, которыми обменивался посол Курино со своим министром бароном Комура. Однако накануне русско-японской войны и в первые ее месяцы перехват этой корреспонденции и ее дешифровка были осложнены рядом обстоятельств. Во-первых, в декабре 1903 –

феврале 1904 г. Япония трижды меняла свой дипломатический код. Во-вторых, с началом войны телеграфная линия между Россией и Японией была перекрыта, и депеши из Токио Курино стал получать кружным путем – главным образом через Лондон. С отъездом японского представительства из России в начале февраля 1904 г. эта переписка вообще прекратилась и перехват японской дипломатической корреспонденции был перенесен за границу. Несмотря на все это, в апреле 1904 г. российский МИД еще мог с удовлетворением констатировать, что «все японские депеши, поступившие в распоряжение министерства ... разбираются без затруднений»: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 96. Л. 90 (Письмо В.Н. Ламздорфа послу во Франции А.И. Нелидову, 11 апреля 1904 г. № 1380).

[Вернуться](#)

1262

Содержание (ф р а н ц.).

[Вернуться](#)

1263

Текст шифрованной телеграммы К.Н. Дессино в Главный штаб от 22 мая 1904 г. № 501, на которую в данном случае ссылается А.И. Павлов, см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 27262. Л. 288.

[Вернуться](#)

1264

Информация о поездке этой группы японских офицеров в Константинополь впоследствии не подтвердилась.

[Вернуться](#)

1265

Ф р е д е р и к с е н (Frederiksen) – датский профессор и общественный деятель, безуспешно пытавшийся сыграть роль посредника между царским правительством и финской оппозицией.

[Вернуться](#)

1266

Б о б р и к о в Н.И. (1839—1904) – с 1898 г. Финляндский генерал-губернатор, сторонник и активный проводник русификаторской политики в Финляндии, крайне непопулярный среди финского населения. В июне 1904 г. убит финном Е. Шауманом.

[Вернуться](#)

1267

М е х е л и н Л. (Meshelin L.) (1839—1914) – финский ученый-государствовед, сенатор, один из лидеров финской умеренной оппозиции.

[Вернуться](#)

1268

М а л и н о в с к и й А. (Malinowski A.) – польский социалист.

[Вернуться](#)

1269

Посылка этого агента была вызвана сообщением А.И. Павлова из Шанхая от 1 июня 1904 г. См. док. № 8.

[Вернуться](#)

1270

С в е ч и н А.Н. (1859—1939) – камергер, ДСС, советник российского посольства в Турции.

[Вернуться](#)

1271

В о е в о д с к и й А.Л. (1867—1934) – коллежский советник, секретарь и драгоман российского Генерального консульства в Египте.

[Вернуться](#)

1272

Это и все последующие донесения российских послов в МИД были представлены Николаю II и помечены знаком их прочтения.

[Вернуться](#)

1273

Виго – порт в Испании.

[Вернуться](#)

1274

Порт г. Либавы (Лиепая).

[Вернуться](#)

1275

Предвидя эту просьбу Мануйлова, Лопухин обратился по этому поводу к российскому послу в Гааге К.В. Струве уже 15 октября.

[Вернуться](#)

1276

Макаров Н.А. – коллежский советник, в описываемое время заведующий Особым отделом Департамента полиции.

[Вернуться](#)

1277

Буюкдере (Бююкдере, Бюйюкдере) – дачная местность на Босфоре недалеко от Стамбула, летняя резиденция российского посольства в Турции.

[Вернуться](#)

1278

Т.е. тем же Тржецяком.

[Вернуться](#)

1279

Кромер Э. (Cromer E.) (1841—1917) – английский государственный деятель, лорд (с 1901 г.), в 1883—1907 гг. генеральный консул Великобритании в Египте; в условиях полуколониальной зависимости Египта от Англии – фактический глава египетского правительства.

[Вернуться](#)

1280

Пера (Бейоглу) – один из аристократических кварталов Стамбула, в котором в зимнее время располагались европейские дипломатические представительства.

[Вернуться](#)

1281

Илдыз (Ильдиз-Киоск, Йылдыз-Киоск) – дворец султана в Стамбуле.

[Вернуться](#)

1282

Имеется в виду «гулььский инцидент».

[Вернуться](#)

1283

Далее следует пересказ бесед Лопухина с президентом Франции и министром иностранных дел по вопросам укрепления франко-русского союза.

[Вернуться](#)

1284

Заголовок документа.

[Вернуться](#)

1285

В сентябре 1904 г. пароход «Турист» был задержан шведскими таможенниками в Гётеборге, и капитан, норвежец Олаф Сторм, на допросе дал откровенные показания о характере своей службы на русское правительство. Об этом происшествии Гартинг сообщил директору Департамента полиции в донесении от 6 (19) сентября.

[Вернуться](#)

1286

Так в тексте. Следует: крейсер «Дмитрий Донской».

[Вернуться](#)

1287

Донесение капитана Люткена см.: ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 11, ч. 2. Л. 166—167.

[Вернуться](#)

1288

Этой записки в деле нет. Согласно делопроизводственной помете, она была передана Департаментом полиции в Главный морской штаб в январе 1905 г.

[Вернуться](#)

1289

Л е р у а Ж. (Leroi J.) – французский гражданин, помощник М. Луара. Командированные в его распоряжение два агента – это черногорцы братья П. и И. Ратковичи.

[Вернуться](#)

1290

Д о б р о т в о р с к и й Л.Ф. – капитан 1-го ранга, командир крейсера «Дмитрий Донской» 9-го флотского экипажа Балтийского флота, в 1904 г. командир дополнительного отряда судов 2-й Тихоокеанской эскадры.

[Вернуться](#)

1291

В оригинале письмо воспроизведено по-французски.

[Вернуться](#)

1292

Х а я с и (Гаяши) Т а д а с у (Hayashi T.) (1850—1913) – посол Японии в России, Великобритании, впоследствии министр иностранных дел.

[Вернуться](#)

1293

В оригинале письмо воспроизведено по-французски.

[Вернуться](#)

1294

В оригинале записка воспроизведена по-немецки.

[Вернуться](#)

1295

Л е м т ю ж н и к о в П.Н. – ДСС, делопроизводитель III делопроизводства Департамента полиции.

[Вернуться](#)

1297

Эти и другие сведения военного характера, переданные Департаментом полиции в военное ведомство, за редким исключением были им отвергнуты, о чем Рачковский не преминул известить Мануйлова в ряде писем в сентябре – октябре 1905 г. (См.: ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 314. Д. 26. Л. 167—169 об.).

[Вернуться](#)

1298

В настоящее время их уже извлечено до 3 тысяч. – *Примеч. док.*

[Вернуться](#)

1299

Документ публикуется в извлечении. Опущены малозначимые подробности, рассуждения автора на общие темы (например, о масонстве как «величайшем политическом блоке в мире», угрожающем России), а также конкретные предложения по поводу сохранения секретного присутствия России в странах дальневосточного региона после русско-японской войны. Текст, данный публикатором в подстрочных комментариях, в оригинале составляет самостоятельное «Приложения». Японские и китайские имена собственные, а также географические названия воспроизведены по современной орфографии (вместо «Тсусима» – Цусима, «Манджурия» – Маньчжурия, «Тсуниоши» – Цуниоши и т.д.). Все шрифтовые выделения документа сохранены; явные опiski и опечатки исправлены без специальных оговорок. Документ не имеет подписи и даты. С высокой степенью вероятности можно предположить, что его автором был помощник А.И. Павлова по «шанхайской агентуре» чиновник российского Министерства финансов титулярный советник Л.В. фон Гойер, который, судя по содержанию документа, составил этот проект в конце 1905 г. или в начале 1906 г.

[Вернуться](#)

1300

Ямамото приходится свойственником Генерального консула Одагири через жену последнего, которая родом из дома Мицуи. На Одагири жаловались много влиятельных японцев за то, что он якобы более китаец в душе, нежели японец и за то, что он вследствие родственных связей с фирмой Мицуи давал ей одной все заказы на уголь и припасы

для японского флота в ущерб казне. Назначение Эйтаки консулом вместо Одагири частью вызвано этими жалобами. Директор Иокогама Спеце Банка Чоо также китайского происхождения и потому очень популярен в Шанхае.

[Вернуться](#)

1301

Деловая жизнь (а н г л.).

[Вернуться](#)

1302

Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, имеются в виду мексиканские доллары, имевшие широкое хождение в Китае. Номинально один мексиканский доллар был равноценен одному американскому, но по тогдашнему курсу составлял примерно его половину.

[Вернуться](#)

1303

В самый жгучий период ожидания эскадры Рождественского мы убедили редактора “China Gazette” приобрести небольшой газолиновый (с бензиновым двигателем. – Д.П.) мотобот, на котором он и встречал все входившие в гавань пароходы. Таким образом, мы первые имели известия от экипажа. Этот же *motorboat*, снуя по всем каналам и рекам, делал интересные наблюдения над японской деятельностью «на воде».

[Вернуться](#)

1304

Переход китайских коммерсантов и промышленников в японское подданство за последнее время весьма распространенное явление...

Несколько даотаев, собственников пароходов, представителей фирм перешли в японское подданство в течение русско-японской войны.

[Вернуться](#)

1305

Репутация шанхайского отделения Русско-Китайского банка в этом отношении была самая печальная. Для разъяснения сего достаточно упомянуть два факта:

1. Во главе отдела корреспонденции все время находилась крайне подозрительная личность – голландский еврей, «женатый» на японке, сведения о котором всех русских агентов сводились к тому, что он находится в сношениях с японским консульством. Несмотря на все старания агентов вызвать хотя бы перевод его на другое место, где бы вся переписка с Владивостоком, Хабаровском и Харбином в связи с поставками не проходила через его руки – им этого сделать не удалось, и личность осталась на этом месте до конца войны, когда еще получила от директоров прибавку жалованья.

2. Один из главных директоров банка довел цинизм до таких пределов, что во время войны поехал в Японию и привез с собой оттуда японского секретаря, который и жил при нем за все время пребывания его в Шанхае. Чтобы быть справедливым к иностранцам, надо сказать, что почти никто из соотечественников его не желает быть знакомым с ним. Это – один из директоров, недавно получивших повышение и прибавку жалованья.

К приведенным примерам можно было бы присовокупить ряд других.

[Вернуться](#)

1306

Имеется в виду некитайское население.

[Вернуться](#)

1307

Быть осведомленным (ф р а н ц.).

[Вернуться](#)

1308

*«От нашего собственного корреспондента» или «специально для»
(а н г л.).*

[Вернуться](#)

1309

*Автор несколько сгущает краски. В октябре 1904 г. А.И. Павлов, сообщая об ожидаемом отъезде из Шанхая американского консула, предложил МИД через посла в Вашингтоне воздействовать на Мельвиль Стон с тем, чтобы официальным корреспондентом *A s s o c i a t e d P r e s s* в Шанхае был назначен редактор субсидируемой Россией “*China Gazette*” О’Ши (O’Shea) вместо журналиста, «фактически руководимого американским и японским Генеральными консулами». Спустя месяц министерство известило Павлова, что президент *A s s o c i a t e d P r e s s* Мельвиль Стон согласился на такую замену (см.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 114—114 об.).*

[Вернуться](#)

1310

Пансион, меблированные комнаты (а н г л.).

[Вернуться](#)

1311

ДСС К.В. Клейменов и его секретарь Х.П. Кристи.

[Вернуться](#)

1312

Генерал-майор Генерального штаба К.Н. Дессино.

[Вернуться](#)

1313

Макаров С.О. (1848—1904) – вице-адмирал, с февраля по март 1904 г. командующий Тихоокеанской эскадрой. Погиб 31 марта 1904 г. на броненосце «Петропавловск», подорвавшись на японской мине.

[Вернуться](#)

1314

В связи с делом о попытках, совершенных русскими агентами на Востоке, доставлять грузы в П[орт]-Артур, – лишь в редких случаях увенчавшихся успехом, – необходимо выяснить один из наиболее наболевших вопросов, служивший темой многих, не вполне справедливых нареканий на помянутых агентов со стороны «артурцев», а именно вопрос об отправке в Артур пароходов, обладавших тихим ходом (не свыше 13 узлов), тогда как логика должна была бы подсказать, что лишь судно с большой скоростью имело шансы, миновав японскую сторожевую линию, прорваться в осажденную крепость. Военные и морские власти Артура неоднократно выражали после падения крепости свое недоумение по этому поводу. [...]

Однако явление это объясняется весьма просто. Во-первых, пароходов, делающих свыше 14 узлов, на всем Востоке не более десяти-двенадцати. Они всем известны, принадлежат весьма крупным фирмам и поставлены в большинстве случаев на пассажирские линии. Не только купить эти пароходы, известные всем наперечет, но только вступить в переговоры о приобретении их – значило бы привлечь внимание всего мореплавательного мира Дальнего Востока. Пароходов с меньшей скоростью, обслуживающих тихоокеанские порты, насчитывается несколько сот, из которых некоторые постоянно переходят из рук в руки, – и то покупка их подставными лицами для русского правительства представляла с точки зрения секретности такой сделки – огромные затруднения. Каков же был бы результат,

ежели бы речь зашла о приобретении одного из помянутых быстрых судов [?] Я утверждаю, что в случае покупки его ему не только не удалось бы дойти до Артура, но и отойти дальше ста миль от порта отправления, где оно было бы захвачено специально для сего откомандированным японским миноносцем хотя бы ввиду большой ценности, каковую такое быстроходное судно представляло для японского «вспомогательного» флота (*converted cruiser fleet*). Вторых, и без того приходилось платить огромные деньги за пароходы во время войны (от 100 до 300 000 лан за 15-ти—25-тилетние 11—13-узловые пароходы в 800—1600 тонн водоизместимости), что же было бы, если бы агент пожелал купить один из упомянутых 16-ти, 17-тиузловых пароходов, единственно имевших шансы прорваться, по мнению «артурских» властей [?] Разница в цене между 13-ти и 16-тиузловым пароходом чрезвычайно велика. Если первый стоил бы, скажем, 150 000 лан, то цена второму была бы 450 000, а шансов на успех, по-моему, как я указывал, меньше. В-третьих, первым условием поставок осенью, – а раньше не было ни требований из Артура, ни людей, ни кредитов в Шанхае – была скорость. Переговоры о покупке быстроходного судна неминуемо затянулись бы ввиду важности таковой сделки. В большинстве случаев пришлось бы «принять» его не в самом Шанхае, а где-нибудь в другой стране (Гонконге, Сингапуре, Рангуне), на что опять-таки потребовалось бы много времени. Приведу один пример. Генерал Дессино захотел купить 16-тиузловой пароход. Он должен был для этого отправить своего агента (г-на Варава) в Австралию. Покуда длилась поездка, велись переговоры и т.д., Артур успел пасть. Дессино телеграфно отказался от парохода. Г. Варава, уже сделавший *firm offer*, хотел порвать сделку и уехать – отсидел за это неделю в тюрьме, и дело кончилось процессом с австралийской компанией.

[Вернуться](#)

1315

“China Gazette” самый распространенный английский орган в Шанхае после официозного “North China Daily News”. Это отчасти побудило камергера А.И. Павлова заручиться ее содействием. Условия

контракта, заключенного посланником с редактором-издателем, вкратце таковы: за субсидию в размере 2000 [мексиканских] долларов в месяц до 1 января 1905 г., 3000 долларов в месяц до ратификации мирного договора с Японией и 2000 долларов полгода спустя газета обязалась защищать русские интересы, политические и торговые, на Дальнем Востоке. Газета инспирировалась, контролировалась и цензуровалась русскими агентами и являлась в полном смысле сего слова нашим «porte-parole» [рупором]. Результат нельзя не признать вполне удовлетворительным. Число абонементов газеты возросло. Статьи ее переводились во многих китайских газетах. Влияние ее на английские и китайские коммерческие классы сказалось хотя бы в тех антияпонских течениях, охвативших Восток за последнее время и приведших к вполне осязаемой реакции против той необузданной и непонятной «ниппонофилии», эпидемически распространившейся по всему свету.

Услуги “China Gazette”, кстати сказать, выразились еще в том, что мы пользовались ее типографией для перепечатания брошюр, статей, речей, большее распространение которых являлось для нас желательным. Так например, речь председателя Royal Chinese Society for Christian Knowledge [Китайского королевского общества христианского знания], указывавшая на опасность японской пропаганды, была перепечатана нами в количестве 3500 экземпляров и разослана во все парламенты, клубы, редакции, библиотеки, общества и т.д. почти всего мира. Также были разосланы нами 300 литографий со снимков с натуры, изображавших казнь трех корейцев, распятых и расстрелянных японцами под Сеулом. Этот способ пропаганды имел наибольший успех, судя по газетам, в Австралии, Калифорнии и Британской Колумбии, – т.е. как раз в местах, где больше всего японцев и где характерные особенности этой расы хорошо известны коренным жителям.

[Вернуться](#)

1316

«Син-ван-пао» самая распространенная китайская газета. Направление ее всегда отличалось некоторым «оппортунизмом», хотя с

прояпонским оттенком. Собственник ее, Шенг – директор китайских железных дорог, главным образом озабочен об извлечении из нее возможно большего дохода, предоставляя редакторам в остальном полную свободу действий. Газета читается на всем севере, в Шантунге и в долине Янцзы. Круг читателей – коммерсанты и чиновники. Расходится она в количестве от 15 до 17 000 экземпляров в день. Единственным серьезным соперником ее является прояпонская “Universal Gazette”, тираж которой доходит до 14—15 000 экземпляров. Читается она больше всего шанхайцами. Сознвая необходимость иметь крупный орган китайской печати с антияпонским направлением, мы направили все наши усилия к тому, чтобы заручиться содействием «Син-ван-пао». Только весной 1905 г., после многих месяцев осторожных переговоров нам удалось это сделать через посредство редактора “China Gazette”. Китайских редакторов убедили предоставить нам главные три страницы газеты для печатания наших статей за вознаграждение в 700 долларов за страницу в месяц (3 стр. = 2100 долларов). Причем программа наша заключалась в том, чтобы отнюдь не защищать русскую политику, а лишь обнаруживать истинные цели Японии по отношению к Корее, Маньчжурии и Китаю. Редакторы с свойственной всем китайцам способностью [к] применимости, быстро усвоили себе нашу программу и работали – конечно, под нашим контролем через переводчиков – весьма успешно в этом направлении. Многие другие китайские газеты постоянно перепечатывали наши статьи.

[Вернуться](#)

1317

Французский дальневосточный орган «Écho de Chine», напечатавший ряд сочувственных нам статей, в начале войны стал ходатайствовать о субсидии, каковая и была разрешена главному бухгалтеру ее – Lemiere’у в размере 500 долларов в месяц. Однако журнал упорно отказывался подчиниться нашему близкому контролю и наряду с этим часто помещал статьи и корреспонденции, далеко расходившиеся с нашей основной программой. Кроме того обнаружилось, что субсидией пользовался лично г-н Лемьер, а

собственники газеты-акционеры, таким образом, поддержки не получали. Вследствие сего было решено прекратить субсидию с 1 января 1905 г. и ограничиться 110-ю абонеменами на газету, которые действительно и рассылались по намеченным нами адресам. Наконец, с 1 января 1906 г. мы совершенно прекратили поддержку журнала, пришедшего в полнейший упадок...

[Вернуться](#)

1318

Н.А. Распопов (Л.Ф. Давыдов к тому времени был переведен в Пекин).

[Вернуться](#)